ЖЮЛЬ ВЕРН

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Таинственный остров

Жюль Габриэль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Таинственный остров
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI
ГЛАВА XVII
ГЛАВА XVIII
ГЛАВА XIX

ГЛАВА XX
ГЛАВА XXI
ГЛАВА XXII
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОКИНУТЫЙ
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI
ГЛАВА XVII
ГЛАВА XVIII
ГЛАВА XIX
ГЛАВА XX
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТАЙНА ОСТРОВА
ГЛАВА I

ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI
ГЛАВА XVII
ГЛАВА XVIII
ГЛАВА XIX
ГЛАВА XX

Аннотация

Во времена гражданской войны в США пятеро смельчаков-северян спасаются от плена на воздушном шаре. Страшная буря выбрасывает их на берег необитаемого острова. Отвага и таланты новых поселенцев острова помогают им обустроить свою жизнь, не испытывая нужды ни в еде, ни в одежде, ни в тепле и уюте. Мирное пребывание «робинзонов» на острове нарушает угроза нападения пиратов, но какая-то таинственная сила помогает им в самых сложных ситуациях.

В книге присутствуют 129 иллюстраций.

Жюль Верн
Таинственный остров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ

ГЛАВА I

Ураган 1865 года. — Крики в воздухе. — Смерч уносит воздушный шар. — Оболочка лопается. — Кругом вода. — Пять пассажиров. — Что происходит в корзине. — Земля на горизонте. — Развязка.

— Мы поднимаемся?

— Нет! Напротив! Мы опускаемся!

— Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!

— Выбросить балласт!

— Последний мешок только что опорожнен!

— Поднимается ли шар?

— Нет!

— Я как будто слышу плеск волн!

— Корзина — над водой!

— До моря не больше пятисот футов![1]

В воздухе раздался властный голос:

— Все тяжелое за борт! Все!..

Эти слова слышались над безбрежной пустыней Тихого океана 23 марта 1865 года, около четырех часов дня.

---

[1] Примечания: 1

Фут — около 30 сантиметров.

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в этом году во время равноденствия. Барометр упал до 710 миллиметров. Страшный норд-ост дул, не утихая, с 18 по 26 марта. Он произвел невиданные опустошения в Америке, Европе и Азии, на территории в тысячу восемьсот миль — между тридцать пятой параллелью северной широты до сороковой южной параллели.

Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошенные нахлынувшими горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разоренные смерчем, все сметавшим на своем пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощенных водой, — вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Он произвел больше опустошений, чем бури, уничтожившие Гавану и Гваделупу 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

В то самое время, когда на суше и на воде происходило столько ужасных бедствий, в воздухе разыгрывалась не менее страшная драма.

Аэростат, уносимый смерчем, вертелся в бешеном вихре, словно маленький шарик. Непрестанно крутясь в воздушном водовороте, он несся

вперед со скоростью девяноста миль[2] в час.

Под нижней частью шара качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми в густых, пропитанных водяной пылью облаках, нависших над самым океаном.

Откуда взялся этот шар — беспомощная игрушка страшной бури? В какой точке земли поднялся он на воздух? Он не мог, разумеется, пуститься в путь во время урагана. А ураган длился уже пятый день. Значит, шар примчался откуда-то издалека. Ведь в сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Во всяком случае, его пассажиры не имели возможности определить пройденное ими расстояние. Им не на что было ориентироваться. Это покажется удивительным, но они даже не чувствовали уносившего их страшного ветра. Перемещаясь и кружась в воздухе, они не ощущали вращения и движения вперед. Их взгляды не могли пронизать густого тумана, обволакивавшего корзину. Все вокруг было окутано облаками, такими плотными, что трудно было сказать, ночь ли сейчас или день. Ни луч света, ни шум населенного города, ни рев океана не достигали

---

[2] Примечания: 2
Или 166 километров (46 метров в секунду).

ушей воздухоплавателей, пока они держались на большой высоте. Лишь быстрый спуск открыл аэронавтам, какой опасности они подвергаются.

Воздушный шар, освободившись от тяжелых предметов — снаряжения, оружия и провизии — вновь поднялся в верхние слои атмосферы, достигнув высоты в четыре с половиной тысячи футов. Пассажиры его, услышав под собою плеск волн, решили, что наверху безопасней, чем внизу, и, не колеблясь, сбросили за борт даже самые необходимые вещи, всячески стараясь сберечь каждую частичку газа летательного снаряда, поддерживающего их над бездной.

Прошла ночь, полная тревог; она могла бы сломить людей, более слабых духом. И, когда снова настал день, ураган как будто начал стихать. С утра 24 марта появились признаки успокоения. На заре облака, уже более редкие, поднялись выше. Через несколько часов смерч совсем утих. Ветер из бурного сделался «очень свежим», и скорость перемещения воздушных потоков уменьшилась вдвое. Это все еще был «бриз на три рифа», как говорят моряки, но все-таки погода стала гораздо лучше. К одиннадцати часам нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Воздух был пропитан прозрачной сыро-

стью, которую чувствуешь и даже видишь после сильных бурь. Ураган, видимо, не распространился дальше на запад. Он как будто сам себя уничтожил. Может быть, после прохождения смерча он рассеялся в электрических разрядах, подобно тайфунам в Индийском океане. Но к этому времени стало заметно, что аэростат снова медленно и непрерывно опускается. Газ мало-помалу уходил, и оболочка шара удлинялась и растягивалась, приобретая яйцевидную форму.

Около полудня шар находился на высоте всего лишь двух тысяч футов над водой. Он имел объем пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости мог долго держаться в воздухе, либо поднимаясь вверх, либо перемещаясь в горизонтальном направлении.

Чтобы облегчить корзину, пассажиры ее выбросили за борт последние запасы провизии и даже мелкие вещи, находившиеся у них в карманах.

Один из воздухоплавателей, взобравшись на обруч, к которому были прикреплены концы сетки, старался, как можно крепче связать нижний выпускной клапан шара.

Становилось ясно, что шар больше нельзя удержать в верхних слоях воздуха. Газ уходил!

Итак, аэронавты должны были погибнуть…

Если бы они находились над материком или хотя бы над островом! Но вокруг не было видно ни клочка земли, ни одной мели, на которой можно было бы укрепить якорь.

Под ними расстилался безбрежный океан, где все еще бушевали огромные волны. На сорок миль в окружности не было видно границ водной пустыни, даже с высоты, на которой они находились. Беспощадно подстегиваемые ураганом, волны в какой-то дикой скачке неслись друг за другом, покрытые белыми гребешками. Ни полоски земли в виду, ни корабля… Итак, нужно было, во что бы то ни стало приостановить снижение, чтобы аэростат не упал в воду. Этой цели, по-видимому, и стремились достигнуть пассажиры корзины. Но, несмотря на все их усилия, шар непрерывно опускался, продолжая в то же время стремительно нестись по направлению ветра, — то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных воздухоплавателей было катастрофическое. Аэростат, очевидно, не подчинялся более их воле. Попытки замедлить его падение были обречены на неудачу. Оболочка шара все более и более опадала. Утечку газа нельзя было задержать никакими средствами. Шар опускался все быстрее и быстрей, и в час дня

между корзиной и водяной поверхностью оставалось не более шестисот футов. Водород свободно уходил в отверстие оболочки шара.

Освободив корзину от ее содержимого, воздухоплавателям удалось несколько продлить свое пребывание в воздухе. Но это означало лишь отсрочку неминуемой катастрофы. Если до наступления ночи земля не появится, пассажиры, аэростат и корзина навеки исчезнут в волнах океана.

Оставался один способ спасения, и воздухоплаватели воспользовались им. Это, видимо, были энергичные люди, умевшие смотреть смерти в лицо. Ни одной жалобы на судьбу не сорвалось с их губ. Они решили бороться до последней секунды, сделать все возможное, чтобы задержать падение аэростата. Его корзина представляла собой нечто вроде ящика из ивовых прутьев и была неспособна держаться на волнах. В случае падения она неминуемо должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился на высоте каких-нибудь четырехсот футов.

И в эту минуту раздался мужественный голос человека.

Ему отвечали не менее решительные голоса.

— Все ли выброшено?

— Нет. Остались еще деньги — десять тысяч франков золотом.

Тяжелый мешок тотчас же полетел в воду.

— Поднимается ли шар?

— Да, немного, но он сейчас же снова опустится!

— Можно еще что-нибудь выбросить?

— Ничего.

— Можно. Корзину! Уцепимся за веревки! В воду корзину!

В самом деле, это было последнее средство облегчить шар.

Канаты, прикрепляющие корзину к шару, были перерезаны, и аэростат поднялся на две тысячи футов. Пассажиры забрались в сеть, окружающую оболочку, и, держась за веревки, смотрели в бездну.

Известно, как чувствительны воздушные шары ко всякому изменению нагрузки. Достаточно выбросить из корзины самый легкий предмет, чтобы шар тотчас же переместился по вертикали. Аэростат, плавающий в воздухе, ведет себя с математической точностью. Понятно поэтому, что если облегчить его от значительной тяжести, он быстро и внезапно поднимется. Это и произошло в данном случае.

Но, покачавшись, некоторое время в верхних слоях воздуха, шар снова начал опускаться. Газ продолжал уходить в отверстие оболочки, которое невозможно было закрыть.

Воздухоплаватели сделали все, что было в их силах. Ничто уже не могло их спасти. Им оставалось рассчитывать только на чудо.

В четыре часа шар был на высоте всего лишь пятисот футов. Внезапно раздался звонкий лай.

Воздухоплавателям сопутствовала собака. Она вцепилась в петли сетки.

— Топ что-то увидел! — закричал один из аэронавтов.

И сейчас же другой громко крикнул:

— Земля! Земля!

Воздушный шар, который все время несся на юго-запад, покрыл с утра расстояние во много сотен миль, и на горизонте действительно появилась гористая полоса земли. Но до этой земли оставалось еще миль тридцать. Чтобы достигнуть ее, если шар не отнесет в сторону, нужно лететь, по крайней мере, час. Целый час!.. А вдруг шар в это время потеряет весь оставшийся в оболочке водород?

В этом был весь ужас положения. Воздухоплаватели ясно видели берег, которого надо достигнуть,

во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк; им не было даже известно, в какую часть света занесло их бурей. Но до этой земли, обитаема она или нет, гостеприимна или сурова, необходимо еще добраться!

Однако скоро стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он летел над самой водой. Высокие волны уже не раз захлестывали сетку, увеличивая этим ее тяжесть. Шар накренился набок, точно птица с подстреленным крылом. Полчаса спустя шар находился на расстоянии не больше мили от земли. Опустошенный, обвисший, растянутый, весь в крупных складках, он сохранил лишь немного газа в верхней части оболочки.

Пассажиры, цеплявшиеся за сетку, стали для него слишком тяжелы и вскоре, очутившись по пояс в воде, должны были бороться с бушующими волнами. Оболочка шара легла на воду и, раздувшись, как парус, поплыла вперед, подгоняемая ветром. Быть может, она достигнет берега!

До земли оставалось всего два кабельтовых[3], когда раздался страшный крик, вырвавшийся одновременно как бы из одной груди. В шар,

---

[3] Примечания: 3

Кабельтов — морская мера длины, равная почти 200 метрам.

которому, казалось, уже не суждено было подняться, ударила огромная волна, и он сделал неожиданный прыжок вверх. Словно еще более облегченный от груза, аэростат поднялся на тысячу пятьсот футов и, попав в боковой воздушный поток, полетел не прямо к земле, а почти параллельно ей… Две минуты спустя он приблизился к этой полоске суши и упал на песчаный берег. Волны не могли уже его достать. Пассажиры шара, помогая друг другу, с трудом высвободились из веревочной сети. Облегченный шар снова подхватило ветром, и он исчез вдали, словно раненая птица, к которой на мгновение вернулась жизнь.

В корзине были пять пассажиров и собака. А на берегу оказалось только четыре человека. Их пятого спутника, видимо, унесла волна, обрушившаяся на сетку шара. Это и позволило облегченному аэростату в последний раз подняться на воздух и несколько мгновений спустя достигнуть земли. Едва четверо потерпевших крушение — а их вполне можно так назвать — почувствовали под ногами твердую землю, как тотчас же закричали, думая об отсутствующем товарище:

— Быть может, он попытается достигнуть бере-

га вплавь! Спасем его! Спасем его!

ГЛАВА II

Эпизод из гражданской войны в Америке. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юноша Герберт. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отъезд в бурю.

Люди, выброшенные на берег, не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым при исключительных обстоятельствах удалось бежать. Сто раз они могли погибнуть. Сто раз их поврежденный воздушный шар мог оказаться с ними в море. Но их ждала необыкновенная судьба. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта[4], они находились теперь в семи тысячах миль от этого города, столицы штата

[4] Примечания: 4

Генерал Грант (1822–1885) был главнокомандующим армией Севера. Он командовал полками волонтеров состоявшими из рабочих и западных фермеров, решивших судьбу войны. После окончания Гражданской войны Грант был военным комиссаром республиканского правительства одного из пяти военных округов на Юге. В 1869–1877 годах Грант был выбран президентом.

Виргиния, главной крепости южан[5] во время страшной междоусобной войны. Они пробыли в воздухе пять дней. Побег этих пленников, побег, которому суждено было закончиться уже известной нам катастрофой, произошел при следующих любопытных обстоятельствах.

В феврале 1865 года, во время одной из смелых, но неудачных попыток генерала Гранта захватить Ричмонд, несколько его офицеров попали в руки неприятеля и оказались пленниками в городе. Одним из наиболее выдающихся среди них был инженер по имени Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, был и первоклассным ученым. Правительство Соединенных Штатов поручило ему во время войны управление железными дорогами.

Это был худой, костлявый и сухопарый человек, с коротко остриженными седеющими волосами и густыми усами. Ему было около сорока пяти лет. Его характерная голова со сверкающими глазами и редко улыбающимся ртом — голова ученого и практика — напоминала изображение

---

[5] Примечания: 5

Война Севера и Юга (отсюда — южане и северяне) — Гражданская война 1861–1965 годов в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война окончилась 26 мая 1865 года победой северян.

на древней медали или монете.

Сайрес Смит был одним из тех инженеров, которые в начале своей карьеры сами работали киркой или молотом, подобно генералам, начавшим военную службу рядовыми. Наряду с изобретательным умом он обладал и ловкими руками; мускулы его отличались редкой неутомимостью. Человек мысли и действия, он работал без напряжения, полный жизненной силы и неослабной настойчивости, не отступающей ни перед чем. Образованный, практичный, как говорится, «оборотистый», Сайрес Смит при любых обстоятельствах всегда владел собой.

Вдобавок ко всему, Сайрес Смит был храбр. В междоусобной войне он участвовал во всех битвах. Начав службу под начальством генерала Гранта, он сражался в числе волонтеров от штата Иллинойс при Падуке, Бельмонте, Питтсбург-Лэндинге, участвовал в осаде Коринфа, в битве при Порт-Гибсоне, при Блэк-Ривер, при Чаттануге, при Уилдернессе и в бою на реке Потомак. Он походил на своего генерала, который говорил: «Я никогда не считаю своих убитых».

Сотни раз мог бы Сайрес Смит оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант. Но, хотя он не щадил себя, судьба неизменно ему

покровительствовала — до того дня, когда он был ранен и взят в плен в битве под Ричмондом.

В один день и час с Сайресом Смитом попал в руки южан и другой северянин. Это был не кто иной, как достопочтенный Гедеон Спилет, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», которому было поручено сопутствовать Северной армии и давать сообщения о ходе войны. Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе английских и американских журналистов, которые ни перед чем не отступают, когда хотят получить точные сведения и в кратчайший срок сообщить их своей редакции. Этот человек отличался незаурядными достоинствами: решительный, энергичный, готовый ко всему, всегда находчивый, побывавший везде и всюду, солдат и художник одновременно. Он всегда мог дать хороший совет, не знал колебаний, не считался с опасностью, трудами и усталостью, когда предстояла возможность узнать что-нибудь новое — сначала для себя, а потом для своей газеты.

Неутомимый охотник за неизвестными, не опубликованными еще новостями, способный на невозможное, он был одним из тех неустрашимых наблюдателей, которые могут писать под градом пуль, набрасывая заметки среди рвущихся

снарядов. Всякая опасность была ему желанной.

Как и Сайрес Смит, Гедеон Спилет не пропустил ни одной битвы и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом — в другой. Карандаш ни разу не дрогнул в его пальцах. Он не загружал проводов телеграфа бесконечными депешами, как те, которые пишут и тогда, когда писать нечего, но каждое его сообщение, краткое, ясное, определенное, всегда освещало какой-нибудь важный вопрос. Не было чуждо ему и чувство юмора.

Гедеон Спилет тоже участвовал во всех боях, всегда был на передовых позициях с револьвером в одной руке, с записной книжкой в другой, и под градом картечи карандаш не дрожал в его руке.

Именно он, после боя у Блэк-Ривер, чтобы не потерять место у окошечка телеграфа и первым сообщить в свою газету результат сражения, два часа подряд диктовал телеграфисту первые главы Библии. Это обошлось «Нью-Йорк Геральд» в две тысячи долларов.

Гедеону Спилету было не больше сорока лет. Это был высокий мужчина со светлыми, чуть-чуть рыжеватыми бакенбардами и спокойными, живыми, все замечающими глазами. Эти глаза принадлежали человеку, привыкшему сразу схватывать все детали окружающего.

Крепко сколоченный, он закалился благодаря пребыванию во всех климатах, как закаляется клинок от холодной воды. Уже десять лет Гедеон Спилет был официальным корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» и занимал его столбцы не только сообщениями, но и рисунками, ибо он владел карандашом не хуже, чем пером.

Перед тем как его взяли в плен, он был занят описанием и зарисовками боя. Последняя запись в его блокноте гласила: «Один из южан

прицелился в меня и промахнулся». Как всегда, Гедеон Спилет вышел из этого «дела» без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет, которые знали друг друга только по слухам, были доставлены в Ричмонд. Инженер быстро оправился от раны. Выздоравливая, он познакомился со Спилетом, и оба научились ценить друг друга. Их связало желание убежать из плена, присоединиться к армии Гранта.

Смит и Спилет решили воспользоваться первым удобным случаем. Хотя им и было разрешено свободно ходить по городу, бегство казалось невозможным: Ричмонд охранялся слишком строго. Спустя некоторое время к Сайресу Смиту пробрался один из его слуг, преданный ему всей душой. Этот смельчак был негр, родившийся в поместье родных инженера; его мать и отец были рабами, но Сайрес Смит, убежденный сторонник освобождения негров, уже давно дал ему вольную. Получив свободу, бывший раб не захотел расстаться со своим господином, готовый умереть за него. Это был парень лет тридцати, сильный, ловкий, проворный, спокойный, кроткий и сообразительный. Он отличался большой наивностью, услужливостью и добротой и по-

стоянно улыбался. Звали его Навуходоносор, откликался же он на сокращенное Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин взят в плен, то, не колеблясь, покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и благодаря своей ловкости и хитрости сумел, неоднократно рискуя жизнью, проникнуть в осажденный город. Радость Сайреса Смита и восторг Наба, когда они увидели друг друга, не поддаются описанию.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выйти оттуда было труднее: пленников стерегли очень тщательно. Чтобы предпринять попытку к побегу с некоторой надеждой на успех, нужно было какое-нибудь исключительное обстоятельство. Но такого случая все не представлялось, а создать его было нелегко.

Между тем Грант энергично продолжал действовать Победа при Питерсбурге обошлась ему дороговато. Соединившись с войсками генерала Батлера, он тем не менее не мог добиться под Ричмондом никаких результатов. Ничто не предвещало близкого освобождения пленников. Журналист, для профессии которого бездеятельная жизнь в Ричмонде не представляла ничего интересного, был вне себя. Его не оставляла одна мысль: выбраться из города любой ценой. Он

даже совершил несколько попыток к побегу, но отступил перед непреодолимыми препятствиями.

Осада тем временем продолжалась, и если пленникам не терпелось выйти из города, чтобы присоединиться к войскам Гранта, то некоторые из осажденных тоже стремились покинуть Ричмонд и вступить в ряды Южной армии. В числе последних был некий Джонатан Форстер, явный сторонник сепаратистов[6]. Южане, как и их пленники, не могли выбраться из города, который был обложен войсками. Губернатор Ричмонда уже долгое время не имел возможности сноситься с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить последнему о положении дел, чтобы ускорить посылку войск на выручку осажденных. И вот Джонатану Форстеру пришла в голову мысль подняться на воздушном шаре, пролететь над войсками сепаратистов и достигнуть их лагеря. Губернатор дал разрешение реализовать эту попытку. Для Джонатана Форстера был приготовлен воздушный шар. Вместе с пятью спутниками Форстер должен был подняться в воздух. На

[6] Примечания: 6

Сепаратисты — южане, сторонники отделения Южных штатов, в противоположность федералистам-северянам, сторонникам единства Соединенных Штатов.

случай длительного полета или столкновения с неприятелем при посадке членов экспедиции снабдили оружием и продовольствием.

Отлет шара был назначен на 18 марта. Он должен был произойти ночью, и при северо-восточном ветре средней силы воздухоплаватели могли рассчитывать через несколько часов достигнуть главного штаба генерала Ли.

Но этот ветер был не простой бриз. Уже 18-го стало ясно, что он превращается в бурю. Вскоре ураган настолько усилился, что отлет Форстера пришлось отложить. Невозможно было доверить разъяренной стихии воздушный шар и рисковать людьми.

Наполненный газом шар был привязан на центральной площади Ричмонда и мог быть пущен, лишь только ветер утихнет. Но, к великой досаде жителей города, состояние атмосферы оставалось все тем же.

18 и 19 марта погода не изменилась. Державшийся на канатах шар прибивало ветром к земле, и его трудно было сохранить в целости.

Прошла еще ночь. Утром 20-го числа ураган разбушевался еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к Сайресу Смиту подошел на улице

человек, до тех пор не известный инженеру. Это был моряк по имени Пенкроф, мужчина лет тридцати пяти — сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами и приятным лицом. Пенкроф был уроженец Северной Америки. Он объехал все моря на свете и пережил все необычайные приключения, какие только могут выпасть на долю существа о двух ногах. Следует добавить, что это был человек весьма предприимчивый, готовый на любой риск и ничему не удивлявшийся. В начале года Пенкроф приехал в Ричмонд по делам вместе с пятнадцатилетним мальчиком, сыном своего капитана, Хербертом Брауном из Нью-Джерси, которого он любил, как родного сына. Не успев выехать до начала осады, они оказались запертыми в городе, к великому огорчению Пенкрофа, который думал лишь об одном — как убежать. Он слышал о Сайресе Смите и знал, как тяготится этот человек пленом. Поэтому Пенкроф, не колеблясь, обратился к Смиту и спросил его без дальнейших околичностей:

— Мистер Смит, вам не надоел Ричмонд? Инженер пристально посмотрел на человека, обратившегося к нему с таким вопросом. Пенкроф продолжал, понизив голос:

— Мистер Смит, хотите бежать отсюда?

— Когда? — быстро спросил инженер. Это слово вырвалось у него невольно: ведь он не успел даже разглядеть своего собеседника.

Но, всмотревшись проницательным взглядом в честное лицо моряка, Сайрес Смит не усомнился, что имеет дело с порядочным человеком.

— Кто вы? — кратко спросил он. Пенкроф сообщил о себе все необходимое.

— Хорошо, — сказал Сайрес Смит. — Каким же способом вы предлагаете мне бежать?

— На этом дурацком шаре, который болтается здесь без всякого проку. Он как будто только нас с вами и ждет…

Моряку незачем было продолжать. Инженер понял его с первого слова. Он схватил Пенкрофа за руку и повел его к себе.

Придя к Смиту, Пенкроф изложил свой план, оказавшийся очень простым. Чтобы выполнить его, требовалось одно — рискнуть жизнью. Правда, ураган бушевал вовсю, но такой смелый и опытный инженер, как Сайрес Смит, наверное, сумеет справиться с аэростатом. Если бы он сам, Пенкроф, знал, как с ним обращаться, то, не колеблясь, пустился бы в путь, разумеется, не один, а с Гербертом. Он и не такие виды видывал, и

бури его не пугают.

Сайрес Смит выслушал моряка, не проронив ни слова, но глаза его сверкали. Вот наконец удобный случай! Сайрес Смит не таков, чтобы упустить его. Затея Пенкрофа была очень опасна, но все же выполнима. Ночью нужно было обмануть бдительность стражи, пробраться к шару, залезть в корзину и обрезать канаты. Конечно, при этом рискуешь погибнуть, но, с другой стороны, есть и шансы на успех, и если бы не ураган. Но не будь урагана, шар бы уже улетел, и столь долгожданная возможность не представилась бы.

— Но я полечу не один, — добавил Сайрес Смит, заканчивая.

— Сколько же человек вы хотите взять с собой? — осведомился моряк.

— Двоих: моего друга Спилета и Наба, моего слугу.

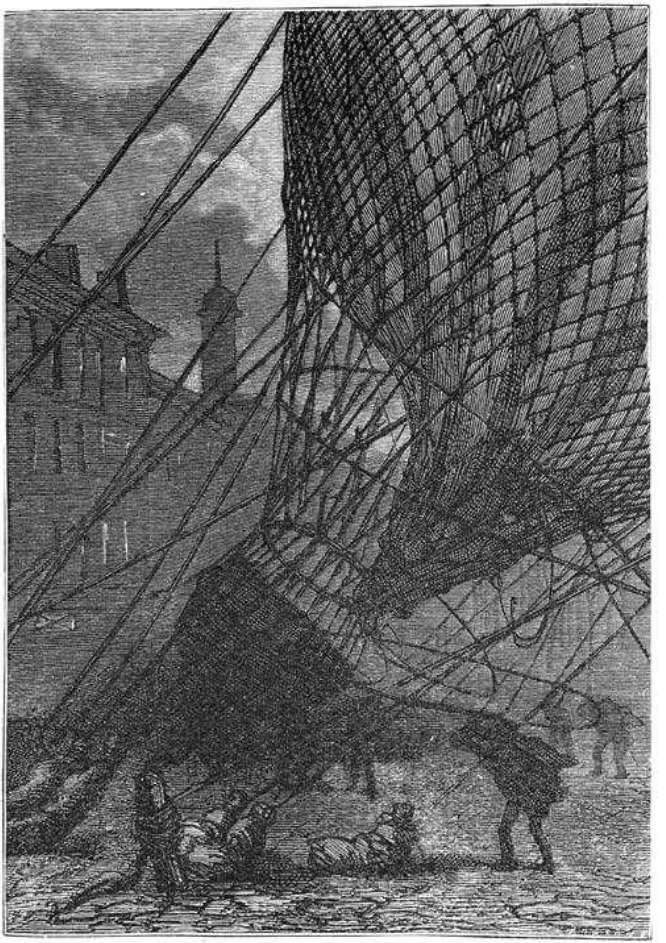
— Всего, значит, трое, а со мною и Гербертом — пятеро, — сказал Пенкроф. — Шар может поднять шесть человек.

— Прекрасно. Мы летим! — воскликнул Сайрес Смит. Это «мы» как бы обязывало и журналиста. А он был не таков, чтобы отступать перед опасностью, и, когда Сайрес Смит рассказал ему о проекте, Спилет безоговорочно одобрил его. Он удивился лишь тому, что сам не додумался до

такого простого способа бегства. Что же касается Наба, то он был готов следовать за своим господином куда угодно.

— Так, значит, до вечера, — сказал Пенкроф. — Мы все будем слоняться где-нибудь около шара.

— До десяти вечера, — ответил Смит. — Только бы буря не утихла раньше, чем мы улетим!



Пенкроф простился с инженером и вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт Браун. Смелый мальчик был осведомлен о плане моряка и не без волнения ожидал результата его беседы со Смитом. Пять человек, готовые отдаться воле смерчей и бурь, как мы видим, отличались достаточной смелостью. Нет! Ураган не успокоился, и Джонатану Форстеру с его спутниками не приходилось и мечтать о полете. Погода весь день была ужасная. Сейчас Смит боялся лишь одного: как бы шар, привязанный канатами и поминутно прибиваемый ветром к земле, не разорвало на куски. Целыми часами расхаживал инженер по почти опустевшей площади, наблюдая за аэростатом. Пенкроф был тут же; засунув руки в карманы и часто позевывая, он бродил вокруг шара, словно человек, не знающий, как убить время, и каждую минуту ожидал, что шар лопнет или, чего доброго, сорвется с привязи и исчезнет в воздухе. Наступил вечер. Стояла глубокая тьма. Густой туман висел над самой землей. Шел дождь, смешанный со снегом. Было холодно. Весь Ричмонд окутало туманом. Казалось, буря вынудила воюющих к перемирию, и пушки почтительно смолкли, внимая страшному реву урагана. Улицы города опустели. В такую

погоду, видимо, не было даже нужды охранять площадь, над которой отчаянно бился аэростат. Все благоприятствовало отлету пленников. Но каково будет лететь среди бурь и шквалов?..

«Плохая погодка! — думал Пенкроф, ударом кулака нахлобучивая шляпу, которую ветер пытался сорвать с его головы. — Ну да ничего. Как-нибудь справимся».

В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон пробирались на площадь. Освещавшие ее газовые фонари задуло ветром, и она была погружена в глубокую темноту. Не виден был даже огромный шар, почти вплотную прикрепленный к земле. Кроме мешков с балластом, привязанных к сетке, корзину удерживал толстый канат, продетый в железное кольцо, вделанное в землю, и прикрепленный к бортам. Пятеро пленников сошлись у корзины. Было так темно, что их не заметили, да и сами они едва видели друг друга.

Ни слова не говоря, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт уселись в корзину Пенкроф, по приказанию инженера, начал отвязывать мешки с балластом. Через несколько минут это было сделано, и моряк присоединился к своим товарищам.

Теперь шар держался только на канате, и Сайресу Смиту оставалось отдать приказ к отлету. В эту минуту в корзину одним махом вскочила собака. Это был Топ, любимец инженера, который оборвал свою цепь и последовал за хозяином.

Сайрес Смит, боясь перегрузить шар, хотел прогнать бедное животное.

— Э, что там, возьмем еще пассажира! — сказал Пенкроф и выбросил два мешка с песком.

Потом он отрезал конец каната, и шар рванулся ввысь.

Ураган бушевал со страшной силой. В течение ночи инженер не мог и думать о спуске, а когда рассвело, земля была закрыта туманом. Лишь через пять дней он слегка рассеялся, и воздухоплаватели увидели под собой безбрежное море. Аэростат продолжал нестись по ветру со страшной скоростью.

Читатель уже знает, что четверо из его пяти пассажиров, вылетевших из Ричмонда 20 марта, были выброшены 24 марта на пустынный берег на расстоянии около семи тысяч миль от их родной страны.

Но кто же был исчезнувший пятый, на помощь которому устремились оставшиеся в живых? Это был инженер Сайрес Смит.

ГЛАВА III

Пять часов вечера. — Пропавший. — Наб в отчаянии. — Поиски на севере. — Островок. — Тревожная ночь. — Туманное утро. — Наб кидается вплавь. — Земля в виду. — Вброд через пролив.

Инженер выпал из разорвавшейся сетки и был унесен волной. Его собака тоже исчезла. Верный пес бросился на помощь своему хозяину.

— Вперед! — воскликнул Гедеон Спилет.

И все четверо — Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, забыв усталость, устремились на поиски.

Бедный Наб плакал от ярости и горя, сознавая, что потерял единственного любимого человека.

Между исчезновением Сайреса Смита и высадкой его друзей прошло не более двух минут. Можно было рассчитывать, что его успеют еще спасти.

— Будем искать его! — воскликнул Наб.

— Да, Наб, и мы его найдем, — сказал Гедеон Спилет.

— Живого?

— Да, живого.

— Умеет он плавать? — спросил Пенкроф.

— Конечно, — ответил Наб. — К тому же с ним Топ.

Моряк, слыша страшный рев океана, только покачивал головой. Инженер исчез у северной части берега, примерно в полумиле от того места, где сошли на землю его спутники. Значит, если он достиг ближайшей оконечности суши, его следовало искать не дальше чем в полумиле.

Было около шести часов. Сгустился туман, и стало очень темно. Потерпевшие крушение направились к северу по западному берегу земли, на которую случай выбросил их. Эта земля была им неведома, и они не могли даже приблизительно определить ее географическое положение. Они шли по песчаной, усеянной камнями почве, по-видимому, лишенной всякой растительности. Покрытая неровностями и кочками, земля изобиловала мелкими рытвинами, которые очень затрудняли ходьбу. Из этих впадин поминутно выскакивали большие неуклюжие птицы, плохо видные в темноте, и медленно разлетались в разные стороны. Другие, более проворные, вспархивали стаями и, точно облако, пролетали по небу. Пенкрофу казалось, что это чайки и поморники. Даже шум волн не мог заглушить

пронзительных голосов этих птиц.

Время от времени Гедеон Спилет и его спутники останавливались и кричали, прислушиваясь, не раздастся ли ответный зов со стороны океана. Ведь если они находятся недалеко от того места, где инженер мог выйти на берег, то, не будучи даже в состоянии откликнуться, они услышат, наверное, лай Топа. Но никакого крика не было слышно сквозь шум волн и плеск прибоя. И маленький отряд снова двигался вперед, тщательно всматриваясь в каждый уголок побережья.

Прошагав минут двадцать, потерпевшие крушение внезапно увидели перед собой пенящиеся гребни волн. Твердая земля пропала. Гедеон Спилет и его спутники находились на оконечности острой, возвышающейся над океаном стрелки, о которую яростно бились огромные волны.

— Это скалистый мыс, — сказал Пенкроф. — Вернемся назад и будем держаться правой стороны. Тогда мы снова выйдем на материк.

— А вдруг он здесь? — сказал Наб, указывая на океан, покрытый белеющими во мраке барашками волн. — Крикнем еще раз!

И все четверо в один голос громко закричали. Но никто не ответил им. Выждав минуту, когда шум волн немного утих, они крикнули снова.

Ответа не было.

Тогда они двинулись обратно, идя по противоположному склону утеса. Почва все еще была песчаная, усеянная камнями. Однако Пенкроф заметил, что берег становится круче, и решил, что утес связан длинной полоской земли с возвышенным побережьем, очертания которого смутно виднелись во мраке. В этой части берега было куда меньше птиц. Море билось не так бурно и беспокойно, и можно было заметить, что волнение в этом месте значительно слабее. Плеск волн был едва слышен. Очевидно, скалистый мыс с этой стороны имел форму полукруглой бухты, и его возвышающаяся оконечность преграждала путь волнам океана. Но придерживаться прежнего направления — значило идти к югу, то есть в сторону, противоположную той, где мог выйти на землю Сайрес Смит. Пройдя еще полторы мили, путники не увидели ни одного изгиба дороги, позволяющего повернуть на север. Однако должен же этот мыс, конец которого они обогнули, быть связанным с материком! Пенкроф и его товарищи, невзирая на усталость, мужественно продолжали двигаться вперед, каждую минуту рассчитывая дойти до поворота, ведущего к северу.

Каково же было их разочарование, когда, пройдя около двух миль, они снова увидели перед собой море и оказались на довольно высоком мысе, покрытом скользкими скалами.

— Мы находимся на островке, — сказал Пенкроф. — Мы прошли его из конца в конец.

Утверждение моряка было правильно. Воздухоплаватели были выброшены не на материк и даже не на остров, а на маленький островок протяжением в две мили, по-видимому, не особенно широкий.

Являлся ли этот бесплодный, усеянный камнями островок — пустынное убежище морских птиц — частью более значительного архипелага, этого нельзя было утверждать. Пассажиры воздушного шара, увидев из корзины сквозь туман полосу земли, не могли судить о том, насколько она обширна. Теперь же Пенкроф, который, как истый моряк, хорошо видел в темноте, смутно различал на западе очертания гористого берега. Царящий вокруг мрак не позволял определить, к какой системе островов — простой или сложной — принадлежит клочок земли, на котором находились Спилет и его спутники. Покинуть его было почти невозможно, так как он был окружен морем. Приходилось отложить поиски инженера

до утра. К сожалению, ни одним звуком он не дал знать, где находится. Да, там была земля. А земля означала спасение, хотя бы ненадолго. Островок был отделен от берега проливом в полмили шириной, с чрезвычайно быстрым и шумным течением.

В это время один из потерпевших крушение, очевидно, внимая только голосу сердца, не посоветовавшись ни с кем из товарищей, бросился в воды пролива. Это был Наб. Ему не терпелось достигнуть берега и пройти по нему к северу. Никто не мог бы его удержать. Пенкроф позвал его, но напрасно. Гедеон Спилет собирался последовать за Набом.

Пенкроф, подойдя к нему, спросил:

— Вы намерены переплыть этот пролив?

— Да, — ответил Гедеон Спилет.

— Поверьте мне, с этим лучше подождать, — сказал моряк. — Наб и один сможет помочь своему хозяину. Если и мы поплывем по проливу, нас, пожалуй, унесет течением в открытый океан. Если я не ошибаюсь, это течение вызвано отливом. Смотрите, берег начинает выступать из воды. Потерпим немного, и, когда отлив кончится, мы, может быть, найдем брод.

— Вы правы, — ответил журналист. — Будем

разлучаться как можно реже.

Между тем Наб плыл наискось, энергично борясь с течением. При каждом взмахе рук его черные плечи показывались над водой. Негра быстро относило в сторону, но он все же приближался к цели. На то, чтобы проплыть полмили, ему понадобилось больше тридцати минут, и он подплыл к берегу в нескольких тысячах футов от того места, против которого бросился в воду.

Наб вышел на сушу у подножия высокой гранитной стены и энергично отряхнулся; потом он быстро побежал и исчез за утесом, который выступал в море примерно против северной оконечности островка.

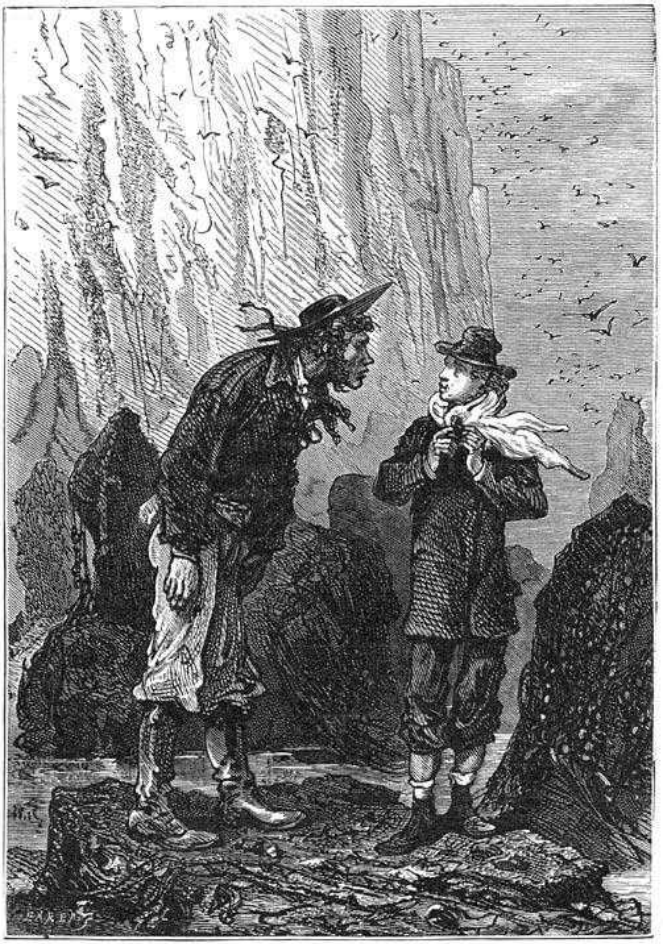
Товарищи Наба с тревогой наблюдали за смелым негром. Когда Наб скрылся из виду, они обратили взоры на землю, у которой им придется просить приюта. Осматривая ее, они подкрепились несколькими раковинами, лежавшими в песке. Это все же была пища, хотя и скудная.

Противоположный берег имел вид обширной бухты, южная часть которой заканчивалась острым выступом, лишенным всякой растительности и казавшимся совершенно пустынным. Этот выступ соединялся с берегом прихотливо изрезанной полоской земли и примыкал к вы-

соким гранитным утесам. На северной стороне бухта, наоборот, расширялась; берег, более закругленный по очертаниям, тянулся с юго-запада на северо-восток и заканчивался продолговатым мысом. Расстояние между этими двумя крайними точками, на которые опиралась дуга бухты, составляло около восьми миль. В полумиле от берега был расположен островок, похожий на сильно увеличенный остов какого-то огромного китообразного. Поперечник его в самом широком месте не превышал четверти мили.

Побережье против островка было покрыто песком и усеяно черноватыми скалами, которые в эту минуту вследствие отлива постепенно выступали из воды. На втором плане виднелось нечто вроде гранитного вала высотой не менее чем в триста футов, отвесные склоны которого венчал причудливой формы гребень. Этот вал тянулся на расстоянии трех миль и неожиданно обрывался с правой стороны, заканчиваясь срезанной гранью, которая казалась отесанной руками человека. Слева, над мысом, эта стена разветвлялась на множество призматической формы отрогов. Состоявшая из утесов и осыпавшихся камней, она постепенно снижалась, соединяясь продолговатой грядой со скалами южной стрел-

ки. На верхнем плато берега не росло ни единого деревца. Это было обнаженное плоскогорье, вроде того, что возвышается над Капштадтом на мысе Доброй Надежды, но меньшее по своим размерам. Так, по крайней мере, казалось с островка. Зато справа и сзади срезанной грани вала виднелось достаточно зелени. Без труда можно было различить смутные очертания высоких деревьев, сливавшихся в необозримые леса. Эти зеленые заросли радовали глаз, утомленный резкими очертаниями гранитного вала. Наконец на самом заднем плане, выше плато, в северо-западном направлении на расстоянии не меньше семи миль ярко белела вершина, озаренная лучами солнца. Это была снеговая шапка, украшавшая далекую гору.



Невозможно было ответить на вопрос, является ли эта земля островом или частью материка. Но геолог, увидев уродливые скалы, громоздившиеся с левой стороны, не колеблясь, приписал бы им вулканическое происхождение: они, несомненно, являлись продуктом работы подземных сил.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт пристально всматривались в этот берег. Там придется им прожить долгие годы, а быть может, и умереть, если их не снимет какой-нибудь проходящий корабль.

— Ну, Пенкроф, что ты скажешь? — спросил Герберт.

— Что скажу? — отвечал моряк. — В этом, как и во всем, есть хорошее и плохое. Увидим, что будет дальше. Но отлив, кажется, становится сильнее. Часа через три мы попробуем переправиться, а когда попадем на тот берег, то постараемся как-нибудь выпутаться и найти мистера Смита.

Пенкроф в своем предвидении не ошибся. Через три часа, при полном отливе, песчаное дно канала почти обнажилось. Островок отделял от берега лишь узкий ручей, который, наверное, нетрудно будет перейти.

Около десяти часов Гедеон Спилет и его товарищи, сняв с себя одежду, связали ее в узлы и, неся

их на голове, вошли в ручей, глубина которого не превышала пяти футов. Герберт, для которого и это было много, плавал, как рыба, и прекрасно справился со своей задачей. Все трое без затруднений достигли противоположного берега. Там солнце их быстро обсушило, и, одевшись, они стали держать совет.

ГЛАВА IV

Литодомы. — Устье реки. — Трубы. — Поиски продолжаются. — Хвойный лес. — Заготовка топлива. — В ожидании отлива. — Вид с берега. — Сплавной плот. — Возвращение в Трубы.

Прежде всего журналист условился с Пенкрофом, что тот будет ожидать его возвращения здесь же, и, не теряя ни минуты, быстро пошел по берегу — в ту сторону, куда направился Наб. Вскоре он исчез за поворотом дороги. Ему не терпелось узнать, нет ли новостей о Сайресе Смите.

Герберт хотел было последовать за ним.

— Не ходи, мой мальчик, — сказал Пенкроф. — Нам нужно устроить лагерь и посмотреть, возможно ли здесь найти какую-нибудь более основательную пищу, чем ракушки. Когда наши друзья вернутся, им надо будет подкрепить силы. Каждому — свое дело.

— Я готов, Пенкроф, — ответил Герберт.

— Ну вот и прекрасно, — ответил моряк, — дело пойдет на лад. Будем действовать по плану. Мы устали, замерзли и проголодались. Надо, значит, найти кров, огонь и пищу. В лесу есть дрова, в

гнездах есть яйца. Не хватает только дома.

— Я поищу, нет ли в этих скалах пещеры, — сказал Герберт.

— В конце концов я, наверное, найду какую-нибудь дыру, куда нам можно будет спрятаться.

— Правильно, — сказал Пенкроф. — В дорогу, мой мальчик!

Они двинулись вдоль стены, по песчаному берегу, значительно обнажившемуся вследствие отлива. Но, вместо того чтобы идти к северу, они направились к югу. В нескольких сотнях шагов от того места, где они высадились, Пенкроф заметил узкую расщелину. По его мнению, она должна была служить выходом для реки или ручья. А потерпевшим крушение было важно иметь поблизости питьевую воду. К тому же было вполне возможно, что поток вынес Сайреса Смита в эту сторону.

Как уже сказано, стена имела более трехсот футов высоты, но это был сплошной массив, и даже у его подножия, до которого едва доставали волны, не было ни одного углубления, где можно было бы найти приют. Стена, совершенно отвесная, состояла из крепчайшего гранита, который никогда не точили воды моря. Над вершиной ее летало множество водяных птиц, главным

образом, перепончатопалых, с узкими, продолговатыми и острыми клювами. Это были весьма крикливые существа, нисколько не напуганные присутствием человека, который, очевидно, впервые нарушал их одиночество. Среди этих птиц Пенкроф заметил нескольких фомок — вид поморников, которых иногда называют «морскими разбойниками», а также маленьких хищных чаек, гнездившихся в углублениях гранита. Один ружейный выстрел по этому скопищу птиц принес бы богатую добычу, но, чтобы выстрелить, необходимо ружье, а у Пенкрофа и Герберта его не было. Впрочем, фомки и чайки почти несъедобны, а их яйца имеют отвратительный вкус. Между тем Герберт, который свернул немного более влево, вскоре увидел скалы, покрытые водорослями. Через несколько часов их должен был затопить прилив. На этих скалах, увитых скользкой морской травой, виднелось множество двустворчатых раковин, которыми не могли пренебречь проголодавшиеся люди. Герберт кликнул Пенкрофа, и тот быстро подбежал.

— Э, да это съедобные ракушки! — воскликнул моряк. — Вот что заменит нам яйца.

— Это несъедобные ракушки, — ответил Герберт, внимательно осматривая прицепившихся

к скале моллюсков, — это литодомы.

— А их едят? — спросил Пенкроф.

— Конечно.

— Ну, так будем есть литодом.

Моряк мог вполне положиться на Герберта: юноша был очень силен в естественной истории и с подлинной страстью любил эту науку. Отец Герберта поощрял его занятия и дал ему возможность прослушать лекции лучших бостонских профессоров, которые очень любили умного и прилежного мальчика. Знания Герберта как натуралиста были не раз использованы впоследствии, и первое их применение оказалось удачным.

Литодомы — продолговатые раковины, соединенные в гроздья и крепко пристающие к скалам. Они принадлежат к тому виду моллюсков-бурильщиков, которые просверливают отверстия в самых крепких камнях. Раковины литодом закруглены с обоих концов; этот признак отличает их от прочих съедобных ракушек.

Пенкроф с Гербертом основательно закусили литодомами, раскрывшими раковины навстречу солнцу. Они ели их, как едят устриц, и нашли, что у этих моллюсков очень острый вкус. Поэтому Пенкрофу и Герберту не пришлось жалеть об отсутствии у них соли или какой-либо другой

приправы. Им удалось на время утолить голод, но зато их мучила жажда, которая еще усилилась от пищи, остро приправленной самой природой.

Надо было отыскать пресную воду, которой не могло не быть в этой прихотливо изборожденной местности. Пенкроф и Герберт наполнили карманы и носовые платки литодомами и двинулись дальше. Пройдя шагов двести, они достигли расщелины, которую, по правильному предположению Пенкрофа, до краев наполняла небольшая речка. Стена в этом месте как бы раздвинулась, уступая напору подземных сил. У подножия ее образовалась маленькая бухточка. Речка в этом месте была шириной футов в сто; ее отвесные берега были с обеих сторон не шире двадцати футов. Русло потока пролегало между гранитными стенами, которые по мере удаления от устья постепенно снижались. Далее он резко сворачивал в сторону и скрывался в зарослях в полумиле расстояния.

— Вода здесь, топливо там, — сказал Пенкроф. — Не хватает только жилья.

Вода в речке была совершенно прозрачна. Пенкроф убедился, что теперь, то есть в те часы, когда до нее не доходит прилив, она пресная. Установив это важное обстоятельство, Герберт

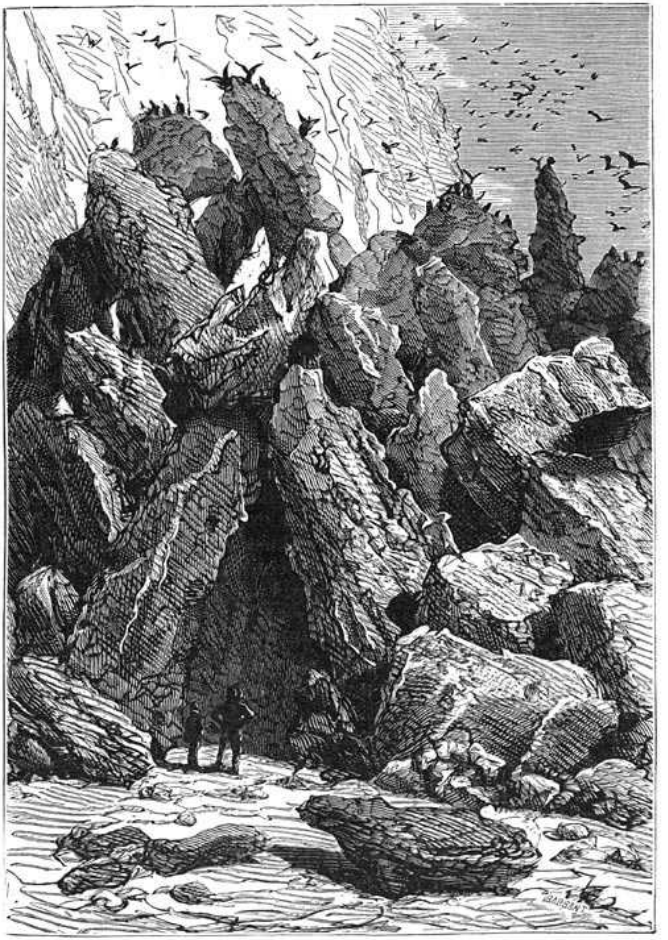
принялся искать какое-нибудь углубление, могущее послужить убежищем, но его поиски оказались тщетными. Стена повсюду была отвесная, гладкая и ровная.

У самого устья реки, несколько выше линии прилива, обвалившиеся скалы образовали грот, или, скорее, огромное отверстие в груде камней. Такие нагромождения часто образуются в местностях, изобилующих гранитом; обычно их называют «трубами».

Пенкроф и Герберт далеко углубились в усыпанные песком проходы среди скал. Они были достаточно освещены, так как лучи солнца проникали в промежутки между гранитными глыбами, которые только чудом сохраняли устойчивость и не падали. Вместе со светом врывался ветер — настоящий сквозняк, приносивший снаружи ледяной холод. Однако Пенкроф решил, что, если завалить часть этих проходов и заткнуть некоторые отверстия камнями и песком, «трубы» станут обитаемыми. По своей форме они напоминали типографский знак &[7]. Отделив верхнее кольцо этого знака, через которое проникал южный и западный ветер, удастся, без сомнения,

[7] Примечания: 7
Знак & означает et caetera (по латыни: и так далее).

использовать его нижнюю часть.



— Это как раз то, что нам нужно, — сказал Пенкроф. — Если бы когда-нибудь снова увидеть мистера Смита! Он уж сумел бы использовать этот лабиринт.

— Мы его увидим, Пенкроф! — вскричал Герберт. — И когда он вернется, то должен найти здесь удобное жилище. Оно будет довольно сносным, если нам удастся установить очаг в левом проходе и сохранить отверстие для выхода дыма.

— Это мы сумеем сделать, мой мальчик. Трубы, — так Пенкроф окончательно окрестил это временное жилище, — будут для нас подходящим жильем. Но сначала надо запастись топливом. Я думаю, дерево нам очень пригодится, чтобы забить отверстия, через которые дует такой дьявольский ветер.

Герберт и Пенкроф вышли из Труб и пошли вдоль левого берега речки. По ее быстрым водам плыли сухие сучья. Прилив, который уже начинался, должен был оттеснить этот поток далеко назад. Пенкрофу пришло в голову, что силу прилива и отлива можно будет использовать для перевозки тяжестей.

Прошагав с четверть часа, моряк и юноша дошли до излучины реки. Начиная с этого места ее

берега были покрыты густым лесом. Хотя стояла глубокая осень, деревья в этом лесу остались зелеными: они принадлежали к семейству хвойных, столь распространенному на всем земном шаре, от северных широт до тропиков. Юный натуралист отметил, в частности, деодары — деревья с прекрасным запахом, в изобилии растущие в Гималаях. Среди деодар попадались группы сосен, широко раскинувших свои густые зонтики. Под ногой Пенкрофа в высокой траве то и дело потрескивали, стреляя, как фейерверк, сухие ветки.

— Все прекрасно, мой мальчик, — сказал моряк — Хотя я и не знаю, как называются эти деревья, но мне хорошо известно, что их можно отнести к разряду годных на топливо. А сейчас только такие нам и нужны.

— Наберем их побольше! — сказал Герберт и тотчас же принялся за работу. Собирать сучья оказалось нетрудным делом. Не пришлось даже ломать веток, так как на земле валялось много хворосту. Но если дров хватало, то транспортные средства отсутствовали. Ветки, очень сухие, должны были быстро сгорать. Поэтому в Трубы надо было доставить как можно больше топлива, а подъемной силы двух человек оказалось недостаточно. Герберт заметил это Пенкрофу.

— Э, мой мальчик, — ответил моряк, — должно же найтись какое-нибудь средство переправить эти дрова! Для всякого дела есть свой способ. Будь у нас тележка или лодка, задача была бы слишком простой.

— К нашим услугам река, — сказал Герберт.

— Правильно, — ответил Пенкроф. — Река будет для нас самодвижущейся дорогой. Не напрасно же изобретен сплавной плот!

— Это все верно, — заметил Герберт. — Но только дорога движется от нас вспять.

— Ну что ж, подождем, пока начнется отлив, — сказал Пенкроф. — Море само доставит наши дрова к Трубам. А пока будем сооружать плот. Моряк и Герберт вернулись к месту, где река сворачивала под углом в сторону. Каждый из них нес, сколько мог, сухого хворосту, связанного в вязанки. На берегу, в густой траве, на которую никогда, вероятно, не ступала нога человека, тоже валялось множество сухих веток. Пенкроф сейчас же принялся связывать плот.

В маленьком затоне, образованном выступом берега, преграждавшим течение, Герберт с Пенкрофом бросили в воду несколько толстых сучьев, скрепленных сухими лианами. Таким образом, получилось нечто вроде плота, на который был

постепенно перенесен весь собранный хворост, по крайней мере, вязанок двадцать. Через час работа была окончена, и плот, привязанный к берегу, дожидался отлива.

У Пенкрофа и Герберта оказалось несколько свободных часов, и они решили дойти до верхнего плато и осмотреть местность с более высокого пункта.

Шагах в двухстах от излучины реки стена, заканчивающаяся кучей камней, пологим склоном спускалась к опушке леса, образуя нечто вроде естественной лестницы. Благодаря своим сильным ногам Пенкроф и Герберт в несколько минут добрались до верхушки стены и подошли к краю выступа, возвышавшегося над устьем реки.

Прежде всего, они окинули взором океан, который им так недавно пришлось перелететь при столь ужасных обстоятельствах. С волнением оглядывали они северную сторону берега, где произошла катастрофа. Именно там исчез Сайрес Смит. Моряк и юноша надеялись заметить какие-нибудь остатки воздушного шара, за которые мог бы уцепиться человек. Но безбрежное море было пустынно. На берегу тоже никого не было — ни Наба, ни журналиста. Возможно, что они в эту минуту находились так далеко, — что их нельзя

было увидеть.

— Я чувствую, — вскричал Герберт, — что такой энергичный человек, как мистер Смит, не мог утонуть: он доплыл до берега! Ведь правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Он уже не надеялся больше свидеться с Сайресом Смитом. Но ему не хотелось разочаровывать Герберта.

— Конечно, конечно, — ответил он. — Там, где всякий другой погибнет, наш инженер сумеет выпутаться.

Говоря это, он внимательно осматривал берег. Перед его глазами простиралась песчаная полоса, ограниченная с правой стороны линией утесов. Эти стены, еще не покрытые водой, походили на группу амфибий, омываемых прибоем. За каменной грядой сверкало в лучах солнца море. На юге горизонт был закрыт острым мысом, так что нельзя было узнать, продолжается ли земля в этом направлении или сворачивает на юго-запад и на юго-восток. В последнем случае она имела бы форму очень удлиненного полуострова. На северной оконечности бухты очертания берега, более округленные, были видны на значительном расстоянии. Берег был низкий, плоский и гладкий, с большими песчаными отмелями, не

покрытыми еще водой. Потом Пенкроф и Герберт обернулись к западу. Прежде всего им бросилась в глаза снеговая вершина, возвышавшаяся на расстоянии шести-семи миль. От первых уступов берега на две мили вглубь тянулся густой лес с хвойными зарослями. Далее, между опушкой леса и водой, зеленела обширная площадка, покрытая прихотливо разбросанными купами деревьев. Налево в просветах леса сверкала речка; в своем извилистом течении она, видимо, возвращалась к горным отрогам, от которых начинала свой путь. В том месте, где Пенкроф оставил плот, она протекала между двумя гранитными стенами; левая стена была гладкая и отвесная, в то время как правая постепенно снижалась; массив переходил в отдельные скалы, скалы — в камни, а камни — в голыши, покрывавшие берег до конца мыса.

— Не на острове ли мы? — подумал вслух моряк.

— Если это остров, то довольно большой, — откликнулся Герберт.

— Остров, как он ни велик, все же остров, — заметил Пенкроф.

Ответить на этот важный вопрос было пока невозможно; пришлось отложить его разрешение. Но местность, будь то материк или остров,

казалась плодородной, красивой и изобилующей разнообразными естественными богатствами.

Пенкроф и Герберт долго разглядывали берег, на который забросила их судьба. Но после такого поверхностного осмотра трудно было еще себе представить, что им готовит будущее.

Через некоторое время они двинулись в обратный путь по южному гребню гранитного плато, окаймленного длинными рядами скал причудливой формы. В расщелинах камней гнездилось множество птиц. Герберт, прыгая со скалы на скалу, спугнул целую стаю этих пернатых.

— Ну, это уже не чайки и не поморники! — вскричал он.

— Что же это за птицы? — спросил Пенкроф. — Честное слово, они похожи на голубей!

— Это и есть голуби, но только дикие — так называемые скалистые голуби, — ответил Герберт. — Я узнаю их по двойной черной полоске на крыльях, по белой гузке и пепельно-синему оперению. Скалистый голубь употребляется в пищу, а его яйца, должно быть, очень вкусны. Хорошо бы их найти в гнездах!

— Прежде чем птенцы вылупятся, мы превратим их в яичницу, — весело сказал Пенкроф.

— А в чем же ты будешь жарить яичницу? В

твоей шляпе?

— Нет — я еще пока не колдун, — ответил моряк. — Придется нам ограничиться яйцами всмятку. Пенкроф с Гербертом тщательно осмотрели каждую впадину в граните и действительно нашли множество яиц. Моряк собрал две-три дюжины и завязал в платок. Между тем подошло время наибольшего прилива, и Герберт с Пенкрофом вернулись к реке.

Когда они достигли излучины, был час дня. Течение реки уже повернуло вспять. Надо было воспользоваться отливом и переправить дрова к устью. Пенкроф не имел намерения доверить их воле течения, но не хотел и переходить на плот, чтобы управлять им. Моряк всюду сумеет раздобыть веревку, и Пенкроф быстро сплел из сухих лиан бечеву в несколько сажен длиной. Привязав этот канат к корме плота, Пенкроф взял в руку его конец, а Герберт отталкивал плот длинным шестом, не давая ему приближаться к берегу.

Маневр удался на славу. Огромная связка дров, которую моряк удерживал, следуя за ней по берегу, поплыла вперед, уносимая течением. Берега были очень круты, и можно было не опасаться, что плот сядет на мель. Меньше чем через два часа он уже был в устье, всего в нескольких шагах

от Труб.

ГЛАВА V

Приспособление Труб под жилье. — Как добыть огонь. — Коробка спичек. — Поиски на берегу. — Возвращение журналиста и Наба. — Единственная спичка! — Огонь зажегся. — Первый ужин. — Первая ночевка на земле.

Первой заботой Пенкрофа после разгрузки плота было приспособить Трубы под жилье. Для этого надо было завалить проходы, через которые проникал ветер. Песком, камнями, сплетенными ветками и мокрой землей ему удалось герметически закупорить галереи, открытые для южного ветра, и изолировать верхнее кольцо знака. Чтобы дать выход дыму и создать тягу, был оставлен один узкий, извилистый проход, открывавшийся в боковой части стены. Таким образом, Трубы были разделены на три-четыре комнаты, если можно так назвать темные берлоги, которые едва ли пришлись бы по вкусу даже дикому животному. Но там, по крайней мере, было сухо, а в центральных комнатах можно было даже стоять, вытянувшись во весь рост; полы в них были

усыпаны песком. В конце концов, это казалось не таким уж плохим жильем на первое время.

Работая, Герберт и Пенкроф оживленно болтали.

— Может быть, наши товарищи нашли более удобное помещение, — сказал Герберт.

— Это возможно, — ответил моряк. — Но когда не знаешь наверняка, следует действовать. Лучше иметь лук с двумя тетивами, чем совсем без тетивы.

— Лишь бы только они привели с собой мистера Смита! — повторял Герберт. — Если они его найдут, нам останется только благодарить судьбу.

— Да, — ответил Пенкроф. — Это был человек… настоящий…

— «Был»? — сказал Герберт. — Разве ты потерял надежду его увидеть?

— Нет, нет! — ответил поспешно моряк. Отделочные работы были быстро закончены, и Пенкроф остался ими очень доволен.

— Теперь наши друзья могут возвращаться, — сказал он. — Они найдут недурное убежище.

Оставалось только устроить очаг и приготовить обед. Первое было легко и просто сделать. В глубине левого коридора, под отверстием узкого прохода, оставленного для выхода дыма, были

положены плоские широкие камни. Того тепла, которое распространится от очага, несомненно, будет достаточно, чтобы обогреть помещение. Поместив свои запасы в одной из комнат, Пенкроф положил на очаг несколько сучьев вперемешку со щепками.

Видя, что он занят этой работой, Герберт спросил моряка, есть ли у него спички.

— Конечно, — ответил Пенкроф и добавил: — И это большое счастье. Без спичек или трута нам пришлось бы плохо.

— Мы могли бы добывать огонь, как дикари: трением двух сухих кусков дерева, — сказал Герберт.

— Попробуй-ка это сделать, мой мальчик, — ответил Пенкроф. — Ты только сотрешь себе ладони и ничего не добьешься.

— Но ведь это же совсем простой способ, очень распространенный на островах Тихого океана, — возразил юноша.

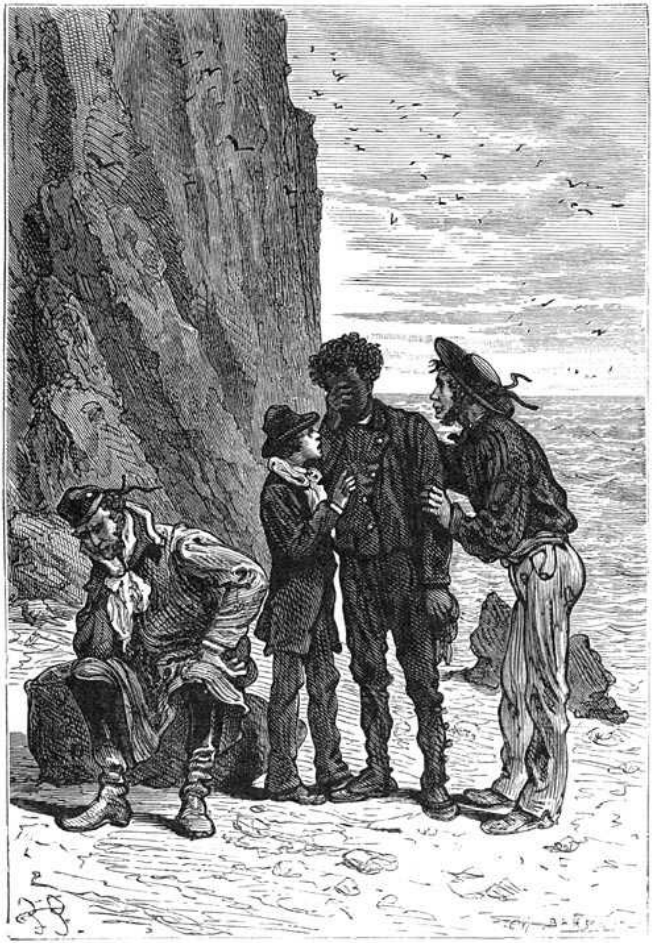
— Не спорю, но дикари, видимо, лучше нас знают, как его применять, или употребляют какое-то особое дерево. Я сам часто пробовал добыть огонь таким образом, и это мне ни разу не удалось. Говоря по совести, я предпочитаю спички… Где мои спички?

Пенкроф полез в карман за спичками, с которыми никогда не расставался, так как был заядлым курильщиком. Там их не оказалось. Он пошарил в карманах брюк, но, к его величайшему удивлению, драгоценного коробка нигде не было.

— Вот уж глупо! — сказал моряк, в недоумении смотря на Герберта. — Спичечница, наверное, выпала у меня из кармана и потерялась. А у тебя, Герберт, нет огнива или чего-нибудь, чем можно добыть огонь?

— Нет, Пенкроф.

Моряк вышел из пещеры, ожесточенно почесывая в затылке. Герберт последовал за ним. На песке, на скалах, на берегу реки — всюду искали они коробок, но тщетно. Спичечница была медная, и они бы ее, наверное, заметили.



— А ты не выбросил ее из корзины, Пенкроф? — спросил Герберт.

— Нет. Я ее так берег! — ответил моряк. — Но при этой ужасной качке такой маленький предмет легко мог исчезнуть. Даже моя трубка, и та меня покинула. Чертова спичечница! И куда только она могла деться?

— Начинается отлив, — сказал Герберт. Сходим на то место, где мы выбрались на землю.

Спичечницу едва ли удалось бы там найти, так как волны, наверное, унесли ее во время прилива. Но попытаться все же следовало. Герберт и Пенкроф быстро направились к месту высадки, находившемуся шагах в двухстах от Труб.

Они самым тщательным образом обыскали каждую впадину в скалах, перевернули каждый камешек. Никакого результата. Если спичечница упала где-нибудь здесь, ее, несомненно, унесло в океан. По мере того как волны отступали, моряк осматривал все расщелины между скалами, но так и не нашел своего коробка. Это была очень значительная, ничем не вознаградимая в данных обстоятельствах потеря.

Пенкроф не мог скрыть своего огорчения. Он угрюмо молчал, лоб его прорезали глубокие морщины. Герберт, чтобы его утешить, сказал, что

спички, вероятно, подмокли и ими все равно нельзя было бы пользоваться.

— Да нет, мой мальчик, — возразил Пенкроф. — Они лежали в медной, плотно закрытой коробке. Что же нам теперь делать?

— Мы как-нибудь сумеем раздобыть огонь, — сказал Герберт.

— Мистер Смит или мистер Спилет окажутся изобретательнее нас.

— Да, но пока что огня у нас нет, и, когда наши товарищи вернутся сюда, их будет ждать печальный сюрприз.

— Но у них, наверное, есть спички или трут, — живо сказал Герберт.

— Не думаю, — ответил моряк, покачивая головой. — Мистер Смит и Наб не курят, а мистер Спилет — тот уж наверняка больше беспокоился о своем блокноте, чем о спичках.

Герберт промолчал. Потеря спичек, несомненно, была очень досадным обстоятельством. Однако юноша не сомневался, что тем или иным способом огонь удастся добыть. Пенкроф, более опытный, думал иначе, хотя и был не таков, чтобы смущаться трудностями. Во всяком случае, теперь оставалось только одно: ожидать возвращения Наба и журналиста. Но пришлось отказаться от

мысли угостить их крутыми яйцами. Постоянно питаться сырым мясом — перспектива ни для кого не приятная.

Прежде чем возвратиться в Трубы, Пенкроф и Герберт, на случай если у них совсем не будет огня, набрали дополнительный запас литодом. После этого они безмолвно направились в свое жилище.

На обратном пути Пенкроф продолжал искать свою исчезнувшую спичечницу. Он даже еще раз прошел по левому берегу реки от устья до излучины, возле которой был привязан плот, поднялся на верхнее плато и обошел его во всех направлениях. Он искал в высокой траве, на опушке леса, но напрасно.

Когда Пенкроф с Гербертом вернулись в Трубы, было пять часов вечера. Незачем и говорить, что каждый уголок пещеры был обыскан самым тщательным образом. От надежды найти спичечницу пришлось окончательно отказаться.

Часов около шести, когда солнце уже почти скрылось за холмами на западе, Герберт, который ходил взад и вперед по берегу, увидел Наба и Гедеона Спилета.

Они возвращались одни. Сердце юноши мучительно сжалось. Предчувствие не обмануло

Пенкрофа: Сайреса Смита не удалось найти.

Подойдя, журналист молча сел на камень. Измученный голодом и усталостью, он был не в силах говорить.

Что же касается Наба, то его покрасневшие глаза свидетельствовали о том, сколько он пролил слез. Новые неудержимые рыдания лучше всяких слов говорили, что он пришел в полное отчаяние. Журналист кратко рассказал о том, как они с Набом искали Сайреса Смита. Берег был обследован на протяжении восьми миль, то есть значительно дальше того места, где шар в предпоследний раз упал в воду и где вслед за его падением исчезли Сайрес Смит и Топ. Берег был пуст. Ни одного следа, ни одного отпечатка ноги человека. Ни один камешек не был сдвинут с места. Было очевидно, что эта часть берега совершенно необитаема. Море было столь же пустынно. На дне его, в нескольких сотнях футов от берега, вероятно, покоилось тело инженера.

В этом месте рассказа Наб вскочил на ноги и голосом, который выражал все еще жившую в нем надежду, воскликнул:

— Нет! Нет! Он не умер! Этого не может быть. Такой человек, как он!.. Это невозможно! Кто угодно другой, но только не он! Мой хозяин всегда

сумеет выпутаться. — Тут силы оставили его, и он, глухо застонав, опустился на камень.

— Наб, — воскликнул Герберт, подбегая к верному негру, мы его найдем, он к нам вернется! А пока поешьте немного, пожалуйста. Вы ведь голодны.

С этими словами он протянул Набу горсть ракушек — все, что мог ему предложить.

Наб уже много часов не имел во рту ни крошки, но все же отказался. Лишившись своего хозяина, он не хотел жить.

Гедеон Спилет с жадностью накинулся на моллюсков. Поев, он лег на песок у подножия скалы. Он был очень утомлен, но спокоен.

Герберт подошел к нему и взял его за руку.

— Мистер Спилет, — сказал он, — мы нашли убежище, где вам будет удобнее, чем здесь. Наступает ночь. Пойдемте, отдохните немного. А завтра посмотрим.

Журналист поднялся на ноги и последовал за Гербертом к Трубам.

В эту минуту Пенкроф подошел к нему и насколько мог естественным тоном спросил:

— Нет ли у вас случайно спички?

Журналист остановился и порылся в карманах, но не нашел спичек.

— У меня были, да я, наверное, их выбросил, — сказал он.

Моряк задал тот же вопрос Набу и получил тот же ответ.

— Проклятие! — воскликнул он, будучи не в силах сдержать досаду.

Услышав это восклицание, журналист подошел к Пенкрофу.

— Ни одной спички? — спросил он.

— Ни единой. А без спичек нет и огня!

— Если бы только мой хозяин был здесь, — вскричал Наб, — он сумел бы сделать спички!

Четверо потерпевших крушение стояли без движения, с тревогой смотря друг на друга. Герберт первый прервал молчание.

— Мистер Спилет, — сказал он, — вы курильщик, у вас всегда были с собой спички. Может быть, вы плохо искали? Поищите еще. Одна спичка — и у нас будет огонь!

Журналист снова обшарил карманы брюк, пальто и жилета и вдруг, к своему крайнему удивлению и к великой радости Пенкрофа, нащупал за жилетной подкладкой маленький кусок дерева. Он прижал его пальцами сквозь материю, но не мог вытащить. Это, очевидно, была спичка, и притом единственная. С ней надлежало обра-

щаться осторожно, чтоб не сцарапать фосфор.

— Позвольте мне попробовать, — сказал Герберт. Очень ловко, не сломав его, он вытащил этот кусочек дерева, эту ничтожную щепочку, столь драгоценную для четырех несчастных людей. Она была цела и невредима.

— Спичка! — вскричал Пенкроф. — Теперь мне кажется, что у нас их целый воз.

Он осторожно взял спичку и в сопровождении своих товарищей вернулся в Трубы.

Этот маленький кусочек дерева, который в обитаемых землях не имеет никакой ценности и не вызывает к себе ни малейшего интереса, требовал при данных обстоятельствах крайне бережного обращения.

Убедившись, что спичка совершенно суха, Пенкроф сказал:

— Мне бы нужно кусок бумаги.

— Вот вам, — ответил Гедеон Спилет, не без колебания вырывая листок из своей записной книжки.

Пенкроф взял листок у журналиста и присел на корточки перед очагом. Он подложил под сучья несколько пучков травы, листьев и сухого мха, расположив их так, чтобы между ними свободно проходил воздух и хворост мог бы легко воспла-

мениться.

После этого Пенкроф свернул бумагу рожком, как делают курильщики, когда хотят разжечь трубку на ветру, и засунул его между пучками травы. Потом он взял шероховатый камень, тщательно обтер его и, затаив дыхание, с сильно бьющимся сердцем провел спичкой по камню. Вспышки не последовало; боясь сцарапать с головки фосфор, Пенкроф чиркнул спичкой чересчур слабо.

— Нет, я не могу, — сказал он, у меня слишком дрожит рука. Спичка не загорится. Я не хочу. Не могу.

И, поднявшись на ноги, он попросил Герберта взяться за это ответственное дело.

Во всю свою жизнь юноша не был так взволнован. Сердце его громко стучало. Прометей, похищая огонь с неба, наверное, чувствовал себя спокойней. Однако Герберт без колебаний взял спичку и быстро чиркнул ею о камень. Тотчас же послышался легкий треск, и вспыхнуло маленькое синеватое пламя, сопровождаемое едким дымом. Герберт осторожно повернул спичку, чтобы огонь разгорелся посильнее, и сунул ее в свернутую бумагу. Через несколько секунд бумага вспыхнула, а вслед за нею загорелся и мох.

Вскоре дрова уже весело трещали, и яркое пламя, энергично раздуваемое сильными легкими моряка, озаряло мрачную пещеру.

— Наконец-то! — воскликнул Пенкроф, поднимаясь на ноги. — Никогда в жизни я не был так взволнован!

Пламя прекрасно разгоралось на плоских камнях очага. Дым легко уходил в узкое отверстие, тяга была отличная, и вскоре приятное тепло распространилось по всей пещере. Теперь нужно было следить за тем, чтобы не дать огню погаснуть. Для этого надо было всегда сохранять под пеплом несколько тлеющих угольков. Но это был лишь вопрос тщательности и внимания, поскольку в дровах не было недостатка и запас их всегда можно было вовремя пополнить.

Пенкроф мечтал использовать огонь прежде всего для приготовления чего-нибудь более сытного, чем литодомы. Герберт принес две дюжины яиц. Журналист, сидевший в углу пещеры, безмолвно смотрел на эти приготовления. Три вопроса занимали его мысли: жив ли еще Сайрес Смит? ЕСЛИ он жив, то где он находится? Если он уцелел после падения, то почему он до сих пор не дал о себе знать?

Что же касается Наба, то он бродил по берегу.

Он весь был во власти своего горя.

Пенкроф знал пятьдесят два способа приготовления яиц, но сегодня у него не было выбора. Он мог только закопать яйца в горячую золу и испечь их.

Через несколько минут ужин был готов, и Пенкроф пригласил журналиста принять в нем участие. Так потерпевшие крушение в первый раз поели на этом неизвестном берегу. Печеные яйца оказались очень вкусными, и так как в яйце есть все, что нужно для питания человека, то четверо голодных хорошо подкрепили свои силы.

О, если бы их пятый товарищ был с ними!

Если бы все пленники, бежавшие из Ричмонда, находились здесь, под прикрытием скал, на песке, перед ярко пылающим огнем, им оставалось бы только благодарить судьбу. Но самый изобретательный, самый ученый из них, их бесспорный начальник, Сайрес Смит, к несчастью, отсутствовал, и его тело не удалось даже предать погребению.

Так прошел день 25 марта. Наступила ночь. Снаружи слышались вой ветра и монотонный плеск прибоя. Мелкие камни, бросаемые волнами, с оглушительным шумом перекатывались по берегу.

После ужина журналист кратко записал основные события за день: первое появление берега, исчезновение инженера, случай со спичками. Потом он улегся в одном из темных проходов и, сломленный усталостью, погрузился в сон.

Герберт тоже скоро заснул. Моряк всю ночь продремал у костра, щедро подкладывая в него топливо.

Только один из потерпевших крушение не ночевал в Трубах. Это был верный, безутешный Наб, который до утра пробродил по берегу, в отчаянии призывая своего господина.

ГЛАВА VI

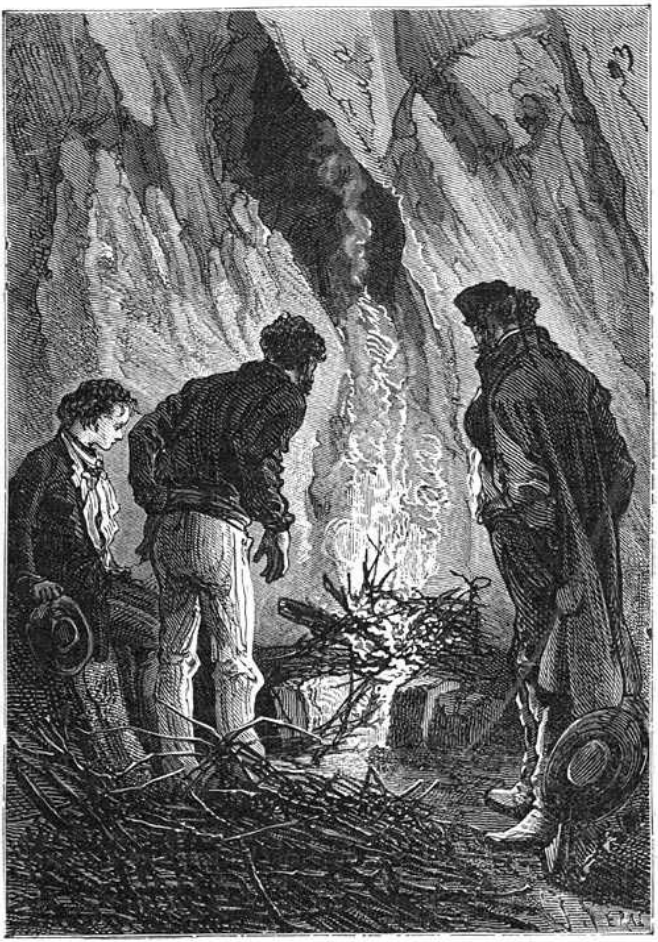
Имущество потерпевших крушение. — Ничего. — Жженая тряпка. — Экскурсия в лес. — Хвойная растительность. — Якамар спасается бегством. — Следы диких зверей. — Трегоны. — Косачи. — Необычайный способ охоты.

Список предметов, которыми обладали воздухоплаватели, выброшенные на этот явно не обитаемый берег, можно было бы составить очень быстро.

У них не было ровно ничего, кроме платья, в которое они были одеты во время катастрофы. Следует, впрочем, упомянуть еще о записной книжке и часах, которые Гедеон Спилет, очевидно по рассеянности, не выбросил. Но никакого оружия, ни одного инструмента, даже простого перочинного ножика не нашлось в карманах бывших пассажиров аэростата. Они все выкинули в воду, чтобы облегчить корзину.

Вымышленные герои Даниеля Дефо или Висса, а также Селькирк и Рейналь, выброшенные на остров Хуан-Фернандес и на Оклендский архи-

пелаг, никогда не были так беспомощны. Они могли либо пользоваться обильными запасами с погибшего корабля зерном, мясом, оружием и инструментами, либо водой прибивало к берегу какие-нибудь предметы, необходимые для удовлетворения насущных нужд. Они не были абсолютно безоружны перед лицом природы. Но у наших воздухоплавателей не было ни одного инструмента или предмета обихода. Из ничего им предстояло создать все.



Если бы с ними был Сайрес Смит, если бы инженер мог применить в этих ужасных условиях свой практический опыт и изобретательный ум, положение не казалось бы таким безнадежным. Но, увы, на появление Сайреса Смита не приходилось более рассчитывать. Его товарищи должны были полагаться только на свои силы.

Прежде всего надлежало решить, следует ли им обосноваться в этой пустынной местности, не пытаясь узнать, обитаема ли она и что она собой представляет — часть материка или берег острова. Этот важный вопрос нужно было выяснить как можно скорее и, в зависимости от его разрешения, действовать дальше. Однако, как правильно заметил Пенкроф, с разведочной экспедицией лучше было несколько повременить: предстояло ведь заготовить продовольствие и раздобыть что-нибудь более питательное, чем яйца и моллюски. Разведчики, которым предстояли утомительные переходы и ночевки под открытым небом, должны были прежде всего укрепить свои силы.

На первое время Трубы были вполне удобным жильем. Огонь горел хорошо, и сохранить тлеющие уголья оказалось нетрудно. На берегу среди скал можно было найти достаточно яиц и

ракушек. В будущем, несомненно, удастся убить камнями или палками несколько диких голубей, стаи которых летали над гребнем плато. Быть может, в соседнем лесу найдутся съедобные плоды или ягоды. Пресная вода недалеко. Словом, Пенкроф и его товарищи решили остаться на несколько дней в Трубах и подготовиться к обследованию берега и прилегающей к нему местности.

Этот план особенно пришелся по сердцу Набу. Он был упрям и верил в предчувствия, и ему отнюдь не хотелось удаляться от места катастрофы. Наб по-прежнему не допускал мысли, что Сайрес Смит погиб. Нет, такой человек, как его хозяин, не мог утонуть банальным образом, в нескольких стах шагах от берега. Пока волны не выбросят тело инженера, пока он, Наб, сам не увидит своими глазами, сам не прикоснется к бездыханному телу своего господина, он будет считать его живым. Эта уверенность крепко утвердилась в верном сердце негра. Эту иллюзию — быть может, иллюзию, достойную уважения — Пенкрофу не хотелось разрушать.

Моряк давно уже не сомневался, что инженер погиб, но с Набом напрасно было спорить. Страдания его были таковы, что, возможно, он

не пережил бы их. Утром 26 марта Наб опять спозаранку отправился на север — туда, где море сомкнуло свои волны над бедным Смитом.

В этот день обитатели Труб позавтракали голубиными яйцами и ракушками. Герберту посчастливилось найти соль, осевшую в углублениях скал вследствие испарения. Этот минеральный продукт пришелся как нельзя более кстати.

После завтрака Пенкроф предложил Гедеону Спилету пойти в лес, где они с Гербертом хотели попробовать поохотиться. Но, посоветовавшись, Пенкроф и Спилет решили, что кому-нибудь из них лучше остаться в пещере, чтобы поддерживать огонь. Да и Набу могла неожиданно понадобиться помощь. Остаться предпочел журналист.

— На охоту, Герберт! — сказал моряк. — Снаряды мы найдем по дороге, а ружье сломаем в лесу. Перед уходом Герберт заметил, что раз у них нет трута, его следует чем-нибудь заменить.

— Чем же? — спросил Пенкроф.

— Жженой тряпкой, — сказал Герберт. В случае надобности она может служить в качестве трута.

Моряк нашел эту мысль весьма разумной. Но план Герберта имел одно неудобство он требовал принести в жертву носовой платок. Однако

это стоило сделать, и вскоре клетчатый платок частично превратился в обгорелую тряпку. Этот горючий материал был спрятан в маленьком углублении в средней комнате, защищенной от сырости и ветра.

Было девять часов утра. Небо хмурилось, дул сильный юго-восточный ветер. Герберт с Пенкрофом обогнули Трубы и, бросив последний взгляд на струйку дыма, поднимавшуюся над острой скалой, двинулись по левому берегу реки. Придя в лес, Пенкроф тотчас же сломал два крепких сука, а Герберт превратил их в дубинки, обточив концы о камень. В эту минуту он, кажется, все бы отдал за хороший, острый нож.

Потом охотники пошли дальше вдоль берега, путаясь ногами в высокой траве. Начиная с излучины, где река поворачивала к юго-западу, она понемногу становилась все уже. Ее русло пролегало между крутыми, отвесными берегами, осененными двойным рядом густых деревьев. Чтобы не заблудиться, Пенкроф решил идти по течению реки, которая всегда укажет ему дорогу обратно. Но путь по берегу изобиловал препятствиями: гибкие ветви деревьев доходили порой почти до самой воды: вокруг ног переплетались цепкие лианы и колючки, которые приходилось

сбивать ударами палок.

Герберт с ловкостью кошки проскальзывал между корнями и то и дело исчезал в зарослях. Но Пенкроф сейчас же окликал юношу и просил его не удаляться. Моряк внимательно изучал расположение и природу местности. Левый берег реки, по которому они шли, был ровный и постепенно повышался по направлению от реки. Местами он становился болотистым. Под почвой, очевидно, разветвлялась целая сеть потоков, которые изливались в реку через какой-нибудь подземный поток. Иногда в зарослях попадались небольшие ручейки, но их можно было без труда перейти. Противоположный берег казался менее плоским, и очертания долины, по которой протекала река, вырисовывались отчетливее. Покрытый лесом пригорок преграждал вид.

Идти по правому берегу было бы нелегко: откосы его обрывались почти отвесно, и деревья, склонившиеся над водой, держались только силой своих мощных корней.

Незачем и говорить, что по этому лесу, как и по всей уже пройденной местности, никогда не ступала нога человека. Пенкроф заметил лишь следы различных четвероногих и свежие просеки, проложенные животными не известных

ему пород.

В этом лесу, несомненно, водились страшные звери, которых следовало опасаться (Герберт придерживался того же мнения), но нигде не было видно следов топора, остатков костра или следа человека. Это, пожалуй, было даже к лучшему: на этой земле, здесь, посреди Тихого океана, присутствие людей могло вызвать не радость, а тревогу.

Герберт и Пенкроф почти не разговаривали, так как идти было очень трудно. Они подвигались вперед чрезвычайно медленно: за час пути им едва удалось пройти милю. Пока что охота не принесла добычи. Птицы, певшие и порхавшие между ветвями, были очень пугливы, как будто присутствие человека внушало им справедливое опасение. В одном болотистом месте Герберт заметил среди прочих пернатых птицу с острым продолговатым клювом, похожую на зимородка. Однако она отличалась от него довольно густым оперением с металлическим отблеском.

— Это, должно быть, якамар, — сказал Герберт, стараясь подобраться к птице поближе.

— Было бы очень кстати попробовать, каков этот якамар на вкус, если только он соблаговолит позволить себя изжарить, — ответил моряк.

В эту минуту камень, ловко пущенный сильной рукой юноши, подбил якамару крыло. Удар все же оказался слишком слабым: птица, вспорхнув, с необычайной скоростью исчезла.

— Ах, какой я неловкий! — воскликнул Герберт.

— Вовсе нет, мой мальчик! — сказал Пенкроф. Удар был направлен верно. И не всякий сумел бы попасть в этого якамара. Не огорчайся. Пошли! В другой раз мы его догоним.

Разведка продолжалась. Чем дальше продвигались охотники, тем лес становился реже. Но ни на одном из могучих раскидистых деревьев не было видно съедобных плодов. Пенкроф тщетно искал глазами драгоценную пальму, столь полезную человеку, встречающуюся в Северном полушарии вплоть до сороковой параллели, а в Южном — только до тридцать пятой. Охотники видели вокруг себя лишь хвойные деревья: деодары, которые Герберт уже знал, дугласы, подобные тем, что растут на северо-западном побережье Америки, и великолепные ели до ста пятидесяти футов вышиной. Неожиданно над головой Пенкрофа пролетела и уселась на дерево целая стая маленьких птичек с красивым оперением и длинными сверкающими хвостами. Их слабые

перья падали на землю, устилая ее тонким слоем пуха. Герберт подобрал несколько перышек и, внимательно осмотрев их, сказал:

— Это трегоны.

— Я предпочел бы молодую цесарку или глухаря, — заметил Пенкроф. — Но, в конце концов, если они съедобны…

— Не только съедобны, но даже очень вкусны, — ответил Герберт. — Мне кажется, к ним нетрудно приблизиться и перебить их камнями. Моряк и юноша ползком подобрались к дереву, на нижних ветвях которого расположились птички. Трегоны на лету ловили насекомых, которыми они питаются. Их мохнатые лапки крепко вцепились в небольшие сучья, служившие им опорой.

Охотники поднялись на ноги и, действуя своими дубинками, как цепом, начали целыми рядами сбивать трегонов, которые и не думали улетать. Почти сотня птиц лежала на земле, когда остальные решились обратиться в бегство.

— Вот это подходящая для нас дичь, — сказал Пенкроф. — Их можно брать голыми руками. Пенкроф нанизал трегонов, точно дроздов, на гибкий прут, и охотники двинулись дальше. Река несколько закруглялась, словно собираясь повернуть к югу, но изгиб, вероятно, был невелик,

так как река текла с гор и питалась водой снегов, покрывавших склоны средней вершины.

— Вот это подходящая для нас дичь, — сказал Пенкроф. — Их можно брать голыми руками.

Непосредственной целью экскурсии было, как известно, желание раздобыть для обитателей Труб как можно больше дичи. Пока что Пенкроф и Герберт были не особенно близки к достижению этой цели. Моряк упорно продолжал поиски добычи и сердито ворчал, когда какое-нибудь животное, которое он даже не успевал разглядеть, быстро убегало, скрываясь в густой траве. Если бы только с ними была собака — Топ! Но Топ исчез вместе со своим хозяином и, вероятно, погиб. Около трех часов дня охотники заметили среди зарослей можжевельника новые стаи птиц, которые усердно склевывали пахучие ягоды. Неожиданно в лесу раздался трубный сигнал. Этот странный громкий звук издают представители семейства куриных, которых называют косачами. Вскоре показалось несколько пар этих птиц с буро-красным оперением и коричневыми хвостами.

Герберт легко узнал самцов по острым надкрыльям, образуемым приподнятыми шейными перьями. Пенкроф считал весьма желательным поймать парочку косачей, по величине не уступавших курице, а по вкусу напоминавших

рябчика. Но сделать это было трудно, так как косачи не позволяют к себе приблизиться. После нескольких бесплодных попыток, которые только распугали птиц, моряк заявил:

— Ну, раз их нельзя убить на лету, нужно попробовать поймать их на удочку.

— Как карпов? — воскликнул Герберт, до крайности удивленный этим проектом.

— Да, как карпов, — серьезно ответил Пенкроф.

Моряк нашел в траве с полдюжины гнезд, в которых лежало по два-три яйца. Он не прикоснулся к этим гнездам, к которым их хозяева могли вернуться. Именно вокруг них Пенкроф и вздумал натянуть свои лески — настоящие лески для ужения, с крючками. Отойдя от гнезд подальше, он смастерил эти странные орудия, которым мог бы позавидовать любой ученик Исаака Уолтона[8]. Герберт с понятным интересом следил за действиями Пенкрофа, хотя не очень надеялся на удачу. Материалом для лесок послужили веревки из тонких лиан длиной в пятнадцать — двадцать метров. На одном конце их вместо крючков матрос привязал толстые, крепкие ко-

---

[8] Примечания: 8

Уолтон — автор известного руководства по ужению рыбы.

лючки, добытые в зарослях карликовых акаций. Что же касается приманки, то для этой цели как нельзя лучше подошли жирные красные черви, во множестве ползавшие по земле.

Изготовив удочки, Пенкроф осторожно пополз по траве и укрепил концы лесок, вооруженные крючками, у самых гнезд косачей. Потом Пенкроф с Гербертом спрятались за большое дерево, крепко держа в руках концы удочек. Теперь оставалось терпеливо ждать. Герберт, надо признаться, все еще не очень надеялся на успех плана своего изобретательного товарища.

Прошли долгие полчаса. Как и предполагал Пенкроф, несколько косачей вернулись к гнездам. Весело подскакивая, они искали себе пищи, ничуть не подозревая присутствия охотников, которые осторожно спрятались с подветренной стороны. Герберт был очень заинтересован и, затаив дыхание, следил за птицами. Пенкроф вытаращил глаза, раскрыл рот и вытянул губы, словно заранее смакуя вкусный кусок дичи.

Птицы спокойно расхаживали взад и вперед, не обращая на крючки никакого внимания. Наконец Пенкроф слегка потянул за лески, и червяки закачались, как живые.

Можно не сомневаться, что моряк в эту минуту

волновался куда больше, чем обыкновенный рыболов. Рыбак ведь не видит свою добычу, скрывающуюся под водой.

Движения червяков заинтересовали птиц, и они подбежали к крючкам, широко разинув клювы. Три косача, самые прожорливые, мигом проглотили приманку, а вместе с ней и крючки. Внезапно Пенкроф резким движением дернул за лески, и сильное хлопанье крыльев подтвердило, что добыча поймана.

— Ура! — закричал Пенкроф, бросаясь со всех ног к своей дичи. Не прошло и минуты, как три тетерева уже бились у него в руках.

Герберт громко захлопал в ладоши. Он никогда еще не видел, чтобы птиц ловили на удочку. Но Пенкроф, человек очень скромный, сказал, что делает это не впервые и что заслуга этого изобретения принадлежит не ему.

— В нашем положении, — заявил он, — еще и не такую штуку придумаешь!

Тетерева были крепко связаны за лапки, и Пенкроф, счастливый, что возвращается с добычей, решил, что время двинуться в обратный путь. Солнце уже клонилось к закату.

Река указывала дорогу домой, и охотникам оставалось только идти вниз по течению. Часам

к шести вечера Герберт и Пенкроф, утомленные, но довольные, возвратились в Трубы.

ГЛАВА VII

Наб еще не вернулся. — Размышления журналиста. — Ужин. — Готовится буря. — Страшный ураган. — Ночные поиски. — Борьба с ветром и дождем. — В восьми милях от лагеря.

Гедеон Спилет стоял неподвижно на берегу. Скрестив руки, он смотрел на море, сливавшееся на горизонте с темной тучей, быстро поднимавшейся по небу. Ветер, уже довольно свежий, крепчал. Небо было мрачно. По всем признакам, собиралась буря. Герберт вошел в Трубы, а Пенкроф направился к журналисту. Углубленный в свои мысли, Спилет не заметил его.

— Нам предстоит ненастная ночь, мистер Спилет, — сказал моряк. — Хватит и дождя и ветра, на радость буревестникам.

Журналист обернулся и, увидев Пенкрофа, тотчас же спросил его:

— Как, по-вашему, на каком расстоянии от берега унесло волнами мистера Смита?

Пенкроф не ожидал такого вопроса. Подумав немного, он ответил:

— Самое большее — в двух кабельтовых.

— А сколько это — кабельтов? — продолжал Гедеон Спилет.

— Примерно сто двадцать брасс, или шестьсот футов.

— Значит, Сайрес Смит исчез в тысяче двухстах футах от берега? — сказал журналист.

— Да, приблизительно, — подтвердил Пенкроф.

— Вместе с собакой?

— Да.

— Вот что меня удивляет, — сказал Спилет. — Предположим, что наш товарищ погиб, но почему же Топ погиб вместе с ним и почему ни один из трупов не был выброшен на берег?

— При таком сильном волнении моря это вполне естественно, — ответил моряк. — К тому же их, возможно, выкинуло на берег где-нибудь подальше.

— Итак, вы думаете, что мистер Смит действительно утонул? — снова спросил журналист.

— Да, я так думаю.

— Что касается меня, Пенкроф, то, при всем моем уважении к вашей опытности, двойное исчезновение Сайреса Смита и Топа — живы ли они или умерли — кажется мне непонятным и

неправдоподобным.

— Мне очень хотелось бы согласиться с вами, мистер Спилет. Но, к несчастью, я твердо убежден, что они погибли.

Сказав это, моряк направился к Трубам. На очаге весело пылал огонь. Герберт только что подбросил новую охапку хвороста, и высокое пламя ярко освещало самые отдаленные уголки пещеры. Пенкроф немедленно принялся готовить обед. Ему казалось необходимым пополнить меню чем-нибудь существенным, так как и он сам и его товарищи нуждались в подкреплении сил. Нанизанные цепочкой трегоны были оставлены на завтра, но зато Пенкроф ощипал двух косачей, и вскоре птицы жарились на ярком огне. В семь часов вечера Наб еще не вернулся.

Его долгое отсутствие сильно беспокоило моряка. Он боялся, что с ним случилось несчастье на неизвестной земле или он, чего доброго, в отчаянии сам наложил на себя руки. Но Герберт объяснял его исчезновение совершенно иначе. Если Наб не возвращается, значит произошло что-то непредвиденное, что заставляет его продолжать поиски. А это новое обстоятельство могло быть только благоприятно для Сайреса Смита. Если бы Наба не задерживала надежда,

он давно бы вернулся. Может быть, он увидел какой-нибудь знак — отпечаток ноги, предмет, выброшенный морем, который навел его на верный след. А может быть, он уже нашел своего хозяина.

Все эти мысли Герберт высказал своим товарищам. Те слушали его, не перебивая. Но лишь Гедеон Спилет в душе соглашался с ним. Пенкроф же допускал, что Наб зашел в своих поисках дальше, чем накануне, и не успел вернуться. Герберт, очень взволнованный какими-то смутными предчувствиями, много раз порывался выйти навстречу Набу. Но Пенкроф убедил его, что это напрасно. Темным вечером, да еще в такую непогоду, он не увидел бы следов Наба. Лучше всего подождать. Если к утру Наб не вернется, сам Пенкроф вместе с Гербертом отправится его искать.

Гедеон Спилет согласился с мнением Пенкрофа. Разлучаться без крайней необходимости было бы неразумно. Герберту пришлось отказаться от своего плана, но две крупные слезы скатились из его глаз. Между тем буря разыгралась вовсю. С юго-востока налетел страшный ураган. Волны с ревом разбивались о кромку скал, выступавшую далеко в море. Дождь, разлетавшийся от ветра в мелкие

брызги, наполнял воздух жидким туманом. Казалось, клубы пара висят над берегом, по которому с грохотом перекатывалась галька; вздымаемый ураганом песок смешивался с дождем; воздух был пропитан минеральной и водяной пылью. Между устьем реки и гранью стены кипели огромные водовороты. Бурные вихри, возникавшие над омутом, не находя выхода, устремлялись в узкую долину, на дне которой бушевала река.

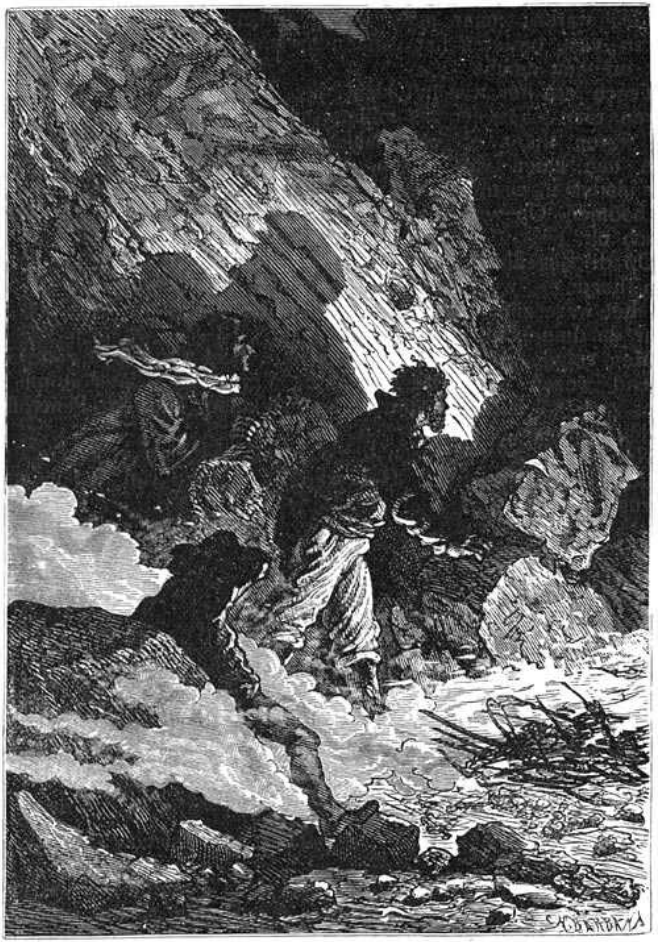
Дым от очага, сбиваемый ветром, наполнял все уголки пещеры, в которой нечем было дышать. Поэтому Пенкроф, как только тетерева изжарились, притушил огонь, оставив под золой несколько тлеющих углей.

В восемь часов Наба по-прежнему не было. И теперь можно было допустить, что ему помешала вернуться буря. Должно быть, он выжидал конца шторма, укрывшись в углублении под скалами. Выйти ему навстречу, пытаться его найти было в такую погоду невозможно.

Дичь была единственным блюдом на ужин. Все с удовольствием полакомились вкусным мясом тетеревов. Пенкроф и Герберт, проголодавшиеся после длинной прогулки, ели с особым аппетитом.

Поужинав, Пенкроф и его товарищи улеглись

спать на тех же местах, где они провели прошедшую ночь. Герберт быстро уснул подле моряка, который растянулся перед очагом.



Вокруг все сильнее бушевала буря. Она не уступала по силе урагану, который принес воздухоплавателей от Ричмонда к этой земле на Тихом океане. Во время равноденствия такие штормы нередки. Проносясь над широким океаном, они не встречают никаких преград и часто вызывают ужасные катастрофы. Ничем не защищенный с запада берег принял на себя главный удар страшной бури. К полуночи неистовый ураган достиг неописуемой силы.

К счастью, скалы, в которых нашли приют потерпевшие крушение, были крепки. Но даже эти огромные глыбы гранита как будто качались под напором бури. Пенкроф, опиравшийся рукой о стену, чувствовал, что она слегка содрогается. Но он повторял про себя, и не без основания, что тревожиться нечего и что их временное убежище не обрушится. Однако он слышал, как грохочут камни, сброшенные ветром с вершины плато. Некоторые из них долетали до верхней стены Труб и, ударившись о нее, разбивались на куски. Два раза моряк вставал и подползал к выходу, чтобы взглянуть, что делается снаружи. Убедившись, что эти незначительные обвалы не представляют никакой опасности, он снова ложился у очага, на котором слабо потрескивали угли, прикрытые

пеплом. Несмотря на рев бури и грохот камней, Герберт крепко спал. В конце концов сон одолел и Пенкрофа, которого жизнь на море приучила ко всем капризам стихий. Только Гедеон Спилет, полный тревоги, бодрствовал. Он упрекал себя за то, что не пошел вместе с Набом. Как мы уже знаем, надежда еще не совсем оставила журналиста. Его волновали те же предчувствия, что и Герберта. Его мысли сосредоточились на Набе. Почему Наб не вернулся?

Гедеон Спилет лихорадочно метался на своем песчаном ложе и почти не слышал страшного завывания урагана. Иногда его отяжелевшие веки на минуту смыкались, но молниеносная мысль — и он почти тотчас же просыпался. Время шло. Должно быть, было около двух часов ночи, когда Пенкроф, успевший крепко заснуть, почувствовал, что его энергично расталкивают.

— Что такое? — вскрикнул он, просыпаясь и моментально, как все моряки, приходя в себя. Гедеон Спилет, склонившись над ним, повторял:

— Слушайте, Пенкроф, слушайте… Моряк напряг слух, но ничего не услышал, кроме рева бури.

— Это ветер воет, — сказал он.

— Нет, — возразил журналист, — мне показа-

лось, будто я слышал…

— Что?

— Лай собаки.

— Собаки! — вскричал Пенкроф, одним прыжком вскакивая на ноги.

— Да, отрывистый лай.

— Это невозможно! — воскликнул моряк. — Да и как вы могли при таком завывании бури…

— Вот, слушайте! — перебил его журналист. Пенкроф снова прислушался, и ему действительно показалось, что где-то раздался отдаленный лай.

— Ну что? — сказал Спилет, крепко сжимая его руку.

— Да, да, — взволнованно подтвердил Пенкроф.

— Это Топ! Это Топ! — вскрикнул Герберт, который тоже проснулся, и все трое бросились к выходу из Труб.

Выйти наружу оказалось нелегко — ветер валил с ног. Наконец это удалось, но, чтобы не упасть, приходилось стоять, прислонившись к скалам. Пенкроф, Спилет и Герберт молча смотрели вперед, не будучи в состоянии вымолвить ни слова. Было совершенно темно. Вода, земля и небо сливались в глубоком мраке. Казалось, ни

единый атом света не проник в атмосферу. Несколько минут журналист и его товарищи стояли на месте. Песок слепил им глаза, они промокли до нитки и едва держались на ногах. В минуту затишья до них снова донесся лай, но, видимо, довольно далекий. Лаять мог только Топ. Но был ли он один или с кем-нибудь? Более вероятно, что один. Ведь если бы Наб находился с ним, он, конечно, не замедлил бы вернуться в Трубы.

Не рассчитывая, что журналист его услышит, Пенкроф сжал руку Спилета, как бы желая сказать: «Подождите!», — и вернулся в пещеру. Через минуту он снова вышел оттуда с несколькими зажженными ветками в руках и замахал ими, оглашая воздух пронзительным свистом. Как бы в ответ на этот сигнал, вновь послышался лай, на этот раз уже ближе, и через минуту в пещеру со всех ног вбежала собака. Пенкроф, Спилет и Герберт бросились следом за ней.

— Это Топ! — закричал Герберт.

Действительно, это был Топ-великолепный экземпляр смешанной англо-нормандской породы. От своих предков он унаследовал резвость ног и тонкое чутье — отличительные качества хорошей гончей.

Но собака Сайреса Смита была одна.

Ни ее хозяина, ни Наба с ней не было. Каким же образом инстинкт привел ее к Трубам, где она никогда раньше не была? Это казалось совершенно необъяснимым, тем более в такую жуткую ночь и в такую бурю. Но вот что было еще непонятнее: Топ не выглядел ни измученным, ни усталым; он даже не испачкался в тине или в грязи.

Герберт привлек собаку к себе и обнял ее голову руками. Топ ласково терся мордой о руки юноши.

— Раз нашлась собака, найдется и ее хозяин, — сказал журналист.

— Идем! — воскликнул Герберт. — Топ укажет нам дорогу.

Пенкроф не возразил ни слова. Он хорошо понимал, что появление Топа могло опровергнуть его мрачные предсказания.

— Пошли, — сказал он.

Перед уходом Пенкроф заботливо прикрыл угли на очаге и, чтобы огонь не потух, положил под слой пепла несколько сухих кусков дерева. Затем, захватив с собой остатки ужина, он бросился вслед за Топом, который отрывисто лаял, как бы приглашая его поторопиться. Гедеон Спилет и Герберт пошли за ним.

К этому времени буря достигла предела. Был

период новолуния, и луна, находившаяся на одном меридиане с солнцем, не посылала земле ни одного луча света. Идти по прямому направлению становилось трудно; лучше всего было довериться инстинкту Топа. Гедеон Спилет и Герберт следовали за собакой, моряк замыкал шествие. Разговаривать было невозможно. Дождь был не очень силен, так как ветер рассеивал его струи, но ураган бушевал по-прежнему.

К счастью, одно обстоятельство сильно помогло моряку и его товарищам. Ветер дул с юго-востока и, следовательно, толкал их в спину. Тучи песка, вздымаемые штормом, налетали на путников сзади и не мешали их движению. Часто им приходилось даже бежать быстрее, чем они хотели бы, и ускорять шаги, чтобы не упасть. Но горячая надежда удваивала их силы, и теперь они шли не наобум. У них не было сомнения, что Наб нашел своего хозяина и послал за ними верного пса. Но найдут ли они Сайреса Смита живым или Наб призывает своих товарищей лишь затем, чтобы отдать последний долг несчастному инженеру?

Пройдя срезанную грань возвышенности, от края которой они из предосторожности отдалились. Герберт, журналист и Пенкроф остановились, чтобы передохнуть.

Выступ скалы защищал их от ветра, и после пятнадцати минут почти непрерывного бега они наконец могли перевести дух.

Под прикрытием скалы можно было говорить и слышать друг друга. Когда юноша произнес имя Сайреса Смита, Топ отрывисто пролаял несколько раз, как бы давая понять, что его хозяин жив.

— Он спасен, он спасен! Топ, ведь правда? — повторял Герберт, и собака лаяла, словно в ответ.

Путники пошли дальше. Было около половины третьего ночи. Море снова начало наступать на берег; подгоняемый ветром прилив обещал быть очень сильным, как всегда в новолуние. Огромные валы с ревом разбивались о кромку скал и, вероятно, совсем затопляли маленький островок, не видимый во мраке. Широкая плотина из скал не могла прикрыть берега, который принимал на себя удары прибоя.

Как только моряк и его товарищи вышли из-за выступа скалы, ураган снова налетел на них со страшной яростью. Согнувшись и подставляя спину порывам ветра, они быстро шли вслед за Топом, который уверенно бежал вперед. Они двигались к северу. Справа от них тянулась нескончаемая гряда волн, с оглушительным грохотом разбивавшихся о скалы, слева — неиз-

вестная местность, очертания которой нельзя было рассмотреть из-за темноты. Но эта местность, очевидно, была довольно плоской, так как ветер проносился у них над головами и не возвращался назад, как раньше, когда он встречал на своем пути гранитную стену.

К четырем часам утра путники прошли, по приблизительному подсчету, около пяти миль. Облака поднялись немного выше и уже не ползли по земле.

Ветер, по-прежнему налетавший резкими порывами, стал суше и холоднее. Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет были легко одеты и жестоко мерзли, но ни одна жалоба не сорвалась с их губ. Они твердо решили не отставать от Топа, куда бы ни повело их умное животное.

Около пяти часов начало светать. В зените, где тучи были не так густы, появились сероватые полосы, резко очерчивая края облаков. Вскоре под плотной пеленой тумана блеснул более светлый туч, и обрисовалась линия горизонта. Гребешки волн слегка посветлели, пена снова стала белой. Слева смутно виднелись неровности берега, выступая серыми контурами на черном фоне. В шесть часов утра было уже совсем светло. Облака, поднявшиеся довольно высоко, быстро

бежали по небу. Пенкроф и его спутники находились в это время приблизительно в шести милях от Труб. Берег, по которому они шли, был совсем плоский; со стороны моря его окаймляла гряда скал, верхушки которых едва торчали из воды, так как было время наибольшего прилива. Местность слева была покрыта дюнами, усеянными колючим кустарником, и имела вид дикой песчаной пустыни. Очертания берега казались довольно однообразными, единственной преградой, защищавшей его от ярости океана, была цепь невысоких холмов. То тут, то там виднелись искривленные деревья, тянувшиеся ветвями к западу. Далеко сзади, на юго-западе, зеленела опушка леса.

Неожиданно Топ начал проявлять признаки волнения. Он то убегал вперед, то возвращался к Пенкрофу, как бы прося его ускорить шаги. Умная собака свернула влево и, повинуясь безошибочному инстинкту, уверенно направилась к дюнам. Пенкроф и его спутники последовали за нею. Вся окружающая местность казалась совершенно пустынной. Нигде не было видно ни одного живого существа.

Дюны были отделены от моря широкой полосой земли, покрытой прихотливо разбросанными

пригорками и холмами. Это была как бы маленькая песчаная Швейцария, и чтобы, не заблудиться среди дюн, требовалось исключительное чутье.

После пятиминутной ходьбы журналист, Пенкроф и Герберт оказались перед своего рода пещерой, вырытой в задней стене высокой дюны. Тут Топ остановился и громко залаял. Спилет и его спутники вошли в этот грот. Посреди него они увидели Наба, стоящего на коленях. Подле него на травяной подстилке лежал человек.

Это было тело инженера.

ГЛАВА VIII

Жив ли Сайрес Смит? — Рассказ Наба. — Отпечатки ног. — Неразрешимый вопрос. — Первые слова инженера. — Следы узнаны. — Возвращение в Трубы. — Бедный Пенкроф!

Наб не пошевелился. Пенкроф бросил ему всего одно слово:

— Жив?

Ответа не последовало. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт застыл на месте в полном отчаянии. Но было ясно, что бедный негр, поглощенный своим горем, не видел товарищей и не слышал слов моряка.

Журналист опустился на колени перед неподвижным телом Сайреса Смита и, расстегнув на нем одежду, приложил ухо к его груди. Прошла минута, — целый век! — пока Спилету удалось уловить едва слышное биение сердца.

Наб слегка выпрямился и смотрел перед собой невидящими глазами. Никогда человеческое лицо не выражало такое отчаяние. Наба нельзя было узнать — до того он был утомлен и измучен горем. Он думал, что его хозяин мертв.

Гедеон Спилет после долгого, внимательного исследования инженера поднялся на ноги и сказал:

— Жив!

Пенкроф, в свою очередь, опустился на колени возле Сайреса Смита. Его чуткое ухо также уловило слабое сердцебиение. Приложив губы к губам инженера, он почувствовал, что тот дышит.

Герберт, по знаку журналиста, бросился за водой. В ста шагах от пещеры он увидел небольшой ручеек, сильно раздувшийся от прошедших накануне дождей. Но воду не во что было взять — в дюнах не было ни одной раковины. Юноша погрузил в воду носовой платок и бегом возвратился в пещеру.

К счастью, этого влажного платка оказалось достаточно. Гедеон Спилет хотел лишь слегка смочить губы инженера. Несколько капель свежей влаги произвели мгновенное действие. Из груди Сайреса Смита вырвался вздох, и он невнятно пробормотал какую-то фразу.

— Мы спасем его! — сказал журналист.

При этих словах к Набу вернулась надежда. Он быстро раздел своего хозяина, чтобы посмотреть, не ранен ли он. На голове, груди и конечностях инженера не оказалось, однако, ни синяков, ни

даже царапин, что было весьма удивительно, так как тело Сайреса Смита, несомненно, ударялось о скалы. Даже руки инженера были невредимы. Казалось непонятным, почему на них не осталось следов ударов о подводные камни.

Но это обстоятельство, конечно, должно было разъясниться впоследствии. Когда Сайрес Смит будет в состоянии говорить, он расскажет о том, что с ним случилось. Теперь же его надо возвратить к жизни. Энергичное растирание должно привести к этой цели.

Основательный массаж быстро согрел инженера, и он сделал легкое движение рукой. Дыхание его стало более правильным. Он, очевидно, погибал от истощения, и, не приди вовремя Гедеон Спилет со своими спутниками, Сайресу Смиту был бы конец.

— Ты, значит, думал, что твой хозяин мертв? — спросил Пенкроф Наба.

— Да, — ответил Наб. — Если бы Топ не нашел вас и не привел сюда, я бы похоронил моего хозяина и умер бы рядом с ним.

Как мы видим, жизнь Сайреса Смита действительно висела на волоске.

Потом Наб рассказал, что произошло. Накануне утром, покинув Трубы, он направился по

берегу на север, достиг той части побережья, которую уже обследовали раньше. Там — по правде сказать, без всякой надежды — он вновь начал искать на песке и среди скал следы своего хозяина. Особенно внимательно он осмотрел часть суши, не досягаемую для волн, так как на краю берега всякий след был бы смыт приливом и отливом, Наб не рассчитывал больше найти Сайреса Смита живым. Он хотел обнаружить хотя бы труп своего господина и собственными руками похоронить его.

Долго искал Наб, но его старания были напрасными. Этот берег, видимо, никогда не был обитаем людьми. Тысячи раковин, не унесенных морем и лежавших за чертой прилива, оставались нетронутыми. Ни одна из них не была раздавлена. На площади в двести-триста ярдов[9] не видно было ни малейших признаков чьей-либо высадки.

Наб решил пройти еще несколько миль. Течение могло унести тело куда-нибудь дальше. Волны обычно выбрасывают на сушу труп, плавающий у плоского берега; Наб это знал, и ему хотелось в последний раз взглянуть на своего

---

[9] Примечания: 9

Ярд — мера длины, равная 91,44 сантиметра.

господина.

— Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел прибрежные утесы и побережье и уже потерял надежду что-нибудь найти. И вдруг вчера, часов в пять вечера, я увидел отпечатки ног…

— Отпечатки ног! — воскликнул Пенкроф.

— Да, — подтвердил Наб.

— И эти отпечатки начинались у самых скал? — спросил журналист.

— Нет, — отвечал Наб, — у черты прилива. Между линией прилива и подводными камнями они, вероятно, стерлись.

— Продолжай, Наб, — сказал Гедеон Спилет.

— Когда я увидел эти отпечатки, я чуть с ума не сошел. Они были совершенно ясны и вели к дюнам. Я бежал по этим следам четверть мили, стараясь их не стереть. Через пять минут, когда уже темнело, я услышал лай собаки. Это был Топ. Он и привел меня сюда, к моему хозяину.

В заключение Наб рассказал, как тяжело ему было увидеть это бездыханное тело. Он пытался уловить в нем признаки жизни. Теперь, когда он нашел своего хозяина мертвым, ему так хотелось, чтобы он был жив! Но все его усилия оказались тщетны. Оставалось лишь отдать последний долг человеку, которого он так любил.

Наб вспомнил о своих товарищах. Им тоже, наверное, будет приятно в последний раз взглянуть на бедного Смита. Топ здесь. Что, если попробовать положиться на чутье верного пса? Наб несколько раз произнес имя Гедеона Спилета, которого Топ знал лучше, чем других. Потом он показал на юг, и Топ быстро умчался в этом направлении.

Мы уже знаем, как, руководясь инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, так как Топ никогда не бывал в Трубах, умная собака все же прибежала туда.

Товарищи Наба с величайшим вниманием слушали его рассказ. Им было совершенно непонятно, почему Сайрес Смит после долгой борьбы с волнами и перехода через подводные скалы не получил ни одной царапины. Столь же необъяснимым казалось и то, что инженеру удалось добраться до этой затерянной среди дюн пещеры, удаленной от берега больше чем на милю.

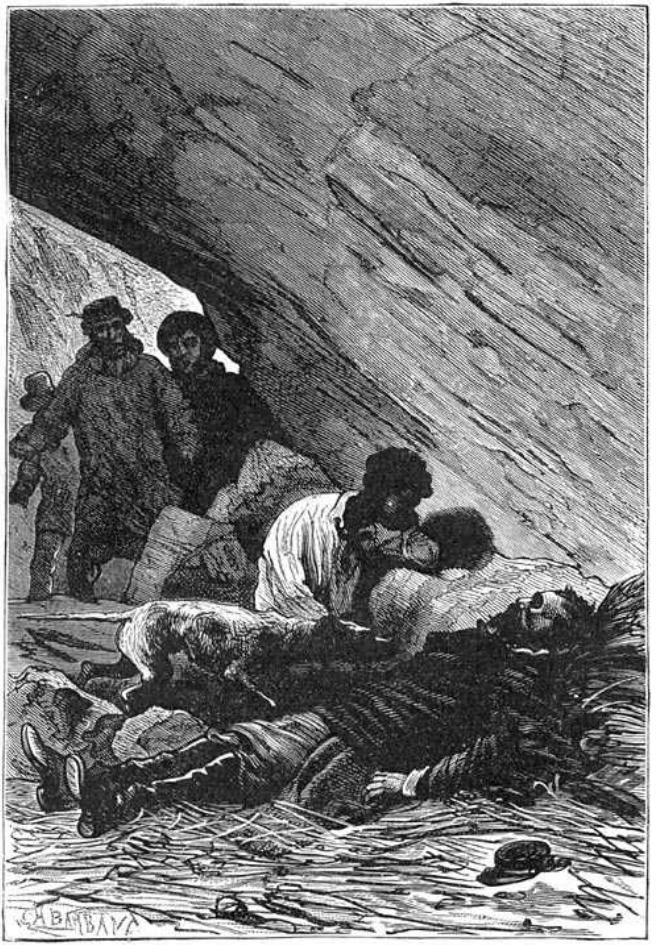
— Значит, это не ты, Наб, перенес сюда твоего хозяина? — спросил журналист.

— Нет, не я, — ответил Наб.

— Совершенно очевидно, что мистер Смит пришел сам, — сказал Пенкроф.

— Действительно, это очевидно, — заметил

Гедеон Спилет. Но тем не менее это невероятно.



Объяснение этим обстоятельствам мог дать только сам инженер. Оставалось лишь ждать, пока к нему вернется способность речи. К счастью, жизнь вступала в свои права. Растирание восстановило кровообращение. Сайрес Смит снова сделал движение руками, потом пошевелил головой. И снова из его уст вырвались какие-то нечленораздельные звуки.

Наб, наклонившись над Смитом, громко звал его. Но инженер, видимо, не слышал. Глаза его были по-прежнему закрыты. Жизнь проявлялась пока только в движениях; чувства еще не пробудились.

Пенкроф горько сожалел, что у него нет огня. И добыть его было невозможно, так как моряк, к несчастью, забыл захватить с собой жженую тряпку, которую легко было зажечь искрой от удара двух камешков. В карманах Сайреса Смита тоже не оказалось ничего, кроме часов. По общему мнению, было необходимо как можно скорее перенести инженера в Трубы.

Однако усилия его товарищей привели Смита в создание скорее, чем они предполагали. Холодная вода, которой ему смачивали губы, понемногу возвращала его к жизни. Пенкрофу пришла в голову мысль подбавить в воду немного соку из

мяса дичи, которое он захватил с собой. Герберт сбегал на берег моря и принес две большие двустворчатые раковины. Моряк составил нечто вроде микстуры и влил ее в рот инженеру, который с видимым удовольствием проглотил эту смесь.

Вскоре после этого он открыл глаза. Наб и журналист склонились над ним.

— О господин, о господин! — вскричал Наб.

Инженер услышал эти слова. Он узнал Спилета и Наба, а затем и остальных своих товарищей. Рука его слабо пожала их руки.

Из его уст снова вырвалось несколько слов, которые он уже произносил прежде. Какая-то мысль, видимо, даже теперь, не давала покоя инженеру.

— Остров или материк? — шептал он.

— Черт возьми! — воскликнул Пенкроф, будучи не в силах сдержаться — Какое нам до этого дело, если вы живы, мистер Смит! Остров или материк? После узнаем.

Инженер слегка кивнул головой и как будто задремал. Его сон не стали тревожить. Журналист сейчас же принял меры к тому, чтобы доставить Смита в Трубы, в лучшие условия. Наб, Пенкроф и Герберт вышли из пещеры и направились к вы-

сокой дюне, увенчанной несколькими хилыми деревцами. По дороге моряк все время повторял:

— Остров или материк! Думать об этом, когда душа едва держится в теле! Каков человек!

Взобравшись на верхушку дюны, Пенкроф и его товарищи голыми руками обломали большие сучья довольно худосочного дерева, походившего на приморскую сосну, вконец изнуренную ветром. Из этих сучьев были сделаны носилки. Если покрыть их листьями и травой, на них нетрудно будет перенести инженера в Трубы.

На все это потребовалось минут сорок. Около десяти часов матрос, Наб и Герберт вернулись к Сайресу Смиту, которого ни на мгновение не покидал журналист.

Инженер к этому времени очнулся от сна, больше похожего на забытье. Легкая краска оживила его мертвенно-бледные щеки. Приподнявшись на локте, он осмотрелся вокруг и спросил, где находится.

— Не утомитесь ли вы, слушая меня, Сайрес? — спросил журналист.

— Нет, — ответил инженер.

— Мне думается, сказал моряк, — что мистеру Смиту будет куда легче вас слушать, если он поест еще немного желе из дичи. Это ведь, правда, дичь,

мистер Сайрес, — прибавил Пенкроф, предлагая инженеру глотнуть сока, к которому он на этот раз подмешал крошки мяса.

Сайрес Смит проглотил кусочек дичи. Остатки поделили между собой товарищи инженера. Они были очень голодны и нашли этот завтрак довольно скудным.

— Ничего, сказал Пенкроф. — Настоящая еда ждет нас в Трубах. Вам не мешает знать, мистер Сайрес, что там, на юге, у нас есть дом с комнатами, кроватями и отоплением, а в буфете хранится несколько дюжин птиц, которых наш Герберт называет трегонами. Носилки для вас уже готовы, и как только вы почувствуете себя достаточно сильным, мы перенесем вас в наше жилище.

— Спасибо, мой друг, — ответил инженер. — Через час или два мы сможем двинуться. А теперь, Спилет, рассказывайте.

Журналист кратко сообщил Смиту обо всем, что произошло в его отсутствие. Он рассказал о тех событиях, которые не могли быть известны инженеру: о падении шара; о высадке на землю, которая, будь то остров или материк, была, видимо, необитаема; об открытии Труб; о поисках инженера; о преданности Наба; о сообразительности верного Топа и обо всем прочем.

— Так, значит, не вы нашли меня на берегу? — спросил инженер еще не окрепшим голосом.

— Нет, — ответил журналист.

— Это не вы принесли меня сюда в пещеру?

— Нет.

— На каком она расстоянии от прибрежных утесов?

— Приблизительно в полумиле, — сказал Пенкроф. — Если вы удивлены, мистер Сайрес, то и мы тоже никак не ожидали видеть вас в этом месте.

— Действительно, это очень странно, — сказал инженер, который понемногу оживлялся, весьма заинтересованный этими подробностями.

— Не можете ли вы рассказать нам, что случилось после того, как вас унесло водой? — продолжал Пенкроф.

Сайрес Смит собрался с мыслями. Он помнил лишь весьма немногое. Налетевшая волна вырвала его из сетки аэростата. Сначала он погрузился на несколько сажен в воду. Выбравшись на поверхность, он почувствовал в полумраке, что около него копошится живое существо. Это был Топ, который бросился ему на помощь. Подняв глаза, инженер не увидел больше шара, который, освободившись от груза, унесся, как стрела. Среди гневных волн Сайрес Смит увидел берег, который

был от него не ближе чем в полумиле. Тогда он попробовал бороться с волнами и энергично поплыл вперед. Топ уцепился зубами за одежду хозяина и поддерживал его. Но вдруг быстрое, как молния, течение подхватило инженера и понесло к северу. После четверти часа упорной борьбы он пошел ко дну, увлекая Топа за собой в пучину. С этого мгновения и до той минуты, когда он очнулся среди своих товарищей, Сайрес Смит ничего уже не помнил.

— Однако, — заметил Пенкроф, — вас, несомненно, выбросило на берег и вы нашли в себе силы дойти до этого места. Ведь Наб видел отпечатки ваших шагов.

— Да, это так, — задумчиво произнес инженер. — А вы не видели других следов человека на этом побережье?

— Ни одного, — отвечал журналист. — Да если бы вам и встретился случайно некий спаситель, оказавшийся на месте как раз вовремя, то не для того же он вытащил вас из воды, чтобы тотчас же покинуть!

— Вы совершенно правы, дорогой Спилет… Скажи, Наб, — продолжал инженер, обращаясь к своему верному слуге, — это не ты, ты не мог бы, в минуту рассеянности, когда… Нет, это вздор.

Уцелел ли еще хоть один из этих следов?

— Да, господин, — ответил Наб, — тут, у входа, у самой дюны, в месте, защищенном от дождя и ветра. Остальные следы стерла буря…

— Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — возьмите, пожалуйста, мои башмаки и посмотрите, подходят ли они к этим следам.

Моряк исполнил просьбу инженера. Герберт и Пенкроф, под предводительством Наба, отправились к тому месту, где негр видел следы. Когда они ушли, Сайрес Смит сказал журналисту:

— Произошли необъяснимые вещи.

— Да, все это действительно необъяснимо, — ответил Гедеон Спилет.

— Не будем пока ломать себе голову, дорогой Спилет. Мы поговорим об этом после.

Через несколько минут моряк, Наб и Герберт возвратились обратно. Сомневаться было невозможно: башмаки инженера точно подходили к сохранившимся следам. Следовательно, их оставил на песке Сайрес Смит.

— Ну что же, — сказал инженер, — значит, у меня самого была галлюцинация, жертвой которой я считал Наба. Я ты, как лунатик, не сознавая этого, и Топ по инстинкту привел меня в эту пещеру после того, как спас из морских волн. Сюда, Топ!

Поди сюда, собака моя!

Великолепное животное с громким лаем подскочило к своему господину, который ласково погладил его. Нельзя не признать, что это было единственное объяснение обстоятельств, приведших к спасению Сайреса Смита. Топ по праву явился героем этого спасения. Около полудня Пенкроф осведомился у инженера, можно ли его переносить. Вместо ответа Смит с усилием, свидетельствовавшим о непреклонной воле, поднялся на ноги. Однако ему сейчас же пришлось опереться на плечо моряка, чтобы не упасть.

— Ну вот и хорошо, — сказал Пенкроф. — Подать сюда носилки господина инженера!

Носилки были принесены. Поперечные сучья покрыли мхом и длинными стеблями травы. Затем Сайрес Смит был положен на носилки, и маленький отряд направился к берегу. Один конец носилок нес Пенкроф, другой — Наб.

Идти предстояло восемь миль. Но так как двигаться приходилось медленно, с остановками, то расстояние до Труб могло быть пройдено не менее чем за шесть часов.

Как и накануне, дул сильный ветер, но дождь, к счастью, прекратился. Приподнявшись на локте, инженер оглядывал побережье и особенно

внимательно всматривался в противоположную от моря сторону. Он не разговаривал, а только смотрел, и вид местности, неровности почвы, лес и различные продукты природы отчетливо запечатлелись в его мозгу. Часа через два усталость, однако, взяла свое, и Сайрес Смит заснул на носилках. В половине пятого экспедиция достигла срезанной грани стеньг и вскоре была уже у Труб. Все остановились. Носилки положили на песок. Сайрес Смит спал так крепко, что не проснулся.

К величайшему своему удивлению, Пенкроф убедился, что вчерашний ураган сильно изменил вид местности. Произошли довольно значительные обвалы. На берегу лежали большие глыбы скал, все побережье было покрыто густым ковром морской травы и водорослей. Очевидно, море залило островок и докатилось до гранитного вала. Перед входом в Трубы земля была покрыта глубокими рытвинами. Несомненно, она выдержала бешеный натиск волн. Страшное предчувствие мелькнуло в мозгу Пенкрофа. Как стрела, он бросился в коридор. Почти тотчас же он вышел оттуда и застыл на месте, оглядывая своих товарищей.

Огонь погас. Зола, залитая водой, превратилась в липкую грязь. Жженая тряпка, которая должна

была заменить трут, исчезла. Море ворвалось в коридор и совершенно разорило Трубы!

ГЛАВА IX

Сайрес здесь. — Попытки Пенкрофа. — Трение дерева. — Остров или материк? — Планы инженера. — В каком месте Тихого океана? — В гуще леса. — Итальянская пиния. — Охота за дикой свиньей. — Долгожданный дым.

Пенкроф в нескольких словах рассказал журналисту, Набу и Герберту о том, что случилось. Событие, которое могло иметь весьма важные последствия — так, по крайней мере, думал Пенкроф, — произвело на друзей почтенного моряка неодинаковое впечатление.

Наб весь отдался радости свидания со своим господином и пропустил слова Пенкрофа мимо ушей.

Герберт в известной степени разделял опасения моряка.

Что же касается Гедеона Спилета, то, выслушав Пенкрофа, он кратко ответил:

— Честное слово, Пенкроф, это мне совершенно все равно.

— Но, говорю вам, наш огонь погас!

— Экая беда!

— И его нечем разжечь.

— Подумаешь!

— Но послушайте, мистер Спилет…

— Разве Сайрес не с нами? — сказал журналист. — Разве наш инженер не здесь? Он уж сумеет придумать способ добыть огонь!

— Но из чего?

— Из ничего!

Что мог Пенкроф ответить на это? Он не ответил ни слова, так как, в сущности, надеялся на Сайреса Смита не меньше своих товарищей. Инженер казался им воплощением изобретательности, хранилищем всех человеческих знаний. Лучше быть вместе с Сайресом на пустынном острове, чем без Сайреса в самом культурном из американских городов. При нем не придется терпеть ни в чем недостатка. С ним не может быть места отчаянию. Если бы этим почтенным людям сказали, что их остров погибнет от извержения вулкана, что его поглотят океанские волны, они невозмутимо ответили бы: «Сайрес здесь. Поговорите с Сайресом!»

Но пока что инженер снова погрузился в забытье, вызванное, вероятно, утомительным путешествием. Взывать к его находчивости было бессмысленно. Приходилось поэтому довольство-

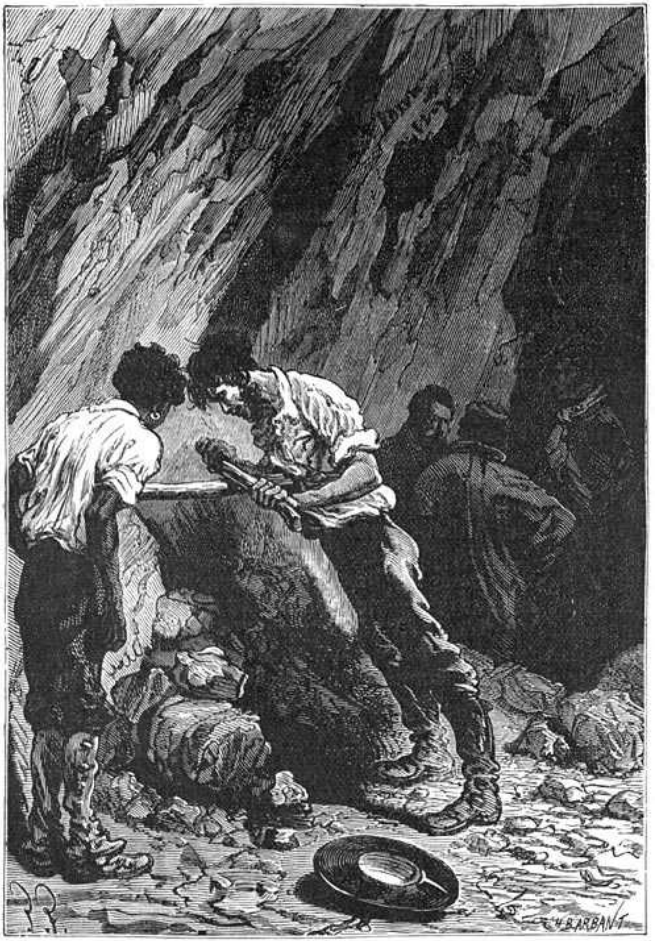
ваться весьма скудной трапезой. Мясо тетеревов было уже съедено, и не было никакого способа зажарить какую-нибудь дичину. К тому же трегоны, отложенные про запас, исчезли. Необходимо было принять какие-то меры.

Прежде всего Сайреса Смита перенесли в центральный коридор. Там удалось устроить для него сносное ложе из водорослей и морских трав, которые почти не подмокли. Крепкий сон должен был восстановить силы инженера не менее чем самая обильная пища.

Наступила ночь. Ветер направился на северо-восток, и температура сильно упала. Перегородки, поставленные Пенкрофом, были разрушены бурей, и по Трубам гулял жестокий сквозняк — Смиту пришлось бы довольно плохо, но его друзья скинули с себя пиджаки и куртки и заботливо укутали инженера.

Ужин в этот вечер состоял из порции неизменных литодом, собранных на берегу Гербертом и Набом. К этим моллюскам Герберт прибавил немного съедобных водорослей, которые он нашел на высоких скалах. Эти водоросли из семейства фукусовых принадлежат к виду саргассов. В высушенном состоянии они представляют собой студенистую массу, довольно

богатую питательными веществами. Журналист и его товарищи, поглотив порядочное количество литодом, принялись сосать эти водоросли, которые показались им довольно вкусными. Надо заметить, что на азиатском побережье они составляют неизменную пищу туземцев.


CH. BARBANT

Затем Пенкроф вздумал добыть огонь по способу дикарей и попробовал тереть друг о друга два куска дерева.

— Как бы то ни было, — заметил моряк, — мистеру Сайресу пора прийти нам на помощь.

Холод становился очень чувствительным, и не было никакой возможности с ним бороться.

Не на шутку расстроенный, моряк всеми средствами пытался добыть огонь. Даже Наб помогал ему в этом деле, Он собрал немного свежего мха и, ударяя камнем о камень, высек из них искры. Но мох, воспламеняющийся с трудом, не вспыхнул. К тому же искры, представлявшие собой частицы раскаленного кремня, были значительно меньше тех, которые вылетают из стального огнива. Попытка Наба окончилась неудачей. Тогда Пенкроф, ничуть не надеясь на успех, попробовал все-таки, по примеру дикарей, потереть друг о друга два сухих куска дерева. Конечно, если бы энергию, которую затратили Наб с Пенкрофом, можно было превратить в тепло, ее, наверное, хватило бы для отопления котла океанского парохода. Но результат их усилий равнялся нулю. Куски дерева, правда, разгорелись, но значительно меньше, чем сами участники этой операции.

После часа работы Пенкроф был весь в поту и с

досадой отбросил куски дерева, сказав:

— Не говорите мне, что дикари добывают огонь таким образом! Я скорее поверю, что летом идет снег. Мне легче зажечь собственные руки, потирая их друг о друга.

Отвергая этот способ, Пенкроф был, конечно, неправ. Достоверно известно, что дикари зажигают куски дерева посредством быстрого трения. Но не всякое дерево годится для этого, и, кроме того, нужно, как говорится, знать прием. По-видимому, Пенкроф не знал приема.

Досада моряка скоро прошла. Герберт поднял брошенные им куски дерева и, в свою очередь, начал усердно тереть их друг о друга. Здоровый моряк невольно расхохотался, видя, как юноша старается успеть в том, в чем он, Пенкроф, потерпел неудачу.

— Три, три на здоровье, мой мальчик! — сказал он.

— Я и тру, — со смехом ответил Герберт, — но только для того, чтобы согреться и не дрожать от холода. Скоро мне будет так же жарко, как тебе.

Предположение Герберта оправдалось, но, как бы то ни было, от надежды добыть огонь пришлось временно отказаться.

Гедеон Спилет раз двадцать повторил, что

такой пустяк нисколько не затруднит Сайреса Смита. А пока что он улегся на своем песчаном ложе в одном из коридоров. Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру. Топ уже мирно спал у ног своего хозяина.

На другой день, 28 марта, инженер, проснувшись часов в восемь утра, увидел возле себя своих товарищей, которые ожидали его пробуждения. Как и накануне, его первые слова были:

— Остров или материк?

Как видит читатель, эта мысль не покидала его.

— По правде сказать, мы этого не знаем, мистер Смит, — ответил ему Пенкроф.

— Вы до сих пор этого не знаете?

— Но узнаем, когда вы будете нашим проводником в этих краях, — прибавил моряк.

— Я, кажется, уже могу ходить, а значит, гожусь в проводники, — ответил инженер и без особых усилий приподнялся и встал.

— Вот это здорово! — воскликнул Пенкроф.

— Я больше всего пострадал от истощения, — продолжал инженер. — Немного пищи, друзья мои, и все будет хорошо. У вас, конечно, имеется огонь?

Ответ на этот вопрос последовал не сразу. На-

конец Пенкроф горестно сказал:

— Увы, у нас нет огня, мистер Сайрес! Точнее говоря, у нас больше нет огня.

И моряк рассказал Смиту о том, что произошло накануне. Повествование о единственной спичке и о бесплодной попытке добыть огонь трением очень позабавило инженера.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал он. — Если нам не удастся найти вещество, подобное труту…

— Что тогда? — тревожно спросил моряк.

— Тогда мы сделаем спички.

— Зажигательные?

— Да.

— Вот и все! Ничего нет легче этого! — воскликнул Гедеон Спилет, хлопая моряка по плечу.

Пенкроф подумал про себя, что это не так просто, но не стал возражать. Все вышли наружу. Погода улучшилась. Над морем поднималось яркое солнце, зажигая золотыми блестками призматические выпуклости гранита.

Быстро оглядевшись вокруг, инженер уселся на обломке скалы. Герберт подал ему пригоршню ракушек и водорослей.

— Это все, что у нас есть, мистер Сайрес, — сказал он.

— Спасибо, мой мальчик, — ответил инженер. — Пока что на утро хватит и этого.

Он с аппетитом съел свой скудный завтрак, запив его свежей водой, принесенной из реки в большой раковине. Товарищи Смита безмолвно смотрели на него. Кое-как утолив свой голод, инженер скрестил руки на груди и сказал:

— Итак, друзья мои, вы еще не знаете, куда закинула нас судьба — на материк или на остров?

— Нет, мистер Сайрес, — ответил юноша.

— Мы узнаем это завтра. А пока нам делать нечего.

— Одно дело есть, — возразил Пенкроф.

— А что же нам делать?

— Огонь, — заявил моряк, который тоже страдал навязчивыми идеями.

— Мы добудем огонь, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит. — Вчера, когда вы меня сюда несли, я как будто заметил на западе гору, возвышающуюся над этой местностью.

— Вы не ошибаетесь, — подтвердил Гедеон Спилет. Эта гора, вероятно, довольно высока.

— Очень хорошо, — сказал инженер. Завтра утром мы взберемся на ее вершину и увидим, что представляет собой эта земля: остров или материк. До тех пор делать нам нечего.

— А огонь? — снова повторил упрямый моряк.

— Будет вам и огонь, Пенкроф, — сказал Гедеон Спилет. — Потерпите немного.

Пенкроф посмотрел на журналиста с таким видом, точно хотел сказать: «Ну, если за это дело возьметесь вы, нам нескоро придется отведать жаркого». Однако он смолчал.

Сайрес Смит ничего не ответил на слова моряка. Вопрос об огне, видимо, очень мало его тревожил. После нескольких минут размышления он сказал:

— Друзья мои, наше положение, может быть, и плачевно, но, во всяком случае, оно вполне ясно. Либо мы находимся на материке, и тогда ценой известных усилий мы достигнем населенных мест, либо наша земля — остров. В последнем случае возможно одно из двух: если этот остров обитаем, мы как-нибудь выберемся отсюда с помощью его жителей; если же на нем нет жителей, нам придется выпутываться самостоятельно.

— Да, действительно, это очень просто, — сказал Пенкроф.

— Но где же, по-вашему, лежит этот материк или остров, на который нас занесла буря? — спросил Гедеон Спилет.

— В точности я этого сказать не могу, — отве-

тил инженер, — но, судя по всем данным, мы находимся в Тихом океане. Когда мы покинули Ричмонд, ветер дул с северо-востока, и самая его сила говорит за то, что он не изменил направления. Если мы действительно летели с северо-востока на юго-запад, то наш путь лежал над штатами Северная Каролина, Южная Каролина и Георгия, над Мексиканским заливом, над самой Мексикой в ее узкой части и над частью Тихого океана. Я думаю, мы покрыли не меньше шести-семи тысяч миль, и если ветер переменился хоть на полрумба, то он отнес нас либо к архипелагу Мендана, либо на острова Паумоту. Если же предположить, что скорость ветра была значительней, чем я думаю, то мы могли достигнуть даже Новой Зеландии. В случае правильности этой последней гипотезы нам будет легко вернуться на родину. Кого-нибудь, англичан или маори, мы, несомненно, встретим. Если же мы находимся на каком-нибудь необитаемом островке Микронезийского архипелага, нам, быть может, удастся это установить, взобравшись на вершину этой горы. В таком случае, придется устраиваться здесь навсегда.

— Навсегда! — воскликнул Гедеон Спилет. — Вы говорите — навсегда, мой дорогой Смит?

— Разумнее заранее приготовиться к худшему, чтобы не разочароваться потом, — ответил инженер.

— Хорошо сказано, — заметил Пенкроф. — Будем надеяться, что этот остров — если мы и вправду на острове — не лежит в стороне от морских путей. Это было бы уж слишком обидно.

— Для того чтобы узнать, как обстоит дело, нам нужно прежде всего подняться на гору, — ответил Смит.

— Но не слишком ли утомит вас подъем, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Надеюсь, что нет, если только вы с Пенкрофом окажетесь хитрыми и ловкими охотниками, — ответил инженер.

— Мистер Сайрес, — вмешался Пенкроф, — вы, кажется, говорите насчет дичи?

— Принести-то ее я принесу, а вот касательно жаренья — не знаю.

— Приносите, приносите, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит.

Было решено, что инженер и Спилет останутся в Трубах и обследуют побережье и верхнее плато. Тем временем Наб, моряк и Герберт отправятся в лес за новым запасом топлива и дичи — пернатой или пушной.

Часов в десять утра они тронулись в путь. Герберт был полон надежд, Наб сиял от радости, а Пенкроф бормотал про себя:

— Если я вернусь и найду дома огонь, я буду знать, что он упал с неба.

Охотники двинулись вверх по берегу Дойдя до излучины реки, моряк спросил товарищей:

— С чего начнем с охоты или со сбора дров?

— С охоты, — ответил Герберт. — Видишь, Топ уже делает стойку.

— Ну что же, будет охотиться, согласился Пенкроф. — Потом мы вернемся сюда и наберем хворосту. Герберт, Наб и Пенкроф выломали себе по хорошей еловой дубине и последовали за Топом, весело прыгавшим в траве. На этот раз, вместо того чтобы идти по берегу, охотники углубились в лес. По-прежнему в нем преобладали хвойные деревья, принадлежащие к семейству сосновых. В отдельных местах сосны росли не так густо и достигали огромной величины. Их значительные размеры как будто указывали, что эта местность лежит в более высоких широтах, чем предполагал инженер. Редкие прогалины, утыканные старыми пнями и покрытые хворостом, хранили неисчерпаемые запасы топлива. За прогалинами деревья снова смыкались в по-

чти непроходимую чащу.

Ориентироваться среди этих девственных зарослей было не так-то легко. Время от времени Пенкроф отмечал свой путь вехами, которые можно было заметить без груда. Но, быть может, охотники напрасно не пошли берегом, как сделали Пенкроф и Герберт в прошлый раз. После часового блуждания по лесу они не встретили никакой дичи. Топ, бегая под нижними ветками, только спугивал птиц, к которым невозможно было приблизиться. Даже трегонов нигде не было видно, и моряку предстояла неизбежная перспектива вернуться к болотам, где он так успешно ловил на удочку глухарей.

— Эге, Пенкроф, — сказал Наб слегка насмешливым гоном, — если у тебя и дальше будет не больше дичи, огня для нее потребуется немного.

— Потерпи, Наб, — ответил моряк, — дичи-то нам, во всяком случае, хватит.

— Ты, видно, не очень полагаешься на мистера Сайреса?

— Нет, я на него полагаюсь.

— Но ты не веришь, что он добудет огонь?

— Поверю, когда увижу, что дрова пылают на очаге.

— Раз мой хозяин сказал, значит огонь будет.

— Посмотрим.

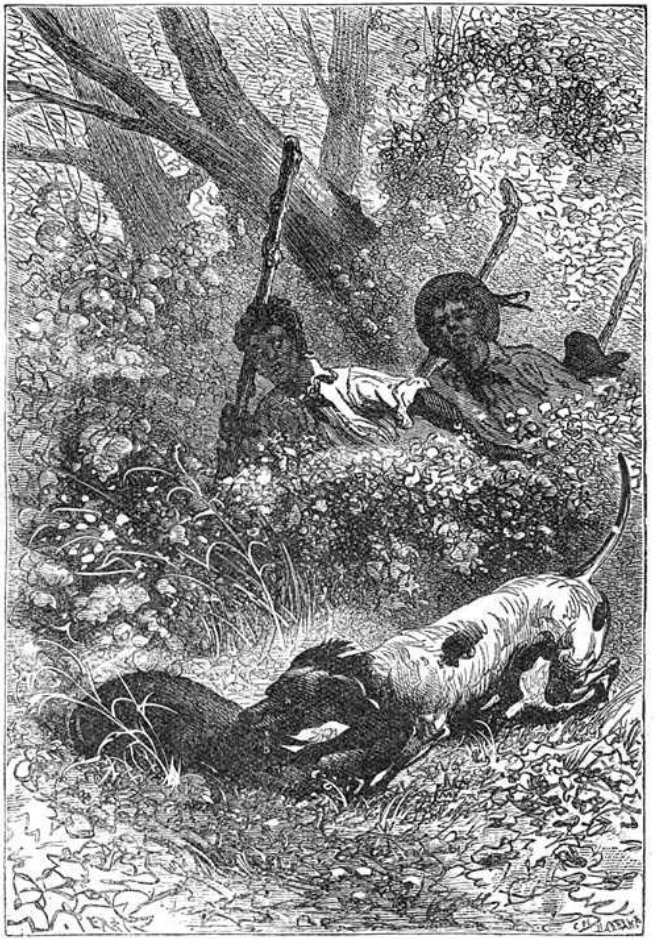
Солнце еще не достигло высшей точки над горизонтом. Экспедиция продолжалась. Скоро Герберт сделал важное открытие — он нашел дерево со съедобными плодами. Это была итальянская пиния, приносящая превосходные орехи, которые очень ценятся в умеренных зонах Америки и Европы. Орехи эти были уже спелые, и Герберт с товарищами с удовольствием ими полакомились.

— Превосходно! — сказал Пенкроф. — Водоросли вместо хлеба, сырые ракушки на жаркое и сосновые ядрышки на сладкое — вот самый подходящий обед для тех, у кого нет в кармане ни одной спички.

— Не нужно жаловаться, — сказал Герберт.

— Я и не жалуюсь, мой мальчик, — ответил Пенкроф. — Мне только кажется, что в нашем меню мяса слишком уж маловато.

— Топ что-то увидел! — закричал Наб и бросился в чащу, где слышался громкий лай умного пса; к лаю примешивалось какое-то странное хрюканье.



Герберт и Пенкроф последовали за Набом. Если недалеко была дичь, то не время было обсуждать вопрос, как изжарить добычу, ибо прежде всего ее следовало поймать.

Войдя в чащу, охотники сейчас же увидели Топа, который вцепился в ухо какого-то животного и старался его свалить. Это четвероногое, похожее на кабана, было длиной около двух с половиной футов. Его покрывала грубая темно-коричневая негустая шерсть, более светлая на брюхе. Его лапы с когтями, плотно прижатые к земле, были, по-видимому, соединены перепонкой. Герберт узнал в нем дикого кабана, одного из самых больших представителей отряда грызунов.

Кабан не пытался освободиться и только тупо вращал глазами, заплывшими толстым слоем жира. Вероятно, он видел людей в первый раз.

Наб крепко сжал в руке дубину и хотел уже ударить животное, как вдруг кабан вырвал ухо из пасти Топа и с громким ворчанием кинулся на Герберта. Едва не опрокинув растерявшегося юношу, кабан быстро исчез в лесу.

— Вот гадина! — закричал Пенкроф.

Трое охотников бросились вслед за Топом. В ту минуту, когда пес почти догнал кабана, тот неожиданно скрылся в большом болоте, осенен-

ном столетними соснами. Наб, Герберт и Пенкроф остановились. Топ бросился в воду, но кабан, спрятавшись в глубине, не показывался больше.

— Подождем, — сказал юноша. — Он скоро должен высунуться, чтобы подышать.

— А он не утонет? — спросил Наб.

— Нет, — сказал Герберт. — Ведь на лапах у него перепонки. Это почти земноводное животное. Но будем внимательно следить за ним.

Топ продолжал плавать в болоте. Пенкроф, Наб и Герберт встали на противоположных концах берега, чтобы отрезать отступление кабану, которого Топ так тщетно искал под водой.

Герберт не ошибся: через несколько минут животное показалось на поверхности. Топ одним прыжком вскочил кабану на спицу и не дал ему снова нырнуть в воду. Через мгновение кабан был вытащен на берег, и Наб прикончил его ударом дубины.

— Ура! — торжествуя, вскричал Пенкроф. — Только бы был огонь, а уж мы обгрызем эту добычу до костей.

Пенкроф взвалил кабана на плечи и, увидев по солнцу, что уже почти два часа, дал сигнал трогаться в обратный путь.

Чутье Топа очень помогло охотникам. Благода-

ря умному животному они легко нашли дорогу домой. Спустя полчаса отряд достиг излучины реки.

Как и в прошлый раз, Пенкроф быстро соорудил сплавной плот, хотя этот труд казался ему довольно бесполезным, раз у них не было огня. Пустив дрова плыть по течению реки, охотники направились к Трубам. Но, пройдя шагов пятьдесят, Пенкроф снова разразился громким «ура» и, указывая рукой на скалу, крикнул:

— Герберт! Наб! Смотрите! Над утесами вились густые клубы дыма.

ГЛАВА X

Изобретение инженера. — Вопрос, который очень тревожит Сайреса Смита. — Подъем на гору. — Лес. — Вулканическая почва. — Трапаны. — Муфлоны. — Первая площадка. — Ночной лагерь. — На вершине горы.

Через несколько секунд охотники подошли к ярко пылающему огню. Сайрес Смит и журналист стояли около него. Пенкроф, с кабаном в руках, молча смотрел на обоих.

— Вот видите, старина! — вскричал Гедеон Спилет. — Огонь, настоящий огонь, на котором прекрасно изжарится эта чудесная дичь.

— Но кто… зажег его? — спросил Пенкроф.

— Солнце!

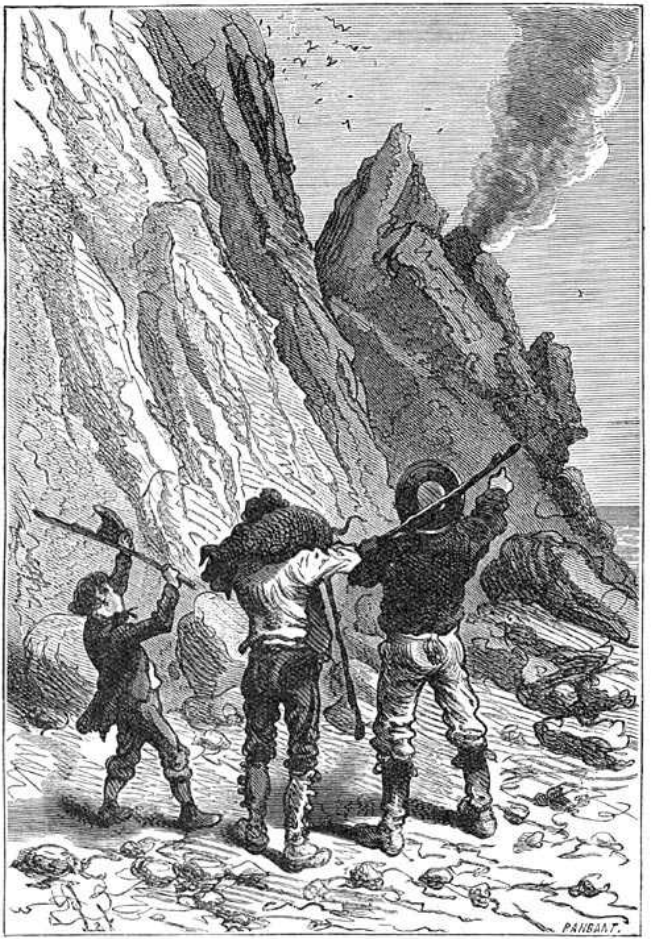
Ответ Гедеона Спилета был вполне точен: солнце действительно было источником тепла, которое столь восхищало Пенкрофа. Моряк не хотел верить своим глазам, он был до такой степени изумлен, что не мог вымолвить ни слова.

— У вас, значит, была линза, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Нет, мой мальчик, но я сделал ее, — отвечал

инженер.

И он показал Герберту прибор, заменивший ему линзу. Это были два стекла, снятые с часов инженера и Спилета. Наполнив их водой и скрепив их края с помощью глины, Сайрес Смит сфабриковал настоящее зажигательное стекло, которое сосредоточило лучи солнца на охапке сухого мха и воспламенило его.


PANBART.

Пенкроф воззрился на этот «аппарат», потом безмолвно перевел глаза на инженера. Этот взгляд был красноречивей слов. Смит казался Пенкрофу, если не божеством, то, во всяком случае, сверхчеловеком.

Наконец к нему вернулся дар речи, и он воскликнул:

— Запишите это в вашу книжечку, мистер Спилет, обязательно запишите!

— Уже записано, — ответил журналист.

С помощью Наба Пенкроф наставил вертел, и вскоре кабан, должным образом выпотрошенный, жарился на ярком огне, словно обыкновенный поросенок.

Трубы снова стали обитаемыми, не только потому, что огонь согревал коридоры, но и потому, что загородки из камня и песка были восстановлены.

Как видно, инженер и Гедеон Спилет хорошо поработали за день. Силы Сайреса Смита почти восстановились; чтобы испытать себя, он даже поднялся на верхнее плато. Оттуда он долго смотрел на вершину, которой собирался достигнуть на другой день. Привыкший на глаз определять высоту и расстояние, инженер считал, что эта гора находится в шести милях к северо-западу и

возвышается на три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Наблюдатель, находившийся на ее макушке, мог, следовательно, обозреть горизонт в районе не меньше пятидесяти миль. Очевидно, Смиту нетрудно будет разрешить вопрос: «остров или материк?», который он не без основания считал важнее всех прочих.

Ужин оказался вполне удовлетворительным. Мясо кабана нашли очень вкусным, а из водорослей и орехов вышла отличная закуска. За едой инженер больше молчал, он обдумывал план действий на завтра. Раза два Пенкроф заговаривал о том, что следует предпринять, но Сайрес Смит, человек по натуре методический, в ответ только качал головой.

— Завтра мы будем знать, что нам делать, и станем действовать соответственно, — сказал он.

Покончив с едой, подбросили на очаг новую охапку сучьев, и обитатели Труб, в том числе и верный Топ, погрузились в глубокий сон. Ничто не нарушило спокойствия ночи, и на утро 29 марта они проснулись свежие, бодрые и готовые к походу, который должен был решить их судьбу.

Все было готово для экспедиции. Остатками кабана Сайрес Смит и его товарищи могли бы питаться еще сутки. К тому же они твердо наде-

ялись пополнить свои запасы в пути. Инженер и Гедеон Спилет снова вставили часовые стекла на место, и Пенкроф, чтобы иметь трут, спалил еще кусок своего платка. А кремня в этой почве вулканического происхождения должно было быть сколько угодно.

В половине восьмого утра исследователи, вооруженные дубинами, выступили из Труб. По предложению Пенкрофа, было решено направиться к горе по уже известной дороге через лес и вернуться другим маршрутом. Эта дорога была, к тому же, и самой краткой. Путники обогнули южный угол стены и пошли вдоль левого берега реки — до того места, где она сворачивала на юго-запад. Путь, проложенный накануне среди хвойных зарослей, был легко обнаружен, и к девяти часам утра Сайрес Смит и его товарищи достигли западной окраины леса.

Поверхность почвы была сначала довольно ровной; небольшие болота сменились сухим песком. Дальше наметился небольшой подъем, ведший от берега в глубь местности. Среди зарослей изредка виднелись какие-то убегающие животные. Топ немедленно кидался за ними, но Сайрес Смит тотчас же призывал его обратно, так как время для охоты еще не наступило.

Позже — другое дело. Инженер был не такой человек, чтобы отвлечься от своего основного плана. Можно было с уверенностью сказать, что он даже не обращал внимания на внешний вид и естественные богатства окружающей природы. Его единственной целью было подняться на гору, и он неуклонно стремился к ней.

В десять часов сделали короткий привал. По выходе из леса путники могли хорошо обозреть рельеф местности. Гора состояла из двух конусов. Первый из них, усеченный на высоте двух с половиной тысяч футов, был окружен прихотливо разбросанными отрогами, похожими на раздвинутые когти огромной птичьей лапы. Эти отроги разделялись множеством долин, поросших деревьями, купы которых достигали вершины первого конуса. Северо-восточный склон горы казался менее лесистым. На нем виднелись какие-то темные глубокие полосы — вероятно, потоки лавы.

На первом конусе покоился второй конус, со слегка округленной вершиной, стоявший несколько наискось. Он походил на большую круглую, сдвинутую на ухо шляпу. Казалось, конус состоял из обнаженных пород, кое-где прорезанных красноватыми утесами.

Вершины второго конуса и стремились достигнуть путники. Выступы окружавших ее отрогов представляли самый удобный путь к этой цели.

— Мы находимся на вулканической почве, — сказал Сайрес Смит.

Его друзья, идя за ним следом, начали понемногу подниматься по заднему склону отрога, который извилистой и не слишком крутой линией вел к первому плато.

В этом месте почва изобиловала буграми, созданными работой подземных сил. Там и сям виднелись переносные валуны, глыбы базальта, куски пемзы, вулканического стекла. Редкими купами попадались хвойные деревья, которые лишь несколькими сотнями метров ниже, на дне узких ущелий, росли густыми массивами, почти непроницаемыми для солнечных лучей.

В начале восхождения на нижней гряде скал Герберт заметил отпечатки следов каких-то больших диких животных, по-видимому, недавно побывавших здесь.

— Эти звери, должно быть, не очень охотно уступят нам свои владения, — сказал Пенкроф.

— Ну что ж, — заметил журналист, которому уже приходилось охотиться на индийских тигров и африканских львов. — Мы, несомненно,

сумеем с ними расправиться. Но пока что будем настороже.

Путники понемногу поднимались, но дорога к вершине, удлиняемая обходами и различными препятствиями, была долгая. Иногда земля вдруг уходила из-под ног, и путники оказывались на краю глубоких расщелин, которые приходилось обходить. Возвращение назад и поиски более доступной тропинки требовали времени и сил. К полудню, когда маленький отряд остановился, чтобы позавтракать под сенью развесистых сосен, на краю ручья, стремительного, как водопад, до первого плато оставалось еще полдороги. Было очевидно, что его удастся достигнуть не раньше наступления сумерек.

С этого пункта вид на океан был обширнее, но справа его заслонял острый юго-восточный мыс, и нельзя было сказать, примыкает ли берег к какой-либо земле, скрытой от взоров. Слева видимость, правда, простиралась на несколько миль к северу, но на северо-западе, в том месте, где стояли наши исследователи, резко выступал вперед край мощного отрога довольно странной формы, являвшегося как бы опорой центрального конуса. Вопрос, который так беспокоил Сайреса Смита, все еще оставался поэтому загадкой. В час

дня восхождение возобновилось. Путникам пришлось отклониться к юго западу и снова зайти в глубь густых зарослей. Там под сенью деревьев летали птицы из семейства фазановых, так называемые трагопаны, с мясистым подгрудком на горле и двумя тонкими цилиндрическими наростами позади глаз. Трагопаны были величиной с петуха. Самка отличалась сплошным коричневым оперением, тогда как самец блистал ярко-красными перьями с маленькими белыми крапинками. Сильным и ловким ударом камня Гедеон Спилет убил одного из этих пернатых, на которого не без жадности взирал Пенкроф, проголодавшийся на свежем воздухе.

Выйдя из леса, наши «альпинисты», помогая друг другу, поднялись по очень крутому скату высотой футов в сто и достигли верхней площадки, поросшей редкими деревьями. Почва этой площадки была, видимо, вулканического происхождения. Теперь предстояло вернуться к западу, описывая сложные петли, чтобы облегчить себе путь. Склоны горы были почти отвесны, и приходилось тщательно выбирать место, куда поставить ногу. Наб и Герберт шли во главе, Пенкроф — в арьергарде, Сайрес Смит и журналист двигались между ними. Звери, обитавшие

на этих высотах — а их, судя по следам, было немало, несомненно, принадлежали к животным с верной поступью и сильными мускулами, вроде серн или горных коз. Некоторые из них попались на глаза путникам, и Пенкроф окрестил их другим названием.

— Бараны! — внезапно закричал он. Путники остановились шагах в пятидесяти от небольшой группы рослых животных с крепко загнутыми приплюснутыми рогами и длинной шелковистой бурой шерстью. Это были не простые бараны. Они принадлежали к виду, распространенному в гористых местностях умеренной зоны, и, по словам Герберта, назывались муфлонами.

— А годятся они на жаркое? — спросил Пенкроф.

— Да, — ответил Герберт.

— Ну, так, значит, это бараны.

Муфлоны, неподвижные среди обломков базальта, с удивлением смотрели на двуногих, которых, очевидно, встретили в первый раз. Потом в них внезапно проснулся страх, и они быстро скрылись, прыгая по скалам.

— До свидания! — крикнул Пенкроф с таким смешным выражением лица, что Сайрес Смит, Спилет, Герберт и Наб не выдержали и расхохо-

тались.

Восхождение продолжалось. На склонах горы часто можно было заметить следы лавы, разбросанные прихотливыми узорами. Иногда дорогу преграждали маленькие потухшие вулканчики, и приходилось идти вдоль их краев. В некоторых местах попадались отложения кристаллической серы, окруженной веществами, которые обычно извергаются огнедышащими горами вместе с лавой: вулканическим туфом с неправильными, сильно обожженными кристаллами и беловатым пеплом, состоящим из бесконечного множества кристалликов полевого шпата. По мере приближения к первой площадке, образованной поверхностью усеченного конуса, восхождение становилось все более затруднительным. К четырем часам дня верхняя лесная зона осталась позади. Только изредка попадались отдельные сосны, судорожно искривленные и тощие. Им, вероятно, нелегко было бороться с ветром на этой значительной высоте. К счастью для инженера и его спутников, погода стояла хорошая, было тихо. Сильный ветер на высоте трех тысяч футов немало затруднил бы их продвижение. Воздух был совершенно прозрачен. Вокруг царила полная тишина. Путники не видели солнца, скрытого

от их взоров колоссальным верхним конусом, который застилал горизонт с юго-запада. Его огромная тень становилась все длиннее, по мере того как дневное светило склонялось к западу. Легкая дымка, скорее туман, чем облака, появилась на востоке, окрашенная лучами солнца во все цвета радуги.

Всего пятьсот футов отделяли путников от площадки, на которой они хотели остановиться на ночлег, но непрестанные зигзаги удлинили это расстояние до двух миль. Почва все время, так сказать, уходила из-под ног. Откосы горы часто были столь отвесны, что путники соскальзывали вниз по застывшей лаве, если выветрившиеся борозды не давали опоры ноге.

Незаметно подкрались сумерки, и было уже почти темно, когда Сайрес Смит и его товарищи, сильно уставшие от семичасового восхождения, добрались наконец до вершины первого конуса. Тут встал вопрос об устройстве лагеря и подкреплении сил пищей и сном. Вторая площадка горы покоилась на скалах, среди которых нетрудно было найти убежище. Топлива было не особенно много. Все же можно было развести костер из сухой травы и веток кустарника, который рос на площадке. Пенкроф принялся укладывать

камни для очага, а Наб с Гербертом занялись собиранием топлива. Вскоре они вернулись с большой охапкой сучьев. Пенкроф высек огонь, жженая тряпка загорелась, и пламя, раздуваемое мощными легкими Наба, весело вспыхнуло под прикрытием скал.

Огонь должен был лишь защищать от ночной прохлады, так как Наб решил не жарить фазана и приберечь его на завтра. Меню ужина составилось из остатков кабана и нескольких дюжин орехов пинии. К половине седьмого с едой было покончено.

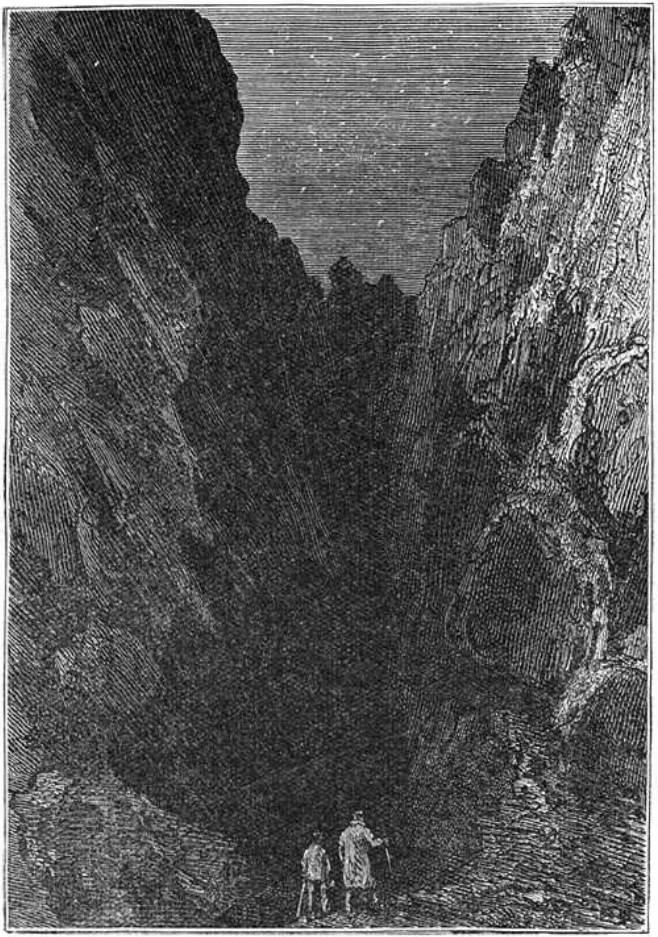
После ужина Смиту пришла мысль обследовать, пока еще не совсем стемнело, широкую круглую площадку, на которой располагался верхний конус горы. Перед тем как лечь спать, он хотел выяснить, можно ли обойти этот конус снизу, в случае если слишком отвесные склоны не позволят взобраться на вершину. Этот вопрос очень беспокоил инженера: Смит предвидел, что с северной стороны площадка может оказаться неприступной. Если же невозможно будет ни добраться до вершины горы, ни обойти ее снизу, западная часть местности окажется необследованной, и цель восхождения будет не вполне достигнута.

Инженер, предоставив Пенкрофу и Набу устраивать ночлег, а журналисту — записывать события за день, не считаясь с утомлением, двинулся вдоль круглой площадки по направлению к северу. Герберт сопровождал его.

Ночь была тихая и спокойная. Мрак еще не очень сгустился. Сайрес Смит и юноша безмолвно шагали друг возле друга. В некоторых местах площадка неожиданно расширялась, и они без труда могли идти рядом. Порой обвалы преграждали путь, оставляя лишь узкую тропинку, по которой два человека могли пробираться лишь гуськом. Минут через двадцать инженеру и Герберту пришлось остановиться. Начиная с этого места, склоны обоих конусов почти соприкасались. Между ними нельзя было заметить даже небольшого промежутка. Обойти эту гору, склоны которой поднимались под углом в 70 градусов, было невозможно. Но если инженеру и юноше пришлось отказаться от кругового обхода, зато они получили возможность возобновить восхождение вверх. Перед ними открылась глубокая впадина в массиве горы. Это был, так сказать, зев кратера, то «горлышко», через которое выходили жидкие изверженные породы, когда вулкан еще действовал. Отвердевшая лава и покрытый кор-

кой шлак образовали нечто вроде естественной лестницы с широкими ступенями, по которым было легче достигнуть вершины.

Сайрес Смит с одного взгляда оценил положение. Не колеблясь ни минуты, среди все более сгущающейся тьмы, он направился в огромную расщелину. Герберт последовал за ним.

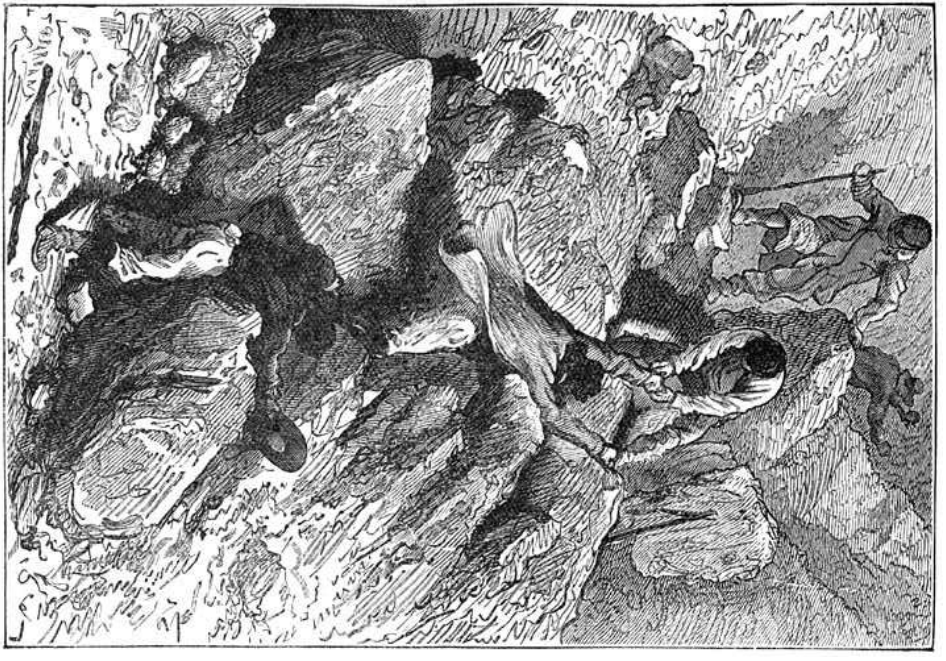


До макушки конуса оставалось еще с тысячу футов. Окажутся ли внутренние склоны горы достаточно удобными для восхождения? Это будет видно впоследствии. Инженер намеревался идти вверх, пока что-нибудь его не остановит. К счастью, углубления, сильно вытянутые в длину, шли внутри кратера широкой спиралью, что значительно облегчало подъем.

Что же касается самого вулкана, то он, несомненно, давно потух. Над его макушкой не было и следов дыма, в глубоких впадинах не сверкал огонь; ни малейшего шума, движения, шороха не слышалось в бездонной пропасти, доходившей, быть может, до самых недр земли. В воздухе кратера не чувствовалось и признаков сернистого запаха. Вулкан не спал — он совсем потух.

Попытка Сайреса Смита должна была привести к удаче. Поднимаясь по внутренним стенкам кратера, инженер и Герберт заметили, что его отверстие постепенно расширяется. Участок неба, ограниченный краями конуса, стал значительно шире. С каждым шагом в поле зрения путников попадали все новые и новые звезды. Великолепные созвездия. Южного полушария ярко сияли над их головами. В зените блистал чистым светом Антарес Скорпиона и подле него Бета Центавра.

Затем, по мере расширения кратера, появилось созвездие Рыб, Южный Треугольник и, наконец, почти на самом полюсе мира, блестящий Южный Крест — Полярная звезда Южного полушария. Было около восьми часов, когда Сайрес Смит и Герберт достигли верхнего гребня горы на вершине конуса.



Мрак стоял такой полный, что было невозможно окинуть взглядом площадь в две мили. Была ли эта неведомая земля окружена морем или она примыкала с запада к какому-нибудь материку? На этот вопрос еще нельзя было ответить. На западе ясно обрисовывалась полоса облаков, еще более подчеркивая темноту, и взор не мог определить, сливается ли море с небом.

Но вдруг на горизонте появилось бледное пятно света. Оно медленно опускалось, по мере того как облака поднимались к зениту.

Это был тонкий серп луны, уже готовой закатиться. Но ее света было достаточно, чтобы четко обрисовать линию горизонта, не закрытую теперь облаками. Инженеру удалось заметить ее мерцающий отблеск на ровной поверхности океана.

Сайрес Смит схватил Герберта за руку.

— Остров! — сказал он торжественно.

Последний луч ночного светила угас в волнах.

ГЛАВА XI

На вершине горы. — Внутренность кратера. — Всюду море. — Ни полоски земли в виду. — Вид берега с птичьего полета. — Гидрография и орография[10]. — Обитаем ли остров? — Крещение всех частей острова. — Остров Линкольна.

Полчаса спустя Сайрес Смит и Герберт вернулись в лагерь. Инженер кратко сообщил своим товарищам, что земля, на которую забросил их случай, оказалась островом и что завтра придется решать, как быть дальше. Затем каждый из островитян устроился, как мог лучше, для ночлега, и тихой ночью, в базальтовой впадине, на высоте двух тысяч пятисот футов над морем, они наконец насладились заслуженным отдыхом.

На другой день, 30 марта, после скудного завтрака, состоявшего только из жареного трагопана, Сайрес Смит решил снова подняться на вершину горы. Ему хотелось еще раз осмотреть остров,

---

[10] Примечания: 10

Орография — отдел географии, занимающийся изучением земной поверхности и строения земной коры.

где потерпевшим крушение придется остаться надолго, быть может, на всю жизнь. Инженер намеревался определить, насколько этот клочок земли отдален от материка и не лежит ли он на пути судов, которые заходят на острова Великого океана. На этот раз товарищи Сайреса тоже приняли участие в походе. Им не терпелось осмотреть остров, который должен был обеспечить их всем необходимым для жизни.

Около семи часов утра Сайрес Смит, Герберт, Пенкроф, Гедеон Спилет и Наб покинули лагерь. Никто из них, видимо, не тревожился о своей судьбе. Каждый, разумеется, верил в себя, но надо сказать, что у Сайреса Смита эта уверенность покоилась на иных основаниях, чем у его товарищей. Инженер был спокоен и убежден, что сумеет вырвать у этой дикой природы все нужное для себя и для своих спутников; последние чувствовали себя в полной безопасности именно потому, что с ними был Сайрес Смит.

Это, впрочем, вполне понятно. Пенкрофа, например, после случая с огнем уже ничто бы не смутило — даже если бы он очутился на голой скале, — лишь бы только инженер был с ним рядом.

— Ничего, — говорил бравый моряк. — Вы-

брались же мы из Ричмонда, не спрашивая разрешения у властей! Только черт может помешать нам покинуть место, где нас никто не будет задерживать.

Сайрес Смит пошел той же дорогой, что накануне. Исследователи обогнули конус, идя по плато, и достигли жерла огромной скважины. Погода была великолепная. Солнце поднималось на ясном небе, заливая своими лучами восточный склон горы.

Путники подошли к кратеру, имевшему именно такую форму, как определил инженер, рассматривая его в полумраке: он представлял собой воронку, вздымавшуюся, постепенно расширяясь, на тысячу футов над плато. У подножия трещины змеились широкие и густые потоки лавы, отмечая движение вулканических веществ, бороздивших северную часть острова.

Покатость внутренних стенок кратера не превышала тридцати пяти — сорока градусов, и подниматься по ним оказалось совсем нетрудно. Они были покрыты следами древних вулканических пород, которые, вероятно, изливались через верхнее отверстие конуса, пока боковая трещина не открыла им новый выход.

Что же касается глубины хода, соединявшего

недра земли с кратером, то определить ее на глаз было невозможно, так как ход терялся во тьме. Но вулкан окончательно потух — это было несомненно.

Еще не было восьми часов, когда инженер и его товарищи достигли вершины конического бугра, возвышавшегося над северной оконечностью кратера.

— Море, всюду море! — вскричали островитяне, не будучи в силах удержать это восклицание.

И действительно, их со всех сторон окружало море, безбрежная пелена воды. Поднимаясь на вершину конуса, инженер, быть может, рассчитывал увидеть невдалеке какой-нибудь остров, который ему не удалось рассмотреть накануне в темноте. Но до самого горизонта, то есть больше чем на пятьдесят миль в окружности, не было видно ни полоски земли, ни одного паруса. Беспредельная пелена воды казалась пустынной; остров находился как бы в центре окружности, диаметр которой представлялся бесконечным.

Несколько минут инженер и его спутники простояли неподвижно и в полном безмолвии, оглядывая океан во всех направлениях. Глаза их обыскивали его поверхность до пределов видимости. Но даже Пенкроф, одаренный столь чудесной

остротой зрения, ничего не увидел. А Пенкроф, несомненно, различил бы очертания земли, даже самые туманные, если бы она существовала, потому что природа поместила под его густыми бровями вместо глаз настоящие телескопы.

Потом взгляды путников перенеслись на остров, который был им виден как на ладони. Гедеон Спилет первый нарушил молчание и спросил:

— Каковы могут быть размеры этого острова? В самом деле, посреди безбрежного океана он не казался особенно большим.

Несколько минут Сайрес Смит размышлял. Он окинул внимательным взглядом очертания острова, сделал поправку на высоту своего наблюдательного пункта и ответил:

— Друзья мои, я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что протяжение береговой линии острова превышает сто миль…

— И, следовательно, его площадь?..

— Ее размеры трудно определить. Очертания острова слишком прихотливы.

Если расчет Сайреса Смита был правилен, то остров по величине почти равнялся Мальте или Занте в Средиземном море. Значительно более неправильный по очертаниям, он в то же время был далеко не так богат мысами, выступами,

заводями и бухтами; его странная форма поражала взор. Когда Гедеон Спилет, по предложению инженера, зарисовал контуры острова, все нашли, что он похож на какое-то фантастическое животное — гигантского моллюска, заснувшего на волнах океана.

Вот каковы были очертания острова, которые достаточно верно зарисовал Гедеон Спилет.

На восточной стороне, то есть там, где высадились потерпевшие крушение, берег имел форму широкого полукруга, края которого окаймляли обширную бухту; на юго-западе она оканчивалась острым мысом, которого Пенкроф не увидел во время своей первой экспедиции, гак как он был закрыт выступом берега. С северо-запада бухту замыкали два других мыса, между которыми проложил себе дорогу узкий залив, похожий на раскрытую пасть огромной акулы.

В направлении с северо-востока на северо-запад берег закруглялся, напоминая приплюснутый череп дикого зверя, и затем снова поднимался в виде горба; таким образом, очертания этой части острова, центром которой был вулкан, не отличались большой определенностью. От вулкана берег тянулся к югу и северу довольно ровной линией, прорезанной небольшой узкой бухтой, и

заканчивался длинной косой, похожей на хвост гигантского аллигатора[11].

Эта коса представляла собой настоящий полуостров, выступавший в море больше чем на тридцать миль от уже упомянутого юго-восточного мыса. Берега полуострова закруглялись, образуя широко открытый рейд, ограниченный нижним берегом этого столь причудливого по своим очертаниям острова.

В самом узком месте, то есть между Трубами и бухтой, расположенной на западном берегу параллельно береговой линии, ширина острова не превышала десяти миль, но длина его от северо-восточной «челюсти» до конца юго-западной косы составляла по меньшей мере миль тридцать.

Что же касается поверхности острова, то она, в общем, имела такой вид: южная его часть, от горы до берега, была покрыта густым лесом; на севере тянулись бесплодные пески. Сайрес Смит и его товарищи были очень удивлены, заметив между вулканом и восточным берегом озеро, окаймленное зелеными деревьями, о существовании которого они до сих пор не подозревали. С

[11] Примечания: 11

Аллигатор — крокодил, водящийся в североамериканских водах и у юго-восточных берегов Азии.

вершины вулкана казалось, что оно находится на уровне моря; однако, подумав, Сайрес Смит высказал мнение, что озеро выше моря, по крайней мере, на триста метров, так как плато, которое служит ему бассейном, является прямым продолжением береговой возвышенности.

— Так, значит, это озеро пресноводное? — спросил Пенкроф.

— Безусловно, — ответил инженер. — Оно, несомненно, питается водами, стекающими с горы.

— А вон речка, которая впадает в него, — сказал Герберт, указывая на небольшой ручеек, истоки которого терялись в западных отрогах горы.

— Ты прав, Герберт, — ответил Сайрес Смит. — Если этот ручей питает озеро, значит невдалеке от моря должен быть сток, по которому изливается излишек воды. Мы проверим это, когда вернемся.

Маленький этот поток и река, уже открытая раньше, составляли водную систему острова; такой, по крайней мере, она представлялась нашим исследователям. Однако было вполне возможно, что среди густых зарослей, превращавших две трети острова в сплошной лес, текли и другие реки, впадающие, в море. Это казалось вероятным, так как лесистая часть острова

изобиловала великолепными образцами флоры умеренного пояса. На северной его окраине не было, наоборот, и признака ручья или реки. На северо-западе, в болотистых местах, могли обнаружиться скопления стоячей воды. Этот район, покрытый только бесплодными песками, резко отличался от остальной части острова, поражавшей плодородием почвы.

Вулкан находился не в центре острова, а в северо-западной его оконечности, как бы на границе двух зон. На юго-западе и юго-востоке подножие горы густо поросло лесом, но с северной стороны нетрудно было заметить разветвление отрогов, которые постепенно исчезали в песках. С этой же стороны пробила себе выход лава во время извержений; широкая дорога, прорытая вулканическими породами, тянулась вплоть до узкой «челюсти» северо-восточного залива.

Сайрес Смит и его товарищи целый час простояли на вершине горы. Остров расстилался перед ними, словно раскрашенная рельефная карта — зеленая в лесистых местах, желтая на песчаных равнинах, голубая там, где была вода. Они охватили взглядом всю карту, и только земля, скрытая мощной растительностью, дно тенистых долин и глубины узких ущелий оставались недо-

ступны их взорам.

Теперь предстояло разрешить один важный вопрос. Ответ на него должен был иметь большое влияние на будущее потерпевших крушение.

Был ли остров обитаем?

Этот вопрос был поставлен журналистом, хотя казалось, что после тщательного осмотра острова на него можно было ответить только отрицательно. Нигде не было заметно следов человеческой руки. Ни одного селения, ни одной рыболовной тони на берегу. Нигде не поднимался дымок, который бы свидетельствовал о присутствии людей. Правда, целые тридцать миль отделяли исследователей от крайней оконечности острова, то есть косы, которая выступала в море на юго-западе, и на таком расстоянии даже глаза Пенкрофа не могли бы заметить человеческое жилье. Невозможно было также приподнять зеленую завесу, покрывавшую три четверти острова, и посмотреть, не таится ли за ней какое-нибудь селение. Но обитатели островов, возникших из недр Великого океана, обычно селятся ближе к берегу, а берег казался совершенно пустынным.

Итак, до более подробного исследования остров можно было считать необитаемым. Но не посещают ли его, хотя бы время от времени, туземцы

с соседних островов? Ответить на этот вопрос было трудно. На протяжении почти пятидесяти миль вокруг не было видно ни полоски земли. Но пятьдесят миль — небольшое расстояние для малайской пироги или для прадо полинезийца. Все зависело, следовательно, от того, одиноко ли стоит этот остров посреди океана или вблизи него есть другие острова. Удастся ли Сайресу Смиту определить без инструментов его широту и долготу? Это было нелегкой задачей. До выяснения этого вопроса не мешало принять некоторые меры на случай возможной высадки нежелательных гостей. Исследование острова было закончено: удалось определить его очертания, зафиксировать рельеф местности, вычислить площадь и установить распределение вод и гор. На плане журналиста было в общих чертах отмечено расположение лесов и равнин. Теперь оставалось лишь спуститься вниз по склонам горы и исследовать минеральные, растительные и животные богатства острова.

Но, прежде чем дать сигнал о спуске, Сайрес Смит обратился к своим товарищам и сказал спокойным и серьезным тоном:

— Вот, друзья мои, каков тот клочок земли, на который забросил нас случай. Здесь придется нам

жить — и, возможно, очень долго. Быть может, мы неожиданно будем спасены, если какое-нибудь судно случайно пройдет мимо острова. Я говорю «случайное», так как наш остров невелик и не имеет даже гавани, где мог бы остановиться корабль. Боюсь, что он находится в стороне от обычных морских путей, то есть слишком далеко к югу для судов, заходящих на острова тихоокеанского архипелага, и слишком далеко к северу для тех кораблей, что идут в Австралию, огибая мыс Горн. Я не хочу скрывать от вас истинного положения вещей.

— И правильно поступаете, дорогой Сайрес! — быстро ответил журналист. — Вы имеете дело с мужчинами. Мы вам верим, и вы можете вполне на нас положиться. Не так ли, друзья?

— Я буду слушаться вас во всем, мистер Сайрес! — воскликнул Герберт, крепко сжимая руку инженера.

— За моим хозяином — всюду и всегда! — вскричал Наб.

— Что до меня, — сказал моряк, — пусть меня не зовут Пенкрофом, коли я стану отлынивать от работы. Только у меня есть одна просьба.

— Какая же? — осведомился Гедеон Спилет.

— Будем считать себя не потерпевшими кру-

шение воздухоплавателями, а колонистами, которые прибыли сюда, чтобы основать поселение.

Сайрес Смит не мог удержаться от улыбки. Предложение Пенкрофа было принято.

Инженер поблагодарил товарищей и сказал, что он рассчитывает на их энергию и помощь.

— А теперь в путь, к Трубам! — воскликнул Пенкроф.

— Еще одну минуту, друзья, — сказал инженер. — Мне кажется, следовало бы как-нибудь назвать этот остров, его мысы, выступы, реки и ручьи.

— Совершенно правильно, — сказал журналист. — Тогда нам легче будет давать друг другу указания и выполнять их.

— Действительно, если можешь сказать, куда идешь или откуда приходишь, это уже немало, — заметил Пенкроф. — По крайней мере, похоже, что находишься в цивилизованной стране.

— Вот, например, Трубы, — сказал Герберт.

— Верно, — отозвался Пенкроф. — Даже такое название все-таки лучше, чем никакого, а оно само пришло мне в голову. Сохраним ли мы его для нашего первого лагеря?

— Конечно, Пенкроф, раз уж вы так его окре-

стили.

— Ладно! — воскликнул Пенкроф, который чувствовал себя в ударе. — Окрестить другие места тоже нетрудно. Назовем их, как робинзоны, про которых мне часто рассказывал Герберт: бухта Провидения, Страна Кашалотов, мыс Обманутой Надежды…

— Лучше по именам: мистера Смита, мистера Спилета, Наба, — предложил Герберт.

— Мое имя! — воскликнул Наб, сверкнув своими ослепительно белыми зубами.

— А почему же нет? — сказал Пенкроф. — Порт Наба — это звучит прекрасно. Мыс Гедеона…

— Я предложил бы названия, встречающиеся на нашей родине, — проговорил журналист.

Для главных пунктов, — сказал Сайрес Смит, — для бухт и морей это мне нравится. Назовем, например, ту большую бухту на востоке — бухтой Союза, широкую выемку на западе — бухтой Вашингтона[12], гору, на которой мы сейчас сто-

---

[12] Примечания: 12

Вашингтон Джордж (1732–1799) — североамериканский государственный и политический деятель, организатор революционных сил североамериканских колоний. В 1775 году Конгресс избрал Вашингтона главнокомандующим силами североамериканских колонистов в войне за независимость против Англии. В 1789 году Вашингтон был избран первым президентом Соединенных Штатов Америки и оставался им до 1797 года.

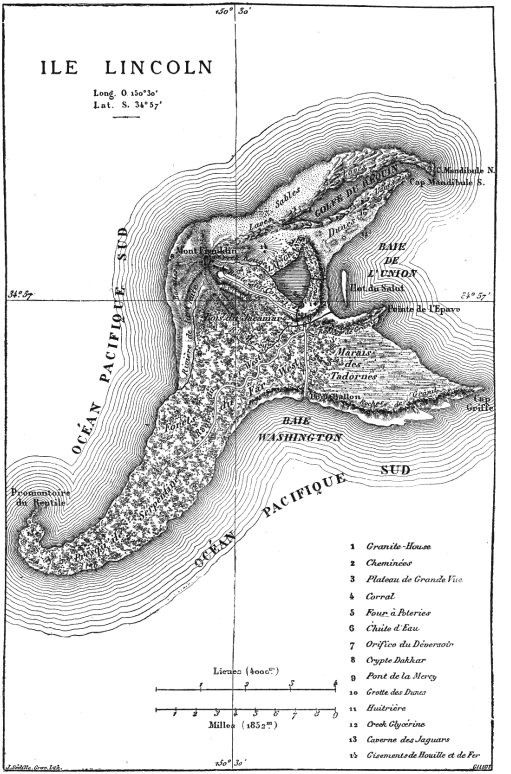
им, — горой Франклина[13], озеро, которое мы там видим, — озером Гранта. Это будет самое лучшее. Их названия будут напоминать нам о родине. Но для речек, заливов, мысов и выступов лучше выбрать названия, отражающие особенности их формы. Они лучше утвердятся в памяти, и это будет разумнее. Очертания нашего острова достаточно необычны, и нелегко будет придумать живописные названия. Что же касается потоков, которые нам еще неизвестны, неисследованных лесов и бухточек, которые мы откроем впоследствии, мы их окрестим постепенно, по мере надобности. Что вы скажете на это, друзья?

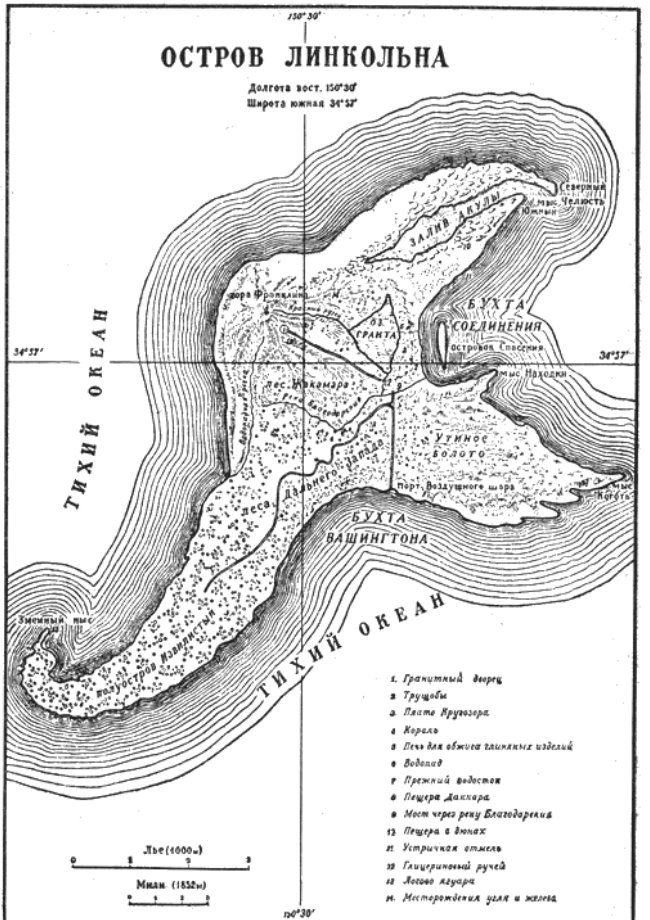
Предложение инженера было единогласно принято его товарищами.

---

[13] Примечания: 13

Франклин Вениамин (1706–1790) — североамериканский политический деятель. Играл видную роль в войне североамериканских колонистов за независимость от Англии (1775–1782). Франклин — основатель первого общества аболиционистов (сторонников борьбы за освобождение негров от рабства). Как физик Франклин знаменит изобретением молниеотвода (1762).


ILE LINCOLN
Long. O 150°30'
Lat. S. 34°57'
150° 30'
34° 57'
Cap Mandibule N.
Cap Mandibule S.
Mont Franklin
BAIE DE L'UNION
Ilet du Salut
Pointe de l'Epave
Marais des Tadornes
Cap Gerlache
BAIE WASHINGTON
OCÉAN PACIFIQUE SUD
Promontoire du Reptile
1 Granite-House
2 Cheminées
3 Plateau de Grande Vue
4 Corral
5 Four à Poteries
6 Chute d'Eau
7 Orifice du Déversoir
8 Crypte Dakkar
9 Pont de la Merey
10 Grotte des Dunes
11 Huitrière
12 Creek Glycérine
13 Caverne des Jaguars
14 Gisements de Houille et de Fer
Lieues (4000m)
Milles (1852m)


150°30'
ОСТРОВ ЛИНКОЛЬНА
Долгота вост. 150°30'
Широта южная 34°57'
Северный мыс. Челюсть
Южный
ЗАЛИВ АКУЛЫ
ТИХИЙ ОКЕАН
бухта Франклина
ГОРА ГРАНТА
БУХТА СОЕДИНЕНИЯ
островок Спасения
34°57'
мыс Находки
Лес. Макомара
Угиное болото
Порт. Воздушного шара
мыс Когтя
Лес Дерева Запада
БУХТА ВАШИНГТОНА
Змеиный мыс
ПОЛУОСТРОВ ИЗБАВЛЕНИЯ
ТИХИЙ ОКЕАН
1. Гранитный утес
2. Трущобы
3. Плато Круговое
4. Коралл
5. Печь для обжига глиняных изделий
6. Водопад
7. Прежний водосток
8. Пещера Даккара
9. Мост через реку Благодарения
10. Пещера в дюнах
11. Устричная отмель
12. Глицериновый ручей
13. Лесной кедр
14. Месторождения угля и железа
Лье (4000м.)
Милн. (1852м.)
150°30'

Остров расстилался перед ними, словно развернутая карта, и оставалось только присвоить какие-нибудь названия ее вдающимся и выступающим углам и выпуклостям. Гедеону Спилету предстояло их записать, и таким образом географическая номенклатура острова должна была быть окончательно установлена.

Прежде всего, следуя предложению инженера, окрестили бухту Союза, бухту Вашингтона и гору Франклина.

— Теперь, — сказал журналист, — я предложил бы назвать этот полуостров, выступающий в море на юго-западе, Змеиным полуостровом, а выгнутую косу, которой он заканчивается, мысом Пресмыкающегося. Он действительно очень похож на хвост крокодила.

— Принято, — сказал инженер.

— А другую оконечность, которая так напоминает разинутую пасть, назовем заливом Акулы.

— Хорошо придумано! — воскликнул Пенкроф. — Мы завершим картину, если назовем обе челюсти мысом Челюстей.

— Но мысов ведь два, — заметил Гедеон Спилет.

— Ну что ж, — ответил Пенкроф. — У нас будет мыс Северной Челюсти и мыс Южной Челюсти.

— Записано, — сказал Спилет.

— Остается только как-нибудь назвать стрелку на юго-восточной оконечности острова, — сказал Пенкроф.

— То есть оконечности бухты Союза, — уточнил Герберт.

— Мыс Когтя! — сейчас же вскричал Наб, которому тоже хотелось окрестить какую-нибудь часть своих владений.

И действительно, Наб нашел превосходное название, так как мыс был похож на мощную когтистую лапу фантастического животного, каким казался весь этот странный остров.

Пенкроф был восхищен таким оборотом дела. Несколько приподнятое воображение исследователей вскоре создало еще ряд названий.

Река, близ которой шар выбросил колонистов и которая снабжала их питьевой водой, была названа рекой Благодарности — в знак признательности судьбе.

Островок, на который вышли вначале потерпевшие крушение, получил название острова Спасения.

Плато, венчающее стену над Трубами, с которого можно было видеть всю большую бухту, окрестили плато Дальнего Вида.

И, наконец, непроходимая чаща, покрывающая Змеиный полуостров, была наречена лесом Дальнего Запада.

Таким образом, видимые и известные части острова получили названия.

В будущем, по мере новых открытий, номенклатура их должна была постепенно пополняться.

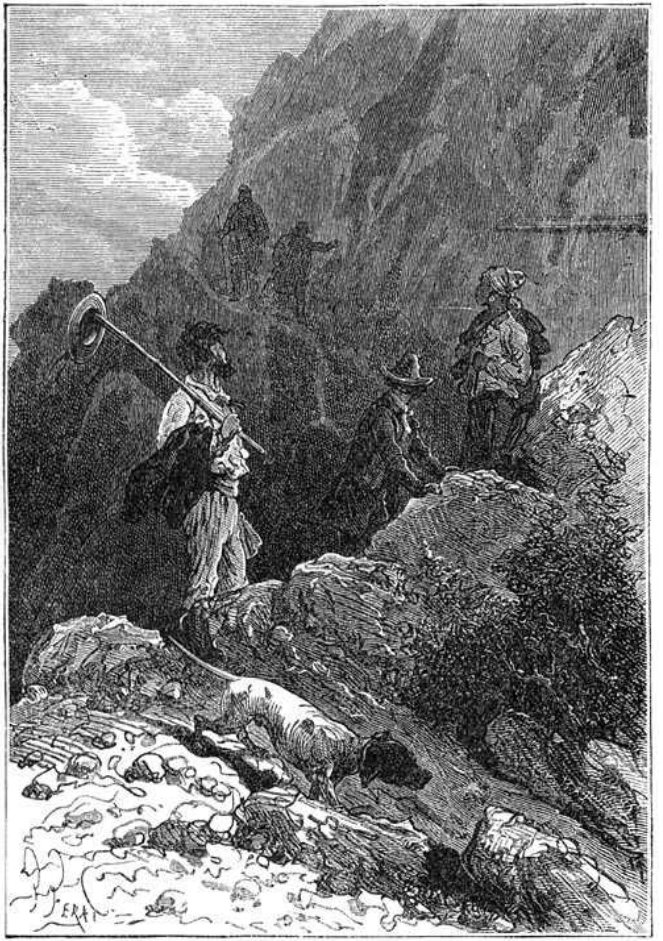
Что же касается положения острова относительно стран света, то Сайрес Смит определил его приблизительно по высоте и положению солнца на небе, причем оказалось, что на востоке лежат бухта Союза и все плато Дальнего Вида. На следующий день инженер намеревался отметить точное время восхода и захода солнца, установить положение дневного светила на небе в этот промежуток и таким образом определить, где находится север. (В Южном полушарии солнце, достигнув на небе высшей точки, склоняется в своем кажущемся движении к северу, а не к югу, как в северных широтах.) Пока что все было закончено, и колонистам оставалось только спуститься с горы Франклина и вернуться в Трубы. Но неожиданно Пенкроф вскричал:

— Ну и рассеянный же мы народ!

— Что такое? — осведомился Гедеон Спилет, который закрыл свою записную книжку и под-

нялся, собираясь тронуться в путь.

— А наш остров? Мы забыли его окрестить!



Герберт хотел было предложить назвать остров именем Сайреса Смита, и все бы охотно поддержали его, но тут инженер сказал:

— Назовем его, друзья, в честь великого гражданина, который борется теперь за единство республики. Назовем его островом Линкольна![14]

Троекратное «ура» было ответом на это предложение. Вечером, перед тем как заснуть, колонисты долго говорили об Америке, об ужасной войне, заливающей ее кровью, и никто из них не сомневался, что южане вскоре потерпят поражение, и дело Севера дело справедливости — восторжествует благодаря Гранту и Линкольну.

Это было 30 марта 1865 года. Колонисты не знали, что две недели спустя в Вашингтоне совершится страшное злодеяние, и Авраам Линкольн падет, сраженный пулей фанатика.

---

[14] Примечания: 14

Линкольн Авраам (1809–1865) — североамериканский государственный деятель, виднейший представитель Республиканской партии. В 1861 году Линкольн был избран президентом Соединенных Штатов Америки. Рабовладельцы-южане, ненавидевшие и боявшиеся Линкольна, подняли мятеж. В 1862 году Линкольн издал закон об отмене рабства в Америке. В 1864 году Линкольн, переизбранный президентом, получил приветствие от I Интернационала, написанное Карлом Марксом. Через пять дней после успешного окончания войны (14 апреля 1865 года) Линкольн был убит актером, подосланным рабовладельцами.

ГЛАВА XII

Регулирование часов. — Пенкроф доволен. — Подозрительный дым — Течение Красного ручья. — Флора острова Линкольна. — Животный мир. — Горные фазаны. — Погоня за кенгуру. — Агути. — Озеро Гранта. — Возвращение в Трубы.

Окинув последним взглядом местность, колонисты острова Линкольна обошли вокруг узкой вершины кратера и спустя полчаса уже снова были на первом плато, у своего ночного лагеря.

Пенкроф решил, что уже пора завтракать. По этому поводу был поднят вопрос о необходимости правильно поставить часы Сайреса Смита и журналиста. Как мы уже знаем, вода пощадила часы Гедеона Спилета, который раньше других был выброшен на песок далеко от моря. Это был прекрасно отрегулированный инструмент, настоящий карманный хронометр, и Гедеон Спилет каждый день аккуратно заводил его. Что же касается часов инженера, то они, разумеется, остановились и стояли все время, пока Сайрес Смит находился в дюнах. Инженер завел их и,

определив по солнцу, что около девяти часов утра, поставил стрелки на это время. Гедеон Спилет собирался сделать то же самое, но Сайрес Смит движением руки остановил его и сказал:

— Нет, подождите, дорогой друг. Ваши часы сохранили ричмондское время?

— Да.

— Следовательно, они поставлены по меридиану этого города, который почти совпадает с меридианом Вашингтона?

— Разумеется.

— Ну, так и не трогайте их. Заводите ваши часы как можно аккуратнее, но не переводите стрелок. Их показания могут быть нам полезны.

«Вот уж не знаю чем!» — подумал Пенкроф.

Колонисты позавтракали, и притом так плотно, что все запасы дичи и зерен оказались исчерпанными. Но это ничуть не потревожило Пенкрофа — он рассчитывал их пополнить на обратном пути. Тот, кому достается довольно скудный паек, наверное, сумеет отыскать в кустах какую-нибудь дичину. Кроме того, моряк был намерен без дальнейших околичностей просить инженера изготовить порох и несколько охотничьих ружей. По его мнению, это не должно было представить никаких трудностей для инженера. Покидая

плато, Сайрес Смит предложил товарищам вернуться в Трубы другой дорогой. Ему хотелось обследовать озеро Гранта, окаймленное красивой зеленой рамкой. Путники двинулись вдоль гребня одного из отрогов, в котором, вероятно, находились истоки ручья, питающего озеро. В разговоре колонисты называли различные части острова их новыми именами, что очень помогало им объясняться. Герберт и Пенкроф — один еще совсем юный, а другой непосредственный, как ребенок — были в восторге. Моряк то и дело восклицал:

— Эге, Герберт, как здорово! Теперь мы не можем заблудиться. Пойдем ли мы по дороге к озеру Гранта или выйдем к реке Благодарности лесом Дальнего Запада, мы все равно окажемся возле плато Дальнего Вида и, значит, возле бухты Союза!

Было условлено, что колонисты, не сбиваясь в кучу, все же будут держаться поблизости друг от друга. Очень возможно, что в густом лесу водятся опасные животные, и следовало быть настороже.

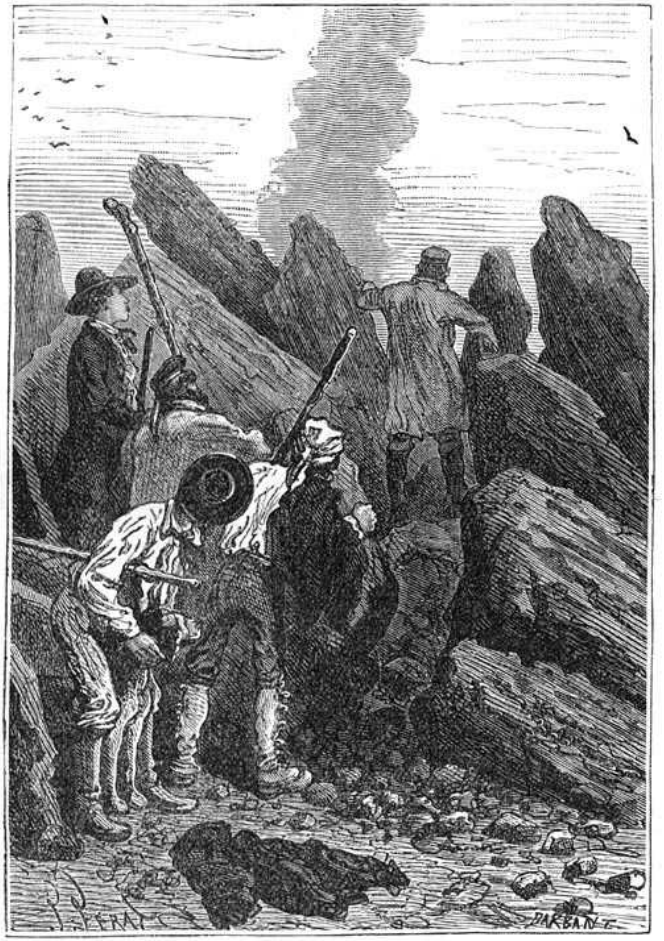
Пенкроф, Наб и Герберт шли во главе, предшествуемые Топом, который рыскал в кустах. Инженер и Гедеон Спилет следовали за ними.

Журналист держал наготове карандаш, чтобы записать малейшее происшествие. Инженер почти все время молчал и иногда сворачивал в сторону, подбирая с дороги какой-нибудь камень или растение, которое он безмолвно клал в карман.

— Что это он, черт возьми, подбирает? — бормотал Пенкроф. — Честное слово, я бы не стал из-за этого нагибаться!

Около десяти часов маленький отряд миновал последние уступы горы Франклина. Земля здесь была покрыта лишь кустарниками и редкими деревьями. Желтая, высохшая равнина тянулась на целую милю, доходя до самой опушки леса. Изрытая поверхность этой равнины была усеяна огромными глыбами базальта, которым понадобилось, чтобы остыть, триста пятьдесят миллионов лет. На ней, однако, не было видно следов лавы, которая изливалась главным образом по северным склонам горы.

Сайрес Смит рассчитывал беспрепятственно достигнуть ручья, который, по его мнению, должен был протекать под деревьями, вдоль опушки леса. Но вдруг он увидел, что Герберт поспешно направился назад, а Пенкроф с Набом спрятались за скалы.



— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— Дым, — ответил Герберт. — Мы увидели между скалами в ста шагах от нас столб дыма.

— Как! Здесь могут быть люди? — вскричал Гедеон Спилет.

— Не будем им показываться, пока не узнаем, с кем мы имеем дело, сказал инженер. — Присутствие туземцев на этом острове больше испугало бы меня, нежели обрадовало. Где Топ?

— Топ впереди.

— Он не лает?

— Нет.

— Странно! Попробуем его позвать.

Через несколько мгновений инженер, Гедеон Спилет и Герберт нагнали своих двух товарищей и тоже притаились за обломками базальта. Они явственно увидели желтоватый дым, который, извиваясь, поднимался в воздухе. Инженер легким свистом подозвал Топа и, сделав своим товарищам знак его подождать, осторожно пополз между скалами. Колонисты не двигались с места, с беспокойством ожидая результатов этой разведки. Вскоре Сайрес Смит криком позвал их к себе. Товарищи инженера, радостные, подбежали к нему и сразу почувствовали резкий, неприятный запах, пропитавший воздух. Инже-

неру достаточно было ощутить этот запах, чтобы догадаться, что означает дым, который сначала его встревожил.

— Это огонь, или, скорее, дым, обязан своим происхождением самой природе, сказал он. — Здесь протекает сернистый источник, который поможет нам лечить болезни горла.

— Здорово! — воскликнул Пенкроф. — Как жаль, что я не простужен!

Колонисты направились к тому месту, откуда выходил дым. Они увидели между скалами довольно обильный сернистый источник. Он издавал резкий запах сернистого водорода.

Сайрес Смит опустил руку в воду и убедился, что она маслянисто на ощупь. Попробовав воду, он нашел ее сладковатой. Что же касается температуры источника, то, по мнению инженера, она равнялась 95 градусам по Фаренгейту (35 градусов выше нуля по стоградусной шкале). Герберт поинтересовался, на чем основано это его определение.

— Очень просто, мой мальчик, — сказал инженер — Погрузив руку в воду, я не ощутил ни тепла, ни холода.

Следовательно, температура воды соответствует температуре человеческого тела, которая

приблизительно равна девяноста пяти градусам по Фаренгейту.

Сернистый источник был в данное время совершенно бесполезен колонистам, и они направились к густой опушке леса, находившейся в нескольких сотнях шагов.

Там, как и думал инженер, протекала быстрая речка. Ее прозрачные воды струились между высокими берегами, покрытыми красной землей, цвет которой свидетельствовал о наличии в ней железа. Из-за этой окраски речка немедленно получила название Красного ручья, так как, в сущности, это был скорее большой ручей, глубокий и прозрачный, образовавшийся из горных потоков. В некоторых местах он мирно струился по песку, в других с шумом несся по скалам или водопадом устремлялся к озеру. Длина его составляла полторы мили, ширина — от тридцати до сорока футов. Вода в этом ручье была пресная это заставляло предполагать, что озеро тоже было пресноводным. Это обстоятельство могло оказаться очень полезным в том случае, если бы на берегу озера удалось найти более удобное жилище, чем Трубы. Большинство деревьев, осенявших берега ручья, принадлежали к породам, распространенным в умеренных поясах

Австралии или Тасмании. Это не были заросли, как в той части острова, в нескольких милях от плато Дальнего Вида, которую колонисты успели уже исследовать. В это время года — в апреле, который в южном полушарии соответствует европейскому октябрю, листва на деревьях еще не поредела. Среди них преобладали казуарины и эвкалипты. Купы австралийских кедров возвышались вокруг прогалин, покрытых густой травой, но кокосовые пальмы, столь многочисленные на тихоокеанском архипелаге, видимо, отсутствовали на острове Линкольна, расположенном в слишком низких широтах.

— Какая жалость! — воскликнул Герберт — Это такое полезное дерево, и плоды его так красивы!

Что же касается птиц, то лес прямо кишел ими в негустых ветвях казуарин и эвкалиптов, где ничто не мешало им распускать крылья. Черные, серые и белые какаду, попугаи, окрашенные во все цвета радуги, зеленые корольки с красным хохолком летали взад и вперед, наполняя воздух оглушительным щебетанием.

Внезапно в одной из зарослей поднялся какой-то странный, нестройный шум: пение птиц, крики зверей и своеобразное щелканье, которое можно было принять за звуки туземной речи. Наб

и Герберт, забыв элементарную осторожность, бросились к этой заросли. К счастью, они увидели не диких животных и не страшных дикарей, а всего-навсего с полдюжины певчих пересмешников, которых называют горными фазанами. Несколько ловких ударов палкой прекратили этот концерт и доставили колонистам прекрасную дичь на ужин.

Герберт увидел также красивых голубей с бронзовыми крыльями. У некоторых из них были великолепные гребешки, других, подобно их родичам, Port-Macquarie, украшало зеленое оперение. Но поймать их оказалось столь же трудно, как ворон и сорок, которые улетали целыми стаями. Один выстрел из дробовика сразу уничтожил бы стаю этих птиц, но у наших колонистов пока еще не было других орудий охоты, кроме камней и палок. Нельзя сказать, что эти примитивные орудия удовлетворяли их.

Особенно ясно проявилось несовершенство их орудий, когда в зарослях пробежало, прыгая и взлетая в воздух на тридцать футов, большое стадо четвероногих. Это были настоящие летучие млекопитающие. Они прыгали так проворно и так высоко, что казалось, будто они скачут по деревьям, как белки.

— Это кенгуру! — вскричал Герберт.

— А их можно есть? — осведомился Пенкроф.

— Если их потушить, — сказал журналист, — они не уступят самой хорошей дичи.

Не успел Гедеон Спилет закончить эту фразу, как раззадоренный моряк в сопровождении Наба и Герберта кинулся по следам кенгуру. Сайрес Смит тщетно пытался остановить их. Но столь же тщетным должно было оказаться преследование этих проворных животных, которые подпрыгивали, как мячи. После пятиминутной погони охотники совершенно запыхались, и стадо кенгуру скрылось в кустах. Топ потерпел такую же неудачу, как и его хозяева.

— Мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф, как только инженер и журналист подошли к нему, — мистер Сайрес, вы сами видите, что нам необходимы ружья! Их можно будет сделать?

— Может быть, — ответил инженер. — Но сначала мы изготовим лук и стрелы. Я уверен, что вы скоро научитесь владеть ими так же искусно, как австралийские охотники.

— Луки, стрелы! — с презрительной гримасой сказал Пенкроф.

— Это детские игрушки.

— Не привередничайте, друг Пенкроф, — ото-

звался журналист.

— Лук и стрелы много веков заливали весь мир кровью. Порох изобретен совсем недавно, а войны, к несчастью, вещь столь же древняя, как человеческий род.

— Это правильно, мистер Спилет, — сказал Пенкроф. — Я всегда говорю, не подумав. Простите меня.

Между тем Герберт, увлекшись своей любимой наукой естествознанием, снова заговорил о кенгуру.

— Имейте в виду, сказал он, — что кенгуру этой разновидности труднее всего поймать. Это были великаны с длинным серым мехом. Но, если я не ошибаюсь, существуют еще черные и красные кенгуру, скалистые кенгуру и сумчатые крысы, завладеть которыми уже легче. Кенгуру насчитывают не меньше дюжины видов.

— Для меня, — наставительно сказал моряк, существует только одна разновидность кенгуру «кенгуру на вертеле», но как раз эта разновидность обошла нас сегодня.

Новая классификация почтенного моряка вызвала общий хохот.

Пенкроф не скрыл своего огорчения, что его обед будет состоять из одних фазанов. Но судьба

и на этот раз проявила к нему благосклонность.

Топ, который чувствовал что и его интересы тоже в достаточной степени затронуты, бегал и рыскал повсюду, подгоняемый чутьем, удвоенным диким аппетитом. Вероятно, он при этом охотился только для себя, и если бы ему на зуб попалась какая-нибудь дичина, охотники вряд ли полакомились бы ею. Но Наб хорошо делал, внимательно следя за Топом.

Около трех часов собака скрылась в кустах, и вскоре оттуда послышалось глухое ворчание. Очевидно, Топ схватился с каким-то зверем.

Наб кинулся на шум и увидел, что Топ с жадностью пожирал какое-то четвероногое животное. Опоздай Наб на десять секунд — и оно бы окончательно перешло в желудок Топа, так что породу его нельзя было бы и определить. Но, к счастью, Топ наткнулся на целый выводок этих животных. Он убил с одного раза трех грызунов — найденные им животные принадлежали именно к этому отряду, — остальные два лежали на земле бездыханные.

Наб с торжествующим видом вышел из кустов, держа в каждой руке по экземпляру. По величине эти грызуны несколько превосходили зайца. Их желтый мех был усеян зеленоватыми пятнами, а

хвост существовал лишь в зачаточном виде.

Это были мара — животные, похожие на агути, но несколько больше по величине, чем их родичи из тропических стран, — настоящие американские кролики с длинными ушами и пятью коренными зубами с каждой стороны челюсти. Эта последняя особенность отличает их от агути.

— Ура! — закричал Пенкроф. — Вот и жаркое приехало! Теперь можно возвращаться домой.

Колонисты снова двинулись в путь. Красный ручей по-прежнему струил свои прозрачные воды под сенью казуарин, банксий[15] и гигантских камедных деревьев. Великолепные лилии возвышались на двадцать футов с лишком. Другие древовидные растения, не знакомые юному натуралисту, склоняли свои ветви над ручьем, который тихо журчал в своей зеленой колыбели.

Ширина потока значительно увеличилась, и Сайрес Смит решил, что это указывает на близость устья. И действительно, выйдя из лесной чащи, колонисты увидели его.

Наши исследователи достигли западного берега озера Гранта. Там было на что посмотреть.

---

[15] Примечания: 15

Банксия — кустарники и деревья, насчитывает 46 видов. Банксия — австралийское растение имеет яркие цветы, разводится в оранжереях. На юге Европы некоторые виды банксий зимуют на открытом воздухе.

Озеро, имевшее около семи миль в окружности и простиравшееся на площади в двести пятьдесят акров[16], окаймляла рамка разнообразных деревьев. На востоке сквозь живописные просветы зеленой завесы виднелась ослепительная гладь моря. На севере озеро образовало слегка вогнутую излучину, составлявшую резкий контраст с острой линией нижней стенки. На берегах этого маленького Онтарио кишело множество водяных птиц. «Тысячи островов» американского озера были здесь представлены скалой, возвышавшейся над поверхностью воды в нескольких сотнях футов от южного берега. На этой скале поселились множество зимородков; взгромоздясь на камень, они сидели, важные, недвижимые, следя за проплывающей рыбой, и вдруг с пронзительным криком бросались в воду и выплывали с добычей в клюве. На берегах озера и на острове гордо расхаживали дикие утки, пеликаны, водяные курочки, красноклювки, филероны, язык которых имеет форму кисточки, и несколько экземпляров великолепных лирохвостов.

Вода в озере была пресная, прозрачная, слегка черноватая. На поверхности все время вскипали,

---

[16] Примечания: 16
Около двухсот гектаров.

перекрещиваясь, небольшие концентрические водовороты, что указывало на изобилие рыбы.

— Вот красивое озеро! — сказал Гедеон Спилет — Хорошо бы пожить здесь на берегу.

— И поживем, — ответил Сайрес Смит. Чтобы кратчайшим путем вернуться в Трубы, колонисты спустились до того места, где берега озера сходились углом. Не без труда проложив себе дорогу сквозь кусты и заросли, которых еще не касалась рука человека, они направились к морскому берегу, желая выйти на северную сторону плато Дальнего Вида. Пройдя еще две мили, они увидели из-за деревьев плато, поросшее густой травой, за которым расстилалось безбрежное море.

Чтобы вернуться в Трубы, оставалось пересечь плоскогорье наискось и спуститься к излучине, образованной первым поворотом реки Благодарности. Но инженеру хотелось установить, как и куда изливались избыточные воды озера. Поэтому исследователи прошли под сенью деревьев еще полторы мили к северу. Где-нибудь, несомненно, должен был быть спуск; вероятнее всего, вода изливалась через расщелину в граните. Ведь озеро Гранта, в сущности, представляло собой гигантский бассейн, который постепенно

наполнялся водой Красного ручья, и избыток ее должен был изливаться через какой-нибудь спуск. Если бы это действительно оказалось так, инженер рассчитывал попытаться использовать силу водопада, которая пропадала даром.

Исследователи прошли еще милю вдоль берега озера, вверх по плато, но Сайресу Смиту так и не удалось обнаружить водоспуск, хотя он, несомненно, существовал.

Было половина пятого. Пришлось возвратиться домой, чтобы приготовить обед. Маленький отряд повернул обратно, и Сайрес Смит с товарищами направился в Трубы по левому берегу реки Благодарности.

По возвращении немедленно развели огонь, и Наб с Пенкрофом, которые взяли на себя обязанность готовить пищу, быстро изжарили агути; их стряпня имела большой успех.

После ужина, когда все собрались ложиться спать, Сайрес Смит вынул из кармана несколько образчиков минералов и сказал:

— Друзья мои, вот железная руда, вот серный колчедан, вот глина, вот известь, вот уголь. Все это дает нам природа, и такова ее доля участия в общей работе. Теперь будущее за нас!

ГЛАВА XIII

Что можно найти на шее у Топа. — Изготовление луков и стрел. — Кирпичный завод. — Обжигательная печь. — Различная кухонная посуда. — Первый суп. — Чернобыльник. — Южный Крест. — Важное астрономическое наблюдение.

— Итак, с чего же мы начнем, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф на следующее утро.

— С самого начала, — ответил Сайрес Смит. И действительно, колонисты были вынуждены начать именно «с начала». У них не было даже орудий, необходимых для изготовления инструментов, и они находились в худших условиях, чем природа, у которой «достаточно времени, чтобы экономить силы». Времени у них было мало, и если благодаря опыту прошлого они не должны были ничего изобретать, то зато были вынуждены все выделывать сами. Железом и сталью они располагали только в виде руды, гончарными изделиями — в виде глины, бельем и одеждой — в виде сырья для прядения.

Следует, впрочем, сказать, что наши колонисты

были мужчинами в самом лучшем смысле слова. У Сайреса Смита не могло быть более разумных, преданных и трудолюбивых товарищей. Инженер успел их расспросить; он знал способности каждого.

Гедеон Спилет, очень талантливый журналист, который всему учился, чтобы иметь возможность обо всем говорить, должен был оказать большую помощь в колонизации острова как своей головой, так и руками. Он не отказывался ни от какой работы. Будучи страстным охотником, Спилет легко мог превратить в ремесло то, что раньше считал только забавой. Герберт, благородный и честный юноша, уже теперь очень сведущий в естественной истории, несомненно, мог принести немалую пользу общему делу. Наб являл собой воплощенную преданность. Ловкий, сметливый, неутомимый и сильный, железного здоровья, он кое-что понимал в кузнечном деле и мог оказаться очень полезным колонистам. Что же касается Пенкрофа, то он плавал по всем океанам, был плотником на корабельных верфях в Бруклине, младшим портным на кораблях, земледельцем и садовником во время отпуска и т. д.

Как все морские люди, он был годен на все и все умел делать.

Поистине, трудно было бы собрать в одном месте пять человек, лучше приспособленных для борьбы с судьбой и более уверенных в победе!

«С самого начала», — сказал Сайрес Смит. «Начало», которое он имел в виду, должно было заключаться в изготовлении орудия, способного преобразовывать естественную продукцию природы. Известно, какую роль играет тепло в этих преобразованиях. Топливо — дрова или каменный уголь — можно было использовать непосредственно. Оставалось, значит, построить печь для его использования.

— Для чего нам понадобится печь? — спросил Пенкроф.

— Чтобы изготовлять необходимые гончарные изделия, — ответил Сайрес Смит.

— Но из чего мы построим печь?

— Из кирпичей.

— А кирпичи из чего мы сделаем?

— Из глины. В путь, друзья! Чтобы избежать переноски, мы установим мастерскую на самом месте производства. Наб будет доставлять нам пищевые продукты, а огня, чтобы их варить, у нас хватит.

— Все это так, сказал журналист. — Но что, если не хватит продуктов? Ведь у нас нет охотничьих

приспособлений.

— О, если бы у нас был хоть один ножик! — воскликнул Пенкроф.

— Что тогда? — спросил Сайрес Смит.

— Тогда бы я мигом сделал стрелы и лук, и в нашем буфете было бы сколько угодно дичи.

— Да, нож, острое лезвие… — повторил инженер, как будто думая вслух. Его взгляд обратился на Топа, который бегал по берегу. Вдруг глаза инженера заблестели.

— Эй, Топ, сюда! — крикнул он.

Собака быстро подбежала к хозяину. Сайрес Смит обнял руками голову Топа и, расстегнув ошейник, сломал его пополам.

— Вот вам два ножа, Пенкроф, — сказал он.

Ответом было двукратное «ура» моряка. Ошейник Топа был сделан из тонкой полоски закаленной стали. Оставалось только поточить лезвия на куске песчаника, чтобы заострить края, и затем снять «бородку» на более тонком камне. Песчаниковых скал было на берегу сколько угодно, и два часа спустя инвентарь колонистов состоял уже из двух острых лезвий, которые без труда удалось насадить на крепкие деревянные ручки.

Приобретение этого первого инструмента было встречено криками торжества.

Это действительно было ценное достижение, и притом весьма кстати. Отряд тронулся в путь. Сайрес Смит намеревался вернуться на западный берег озера, где он накануне нашел глину. Образчик ее он взял с собой. Колонисты двинулись берегом реки Благодарности, пересекли плато Дальнего Вида и, пройдя не больше пяти миль, достигли полянки, расположенной в двухстах шагах от озера Гранта.

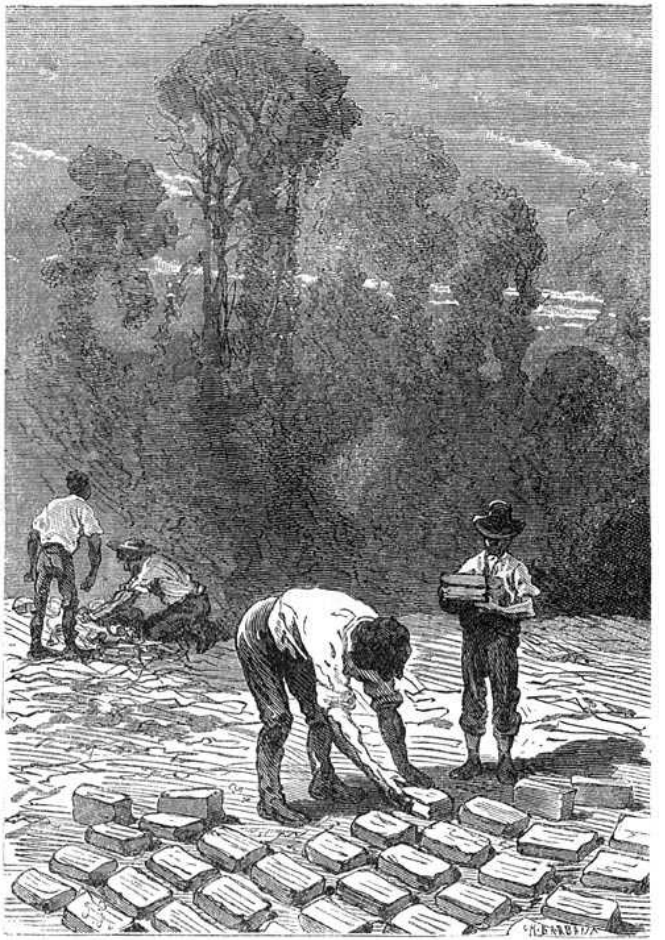
По дороге Герберт увидел дерево, из ветвей которого южноамериканские индейцы делают луки. Оно принадлежало к семейству пальмовых, не приносящих съедобных плодов. С него срезали длинные прямые ветки, очистили их от листьев и обстругали — к середине потолще, а на концах потоньше. Теперь оставалось лишь найти растение, годное для того, чтобы сделать из него тетиву. Гибиск, обладающий необыкновенно крепкими волокнами, которые можно сравнить с сухожилиями животных, оказался подходящим для этой цели. Таким образом, Пенкроф получил несколько мощных луков, которым не хватало лишь стрел. Последние легко было изготовить из прямых и твердых веток без сучков, но для наконечников требовался материал, способный заменить железо, а такого материала пока что не

было. Однако Пенкроф решил, что он уже выполнил свою часть работы, и предоставил остальное случаю.

Колонисты достигли местности, которую обследовали накануне. Почва под их ногами состояла из глины, употребляющейся для изготовления черепицы и кирпича, а потому вполне пригодной для того предприятия, которое предполагалось осуществить. Обработка ее не представляла никаких трудностей. Достаточно было обезжирить глину песком, сформовать ее в кирпичи и обжечь их на огне.

Обычно кирпичи складывают в формы, но инженер предпочел выделывать их руками. На это ушел остаток дня и весь следующий день. Глину, пропитанную водой, месили руками и ногами и потом резали на части равной величины.

Опытный рабочий может изготовить вручную до десяти тысяч кирпичей за полсуток, но пятеро кирпичников с острова Линкольна в течение целого рабочего дня сделали не больше трех тысяч штук, которые были сложены плотными рядами. Через три-четыре дня они должны были высохнуть, после чего их предполагалось обжечь. Днем 2 апреля Сайрес Смит решил определить положение острова относительно стран света.



Накануне он точно установил, сделав поправку на преломление, в котором часу солнце скрылось за горизонтом. Утром инженер с не меньшей точностью отметил время восхода солнца. Между закатом и восходом прошло двенадцать часов двадцать четыре минуты. Следовательно, рассуждал инженер, в этот день солнце через шесть часов двенадцать минут после восхода пересечет меридиан[17], и точка пересечения будет на севере.

В указанное время Сайрес тщательно отметил эту точку и, проведя мысленно кривую между солнцем и двумя деревьями, которые должны были служить опорными пунктами, получил постоянный меридиан для дальнейших вычислений. Два дня, оставшиеся до начала обжига кирпичей, были потрачены на сбор топлива. Колонисты нарезали свежих веток и подобрали весь хворост, лежавший под деревьями. При этом они не забывали и об охоте, тем более что Пенкроф обладал теперь несколькими дюжинами стрел с очень острыми наконечниками. Эти наконечники были доставлены Топом, который

[17] Примечания: 17

Действительно, в это время года солнце всходит на широте острова Линкольна в 5 часов 33 минуты утра и заходит в 6 часов 17 минут вечера (Примеч. автора).

притащил дикобраза — животное, мало подходящее для еды, но очень цепкое из-за своих игл. Эти иглы плотно прикрепили к концам стрел и, чтобы они летели ровнее, привязали к ним по нескольку перьев какаду. Герберт и журналист быстро превратились в метких стрелков из лука, поэтому в Трубах появилось много разной дичи: голубей, агути, глухарей, диких свиней и т. д. Большинство этих животных были убиты в лесу на левом берегу реки Благодарности. Этот лес назвали лесом Якамара — в память о птице, которую Герберт и Пенкроф пытались преследовать во время первой экскурсии.

Дичь ели в свежем виде, а окорока диких свиней подвергли копчению, предварительно приправив благовонными листьями. Такая пища, правда весьма питательная, была несколько однообразна — жаркое да жаркое, а колонисты с радостью услышали бы бульканье супа на очаге; но для этого приходилось ждать, пока будет готова обжигательная печь и у них появится горшок.

Во время прогулок неподалеку от кирпичной фабрики охотники видели следы каких-то крупных животных, вооруженных мощными когтистыми лапами, но определить, что это за животное, они не могли. Сайрес Смит посовето-

вав им соблюдать величайшую осторожность, так как весьма вероятно, что в лесу водятся опасные звери.

Так оно и оказалось. Гедеон Спилет и Герберт однажды увидели животное, похожее на ягуара. К счастью, зверь не напал на них, и они остались целы и невредимы. Гедеон Спилет твердо решил, что как только у него будет в руках одно из ружей, которых так настойчиво требовал Пенкроф, он предпримет серьезную охоту и очистит остров от диких зверей.

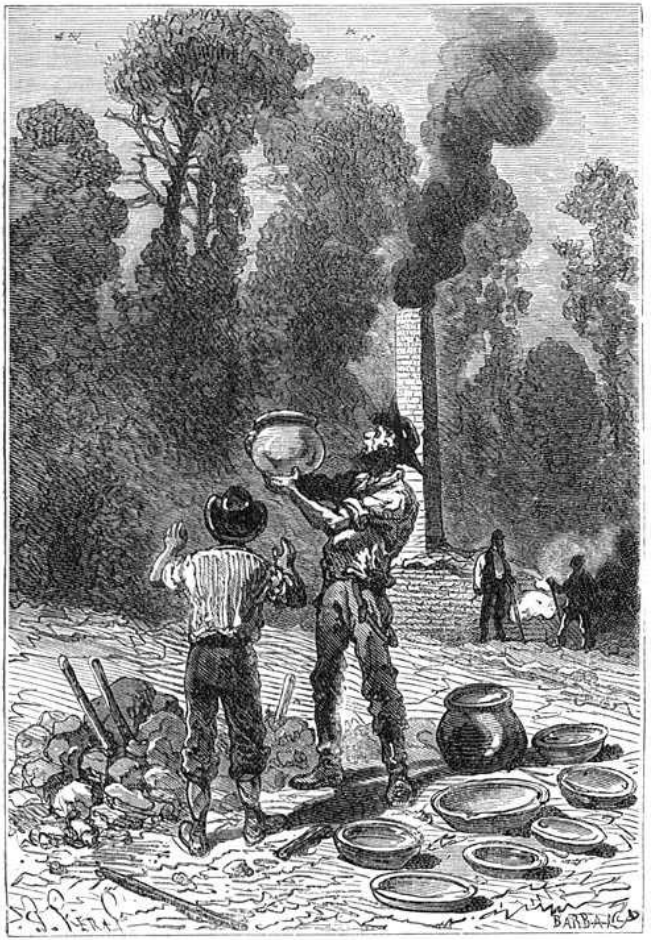
В Трубах за эти дни не было введено никаких новых удобств, так как инженер рассчитывал найти или, если нужно, построить более подходящее жилище. На песке в коридорах насыпали свежего мха и сухих листьев, и изнуренные труженики прекрасно уснули на этом несколько примитивном ложе. Колонисты подсчитали, сколько дней они провели на острове Линкольна, и решили в дальнейшем вести строгий счет времени. 5 апреля, в среду, был двенадцатый день с тех пор, как ветер выбросил потерпевших крушение на берег.

6 апреля ранним утром инженер и его товарищи собрались на полянке близ того места, где должен был производиться обжиг кирпичей. Это,

разумеется, предполагалось делать на воздухе, а не в печах; выражаясь точнее, груда кирпича должна была изображать одну огромную печь. На земле разложили топливо — аккуратно связанные пучки прутьев — и окружили его несколькими рядами кирпичей, которые образовали большой куб с многочисленными отдушинами снаружи. Приготовления продолжались весь день, и прутья подожгли только вечером.

В эту ночь никто не ложился спать. Велось тщательное наблюдение, чтобы огонь не уменьшался.

Обжиг длился сорок восемь часов и удался на славу. После этого надо было дать остыть раскаленной массе. Тем временем Наб и Пенкроф, по указанию Сайреса Смита, перетащили на плетеных носилках порядочное количество каменноугольной извести, обнаруженной в изобилии на северном берегу озера. Подвергнутая действию жара, она превратилась в жирную негашеную известь, чрезвычайно разбухшую от гашения, и стала столь же чистой, как известь, получающаяся от обжига мрамора или мела. Смешали ее с песком, и получился великолепный цемент.


BARBANT

В результате этой работы инженер к 9 апреля располагал небольшим запасом готовой извести и несколькими тысячами кирпичей.

Не теряя времени, колонисты принялись строить печь для обжига различных гончарных изделий, нужных в домашнем обиходе. Это удалось без особого труда. Пять дней спустя печь набили каменным углем, открытые залежи которого инженер обнаружил возле устья Красного ручья, и из двадцатифутовой трубы показался первый дым. На полянке вырос настоящий завод, и Пенкроф почти не сомневался, что в их печи можно будет изготовить все изделия современной промышленности.

Первым делом колонисты сфабриковали несколько горшков, простых, но вполне пригодных для варки пищи. Сырьем послужила та же самая глина, к которой Сайрес Смит прибавит немного кварца и извести. Эта смесь представляла собой настоящую «трубочную глину», из которой были сделаны горшки, чашки, вылепленные по форме подходящих для этого камней, тарелки, большие кувшины, кладки для хранения воды и т. д. Вид у этих предметов был, правда, неуклюжий, но, когда их подвергли действию высокой температуры, колонисты оказались

обеспечены достаточным количеством утвари, столь же ценной для них, как лучшие изделия из каолина[18].

Необходимо отметить, что Пенкроф, желая проверить, оправдывает ли эта глина название «трубочной», изготовил из нее несколько толстых трубок. Он нашел их превосходными, но, к сожалению, не хватало табаку. А это, надо сказать, было большим лишением для Пенкрофа.

«Табак появится, как и все остальное», — утешал себя моряк, полный веры в будущее.

Работа над выделыванием горшков продолжалась до 15 апреля, и колонисты, само собою разумеется, не тратили времени даром. Став горшечниками, они делали одни лишь горшки. Когда Сайресу Смиту будет угодно превратить их в кузнецов, они сделаются кузнецами. Но 16-го числа было воскресенье, да к тому же пасхальное, и этот день решили посвятить отдыху.

К вечеру 15 апреля колонисты окончательно возвратились в Трубы. Они унесли с собой посуду, а печь пока погасили. Возвращение было отмечено радостным обстоятельством: инже-

---

[18] Примечания: 18

Каолин — «фарфоровая земля», минерал, высший сорт белой тугоплавкой, мало эластичной глины, идущий на выделку фарфоровой и химической посуды. Применяется также при изготовлении бумаги.

неру удалось открыть вещество, которое могло заменить трут. Известно, что трут представляет собой губчатую бархатистую мякоть гриба из рода полипор. После соответствующей обработки он становится чрезвычайно легко воспламеняемым, в особенности, если его пропитать порохом или прокипятить в растворе азотнокислой соли или селитры. Но до сих пор не удалось найти ни полипор, ни даже сморчков, которые могли бы их заменить. В этот день инженер увидел растение из рода полынных, насчитывающего несколько видов: чернобыльник, мелисса и т. д. Сорвав несколько пучков этого растения, Сайрес Смит подал их Пенкрофу и сказал:

— Возьмите, Пенкроф! Это может доставить вам удовольствие.

Пенкроф тщательно осмотрел растение, покрытое длинными шелковистыми волосками и снабженное пушистыми листьями.

— Что же это такое, мистер Сайрес? — спросил он. — Боже великий, неужели это табак?

— Нет, — отвечал инженер, это полынь, которую ученые называют китайским чернобыльником. Нам она заменит трут.

Действительно, чернобыльник, должным образом обработанный, превратился в легко воспла-

меняющееся вещество. Впоследствии инженер пропитал его азотнокислой солью, или, попросту говоря, селитрой, которая залегала на острове в больших количествах. В этот вечер колонисты, собравшиеся в центральной комнате, наконец поужинали как следует. Наб приготовил суп из агути, окорок дикой свиньи, приправленный благовонными травами, и вареные клубни травянистого растения, которое в тропическом поясе разрастается в густой кустарник. Эти корневища, превосходные на вкус и очень питательные, напоминали продукт, который распространен в Англии под названием «портландское саго». До некоторой степени они могли заменить хлеб, которого пока еще не хватало обитателям острова Линкольна.

Кончив ужин, Сайрес Смит и его товарищи вышли перед сном на берег реки, чтобы подышать воздухом. Было восемь часов вечера. Ночь обещала быть великолепной. Луна, которая пять дней назад достигла своей последней фазы, еще не взошла, но на горизонте уже светились нежные, бледные лучи, которые можно назвать лунной зарей. Над головой блистали звезды и между ними Южный Крест, который инженер несколько дней назад приветствовал, стоя на вышке горы

Франклина.

Сайрес Смит несколько минут наблюдал яркое созвездие, состоящее из двух звезд первой величины на вершине, звезды второй величины слева и звезды третьей величины справа. После некоторого размышления он спросил Герберта:

— Сегодня пятнадцатое апреля, не правда ли?

— Да, мистер Сайрес, — ответил юноша.

— В таком случае, завтра, если не ошибаюсь, наступит один из четырех дней в году, когда истинное время совпадает со средним. Иначе говоря, дитя мое, завтра солнце пересечет меридиан за несколько секунд до полудня. Если будет хорошая погода, мне, вероятно, удастся определить долготу нашего острова с приближением до нескольких градусов.

— Без секстанта и инструментов? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, — сказал инженер. — А сейчас, пока небо безоблачно, я попробую установить, на какой мы широте, вычислив высоту Южного Креста, то есть Южного полюса, над горизонтом. Вы понимаете, друзья мои, что, перед тем как устраиваться здесь серьезно на житье, недостаточно знать, что эта земля — остров. Нужно по мере возможности установить, на каком расстоянии он находится от

Американского или Австралийского континента или же от главных тихоокеанских островов.

— Действительно, — сказал журналист, — вместо того чтобы строить дом, нам, может быть, выгоднее построить лодку. Возможно, что только какая-нибудь сотня миль отделяет нас от населенной земли.

— Вот почему, — продолжал Сайрес Смит, я и хочу попытаться определить сегодня широту острова Линкольна. А завтра в полдень я попытаюсь вычислить его долготу.

Будь у инженера секстант инструмент, который позволяет с большой точностью измерять угловое расстояние между предметами, — вычисление не представило бы никакой трудности. Установив вечером высоту полюса, а на следующий день момент прохождения солнца через меридиан, Сайрес Смит определил бы координаты острова. Но секстанта не было, и его приходилось чем-нибудь заменить.

Сайрес Смит возвратился в Трубы. При свете очага он обстругал две маленькие гладкие дощечки и соединил их концами, так что получилось нечто вроде циркуля с раздвижными ножками. Для скрепления послужил толстый шип акации, найденный среди хвороста.

Изготовив свой инструмент, инженер вернулся на берег. Так как необходимо было определить высоту полюса над резко очерченной линией горизонта, то есть над морем, а южный горизонт был скрыт мысом Когтя, то инженеру пришлось искать более удобный пункт. Наилучшим местом был бы, очевидно, берег, выходящий прямо на юг, но к нему преграждала путь довольно глубокая река Благодарности, и переправиться через нее было трудновато.

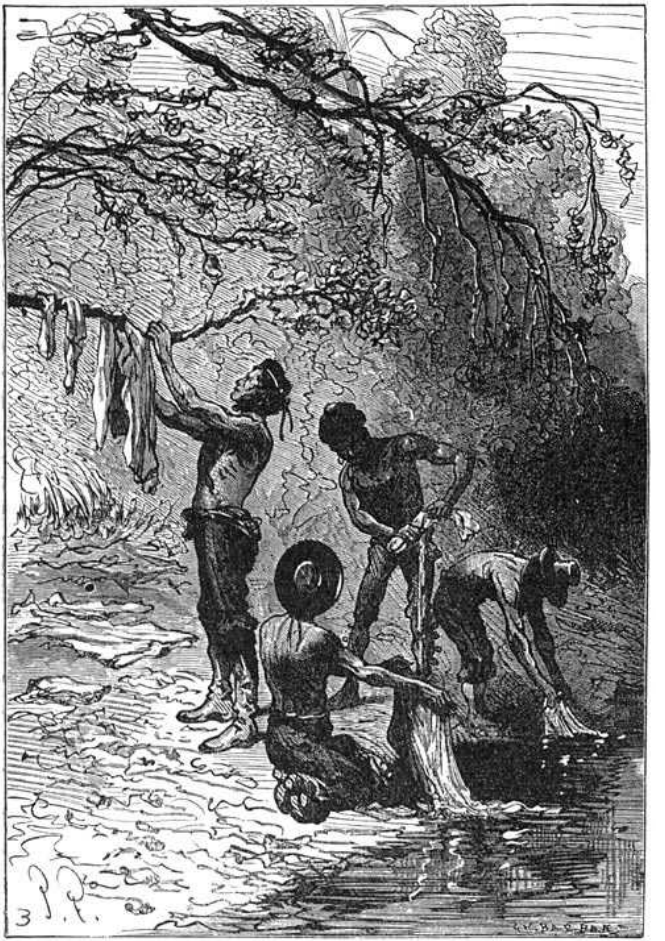
Поэтому Сайрес Смит решил производить свои наблюдения на плато Дальнего Вида, учитывая необходимость сделать поправку на его высоту над уровнем моря, которую он предполагал определить на другой день с помощью простых геометрических вычислений.

Колонисты направились по левому берегу реки и, достигнув плато, остановились на полянке, выходившей на северо-запад и юго-восток. Эта часть плато возвышалась футов на пятьдесят над холмами правого берега, которые полого спускались с одной стороны до мыса Когтя, а с другой стороны — до южного берега острова. Никакое препятствие не преграждало вида, и горизонт расстилался перед глазами полукругом, начиная от мыса Когтя до мыса Пресмыкающегося. На юге

линия горизонта, освещенная снизу первыми лучами луны, резко выделялась на небе и могла быть определена с достаточной точностью. В эту минуту созвездие Южного Креста казалось наблюдателю опрокинутым, а Альфа находилась в основании созвездия, более приближенном к Южному полюсу.

Это созвездие расположено не так близко к Антарктическому полюсу, как Полярная звезда к полюсу арктическому. Звезда Альфа отстоит от него примерно на двадцать семь градусов. Сайресу Смиту это было известно, и он должен был учитывать данное расстояние при своих вычислениях. К тому же инженер наблюдал эту звезду в момент ее прохождения через нижний меридиан. Это значительно облегчало вычисления.

Сайрес Смит направил одну ножку своего циркуля на морской горизонт, другую — на звезду Альфа и по расстоянию между ними определил угловое расстояние Альфы от горизонта. Чтобы твердо зафиксировать полученный угол, он приколол шипами акации обе ножки прибора к третьей поперечной дощечке, так что расстояние между ними было твердо закреплено.



После сделанного оставалось лишь вычислить этот угол, с поправкой на высоту над уровнем моря и учитывая понижение горизонта. Для этого надо было определить высоту плато. Величина угла даст высоту звезды Альфа, а, следовательно, и полюса над горизонтом — то есть широту острова, ибо широта какой-либо точки на земном шаре всегда равна высоте полюса над горизонтом в этой точке.

Расчеты были отложены на завтра, и в десять часов все колонисты уже спали глубоким сном.

ГЛАВА XIV

Измерение гранитной стены. — Приложение на практике теоремы о подобных треугольниках. — Широта острова. — Экскурсия на север. — Устричная отмель. — Планы на будущее. — Прохождение солнца через меридиан. — Координаты острова.

На другой день, 16 апреля, в пасхальное воскресенье, колонисты с рассветом вышли из Труб и принялись за стирку белья и чистку одежды. Инженер рассчитывал начать производство мыла, как только удастся добыть сырье, необходимое для мыловарения: соду или поташ, жир или масло. Важнейший вопрос об обновлении гардероба тоже должен был быть в свое время разрешен. Во всяком случае, одежда могла выдержать еще полгода, так как была очень крепка и не должна была быстро износиться от работы.

Положение острова по отношению к обитаемым странам предстояло определить в этот же день.

Солнце поднялось на ясном небе, обещая великолепный день, один из тех прекрасных осенних

дней, когда лето как будто посылает свое последнее прости.

Прежде всего надлежало дополнить сделанные накануне вычисления, измерив высоту плато Дальнего Вида над уровнем моря.

— Не понадобится ли вам тот инструмент, которым вы пользовались вчера? — спросил Герберт инженера.

— Нет, мой мальчик, — ответил тот. — Мы будем вычислять другим способом, но почти столь же точно.

Герберт, который всегда стремился узнать что-нибудь новое, последовал за инженером. Сайрес Смит отошел от подножия гранитной стены и спустился к берегу. Пенкроф, Наб и журналист были в это время заняты различными работами. Инженер вооружился прямым шестом футов в двенадцать длиной. Он как можно тщательнее измерил этот шест по своему росту, который был ему известен с точностью до линии. Герберт нес переданный ему Смитом отвес, то есть, попросту говоря, камень, привязанный к гибкой лиане.

Примерно в двадцати футах от края берега и в пятистах футах от отвесной гранитной стены Сайрес Смит погрузил шест на два фута в песок. Основательно укрепив шест, инженер с помощью

отвеса поставил его перпендикулярно плоскости горизонта. После этого он отошел на такое расстояние, чтобы луч зрения, исходящий из его глаза, одновременно касался верхнего конца шеста и гребня стены. Сайрес Смит тщательно отметил эту точку колышком и потом спросил Герберта:

— Ты знаком с начальными основами геометрии?

— Немного, мистер Сайрес, — ответил юноша, который не хотел брать на себя слишком много.

— Помнишь ли ты, каковы свойства подобных треугольников?

— Да. Их соответственные стороны пропорциональны.

— Ну так вот, дитя мое, я сейчас построил два подобных прямоугольных треугольника. Катетами меньшего являются отвесный шест и расстояние от подножия шеста до колышка, а гипотенузой — мой луч зрения. Катетами второго, большего треугольника являются отвесная стена, высоту которой нам предстоит измерить, и расстояние от подножия стены до колышка; гипотенузой его служит опять-таки мой луч зрения — то есть продолжение первой гипотенузы треугольника.

BARRAUD

— Теперь я понимаю, мистер Сайрес! — воскликнул Герберт. — Расстояние от колышка до шеста так же относится к расстоянию от колышка до стены, как высота места к высоте этой стены.

— Совершенно верно, — ответил инженер. — Высота шеста нам известна, и, когда мы измерим два первых расстояния, останется только вычислить пропорцию, чтобы получить высоту стены. Таким образом, не придется измерять ее непосредственно.

Горизонтальные расстояния были измерены посредством того же шеста, высота которого над уровнем песка равнялась ровно десяти футам.

Первое расстояние — от колышка до того места, где шест был воткнут в песок было пятнадцать футов. Второе расстояние — от колышка до подножия стены — равнялось пятистам футам.

Закончив измерение, Сайрес Смит с Гербертом вернулись в Трубы.

Там инженер, взяв плоский камень — нечто вроде слоистого сланца, на котором было удобно писать цифры острой раковиной, написал следующую пропорцию:

15:500=10:X, 500*10=5000, 5000:15=333,3. Итак, оказалось, что высота гранитной стены составля-

ет 333 фута[19].

Затем Сайрес Смит взял инструмент, изготовленный им накануне. Расстояние между его ножками соответствовало угловому расстоянию звезды Альфа Южного Креста от горизонта. Инженер как можно точнее измерил этот угол по окружности, разделенной на триста шестьдесят равных частей. Угол равнялся десяти градусам. Итак, полное угловое расстояние между горизонтом и полюсом, если прибавить двадцать семь градусов, отделяющие звезду Альфа от Южного полюса, и привести к уровню моря высоту плато, с которого производилось наблюдение, оказалось равно тридцати семи градусам.

Из этого Сайрес Смит сделал вывод, что остров Линкольна находится на тридцать седьмом градусе южной широты, или, если учесть несовершенство инструментов, между тридцать пятой и сороковой параллелью.

Чтобы окончательно установить координаты острова, оставалось вычислить его долготу. Инженер собирался сделать это в полдень, то есть в момент прохождения солнца через меридиан.

Воскресный день было решено посвятить про-

---

[19] Примечания: 19

Здесь имеется в виду английский фут, равный 30 сантиметрам.

гулке, или, вернее, обследованию части острова, расположенной между северным берегом озера и заливом Акулы. В случае хорошей погоды это обследование предполагалось продлить до северной оконечности мыса Южной Челюсти. Завтракать колонисты решили в дюнах, с тем чтобы возвратиться домой лишь к вечеру.

В половине девятого утра маленький отряд двигался по берегу пролива. По другой стороне, на острове Спасения, важно прогуливались многочисленные птицы — нырки, типа пингвинов, которых легко было узнать по неприятному крику, напоминающему рев осла. Пенкроф заинтересовался этими птицами с кулинарной точки зрения и не без удовольствия узнал, что их мясо, хотя слегка черноватое, вполне съедобно.

По песку ползали огромные представители земноводных — вероятнее всего, тюлени, которые избрали остров своим убежищем. В отношении питательности эти животные были совершенно бесполезны, так как их маслянистое мясо отвратительно на вкус. Тем не менее, Сайрес Смит внимательно наблюдал за тюленями. Не раскрывая товарищам своих планов, он высказал намерение в скором времени посетить островок.

Берег, по которому шли колонисты, был покрыт

бесчисленным множеством ракушек. Некоторые из них порадовали бы всякого любителя малакологии[20]. Но более полезной могла оказаться обширная устричная отмель, обнажившаяся после отлива, которую Наб увидел между скалами, примерно в четырех милях от Труб.

— Наб не напрасно пошел с нами! — вскричал Пенкроф, с удовольствием смотря на отмель, которая уходила далеко в море.

— Действительно, это приятное открытие, — сказал журналист.

— Если верно, что каждая устрица дает в год от пятидесяти до шестидесяти тысяч яичек, то наши запасы неисчерпаемы.

— Но устрицы, кажется, не особенно питательны, — заметил Герберт.

— Это верно, — подтвердил инженер. — В них содержится очень мало азотистых веществ, и, если бы человек питался одними устрицами, ему пришлось бы поглощать их пятнадцать-шестнадцать дюжин в день.

— Ну, мы можем глотать их по десять дюжин и все-таки не съедим всех устриц на отмели, — сказал Пенкроф. — Не захватить ли нам немного

---

[20] Примечания: 20

Малакология — отдел зоологии, занимающийся изучением мягкотелых животных, или моллюсков.

их к завтраку?

Не дожидаясь согласия своих товарищей, в котором он был заранее уверен, Пенкроф с Набом принесли несколько горстей устриц и побросали их в корзину, сплетенную Набом из волокон гибиска, в которой уже лежали припасы для завтрака. Затем колонисты пошли дальше по берегу, между дюнами и океаном. Сайрес Смит то и дело поглядывал на часы, чтобы вовремя подготовиться к наблюдению, которое надлежало произвести ровно в полдень.

Вся часть острова вплоть до стрелки, которая замыкала бухту Союза и получила название мыса Южной Челюсти, была совершенно бесплодна. Ее покрывали песок и раковины, смешанные с остатками лавы. На пустынном берегу изредка попадались птицы — поморники и большие альбатросы, а также дикие утки, вид которых возбудил охотничьи инстинкты Пенкрофа. Он попробовал бить их стрелами, но потерпел неудачу, так как птицы не садились на землю, а попасть в них на лету было невозможно.

— Вот видите, мистер Сайрес, — повторял моряк, — пока у нас не будет хоть пары ружей, наши запасы останутся весьма скудными.

— Вы правы, Пенкроф, — вставил журналист, —

но дело только за вами. Достаньте нам железо для дула, сталь для огнива, селитру, уголь и серу для пороха, ртуть и азотную кислоту для пистонов и, наконец, свинец для пуль — и Сайрес сделает первосортные ружья.

— Все эти вещества нам, вероятно, удастся раздобыть на острове, сказал Сайрес Смит. — Но ружье — тонкий аппарат, и для того, чтобы его изготовить, нужны точные инструменты. В дальнейшем мы об этом подумаем.

— Зачем, зачем мы выбросили из корзины все наше оружие и утварь! — воскликнул Пенкроф.

— Но ведь если бы мы их не выбросили, шар выбросил бы нас самих в море, — сказал Герберт.

— Это, пожалуй, правда, Герберт, — заметил моряк. Его мысли сейчас же приняли другое направление. — Вот, наверное, ошеломлены были Джонатан Форстер и его люди, когда утром увидели, что площадь пуста, а шар улетел! — сказал он.

— По правде говоря, меня очень мало занимает, что они при этом подумали, — ответил журналист.

— А ведь это мне пришла в голову такая идея! — с довольным видом сказал Пенкроф.

— Да, прекрасная мысль, Пенкроф! — смеясь,

ответил Гедеон Спилет. — Она и привела нас на этот остров.

— Я нахожу, что лучше быть здесь, чем в руках южан! — воскликнул моряк. — В особенности с тех пор, как мистеру Смиту угодно было к нам присоединиться.

— Я тоже, поддержал его журналист. — Да и чего нам здесь не хватает? Ничего.

— Или, вернее, всего, — сказал Пенкроф и громко расхохотался. — Но когда-нибудь мы найдем способ убраться отсюда.

— И, может быть, даже скорее, чем вы думаете, если только остров Линкольна находится не слишком далеко от другого населенного острова или континента, — сказал инженер. — Меньше чем через час мы будем это знать. У меня нет карты Тихого океана, но я хорошо себе представляю его южную часть. Судя по широте, которую я вчера вычислил, остров Линкольна лежит на одной параллели с Новой Зеландией — к западу и с Чили — к востоку. Эти земли отстоят друг от друга не меньше чем на шесть тысяч миль. Остается определить, в какой точке этого необъятного пространства находится наш остров, и я надеюсь, что мы сейчас установим это с достаточной точностью.

— Ближе всего к нам по широте лежат, кажется, острова Паумоту, — сказал Герберт.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит. Но все же нас отделяет от них расстояние в тысячу двести миль.

— А там? — указывая рукой на юг, спросил Наб, который с большим вниманием прислушивался к их раз говору.

— Там — ничего, — ответил Пенкроф.

— Действительно, ничего, — подтвердил инженер.

— Ну, а если остров Линкольна находится всего в двух-трех сотнях миль от Чили или новой Зеландии? — спросил журналист.

— Тогда мы построим вместо дома лодку, и наш Пенкроф будет ею управлять, — сказал Смит.

— С удовольствием, мистер Сайрес! — воскликнул моряк. — Я готов стать капитаном, как только вы придумаете способ построить судно, способное плавать по морю.

— Мы построим его, если это будет нужно, — ответил Сайрес Смит.

Но пока беседовали эти люди, поистине не сомневающиеся ни в чем, пришло время, когда надлежало произвести наблюдение. Как Сайрес Смит, не имея инструмента, установит про-

хождение солнца через меридиан острова? Эта мысль не давала покоя Герберту. Наблюдатели находились на расстоянии шести миль от Труб, неподалеку от той части дюн, где Сайрес Смит был найден после своего загадочного спасения. В этом месте устроили привал и приготовили все для завтрака, так как было уже половина двенадцатого. Герберт отправился к ближайшему ручью за пресной водой и принес ее в кувшине, который захватил с собой Наб.

Во время этих приготовлений Сайрес Смит, со своей стороны, тщательно подготовился к наблюдению над солнцем. Он отыскал на берегу совершенно чистое место, хорошо выровненное отливом. Тонкий слой песка был гладок, как зеркало, песчинки лежали одна к одной, словно на подбор. Впрочем, этот слой мог быть не вполне горизонтальным, а воткнутая в него шестифутовая жердочка могла стоять и не совсем отвесно. Наоборот, инженер даже наклонил ее слегка к югу, то есть в противоположную от солнца сторону, ибо не следует забывать, что обитатели острова Линкольна находились в Южном полушарии и потому видели дневное светило не над южным, а над северным горизонтом.

Тут Герберт понял, каким образом инженер

собирается установить момент кульминации солнца или его прохождения через меридиан, то есть, другими словами, время полудня для данной местности. Этому должна была служить тень палочки на песке. Таким способом Сайрес Смит без всяких инструментов мог получить достаточно точные результаты.

Действительно, в ту минуту, когда тень станет короче всего, будет ровно двенадцать часов дня. Наблюдателю оставалось только следить за концом тени, чтобы заметить, когда она снова начнет удлиняться. Наклонив жердь к югу, Смит увеличивал размеры тени, чтобы легче было наблюдать за ее изменениями. Ведь чем крупнее стрелка часов, тем заметнее ее движение. А тень жердочки на песке была, в сущности, той же стрелкой на циферблате.

Когда нужный момент наступил, Сайрес Смит опустился на колени и начал отмечать постепенное уменьшение тени, втыкая в землю маленькие прутики. Товарищи инженера, низко склонившись, с величайшим интересом следили за этой операцией.

Журналист держал в руках свой хронометр, готовясь отметить его показания в ту минуту, когда тень будет всего короче. Вычисление произ-

водилось 16 апреля, в день, когда среднее время совпадает с истинным временем. Следовательно, показания часов Гедеона Спилета должны были соответствовать истинному вашингтонскому времени, что значительно упрощало вычисления.

Между тем солнце медленно подвигалось по небу. Тень от палочки становилась все короче. Но вот инженеру показалось, что она снова начала удлиняться, и он спросил:

— Который час?

— Пять часов и одна минута, — немедленно ответил Спилет.

Теперь оставалось только сделать расчет. Это было весьма просто. Разница во времени между Вашингтоном и островом Линкольна составляла, в круглых цифрах, пять часов — иначе говоря, когда на острове Линкольна наступил полдень, в Вашингтоне было уже пять часов вечера. Солнце в своем кажущемся движении вокруг Земли проходит один градус в четыре минуты, или пятнадцать градусов в час. Пятнадцать градусов, умноженные на пять, составляют семьдесят пять градусов.

Итак, если Вашингтон лежит на 77°3'11", или, в круглых цифрах, на семьдесят седьмом градусе от

Гринвичского меридиана, который американцы, подобно англичанам, считают за нулевой, то, значит, остров Линкольна расположен на 77°+75° к западу от Гринвича, то есть на 152° западной долготы.

Сайрес Смит сообщил эту цифру своим товарищам. Учитывая, как и при измерении широты, погрешности наблюдения, он счел возможным утверждать, что остров Линкольна лежит между тридцать пятой и сороковой параллелями и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым меридианами к западу от Гринвича.

Отклонение, как видим, составляло и в том и в другом случае пять градусов, то есть равнялось, считая шестьдесят миль на градус, тремстам милям по широте и по долготе. Но эта погрешность не имела значения для дальнейших планов колонистов. Было ясно, что остров Линкольна находится на значительном расстоянии от всякого материка или архипелага, и безрассудно было бы пытаться покрыть это расстояние на простой лодке.

Действительно, по расчету инженера, от острова Линкольна до Таити и островов Паумоту было больше тысячи двухсот миль, до Новой Зеландии — тысяча восемьсот миль, а до берегов Америки

— четыре тысячи пятьсот миль.

Но сколько ни рылся Сайрес Смит в своих воспоминаниях, он не мог назвать ни одного острова, координаты которого соответствовали бы географическому положению острова Линкольна.

ГЛАВА XV

Зимовка решена окончательно. — Добывание металла. — Исследование острова Спасения. — Охота на тюленей. — Поимка ехидны. — Что такое каталонский метод — Изготовление железа. — Способ получения стали.

На следующий день, 17 апреля, моряк первым делом спросил Спилета:

— Кем же мы будем сегодня?

— Кем пожелает Сайрес, — ответил журналист.

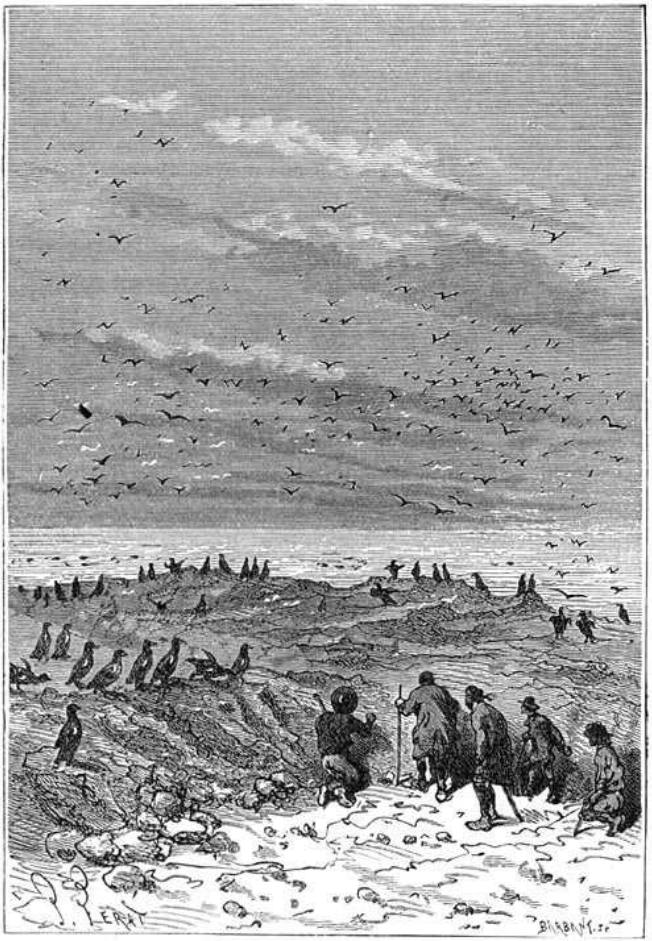
Из горшечников товарищам инженера суждено было теперь превратиться в металлургов. Накануне, после обеда, экскурсию продлили до конца мыса Челюстей, отстоявшего от Труб приблизительно на семь миль. В этом месте кончалась полоса дюн и начиналась вулканическая почва. В противоположность плато Дальнего Вида, там не было высоких стен: прихотливая неровная кайма окружала залив между двумя мысами, образованными из минеральных веществ, изверженных вулканом. Дойдя до конца мыса, колонисты повернули назад и с наступлением

сумерек возвратились в Трубы. Но, прежде чем заснуть, им предстояло окончательно решить вопрос можно ли мечтать о том, чтобы покинуть остров?

Между островом Линкольна и архипелагом Паумоту было тысяча двести миль расстояние немалое. Проделать его на лодке не представлялось возможным, тем более осенью, в плохую погоду Пенкроф высказал это совершенно категорически. Построить простую лодку, даже имея инструменты, трудное дело, а у островитян инструментов не было. Им следовало начать с изготовления молотков, топоров, пил, буравов, рубанков и прочего, на что требовалось известное время.

Поэтому было решено зазимовать на острове и подыскать на зимние месяцы более подходящее помещение, чем Трубы. Прежде всего следовало использовать железную руду, залежи которой инженер обнаружил в северо-западной части острова, и превратить эту руду в железо или сталь. Металлы обычно содержатся в земле не в чистом виде; большей частью они встречаются в сочетании с кислородом или серой. Один из образчиков, которые принес Сайрес Смит, представлял собой магнитный железняк, а другой — серный колче-

дан, или сернистое железо. Первый из них окись железа и надлежало восстановить при помощи угля, то есть отнять у него кислород, чтобы получить чистый металл. Восстановление состоит в том, что руда с углем подвергается действию высокой температуры. Делается это двумя способами. Первый, так называемый каталонский, способ имеет то преимущество, что руда превращается непосредственно в железо. Второй способ — способ доменной плавки — превращает руду в чугун, а чугун — в железо, отнимая у чугуна примешанные к нему три-четыре процента углерода.



Сайресу Смиту требовалось именно железо, а не чугун, и он избрал наиболее быстрый способ восстановления. К тому же руда, которую он нашел, была сама по себе очень чиста и богата железом. Это была окисленная руда, залегающая беспорядочными темно-серыми массами, которая дает черную пыль, образует правильные восьмигранные кристаллы, доставляет естественные магниты. Она служит для изготовления первосортного железа. Недалеко от залежей железной руды находились залежи каменного угля.

Это должно было значительно облегчить обработку руды, так как средства производства находились поблизости.

— Итак, мистер Сайрес, мы будем обрабатывать железную руду? — сказал Пенкроф.

— Да, мой друг, — ответил инженер. — Для этого нам сначала придется поохотиться на тюленей.

— Охотиться на тюленей! — вскричал моряк, оборачиваясь к Гедеону Спилету. — Значит, для того чтобы добыть железо, нужны тюлени?

— Очевидно, да, раз Сайрес так говорит, — ответил журналист.

Сайрес Смит тем временем вышел из Труб, и Пенкроф, не дождавшись другого объяснения, принялся готовиться к охоте.

Вскоре Сайрес Смит, Герберт, Гедеон Спилет, Наб и моряк собрались на берегу, в таком месте, где можно было во время отлива перейти пролив вброд. В это время как раз был наибольший отлив, и, когда охотники переправлялись через пролив, вода доходила им только до колен.

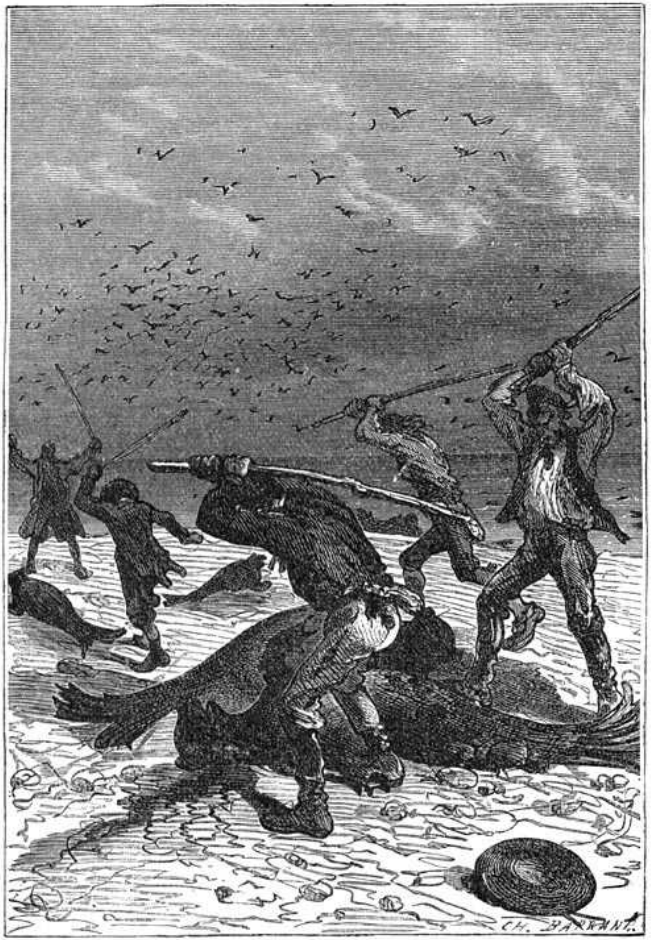
Сайрес Смит впервые вступил на островок. Его товарищи были здесь уже второй раз, так как именно в это место их выбросил шар. Несколько сот пингвинов внимательно наблюдали за спустившимися охотниками. Колонисты, вооруженные палками, без труда могли бы перебить этих птиц, но бесполезное избиение не привлекало их, тем более что оно могло испугать тюленей, лежавших неподалеку на песке. Глупые нырки с короткими, словно обрубленными крыльями, которые больше походили на покрытые чешуйчатыми перьями плавники, тоже были пощажены.

Колонисты осторожно двинулись к северной оконечности острова. Почва у них под ногами была усеяна маленькими ямками, в которых гнездились водяные птицы. У края острова виднелись большие черные точки, плавающие на поверхности воды. Они напоминали верхушки движущихся подводных скал. Это и были ластоногие, которых предстояло поймать. Необходимо

было, чтобы они вышли на сушу, так как тюлени, благодаря своему узкому тазу, короткой и густой шерсти и веретенообразному телу, прекрасно плавают и их трудно изловить в воде. На земле же они могут лишь медленно ползать на своих коротких перепончатых лапах. Пенкроф знал привычки тюленей и посоветовал подождать, пока они вылезут на песок и заснут, пригревшись в лучах солнца. Тогда легко будет отрезать им отступление и оглушить их ударами по носу.

Охотники притаились за береговыми скалами и молча ждали.

Лишь через час тюлени вышли и растянулись на песке. Их можно было насчитать с полдюжины. Пенкроф и Герберт немедленно отделились от своих товарищей, намереваясь обогнуть мыс и напасть на тюленей сзади. Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Наб поползли под прикрытием скал к месту будущей битвы. Внезапно Пенкроф выпрямился во весь свой высокий рост и испустил громкий крик. Инженер и его товарищи поспешно бросились к морю, чтобы преградить дорогу тюленям. Двое из этих животных остались на песке, убитые ударами палок. Остальным удалось добраться до воды и уплыть.


CH. BARRAU

— Вот и тюлени, мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, подходя к инженеру.

— Отлично, — ответил Сайрес Смит. — Мы сделаем из них кузнечные мехи.

— Кузнечные мехи! — вскричал моряк. — Ну и повезло же этим тюленям!

Действительно, инженер намеревался изготовить из шкур ластоногих воздуходувную машину, необходимую для обработки руды. Убитые экземпляры были не особенно велики — всего около шести футов длиной.

Тащить тяжелых тюленей в Трубы не было смысла, и Наб с Пенкрофом решили ободрать их на месте. Тем временем Сайрес Смит и журналист должны были исследовать островок.

Моряк и негр успешно справились со своей задачей. Три часа спустя Сайрес Смит имел в своем распоряжении две тюленьи шкуры, которые он предполагал использовать в естественном виде, не подвергая их дублению. Дождавшись отлива, колонисты снова перешли через пролив и вернулись в Трубы. Натянуть шкуры на рамы, чтобы они не сморщились, и пришить их растительными волокнами для предотвращения утечки воздуха оказалось нелегким делом. Работу пришлось несколько раз начинать сначала. В

распоряжении Сайреса Смита было только два лезвия от ошейника Топа, но он действовал весьма ловко. Его товарищи энергично помогали ему. Через три дня инвентарь колонистов пополнился машиной для вдувания воздуха в руду, подвергаемую действию жара. Эта операция совершенно необходима для успешного превращения руды в металл.

20 апреля, уже с утра, началась, по выражению журналиста, «металлургическая эпоха». Как мы уже знаем, инженер решил работать непосредственно на месте залежей угля и руды. По его наблюдениям, эти залежи находились у подножия северо-восточных отрогов горы Франклина, то есть в шести милях от Труб. Поэтому было бы невозможно каждый день возвращаться в Трубы, и колонисты решили построить себе хижину из веток, чтобы иметь возможность работать круглые сутки.

Установив план действий, островитяне с утра выступили в путь. Пенкроф и Наб волокли на салазках воздуходувную машину и небольшой запас растительной и животной пищи, который предполагалось пополнить в дороге. Маршрут колонистов лежал через лес Якамара, который они пересекли наискось, с юго-запада на северо-

восток, в самой густой его части.

Приходилось прокладывать себе дорогу, которая послужила впоследствии кратчайшим средством сообщения между плато Дальнего Вида и горой Франклина. Известные им породы деревьев были представлены великолепными экземплярами. Герберт нашел и несколько новых видов — между прочим, драцену, которую Пенкроф назвал «самодовольным пореем», ибо, несмотря на свои большие размеры, она принадлежала к тому же семейству лилейных, что и лук-порей, лук-резанец и спаржа. Вареные коренья драцены очень вкусны. Перебродив, они дают прекрасный напиток.

Путь через лес оказался долгим. Он продолжался целый день, но зато исследователям удалось хорошо ознакомиться с флорой и фауной местности. Топ, специально интересовавшийся животным миром, бегал среди кустов и зарослей, поднимая без разбору всякую дичь. Герберт и Гедеон Спилет убили из лука двух кенгуру и еще одно животное, похожее на ежа и муравьеда. Подобно ежу, оно свертывалось в шар и было покрыто иглами; с муравьедом же его роднили роющие когти, длинная узкая морда, заканчивающаяся птичьим клювом, и вытягивающийся

язык, утыканный шипами, помогающими ловить насекомых.

— А на что он будет похож в суповом горшке? — не преминул осведомиться Пенкроф.

— На хороший кусок говядины, — ответил Герберт.

— Больше от него ничего не требуется, — заметил моряк.

Во время этой экскурсии было замечено несколько диких кабанов, которые не пытались напасть на людей. Других опасных животных, по-видимому, не встречалось. Неожиданно Гедеон Спилет увидел между деревьями зверя, которого он принял за медведя, и спокойно начал его зарисовывать. К счастью для журналиста, упомянутое животное не принадлежало к опасной разновидности стопоходящих. Это был попросту кула, более известный под именем ленивца, равный по величине большой собаке. Он был покрыт взъерошенной грязно-серой шерстью и обладал крепкими когтями, которые позволяли ему лазить по деревьям, чтобы питаться листьями. Установив породу этого животного, Гедеон Спилет не стал его беспокоить, и исследователи продолжали путь. В пять часов вечера Сайрес Смит подал сигнал остановиться. Они вышли из

леса и находились у подножия мощных отрогов, которые подпирали гору Франклина с востока. В нескольких сотнях шагов протекал Красный ручей — обильный источник питьевой воды. Колонисты немедленно принялись устраивать лагерь. Менее чем через час на опушке леса среди деревьев возвышалась хижина из веток, перевязанных лианами и обмазанных глиной. Геологические изыскания были отложены на завтра. Вскоре перед хижиной запылал яркий огонь, вертел закружился, и поспел ужин. В восемь часов вечера колонисты уже спали глубоким сном, поручив одному из товарищей поддерживать огонь для защиты от нападения диких зверей.

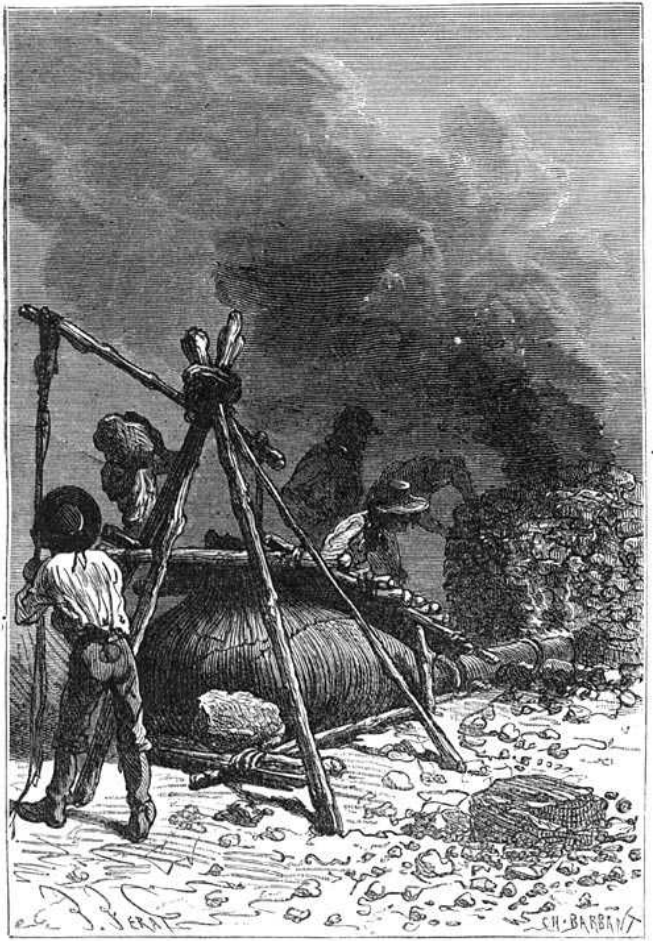
На другой день, 21 апреля, Сайрес Смит в сопровождении Герберта отправился искать древние формации, из которых он подобрал образчики руды. Он обнаружил ее залежи на поверхности земли, близ истоков Красного ручья, у подножия одного из северо-восточных отрогов. Эта руда, обильно насыщенная железом, прекрасно подходила для того способа восстановления, который думал применить инженер. Он хотел воспользоваться каталонским способом, внеся в него некоторые упрощения. Каталонский способ в собственном смысле требует постройки печей и

тиглей, в которые укладываются пластами руда и уголь. Инженер намеревался обойтись без этих конструкций. Он предполагал возвести из угля и руды кубическое сооружение и направить в центр его струю воздуха. Этот способ, вероятно, применялся еще первыми металлургами на Земле. То, что удалось первым потомкам Адама и давало хорошие результаты в местностях, богатых рудой и топливом, не могло не удаться жителям острова Линкольна.

Каменный уголь так же, как руду, удалось без труда собрать поблизости прямо с поверхности земли. Сначала руду искрошили на мелкие куски и очистили руками от грязи. Затем уголь и руду слой за слоем сложили в кучу, как делает угольщик с деревом, которое он хочет обжечь. Таким образом, под действием воздуха, нагнетаемого мехами, уголь должен был превратиться в углекислоту и затем в окись углерода, которой предстояло восстановить магнитный железняк, то есть отнять от него кислород. Выработав этот план, инженер начал действовать. Мехи из тюленьей шкуры, снабженные на конце трубкой из огнеупорной глины, предварительно обработанной в обжигательной печи, поставили возле кучи руды. Приведенные в движение механизмом,

состоявшим из рам, веревок и противовесов, они начали нагнетать в центр кучи воздух, который, повышая температуру, должен был содействовать химической реакции. Это оказалось трудным делом. Понадобились все терпение, вся изобретательность колонистов, чтобы успешно его осуществить. В конце концов оно удалось, и была получена железная болванка в губчатом состоянии, которую надо было еще ковать, чтобы выгнать из нее жидкий шлак. Правда, новоявленным кузнецам не хватало молотка, но, в конце концов, они были в том же положении, как первый металлург на Земле, и поступили так же, как, вероятно, поступил он.

Первая болванка, привязанная к палке, послужила молотком для ковки следующей, которую положили на гранитную наковальню. Таким образом, был получен грубый, но годный к употреблению металл. Наконец 25 апреля, после многих усилий и трудов, колонисты выковали несколько полос железа и превратили их в инструменты — щипцы, тиски, кирки и лопаты. Пенкроф и Наб объявили их превосходными.


CH. BARBANT

Возле насыпанной кучи руды и угля установили мехи, сшитые из тюленьих шкур; воздух выходил из мехов через трубку, сделанную из огнеупорной глины, — трубку эту специально изготовили и обожгли в гончарной печи.

Но металл мог быть полезен не столько в виде железа, сколько в виде стали. Сталь же является сочетанием железа и углерода. Ее получают либо из чугуна, отнимая от последнего избыток углерода, либо из железа, которое насыщается недостающим углеродом. Первый вид стали, добытый из обезуглероженного чугуна, называется натуральной или пудлингованной сталью, сталь второго рода получается от цементированного железа и носит название томленой.

Именно эту сталь и стремился получить Сайрес Смит, в распоряжении которого было чистое железо. Ему удалось достигнуть своей цели, нагревая металл с угольным порошком в тигле из огнеупорной глины.

Затем эту сталь, которая поддается как горячей, так и холодной ковке, обработали молотком. Наб и Пенкроф под руководством инженера изготовили лезвия для топоров и придали им прекрасную закалку, сначала накалив их докрасна и сразу после этого погрузив в холодную воду.

Были изготовлены и другие инструменты, правда, довольно грубые на вид топоры, топорики, стальные ленты, которые должны были превратиться в пилы, стамески, заступы, мотыги, молотки и гвозди.

Пятого мая первая металлургическая эпоха закончилась, и кузнецы возвратились в Трубы. Вскоре им предстояло переменить квалификацию и заняться другой работой[21].

[21] Примечания: 21

Описывая химические и металлургические процессы, а также процесс выплавки железа, автор иногда допускает ряд неточностей и ошибок.

ГЛАВА XVI

Снова вопрос о жилище. — Мечты Пенкрофа. — Экскурсия к северу от озера. — Северная оконечность плато Змеи. — Конец озера. — Топ взволнован. — Топ в воде — Подводный бой. — Дюгонь.

Было 6 мая — число, соответствующее 6 ноября в странах Северного полушария. Небо уже несколько дней хмурилось, и было необходимо подготовиться к предстоящей зимовке. Правда, температура была еще довольно высока, и стоградусный термометр на острове Линкольна показывал бы от десяти до двенадцати градусов выше нуля. Это было вполне естественно, так как остров Линкольна, который лежал, по всей вероятности, между тридцать пятой и сороковой параллелями, имел одинаковый климат с Сицилией или Грецией. Но даже в Греции и в Сицилии бывают сильные холода, снег и лед; можно было не сомневаться, что и на острове Линкольна температура в зимние месяцы значительно понизится, и на этот случай следовало принять меры.

Вскоре должны были начаться если не морозы, то дожди. На уединенном острове, затерянном среди океана и ничем не защищенном от ненастья, непогоды должны особенно часто свирепствовать.

Поэтому следовало серьезно обдумать и безотлагательно разрешить вопрос об устройстве более благоустроенного жилища, чем Трубы.

Пенкроф, разумеется, питал слабость к этому убежищу, которое ему посчастливилось открыть, но он тоже понимал, что подыскать другой дом необходимо. Как мы знаем, море однажды уже посетило Трубы, и ожидать второй такой катастрофы было бы безрассудно.

— К тому же, — заметил Сайрес Смит, беседуя на эту тему со своими товарищами, — нам не мешает принять некоторые предосторожности.

— Почему? Остров ведь необитаем, — возразил журналист.

— По всей вероятности, вы правы, хотя мы еще не исследовали его до конца, — ответил Сайрес Смит. Но если на нем и нет людей, то нас окружают дикие, опасные животные. Поэтому нам следует укрыться от возможного нападения, чтобы не бодрствовать по ночам, поддерживая огонь. Да и вообще, друзья мои, необходимо все

предвидеть. Мы находимся в такой части Тихого океана, куда частенько заходят пираты.

— Неужели? В такие отдаленные от земли места? — воскликнул Герберт.

— Да, мой мальчик, — ответил инженер. — Эти пираты — смелые моряки и в то же время опасные злодеи. Мы должны быть в состоянии им противостоять.

— Ну что же, сказал Пенкроф, — мы примем меры и против двуногих и против четвероногих зверей. Но не следует ли нам, мистер Сайрес, прежде чем что-либо предпринимать, хорошенько осмотреть весь остров?

— Это, правда, будет лучше, поддержал моряка Гедеон Спилет. — Кто знает, не посчастливится ли нам найти на том берегу пещеру, которую мы тщетно искали здесь?

— Все это так, — ответил инженер, — но вы забываете, друзья мои, что нам следует обосноваться недалеко от пресной воды, а на западе мы не видели с вершины горы Франклина ни одного ручья или реки. Здесь же мы находимся возле реки Благодарности и озера Гранта. Это важное преимущество, которым не следует пренебрегать. К тому же берег, выходящий на восток, не подвержен действию пассатных ветров, которые

в этом полушарии дуют с северо-запада.

— Тогда построим дом на берегу озера, мистер Сайрес, — сказал Пенкроф. — Теперь у нас есть и кирпич и инструменты. Мы были кирпичниками, горшечниками, литейщиками и кузнецами и сумеем, черт возьми, превратиться в каменщиков!

— Правильно, мой друг. Но, прежде чем принять решение, надо поискать жилище, построенное самой природой. Оно избавит нас от долгих трудов и, вероятно, окажется более надежной защитой и от внутренних и от внешних врагов.

— Это верно, Сайрес, но мы уже осмотрели весь этот гранитный массив и не нашли в нем ни одного отверстия, ни одной щелки, — ответил Гедеон Спилет.

— Да, ни одной, — подтвердил Пенкроф. — Если бы мы только могли выдолбить в этой стене дом — где-нибудь повыше, чтобы до него нельзя было добраться, — это бы нам подошло. Я так и вижу пять или шесть комнат на той стороне, что выходит к морю.

— И, конечно, с окнами, чтобы в них было светло! — смеясь, сказал Герберт.

— И с лестницей! — прибавил Наб.

— Вы смеетесь? — вскричал моряк. — Напрас-

но. Что же здесь невозможного? Разве у нас нет мотыг и лопат? Разве мистер Сайрес не сумеет сделать порох, чтобы заложить мину? Не правда ли, мистер Сайрес, вы сделаете порох, когда он нам понадобится?

Сайрес Смит молча предоставил увлекающемуся Пенкрофу развивать свои фантастические проекты. Взорвать эту гранитную массу даже с помощью пороха было бы задачей, достойной Геркулеса, и приходилось лишь пожалеть о том, что сама природа не взяла на себя этой тяжелой работы. Вместо ответа инженер предложил Пенкрофу более внимательно осмотреть стену, начиная от устья реки и до угла на ее северной оконечности.

Колонисты вышли из Труб и произвели тщательное исследование на протяжении почти двух миль. Но в ровной, прямой поверхности стены нигде не было видно ни одного углубления. Гнезда скалистых голубей, летавших над стеной, представляли собой отверстие в самом гребне прихотливо изрезанной гранитной верхушки. Это было достаточно неприятно, тем более, что не приходилось и мечтать продолбить стену ударами кирки или силой взрыва. По прихоти случая Пенкрофу удалось открыть единственное

сколько-нибудь пригодное для жилья убежище на всей этой части берега. Но все же это убежище необходимо было покинуть.

Закончив свое исследование, колонисты оказались у северной оконечности стены, покатые уступы которой терялись в песках. Отсюда до своей западной границы она являла собой груду камней, песка и земли, связанную травой и кустарником и наклоненную под углом в сорок пять градусов. Там и сям виден был гранит, острия которого торчали над этой своеобразной скалой. На склонах стены, покрытых густой травой, возвышались группы деревьев. Но растительность не простиралась за пределы стены, и от подножия ее до самого берега тянулась песчаная равнина.

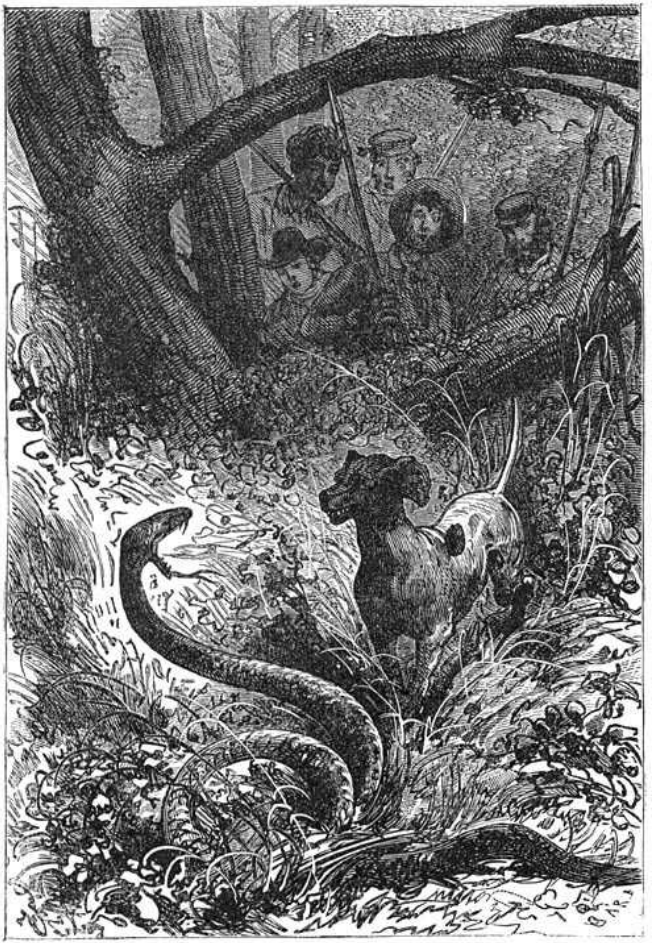
Сайрес Смит не без основания предположил, что именно в этой стороне должен был изливаться водопадом излишек воды в озере. Действительно, избыточная вода, приносимая Красным ручьем, не могла не иметь выхода. Но инженер все еще не обнаружил этого выхода на исследованных им берегах — от устья ручья на западе и до плато Дальнего Вида.

Поэтому он предложил своим спутникам взобраться на откос стены и вернуться в Трубы верхом, чтобы иметь возможность исследовать

северный и восточный берега озера.

Предложение Сайреса Смита было принято. Через несколько минут Наб и Герберт уже взобрались на верхнее плато. Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет, менее проворные, шли за ними следом.

В двух шагах от них среди листвы сверкали прекрасные воды озера, озаренные лучами солнца. Вид в этом месте был действительно замечательный. Группы слегка пожелтевших деревьев ласкали глаз чудесной окраской листьев. Огромные старые стволы, павшие от времени, резкими черными пятнами выделялись на зеленом ковре травы. Множество шумных какаду, сверкая, словно хрустальные призмы, наполняли воздух криками. Солнечный свет, пронизывая их причудливое оперение, казалось, разлагался на все цвета спектра.



Вместо того чтобы прямо подойти к северному берегу озера, колонисты обогнули плато и направились к устью Красного ручья по левому берегу. Обход не превышал полутора миль. Это была приятная прогулка, так как между редкими деревьями оставался широкий проход. Чувствовалось, что близка граница плодородной зоны; растительность была не столь обильной, как на всем пространстве между Красным ручьем и рекой Благодарности.

Сайрес Смит и его спутники не без некоторого опасения поднимались по этой новой для них местности. Единственным их оружием были луки, стрелы и палки с железными наконечниками. Однако им не попалось навстречу ни одного хищного животного; звери, по-видимому, предпочитали густые южные леса. Но зато колонисты были неприятно поражены неожиданностью: Топ наткнулся на большую змею длиной в тринадцать-четырнадцать футов. Наб уложил ее на месте ударом палки. Осмотрев пресмыкающееся, Сайрес Смит объявил, что оно не ядовито. Туземцы Южного Уэльса употребляют их в пищу. Но на острове, возможно, водились и другие змеи, укусы которых смертельны, как, например, «глухая гадюка» с раздвоенным хвостом, которая напа-

дает, если на нее наступить, или крылатые змеи, снабженные парой придатков, позволяющих им двигаться с огромной быстротой. После первой минуты изумления Топ принялся охотиться за змеями с прямо-таки безрассудной отвагой. Его хозяину то и дело приходилось удерживать пса.

Вскоре колонисты достигли устья ручья в том месте, где он впадал в озеро. Они оказались как раз напротив того места на другом берегу, которое уже осмотрели, спускаясь с горы Франклина.

Сайрес Смит установил, что запасы воды в ручье были весьма значительны, поэтому где-нибудь должен был существовать естественный выход для избыточных вод озера. Этот спуск следовало найти, так как он, вероятно, представлял собой водопад, и его механическую силу удалось бы пустить в дело.

Колонисты, идя на некотором расстоянии, но не слишком удаляясь друг от друга, начали обход крутого берега озера. В нем, по-видимому, было много рыбы, и Пенкроф намеревался изготовить какое-нибудь рыболовное приспособление для использования его богатств. Сначала следовало обогнуть острую стрелку на северо-востоке. Можно было предположить, что водоспуск находится именно в этом месте, так как озеро простиралось

почти до самого края плато. Но это оказалось неверным, и колонисты продолжали исследование берега озера, который, сделав небольшой изгиб, тянулся параллельно морскому побережью. С этой стороны берег был не так лесист, но редкие группы деревьев делали пейзаж еще живописнее. Озеро Гранта было видно на всем своем протяжении; воды его казались спокойными и гладкими, как зеркало.

Топ, бегая по кустам, поднимал стаи всевозможных пернатых, которых Гедеон Спилет и Герберт встречали своими стрелами. Удачный выстрел помог юноше убить одну из птиц, и она упала в траву. Топ сейчас же бросился за добычей и принес прекрасную водяную птицу аспидного цвета, с коротким клювом и сильно развитым наростом на лбу. Ее широко раздвинутые пальцы были соединены перепонкой, крылья окаймляла белая полоса. Это была лысуха — птица величиной с большую куропатку, принадлежащая к отряду длиннопалых, который является промежуточным звеном между голенастыми и перепончатопалыми. Дичь была, в сущности, незавидная и вкус ее оставлял желать многого, но Топ, видимо, был не столь привередлив, как его хозяева, и лысуху решили оставить ему на ужин.

Исследователи шли теперь по восточному берегу озера и вскоре должны были достигнуть известных им мест. К немалому своему удивлению, инженер не видел никаких признаков водоспуска. Беседуя с журналистом и Пенкрофом, он не мог скрыть, что очень этим изумлен. Топ, до тех пор весьма спокойный, начал проявлять явное беспокойство. Умный пес бегал взад и вперед по берегу, резко останавливался, приподняв лапу и словно делая стойку на невидимую дичь, потом начинал яростно лаять, как будто напал на следы зверя, и столь же неожиданно умолкал.

Сайрес Смит и его товарищи сначала не обращали внимания на поведение Топа, но вскоре взрывы лая стали так часты, что инженер заинтересовался их причиной.

— В чем дело, Топ? — спросил он.

Собака в несколько прыжков подбежала к хозяину, проявляя сильное волнение, затем снова вернулась к берегу и вдруг с размаху бросилась в озеро.

— Топ! Сюда! — крикнул Сайрес Смит, которому не хотелось оставлять собаку в этих небезопасных водах.

— Что же это происходит там, внизу? — проговорил Пенкроф, вглядываясь в поверхность озера.

— Наверное, Топ почуял какое-нибудь животное, — высказал предположение Герберт.

— По всей вероятности, аллигатора, — сказал журналист.

— Не думаю, — возразил Сайрес Смит. — Аллигаторы водятся в менее высоких широтах.

Между тем Топ, повинуясь голосу своего хозяина, вернулся на берег. Но он ни минуты не оставался спокойным. Прыгая в высокой траве, он словно чутьем угадывал присутствие какого-то невидимого существа, которое плыло под водой у самых берегов. Однако вода оставалась спокойной, и на поверхности озера не было ни одной рыбки. Колонисты несколько раз останавливались и внимательно наблюдали его

зеркальную гладь. Ничего не появлялось. Здесь, очевидно, была какая-то тайна.

Инженер был до крайности озадачен.

— Доведем нашу экспедицию до конца, — сказал он. Спустя полчаса колонисты достигли юго-восточного угла озера и снова оказались на плато Дальнего Вида. Осмотр берегов следовало считать законченным, а между тем инженер не обнаружил, где и как вытекает из озера излишек воды.

— И все-таки этот спуск существует, — повторил он. — Если его нет снаружи, значит вода пробила себе дорогу внутри гранитной стены.

— Но так ли уж нам важно это знать, Сайрес? — спросил Гедеон Спилет.

— Очень важно, — ответил инженер. Если вода изливается сквозь гранитный массив, там, возможно, имеется пещера, которую легко сделать обитаемой, отведя из нее воду.

— Но нельзя ли предположить, мистер Сайрес, что вода уходит прямо в дно озера? — сказал Герберт.

— Может быть, и так, — ответил инженер — В таком случае нам придется строить себе дом собственными руками, раз природа не взяла на себя этой работы.

Колонисты намеревались пересечь плато и вернуться в Трубы, так как было уже пять часов вечера. Но вдруг Топ снова взбудоражился. Он разразился яростным лаем и, прежде чем инженер успел его удержать, второй раз бросился в озеро. Все подбежали к берегу. Собака уже успела отплыть футов на двадцать, и Сайрес Смит громко призывал ее. Внезапно над водой, видимо, не очень глубокой в этом месте, появилась огромная голова. Герберт сейчас же узнал, какому из земноводных принадлежит огромная конусообразная голова с большими глазами, украшенная длинными шелковистыми усами.

— Это ламантин![22] — вскричал он.

Это был не ламантин, но представитель того же отряда китообразных, которые называются дюгонями. Ноздри его находились в верхней части морды.

Огромное животное бросилось на Топа, который тщетно пытался от него ускользнуть и вернуться к берегу. Его хозяин ничем не мог ему помочь, и не успели Гедеон Спилет и Герберт натянуть луки, как Топ, схваченный дюгонем, исчез

---

[22] Примечания: 22

Ламантин — морская корова, млекопитающее из породы травоядных китов. Водится в Африке, у южноамериканских берегов Атлантического океана и в устьях впадающих в него рек.

под водой. Наб, схватив свою окованную железом дубинку, хотел броситься на помощь собаке и сразиться с дюгонем в его родной стихии, но инженер удержал храброго негра. Между тем под водой происходила борьба — необъяснимая, так как Топ, очевидно, в этих условиях не мог сопротивляться, но борьба жестокая. Эта борьба могла закончиться только смертью собаки. Но внезапно вода вспенилась, и Топ появился снова. Подброшенный в воздух неведомой силой, он взлетел на десять футов над поверхностью озера, упал в волнующуюся воду и вскоре благополучно выплыл на берег, спасенный каким-то чудом от смертельной опасности. Сайрес Смит и его товарищи смотрели на озеро, ничего не понимая. Было еще одно столь же необъяснимое обстоятельство: борьба под водой, видимо, продолжалась. Без сомнения, дюгонь, атакованный каким-то могучим животным, сам отстаивал теперь свою жизнь. Но это продолжалось недолго. Вода окрасилась кровью, и тело дюгоня, окруженное все более и более расширявшимся пурпурным пятном, выплыло на поверхность и вскоре было прибито к небольшой отмели в южной части озера. Колонисты подбежали к этому месту. Дюгонь был мертв.

Это огромное животное в пятнадцать-шестна-

дцать футов длиной весило от трех до четырех тысяч фунтов. На его шее зияла рана, видимо, нанесенная острым орудием.

Какое животное могло сразить страшного дюгоня этим чудовищным ударом? Никто не мог ответить на этот вопрос. Инженер и его товарищи, немало озабоченные только что происшедшим, возвратились в Трубы.

ГЛАВА XVII

Прогулка к озеру. — Подводное течение. — Планы Сайреса Смита. — Жир дюгоня. — Сернистые сланцы. — Железный купорос. — Как делают глицерин. — Мыло. — Селитра. — Серная кислота. — Азотная кислота. — Новый водопад.

На следующий день, 7 мая, Сайрес Смит и Гедеон Спилет поднялись на плато Дальнего Вида. Наб остался готовить завтрак, а Пенкроф с Гербертом отправились вверх по реке, чтобы пополнить запасы топлива.

Инженер и журналист вскоре достигли небольшой отмели в южной части озера, на которой остался лежать дюгонь. Огромные стаи птиц окружали эту груду мяса. Их пришлось отгонять камнями, так как Сайрес Смит хотел использовать жир дюгоня для нужд колонии. Что касается мяса этого животного, то оно должно было быть очень вкусно ведь в некоторых областях Малайского архипелага его подают только к столу вельмож. Но это уже касалось Наба.

Сайреса Смита занимали в это время другие

мысли. Вчерашнее происшествие не выходило у него из головы. Ему хотелось проникнуть в тайну подводного боя и узнать, какой сородич мастодонтов или других морских чудовищ причинил дюгоню такую страшную рану. Инженер стоял на берегу озера, пристально вглядываясь в его спокойные воды, блиставшие в лучах утреннего солнца, но не видел ничего особенного.

Вокруг маленькой отмели, на которой лежал дюгонь, вода была не особенно глубока, но дальше озеро постепенно понижалось, и в центре глубина его могла быть довольно значительна. Это озеро, в сущности, представляло собой широкий бассейн, наполняемый водой Красного ручья.

— Ну что же, Сайрес, — сказал журналист, — в озере не видно, кажется, ничего подозрительного?

— Да, мой дорогой Спилет, — ответил инженер. — Я совершенно не могу себе объяснить вчерашнее происшествие.

— Должен сознаться, — сказал Гедеон Спилет, что эта рана кажется мне, по меньшей мере, необычайной. Столь же непонятно, почему Топа с такой силой выбросило из озера. Можно подумать, что его подкинула чья-то мощная рука и та

же рука, вооруженная кинжалом, прикончила дюгоня.

— Да, — задумчиво проговорил инженер, — во всем этом есть что-то загадочное. Но разве вам более понятно, Спилет, каким образом я сам был спасен, кто избавил меня от гибели и перенес к дюнам? Не правда ли, это столь же необъяснимо. Я чувствую, что здесь есть какая-то тайна, которую мы, несомненно, когда-нибудь раскроем. Давайте внимательно наблюдать, но не стоит обращать внимание наших товарищей на эти странные обстоятельства. Сохраним наши мысли про себя и будем спокойно работать. Пока еще, как мы знаем, не удалось обнаружить, куда уходили избыточные воды озера. Но так как оно, по всей видимости, не выступало из берегов, то где-нибудь должен, конечно, был быть сток.

Стоя около мели, инженер не без удивления заметил довольно сильное течение. Он бросил в воду несколько щепок и увидел, что их несет к югу. Сайрес Смит по берегу пошел в направлении течения и достиг южной оконечности озера.

Тут уровень воды несколько понижался, словно она уходила в какую-то подземную трещину.

Инженер приложил ухо к земле и прислушался. Он совершенно явственно услышал подземный

шум водопада.

— Здесь-то и находится сток воды! — сказал он, поднимаясь на ноги. — Именно здесь она пробила ход в гранитном массиве и устремилась в море через какую-то впадину, которую мы бы могли использовать. Я непременно узнаю, где этот сток!

Инженер срезал длинную ветку, очистил ее от листьев и, погрузив в воду, обнаружил под водой на глубине лишь одного фута широкую яму. Эта яма и была отверстием водостока, который Сайрес Смит так долго искал. Течение в этом месте было настолько сильным, что ветку вырвало из рук инженера, и она исчезла под водой.

— Теперь уже нельзя сомневаться, — повторял Сайрес Смит. — Отверстие водостока находится здесь, и я сумею обнажить его.

— Каким образом? — спросил Гедеон Спилет.

— Для этого нужно понизить уровень воды в озере на три фута.

— Но как же понизить ее уровень?

— Мы откроем ей другой, более широкий выход.

— В каком смысле?

— Там, где берег озера ближе всего подходит к стене.

— Но ведь эта стена гранитная!

— Ну что же? — сказал инженер. — Я взорву гранит, вода в озере спадет, и отверстие обнажится.

— И образуется водопад, — прибавил Гедеон Спилет.

— И мы используем его силу! — воскликнул инженер. — Идемте скорей!

Сайрес Смит увлек и журналиста, который так верил в способности своего товарища, что не сомневался в успехе. И все же, можно ли взорвать гранитную стену, можно ли без пороха и с весьма несовершенными инструментами разбить эти каменные глыбы? По силам ли инженеру эта задача?

Вернувшись в Трубы, Сайрес Смит и журналист застали Пенкрофа и Герберта за разгрузкой топлива.

— Дровосеки скоро закончат работу, мистер Сайрес, — смеясь, сказал моряк. — И когда вам понадобятся каменщики…

— Мне нужны не каменщики, а химики, — ответил инженер.

— Да, — повторил Гедеон Спилет — Мы собираемся взорвать остров.

— Взорвать остров! — вскричал Пенкроф.

— Вернее, часть острова, — сказал инженер.

Сайрес Смит ознакомил товарищей с результатом своих наблюдений. По его мнению, в гранитном массиве, на котором покоилось плато Дальнего Вида, должна быть обширная впадина. Инженер намеревался добраться до нее. Для этого необходимо прежде всего обнажить отверстие, через которое уходила вода, то есть понизить ее уровень, предоставив ей более широкий выход. Отсюда необходимость приготовить взрывчатое вещество и пробить широкое отверстие в каком-нибудь другом участке стены. Это и хотел осуществить Сайрес Смит с помощью минералов, предоставленных в его распоряжение природой.

Излишне говорить, что его товарищи, особенно Пенкроф, отнеслись к этому плану с огромным энтузиазмом. Грандиозные предприятия — взрыв стены, создание искусственного водопада — все это было по душе моряку. Он выразил готовность стать химиком, раз инженеру нужны химики, или каменщиком, или сапожником — чем угодно, даже учителем танцев и хороших манер, если понадобится. Наб и Пенкроф получили задание извлечь жир дюгоня и сохранить его мясо, которое должно было пойти в пищу. Не ожидая дальнейших объяснений, они сейчас же пустились в путь. Их вера в Сайреса Смита была

безгранична.

Спустя несколько минут инженер, Гедеон Спилет и Герберт, таща за собой салазки, направились к залежам каменного угля, где было много серного колчедана. Этот минерал обычно встречается в самых молодых осадочных породах, и Сайресу Смиту уже удалось найти образцы его. Весь день ушел на переноску колчедана в Трубы. К вечеру его набралось несколько тонн.

8 мая инженер приступил к делу. Серный колчедан состоит главным образом из угля, кремнезема, глинозема и сернистого железа, которое находится в нем в избытке.

Задача заключалась в том, чтобы его выделить и как можно быстрее обратить в железный купорос. Из железного купороса можно будет получить серную кислоту.

Такова была конечная цель всей процедуры. Серная кислота — одно из наиболее употребительных химических веществ. Эта кислота должна была в дальнейшем оказаться колонистам очень полезной для изготовления свечей и дубления кожи, но в данный момент инженер предназначал ее для других целей. Сайрес Смит выбрал за Трубами обширную площадку и тщательно разровнял ее. Он набросал на землю

груду веток мелкого хвороста и положил сверху несколько кусков сернистого сланца. Все это сооружение было затем покрыто тонким слоем предварительно измельченного колчедана.

Затем ветки подожгли, и сланец, содержащий уголь и серу, воспламенился. Тогда подбавили еще колчедана, который образовал огромную кучу; сверху ее покрыли травой и землей, оставив несколько отверстий для тяги. Так поступают, когда хотят обуглить штабеля дров, чтобы превратить их в уголь.

После этого химическая реакция должна была протекать сама собой. Требуется, по меньшей мере, десять-двенадцать дней, чтобы сернистое железо превратилось в железный купорос, а глинозем — в сернокислый глинозем. Оба эти вещества одинаково растворимы, тогда как кремнезем, жженый уголь и зола не растворяются.

В то время, как завершался этот процесс, Сайрес Смит организовал другие работы. Его товарищи помогали ему с отменным усердием, можно сказать — с азартом. Пенкроф с Набом сняли с дюгоня жир и собрали его в большие глиняные кувшины. Из этого жира, подвергнув его обмыливанию, надо было выделить глицерин. Для этой цели достаточно обработать жир содой или

известью. Оба эти вещества, действуя на жир, образуют мыло и изолируют глицерин, который был нужен инженеру. В извести Сайрес Смит, как известно, не испытывал недостатка, но при обработке жира известью получается известковое мыло, которое нерастворимо и, следовательно, бесполезно. Применяя соду, можно, наоборот, получить растворимое мыло, полезное в хозяйстве. Как человек практический, Сайрес Смит предпочитал добыть соду. Это было нетрудно, так как у озера в изобилии попадались всевозможные морские растения — солянки, полудники и разные водоросли. Колонисты набрали множество этих растений, сложили их в открытые ямы и подожгли. Водоросли горели несколько дней, пока вся зола не расплавилась от жара, и наконец превратились в плотную сероватую массу, известную под названием натуральной соды.

Получив соду, инженер обработал ею жир, и в его распоряжении оказались растворенное мыло и нейтральное вещество — глицерин.

Но это было не все. Для осуществления его планов Сайресу Смиту требовалось еще другое вещество — азотнокислый поташ, который чаще называют селитрой.

Сайрес Смит мог бы изготовить это вещество, обрабатывая азотной кислотой углекислый поташ, который легко получить из растительной золы. Но азотной кислоты как раз не было; как раз ее он и хотел в конце концов добыть, получился заколдованный круг, из которого Сайрес Смит никогда бы не вышел. К счастью, природа сама доставила ему селитру, которую надо было

лишь подобрать. Герберт нашел залежи селитры в северной части острова, у подножия горы Франклина, и ее оставалось только очистить.

Эти разнообразные работы продолжались с неделю и закончились раньше, чем завершилось превращение сернистого железа в железный купорос. За оставшееся время колонисты успели изготовить из лепной глины огнеупорную посуду и построить особого устройства кирпичную печь, которая должна была служить для перегонки железного купороса. Все это было выполнено к 18 мая, то есть примерно к тому времени, когда закончилась химическая реакция. Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф под умелым руководством инженера стали настоящими рабочими. Впрочем, необходимость — лучший учитель во всех случаях жизни.

Когда куча серного колчедана окончательно разложилась под действием огня, получившиеся вещества, то есть железный купорос, сернокислый глинозем, кремнозем, золу и остатки угля сложили в большие тазы с водой, смесь взболтали, дали ей отстояться и затем слили с осадка: получилась прозрачная жидкость, содержащая в растворе железный купорос и сернистый глинозем. Остальные вещества, как нераство-

римые, остались в твердом состоянии. В конце концов, когда жидкость частично испарилась, образовались кристаллы железного купороса. Неиспарившуюся жидкость, содержащую сернистый глинозем, просто вылили.

Итак, в распоряжении Сайреса Смита оказалось порядочное количество кристаллов железного купороса, из которых предстояло извлечь серную кислоту.

В промышленности для изготовления серной кислоты применяются различные дорогостоящие аппараты. Для этого нужны большие заводы, специальные аппараты, приборы из платины, свинцовые камеры, применяемые для кислоты, в которых происходит преобразование, и т. п. У инженера не было этих аппаратов, но он знал, что кое-где, в частности в Богемии, серную кислоту изготовляют не столь сложным способом, причем она даже получается более крепкой. Таким образом добывают так называемую нордгаузенскую кислоту[23].

Чтобы получить серную кислоту, инженеру

[23] Примечания: 23

Нордгаузенская кислота — дымящаяся серная кислота, или олеум, то есть безводная кислота. Нордгаузенская кислота — густая жидкость, ныне почти не употребляемая. Идет только для получения купоросного масла путем разбавления ее водой.

оставалось произвести еще только одну операцию: прокалить кристаллы железного купороса в замкнутом сосуде, чтобы кислота выделилась в виде пара. Сгустившись, пары превратятся в серную кислоту.

Для этой-то процедуры и понадобились огнеупорная посуда, в которую были положены кристаллы, и печь, где должна была происходить перегонка кислоты. Операция удалась на славу, и 20 мая, через двенадцать дней после начала своего опыта, инженер оказался обладателем того вещества, которому он рассчитывал найти столь разнообразное применение. Зачем же, однако, нужно было ему это вещество? Очень просто: для того, чтобы получить азотную кислоту. Это оказалось нетрудно. Азотную кислоту удалось добыть перегонкой из селитры, обработанной серной кислотой.

Но как же, в конце концов, думал инженер применить азотную кислоту? Его товарищи еще не знали этого, так как Сайрес Смит не открыл им до конца своих планов. Между тем инженер приближался к своей цели. Еще одна, последняя операция, и он будет иметь продукт, который потребовал столько работы для своего изготовления.

Выпарив глицерин в водяной ванне, Сайрес Смит подлил к нему азотной кислоты и получил, не применяя охлаждающей смеси, несколько пинт желтой маслянистой жидкости. Все это Сайрес Смит проделал один, в сторонке, вдали от Труб, так как не была исключена опасность взрыва. Он принес товарищам сосуд с жидкостью и кратко сказал:

— Вот вам нитроглицерин.

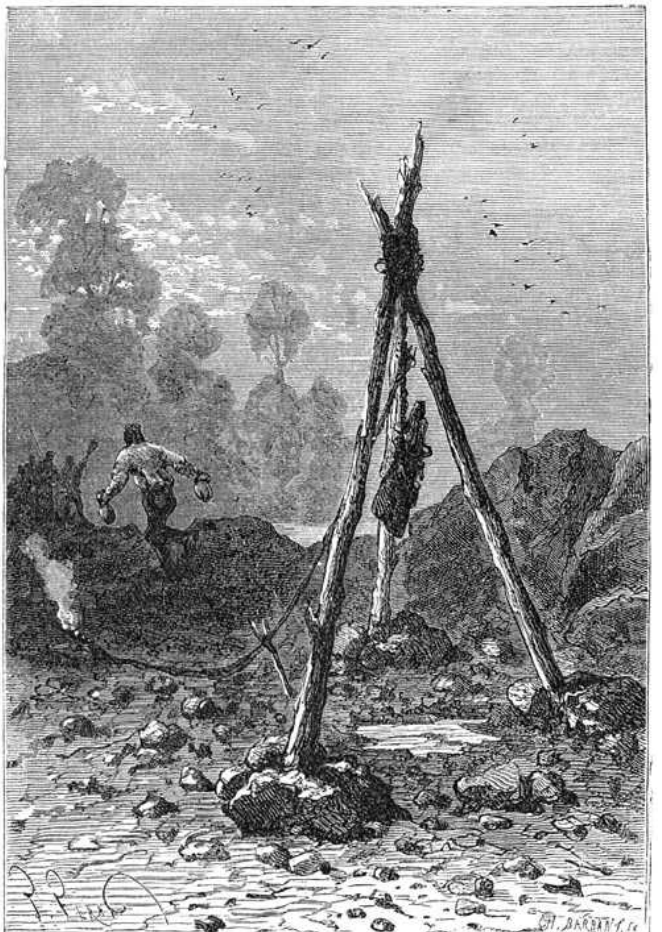
Действительно, это был нитроглицерин ужасное вещество, обладающее в десять раз большей взрывчатой силой, чем порох, и причинившее уже так много несчастий. Правда, с тех пор как нитроглицерин научились превращать в динамит, смешивая его с каким-нибудь пористым веществом — например, глиной или сахаром, способным удержать опасную жидкость, им можно пользоваться с меньшим риском. Но в то время, когда колонисты действовали на острове Линкольна, динамит еще не был известен.

— Что же, эта водичка и взорвет наши скалы? — с недоверчивым видом спросил Пенкроф.

— Да, мой друг, — ответил инженер. — Сила действия нитроглицерина будет особенно велика, потому что гранит очень тверд и окажет большое сопротивление взрыву.

— А когда мы это увидим, мистер Смит? Завтра, как только успеем сделать подкоп.

На следующий день, 21 мая, наши саперы с самой зари отправились на стрелку на западном берегу озера Гранта, находившуюся в пятистах шагах от морского побережья. В этом месте плато было ниже уровня воды, которую сдерживали только гранитные стены. Было очевидно, что, если взорвать эти стены, вода устремится в отверстие, потечет по наклонной поверхности плато и низвергнется на берег моря. Вследствие этого понизится уровень воды в озере и обнажится отверстие водоспуска. А этого и хотели достигнуть колонисты.



Итак, предстояло разбить гранитные рамки, окаймляющие озеро. По указанию Смита, Пенкроф, ловко и энергично действуя киркой, принялся долбить наружный слой гранита. Отверстие, которое надлежало пробить, должно было начинаться на горизонтальной грани стены и углубляться наискось, чтобы подкоп проходил значительно ниже уровня воды в озере. При этом условии сила взрыва, раздвинув скалы, откроет воде широкий выход наружу, так что уровень ее сильно понизится.

Работа оказалась длительной. Инженер, желавший произвести взрыв страшной силы, намеревался употребить для этой цели не меньше десяти литров нитроглицерина. Но Пенкроф, чередуясь с Набом, проявил та кое усердие, что часов около четырех дня подкоп был готов.

Оставалось только найти способ поджечь взрывчатое вещество. Обычно нитроглицерин воспламеняют затравкой из гремучего пороха, детонация которого вызывает взрыв. Для взрыва нитроглицерина необходим толчок; если просто зажечь его, он сгорит, не взорвавшись.

Сайрес Смит, разумеется, мог бы сделать затравку. Для замены пороха он без труда изготовил бы вещество, сходное с пироксилином, — ведь

азотная кислота у него была. Это вещество, заключенное в патрон и положенное в нитроглицерин, можно было бы взорвать, поджегши фитиль, и вместе с ним взорвать нитроглицерин.

Но Сайрес Смит знал, что нитроглицерин обладает свойством взрываться от детонации. Он решил использовать это свойство, готовый в случае неудачи применить какой-нибудь другой способ.

Удара молотком по нескольким каплям нитроглицерина, разлитым на твердой поверхности, достаточно, чтобы вызвать взрыв. Но тот, кто нанесет этот удар, неизбежно должен пасть жертвой взрыва. Сайресу Смиту пришло в голову подвесить к палке над отверстием подкопа тяжелый кусок железа, укрепленный на толстой веревке. Другую веревку, пропитанную серой, он собирался привязать одним концом к середине первой, а свободный конец протянуть по земле на несколько футов от подкопа. Если поджечь вторую веревку, она догорит до места соединения с первой; тогда первая веревка вспыхнет и разорвется, и кусок железа упадет на нитроглицерин.

Сайрес Смит и его товарищи немедля соорудили такой аппарат. После этого инженер, попросив

остальных колонистов отойти подальше, наполнил отверстие нитроглицерином до самого входа и разбрызгал несколько капель взрывчатой жидкости на подвешенный сверху кусок железа.

Затем Сайрес Смит взял в руки свободный конец веревки, пропитанной серой, поджег его и присоединился к своим товарищам.

Веревка должна была гореть двадцать пять минут. И действительно, двадцать пять минут спустя раздался взрыв невообразимой силы. Весь остров словно содрогнулся. Целая туча камней взлетела в воздух, как будто исторгнутая вулканом. Сотрясение воздуха было так сильно, что стены Труб зашатались. Колонисты попадали, хотя взрыв произошел на расстоянии двух миль с лишком.

Поднявшись, они взобрались на плато и бегом бросились к тому месту, где берег озера должен был быть разворочен. Троекратное «ура» вырвалось из их груди. В гранитной стене зияла широкая брешь. Быстрый поток, пенясь, бежал по поверхности плато и, достигнув его края, низвергался вниз с высоты трехсот футов.

ГЛАВА XVIII

Пенкроф уже ни в чем не сомневается. — Старый водосток. — Спуск под землю. — Дорога сквозь гранит. — Топ исчез. — Центральная пещера. — Внутренний колодец. — Тайна. — Работа киркой. — Возвращение.

План Сайреса Смита удался. Но инженер, как всегда, не выказывал признаков удовлетворения. Плотно сжав губы, не двигаясь с места, он пристально смотрел вперед. Герберт был в восторге. Наб прыгал от радости. Пенкроф покачивал своей большой головой и бормотал:

— Ну и молодец же наш инженер!

Действительно, сила действия нитроглицерина была могущественна. Убыль воды в озере оказалась весьма значительной и, по крайней мере, в три раза превосходила утечку через старый водоспуск. Вследствие этого уровень озера должен был вскоре понизиться не меньше чем на два фута.

Колонисты вернулись в Трубы, чтобы захватить рогатины, веревки, огниво и трут, и затем снова направились на плато. Топ сопровождал их.

По дороге моряк сказал, обращаясь к инженеру:

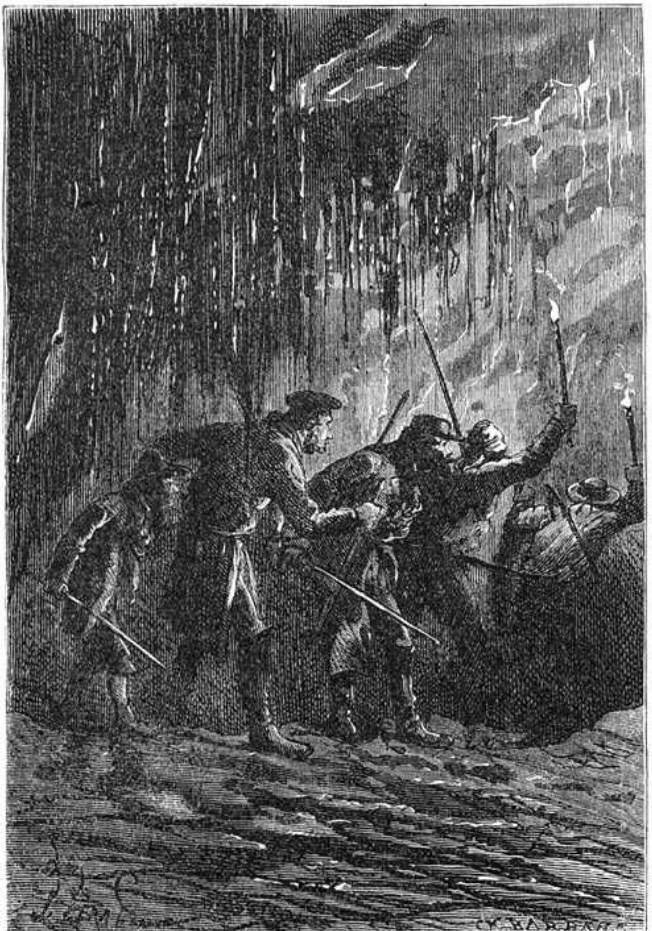
— А знаете, мистер Смит, ведь этой прелестной жидкостью можно было бы взорвать весь наш остров.

— Без всякого сомнения, — ответил Сайрес Смит — Это только вопрос количества. А нельзя ли употребить нитроглицерин для зарядки ружей? — спросил моряк.

— Нет, Пенкроф: это чересчур разрушительное вещество. Но нам нетрудно было бы приготовить хлопчатобумажный или даже обыкновенный порох, раз у нас имеются азотная кислота, селитра, сера и уголь. Чего нам не хватает, так это ружей.

— О, мистер Сайрес, — сказал моряк, — стоит только захотеть!..

Пенкроф, видимо, навсегда вычеркнул слово «невозможно» из словаря острова Линкольна.



Достигнув плато Дальнего Вида, колонисты сейчас же направились к той части озера, где находилось отверстие старого водоспуска. Теперь оно, вероятно, уже обнажилось. Этот спуск, очевидно, стал проходимым, и его, должно быть, нетрудно было обследовать.

Спустя несколько мгновений колонисты подошли к берегу озера. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что цель достигнута. Действительно, в гранитной стене, уже не покрытой водой, виднелось желанное отверстие. К нему вела узкая стенка, обнажившаяся после того, как спала вода. Ширина отверстия была футов в двадцать, но высота его не превосходила двух футов. Оно напоминало сточную канаву у края тротуара. Колонистам нелегко было в него пролезть, но Наб и Пенкроф, вооружившись кирками, менее чем в час достаточно увеличили глубину отверстия. После этого инженер подошел ко входу и установил, что уклон стен в верхней части водоспуска не превышает тридцати — тридцати пяти градусов. Если их покатость всюду одинакова, то по водоспуску можно пройти до самого моря. В случае обнаружения в гранитном массиве сколько-нибудь глубокой впадины, ее, может быть, удастся использовать.

— Ну, мистер Сайрес, почему мы стоим? — спросил моряк, которому не терпелось войти в узкий проход. Видите, Топ опередил нас.

— Прекрасно, — ответил инженер. — Но ход нужно осветить Наб, ступай нарежь смолистых веток.

Наб и Герберт бросились к берегу озера, поросшему соснами и другими хвойными деревьями, и вскоре вернулись, неся ветки, которые должны были служить факелами. Эти ветки зажгли искрой от огнива, и колонисты с Сайресом Смитом во главе углубились в темный тесный коридор, некогда наполненный водой озера. Вопреки предположениям, диаметр прохода постепенно расширялся. Вскоре колонисты уже могли идти вперед не нагибаясь. Гранитные стены, много столетий омываемые водой, были очень скользкие, и исследователи каждую минуту рисковали упасть. По примеру путешественников в горах, они привязали себя друг к другу веревками. К счастью, выступы в граните, напоминавшие ступеньки лестницы, значительно облегчали спуск. Там и сям сверкали на камнях не высохшие еще капельки воды, переливаясь при свете факелов; казалось, что стены покрыты бесчисленными сталактитами. Инженер пристально

всматривался в черный гранит. Он не заметил никаких признаков слоистости или трещин. Масса мелкозернистого камня была очень плотна. Следовательно, проход был такого же древнего происхождения, как остров, а не возник постепенно, под напором воды. Плутон, а не Нептун создал его. На стенах были еще заметны следы деятельности вулканических сил, до сих пор не смытые водой.

Колонисты спускались очень медленно. Не без волнения углублялись они в недра массива, где до них, очевидно, не бывал ни один человек. Занятые своими мыслями, они почти не разговаривали. Сознание, что во внутренних впадинах, сообщающихся с морем, могли обитать осьминоги и другие опасные головоногие, заставляло их соблюдать некоторую осторожность.

Впрочем, во главе экспедиции шел Топ, на чутье которого можно было полагаться. В случае опасности верный пес не замедлил бы поднять тревогу.

Спустившись футов на сто по довольно извилистой дороге, Сайрес Смит остановился. Товарищи его подошли к нему. Впадина, где они сделали привал, была выдолблена водой и представляла собой небольшую пещеру. Со сводов ее падали

капли воды. Но они просачивались сквозь стенки массива. Это были последние остатки потока, который так долго наполнял впадину. В воздухе, слегка влажном, не чувствовалось никакого неприятного запаха.

— Ну что же, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет, вот вам и пещера, никому не ведомая и укрытая от всех. А жить в ней все-таки невозможно.

— Почему? — спросил Пенкроф.

— Она слишком мала и темна.

— А нельзя ли ее расширить и углубить и пробить в ней отверстия для воздуха? — сказал Пенкроф, которому все казалось теперь возможным.

— Пойдем дальше, проговорил Сайрес Смит. — Будем продолжать наши исследования. Может быть, природа и избавит нас от этого труда.

— Мы прошли всего лишь треть расстояния, — заметил Герберт.

— Да, около трети, — подтвердил Сайрес Смит. — Мы спустились футов на сто от отверстия; возможно, что еще сотней футов ниже…

— Где же Топ? — перебил Наб инженера.

Колонисты обыскали пещеру. Собаки не было.

— Он, наверное, побежал вперед, — сказал Пенкроф.

— Пойдем за ним, — проговорил инженер.

Спуск продолжался. Сайрес Смит тщательно отмечал все отклонения от прямой линии. Несмотря на множество поворотов, нетрудно было заметить, что водосток ведет к морю. Колонисты спустились еще футов на пятьдесят. Внезапно они услышали какие-то отдаленные звуки, доносившиеся из глубины массива. Исследователи остановились и прислушались. Эти звуки, гулко отдававшиеся в тоннеле, отчетливо доходили до их ушей.

— Это Топ лает! — вскричал Герберт.

— Да, — подтвердил Пенкроф. — Наша верная собака чем-то разгневана.

— Это становится все интересней, — шепнул журналист Пенкрофу.

Моряк утвердительно кивнул головой.

Сайрес Смит и его товарищи бросились на помощь собаке. Голос Топа слышался все явственнее. В его отрывистом лае чувствовалась непонятная ярость. Неужели на него напало какое-нибудь животное, обеспокоенное его вторжением? Колонистов охватило величайшее любопытство. Забыв об опасности, они бросились вперед, быстро спускаясь или, скорее, скользя по стенам водостока. Шестьюдесятью футами ниже

они увидели Топа.

В этом месте проход расширялся в обширную, великолепную пещеру. Топ яростно лаял, бегая взад и вперед. Пенкроф и Наб, размахивая факелами, освещали все закоулки пещеры. Герберт, Сайрес Смит и Гедеон Спилет держали рогатины наготове.

Огромная пещера была пуста. Колонисты обошли ее во всех направлениях и не увидели ни одного зверя, ни одного живого существа. А между тем Топ продолжал лаять. Ни угрозой, ни лаской его нельзя было успокоить.

— Где-нибудь должно быть отверстие, через которое воды озера уходили в море, — сказал Сайрес Смит.

— Это верно! — воскликнул Пенкроф. — Мы еще, чего доброго, провалимся в какую-нибудь дыру.

— Ищи, Топ, ищи! — закричал инженер.

Собака, подстрекаемая словами хозяина, подбежала к краю пещеры и залаяла вдвое громче прежнего.

Колонисты последовали за Топом. При свете факелов их глазам представилось широкое отверстие колодца, вырытого в граните. Именно отсюда изливалась в море вода, некогда заключенная в

массиве. Но на этот раз это был не наклонный, легко проходимый коридор, а совершенно отвесный колодец, спуститься по которому было невозможно.

Колонисты поднесли факелы к отверстию колодца. В нем ничего не было видно. Сайрес Смит оторвал горящую ветку и бросил ее вниз.

Пылающая смола, светившая еще ярче от быстрого падения, озарила внутренность колодца, но он по-прежнему казался пустым. Затем пламя затрещало и угасло: ветка достигла поверхности воды, то есть уровня моря.

По продолжительности падения ветки инженер определил глубину колодца. Она оказалась равной приблизительно девяноста футам.

— Вот наше жилище, — сказал Сайрес Смит.

— Но оно кем-то занято, — возразил Гедеон Спилет, которого все еще мучило любопытство.

— Ну, значит этот кто-то земноводный или другой зверь — убежал через колодец и уступил нам место, — ответил инженер.

— Все равно! — сказал Пенкроф. — Мне очень бы хотелось быть на месте Топа пятнадцать минут назад. Ведь не без причины же он лаял.

Сайрес Смит задумчиво смотрел на собаку, шепча про себя:

— Да, Топ, наверное, знает больше нашего, и не только об этом.

Между тем желания колонистов почти полностью осуществились. Случай и чудесная проницательность инженера сослужили им хорошую службу. Теперь в их распоряжении имелась обширная пещера, размеры которой было трудно определить при неверном свете факелов. Разделить эту пещеру на комнаты кирпичными стенами и превратить ее в жилой дом или хотя бы в большую квартиру казалось не слишком трудной задачей. Вода покинула ее, чтобы уже больше не возвращаться. Место было свободно.

Оставалось преодолеть две трудности: необходимо было осветить эту впадину, пробитую в массивной скале, и облегчить доступ в нее. Об освещении сверху нечего было и думать, так как потолком пещеры являлась огромная гранитная глыба, но можно было попытаться пробить переднюю стену, выходившую к морю. Сайрес Смит, который во время спуска определил — правда, довольно приблизительно — наклон и длину водоспуска, предполагал, что толщина внешней стены не особенно велика. Пробив ее, можно было не только осветить пещеру, но и обеспечить проход в нее. Ведь проделать это и приставить к

ней снаружи лестницу так же легко, как устроить окно.

Инженер поделился своими мыслями с товарищами.

— Если так, за работу, мистер Сайрес! — воскликнул Пенкроф.

— Моя кирка при мне, и я уж сумею пробиться через эту стену. Где нужно долбить?

— Здесь, — ответил инженер, указывая на довольно значительное углубление в толще стены.

Пенкроф принялся за работу и целые полчаса при свете факелов отбивал куски гранита. Камень так и искрился под его киркой. Потом моряка по очереди сменили Наб и Гедеон Спилет. Работа продолжалась уже часа два, и можно было опасаться, что толщина стены превосходит длину кирки. Но вот Гедеон Спилет нанес последний удар, и кирка с размаху вылетела наружу.

— Ура! Ура! — закричал Пенкроф. Стена была толщиной всего в три фута. Сайрес Смит приложил глаз к отверстию, которое возвышалось над землей на восемьдесят футов. Он увидел край берега, остров и за ним необозримое море.

В широкое отверстие хлынул свет и залил волшебным сиянием великолепную пещеру. В левой половине она имела не больше тридцати

футов высоты и столько же ширины при длине в сто футов, но зато правая ее половина поражала огромными размерами, и своды ее смыкались на высоте более восьмидесяти футов. В некоторых местах их поддерживали, словно колонны в храме, беспорядочно разбросанные гранитные столбы. Боковые косяки, выгнутые дуги, стрельчатые ребра, темные пролеты, арки, украшенные многочисленными выступами в виде навесов, — словом, все элементы византийской, романской, готической архитектуры можно было видеть под потолком пещеры, созданной не рукой человека, а природой. Силы природы создали в гранитном массиве эту феерическую Альгамбру.

Колонисты замерли на месте, охваченные восторгом. Вместо тесной впадины они видели перед собой чудесный дворец. Наб даже снял с головы шапку, как в храме.

Крики радости вырвались из уст инженера и его товарищей. Громкое, раскатистое «ура» огласило темные своды пещеры.

— Друзья мои, — вскричал Сайрес Смит, — мы зальем этот грот ярким светом и устроим в левой его половине комнаты, склады и кладовые, а в этой прекрасной пещере справа будет наш кабинет для занятий и музей!

— А как мы ее назовем? — спросил Герберт.

— Гранитным Дворцом, — ответил Сайрес Смит. Новое «ура» было ответом на это предложение. Между тем факелы почти догорели. Чтобы вернуться обратно, предстояло подняться по водостоку и выйти на вершину плато, и поэтому колонисты решили отложить на завтра приспособление своей новой квартиры под жилье.

Перед уходом Сайрес Смит снова наклонился над речным отвесным колодцем, ведшим к морю, и внимательно прислушался. Он не услыхал никакого шума, даже плеска воды, которую должно было колебать волнение моря. Инженер бросил в колодец еще одну зажженную ветку. Стенки колодца на мгновение осветились, но Сайрес Смит, как и в первый раз, не увидел ничего подозрительного. Если спад воды и застиг врасплох какое-либо морское чудовище, то оно, очевидно, успело уплыть в море по подземному ходу, который проходил под морским берегом.

Инженер стоял неподвижно, напрягая слух и не произнося ни слова.

Наконец моряк подошел к нему и сказал, трогая его за локоть:

— Мистер Смит!

— Что, мой друг? — ответил инженер, как бы

возвращаясь из царства мечты на землю.

— Факелы скоро погаснут.

— В путь! — ответил Сайрес Смит.

Маленький отряд, покинув пещеру, начал подниматься по темному водостоку. Топ замыкал шествие, продолжая ворчать. Подъем оказался довольно трудным. Колонисты сделали короткую остановку в верхней пещере, служившей своего рода площадкой на середине этой гранитной лестницы, после чего они возобновили подъем.

Вскоре воздух стал заметно свежее. На стенах уже не сверкали капельки воды: они высохли и испарились. Свет дымных факелов постепенно бледнел. Факел Наба погас совсем, и чтобы не оказаться в полном мраке, надо было спешить.

Колонисты пошли быстрее, и около четырех часов, как раз в ту минуту, когда факел моряка тоже потух, Сайрес Смит и его товарищи вышли из отверстия водостока.

ГЛАВА XIX

План Сайреса Смита. — Фасад Гранитного Дворца. Веревочная лестница. — Мечты Пенкрофа. — Пахучие травы. — Естественный крольчатник. — Водопровод для нового жилища. — Вид из окон Гранитного Дворца.

На другой день, 22 мая, начались работы по приспособлению нового помещения под жилье. Колонистам не терпелось перебраться из неуютного жилища в Трубах в обширное сухое убежище, выбитое в самой толще скалы. Инженер не думал, однако, покидать Трубы окончательно: он предполагал превратить их в большую мастерскую.

Прежде всего, Сайрес Смит решил точно установить, куда обращен фасад Гранитного Дворца. Он вышел на берег, к подножию стены. Кирка, выскользнувшая из рук Гедеона Спилета, очевидно, упала на землю отвесно. Следовательно, достаточно было найти кирку, чтобы установить, в каком месте стены пробито отверстие. Кирку удалось обнаружить без труда. Прямо над тем местом, где она вонзилась в песок, зияло отвер-

стие на высоте восьмидесяти футов от берега. Несколько скалистых голубей уже залетели в эту узкую брешь. Они чувствовали себя в Гранитном Дворце полными хозяевами, как будто для них лишь он и был открыт.

Инженер намеревался разделить правую половину пещеры на ряд комнат с общей прихожей и осветить их с помощью пяти окон и двери. Пенкроф охотно согласился на пять окон, но не понимал, к чему нужна дверь. Ведь водоспуск представляет собою естественную лестницу, по которой всегда будет легко войти в Гранитный Дворец.

— Друг мой, возражал ему Сайрес Смит, — если нам с вами легко проникнуть в наше жилище через водосток, то это будет нетрудно и всякому другому. Наоборот, я намерен заткнуть отверстие водоспуска, герметически закрыть его и, если понадобится, даже совершенно замаскировать вход, подняв уровень воды посредством плотины.

— А как же мы будем входить? — спросил Пенкроф.

— По наружной лестнице, — ответил Сайрес Смит, по веревочной лестнице. Когда мы поднимем ее, наше жилище окажется совершенно не доступным.

— Зачем такие предосторожности? — недоумевал Пенкроф. — До сих пор дикие звери не особенно нас беспокоили. Что же касается туземных жителей, то их на острове нет.

— Вы совершенно в этом уверены, Пенкроф? — спросил инженер, пристально смотря на моряка.

— Мы удостоверимся в этом лишь после того, как обследуем весь остров, — ответил Пенкроф.

— Вы правы, — сказал Сайрес Смит. Пока что мы знакомы лишь с небольшой его частью. Но если у нас даже нет врагов на острове, они могут явиться извне: это область Тихого океана всегда считалась опасной. Необходимо на всякий случай принять меры.

Сайрес Смит рассуждал вполне разумно, и Пенкроф без дальнейших возражений приготовился исполнять его приказания. В передней стене Гранитного Дворца было решено пробить пять окон и дверь и, кроме того, широкий пролет и несколько слуховых окошечек, которые позволили бы свету в изобилии проникать в эту великолепную квартиру. Фасад Гранитного Дворца был обращен на восток, и восходящее солнце будет приветствовать обитателей первыми своими лучами. Возвышаясь на восемьдесят футов над землей, передняя стена пещеры занимала часть берега — от

выступа, образующего ребро над устьем реки Благодарности, до нагромождения скал, названного Трубами. Поэтому ненастные, то есть северо-восточные, ветры задевали ее лишь сбоку, так как она была прикрыта выступом. Для защиты от ветра и дождя инженер намеревался закрыть отверстие плотными ставнями, которые нетрудно было замаскировать. Впоследствии ставни предполагалось заменить остекленными рамами. Итак, прежде всего надлежало продолбить отверстия. Долбить крепкий камень киркой было бы слишком долго, а Сайрес Смит, как мы знаем, любил действовать энергично. У него оставалось еще некоторое количество нитроглицерина, и инженер употребил этот состав с пользой. Действие взрывчатой силы было сосредоточено в определенных точках, и отверстия получились именно там, где хотел Сайрес Смит. После этого отверстиям пяти окон, большого пролета и слуховых окошек придали киркой и мотыгой стрельчатую форму, и они приобрели довольно прихотливые очертания. Спустя несколько дней после начала работ Гранитный Дворец был уже ярко освещен лучами солнца, проникавшими в самые укромные уголки пещеры.

По плану Сайреса Смита, квартира должна

была состоять из пяти комнат с видом на море. Справа намечалась входная дверь, к которой должна была примыкать наружная лестница, далее — кухня в тридцать футов шириной, столовая в сорок футов, общая спальня и, наконец, «комната для друзей», смежная с большим залом. Эта последняя комната была предложена Пенкрофом.

Комнаты, на которые разделился, согласно этому плану, Гранитный Дворец, составляли лишь часть пещеры. Параллельно комнатам тянулся длинный коридор, отделявший их от просторного склада инструментов, провизии и различных припасов. Все продукты флоры и фауны острова могли храниться там в наилучших условиях, совершенно защищенные от сырости. Места было сколько угодно, и каждый предмет можно было положить куда следует. Кроме того, колонисты имели еще в своем распоряжении маленький грот, расположенный выше большой пещеры. Он должен был заменять в этой квартире чердак.

Теперь оставалось осуществить намеченный план. Саперы снова превратились в кирпичников. Кирпичи по мере изготовления складывались у подножия стены Гранитного Дворца.

До сих пор Сайрес Смит и его товарищи про-

никали в пещеру лишь через старый водосток. При таком способе сообщения им приходилось, во-первых, подниматься на плато Дальнего Вида, делая крюк по берегу реки, спускаться на двести футов вниз и вновь подниматься, чтобы вернуться на плато. Это было утомительно и требовало времени. Сайрес Смит решил немедленно приступить к изготовлению крепкой веревочной лестницы. Подняв эту лестницу, можно было бы сделать Гранитный Дворец совершенно не доступным. Лестница была изготовлена очень тщательно и не уступала в прочности толстому корабельному канату. Для перекладин послужили легкие, но крепкие ветки красного кедра. Вся работа была исполнена искусными руками Пенкрофа.

Из растительных волокон сплели еще несколько веревок и соорудили неуклюжий кран. Таким образом, кирпичи нетрудно было поднимать до уровня дворца, и переноска строительного материала значительно упростилась.

Колонисты тотчас же приступили к внутренней отделке своего жилища. В извести недостатка не было, а кирпичей, готовых к употреблению, изготовили несколько тысяч. Срубы перегородок — правда, весьма примитивные — вскоре уже

стояли на своих местах, и через несколько дней помещение разделили по плану на комнаты и склады.

Все эти работы быстро осуществлялись под руководством инженера, который сам ловко действовал молотком и лопатой. Сайрес Смит не отказывался ни от какой работы, служа примером своим понятливым и усердным товарищам. Все работали спокойно, даже весело. Пенкроф, всегда готовый сострить, искусный плотник, канатчик и каменщик, заражал всю компанию своей веселостью. Его вера в Сайреса Смита не имела границ, ничто не могло поколебать ее. Вопрос об одежде и обуви — вопрос очень важный, — освещение дома в зимние вечера, использование плодородных земель, замена дикой флоры культурными растениями — все казалось ему нетрудным. Раз Сайрес Смит здесь, все удастся в свое время. Моряк мечтал о судоходных реках, удобных для перевозки даров земли, о будущей разработке рудников и каменоломен, о всевозможных машинах, о сети железных дорог — да, именно о сети железных дорог, которая покроет когда-нибудь их остров.

Инженер не мешал Пенкрофу мечтать. Он не старался охладить пыл преданного моряка. Вера в будущее, он знал, заразительна. Слушая Пенк-

рофа, он даже улыбался и ни словом не выдавал беспокойства, которое он порой испытывал. В самом деле, в этой части Тихого океана, в стороне от курса кораблей, колонисты могли умереть, так и не дождавшись спасения. Им следовало рассчитывать на себя, и только на себя. Ведь остров Линкольна был так отдален от любого материка, что попытка достигнуть обитаемой земли на самодельной, несовершенной лодке была бы опасной и даже гибельной.

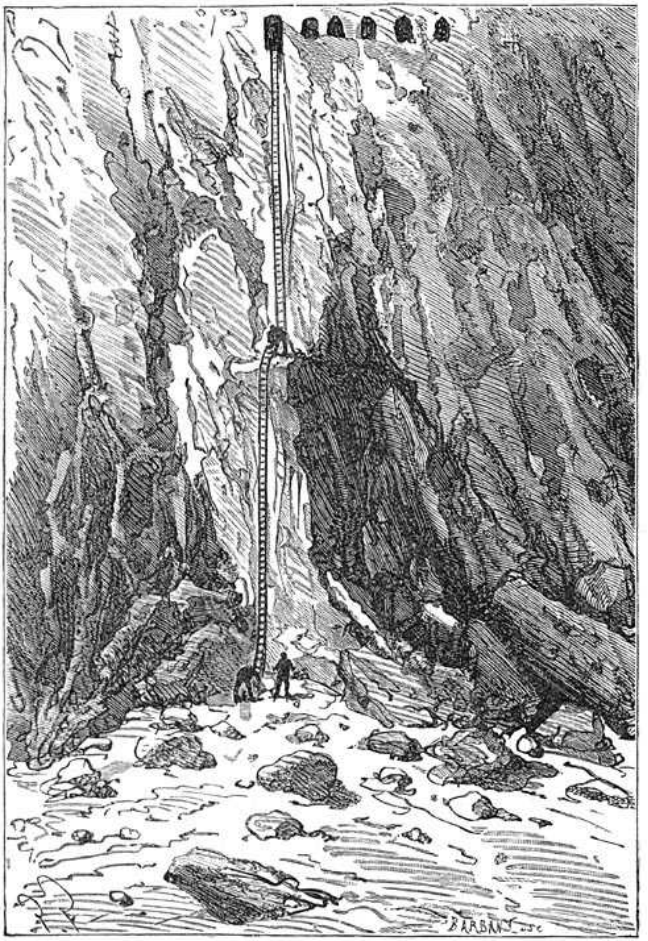
— Но все-таки, — говорил Пенкроф, — мы можем дать сто очков вперед прежним робинзонам, которым каждая удача казалась чудом. И действительно, колонисты «знали», а тот, кто знает, преуспевает там, где другие прозябали бы и в конце концов погибли бы.

Во время работы особенно отличался Герберт. Он был трудолюбив и сообразителен. Быстро все схватывая, он прекрасно выполнял задания. Сайрес Смит все больше привязывался к мальчику. Герберт относился к инженеру с горячей любовью и уважением. Пенкроф хорошо видел, что они крепко подружились, но нисколько не ревновал.

Наб оставался верен себе. Как всегда, он был образцом храбрости, усердия, преданности и

самоотверженности. Он так же верил в Сайреса Смита, как и Пенкроф, но не так бурно выражал свои чувства. Когда моряк начинал восхищаться, Наб всем своим видом отвечал ему: что же тут удивительного? Они с Пенкрофом очень любили друг друга и быстро перешли на «ты».

Гедеон Спилет охотно исполнял свою долю работы и отнюдь не плошал, что несколько удивляло Пенкрофа. «Газетчик» — и, оказывается, не только все понимает, но все может сделать!


BARBANT

Лестницу установили окончательно 28 мая. В ней было не меньше сотни ступенек, при общей высоте в восемьдесят футов. К счастью, Сайресу Смиту удалось разделить ее на две половины, так как стена на высоте сорока футов несколько выступала вперед. Этот выступ тщательно разровняли киркой и превратили в площадку. К ней была подвешена нижняя половина лестницы, и ее можно было втягивать веревкой наверх, до уровня дворца. Вторую лестницу прикрепили нижним концом к выступу, а верхним — к двери. Таким образом, подниматься стало значительно легче. В дальнейшем Сайрес Смит предполагал устроить гидравлический подъемник, который должен был окончательно избавить колонистов от утомления и потери времени.

Жители Гранитного Дворца быстро научились пользоваться лестницей. Они были сильны и ловки, и Пенкроф, привыкший карабкаться по вантам, преподал им первые уроки лазания. Топ тоже нуждался в обучении. Бедный пес не был приспособлен для такой гимнастики. Но Пенкроф оказался усердным наставником, и Топ вскоре научился так же проворно карабкаться по лестнице, как его родичи, которых показывают в цирке. Моряк, понятно, частенько поднимал Топа

на собственной спине, к великому удовольствию умной собаки.

Следует заметить, что, несмотря на усиленные строительные работы, которые необходимо было закончить до наступления ненастного времени, продовольственный вопрос тоже не был забыт. Герберт и журналист, основные поставщики провизии для колонии, ежедневно посвящали несколько часов охоте. За отсутствием моста или лодки, река Благодарности еще являлась для них препятствием, и они могли промышлять только в лесу Якамара. Огромный массив, названный мысом Дальнего Запада, оставался пока необследованным. Экспедиция туда была отложена до первых весенних дней. Но лес Якамара изобиловал всякой дичью: там водилось, много кенгуру и диких кабанов. Луки и стрелы охотников великолепно делали свое дело. К тому же Герберт обнаружил близ юго-западной оконечности озера естественный крольчатник — слегка болотистую полянку, поросшую ивой и пахучими травами, наполнявшими воздух благоуханием. Среди них преобладали тимьян, базилик, чабер и другие представители семейства губоцветных, до которых кролики большие охотники.

— Раз для кроликов накрыт стол, значит они

должны быть где-нибудь поблизости, — справедливо заметил журналист.

Охотники тщательно обследовали полянку. На ней было много полезных трав, и естествоиспытателю представлялась возможность изучить достаточно образцов растительного мира. Герберт набрал много побегов базилика, розмарина, мелиссы, буквицы и других растений, обладающих различными лекарственными свойствами: некоторые оказывали вяжущее, жаропонижающее действие, другие помогали от грудной болезни, лихорадки, ревматизма и судорог. На вопрос Пенкрофа, зачем нужна эта куча травы, Герберт ответил:

— Чтобы лечиться. Чтобы пользоваться ими, если мы заболеем.

— Отчего мы заболеем, если на острове нет докторов? — весьма серьезно спросил Пенкроф. На это нечего было возразить, но юноша тем не менее продолжал собирать травы, к большому удовольствию обитателей дворца. К тому же Герберт добавил к лекарственным растениям значительное количество листьев растения, широко известного в Южной Америке, из которых получается превосходный напиток под названием «чай освего».

Наконец после долгих поисков охотники наткнулись на настоящий крольчатник. Почва у них под ногами была вся истыкана отверстиями, словно шумовка.

— Норки! — закричал Герберт.

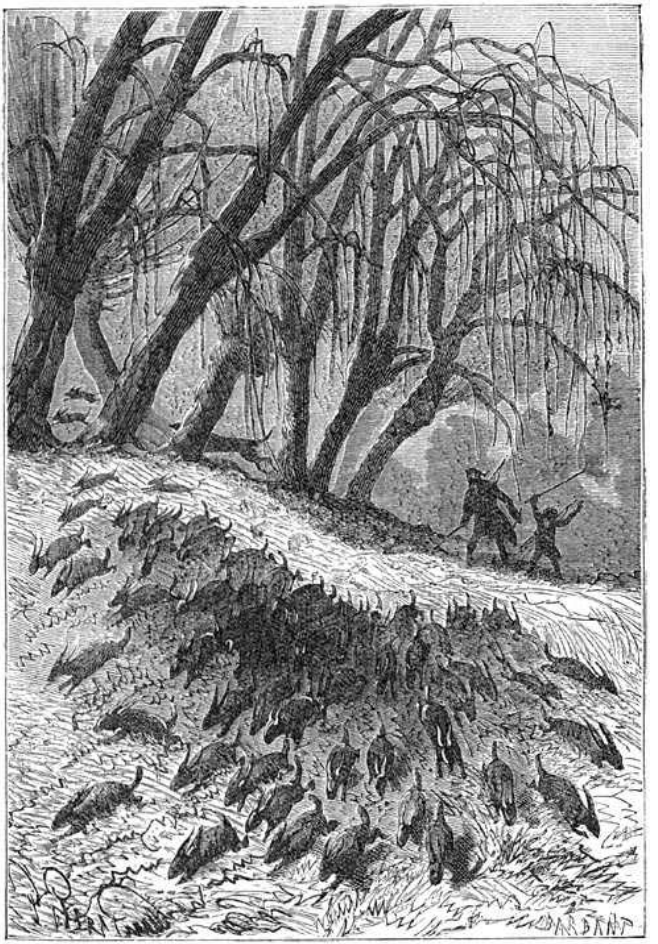
— Совершенно верно, — подтвердил журналист.

— Но живет ли в них кто-нибудь?

— В этом весь вопрос.

Этот вопрос не замедлил выясниться. Тысячи маленьких зверьков, похожих на кроликов, врассыпную бросились во все стороны. Они мчались с такой быстротой, что даже Топу не удалось обогнать их. Охотники с собакой тщетно преследовали этих зверьков-грызунов, легко от них ускользавших. Но журналист твердо решил унести с собой с полянки, по крайней мере, полдюжины зверьков. Прежде всего он хотел пополнить ими запас провизии; в дальнейшем маленьких четвероногих можно будет и приручить. Несколько силков, поставленных у норок, должны были обеспечить журналисту успех. Но у него не было под рукой силков, и их не из чего было сделать. Приходилось вооружиться терпением и разрывать палкой каждую нору. После целого часа работы удалось поймать четырех грызу-

нов. Это были так называемые американские кролики, очень похожие на своих европейских братьев.



Добыча была доставлена в Гранитный Дворец и пополнила меню ужина. Обитателями крольчатника не следовало пренебрегать, тем более что они оказались очень вкусными и могли явиться неистощимым ценным подспорьем для питания колонистов.

31 мая перегородки были готовы. Оставалось только меблировать комнаты, и это должно было занять обитателей дворца в бесконечные зимние дни. В первой комнате, отведенной под кухню, поставили печь. Над трубой для выхода дыма нашим новоявленным печникам пришлось порядочно потрудиться. Сайрес Смит решил, что проще всего построить ее из глины. Не имея возможности дать дыму выход через потолок, колонисты пробили дыру в граните над самым окном кухни. К этой дыре и подвели косо протянутую трубу, как делают с трубами переносных печек. При сильном восточном ветре, дующем прямо на фасад дворца, печь, несомненно, должна была дымить, но восточный ветер дует не так часто, к тому же повар колонии Наб не обращал внимания на такие мелочи.

Закончив внутреннюю отделку, инженер решил заделать отверстие старого водостока, чтобы совершенно закрыть доступ в пещеру с этой сто-

роны. К отверстию подкатили большие глыбы камня и плотно скрепили их цементом. Сайрес Смит решил пока не затоплять вход водой озера, подняв ее уровень посредством плотины. Он просто скрыл его травой и кустарником, посаженным в щели между камнями. С наступлением весны эта зелень должна была пышно разрастись.

Тем не менее инженер использовал водосток, чтобы отвести к новому жилищу небольшой ручеек. Маленькое отверстие, пробитое ниже уровня озера, дало колонистам неиссякаемый источник чистой питьевой воды, приносивший от двадцати пяти до тридцати галлонов[24] влаги в сутки.

Жильцы Гранитного Дворца никогда не должны были испытывать недостатка в воде.

Наконец все было кончено — и как раз вовремя: наступала ненастная пора. В ожидании, пока инженер приготовит стекло, окна в передней стене снабдили толстыми ставнями. Гедеон Спилет красиво расположил на выступах скалы всевозможные растения и длинные стебли травы. Отверстия окон были окаймлены живописной зеленой рамкой.

---

[24] Примечания: 24
Галлон — приблизительно 4,5 литра.

Обитатели Гранитного Дворца могли только восхищаться своим крепким, здоровым, неприступным жилищем. Из окон открывался безграничный горизонт, который на севере замыкался мысом Челюстей, а на юге — мысом Когтя. Вся бухта Союза расстилалась перед взорами колонистов во всем великолепии.

Да, достойные труженики имели полное право гордиться. Пенкроф бурно восторгался своей, как он юмористически называл ее, «квартирой на шестом этаже, под самым чердаком».

ГЛАВА XX

Дождливое время. — Вопрос об одежде. — Охота на тюленей. — Изготовление свечей. — Внутренняя отделка Гранитного Дворца. — Два мостика. — Возвращение с устричной отмели. — Что нашел Герберт у себя в кармане.

Зима вступила в свои права в июне, который соответствует европейскому декабрю. С первых же дней этого месяца начались непрерывные дожди и бури. Обитатели Гранитного Дворца по достоинству оценили свое жилище, защищенное от ненастья. Трубы явились бы недостаточным убежищем в зимнее время, и они опасались, что громадные воды прилива, гонимые ветром, каждую минуту могли ворваться в них. Инженер, предвидя такую возможность, принял на этот счет некоторые меры предосторожности, чтобы защитить кузницу и обжигательные печи.

В течение всего июня производились работы, которые не мешали охоте и рыболовству, так что запасы провизии значительно пополнились. Пенкроф намеревался в первую свободную ми-

нуту устроить западни, от которых он ожидал большой пользы. Он сделал из волокон несколько силков, и не проходило дня, чтобы в них не попадалось определенное количество кроликов. Наб целый день коптил и солил их мясо, обеспечивая колонистов превосходными консервами.

Вопрос об одежде подвергся серьезному обсуждению. У колонистов не было другого платья, кроме того, в котором шар выбросил их на остров. Это было крепкое и прочное платье, и наши островитяне обращались с ним очень бережно, но все же одежда и белье требовали замены. К тому же в случае суровой зимы колонистам пришлось бы изрядно померзнуть.

Сайрес Смит, при всей своей изобретательности, упустил это из виду. Ему приходилось уделять внимание самым насущным нуждам: постройке дома, обеспечению пищей, а холода грозили наступить раньше, чем будет разрешен вопрос об одежде. Приходилось смириться и как-нибудь перезимовать, не слишком ропща на холод. С наступлением весны начнется охота на муфлонов, которых колонисты видели во время экспедиции на гору Франклина, а когда будет собрана их шерсть, инженер уж сумеет приготовить прочную теплую материю. Каким образом?

Об этом придется подумать.

— Ну что же, будем отогреваться в Гранитном Дворце, — сказал Пенкроф. — Топлива у нас много, и беречь его не к чему.

— На острове Линкольна, судя по его широте, зима, вероятно, не слишком сурова, — заметил Гедеон Спилет. — Вы, кажется, говорили, Сайрес, что в Европе на тридцать пятой параллели лежит Испания?

— Совершенно верно, — ответил инженер. — Но в Испании зимой иногда очень холодно. Там бывает и снег и лед, и остров Линкольна, быть может, подвергнется столь же суровым испытаниям. Впрочем, это все-таки остров, и я надеюсь, что климат на нем более умеренный.

— А почему, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

— Видишь ли, мой мальчик, — ответил инженер, — море можно сравнить с огромным резервуаром, в котором накапливается летом тепло. Зимой оно возвращает тепло обратно, и поэтому в районах, прилегающих к океану, летняя температура ниже, а зимняя выше, чем в глубине материка.

— Увидим, — сказал Пенкроф. — Не мучайте меня холодами, которые могут быть или не быть.

Несомненно одно — дни стали короче, а вечера длинней. Не пора ли обсудить вопрос об освещении?

— Это очень просто, — ответил инженер.

— Что, обсудить просто?

— Нет, разрешить.

— А когда мы начнем?

— Завтра. Мы устроим охоту на тюленей.

— Чтобы сделать сальные свечи?

— Что вы, Пенкроф, — стеариновые!

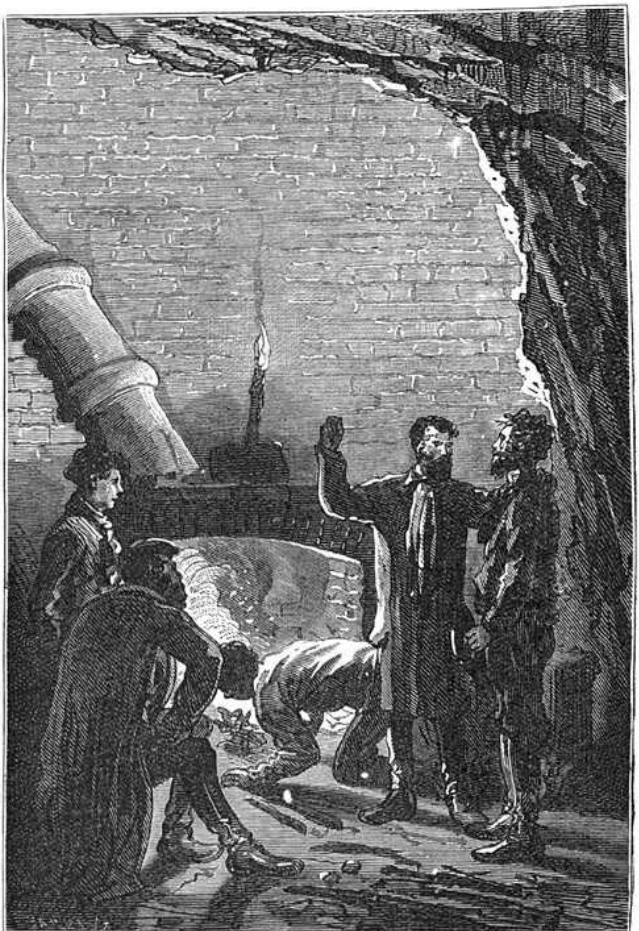
И действительно, таков был план инженера, план вполне осуществимый, раз у него была известь и серная кислота, а тюлени могли снабдить его жиром, необходимым для выделки свечей.

На следующий день, 5 июня, несмотря на довольно скверную погоду, колонисты отправились на островок. Как и в прошлый раз, пришлось ждать отлива, чтобы перебраться через пролив; поэтому было решено построить хоть какой-нибудь ялик, который облегчил бы сообщение с островом и дал возможность подняться по реке Благодарности во время большой экскурсии на юго-запад острова, которую отложили до первых погожих дней.

Тюленей было много, и охотникам легко удалось убить рогатинами с полдюжины их. Наб

и Пенкроф освежевали зверей и принесли в Гранитный Дворец жир и шкуры. Из последних предполагалось сделать крепкие сапоги.

Охота доставила им почти триста фунтов жира, который должен был пойти на отливку свечей.



Процесс их изготовления оказался весьма прост и дал не совсем совершенные, но вполне годные к употреблению изделия. Будь у Сайреса Смита только одна серная кислота, он мог бы отделить от кислоты глицерин, нагревая ее в смеси с естественным жиром, в данном случае — тюленьим. Из нового состава было бы уже легко выделить при помощи кипятка олеин, маргарин и стеарин. Но инженер предпочел ради упрощения дела обмылить жир посредством известки. В результате он получил известковое мыло, легко разлагающееся под действием серной кислоты; кислота осадила известь в виде сернокислой соли и освободила жирные кислоты.

Первая из этих кислот — жидкая олеиновая кислота — была удалена сильным давлением; остальные — маргариновая и стеариновая — как раз и были нужны для отливки свечей.

Эта последняя операция продолжалась меньше суток. После нескольких проб фитили решили сделать из растительных волокон. Их обмакнули в жидкую массу, и колонисты получили настоящие стеариновые свечи ручной выработки, которым не хватало только гладкости и белизны. Фитили не были пропитаны борной кислотой, и поэтому свечи не остеклялись по мере горения

и сгорали не полностью, но Сайрес Смит изготовил пару превосходных щипцов для нагара, и в долгие зимние вечера свечи сослужили колонистам хорошую службу. Весь месяц внутри нового жилища было много работы. Столярам пришлось-таки потрудиться. Набор инструментов, пока еще достаточно первобытных, был усовершенствован и пополнен.

В частности, удалось изготовить ножницы, и колонисты получили наконец возможность постричься и если не обрить, то хоть укоротить свои бороды. Герберт был еще совсем безбородый, у Наба же бородка была куцая, но зато их товарищи основательно заросли, и ножницы пришлись очень кстати.

Изготовление ручной пилы типа так называемых ножовок потребовало бесконечных трудов, но в конце концов получился инструмент, которым — правда, с большими усилиями можно было резать дерево поперек волокна. В Гранитном Дворце появились столы, шкафы, украшавшие главные комнаты пещеры, а также кровати в виде рам, покрытых матрацами из водорослей. Кухня с полками, уставленными посудой, с духовой печью и большим куском пемзы для мытья имела очень уютный вид. Наб

священнодействовал в ней, точно химик в своей лаборатории.

Но столяры скоро превратились в плотников. Дело в том, что с появлением нового водостока пришлось построить мостки и на плато и на берегу озера. Плато и берег были теперь перерезаны потоком, который приходилось переходить, чтобы попасть в северную часть острова. Минуя поток, колонисты должны были делать большой крюк и подниматься к западу до самых истоков Красного ручья. Проще было устроить на плато и на берегу мостки длиною в двадцать — двадцать пять футов. Для этого понадобилось лишь несколько деревьев, очищенных топором. Работа заняла два-три дня. Установив мостки, Наб и Пенкроф воспользовались ими и посетили устричную отмель, которую обнаружили раньше около дюн. Они захватили с собой вместо неудобных салазок грубо сколоченную тачку и привезли несколько тысяч устриц, которые быстро обжились среди скал в естественных садках возле устья реки Благодарности. Эти моллюски были превосходны на вкус, и колонисты ели их почти ежедневно.

Как видим, остров Линкольна, исследованный пока лишь в незначительной своей части,

мог удовлетворить почти все потребности его обитателей. Обыскав более отдаленные уголки лесной области, тянувшейся от реки до мыса Пресмыкающегося, колонисты рассчитывали обнаружить еще новые сокровища. Однако островитяне все же испытывали недостаток в одном важном продукте. У них было немало азотистой и растительной пищи; волокнистые корни драцены, подвергнутые брожению, доставляли им кисловатый напиток вроде пива, с успехом заменявший воду; и даже сахар они сумели добыть, не имея ни тростника, ни свеклы, из сока сахарного клена, в изобилии попадавшегося на острове. Монарды, собранные в крольчатнике, дали вкусный чай; соли, этого единственного минерального продукта, необходимого для питания человека, тоже имелось сколько угодно, но хлеба… хлеба не было. Быть может, впоследствии колонисты смогут заменить его каким-нибудь суррогатом — саговой мукой или крахмалом хлебного дерева. Эти драгоценные деревья, возможно, встречались в лесах южной части острова. Однако до сих пор их не удалось найти.

Тут сама судьба пришла на помощь колонистам. Правда, эта помощь была ничтожна, но Сайрес Смит при всем своем остроумии и изоб-

ретательности не мог бы создать то, что Герберт случайно нашел однажды, починяя свою куртку.

В этот день шел проливной дождь. Колонисты собрались в большом зале Гранитного Дворца. Внезапно Герберт воскликнул:

— Посмотрите-ка, мистер Сайрес: хлебное зерно! — И он показал своим товарищам зернышко, единственное зернышко, которое сквозь дырку в кармане куртки упало за подкладку.

В Ричмонде Герберт имел привычку кормить голубей, которых подарил ему Пенкроф. Вот почему в кармане у него сохранилось зернышко.

— Хлебное зерно? — с живостью переспросил инженер.

— Да, мистер Сайрес. Но одно, всего одно.

— Экая важность! — воскликнул Пенкроф. — Что мы можем сделать из одного хлебного зерна?

— Хлеб, — ответил Сайрес Смит.

— Ну да, хлеб, торты, пирожные! — подхватил Пенкроф. — Хлебом из этого зерна не подавишься.

Герберт не придал особого значения своей находке и хотел было выбросить зерно, но Сайрес Смит взял его и, убедившись, что оно в хорошем состоянии, сказал, пристально смотря на Пенк-

рофа:

— Знаете ли вы, сколько колосьев может дать одно зерно хлеба?

— Один, разумеется, — удивленно ответил Пенкроф.

— Нет, Пенкроф, несколько. А сколько в каждом колосе зерен?

— Право, не знаю.

— В среднем, восемьдесят. Значит, если мы посеем это зерно, то можем получить при первом урожае восемьсот зерен, при втором — шестьдесят четыре тысячи, при третьем — пятьсот двенадцать миллионов и при четвертом — более четырех миллиардов зерен. Вот какова пропорция.

Товарищи инженера слушали его, не произнося ни слова. Эти цифры повергли их в изумление.

— Да, друзья мои, — продолжал инженер, — такова геометрическая прогрессия плодородия природы. Но что значит размножение, хлебного зерна, колос которого приносит всего восемьсот зерен, в сравнении с семечком мака, приносящим тридцать две тысячи семян, или табачным семечком, превращающимся в триста шестьдесят тысяч зерен! Если бы ничто не уничтожало этих растений и не препятствовало их размножению,

они бы в несколько лет заполнили всю Землю.

Но инженер еще не закончил свой допрос.

— Знаете ли вы, Пенкроф, — спросил он, — сколько четвериков составляют эти четыреста миллиардов зерен?

— Нет, не знаю, — отвечал моряк. Но зато я знаю, что я осел.

— Больше трех миллионов четвериков, считая по сто тридцать тысяч зерен на четверик.

— Три миллиона! — вскричал Пенкроф.

— Три миллиона.

— В четыре года?

— В четыре, а может быть, и в два, если, как я надеюсь, нам удастся в этих широтах собрать по два урожая в год.

На это Пенкроф мог ответить только громким «ура».

— Вот видишь, Герберт, — продолжал инженер, — твоя находка имеет для нас очень важное значение. Все, решительно все, друзья мои, может быть нам полезно в теперешних условиях. Прошу вас, не забывайте этого.

— Нет, не забудем, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф. — Если я где-нибудь найду табачное семечко, которое принесет триста шестьдесят тысяч семян, то будьте спокойны, я уж его не

выброшу… И знаете, что нам остается делать?

— Посеять это зерно, — сказал Герберт.

— Да, и притом с величайшей осторожностью, — добавил Гедеон Спилет. — Ведь от него зависит все наше будущее.

— А вдруг оно не вырастет? — воскликнул Пенкроф.

— Вырастет! — сказал Сайрес Смит.

Было 20 июня, то есть самое подходящее время для посева единственного драгоценного зернышка. Сначала его хотели посадить в горшок, но, подумав, реши то положиться на природу и доверить его земле. Это было сделано в тот же день. Понятно, что были приняты все меры, чтобы посев был удачен.

Погода слегка прояснилась, и колонисты поднялись на крышу Гранитного Дворца. Они выбрали на плато местечко, укрытое от ветра и доступное лучам солнца, расчистили его, тщательно выпололи и даже разрыли почву, чтобы удалить насекомых и червей. Затем насыпали слой земли с небольшой примесью извести, окружили «поле» изгородью и наконец опустили в землю драгоценное зернышко.

Можно было подумать, что колонисты закладывают первый камень нового здания. Пенкрофу

вспомнился день, когда он с такими предосторожностями зажигал свою единственную спичку. Но сейчас дело было важнее. Ведь островитянам тем или иным способом все равно удалось бы добыть огонь, но никакие человеческие силы не могли бы создать снова это хлебное зерно, если бы оно, на беду, погибло.

ГЛАВА XXI

Несколько градусов ниже нуля. — Исследование болот на юго-востоке. — Шакаловые лисицы. — Вид моря. — Беседа о будущем Тихого океана. — Непрестанная работа инфузории. — Что станется с нашей планетой. — Охота. — Болото Казарок.

С этой минуты Пенкроф каждый день аккуратно посещал свое «хлебное поле». Горе насекомым, отважившимся туда залететь! Они не могли рассчитывать на пощаду.

В конце июня, после беспрерывных дождей, наступила холодная погода, 29-го числа термометр Фаренгейта показал бы не больше 20 градусов выше нуля (6,67 градуса мороза по Цельсию).

На следующий день, 30 июня — в Северном полушарии 31 декабря, — была пятница. Наб заметил, что год кончается этим днем.

— Новый год начинается хорошо, а это, разумеется, приятнее, — возразил Пенкроф.

Во всяком случае, год начался с сильного мороза. В устье реки Благодарности скопились большие льдины, а озеро быстро замерзло це-

ликом.

Несколько раз приходилось возобновлять запас топлива. Не ожидая, пока река станет, Пенкроф пригнал к месту назначения несколько огромных плотов с дровами. Течение действовало неутомимо и сплавляло бревна до тех пор, пока река совершенно не застыла. К обильным запасам древесного топлива прибавили несколько тачек каменного угля, за которым пришлось ходить к подножию горы Франклина. Жаркий каменный уголь имел особенный успех из-за низкой температуры, которая 4 июля упала до 8 градусов по Фаренгейту (13 градусов мороза по Цельсию). В столовой поставили вторую печь и устроили там общую рабочую комнату.

В эти холодные дни Сайрес Смит не раз хвалил себя за то, что отвел к Гранитному Дворцу воду из озера Гранта. Вытекая из-подо льда и проходя по старому водостоку, она не замерзала и скапливалась во внутреннем резервуаре, который прорыли за складом. Избыток воды просачивался через колодец в море.

Все это время стояла очень сухая погода, и колонисты решили, одевшись как можно теплее, посвятить целый день исследованию юго-восточной части острова, между рекой Благодарности

и мысом Когтя. В этом обширном болотистом районе можно было рассчитывать хорошо поохотиться на водяных птиц.

До болот предстояло пройти восемь-девять миль и столько же обратно, так что экспедиция должна была занять весь день. В обследовании этой неизвестной части острова принимала участие вся колония. 5 июля в шесть часов утра, едва только забрезжила заря, Сайрес Смит, Герберт, Гедеон Спилет, Пенкроф и Наб, вооружившись рогатинами, силками, луками и стрелами и захватив достаточный запас провизии, вышли из Гранитного Дворца. Топ весело прыгал во главе отряда.

Исследователи решили избрать кратчайший путь, то есть перейти реку по льдинам.

— А все-таки основательный мост был бы лучше, — справедливо заметил журналист.

Постройка «основательного моста» была тут же включена в план будущих работ.

Колонисты впервые вступали на правый берег реки Благодарности и отваживались войти в прекрасный хвойный лес, теперь покрытый снегом.

Не успели они пройти и полмили, как из густой заросли выскочило целое семейство четвероногих и бросилось бежать, потревоженное лаем

Топа.

— Это как будто лисицы! — закричал Герберт, смотря вслед убегающим животным. Это действительно были лисицы, но очень крупные. Они заливались резким лаем, который удивил даже Топа. Он остановился и дал быстроногим лисицам возможность скрыться. Собака имела право удивляться, раз она не знала естественной истории. Но именно лай красно-серых лисиц с белой кисточкой на черном хвосте выдал их происхождение. Герберт, не колеблясь, причислил их к породе кильпе. Эти животные водятся в Чили, на Фолклендских островах и в областях Америки, лежащих между тридцатой и сороковой параллелями. Герберт очень сожалел, что Топу не удалось поймать ни одного хищника.

— А что, их едят? — спросил Пенкроф, который рассматривал всех животных на острове только с этой особой точки зрения.

— Нет, — ответил Герберт. — Между прочим, зоологи до сих пор не могут определить, какой у этих лисиц зрачок: дневной или ночной, и не следует ли их отнести к роду собак.

Сайрес Смит невольно улыбнулся, услышав ответ юноши, обличавший в нем серьезный ум. Что же касается моряка, то раз лисиц нельзя было

отнести к роду «съедобных», они его больше не интересовали.

— Однако, — заметил моряк, — когда в Гранитном Дворце будет устроен птичий двор, придется принять некоторые меры на случай посещения этих грабителей.

Никто не стал ему возражать.

Обогнув мыс Крушения, колонисты очутились на широком берегу, который омывали морские волны. Небо, как всегда при продолжительных холодах, было совершенно ясно. Сайрес Смит и его товарищи, разгоряченные ходьбой, почти не чувствовали мороза. К тому же стоял полный штиль, при котором низкая температура переносится значительно легче. Огромный диск яркого, но не греющего солнца поднимался над горизонтом. Голубой спокойный океан тянулся необозримой пеленой, напоминая средиземноморский залив под ясным небом. Мыс Когтя, изогнутый словно ятаган, отчетливо был виден в четырех милях к юго-востоку. Слева линия болот резко прерывалась маленьким мысом, который ярко сверкал под лучами солнца. В этой части бухты Союза, которую ничто, даже песчаная отмель, не защищало от морских волн, корабль, гонимый восточным ветром, действительно не

мог бы найти убежище.

Ни одна подводная скала не возмущала спокойной поверхности океана, никакая примесь не нарушала ровной окраски вод, у берегов не было ни одного рифа. Все это указывало, что побережье очень круто и океан в этом месте очень глубок. Позади, в четырех милях к западу, виднелись первые заросли леса Дальнего Запада. Можно было подумать, что находишься на каком-нибудь пустынном антарктическом острове, покрытом льдами. Колонисты остановились для завтрака. Наб развел костер из водорослей и хвороста и приготовил холодный завтрак, который колонисты запили чаем.

Завтракая, они осматривали окружающий вид. Эта местность была, действительно, бесплодна и резко отличалась от западной части острова. Журналист заметил, что если бы случай сразу забросил потерпевших крушение на это побережье, их мнение об острове было бы очень печально.

— Думаю, что нам бы даже не удалось добраться до берега, сказал инженер. — Море здесь очень глубоко, и в нем нет ни одной скалы. Перед Гранитным Дворцом есть, по крайней мере, отмели и островок, что увеличивало шансы на спасение. Здесь же — бездонная глубина.

— Довольно странно, — заметил Гедеон Спилет, что на этом маленьком острове такая разнообразная почва. Подобная неоднородность характерна скорее для обширных материков. Можно подумать, что плодородная западная часть острова Линкольна омывается теплыми водами Мексиканского залива, а северные и юго-восточные его берега лежат где-нибудь в Полярном море.

— Вы правы, дорогой Спилет, — согласился инженер, — мне эта мысль тоже приходила в голову. И очертания и природа этого острова кажутся мне необычайными. В нем как бы сплетаются все характерные особенности материка. Быть может, он составлял прежде часть материка.

— Что? Материк посреди Великого океана? — воскликнул Пенкроф.

— А почему бы и нет? — ответил инженер. — Разве нельзя допустить, что Австралия, Новая Зеландия — весь тот комплекс, который английские географы называют Австралазией — вместе с островами Великого океана составляли когда-то шестую часть света, столь же значительную, как Европа, Азия, Африка и обе Америки? Я отнюдь не считаю невероятным предположение, что все эти острова, возникшие из обширного океана, суть высшие точки материка, существовавшего в

доисторическую эпоху, но теперь поглощенного водой.

— Так же, как и Атлантида, — подхватил Герберт.

— Да, мой мальчик, если только она действительно существовала.

— Значит, остров Линкольна — часть этого материка? — спросил Пенкроф.

— Вероятно, — ответил Сайрес Смит. — Если это так, то легко объяснить неоднородность его почвы.

— И изобилие живущих на нем животных, — добавил Герберт.

— Совершенно верно, и это лишний довод в пользу моего предположения, — продолжал инженер. Судя по тому, что мы видели, животный мир острова очень богат и, что более удивительно, крайне разнообразен. По-моему, это объясняется тем, что остров Линкольна когда-то составлял часть обширного континента, который мало-помалу погрузился в океан.

— Так, значит, остаток этого континента тоже может в один прекрасный день исчезнуть, и между Америкой и Азией будет пустое место? — спросил Пенкроф, который казался не совсем убежденным.

— Нет, — возразил ему инженер. — На этом месте возникнут новые континенты, которые строят миллиарды миллиардов микроскопических животных.

— Что это за каменщики? — спросил Пенкроф.

— Это коралловые инфузории, — ответил Сайрес Смит. — Их неутомимой работе обязаны своим происхождением остров Clermont Tonnerre и другие коралловые острова, которых так много в Великом океане. Сорок семь миллионов этих животных весят всего один гран[25], но, поглощая морскую соль и другие твердые его части, из которого состоят колоссальные подводные постройки, такие же крепкие, как гранит. Некогда, в начале существования нашей планеты, природа создавала материки с помощью огня. Теперь микроскопические животные заменили огонь, деятельность которого, по-видимому, ослабла: ведь многие вулканы на Земле теперь потухли. Я вполне допускаю, что с течением веков Тихий океан может превратиться в огромный материк, где будут жить новые поколения людей.

— Все это прекрасно, — воскликнул Пенкроф, который слушал с великим интересом, — но

---

[25] Примечания: 25
Гран весит 59 миллиграммов.

скажите мне, пожалуйста, мистер Сайрес: остров Линкольна тоже построили ваши инфузории?

— Нет, он чисто вулканического происхождения, — ответил инженер.

— Так, значит, когда-нибудь он исчезнет?

— Вероятно.

— Надеюсь, что нас тогда уже здесь не будет?

— Нет, не будет, Пенкроф, не беспокойтесь. У нас нет ни малейшего желания здесь умирать, и в конце концов мы отсюда выберемся.

— Но пока что, — сказал Гедеон Спилет, — будем устраиваться основательно. Ничего не следует делать наполовину.

На этом разговор прекратился. Завтрак был окончен. Экскурсия возобновилась, и колонисты достигли рубежа, за которым начинался район болот.

Это была сплошная топь, тянувшаяся до закругленного западного побережья острова примерно на двадцать квадратных миль. Почва ее состояла из глинистого ила, перемешанного с многочисленными растительными остатками. Ряска, тростник, камыш и осока, а кое-где и трава, густая, как плющ, покрывали трясину; местами поблескивали под лучами солнца замерзшие лужи. Они не могли образоваться ни от дождя, ни

от внезапного разлива реки. Из этого следовало, что болота питаются просачивающимися подпочвенными водами. Так оно и было на самом деле. Можно даже было опасаться, что во время летней жары воздух в этих местах наполняется миазмами, вызывающими болотную лихорадку.

Над водорослями и стоячей водой летали всевозможные птицы. Любитель болотной дичи и охотник-профессионал не потратили бы в этих местах даром ни одного выстрела. Дикие утки, шилохвосты, чирки, болотные кулики водились там стаями и, не отличаясь особой пугливостью, близко подпускали к себе людей. Эти птицы держались так тесно, что одним зарядом дробовика можно было бы уложить несколько дюжин. Однако пришлось ограничиться избиением их стрелами. Результат получился хуже, но бесшумные стрелы, по крайней мере, не распугивали пернатых, которых первый же выстрел разогнал бы во все концы болота. Охотники удовольствовались на этот раз дюжиной уток, белых с коричневым пояском и зеленой головкой; крылья у них были черно-рыжие с белым, а клюв плоский. Герберт узнал в них казарок. Топ искусно помогал в ловле пернатых, названием которых окрестили болотистую часть острова. Таким образом, колонисты

получили обильный запас болотной дичи. В будущем предстояло лишь умело его использовать. Можно было надеяться, что многие виды птиц удастся если не приручить, то хотя бы развести возле озера, что значительно приблизило бы их к потребителям.

Часов около пяти Сайрес и его товарищи двинулись в обратный путь и, миновав болото Казарок, перешли через реку Благодарности по ледяному мосту. В восемь часов вечера они были уже дома.

ГЛАВА XXII

Западни. — Лисицы Пеккари. — Ветер меняется на севера западный. — Снежная буря. — Плетение корзин. — Самые сильные морозы за зиму. — Кристаллизация сахара из кленового сока. — Таинственный колодец. — План разведок. — Дробинка.

Сильные холода простояли до 15 августа. Температура, однако, не падала ниже 15 градусов. При тихой погоде мороз не давал себя чувствовать, но, когда поднимался ветер, легко одетым колонистам приходилось очень туго. Пенкроф даже сожалел, что на острове не оказалось каких-нибудь медведей вместо тюленей и лисиц, шкурки которых не вполне его удовлетворяли.

Медведи обычно хорошо одеваются, и я с удовольствием позаимствовал бы у них на зиму их теплое облачение, — говорил он.

— Но, может быть, они не согласились бы уступить тебе свои шубы! — со смехом возразил Наб. — Они не слишком ручные, эти звери.

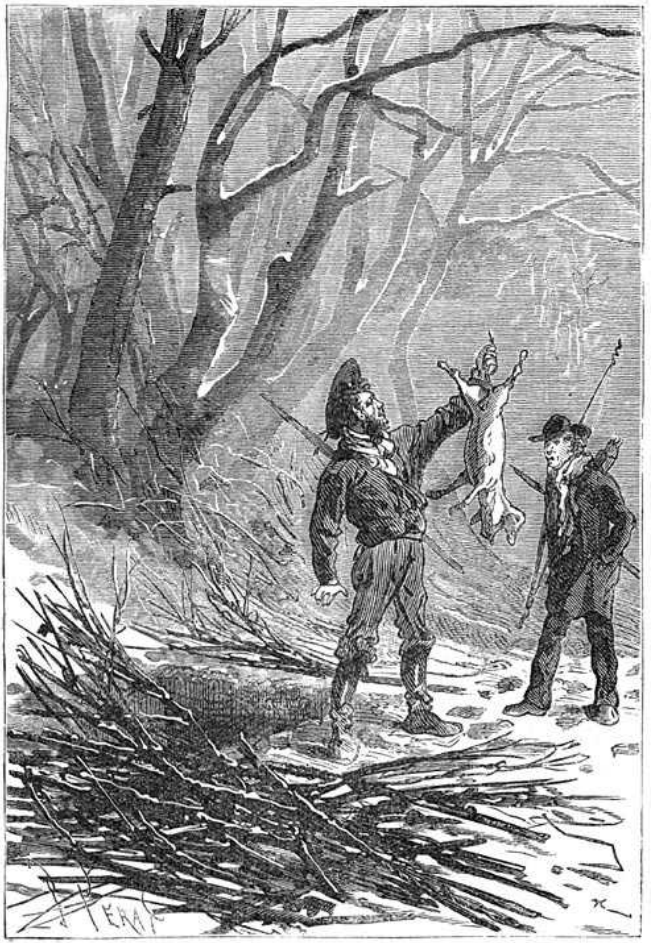
— Мы бы заставили их, Наб, — отвечал Пенкроф безапелляционным тоном.

Но этих страшных хищников не было на острове. Во всяком случае, до сих пор они не показывались.

Тем не менее Герберт, Пенкроф и журналист решили поставить западни на плато Дальнего Вида и на опушке леса.

— Любая добыча пригодится, говорил Пенкроф, и будь то хищник или грызун, он встретит хороший прием в Гранитном Дворце.

Западни были крайне несложны: яма, прикрытая травой и ветками, и в ней приманка, запах которой должен был привлечь животных, вот и все. Эти ямы были вырыты не где попало, а в определенных местах, покрытых многочисленными следами, указывавшими на частые визиты четвероногих. Западни обследовались ежедневно, и в первые же дни в них были обнаружены представители семейства лисиц, уже замеченных ранее на правом берегу реки Благодарности.



— Что, тут одни лисицы, что ли, водятся? — воскликнул Пенкроф, в третий раз извлекая из ямы одного из зверьков, стоявшего там с весьма сконфуженным видом. — От этих животных нет никакой пользы.

— Нет, польза есть, — возразил Гедеон Спилет. — Они нам пригодятся.

— На что же?

— Из них выйдет приманка для других зверей. Журналист был прав; с этих пор трупы лисиц стали класть в ямы в качестве приманки. Кроме того, моряк сплел силки из тростникового волокна, и силки оказались полезнее ловушек. Редкий день в них не попадались кролики; они немного приелись, но Наб умел разнообразить приправу, и обедающие не жаловались.

Однако во вторую неделю августа в западню попались раза два не лисицы, а другие, более полезные животные. Это были кабаны, которые уже встречались колонистам на северном берегу озера. Пенкрофу не понадобилось спрашивать, едят ли их. Это видно было по сходству кабана с европейской или американской свиньей.

— Но имей в виду, Пенкроф, это все-таки не свинья, — сказал моряку Герберт.

— Позволь мне думать, что это свиньи, мой

мальчик, — ответил Пенкроф, нагибаясь над западней и вытаскивая за придаток, служивший ему хвостом, этот образчик семейства свиных.

— А зачем?

— Затем, что это мне приятно.

— А ты очень любишь свинину, Пенкроф?

— Я очень люблю свинину и в особенности свиные ножки, — ответил моряк. — Если бы у свиней было не четыре ноги, а восемь, я любил бы их вдвое больше.

Что же касается пойманных колонистами животных, то это были пеккари, представители одного из четырех родов, на которые распадается данное семейство. Судя по темному цвету и отсутствию длинных клыков, украшающих пасти их родичей, они принадлежали к виду tajassous. Пеккари обычно живут стаями, и можно было предполагать, что в лесистых районах острова они водятся в изобилии. Но, во всяком случае, они были съедобны с ног до готовы, а Пенкроф только этого от них и требовал.

Около 15 августа ветер переменился и подул с северо-запада; состояние атмосферы временно переменилось. Температура поднялась на несколько градусов, и пары, накопившиеся в воздухе, немедленно превратились в снег. Весь остров покрылся белой пеленой и предстал перед колонистами в новом облике. Снег обильно падал несколько дней, и вскоре высота снежного покрова достигла двух футов. Ветер дул с огромной силой, и в Гранитном Дворце был слышен шум моря, бившегося о скалы. На поворотах образовались вихри, и снег, завиваясь, крутился столбом и походил на вращающиеся водяные смерчи, по которым стреляют с кораблей из пушек. Однако ураган, налетевший с северо-запада, обходил ост-

ров стороной, и положение Гранитного Дворца защищало его от прямых ударов.

Из-за этой снежной бури, не менее ужасной, чем метель в Арктике, ни Сайрес Смит, ни его товарищи не могли, как им ни хотелось, выйти из дому и просидели взаперти шесть дней — с 20 по 25 августа. Они слышали, как завывал ветер в лесу Якамара, который, должно быть, сильно пострадал. Буря, наверное, повалила немало деревьев, но Пенкроф утешался мыслью, что ему не придется их рубить.

— Ветер стал дровосеком, ну и пусть работает, — говорил моряк.

Впрочем, он все равно не имел никакой возможности воспрепятствовать этому.

Как должны были быть благодарны судьбе обитатели Гранитного Дворца за то, что она послала им это крепкое, несокрушимое жилище! Правда, Сайрес Смит мог претендовать на значительную долю их признательности, но все же творцом этой пещеры была природа, а инженер только нашел ее. В Гранитном Дворце все были в безопасности, и порывы ветра не могли никому повредить. Если бы колонисты выстроили на плато Дальнего Вида кирпичный или деревянный дом, он бы наверняка не устоял против урагана. Что каса-

ется Труб, то, судя по грохоту волн, отчетливо доносившемуся до колонистов, там совершенно нельзя было бы жить: море, заливавшее островок, яростно билось об их стены. Но в Гранитном Дворце, в толще скалы, над которой не властны ни вода, ни ветер, опасаться было нечего.

Лишившись на несколько дней свободы, колонисты не сидели сложа руки. В кладовой было достаточно дерева в виде досок, и во дворце постепенно появилась новая мебель — столы и стулья, и притом весьма крепкие, так как материал тратили не жалея. Это «движимое имущество», несколько громоздкое, в сущности, не оправдывало своего наименования, так как было весьма малоподвижно, но Пенкроф и Наб очень гордились своей мебелью, которую не променяли бы на лучшие изделия Буля.

Потом столяры превратились в корзинщиков и неплохо справились со своим новым ремеслом. У северного залива озера обнаружили густой ивняк, где оказалось много пурпурной ивы. Перед началом дождей Пенкроф и Герберт набрали запас этого полезного кустарника, и его ветви, хорошо очищенные, могли быть с успехом пущены в дело. Первые изделия были не очень красивы, но благодаря ловкости и смекалке

работников, вспоминавших виденные раньше образцы, советовавшихся и соревновавшихся друг с другом, инвентарь колонистов вскоре пополнился несколькими корзинами и корзинками различных размеров. Их поставили в кладовую, и Наб сложил в особые корзинки свои запасы съедобных корешков, косточек, сосновых орешков и корней драцены.

В последнюю неделю августа погода еще раз переменилась. Температура немного упала, и буря стихла. Колонисты устремились наружу. На берегу было добрых два фута снегу, но по его отвердевшей поверхности можно было без труда ходить. Сайрес Смит и его товарищи взошли на плато Дальнего Вида.

Как все изменилось! Леса, еще недавно зеленые, особенно в этой части, где преобладали хвойные деревья, скрылись под одноцветной пеленой. Все было бело, начиная от вершины горы Франклина и до самого океана: деревья, луга, озеро, река, побережье. Воды реки Благодарности струились под ледяными сводами, которые при каждом приливе и отливе приходили в движение и с шумом разрушались. Над твердой поверхностью озера носилось множество птиц: утки, кулики, шилохвосты, кайры. Они летали тысячами. Ска-

лы у подножия плоскогорья, между которыми низвергался водопад, были усеяны льдинами. Казалось, что вода льется из отверстия чудовищной водосточной трубы, созданной прихотливой фантазией архитектора эпохи Возрождения. О разрушениях, произведенных в лесу ураганом, судить было еще нельзя: приходилось ждать, пока растает безграничная пелена снега. Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт не упустили возможности исследовать западни. Отыскать их под покровом снега оказалось нелегко. Пришлось быть особенно осторожными, чтобы самим не провалиться в какую-нибудь яму; попасть в свою собственную ловушку было бы и опасно и позорно. Все же им удалось избежать этой неприятности, и они обнаружили, что ямы пусты. В них не оказалось ни одного зверя, но вокруг были видны многочисленные следы и, между прочим, отчетливые отпечатки когтей. Герберт, не колеблясь, заявил, что в этом месте побывали хищники из рода кошачьих: это подтверждало мнение инженера, что на острове Линкольна водятся опасные животные. Обычно они обитали в густых лесах Дальнего Запада, но под влиянием голода зашли на плато Дальнего Вида. Быть может, они почуяли присутствие обитателей Гранитного Дворца.

— А что же это такое — кошачьи? — спросил Пенкроф.

— Это тигры, — ответил Герберт.

— Я думал, что тигры водятся только в жарких странах.

— В Новом Свете, — сказал юноша, — их находят на пространстве от Мексики до Аргентинских степей. Остров Линкольна лежит примерно на широте Ла-Платы, и не будет ничего удивительного, если на нем окажутся тигры.

— Ладно, будем смотреть в оба, — ответил Пенкроф.

Между тем снег под влиянием потепления в конце концов растаял. Начался дождь, который размыл белую пелену, и она исчезла. Несмотря на ненастье, колонисты пополнили запасы всевозможной провизией, как вегетарианской, так и мясной: сосновыми орешками, корнями драцены, съедобными корешками, кленовым соком, кроликами, агути и кенгуру. Это потребовало нескольких походов в лес, причем было установлено, что ураган повалил порядочное количество деревьев. Пенкроф с Набом добрались даже до залежей каменного угля и перевезли на тачке несколько тонн топлива. По пути они обнаружили, что труба горшечной печи сильно пострадала

от ветра и укоротилась почти на шесть футов. Вместе с углем были пополнены также запасы дров. Плоты с дровами сновали по реке Благодарности, поверхность которой очистилась от льда.

Трубы также подверглись осмотру, и колонисты могли только порадоваться, что их не было там во время бури. Море оставило в Трубах несомненные следы своего разрушительного пребывания. Гонимое ветром, оно залило островок и ворвалось в коридоры, которые были наполовину засыпаны песком; толстый слой водорослей покрывал скалы. Пока Наб, Герберт и Пенкроф охотились или запасали провизию, Гедеон Спилет с инженером навели порядок в Трубах; оказалось, что горн и печи почти не пострадали, так как были защищены нагроможденным песком. Новые запасы топлива оказались далеко не лишними — колонистам пришлось еще претерпеть суровые морозы. Как известно, для Северного полушария характерно сильное понижение температуры в феврале. Нечто подобное должно иметь место и в Южном полушарии, и август, который соответствует февралю на севере, не избежал этого закона метеорологии.

Около 25-го числа этого месяца, после новых дождей и снегов, ветер перекинулся на юго-во-

сток, и мороз сразу резко усилился. По мнению инженера, ртуть в термометре Фаренгейта опустилась бы, по крайней мере, до 8 градусов ниже нуля (13 градусов мороза по стоградусной шкале). Жестокая стужа, казавшаяся еще мучительнее вследствие пронзительного ветра, продержалась несколько дней. Колонистам пришлось снова запереться в Гранитном Дворце, и, так как было необходимо герметически заткнуть все отверстия, кроме тех, через которые проникал свежий воздух, потребление свечей значительно возросло. Ради экономии колонисты часто довольствовались светом пламени очага, для которого не жалели топлива. Несколько раз те или другие члены колонии отправлялись на берег, усеянный льдинами, которые море выбрасывало при каждом приливе. Но они вскоре возвращались обратно в Гранитный Дворец, с мучительной болью цепляясь за перекладины лестницы: на сильном морозе деревянные палки сильно обжигали им руки.

У пленников Гранитного Дворца снова оказалось много досуга, и его надо было чем-нибудь заполнить. Сайрес Смит приступил тогда к одной операции, которую можно было осуществить в закрытом помещении.

Мы знаем, что у колонистов не было ничего сладкого, кроме сока, который они извлекали из клена, глубоко надрезая ствол дерева. После этого оставалось собрать эту жидкость в сосуды и употреблять ее при изготовлении пищи, тем более что с течением времени кленовый сок становился более густым, совсем как сироп.

Но можно было улучшить его качество, и однажды Сайрес Смит объявил своим товарищам, что им предстоит стать сахароварами.

— Сахароварами? — воскликнул Пенкроф. — Это, кажется, довольно жаркое ремесло.

— Очень жаркое, — подтвердил инженер.

— Ну, значит, оно будет как раз по времени!

Слово «сахароварение» не должно напоминать о заводах со сложными машинами и множеством рабочих. Нет! Чтобы выкристаллизовать этот сок, достаточно было его очистить посредством очень несложной процедуры. Налив кленовый сок в большие глиняные сосуды, его поставили на огонь и подвергли выпариванию, и вскоре на поверхности влаги образовалась пена. Как только жидкость стала густеть, Наб принялся тщательно размешивать ее деревянной лопаткой, чтобы она скорее выпарилась и не пригорела. После нескольких часов кипения на ярком огне, ко-

торый был столь же приятен сахароварам, как полезен для начатого ими дела, сок клена превратился в густой сироп. Этот сироп вылили в глиняные сосуды разнообразной формы, заранее приготовленные в той же кухонной печи. На другой день сироп застыл в виде голов и плиток. Это был настоящий сахар, слегка желтоватый, но почти прозрачный и очень вкусный.

Морозы простояли почти до половины сентября, и узники Гранитного Дворца начали тяготиться своим пленением. Почти каждый день они предпринимали вылазки, по необходимости кратковременные. Работы по благоустройству жилища все время продолжались. За делом шли долгие беседы. Сайрес Смит просвещал своих товарищей в самых разнообразных областях, останавливаясь главным образом на практическом приложении научных знаний. У колонистов не было под рукой библиотеки, но инженер представлял собою готовую, всегда открытую энциклопедию, в которую каждый часто заглядывал, находя в ней ответы на свои вопросы.

Время проходило, и эти достойные люди, казалось, не опасались за будущее. Однако их вынужденному заключению пора было кончиться. Все с нетерпением ждали, если не лета, то хоть

прекращения невыносимого холода. Будь колонисты достаточно тепло одеты, чтобы не бояться стужи, сколько они бы уже совершили походов на дюны и на болото Казарок! Подобраться к дичи было, должно быть, нетрудно, и охота оказалась бы удачной. Но Сайрес Смит не хотел, чтобы колонисты рисковали своим здоровьем. Товарищи инженера послушались его совета.

Тяжелее всех после Пенкрофа переносил лишение свободы Топ. Верному псу было тесно в Гранитном Дворце. Он все время расхаживал по комнатам и по-своему выражал свое недовольство и скуку.

Сайрес Смит часто замечал, что, когда Топ приближался к темному, сообщавшемуся с морем колодцу, отверстие которого выходило в склад, он начинал как-то странно ворчать. Топ бегал вокруг этой дыры, прикрытой деревянной доской. Несколько раз он даже пытался просунуть лапы под крышку, словно желая ее приподнять. При этом он резко взвизгивал, словно охваченный гневом и тревогой. Инженер неоднократно наблюдал за маневрами Топа. Что такое могло быть в этой бездне? Отчего так волнуется умное животное? Колодец примыкает к морю — это несомненно. Не расходится ли он в недрах острова на ряд уз-

ких веток? Или сообщается с другой внутренней впадиной? Может быть, какое-нибудь морское чудовище время от времени отдыхает в глубине колодца? Инженер терялся в догадках и не мог не опасаться неожиданных осложнений. Углубляясь в область научной действительности, он не позволял своим мыслям уноситься в царство необычайного и сверхъестественного. Но как объяснить, почему Топ — рассудительная собака, из тех, что не лают попусту на луну, — так упорно исследует чутьем и слухом этот колодец, если в нем не происходит ничего особенного? Сайрес Смит даже самому себе не хотел признаться, до чего его интригует поведение собаки.

Но инженер не поделился своими соображениями ни с кем, кроме Гедеона Спилета. Он считал бесполезным говорить остальным товарищам о своих невольных размышлениях, причиной которых была, быть может, причуда Топа.

Наконец холода прекратились. Бывали дожди, шквалы со снегом, град, небольшие бури, но всякий раз ненастье длилось недолго. Лед распустился, снег стаял. Берег, плоскогорье, лес, побережье реки Благодарности снова стали проходимыми. Наступление весны привело в восторг обитателей Гранитного Дворца, и вскоре

они стали возвращаться домой только для того, чтобы поесть и поспать.

Во второй половине сентября колонисты много охотились, и Пенкроф начал опять настойчиво требовать у Сайреса Смита огнестрельное оружие, которое инженер, по уверению моряка, обещал изготовить. Сайрес Смит, прекрасно понимая, что без необходимых инструментов он почти наверняка не сможет сделать хоть сколько-нибудь приличное ружье, все время откладывал это. Он указал, что Герберт и Гедеон Спилет прекрасно научились стрелять из лука, убивали превосходных агути, кенгуру, диких свиней, голубей, дроф, диких уток, куликов — словом, всевозможных представителей пушных и пернатых, и что, следовательно, с ружьями можно подождать. Но упрямый моряк не хотел ничего слушать и явно не собирался отстать от инженера, пока тот не исполнит его просьбы. Гедеон Спилет, со своей стороны, поддерживал Пенкрофа.

— Если на острове, по предположению, водятся дикие звери, надо подумать, как их уничтожить и истребить. Может наступить время, когда это будет для нас первейшим делом.

Пока что Сайреса Смита беспокоило не столько отсутствие огнестрельного оружия, сколько во-

прос об одежде. Платье колонистов выдержало зиму, но не могло уцелеть до следующей зимы. Кожу и шерсть — вот что обязательно надо раздобыть. Раз на острове водились муфлоны, надо было найти способ развести их, чтобы они могли служить на пользу колонистам. За лето им предстояло осуществить два важных предприятия: устроить в каком-нибудь пункте острова загон для домашних животных и птичник для пернатых — словом, создать нечто вроде фермы.

Для выполнения этого намерения было необходимо совершить экспедицию в неисследованные области острова Линкольна, то есть в дремучие леса, тянувшиеся по правую сторону реки Благодарности, от устья до оконечности Змеиного полуострова, а также вдоль всего западного берега. Но требовалась устойчивая погода, и не менее месяца должно было пройти до тех пор, пока можно будет с пользой предпринять такую экскурсию.

Колонисты ждали, сдерживая нетерпение, когда вдруг произошло событие, после которого им еще сильнее захотелось всесторонне обследовать свои владения.

Было 24 октября. В этот день Пенкроф отправился осматривать ямы, которые он всегда снабжал

необходимой приманкой. В одной из ловушек он увидел семейство животных, всегда радующих повара: самку пеккари с двумя детенышами.

Пенкроф вернулся в Гранитный Дворец в восторге от своей добычи и, как всегда, не преминул похвастаться результатами охоты.

— Мы сегодня хорошо пообедаем, мистер Сайрес! — вскричал он. — Вы тоже, мистер Спилет, покушаете с нами.

— Я с удовольствием, — ответил журналист. — Но что же вы мне предложите?

— Молочного поросенка.

— Ах, вот что — молочного поросенка? Судя по вашему настроению, Пенкроф, я ожидал куропатки с трюфелями.

— Как, неужели вы погнушаетесь поросенком? — удивился моряк.

— Нет, — ответил Гедеон Спилет, не проявляя особого восторга. — Если не злоупотреблять этим…

— Ладно, ладно, господин корреспондент, — возразил Пенкроф, не любивший, когда хулили его добычу. — Вы, кажется, привередничаете? Семь месяцев назад, когда мы высадились на острове, вы были бы счастливы иметь такой обед.

— Именно, — ответил Гедеон Спилет. — Чело-

век никогда не бывает вполне доволен.

— Надеюсь, что Наб не ударит лицом в грязь, — продолжал Пенкроф. — Поглядите — этим поросятам нет еще и трех месяцев. Они будут нежны, как перепелки… Идем, Наб! Я сам послежу, чтобы они хорошо изжарились.

Моряк в сопровождении Наба отправился на кухню и углубился в кулинарию. Товарищи не стали вмешиваться. Наб и Пенкроф приготовили роскошный обед, состоявший из двух поросят, супа из кенгуру, копченого окорока, сосновых орешков, драценового напитка и чая освего — словом, из самых изысканных яств. Но первое место на этом пиру, разумеется, принадлежало зарумяненным поросятам. В пять часов обед был подан в большом зале Гранитного Дворца. От супа из кенгуру шел душистый пар. Это кушанье нашли превосходным.

За супом последовали пеккари. Пенкроф собственноручно разрезал жаркое и подал товарищам огромные порции. Поросята оказались действительно превосходными Пенкроф с увлечением уничтожал свою долю и вдруг громко вскрикнул и выругался.

— Что случилось? — спросил Сайрес Смит.

— Я… я сломал себе зуб, — ответил моряк.

— Значит, в ваших пеккари есть камни? — сказал Гедеон Спилет.

— Видимо, да, — ответил Пенкроф, вынимая изо рта предмет, из-за которого он лишился зуба.

Но это был не камень. Это была дробинка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОКИНУТЫЙ

ГЛАВА I

Разговор о дробинке. — Постройка пироги. — Охота. — На вершине каури. — Никаких признаков человека. — Добыча Наба и Герберта. — Перевернутая черепаха. — Черепаха исчезла. — Объяснение Сайреса Смита.

Исполнилось семь месяцев, день в день, с тех пор как пассажиры воздушного шара были выброшены на остров Линкольна. Несмотря на все розыски, которые они производили, ни одно человеческое существо не показалось за это время, ни разу дым на выдал присутствия человека на поверхности острова. Никакое произведение рук человеческих не указывало на его пребывание здесь — ни в древнюю, ни в близкую им эпоху. Остров казался необитаемым и, по-видимому, никогда не был населен. И теперь вся эта постройка умозаключений рушилась перед простым зернышком металла, найденным в теле беззащитного животного. И в самом деле, если этим свинцом выстрелили из ружья — кто же, кроме человеческого существа, мог быть вооружен этим ружьем?

Когда Пенкроф положил дробинку на стол, его товарищи смотрели на нее с великим изумлением. Все последствия этого события, столь важного, несмотря на свою кажущуюся незначительность, внезапно предстали их уму.

Неожиданное появление сверхъестественного существа поразило бы их не больше.

Сайрес Смит тотчас же высказал предположения, вызванные столь удивительным и неожиданным обстоятельством. Он взял дробинку, повертел ее между пальцами и спросил Пенкрофа:

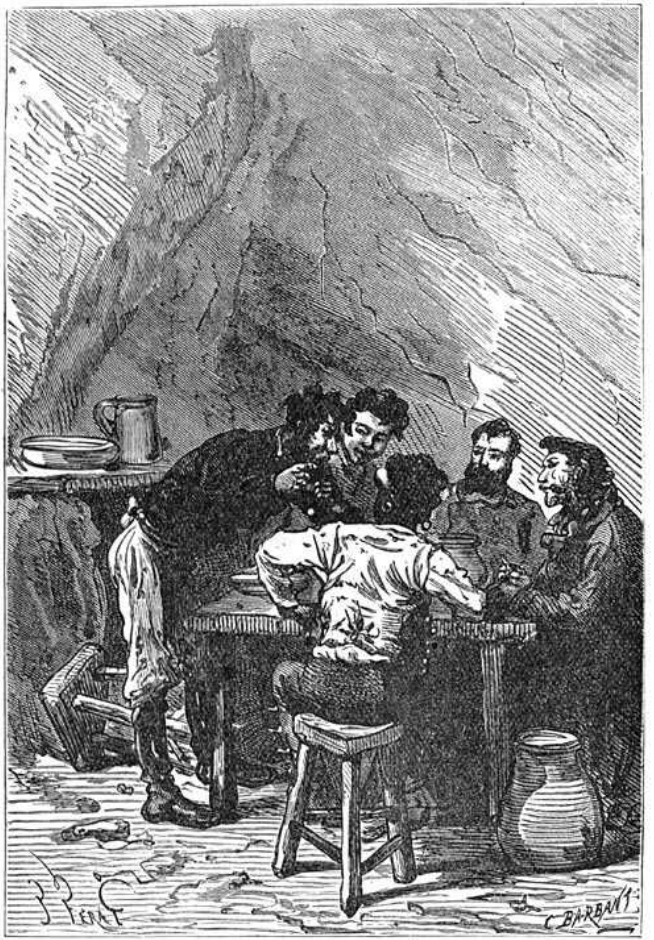
— Уверены ли вы в том, что поросенок, в котором вы нашли эту дробинку, был трех месяцев от роду?

— Никак не старше, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф. — Когда я нашел его в яме, он сосал свою мать. В таком случае, это доказывает, что самое большее три месяца назад на острове Линкольна раздался ружейный выстрел, — сказал инженер.

— И что этим выстрелом был ранен, но не смертельно, наш поросенок, — добавил Гедеон Спилет.

— Это совершенно несомненно, — продолжал Сайрес Смит, — и вот какие выводы надлежит сделать по этому поводу: либо остров был обита-

ем до нашего приезда, либо на нем высадились какие-нибудь люди самое большее три месяца тому назад. Пришли ли эти люди волей или неволей, пристали ли они к острову или были выброшены крушением? Это возможно будет выяснить лишь позже. Ничто не позволяет нам узнать, кто они: европейцы или малайцы, враги или друзья; нам тоже неизвестно, находятся ли они еще на острове или покинули его. Но эти вопросы касаются нас слишком близко, и мы не можем дольше оставаться в неведении.


C. BARBANT

— Нет, сто раз нет, тысячу раз нет! — вскричал моряк, вскакивая из-за стола. На острове Линкольна нет других людей, черт возьми! Остров невелик, и будь он обитаем, мы бы уж увидели кого-нибудь из его обитателей.

— Трудно допустить противоположное, — сказал Герберт.

— Но еще труднее себе представить, — заметил журналист, — что этот пеккари родился с дробинкой в теле.

— А может быть, у Пенкрофа… — серьезно сказал Наб.

— Помилуй, Наб, — возразил Пенкроф, — неужели я целых пять или шесть месяцев не замечал у себя во рту дробинки? Где же она могла спрятаться? — И моряк открыл рот, показывая тридцать два великолепных зуба. — Погляди как следует, Наб, и если ты найдешь у меня во рту хоть один зуб с дуплом, я позволю тебе вырвать их полдюжины.

— Предположение Наба недопустимо, — сказал инженер, который, несмотря на свою серьезность, не мог не улыбнуться. — Несомненно, на острове выстрелили из ружья не больше трех месяцев назад. Но я склонен думать, что те люди, которые пристали к острову, находились здесь

весьма недолгое время либо побывали мимоходом. Ведь если бы остров был обитаем в то время, когда мы осматривали его с вершины горы Франклина, мы бы их заметили, либо они увидели бы нас. Вероятно, буря выбросила на берег несколько недель назад каких-нибудь мореходов, потерпевших крушение. Как бы то ни было, этот вопрос необходимо выяснить до конца.

— По-моему, нам следует действовать осторожно, — сказал журналист.

— Я тоже так думаю, — ответил Сайрес Смит. — К сожалению, можно опасаться того, что к острову пристали малайские пироги.

— Мистер Сайрес, — спросил моряк, — не следует ли нам, прежде чем пуститься в разведку, построить лодку, на которой мы могли бы подняться вверх по реке или, в случае нужды, обогнуть берег острова? Надо быть готовыми ко всему.

— Это хорошая мысль, Пенкроф, — ответил инженер. — Но нам некогда ждать. Для того чтобы построить лодку, нужно не меньше месяца.

— Настоящую лодку — да, — возразил моряк. — Но нам не нужна лодка, которая ходит по морю, а построить лодку, достаточно прочную, чтобы плавать по реке Благодарности, я берусь за пять

дней.

— В пять дней построить лодку?! — вскричал Наб.

— Да, Наб, лодку индейского образца.

— Из дерева? — спросил негр недоверчивым тоном.

— Из дерева, или, вернее, из коры. Повторяю вам, мистер Сайрес, ее можно сделать дней за пять.

— Если за пять дней — я согласен, — ответил инженер.

— А пока что мы должны быть осторожны, — сказал Герберт.

— И очень, друзья мои, — подтвердил инженер. — Я попрошу ограничить ваши охотничьи экспедиции окрестностями Гранитного Дворца.

Обед кончился не так весело, как думал Пенкроф. Итак, значит, на острове живет или жил еще кто-то, кроме колонистов. После происшествия с дробинкой это было неоспоримо, и подобное открытие могло лишь встревожить обитателей Гранитного Дворца.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет, прежде чем лечь спать, долго беседовали на эту тему. Они спрашивали себя, не связан ли случай с дробинкой с необыкновенными обстоятельствами спасения

инженера и другими странными фактами, которые так часто их удивляли. Обсудив вопрос со всех сторон, Сайрес Смит сказал:

— Хотите знать, что я об этом думаю, Спилет?

— Конечно, Сайрес.

— Так вот: как бы тщательно мы ни обследовали остров, мы ничего не обнаружим.

На следующий же день Пенкроф принялся за работу. Он не предполагал сооружать лодку с полной оснасткой и обшивкой — ему требовалась простая плоскодонка для передвижения по реке Благодарности, особенно у истоков, где река была мелкой. Для постройки легкого суденышка было достаточно нескольких сшитых кусков коры; в случае естественных препятствий такую лодку легко было переносить — она не была слишком тяжелой и громоздкой. Пенкроф рассчитывал плотно скрепить полосы коры гвоздями и сделать свое судно совершенно не проницаемым для воды. Оставалось найти деревья с гибкой и крепкой корой, пригодной для такой обработки. Последняя буря повалила немало сосен, которые вполне подходили для такого рода построек. Несколько деревьев лежало на земле, и оставалось только содрать с них кору. Из-за несовершенства инструментов, которыми располагали колони-

сты, эта часть работы оказалась самой трудной. Но в конце концов дело было сделано.

Пока Пенкроф с помощью инженера трудился, не теряя ни минуты, Гедеон Спилет и Герберт тоже не бездельничали. Они взяли на себя поставку провизии для колонии. Журналист не переставал восхищаться юношей, который необычайно искусно владел луком и рогатиной. Герберт проявлял большую отвагу и хладнокровие, которые можно было бы назвать «разумной храбростью». Помня наставления Сайреса Смита, оба охотника не отходили больше чем на две мили от Гранитного Дворца, но даже в начале леса попадалось достаточно агути, кенгуру, диких свиней, пеккари. Со времени прекращения холодов западни стали давать мало дичи, но крольчатник по-прежнему поставлял обычное количество живности, и ее хватило бы, чтобы прокормить все население острова Линкольна.

Во время охоты Герберт часто беседовал с Гедеоном Спилетом о происшествии с дробинкой и о заключениях, к которым пришел инженер. Однажды, 26 октября, юноша сказал журналисту:

— Не кажется ли вам удивительным, мистер Спилет, что потерпевшие крушение, если они действительно высадились на острове, ни разу

не появились в виду Гранитного Дворца?

— Это весьма удивительно, если они еще на острове, но ничуть не странно, если их больше здесь нет, — ответил журналист. Так вы, значит, думаете, что эти люди покинули остров? — продолжал Герберт.

— Это более чем вероятно, мой мальчик. Если бы их пребывание на острове затянулось и они все еще были бы здесь, какое-нибудь обстоятельство в конце концов раскрыло бы их присутствие.

— Но если они смогли отсюда уехать, значит это не потерпевшие крушение, — заметил юноша.

— Нет, Герберт, или, вернее, если они и потерпели его, то, так сказать, временно. Весьма возможно, что буря выбросила их на берег, но не разбила их корабль, и, когда ураган стих, они снова уплыли.

— Надо сознаться, — сказал Герберт, — что мистер Сайрес всегда больше опасался, чем желал присутствия людей на нашем острове.

— Ты прав, — ответил журналист. — По его мнению, в наших краях могут быть только пираты, а от них лучше быть подальше.

— Не исключена возможность, что мы когда-нибудь обнаружим следы их высадки, и этот

вопрос выяснится, — сказал юноша.

— Я не говорю «нет», мой мальчик. Оставленный лагерь, потухший костер могут навести нас на верный след. Этого мы и ждем от предстоящей экспедиции.

В тот день, когда происходил этот разговор, охотники находились в части леса, примыкавшей к реке Благодарности и замечательной особенно красивыми деревьями. Между другими там попадались великолепные представители хвойных, достигающие двухсот с лишком футов высоты; обитатели Новой Зеландии называют их «каури».

— Знаете, что я надумал, мистер Спилет? — сказал Герберт. Если я заберусь на вершину каури, то увижу довольно значительную часть острова.

— Хорошая мысль, — одобрил журналист. — Но сумеешь ли ты вскарабкаться на такое дерево?

— Попробую, — ответил Герберт.

Ловкий и сильный юноша уцепился за ветви каури, расположение которых облегчало его задачу: в несколько минут он добрался до макушки дерева, возвышавшейся над огромным зеленым лесным массивом.

С этой высоты можно было охватить взглядом всю южную часть острова — от мыса Когтя на

юго-востоке, до мыса Пресмыкающегося на юго-западе. С северо-западной стороны возвышалась гора Франклина, закрывавшая значительную часть горизонта.

Со своего наблюдательного пункта Герберт обозревал не известный еще им район острова, где приютились или могли приютиться чужеземцы. Юноша смотрел с величайшим вниманием.

На море ничего не было видно. На горизонте, на подступах к острову — ни одного корабля. Но берег был скрыт за деревьями, и какое-нибудь судно, а тем более судно со сломанными снастями, могло подойти вплотную к острову и остаться не видимым для Герберта.

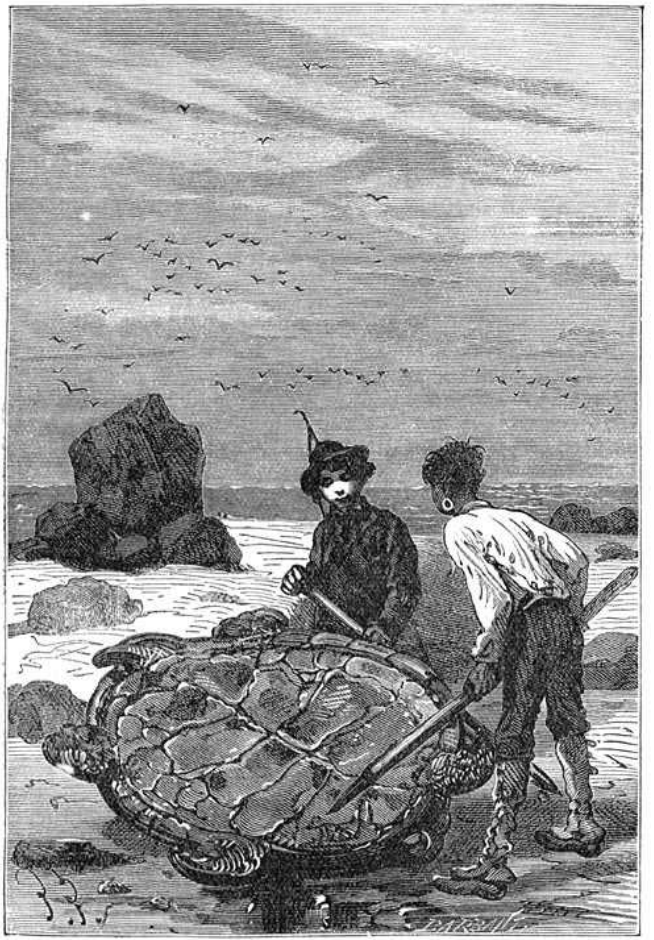
В лесу Дальнего Запада — тоже ничего. Лес представлял собой непроницаемый купол, раскинувшийся на несколько квадратных миль, без единой просеки или полянки. Было невозможно даже проследить за течением реки Благодарности и заметить, в каком месте горы начинаются ее истоки. Быть может, на запад текли и другие реки, но ничто не позволяло это установить. Не обнаруживая никаких признаков лагеря, Герберт надеялся увидеть в воздухе хотя бы дым, свидетельствующий о присутствии человека. Атмосфера была чиста, и малейший дымок был

бы заметен на фоне неба.

На мгновение Герберту показалось, что на западе вьется струйка дыма, но, всмотревшись внимательней, он убедился, что ошибся. Юноша глядел во все глаза, а зрение у него было превосходное. Нет, конечно, никакого дыма не было.

Герберт слез с дерева, и охотники возвратились в Гранитный Дворец. Сайрес Смит выслушал рассказ Герберта, покачал головой, но ничего не сказал. Было ясно, что разрешить этот вопрос можно будет только после осмотра всего острова.

Через день, 28 октября, произошло еще одно обстоятельство, тоже казавшееся непонятным.



Герберту и Набу, когда они бродили по берегу в двух милях от Гранитного Дворца, посчастливилось встретить великолепную черепаху из рода мидаз, с красивым щитком-панцирем, отливающим зеленым цветом.

Герберт увидел черепаху, когда она ползла между скал, пробираясь к морю.

— Ко мне, Наб, ко мне! — закричал он. Наб сейчас же подбежал к нему.

— Красивый зверь, — сказал негр. — Но как его поймать?

— Ничего нет легче, — ответил Герберт. Мы перевернем черепаху на спину, и она не сможет удрать. Возьми рогатину и делай то же, что буду делать я.

Черепаха, почуяв опасность, спряталась под щиток. Ни головы, ни лап ее не было видно; она лежала неподвижно, как камень.

Герберт и Наб просунули палки под грудь животного и общими усилиями не без труда перевернули его на спину. Черепаха в три фута длиной весила не меньше четырехсот фунтов.

— Вот-то обрадуется старина Пенкроф! — воскликнул Наб.

Действительно, Пенкроф не мог не обрадоваться, так как мясо этих черепах очень вкусно. В

эту минуту была видна только голова черепахи — маленькая, плоская, но очень широкая сзади благодаря глубоким височным впадинам, скрытым под костистым сводом.

— Что же нам теперь делать с нашей добычей? — спросил Наб. — Мы не в силах втащить эту черепаху в Гранитный Дворец.

— Оставим ее здесь — она ведь не может перевернуться, — сказал Герберт, — и возвратимся сюда с тачкой.

— Ладно!

Для вящей предосторожности Герберт придавил черепаху большими камнями, хотя Наб считал это излишним. После этого охотники вернулись в Гранитный Дворец, идя вдоль почти обнаженного отливом берега. Желая сделать Пенкрофу сюрприз, Герберт ни слова не сказал ему о великолепном экземпляре пресмыкающихся, который он оставил перевернутым на песке. Часа через два Наб и юноша возвратились с тачкой к месту, где они оставили черепаху. «Великолепного экземпляра» там не было. Негр и Герберт переглянулись, потом осмотрелись вокруг. Они оставили черепаху именно на этом месте. Юноша нашел даже камни, которыми он придавил черепаху, и был уверен, что не

ошибся.

— Черт возьми! — сказал Наб. — Значит, эти звери могут переворачиваться?

— Видимо, так, — ответил Герберт, недоуменно смотря на разбросанные на песке камни.

— Вот уж кто будет огорчен, так это Пенкроф, — заметил негр.

— А мистеру Смиту трудненько будет объяснить это исчезновение, — вслух подумал Герберт.

— Ладно, — сказал Наб, которому хотелось скрыть их неудачу.

— Мы никому ничего не скажем.

— Напротив, Наб, об этом надо сказать, — возразил юноша.

Оба взяли привезенную напрасно тачку и вернулись в Гранитный Дворец.

Придя в мастерскую, где работали инженер и моряк, Герберт рассказал о том, что случилось.

— Ах, простофили этакие! — вскричал моряк. — Упустить пятьдесят тарелок супу!

— Но мы же не виноваты, Пенкроф, что эта бестия удрала. Говорю тебе, мы ее перевернули, — попробовал защищаться Наб.

— Значит, плохо перевернули, — шутливо настаивал упрямый моряк.

— Плохо перевернули! — возмутился Герберт.

Он рассказал, что позаботился даже придавить черепаху камнями.

— Что же это — чудо? — спросил Пенкроф.

— Я был уверен, мистер Сайрес, что черепахи, в особенности большие, не могут переворачиваться, если их положить на спину.

— Это верно, мой мальчик, — ответил Сайрес Смит.

— В таком случае, как же?

— На каком расстоянии от берега вы оставили черепаху? — спросил инженер, который бросил работу и стоял, размышляя об этом происшествии.

— Футах в пятнадцати, не больше, — ответил Герберт.

— А в это время был отлив?

— Да, мистер Сайрес.

— Ну так вот, сказал инженер, — то, что было невозможно на песке, вероятно, оказалось возможным в воде. Черепаха перевернулась, когда ее захватил прилив, и спокойно уплыла в море.

— Ну и растяпы же мы! — вскричал Наб.

— Именно это и я имел честь сказать, — подтвердил Пенкроф.

Объяснение, данное Сайресом Смитом, было, конечно, вполне вероятным. Но был ли сам ин-

женер уверен в его правильности? Этого нельзя было утверждать.

ГЛАВА II

Первое испытание пироги. — Находка. — Буксирование. — Мыс Находки. — Содержимое ящика: инструменты, оружие, приборы одежда, посуда, книги. — Пенкроф недоволен.

29 октября лодка из коры была готова. Пенкроф сдержал свое слово и в пять дней смастерил нечто вроде пироги, остов которой был укреплен гибкими прутьями. Скамейка на корме, скамейка посредине, чтобы не сдвигались борта, третья скамейка на носу, планшир для уключин, пара весел, рулевое весло для управления — вот и все оборудование этого судна, длина которого составляла двенадцать футов, а вес меньше двухсот фунтов. Что касается спуска на воду, то эта процедура оказалась очень простой. Легкую пирогу поставили на краю песчаного берега перед Гранитным Дворцом, и волна прилива приподняла ее. Пенкроф немедленно вскочил в лодку, попробовал управлять веслом и убедился, что она вполне годится.

— Ура! — закричал Пенкроф, поздравляя сам себя с успехом.

— На этой лодке можно объехать вокруг света? — спросил Гедеон Спилет.

— Нет, вокруг острова. Несколько камней для балласта, мачта на носу и кусок парусины, которую нам когда-нибудь приготовит мистер Смит, — и можно по плыть далеко. Что же вы, мистер Сайрес, мистер Спилет, Герберт, Наб? Разве вы не хотите испытать новое судно? Надо же, черт возьми, удостовериться, выдержит ли оно нас всех!

Действительно, этот опыт было необходимо проделать. Ударами весла Пенкроф снова пригнал лодку к берегу по узкому проходу между скал. Было решено сейчас же испробовать пирогу и совершить поездку вдоль побережья — до первого мыса, где кончались южные скалы.

— В твоем судне немало воды, Пенкроф! — вскричал Наб, собираясь сесть в лодку.

— Это не беда, Наб, — ответил Пенкроф. — Дерево должно набухнуть и стать непромокаемым. Дня через два все придет в порядок, и в нашей пироге будет не больше воды, чем у пьяницы в желудке. Садитесь!

Все сели, и Пенкроф направил судно в море. Погода стояла великолепная, море было так спокойно, словно его воды плескались между узкими

берегами озера, и пирога плыла по волнам так же уверенно, как по спокойному течению реки Благодарности. Герберт взял одно весло, Наб — другое, а Пенкроф остался на корме управлять лодкой.

Сначала моряк провел лодку по проливу и двинулся вдоль южного берега острова. С юга дул легкий ветерок. Ни в проливе, ни в открытом море не было зыби. Длинные волны, почти не чувствительные для тяжело нагруженной лодки, мерно вздымали поверхность океана. Колонисты удалились примерно на полмили от берега, чтобы видеть гору Франклина на всем ее протяжении. Потом Пенкроф повернул на другой галс и возвратился к устью реки Благодарности. Пирога поплыла вдоль берега, который шел полукругом до крайнего мыса и скрывал равнину болота Казарок.

Это был мыс, находившийся в трех милях от реки. Колонисты решили доплыть до его конца и зайти дальше лишь настолько, чтобы можно было обозревать берег до мыса Когтя.

Лодка держалась в двух кабельтовых от берега, избегая подводных скал, которые покрывали дно в этом месте и постепенно заливались приливом. Стена тянулась, постепенно понижаясь, от устья

реки до мыса. Это было нагромождение прихотливо разбросанных гранитных утесов, которое нисколько не было похоже на вал, образующий плато Дальнего Вида, и казалось совершенно пустынным. Можно было подумать, что в этом месте высыпали огромную телегу камней. На остром выступе, тянувшемся на две мили за лесом, не было никакой растительности; этот выступ напоминал руку гиганта, высунувшуюся из зеленого рукава.

Лодка легко подвигалась вперед при помощи пары весел. Гедеон Спилет с карандашом и блокнотом в руках набрасывал очертания берега. Наб, Герберт и Пенкроф беседовали, осматривая эту не виденную еще часть своих владений; по мере того как лодка спускалась к югу, оба мыса Челюстей, казалось, сдвигались и теснее замыкали бухту Союза.

Что касается Сайреса Смита, то он молчал. Его глаза настороженно смотрели вперед, словно он видел перед собою какую-то загадочную землю.

Через три четверти часа лодка почти достигла оконечности мыса, и Пенкроф уже собирался его обогнуть, как вдруг Герберт поднялся и сказал, показывая рукой на какое-то черное пятно:

— Что это такое там на берегу?

Все сразу повернулись в ту сторону.

— Действительно, там что-то лежит, сказал журналист — Как будто обломок, полузасыпанный песком.

— Я вижу, что это такое! — вскричал Пенкроф.

— Что же ты видишь? — спросил Наб.

— Бочки бочки, и, может быть, полные! — ответил моряк.

— К берегу, Пенкроф! — сказал Сайрес Смит. Несколькими ударами весел лодку пригнали к берегу, в небольшую бухту, и пассажиры ее выскочили на землю.

Пенкроф не ошибся — перед колонистами лежали две бочки, наполовину ушедшие в песок. Они были привязаны к большому ящику и поддерживали его на воде, пока ящик не выкинуло на берег.

— Наверно, возле острова произошло кораблекрушение? — задал вопрос Герберт.

— Очевидно, да, — ответил Гедеон Спилет.

— Но что же там такое, в этом ящике? — с вполне понятным нетерпением вскричал Пенкроф. — Что в этом ящике? Он заперт, и нам нечем его взломать. Попробуем камнем.

Моряк поднял тяжелый камень и хотел уже разбить одну из стенок ящика, но инженер оста-

новил его и сказал:

— Пенкроф, можете ли вы сдержать свое нетерпение на один час?

— Но подумайте только, мистер Сайрес, — может быть, тут есть все, что нам недостает.

— Мы это скоро узнаем, Пенкроф. Поверьте мне, не стоит разбивать ящик, он может нам пригодиться. Перенесем ящик в Гранитный Дворец — там мы легко его откроем, не разбивая. Ящик вполне приспособлен к путешествию, и если он доплыл сюда, то доплывет и дальше, до устья реки.

— Вы правы, мистер Сайрес, а я был неправ, но человек не всегда владеет собой, — ответил Пенкроф. Предложение инженера было разумно. Пирога действительно не могла бы вместить те предметы, которые, вероятно, лежали в ящике. Ящик был, наверное, довольно тяжелый, раз его пришлось «облегчить» при помощи двух пустых бочонков. Поэтому лучше было привести его на буксире к Гранитному Дворцу.

Но откуда же взялся этот ящик? Это был очень важный вопрос. Сайрес Смит и его товарищи внимательно огляделись вокруг и обошли побережье на расстоянии нескольких сот шагов, но не нашли больше никаких обломков. Море осмотре-

ли так же тщательно. Наб и Герберт забрались на высокую скалу, но все вокруг было пусто. Ничего: ни разбитого корабля, ни судна под парусами. Однако кораблекрушение произошло — это было несомненно. Может быть, это происшествие стояло в какой-то связи с появлением дробинки? Быть может, незнакомцы высадились в другой части острова? Быть может, они все еще находились там? Колонисты, размыслив, пришли к выводу, что эти пришельцы — не малайцы, так как выброшенный морем предмет был либо американского, либо европейского происхождения. Все возвратились к ящику. В нем было пять футов длины и три ширины. Ящик был дубовый, крепко запертый и обитый толстой кожей, прикрепленной медными гвоздями. Большие бочонки, герметически заткнутые, но, судя по звуку, пустые, были прикреплены по сторонам ящика веревками, завязанными, по определению Пенкрофа, морскими узлами. Ящик был совершенно цел, так как его выкинуло на песчаный, а не на скалистый берег. Тщательный осмотр позволил установить, что он пробыл в воде недолго и лежит на берегу с недавнего времени. Вода, видимо, не проникла внутрь ящика, и содержащиеся в нем предметы должны были быть целы.

Казалось очевидным, что ящик выбросили с разбитого корабля, который несло к острову. В надежде, что он доплывет до берега и его можно будет найти, команда корабля облегчила ящик при помощи плавучего снаряда.

— Мы довезем этот ящик до Гранитного Дворца и выясним его содержимое, — сказал Сайрес Смит. — Если мы найдем на острове потерпевших кораблекрушение, то возвратим им ящик, а если не найдем никого…

— То оставим его себе! — вскричал Пенкроф. — Но что же может быть в этом ящике?

Вода уже почти доходила до ящика, который явно должен был всплыть при полном приливе. Одну из веревок, которыми были привязаны бочки, частью размотали, и она помогла привязать плавучий снаряд к лодке. Затем Пенкроф с Набом подрыли веслами песок, чтобы ящик легче было сдвинуть с места, и вскоре лодка, тянувшая ящик на буксире, начала огибать мыс, который назвали мысом Находки. Груз был тяжелый, и бочки едва удерживали его на воде. Пенкроф каждую минуту думал, что ящик вот-вот оторвется и пойдет ко дну. К счастью, его страхи были напрасны, и спустя полтора часа после отплытия — это время потребовалось, чтобы пройти три мили — пирога

пристала к берегу перед Гранитным Дворцом.

Лодку и ящик вытащили на песок, и так как начался отлив, колонисты вскоре оказались на суше. Наб принес инструменты, нужные для того, чтобы вскрыть ящик с наименьшими повреждениями, и они приступили к осмотру его содержимого. Пенкроф не пытался даже скрыть свое глубокое волнение.

Прежде всего моряк отвязал бочонки, которые, само собой разумеется, могли еще пригодиться, так как были в очень хорошем состоянии. Затем замки вскрыли клещами, и крышка легко отскочила. Внутри ящика была вторая крышка из цинка, которая должна была при всех обстоятельствах уберечь его содержимое от сырости.

— Неужели в нем лежат консервы? — воскликнул Наб.

— Очень надеюсь, что нет, — ответил журналист.

— Если бы только тут оказался… — проговорил Пенкроф вполголоса.

— Что? — спросил Наб, который услышал его слова.

— Ничего.

Цинковый чехол прорезали во всю длину и отогнули в сторону. Мало-помалу из ящика извлекли

целый ряд самых разнообразных предметов и разложили их на песке. При каждой новой находке Пенкроф кричал «ура», Герберт хлопал в ладоши, а Наб пускался в пляс. Тут были книги, которые могли бы свести Герберта с ума от радости, и кухонная утварь, которую Наб охотно покрыл бы поцелуями.

И правда, колонисты действительно могли быть совершенно удовлетворены, ибо в ящике оказались инструменты, оружие, приборы, одежда и книги. Вот точный перечень его содержимого, записанный в блокноте Гедеона Спилета:

Инструменты

3 ножа с несколькими лезвиями
2 топора для рубки дров
2 топора плотничьих
3 рубанка
2 тесла
1 топор обоюдоострый
6 стамесок
2 подпилка
3 молотка
3 бурава
2 сверла
10 мешков винтов и гвоздей
3 ручные пилы
2 коробки иголок

Приборы

1 секстант

1 бинокль
1 подзорная труба
1 готовальня карманный
1 компас
1 термометр Фаренгейта
1 барометр металлический
1 коробка с фотографическим аппаратом и набором принадлежностей — пластинок, химикалий и т. д.

Одежда

2 дюжины рубашек из особой ткани, похожей на шерсть, но, видимо, растительного происхождения
3 дюжины чулок из такой же ткани

Оружие

2 ружья кремневых
2 пистонных ружья
2 карабина центрального боя
2 капсюльных ружья
4 ножей охотничьих
2 пороха фунтов по 25 каждый
12 коробок пистонов

Книги

1 Библия (Ветхий и Новый Завет)
1 географический атлас
1 естественно-исторический словарь в 6 томах
1 словарь полинезийских наречий 3 стопы писчей бумаги
2 чистые конторские книги

Посуда

1 котел железный
6 медных луженых кастрюль
3 железных блюда
10 алюминиевых приборов
2 чайника
1 маленькая переносная плита
6 столовых ножей

— Нельзя не признаться, — сказал журналист, окончив опись, что владелец этого ящика был человек практичный. Здесь есть все: инструменты, приборы, оружие, одежда, посуда, книги — ничего не забыто. Можно подумать, что он рассчитывал потерпеть кораблекрушение и принял заранее свои меры.

— Да, действительно, здесь все есть, — проговорил Сайрес Смит с задумчивым видом.

— Корабль, который вез ящик и его владельца, не был пиратским судном, — прибавил Герберт.

— Если только владелец судна не попал в плен к пиратам, — сказал Пенкроф.

— Это невозможно, — возразил журналист. — По всей вероятности, какое-нибудь судно, американское или европейское, пригнало бурей в эти края, и пассажиры, желая спасти хотя бы самое необходимое, наполнили этот ящик и бросили его в море.

— Согласны вы с этим, мистер Сайрес? — спросил Герберт.

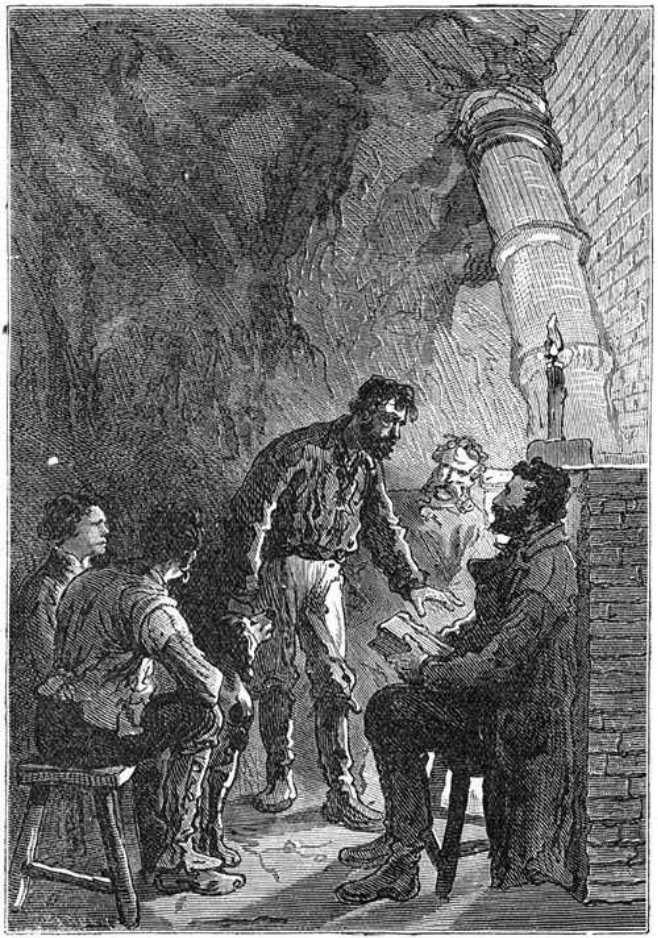
— Да, мой мальчик, — ответил инженер, это могло быть и так. Возможно, что во время крушения или в ожидании катастрофы в ящик сложили различные предметы первой необходимости, чтобы потом подобрать его на берегу.

— Даже фотографический аппарат, — заметил Пенкроф довольно недоверчивым тоном.

— Я не совсем понимаю, зачем нужен аппарат, — продолжал инженер. — Для нас, как и для всех потерпевших крушение, был бы полезнее более богатый ассортимент одежды или некоторый избыток боевых припасов.

— Но нет ли на этих приборах, инструментах или книгах какой-нибудь пометки или адреса, позволяющего определить их происхождение? — спросил Гедеон Спилет.

Это нужно было выяснить.



Каждый предмет был тщательно осмотрен — особенно книги, инструменты и оружие. Ни оружие, ни приборы, вопреки обычаю, не имели на себе клейма фабриканта. Они были в прекрасном состоянии и, видимо, никем еще не употреблялись. Инструменты и посуда тоже были совершенно новые, что доказывало, что эти предметы не были собраны второпях и брошены в ящик; наоборот, их тщательно и вполне обдуманно отобрали. Цинковый чехол, который предохранял содержимое ящика от сырости, тоже не могли бы запаять второпях.

Словари естественно-исторический и полинезийских наречий, оба английские, были напечатаны без указания фамилии издателя и даты выхода в свет.

Библия на английском языке в четвертую долю листа — замечательный образец типографского искусства — также не имела этих указаний. Ею, по-видимому, часто пользовались.

Что касается атласа, то это было великолепное современное издание с несколькими картами Земли и многими — планисферы[26], начерчен-

[26] Примечания: 26

Планисфера — изображение шара, в частности земного или небесного глобуса, на плоской карте в виде полушарий.

ными по меркаторской системе[27]. Названия были французские, но имя издателя и год издания тоже отсутствовали.

Итак, ни на одном из этих предметов не было никакого указания, которое позволило бы определить национальность корабля, недавно побывавшего в районе острова. Но откуда бы ни явился этот ящик, колонисты были теперь богаты. До сих пор они сами создавали все средства для обработки произведений природы и с помощью разума справлялись со своим делом. Казалось, судьба хотела вознаградить тружеников, посылая им все эти произведения рук человеческих, и они были полны благодарности.

Впрочем, один из колонистов — Пенкроф — был не совсем удовлетворен. Видимо, в ящике не было одной вещи, которой моряк очень дорожил. С каждым новым предметом его восклицания становились все менее восторженными; наконец он грустно пробормотал:

— Все это прекрасно, но вот увидите — для меня в этом ящике ничего не будет.

---

[27] Примечания: 27

Меркатор (1512–1594) — нидерландский математик и географ-картограф. Изобрел особый способ измерения больших расстояний на земной поверхности, примененный им в сборнике карт и описаний, названном «Атлас». Географические проекции Меркатора особенно важны в навигации, а в картографии употребляются и в настоящее время.

— Но чего же ты ожидал, дружище Пенкроф? — спросил его Наб.

— Полфунта табаку, и я был бы на седьмом небе, — серьезно ответил Пенкроф.

Все засмеялись, глядя на моряка.

Теперь, после того как был найден ящик, казалось абсолютно необходимым тщательно обследовать остров. Было решено на следующий же день с рассветом пуститься в путь и подняться по течению реки до западного берега. Если на этой части острова находились потерпевшие крушение, они могли быть в бедственном положении, и им нужно было оказать немедленную помощь.

В течение дня содержимое ящика было перенесено в Гранитный Дворец и различные предметы аккуратно разложены в большой комнате.

ГЛАВА III

Отъезд. — Начало прилива. — Вязы и каркасы. — Разнообразная растительность. — Якамар. — Вид леса. — Гигантские эвкалипты. — Почему их называют «лихорадочными деревьями». — Масса обезьян. — Водопад. — Ночной лагерь.

На следующий день, 30 октября, все было готово для экспедиции, казавшейся столь необходимой после недавних событий. Действительно, дела приняли новый оборот, и обитатели острова Линкольна могли думать, что им придется не просить помощи, а оказывать ее другим.

Колонисты решили подняться по течению реки Благодарности насколько возможно выше. Таким образом, можно будет пройти большую часть дороги, не утомляясь, и исследователям удастся доставить запасы и оружие в достаточно отдаленный пункт на западе острова.

Конечно, следовало подумать не только о том, что необходимо захватить с собою, но и о предметах, которые, быть может, придется нести с берега в Гранитный Дворец. Если, как можно бы-

ло предполагать, у побережья острова случилось кораблекрушение, на берегу должно было быть много выброшенных морем предметов, которые очень пригодились бы колонистам. Имея это в виду, следовало, конечно, взять с собой тачку, которая была бы удобнее, чем утлая пирога, но тяжелую, громоздкую тачку пришлось бы тащить волоком. По этому поводу Пенкроф выразил сожаление, что в ящике не нашлось, кроме полуфунта табаку, пары крепких нью-джерсейских лошадок, которые были бы очень полезны на острове. Запасы провизии, которые Наб уже погрузил, состояли из сушеного мяса и нескольких галлонов пива и браги; этого должно было хватить на три дня, то есть на срок, установленный Сайресом Смитом для проведения экспедиции. Впрочем, колонисты рассчитывали, в случае нужды, пополнить свои запасы в дороге, и Наб позаботился захватить с собой переносную плиту.

Из инструментов были взяты два топора, которыми предстояло прокладывать дорогу в чаще, а из приборов — подзорная труба и карманный компас.

Вооружение исследователей состояло из двух кремневых ружей, более полезных на острове, чем пистонные: для кремневых ружей требовал-

ся только кремень, который легко было сменить, тогда как запас пистонов при частом расходовании должен был быстро истощиться. Тем не менее, колонисты прихватили также карабин и несколько патронов. Что же касается пороха, которого было фунтов пятьдесят, то его тоже, конечно, пришлось взять, но инженер надеялся приготовить взрывчатое вещество, позволяющее экономить порох. К огнестрельному оружию добавили пять ножей в крепких кожаных чехлах; с такими средствами защиты колонисты могли углубиться в густой лес, не очень рискуя жизнью.

Излишне добавлять, что Герберт, Пенкроф и Наб, прекрасно вооруженные, были на верху блаженства, хотя Сайрес Смит взял с них обещание не тратить без надобности ни одного заряда.

В шесть часов утра пирогу спустили на воду. Все, в том числе и Топ, сели в лодку и направились к устью реки Благодарности.

Прилив начался всего полчаса назад. Вода должна была прибывать еще несколько часов, и этим временем следовало воспользоваться, так как позже, при отливе, было бы труднее плыть против течения. Прилив был уже сильный — через три дня должно было наступить

полнолуние, — и пирога, требовавшая только направления, без помощи весел быстро плыла между крутыми берегами.

Через несколько минут исследователи достигли излучины реки Благодарности и оказались у того поворота, где Пенкроф семь месяцев назад построил свой первый плот.

После довольно крутого поворота река, закругляясь, текла на юго-запад; воды ее струились среди высоких вечнозеленых хвойных деревьев.

Вид на берега реки был великолепный. Сайрес Смит и его товарищи могли вдоволь восхищаться эффектами, которых так легко достигает природа с помощью воды и деревьев. По мере движения лодки характер леса менялся. На правом берегу реки возвышались экземпляры ильмовых[28] — драгоценные вязы, долго сохраняющиеся в воде, которыми так дорожат строители. С ними перемешивались группы деревьев из того же

[28] Примечания: 28

Ильмовые — вязовые деревья, реже — кустарники. Ильмовых имеется около ста тридцати видов. Большая часть видов распространена под тропиками, например, ильм (вяз), дзелькова, каркас. Листья ильмовых простые, зубчатые, цветы мелкие, опыление ветровое.

семейства, между прочим, каркасы[29], орешки которых содержат очень полезное масло. Далее Герберт заметил несколько деревьев с гибкими ветвями, из которых выходят, если их размочить в воде, превосходные канаты, и два-три эбеновых дерева, поражающих черным цветом ствола с прихотливо разбросанными прожилками.

Время от времени пирогу останавливали в таких местах, где можно было пристать к берегу. Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф брали ружья и вместе с Топом обследовали побережье. Не говоря о дичи, там могло встретиться какое-нибудь полезное растение, которым не следовало пренебрегать. Надежды юного естествоиспытателя не были обмануты: он нашел дикий шпинат, множество растений из семейства крестоцветных, рода капустных, которые нетрудно было «цивилизовать» посредством пересадки: кресс, репу, хрен, и, наконец, растение с ветвистыми, слегка лохматыми стеблями в метр высотой и со светло-коричневыми семенами.

— Ты знаешь, что это за растение? — спросил

[29] Примечания: 29

Каркас — железное дерево из семейства ильмовых. Каркас отличается большой твердостью. Употребляется для изготовления деревянных духовых инструментов и применяется в токарном деле. Каркас растет в средиземноморских странах, в Закавказье и Туркестане.

Герберт моряка.

— Табак! — воскликнул Пенкроф, который видел свой любимый продукт уже в головке трубки.

— Нет, Пенкроф, это не табак — это горчица, — ответил Герберт.

— Горчица… — разочарованно протянул моряк. — Если вам когда-нибудь попадется росточек табака, не пренебрегите им, пожалуйста.

— Наступит день, когда мы его найдем, — утешил его Гедеон Спилет.

— Неужели? — вскричал Пенкроф. — Чудесно! В этот день не знаю, чего уж будет не хватать на нашем острове!

Растения были тщательно извлечены из земли, и их перенесли в пирогу, которую не покидал Сайрес Смит, погруженный все время в глубокую задумчивость. Герберт, Пенкроф и журналист несколько раз выходили то на правый, то на левый берег реки. Левый был менее крут, но зато лес на правом берегу был гуще. Инженер определил по карманному компасу, что после излучины река направлялась с северо-востока на юго-запад и текла на расстоянии почти трех миль по прямой линии. Но дальше направление должно было измениться, и река, вероятно, сворачивала

на юго-запад возле подступов к горе Франклина, с которой стекали питающие ее воды.

Во время одной из этих вылазок Гедеону Спилету удалось захватить живьем две пары представителей семейства куриных. Это были птицы с длинными тонкими клювами, вытянутой шеей, короткими крыльями и без всяких признаков хвоста. Герберт совершенно правильно назвал их «тинаму»; было решено, что эти птицы явятся первыми обитателями будущего птичьего двора.

Однако ружья пока молчали. Первый выстрел, прозвучавший в лесу Дальнего Запада, был вызван появлением красивой птицы, напоминавшей зимородка.

— Я ее узнал! — вскричал Пенкроф, и его ружье выстрелило как бы само собой.

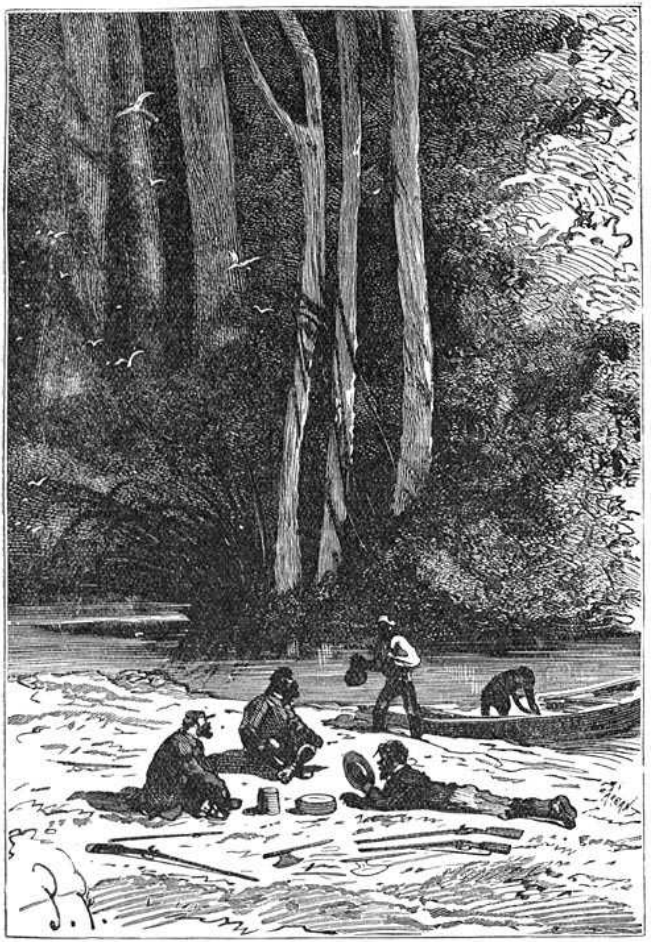
— Что вы узнали? — спросил журналист.

— Птицу, которая ускользнула от нас в день нашего первого похода. Мы назвали в честь ее эту часть леса.

— Это якамар! — вскричал Герберт.

Это действительно был якамар красивая птица с густым оперением, отливающим сталью. Заряд дроби уничтожил якамара, и Топ принес его в пирогу вместе с дюжиной турако лазающих птиц величиной с голубя. Перья их были испещре-

ны зелеными пятнами, крылья — наполовину красные, а торчащий хохолок окаймлен белой полосой. Птицы были убиты меткими выстрелами Герберта, и юноша очень этим гордился. Турако — более вкусная дичь, нежели якамар, мясо которого жестковато, но Пенкрофа трудно было бы разуверить, что он застрелил не лучшую из съедобных птиц.



В десять часов утра пирога достигла второй излучины реки Благодарности, примерно в пяти милях от устья. В этом месте сделали привал, чтобы позавтракать; отдых под тенью могучих деревьев длился полчаса.

Ширина реки по-прежнему была шестьдесят-семьдесят футов, а глубина футов пять-шесть. Как заметил инженер, в нее вливались многие притоки, но это были узкие, несудоходные речки. Что касается лесов Якамара и Дальнего Запада, то они казались бесконечными. Ни в чаще, ни под прибрежными деревьями ничто не выдавало присутствия человека. Исследователи не увидели ни одного подозрительного следа; было ясно, что топор дровосека не касался этих деревьев и ничей нож не пересекал лиан, переплетающихся между деревьями, среди густых кустарников и высокой травы. Если потерпевшие крушение высадились на острове, они, очевидно, не уходили с берега, и не под густым покровом леса следовало искать несчастных, которые уцелели при предполагаемой катастрофе.

Поэтому инженер стремился как можно скорее достигнуть западного берега острова Линкольна, до которого, как он думал, было миль пять. Поход возобновился, и, хотя течение реки, ви-

димо, направлялось не к берегу, а скорее к горе Франклина, исследователи решили не покидать пироги до тех пор, пока под ней будет достаточно воды, чтобы плыть. Это экономило и сберегало силы и время, так как дорогу сквозь густую чащу пришлось бы прокладывать топором.

Но вскоре течение совсем прекратилось: либо наступил отлив, который начинался в это время, либо влияние моря совсем не чувствовалось на таком расстоянии от устья реки. Пришлось взяться за весла. Наб и Герберт заняли места на скамье, Пенкроф стал на корму, и лодка снова двинулась вверх по течению.

Лес в районе Дальнего Запада становился как будто реже: чаща была не так густа, деревья нередко стояли в одиночку. Но благодаря простору они могли в изобилии пользоваться чистым воздухом и разрослись во всю ширь; они были великолепны.

Какие замечательные экземпляры флоры этих широт! Их присутствие позволило бы любому ботанику определить параллель острова Линкольна.

— Эвкалипты! — вскричал Герберт.

Действительно, то были чудесные представители растительного царства, последние великаны

субтропической зоны, сородичи эвкалиптов Австралии и Ново-Зеландии — стран, расположенных на той же широте, что и остров Линкольна. Некоторые из них достигали двухсот футов высоты. Окружность их ствола у основания равнялась двадцати футам, кора, изборожденная полосками благовонной смолы, была почти в пять дюймов толщиной. Ничего нет прекраснее, но вместе, с тем и диковиннее этих огромных представителей семейства миртовых, листья которых обращены к свету боком и свободно пропускают солнечные лучи.

У подножия эвкалиптов росла свежая трава, из которой то и дело вылетали стайки маленьких птичек, блиставших в ярких лучах света, словно крылатые рубины.

— Вот так деревья! — воскликнул Наб. — Но какая от них польза?

— Эка невидаль! — ответил Пенкроф. — Среди деревьев тоже должны быть великаны, как и среди людей. Они только на то и годны, чтобы показываться на ярмарках.

— Думается, вы неправы, Пенкроф, — возразил Гедеон Спилет.

— Эвкалиптовое дерево с большой пользой употребляют в столярном деле.

— Добавлю, сказал Герберт, — что к одной семье с эвкалиптами принадлежит много полезных деревьев: гвоздичное дерево, приносящее гвоздичное масло; гранатное дерево; eugenia cauliflora, из плодов которого приготовляют неплохое вино; митр ugni, содержащий прекрасный опьяняющий ликер; митр caryophyllus, из коры которого получают отличную корицу; eugenia pimenta, дающая ямайский перец; мирт обыкновенный, ягоды которого заменяют приправу; eucalyptus robusta, дающий превосходную манну; eucalyptus Guinei, сок которого, перебродив, похож на пиво. Наконец, все деревья, известные под названием «дерево жизни», или «железное дерево», тоже принадлежат к семейству миртовых, которое насчитывает сорок шесть родов и тысячу триста видов.

Никто не прерывал юношу, который с увлечением читал свою маленькую лекцию по ботанике. Сайрес Смит слушал его с улыбкой, а Пенкроф испытывал невыразимое чувство гордости.

— Прекрасно, Герберт, — сказал Пенкроф, — но я готов поклясться, что все эти полезные образцы, которые ты только что перечислил, не так громадны, как эти эвкалипты.

— Ты прав, Пенкроф, — подтвердил Герберт.

— Значит, это подтверждает то, что я сказал: от великанов нет никакого проку.

— В этом вы ошибаетесь, Пенкроф, — возразил инженер. Эти гигантские эвкалипты, под которыми мы сидим, тоже приносят пользу.

— Какую же?

— Они оздоровляют местность. Знаете ли вы, как их называют в Австралии и Новой Зеландии?

— Нет, мистер Сайрес.

— Их называют «лихорадочное дерево».

— Они нагоняют лихорадку?

— Нет — прогоняют ее.

— Это надо записать, — сказал журналист.

— Записывайте, дорогой Спилет. По-видимому, доказано, что присутствие эвкалиптов обезвреживает болотные испарения. Это предохранительное средство испытывали в некоторых областях Южной Европы и Северной Африки, где климат, безусловно, вреден, и здоровье населения улучшалось. В районе распространения этих деревьев исчезла перемежающаяся лихорадка. Это несомненный факт, чрезвычайно приятный для обитателей острова Линкольна.

— Что за остров! Что за благословенный остров! — вскричал Пенкроф. — Говорю вам, тут есть

все, кроме…

— И это будет, Пенкроф, и это найдется, — сказал инженер — Но двинемся дальше и будем плыть до тех пор, пока река сможет нести нашу пирогу.

Поход продолжался. Исследователи проплыли еще около двух миль среди зарослей эвкалиптов, которые покрывали всю эту часть острова. Занятая ими часть территории по обоим берегам реки Благодарности казалась необозримой; русло реки извивалось между высокими зеленеющими берегами. Дно его было во многих местах покрыто травой и даже острыми камнями, что значительно затрудняло плавание. Работать веслами стало неудобно, и Пенкроф пустил в дело шест. Поверхность дна понемногу повышалась, и можно было предугадать, что лодка остановится. Солнце уже начало склоняться к горизонту; гигантские тени деревьев протянулись по земле. Видя, что им не достигнуть засветло западного берега острова, Сайрес Смит решил заночевать на том самом месте, где станет лодка. По его расчету, до берега оставалось еще миль пять-шесть — слишком большое расстояние, чтобы идти ночью в этом незнакомом лесу. Лодку продолжали неустанно проталкивать среди зарослей, которые стано-

вились все более густыми и населенными, по крайней мере, зоркие глаза моряка как будто заметили обезьян, стаями бегавших по деревьям. Несколько раз животные даже останавливались на некотором расстоянии от лодки и без всякого страха рассматривали колонистов. Очевидно, они видели людей в первый раз и не знали, что их следует опасаться. Этих четвероруких легко было бы застрелить, но Сайрес Смит воспротивился бессмысленному избиению, которого жаждал нетерпеливый Пенкроф. Мирная политика была к тому же и безопаснее: сильные, ловкие обезьяны могли повредить колонистам, и лучше было не вызывать их вражды совершенно не нужным нападением.

Правда, моряк интересовался обезьянами исключительно с кулинарной точки зрения. И действительно, мясо этих животных, которые питаются одной травой, очень вкусно. Но поскольку провизии им хватало, не стоило тратить зря порох.

Часа в четыре плыть по реке стало очень трудно, так как дно ее было покрыто водяными растениями и камнями. Берега становились все выше, и русло проходило среди первых подступов к горе Франклина. Истоки реки не могли быть да-

леко, так как она питалась водами, стекавшими с южных склонов горы.

— Меньше чем через пятнадцать минут нам придется остановиться, мистер Сайрес, — сказал моряк.

— Ну что же, и остановимся, Пенкроф, и устроим стоянку на ночь.

— Как далеко отсюда до Гранитного Дворца? — спросил Герберт.

— Учитывая, что изгибы реки отклонили нас на юго-запад, думаю, что около семи миль, — ответил инженер.

— А что, мы двигаемся вперед? — осведомился Гедеон Спилет.

— Да, и будем двигаться дальше, пока возможно, — сказал Сайрес Смит. — Завтра на заре мы оставим лодку и, я надеюсь, часа за два дойдем до западного берега. Таким образом, у нас будет целый день впереди, чтобы обследовать побережье.

— Вперед! — вскричал Пенкроф. Но вскоре лодка начала задевать каменистое дно реки, которая в этом месте была не шире двадцати футов. Густой зеленый покров осенял ее воды, создавая полутьму. Слышался довольно явственный шум падения воды, указывавший, что в нескольких

сотнях шагов имеется естественная плотина.

И действительно, за последним поворотом реки показался между деревьев водопад. Лодка ударилась о дно, и спустя несколько мгновений причалила к стволу дерева на правом берегу.

Было около пяти часов. Последние лучи солнца скользили между густой листвой и косо освещали водопад; водяная пыль сверкала всеми цветами радуги. Дальше русло исчезало в кустах, где принимало в себя какой-то скрытый источник, а ниже многочисленные ручейки, вливавшиеся в реку на всем протяжении, делали ее полноводной. Здесь же это был неглубокий прозрачный ручеек. Ночевку устроили в этом очень красивом месте. Колонисты вышли на берег и развели огонь под развесистым каркасом, в ветвях которого Сайрес Смит и его товарищи могли, в случае нужды, найти убежище на ночь. Ужин вскоре был поглощен, так как все проголодались, и оставалось только выспаться. После заката солнца несколько раз раздавалось подозрительное рычание, и путники подбросили дров в костер, чтобы яркий огонь охранял покой спящих. Наб и Пенкроф дежурили, сменяя друг друга, и, не жалея, подкидывали топливо. Быть может, они не ошибались, и какие-то звери действительно

бродили вокруг лагеря и среди деревьев, но ночь прошла спокойно. На следующее утро, 31 октября, в пять часов, все были уже на ногах, готовые выступить.

ГЛАВА IV

На пути к берегу. — Стаи четвероруких. — Новое течение воды. — Почему не чувствуется прилив? — Лес вместо берега. — Мыс Пресмыкающегося. — Герберт завидует Гедеону Спилету. — Стрельба.

Было шесть часов утра, когда колонисты после первого завтрака снова двинулись в путь, намереваясь выйти к западному берегу острова по кратчайшей дороге. Через сколько времени будут они у цели? Сайрес Смит сказал: через два часа, но это, видимо, зависело от характера препятствий, которые им придется преодолеть.

Лес Дальнего Запада в этой части казался очень густым и представлял собой чащу самых разнообразных деревьев. Исследователям, вероятно, предстояло прокладывать себе дорогу сквозь кустарник, траву и лианы и идти, не выпуская из рук топора и ружья, так как ночью они слышали рев диких зверей.

Точное местонахождение лагеря оказалось возможным определить по положению горы Франклина. Вулкан возвышался на севере менее

чем в трех милях расстояния, и, чтобы достигнуть западного берега, нужно было держаться прямого направления на юго-запад.

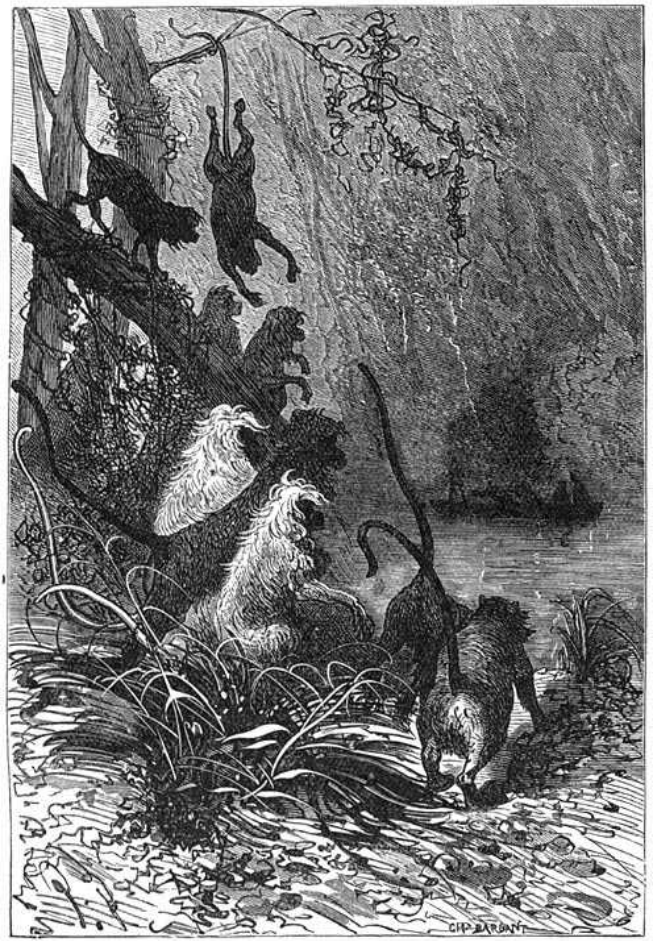
Тщательно привязав пирогу, колонисты двинулись в путь. Пенкроф с Набом несли припасы, которых должно было хватить маленькому отряду не меньше чем на два дня. Об охоте не было больше разговора, и инженер даже посоветовал своим товарищам воздерживаться от ненужных выстрелов, чтобы не выдать своего присутствия возле берега.

Первые удары топора врезались в кустарник, в гущу зарослей мастикового дерева, и Сайрес Смит с компасом в руках указывал нужное направление.

Лес в этих местах состоял из пород, отмеченных в большинстве в окрестностях озера и плато Дальнего Вида: гималайских кедров, елей, казуарин, камедных деревьев, эвкалиптов, драцен, гибисков и других деревьев, не достигавших большой высоты, — количество мешало им развиваться. Колонисты могли лишь медленно продвигаться по дороге, которую они прокладывали на ходу; мысленно инженер уже соединил ее с дорогой Красного ручья.

С самого выхода колонисты все время спуска-

лись с невысоких откосов, образующих горную систему острова; почва под ногами была очень сухая, но буйная растительность указывала на наличие сети подземных потоков или близость какого-нибудь ручья. Однако Сайрес Смит, сколько ему помнилось, не видел во время своей экскурсии к кратеру никаких скоплений воды, кроме Красного ручья и реки Благодарности. В первые часы пути колонисты снова видели стаи обезьян, с величайшим удивлением рассматривавших людей, еще не известных им по облику. Гедеон Спилет высказал шутливое предположение, что ловкие, сильные четверорукие сочтут его и остальных колонистов за своих выродившихся сородичей. И действительно, пешеходы, которые ежеминутно застревали в кустах, путались в лианах и натыкались на поваленные деревья, не блистали ловкостью, как обезьяны, легко прыгавшие с ветки на ветку. Не было препятствия, которое могло их остановить на пути. Обезьян было много, но они, к счастью, не проявляли никаких враждебных намерений.


CHP BARBANT

Несколько раз попадались также кабаны, агути, кенгуру и куланы, которых Пенкроф охотно угостил бы зарядом дроби.

— Но нет, — говорил он, — охотничий сезон еще не открылся. Скачите, прыгайте, летайте с миром, друзья мои! Мы вам скажем еще кое-что на обратном пути.

В половине десятого утра дорогу, лежавшую прямо на юго-запад, неожиданно преградил неизвестный ручей шириной от тридцати до сорока футов. Его быстрые волны с шумом неслись по покатому руслу, разбиваясь о многочисленные подводные камни. Ручей был прозрачен и глубок, но совершенно несудоходен.

— Мы отрезаны! — вскричал Наб.

— Нет, — сказал Герберт. — Это маленький ручей, и мы легко его переплывем.

— К чему? — возразил Сайрес Смит. — Этот ручей, несомненно, течет в море. Останемся на левой стороне, пойдем по берегу, и я буду очень удивлен, если ручей не выведет нас к морскому побережью. Вперед!

— Одну минуту! — сказал Гедеон Спилет. — Как же мы назовем этот ручей? Не следует оставлять пробелов в нашей географической номенклатуре.

— Правильно! — поддержал его Пенкроф.

— Окрести его ты, мой мальчик, — сказал инженер, обращаясь к Герберту.

— Не лучше ли подождать, пока мы обследуем этот ручей вплоть до устья? — заметил Герберт.

— Хорошо, — сказал инженер. — Пойдем вперед, не останавливаясь.

— Еще минутку, — сказал Пенкроф.

— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— Если охотиться запрещено, то рыбу ловить, надеюсь, можно? — спросил моряк.

— Нам нельзя терять время, — отозвался инженер.

— Только пять минут, настаивал Пенкроф. Я прошу всего пять минут, в интересах нашего завтрака!

Сказав это, Пенкроф лег на землю, погрузил руки в быстрые воды ручья и постепенно вытащил несколько дюжин прекрасных раков, во множестве кишевших среди камней.

— Вот-то вкусно будет! — вскричал Наб, спеша на помощь моряку.

— Я же говорю, что, кроме табаку, на этом острове есть все что угодно, — со вздохом сказал Пенкроф. Улов был превосходный — ручей прямо кишел раками. Колонисты наполнили мешок

ракообразными с синей, как кобальт, скорлупой, снабженными шпорой с маленьким зубчиком, и двинулись дальше. С тех пор как они вышли на берег нового ручья, идти стало легче, и движение ускорилось. Как и раньше, на берегах не было никаких следов человека. Время от времени попадались отпечатки ног каких-то крупных животных, которые обычно приходили к ручью на водопой, но и только; очевидно, не в этой части леса Дальнего Запада угодила в пеккари дробинка, стоившая Пенкрофу зуба.

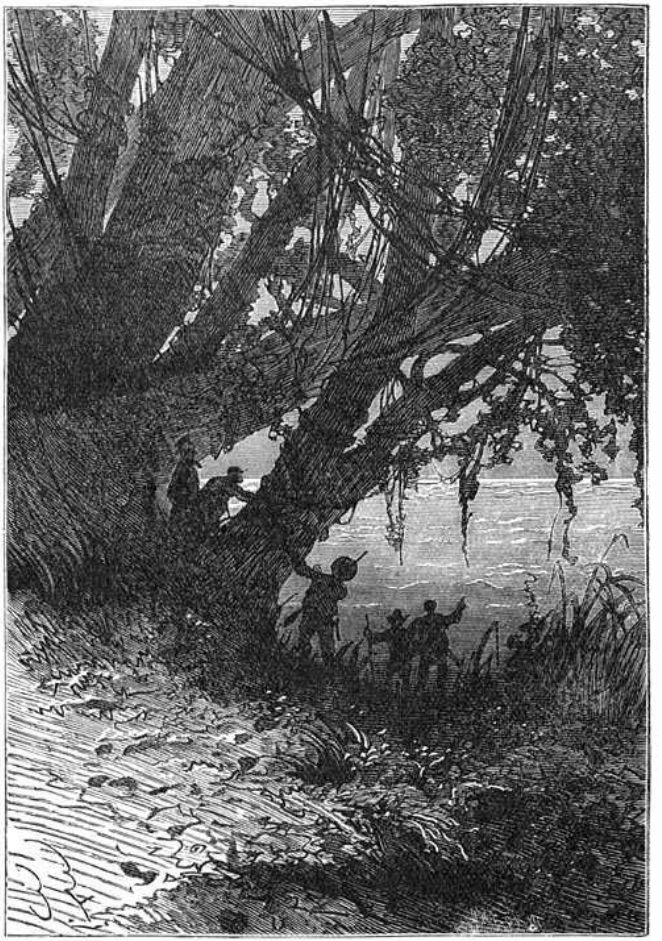
Наблюдая быстрый ручей, стремившийся к морю, Сайрес Смит начал думать, что его отряд находится гораздо дальше от западного берега, чем предполагалось. В это время начался прилив, который бы, несомненно, изменил течение ручья, будь его устье всего в нескольких милях. Этого не было, и вода текла по естественному наклону русла. Инженер, очень удивленный, часто посматривал на компас, чтобы проверить, не уводит ли его какой-нибудь изгиб ручья снова в глубь леса Дальнего Запада.

Между тем ручей понемногу расширялся, и воды его становились спокойнее. Правый берег был покрыт лесом столь же густо, как левый, и взгляд не мог проникнуть сквозь чащу. Но зарос-

ли были, несомненно, необитаемы: ведь Топ не лаял, а умная собака не замедлила бы отметить присутствие человека вблизи ручья.

В половине десятого, к большому удивлению Сайреса Смита, Герберт, который немного ушел вперед, внезапно остановился и закричал:

— Море!



И несколько мгновений спустя колонисты, стоя у опушки леса, увидели перед собой западный берег острова. Как мало походил этот берег на восточное побережье, куда прихоть судьбы забросила их! Ни следа гранитной стены, ни одного рифа: даже песчаной косы, и той не было. Берег порос лесом, и ближайшие к нему деревья, омываемые волнами, склонялись над водой. Это не был обыкновенный берег, представляющий собой песчаный ковер или нагромождения скал; это была красивая лесная опушка из лучших в мире деревьев. Края берега были приподняты и возвышались над уровнем самых высоких приливов; великолепные деревья столь же прочно утвердились на плодородной почве, покрывавшей гранитный фундамент, как и их родичи в глубине острова. Колонисты стояли у входа в небольшую бухту, где не могло бы уместиться даже два-три рыбачьих судна; она служила как бы горлом нового ручья. Но — странное обстоятельство! — его воды, вместо того чтобы вливаться в море через отлогое устье, падали с высоты более сорока футов. Поэтому-то, когда начался прилив, это не чувствовалось в верхнем течении ручья. Действительно, прилив в Тихом океане даже при наибольшей высоте никогда не мог бы достиг-

нуть уровня реки, русло которой представляло собой как бы верхний бьеф[30] шлюза. Миллионы лет пройдут, пока воды источат гранитное днище и пробьют удобопроходимое устье. Поэтому новый ручей единогласно назвали ручьем Водопада.

Далее к северу опушка леса простиралась приблизительно на две мили; затем деревья редели, и за ними вырисовывались весьма живописные высоты, тянувшиеся почти прямой линией к северу и к югу.

Вся полоса берега между ручьем Водопада и мысом Пресмыкающегося представляла, наоборот, сплошной лес. Длинные волны моря омывали корни великолепных деревьев, прямых или склонившихся над водой. Экспедиция должна была направиться именно в ту сторону, то есть на Змеиный полуостров. Потерпевшие крушение, кто бы они ни были, могли обрести в этой части берега приют, которого не нашли бы на другом берегу, диком и пустынном. Стояла прекрасная, ясная погода. С верхушки скалы, на которой Пенкроф и Наб приготовили завтрак, открывался

---

[30] Примечания: 30

Бьеф — участок шлюзованного водного пути (реки, канала), расположенный между двумя плотинами. По отношению к каждой плотине различают верхний и нижний бьеф.

широкий вид. Горизонт был совершенно чист ни единого паруса. На всем берегу, насколько хватал глаз, — ни одного строения или хотя бы обломка, выброшенного морем. Но инженер не мог считать этот вопрос выясненным, пока берег не будет исследован до конца Змеиного полуострова. С завтраком покончили быстро, и в половине двенадцатого Сайрес Смит подал знак к выступлению. Вместо того чтобы идти по скалам или по песчаному берегу, колонистам приходилось пробираться лесом.

От устья ручья Водопада до мыса Пресмыкающегося было почти двенадцать миль. По удобопроходимому берегу исследователи могли бы, не торопясь, пройти это расстояние за четыре часа. Теперь же им требовалось вдвое больше времени, чтобы достигнуть своей цели: необходимость обходить деревья, рубить кусты, рвать лианы заставляла постоянно останавливаться; многочисленные повороты значительно удлиняли дорогу. Впрочем, ничто на берегу не указывало на недавнее кораблекрушение. Правда, как заметил Гедеон Спилет, волны могли все смыть в море, и отсутствие следов не позволяло сделать вывод, что какой-либо корабль был выброшен на берег в этой части острова Линкольна. Рассуж-

дение журналиста было правильно, и к тому же случай с дробинкой неопровержимо доказывал, что не больше трех месяцев назад на острове выстрелили из ружья.

Было уже пять часов, но до оконечности Змеиного полуострова оставалось еще две мили. Казалось несомненным, что Сайрес Смит и его товарищи, достигнув мыса Пресмыкающегося, не успеют вернуться засветло к лагерю, разбитому у истоков реки Благодарности. Отсюда возникла необходимость заночевать на самом мысу. Съестных припасов было еще много, и это оказалось очень кстати, так как пушной зверь не показывался на опушке, которая, в сущности, была морским берегом. Зато птиц было полно: якамары, трегоны, трагопаны, тетерева, попугаи, какаду, фазаны, голуби и сотни других видов. На каждом дереве было гнездо, в каждом гнезде слышалось хлопанье крыльев.

Часов около семи вечера изнуренные колонисты достигли мыса Пресмыкающегося. Он напоминал завиток, прихотливо вырисовывающийся на фоне моря. Здесь кончался прибрежный лес полуострова, и побережье всей южной части снова превращалось в обычный берег со скалами, рифами и песчаными косами. Вполне возмож-

но, что какой-нибудь корабль, разбитый бурей, был выброшен на сушу в этой части острова. Но наступала ночь, и пришлось отложить разведку до утра.

Пенкроф и Герберт тотчас же принялись искать удобное место для ночевки. Лес Дальнего Запада кончался в этом месте; там, где кончались последние деревья, Герберт увидел густые заросли бамбука.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Вот драгоценное открытие.

— Драгоценное? — спросил Пенкроф.

— Конечно, — продолжал Герберт. — Ты, верно, сам знаешь, Пенкроф, что из бамбуковой коры, разрезанной на гибкие дранки, плетут корзины и короба; что эта кора, размоченная и превращенная в тесто, служит для изготовления китайской бумаги; что из стеблей, смотря по их толщине, изготовляют трости, чубуки и водопроводные трубы; что высокий бамбук представляет собой превосходный строительный материал, легкий, крепкий и не боящийся атак насекомых. Я мог бы добавить, что если распилить междоузлия бамбука и оставить для дна поперечную перегородку образующую узел, получатся крепкие и удобные сосуды, употребляемые у китайцев. Правда, все

это тебя не удовлетворит. Но…

— Но что?..

— Но узнай, если ты еще не знаешь, что в Индии бамбук едят вместо спаржи.

— Спаржа высотой в тридцать футов! — сказал моряк. — Это вкусно?

— Очень вкусно. Только едят не стебли в тридцать футов, а молодые побеги бамбука.

— Прекрасно, мой мальчик, прекрасно! — сказал Пенкроф.

— Добавлю еще, что сердцевина молодых побегов, маринованная в уксусе, считается хорошей приправой.

— Чем дальше, тем лучше, Герберт!

— И, наконец, бамбук дает сладкую жидкость, из которой изготовляют вкусный напиток.

— Это все? — спросил Пенкроф.

— Все.

— А его, часом, не курят?

— Нет, бедняга Пенкроф, не курят.

Юноше и моряку недолго пришлось искать удобного места для ночевки. В редких прибрежных скалах, сильно побитых волнами, нагоняемыми юго-западным ветром, имелось много впадин, где можно было спать защищенным от непогоды. Но в ту минуту, когда Пенкроф и Гер-

берт собирались проникнуть в эти углубления, оттуда раздалось страшное рычание.

— Назад! — закричал Пенкроф. С нами только мелкая дробь, а для животных, которые так ревут, она не страшнее крупинки соли!

И моряк, схватив Герберта за руку, оттащил его под прикрытие скал. В эту минуту из пещеры показалось великолепное животное.

Это был ягуар, не уступавший по величине своим азиатским сородичам: от макушки до корня хвоста в нем было больше пяти футов. Рыжеватую шкуру покрывали черные пятна в форме правильных кружков, резко выделявшиеся рядом с белой шерстью на брюхе. Герберт узнал в нем жестокого соперника тигра — куда более страшного, чем кугуар, соперник льва.

Ягуар сделал несколько шагов, оглянулся; он весь ощетинился, его глаза горели. Казалось, он видит человека не в первый раз.

В это время из-за высоких скал показался Гедеон Спилет. Герберт решил, что журналист не видит ягуара, и хотел броситься навстречу Спилету, но тот сделал ему знак рукой и продолжал идти. Он не впервые встречался с тигром. Подойдя к животному на десять шагов, журналист остановился, приложил ружье к плечу; на лице

его не дрогнул ни один мускул. Ягуар подобрался и ринулся на охотника. В ту минуту, когда он взвился в воздух, пуля поразила его в лоб, и ягуар упал мертвый. Герберт и Пенкроф бросились к животному. Сайрес Смит с Набом подбежали с другой стороны. Несколько мгновений они стояли, любуясь хищником, распростертым на земле, шкура которого должна была украсить большой зал Гранитного Дворца.

— О мистер Спилет, как я вам завидую! Я преклоняюсь перед вами! — воскликнул Герберт в порыве вполне естественного восторга.

— Пустяки, мой мальчик, ты поступил бы так же и я!

— С таким хладнокровием?

— Вообрази, что ягуар — это заяц, и ты застрелишь его самым спокойным образом.

— Вот и все! — сказал Пенкроф — Это не хитро!

— А теперь, — продолжал Гедеон Спилет, — раз ягуар покинул свою берлогу, я не вижу, друзья, почему бы нам не поместиться там на ночь.

— Но могут прийти другие ягуары, — заметил Пенкроф.

— Достаточно развести костер у входа в пещеру, и хищники не осмелятся войти в нее, — сказал журналист.

— В таком случае, вперед, в дом ягуара! — сказал моряк и потащил за собой труп животного.

Колонисты направились к покинутой берлоге. Войдя туда, Наб принялся сдирать с ягуара шкуру, а товарищи сложили у входа в пещеру кучу хвороста, которого в лесу было много. Сайрес Смит увидел заросли бамбука и, срезав несколько стеблей, смешал их с хворостом. После этого колонисты расположились в пещере, кого рая была усыпана костями. На случай неожиданного нападения они зарядили ружья, затем поужинали. Когда пришло время сна, исследователи подожгли кучу хвороста, сложенную у входа в пещеру.

Сейчас же послышалась отчаянная пальба в воздухе. Стебли бамбука, охваченные пламенем, стреляли, как фейерверк. Одного шума было бы достаточно, чтобы перепугать самых смелых животных. Этот способ защиты придумал не

инженер. По словам Марко Поло[31], татары уже сотни лет с успехом пользуются им, чтобы отгонять от своих лагерей страшных хищников Центральной Азии.

[31] Примечания: 31

Марко Поло (1254–1324) — венецианский путешественник. В 1271 году вместе с отцом, купцом, отправился в Китай. Путешествие Поло из Венеции в Китай через Армению, Персию, Памир, Самарканд, Кашгар продолжалось три с половиной года. При дворе хана Хубилая Поло прожил семнадцать лет. Исполняя его поручения, Поло посетил Индию, Индокитай и Японию — тогда еще неизвестные европейцам. В 1292 году Поло получил наконец возможность вернуться домой и через Яву, Цейлон, Индию, Индийский океан, Персию и Константинополь в 1295 году прибыл в Венецию, воевавшую в это время с Генуей. Отправившись на войну, Поло после поражения венецианцев попал в плен и пробыл в нем три года. В плену он написал воспоминания о своих путешествиях.

ГЛАВА V

Предложение вернуться обратно по южному берегу. — Очертания побережья. — В тисках следов кораблекрушения. — Остатки шара в воздухе. — Открытие естественной гавани. — В полночь на берегу реки. — Лодка на волнах.

Сайрес Смит и его товарищи спали, как сурки, в пещере, которую ягуар так любезно предоставил в их распоряжение.

С восходом солнца все были на берегу, у самой оконечности мыса. Взоры их снова обратились к горизонту, видимому на две трети окружности. В последний раз инженер мог убедиться, что на море не было ни паруса, ни корабля. Даже в подзорную трубу нельзя было обнаружить ни одной подозрительной точки.

На побережье — также ничего, по крайней мере, на прямой линии южного берега, тянувшейся на три мили. Остальная часть берега была скрыта выемкой земли, и даже с конца Змеиного полуострова нельзя было увидеть мыс Когтя, скрытый за высокими скалами.

Оставалось обследовать южное побережье острова. Предпринимать ли эту экспедицию немедленно, посвятив ей день 2 ноября?

Это не входило в первоначальный план. Когда пирогу оставили у истока реки Благодарности, было решено вернуться к ней после обследования южного берега и возвратиться в Гранитный Дворец водой. Сайрес Смит все же полагал, что на западном побережье могло найти убежище какое-нибудь потерпевшее аварию судно или корабль, совершающий нормальное плавание. Но на этом побережье не оказалось ни одного места, могущего служить гаванью, и то, чего не нашли на западном берегу, приходилось искать на южном.

Автором предложения продолжить экспедицию и раз навсегда разрешить вопрос о предполагаемом кораблекрушении был Гедеон Спилет. Он спросил, каково расстояние от оконечности полуострова до мыса Когтя.

— Около тридцати миль, — продолжал Гедеон Спилет, — это значит добрый день пути. Тем не менее, я думаю, нам следует вернуться в Гранитный Дворец по южному берегу.

— Но ведь от мыса Когтя до Гранитного Дворца придется пройти не меньше десяти миль, — за-

метил Герберт.

— Будем считать всего сорок миль и проделаем этот путь, не задумываясь. По крайней мере, мы осмотрим незнакомый берег, и экспедицию не придется повторять.

— Совершенно правильно, — сказал Пенкроф. — Но как быть с пирогой?

— Пирога простояла одна в устье реки целый день, она простоит и два! — ответил Гедеон Спилет. — До сих пор у нас не было как будто основания сказать, что наш остров кишит ворами.

— Однако после истории с черепахой я не слишком в этом уверен, — возразил моряк.

— Черепаха, черепаха! — сказал Гедеон Спилет. — Разве вы не знаете, что море ее перевернуло?

— Почем знать… — задумчиво проговорил инженер.

— Но… — начал Наб.

Негру явно хотелось что-то сказать. Он то и дело раскрывал рот, но ничего не говорил.

— Что ты хочешь сказать, Наб? — спросил инженер.

— Если мы вернемся по берегу мыса Когтя, — ответил Наб, — то, когда мы обогнем его, нам преградит путь…

— Река Благодарности! — воскликнул Герберт. — А у нас нет ни моста, ни лодки, чтобы скорее переправиться!

— Ладно, мистер Сайрес, — сказал Пенкроф. — С помощью нескольких древесных стволов мы легко переплывем эту реку.

— А все-таки, если мы хотим иметь доступ в лес Дальнего Запада, то мост полезно построить, — заметил Гедеон Спилет.

— Мост! — вскричал Пенкроф. — Ну что же, разве мистер Сайрес не инженер по специальности? Когда мы захотим иметь мост, он его для нас построит. Что же касается того, чтобы переправить вас вечером на другой берег, не замочив даже нитки вашей одежды, — это мое дело. Припасов нам хватит на целый день, а больше и не потребуется, да и дичь, быть может, попадется сегодня. В дорогу!

Предложение журналиста, энергично поддержанное Пенкрофом, получило общее одобрение. Всем хотелось разрешить мучительные сомнения, а при возвращении через мыс Когтя остров был бы обследован до конца. Но нельзя было терять ни одного часа: переход в сорок миль требовал времени. Нечего было рассчитывать вернуться в Гранитный Дворец до ночи.

Итак, в шесть часов утра маленький отряд выступил в путь. Предвидя возможность неприятных встреч с двуногими или четвероногими животными, ружья зарядили пулями, и Топ, шедший впереди, получил приказ обследовать опушку леса.

Начиная с оконечности мыса, составлявшего как бы хвост полуострова, берег изгибался дугой протяжением в пять миль. Это расстояние было быстро пройдено, причем самое тщательное обследование не обнаружило признаков высадки: обломков крушения, следов лагеря, потухшего костра или отпечатков ног.

Дойдя до конца изгиба, после которого берег тянулся к северо-востоку, образуя бухту Вашингтона, колонисты могли обозреть южное побережье острова на всем его протяжении. В двадцати пяти милях берег заканчивался мысом Когтя, который едва вырисовывался в утреннем тумане и казался благодаря оптической иллюзии приподнятым; он как будто висел между землей и водой. Между местом, занятым колонистами, и дальним концом огромной бухты берег сначала представлял собой широкую, плоскую и гладкую косу, окаймленную на заднем плане деревьями; дальше он становился неровным и выступал

в море острыми стрелками; наконец, группы черноватых скал, разбросанных в живописном беспорядке, заканчивались на мысе Когтя.

Таковы были очертания этой части острова, которую колонисты видели в первый раз. Остановившись на несколько минут, они окинули ее взглядом.

— Корабль, который здесь пристал бы, ждет неминуемая гибель, — сказал Пенкроф. — Песчаные отмели, выступающие в море, а дальше — рифы! Нехорошие места!

— Но хоть что-нибудь да осталось бы от этого корабля, — заметил журналист.

— Куски дерева на скалах, а на песке ничего, — ответил моряк.

— Почему?

— Потому что эти пески, еще более страшные, чем скалы, засасывают все. Достаточно немногих дней, чтобы они поглотили остов корабля в несколько сот тонн водоизмещением.

— Итак, если какой-нибудь корабль и выбросило на эту отмель, нет ничего удивительного, что он исчез без следа? — спросил инженер.

— Нет, мистер Сайрес, этому помогли бы и время и непогода. Но даже в этом случае поразительно, что на берегу, далеко от моря, не осталось

обломков мачт или досок. Будем же искать дальше, — сказал Сайрес Смит. В час дня колонисты достигли бухты Вашингтона. К этому времени они прошли двадцать миль. Было решено сделать привал и позавтракать.

Начиная отсюда берег был неровен, причудливо изрезан и покрыт длинной полосой скал, сменивших песчаные отмели. Море, теперь спокойное, вскоре должно было обнажить их. Легкие волны разбивались о верхушки скал, покрываясь пенистой кромкой. С этого места до мыса Когтя берег, стиснутый между опушкой леса и скалами, был не особенно широк.

Продвижение вперед должно было все более затрудняться — берег был завален обломками скал. Гранитная стена становилась все выше; от деревьев, покрывавших ее, были видны только зеленые макушки, неподвижные в тихом воздухе.

Отдохнув с полчаса, колонисты снова двинулись в путь, пристально всматриваясь в каждую скалу, в каждый участок берега. Пенкроф и Наб даже лазили на скалы всякий раз, когда им казалось, что они видят какой-нибудь предмет. Но это был не обломок корабля: причудливая форма утесов вводила в заблуждение моряка и негра. Они

убедились, что на этом берегу много съедобных ракушек, но эти ракушки могли быть полезны только в том случае, если будет установлено сообщение между берегами реки Благодарности и если улучшатся средства транспорта.

Итак, ничто на берегу не указывало на предполагаемое крушение. А между тем сколько-нибудь значительный по объему предмет, например, остов корабля, несомненно, был бы заметен или остатки его прибило бы к берегу, как ящик, который нашли почти в двадцати милях отсюда. Но ничего не было.

Часов около трех Сайрес Смит и его товарищи достигли узкой, совершенно замкнутой бухты, в которую не проникала ни одна струя воды. Это была настоящая природная гавань, невидимая с моря и заканчивающаяся узким проливом, проложившим себе дорогу между скалами.

В глубине этой бухты сильное сжатие земли разорвало кромку скал и образовало отлогий проход к верхнему плато; оно находилось менее чем в десяти милях от мыса Когтя и в четырех милях по прямой линии от плато Дальнего Вида.

Гедеон Спилет предложил товарищам сделать привал в этом месте. Все согласились, так как движение возбудило аппетит, и, хотя обедать

было еще рано, никто не отказался подкрепить силы куском мяса. Завтрак должен был помочь дождаться ужина в Гранитном Дворце.

Несколько минут спустя колонисты, усевшись под великолепными соснами, с жадностью поглощали припасы, которые Наб извлек из походного мешка.

Место, где они находились, возвышалось на пятьдесят-шестьдесят футов над уровнем моря. Поле зрения было довольно обширно, и взор, минуя последние скалы мыса, достигал бухты Союза. Но островок и плато Дальнего Вида были скрыты от глаз, да их и нельзя было увидеть: рельеф местности и высокая завеса деревьев закрывали северный горизонт. Нечего и говорить, что, хотя исследователи могли обозреть значительный участок моря и подзорная труба инженера охватила от края до края всю линию, где небо сливалось с землей, никто не заметил никакого корабля.

Не менее тщательно Сайрес Смит осмотрел в трубу всю часть берега, которую предстояло еще исследовать, от побережья до рифов, но стекла прибора также не уловили очертаний какого-либо судна.

— Ну что же, — сказал Гедеон Спилет, — прихо-

дится смириться и утешиться мыслью, что никто не станет оспаривать наших прав на остров Линкольна.

— Но дробинка? — сказал Герберт. — Не во сне же мы ее видели?

— Тысяча чертей, нет! — воскликнул Пенкроф, вспоминая свой утраченный зуб.

— Так что же из этого следует? — спросил журналист.

— А вот что, — ответил инженер, — что не больше трех месяцев назад какой-то корабль, вольно или невольно, пристал…

— Как, неужели вы допускаете, Сайрес, что он погрузился в воду и пропал без следа?

— Нет, дорогой мой Спилет. Но согласитесь: если несомненно, что какое-то человеческое существо ступило ногой на этот остров, то мне кажется столь же несомненным, что оно его теперь покинуло.

— Итак, если я вас правильно понял, мистер Сайрес, корабль мог снова уплыть, — сказал Герберт.

— Именно.

— И мы безвозвратно потеряли возможность вернуться на родину! — воскликнул Наб.

— Боюсь, что безвозвратно.

— Ну, раз возможность потеряна — в дорогу! — сказал Пенкроф, который уже тосковал по Гранитному Дворцу.

Но не успел он подняться на ноги, как послышался громкий лай, и Топ выбежал из лесу, держа во рту лоскут какой-то материи, покрытый грязью.

Наб вырвал этот лоскут из пасти собаки. Это был кусок грубого полотна.

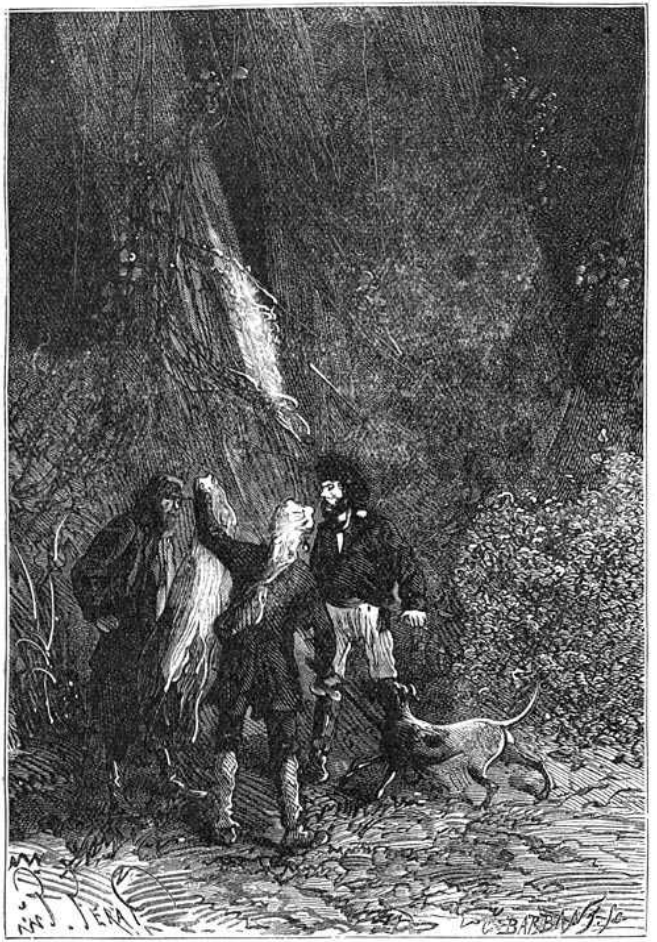
Топ продолжал лаять и бегал взад и вперед, словно приглашая своих хозяев последовать за собой в лес.

— Тут есть кто-то, кто может объяснить происхождение моей дробинки! — вскричал Пенкроф.

— Потерпевший крушение! — воскликнул Герберт.

— Быть может, раненый, — сказал Наб.

— Или мертвый, — добавил Гедеон Спилет.



Все бросились следом за собакой к высоким соснам. На всякий случай Сайрес Смит и его товарищи взяли ружья наизготовку.

Они довольно далеко зашли в лес, но, к большому своему разочарованию, по-прежнему не видели никаких следов человека. Кустарники и лианы были не тронуты, и их приходилось рубить топором, как в самой густой чаще леса. Трудно было поэтому допустить, что в этих местах проходило человеческое существо. А между тем Топ двигался вперед, как собака, которая сознательно преследует определенную цель.

Через семь-восемь минут, когда Топ остановился, колонисты увидели, что находятся у естественной просеки, окаймленной высокими деревьями.

Они всмотрелись, но ничего не увидели ни в кустах, ни между деревьями.

— Но что случилось, Топ? — спросил Сайрес Смит. Топ залаял еще громче, яростно прыгая вокруг огромной сосны.

Вдруг Пенкроф крикнул во весь голос:

— Вот это хорошо! Вот прекрасно!

— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— Мы искали признаков кораблекрушения в море или на суше…

— Ну?

— …а они, оказывается, в воздухе!

И моряк указал на большую беловатую тряпку, зацепившуюся за макушку сосны. Топ подобрал кусок тряпки, который упал на землю.

— Но это же не признак кораблекрушения, — возразил журналист.

— Прошу прощения, — сказал Пенкроф.

— Как? Разве это?..

— Это все, что осталось от нашего воздушного корабля, от воздушного шара, который сел на верхушку этого дерева.

Пенкроф не ошибся. Он испустил громогласное «ура» и прибавил:

— Вот хорошее полотно! Мы сошьем себе из него белье на многие годы, рубашки, носовые платки… Ну, мистер Спилет, что вы скажете об острове, где рубашки растут прямо на деревьях?

Это действительно было большим счастьем для колонистов, что шар после своего последнего прыжка вверх, снова упал на остров и им удалось его найти. Они могли сохранить оболочку в целости для новой попытки спасения по воздуху или с пользой пустить в дело сотни метров полотна прекрасного качества, предварительно сняв с него лак. Все, разумеется, вполне разделяли радость Пенкрофа.

Но оболочку надо было еще снять с дерева, на котором она повисла, чтобы спрятать ее в безопасное место, а это была нелегкая работа Наб, Герберт и Пенкроф взобрались на верхушку сосны и, совершая чудеса ловкости, отцепили громадный лопнувший шар. Операция продолжалась часа два. По истечении этого времени не только оболочка с клапаном, пружинами и медными частями, но также и сеть — то есть масса канатов и веревок, скрепляющих обруч и якорь шара, были на земле. Оболочка всюду, кроме места разрыва, была в хорошем состоянии; только нижний придаток ее совершенно разорвался.

На колонистов упало с неба целое состояние.

— А все-таки, мистер Сайрес, — сказал моряк, если мы когда-нибудь вздумаем покинуть остров, то не полетим на шаре — ведь правда? Они не

всегда плывут, куда надо, эти воздушные корабли, мы это хорошо знаем. Поверьте, нужно будет построить хорошее судно, так тонн в двадцать, и я, с вашего позволения, вырежу из этого полотна фок и кливер. Остальное пойдет нам на одежду.

— Посмотрим, Пенкроф, посмотрим, — ответил Сайрес Смит.

— А пока что нужно спрятать все это в безопасное место, — сказал Наб.

Действительно, нельзя было и мечтать о том, чтобы перенести в Гранитный Дворец все это полотно, канаты и веревки: они были очень тяжелы. За отсутствием удобной повозки, на которой его можно было бы перевезти, это богатство следовало, по крайней мере, убрать от непогоды. С огромными усилиями колонисты перетащили полотно и веревки к берегу; там они обнаружили в одной из скал обширную впадину, защищенную от ветра, дождя и морских волн.

— Нам нужен был шкаф, теперь он у нас есть, — сказал Пенкроф. — Но так как этот шкаф нельзя запереть, то лучше будет замаскировать вход в него. Я боюсь не двуногих мошенников, а четвероногих воров.

В шесть часов вечера все было сложено. Окрестив маленькую бухту наиболее подходящим для

нее названием гавань Воздушного Шара, колонисты продолжали путь к мысу Когтя. Пенкроф с инженером обсуждали различные мероприятия, которые следовало осуществить в самом непродолжительном времени. Прежде всего надо было перебросить мост через реку Благодарности, чтобы установить удобное сообщение с южной частью острова, затем прийти с тачкой за аэростатом — лодка была слишком мала, чтобы перевезти его; потом Пенкроф построит палубную шлюпку, оснастит ее, и на этом катере можно будет проплыть вокруг острова; потом… и т. д.

Между тем приближалась ночь, и было почти темно, когда колонисты достигли мыса, того самого мыса, где была обнаружена драгоценная находка. Но и там, как и везде, ничто не указывало на происшедшее кораблекрушение, и колонистам пришлось окончательно принять выводы, сделанные Сайресом Смитом.

От мыса Находки до Гранитного Дворца оставалось еще четыре мили. Это расстояние прошли довольно быстро, но все же было за полночь, когда колонисты, пройдя по берегу до устья реки Благодарности, добрались до первой излучины реки.

Ширина русла в этом месте достигала восьми-

десяти футов, и переправиться на другой берег было нелегко. Пенкроф взялся преодолеть эту трудность, и от него потребовали выполнения обязательства.

Но, сказать правду, колонисты выбились из сил. Переход продолжался долго, а происшествие с шаром дало новую нагрузку ногам и рукам путешественников. Им не терпелось вернуться в Гранитный Дворец, поужинать и лечь спать. Будь мост уже построен, они были бы дома через пятнадцать минут.

Ночь была очень темная. Пенкроф намеревался сдержать свое обещание и построить нечто вроде плота, чтобы переправиться через реку. Пенкроф с Набом вооружились топорами, выбрали недалеко от реки два дерева, подходящие для плота, и принялись рубить их у корня.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет сидели на берегу, ожидая, когда понадобится их помощь. Герберт расхаживал взад и вперед тут же поблизости.

Внезапно юноша, который направился вверх по реке, возвратился и сказал, указывая на реку:

— Что это плывет по воде?

Пенкроф прервал свою работу. Он увидел какой-то двигавшийся предмет, смутно выделявшийся во тьме ночи.

— Лодка! — сказал моряк.

Все подошли к берегу и, к своему крайнему изумлению, увидели, что по реке плывет лодка.

— Эй, лодка! — крикнул Пенкроф по старой привычке, забывая, что, может быть, лучше молчать.

Никакого ответа. Лодку продолжало нести течением. Когда она была в десяти шагах от колонистов, моряк вскричал:

— Да ведь это наша пирога! Она сорвалась с причала и поплыла по течению. Надо признаться, она явилась кстати!

— Наша пирога?.. — тихо произнес инженер.

Пенкроф был прав, это действительно была пирога. У нее, очевидно, оборвался причал, и она сама возвращалась к устью реки Благодарности. Ее необходимо было поймать, пока быстрое течение не увлечет ее в море. Наб и Пенкроф ловко справились с этой задачей при помощи длинного шеста.

Лодку направили к берегу. Инженер вскочил в нее первый и, схватив причальную веревку, убедился, что она действительно разорвалась от трения о скалы.

— Поистине, — тихо сказал журналист, — это происшествие можно назвать…

— …странным, — подхватил инженер.

Странное или нет, оно было весьма благоприятно! Герберт, Наб и Пенкроф тоже вошли в лодку. Они-то ничуть не сомневались, что веревка перетерлась, но самое удивительное во всем этом было то, что пирога появилась как раз вовремя — в ту минуту, когда колонисты стояли на берегу и могли ее поймать. Еще пятнадцать минут, и она затерялась бы в океане.

Будь это все во времена веры в духов, можно было бы подумать, что на острове обитает какое-то сверхъестественное существо, которое взялось помогать потерпевшим крушение.

Несколько взмахов веслами — и колонисты были у устья реки. Лодку проволокли по берегу до Труб, после чего все направились к лестнице Гранитного Дворца.

Внезапно Топ сердито залаял, а Наб, который нащупывал первую ступеньку лестницы, вскрикнул.

Лестницы не было.

ГЛАВА VI

Пенкроф зовет. — Ночь в Трубах. — Стрела Герберта. — План Сайреса Смита. — Затруднение неожиданно разрешается. — Что произошло в Гранитном Дворце. — Как колонисты, приобрели нового слугу.

Сайрес Смит остановился, не говоря ни слова, а спутники его шарили в темноте по стене, думая, что лестницу снесло ветром, и искали на земле, предполагая, что она оборвалась. Но лестница исчезла бесследно. В глубокой тьме невозможно было даже проверить, не закинуло ли ее ветром на первую площадку.

— Если это шутка, то очень скверная! — вскричал Пенкроф. — Вернуться к себе и не иметь лестницы, чтобы подняться в комнаты! Это не очень-то приятно усталым людям!

Наб тоже испускал горестные восклицания.

— Сегодня не было ветра, — заметил Герберт.

— Мне начинает казаться, что на острове Линкольна происходят странные вещи, — сказал Пенкроф.

— Странные? — возразил Гедеон Спилет. — На-

оборот, Пенкроф, все вполне понятно. Пока нас не было, кто-то пришел, завладел нашим жилищем и убрал лестницу.

— Кто-то пришел? — вскричал Пенкроф. — Но кто же?

— Охотник, стрелявший из ружья, — ответил журналист. — К чему он нужен, как не затем, чтобы объяснить этот неприятный случай?

— Ну, если там наверху кто-нибудь есть, — сказал с проклятием Пенкроф, которого начала разбирать злость, я его окликну, и ему волей неволей придется мне ответить.

И моряк испустил громовым голосом протяжное: «Э-э-эй!», громко повторенное эхом. Колонисты прислушались, и им показалось, что наверху, в Гранитном Дворце, раздался какой-то странный смех. Но никто не ответил Пенкрофу, который напрасно повторял свои окрики. Все это могло изумить самых равнодушных на свете людей, а колонисты отнюдь не были равнодушны. В их положении всякое обстоятельство являлось значительным, и, конечно, за те семь месяцев, которые они провели на острове, не случалось ничего более удивительного. Как бы то ни было, колонисты стояли теперь, забыв усталость, у подножия Гранитного Дворца, подавленные этим

необычайным происшествием. Они не знали, что думать и что делать, задавали друг другу вопросы, остававшиеся без ответа, строили всевозможные предположения, одно невероятней другого. Наб горько сетовал на то, что не может попасть к себе на кухню; к тому же припасы истощились и не было никакой возможности добыть пищу.

— Друзья мои, — наконец сказал Сайрес Смит, — нам остается одно: дождаться рассвета, затем действовать сообразно обстоятельствам. А пока что пойдем в Трубы. Там мы будем под крышей и если не сможем поужинать, то, по крайней мере, выспимся.

— Кто же тот нахал, который сотворил с нами эту штуку? — спросил еще раз Пенкроф, который никак не мог примириться с положением дела.

Но кто бы ни был «нахал», колонистам, как советовал инженер, оставалось только одно — отправиться в Трубы и ожидать там рассвета. Топу было приказано не уходить из-под окон дворца, а когда Топ получал приказание, он обязательно выполнял его. Умная собака осталась у подножия стены, а ее хозяева приютились среди скал. Сказать, что колонисты, при всей своей усталости, хорошо выспались на песке в Трубах, значило бы погрешить против истины.

Им не терпелось выяснить смысл последнего происшествия и определить, случайность ли это, причины которой выяснятся с наступлением утра, или дело рук человека. Кроме того, им было очень неудобно лежать. Как бы то ни было, их жилище в данное время было занято, и они не могли туда вернуться. А ведь Гранитный Дворец являлся для колонистов не только жилищем, но и складом. Там находился весь инвентарь колонии: инструменты, приборы, оружие, снаряды, запасы продовольствия. Если все это разграблено, колонистам придется устраиваться заново, снова выделывать оружие и снаряды. Трудная задача!

Тревога мучила колонистов. То один, то другой вскакивал и ежеминутно выходил посмотреть, хорошо ли Топ исполняет обязанности сторожа. Только Сайрес Смит выжидал с обычным спокойствием, хотя его упрямую мысль раздражало сознание, что он стоит перед совершенно необъяснимым фактом. Инженер возмущался, думая о том, что вокруг него, а может быть, и над ним действуют какие-то силы, которых он не может даже назвать. Гедеон Спилет вполне разделял чувства Смита. Оба друга несколько раз принимались вполголоса обсуждать непонятные обстоятельства, перед которыми пасовали их

проницательность и жизненный опыт. С островом связана какая-то тайна — сомневаться в этом было нельзя. Но как ее разгадать? Герберт не знал, что и думать; ему хотелось поговорить об этом с инженером. Наб в конце концов решил, что все это — не его дело, а хозяина; и если бы честный негр не боялся показаться невежливым, он так же добросовестно выспался бы в Трубах, как и на своем ложе в Гранитном Дворце. Что касается Пенкрофа, то он негодовал больше всех и был искренне взбешен.

— Это шутка! — говорил он. — С нами сыграли шутку! Я не люблю шуток, и горе шутнику, если он попадется мне под руку.

Едва на востоке показались первые проблески зари, как колонисты, тщательно зарядив ружья, отправились на берег, к кромке скал. Лучи солнца намеревались вскоре осветить Гранитный Дворец, который был обращен прямо на восток. И действительно, еще не было пяти часов, когда окна дворца, прикрытые ставнями, стали видны из-за завесы листьев. С этой стороны все было в порядке. Но вдруг из груди колонистов вырвался крик: дверь, которую они заперли перед уходом, была широко открыта. Кто-то проник в Гранитный Дворец, теперь это было уже неоспоримо.

Верхняя лестница, соединявшая площадку с дверью, была на месте, но нижняя оказалась убранной и поднятой до порога. Было более чем очевидно, что пришельцы хотели обезопасить себя от всяких неожиданностей.

Что же касается их вида и количества, то определить это было пока невозможно. Ни один из незнакомцев не показывался.

Пенкроф крикнул еще раз.

Никакого ответа.

— Вот негодяи! — вскричал моряк. — Они спят там спокойно, как будто находятся у себя… Эй вы, пираты, бандиты, морские разбойники, дети Джона Буля![32]

Пенкроф считал эпитет «дети Джона Буля» самым оскорбительным прозвищем.

Между тем совершенно рассвело, и Гранитный Дворец засверкал под лучами солнца. Как внутри, так и вне его все было тихо и спокойно.

Колонисты начали было сомневаться, действительно ли Гранитный Дворец подвергся нападению. Но положение лестницы доказывало

---

[32] Примечания: 32

Джон Буль — «Джон Бык» — насмешливое прозвище, данное англичанам за характерные для них грубость и упрямство. Прозвище это пущено в обращение в XVIII веке сатириком Арбетнотом, другом Свифта, автора «Путешествий Гулливера».

это с достаточной очевидностью. Несомненно было и то, что оккупанты, кто бы они ни были, не могли убежать. Но как до них добраться?

Герберту пришла мысль привязать к стреле веревку и пустить стрелу таким образом, чтобы она попала между ступеньками лестницы, болтавшейся у порога. При помощи веревки можно будет вытянуть лестницу до земли и восстановить сообщение с Гранитным Дворцом. Больше ничего не оставалось делать; маневр, требующий некоторой ловкости, должен был удаться. К счастью, луки и стрелы хранились в одном из коридоров Труб, где находилось также несколько сот метров легкой веревки из гибиска. Пенкроф размотал веревку и привязал ее одним концом к хорошо оперенной стреле. Затем Герберт натянул лук и прицелился в висячий конец лестницы.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Пенкроф и Наб отступили назад, чтобы видеть, что происходит в окнах Гранитного Дворца. Журналист, приложив ружье к плечу, взял дверь на прицел.

Герберт спустил тетиву. Стрела засвистела, увлекая за собой веревку, и застряла между двумя последними ступеньками лестницы.

Маневр удался.

Герберт тотчас же схватился за конец веревки,

но в ту минуту, когда он встряхнул ее, чтобы опустить лестницу, между стеной и дверью быстро просунулась рука, схватила лестницу и втянула обратно.

— Трижды негодяй! — вскричал Пенкроф. — Если тебе хочется пули, то ты скоро ее получишь.

— Но кто же это такой? — спросил Наб.

— Как? Ты не узнал?

— Нет.

— Да ведь это обезьяна — макака, мартышка, сапажу, орангутанг, бабуин, горилла, сагуин… Обезьяны захватили наше жилище. Это они забрались туда по лестнице, пока нас не было!

В эту минуту, словно желая подтвердить слова моряка, у окон показалось несколько четвероруких. Они отодвинули ставни и приветствовали настоящих хозяев дворца всевозможными ужимками и гримасами.

— Я же говорил, что это глупая шутка! — вскричал Пенкроф. — Но, по крайней мере, один из шутников поплатится за остальных!

Моряк приложил ружье к плечу, быстро прицелился и выстрелил. Все обезьяны скрылись, кроме одной; смертельно раненная, она упала на берег. Эта огромная обезьяна, несомненно, принадлежала к высшему разряду четвероруких. Была ли это шимпанзе, орангутанг, горилла или гиббон она, во всяком случае, относилась к числу человекообразных обезьян, которых назвали так за их сходство с людьми. Герберт заявил, что это орангутанг. А юноша, как известно, был сведущ в зоологии.

— Вот прекрасное животное! — сказал Наб.

— Пусть оно двадцать раз прекрасное, — ответил Пенкроф, — но я все еще не вижу, как мы сможем вернуться!

— Герберт прекрасный стрелок, — сказал журналист, — и его лук при нем. Пусть он еще раз…

— Нет, эти обезьяны достаточно хитры! —

вскричал Пенкроф.

— Они не покажутся у окон, и мы не сможем их перебить. Когда я думаю, какой беспорядок они устроили в комнатах и на складе…

— Терпение! — сказал Сайрес Смит. — Эти звери не смогут долго причинять нам затруднения.

— Я успокоюсь только тогда, когда увижу их на земле, — сказал моряк. — Да и знаете ли вы, мистер Сайрес, сколько дюжин этих безобразников собралось там наверху?

Было нелегко ответить на этот вопрос Пенкрофа. Герберту было также трудно возобновить свою попытку, так как нижний конец лестницы втянули в дверь. Когда юноша, еще раз дернул веревку, она оборвалась, и лестница осталась на месте.

Положение действительно создалось трудное. Пенкроф выходил из себя. Во всем, что случилось, был элемент комического, но Пенкрофу это вовсе не казалось смешным. Было ясно, что колонисты в конце концов вернутся в свое жилище и выгонят оттуда пришельцев. Но когда и каким образом? Этого никто не мог сказать.

Прошло еще два часа. Обезьяны избегали показываться наружу, но они все еще были во дворце. Несколько раз из окон или дверей показывалась

рука или морда, которую колонисты встречали ружейными выстрелами.

— Давайте спрячемся, — сказал инженер — Может быть, обезьяны подумают, что мы ушли, и снова покажутся наружу. Пусть Спилет с Гербертом скроются за скалами и стреляют во всех, кого увидят.

Распоряжение инженера было выполнено, и журналист с юношей — лучшие стрелки колонии — заняли удобное место, где обезьяны не могли их видеть. Тем временем Наб, Пенкроф и Сайрес Смит поднялись на плато и отправились в лес, чтобы раздобыть немного дичи. Наступил час завтрака, а припасов больше не было.

Через полчаса охотники вернулись с несколькими скалистыми голубями, которых кое-как удалось изжарить. Ни одна обезьяна не появлялась.

Гедеон Спилет и Герберт отправились завтракать, а Топ сторожил под скалами Поев, они вернулись на свой пост.

Через два часа положение нисколько не изменилось. Четверорукие не подавали никаких признаков жизни, и можно было думать, что их нет во дворце; но более вероятным показалось предположение, что, напуганные убийством

одного из своих товарищей и ружейными выстрелами, они притаились в комнатах или даже на складе. При мысли о богатствах, хранящихся в этом складе, терпение, к которому призывал инженер, переходило в ярость. Да и было из-за чего.

— Все это уж слишком глупо, — сказал журналист. — И это, видимо, никогда не кончится.

— Но надо же вытурить этих негодяев! — вскричал Пенкроф.

— Мы бы их, конечно, одолели, будь их хоть два десятка, но для этого надо схватиться с ними врукопашную. Неужели же нет способа до них добраться?

— Есть, — сказал инженер, которому пришла в голову новая мысль.

— Способ? — спросил Пенкроф. — Ну, раз нет другого, значит это наилучший. Какой же?

— Попробуем спуститься в Гранитный Дворец через бывший водосток озера.

— Тысяча и тысяча чертей! — воскликнул моряк. А я-то не подумал об этом!

Это действительно было единственное средство проникнуть в Гранитный Дворец, чтобы дать бой обезьянам и выгнать их. Правда, отверстие водостока было скрыто за плотной стеной камней, которую пришлось бы разрушить, но ее можно

будет позже восстановить. К счастью, Сайрес Смит не привел еще в исполнение свой проект — скрыть это отверстие, затопив его водой озера. В этом случае намеченная операция потребовала бы много времени.

Было уже за полдень, когда колонисты, хорошо вооруженные, снабженные кирками и лопатами, вышли из Труб и прошли под окнами Гранитного Дворца, дав Топу приказание оставаться на своем месте. Они намеревались подняться по левому берегу реки Благодарности и выйти на плато Дальнего Вида.

Но не успели они пройти пятидесяти шагов, как послышался яростный лай Топа. Он звучал, как отчаянный призыв.

Все остановились.

— Бежим! — сказал Пенкроф.

Колонисты со всех ног бросились вниз. Дойдя до поворота, они увидели, что положение изменилось.

Обезьяны, испуганные каким-то неведомым обстоятельством, пытались убежать. Некоторые из них с ловкостью акробатов прыгали и бегали от одного окна к другому. Они не сделали даже попытки сбросить лестницу, по которой легко было бы спуститься, и, по-видимому, от страха забыли

об этом способе спасения. Вскоре пять или шесть обезьян оказались под выстрелом, и колонисты, спокойно прицелившись, открыли огонь.

Некоторые из раненых обезьян с криками упали назад в комнату, другие свалились вниз и разбились; спустя несколько минут можно было предположить, что во дворце не осталось ни одной живой обезьяны.

— Ура! Ура! Ура! — закричал Пенкроф.

— Не слишком ли много «ура»? — сказал Гедеон Спилет.

— А что? Они же все перебиты! — удивился моряк.

— Согласен, но это не помогает нам вернуться к себе.

— Идем к водостоку, — сказал Пенкроф.

— Конечно, — ответил инженер. — Но было бы удобнее…

В эту минуту, словно в ответ на слова инженера, лестница показалась из-за порога двери и упала вниз.

— Тысяча трубок? Вот это здорово! — вскричал моряк, глядя на Сайреса Смита.

— Слишком здорово, — вполголоса произнес инженер и первым бросился к лестнице.

— Осторожнее, мистер Сайрес! — воскликнул

Пенкроф. — А вдруг там еще остались обезьяны?

— Увидим, — бросил инженер, не останавливаясь.

Его товарищи поспешили за ним и в одно мгновение добрались до дверей. Они обыскали все. В комнатах никого не было. Склад тоже был пощажен животными.

— А лестница-то! — закричал моряк. — Какой это джентльмен послал ее нам?

В это время послышался крик, и в залу вбежала огромная обезьяна, преследуемая Набом.

— Ах, разбойник! — вскричал Пенкроф. И, взмахнув топором, он собирался раскроить голову животному, но Сайрес Смит остановил его:

— Не трогайте ее, Пенкроф.

— Мне помиловать этого черномазого?

— Да, это он выбросил нам лестницу.

Инженер сказал это таким странным тоном, что было трудно решить, серьезно он говорит или нет.

Колонисты бросились к обезьяне и, несмотря на мужественное сопротивление животного, повалили и связали ее.

— Уф! — вздохнул Пенкроф. — А что мы теперь из нее сделаем?

— Слугу, — ответил Герберт.

Говоря это, юноша был почти серьезен: он хорошо знал, какую пользу можно извлечь из этих разумных четвероруких.

Все приблизились к обезьяне и начали внимательно ее рассматривать. Это был орангутанг. Подобно своим сородичам, он не отличался ни злостью бабуина, ни легкомыслием макаки, не был нечистоплотен, как сагуин, или нетерпелив, как маго, и не обладал дурными инстинктами собакоголовых. Именно об этих человекообразных рассказывают столько историй, свидетельствующих о их почти человеческой сообразительности. Как домашние слуги, они подают к столу, убирают комнаты, чистят платье и башмаки, умеют управляться с ложкой и вилкой и даже пьют вино не хуже самых лучших двуногих лакеев. Как известно, у Бюффона[33] была такая обезьяна, которая долго и усердно служила ему. Представитель орангутангов, лежавший связанным в большом зале Гранитного Дворца, был огромный детина в шесть футов ростом, прекрасно сложенный, с широкой грудью и средней величины головой; череп был круглый, нос выдавался вперед. Гладкая, мягкая, блестящая шерсть покрывала кожу.

[33] Примечания: 33

Бюффон (1707–1788) — французский естествоиспытатель, директор парижского Ботанического сада.

Одним словом, это был законченный образец человекообразных. В его небольших глазах светился разум. Белые зубы сверкали под усами. Подбородок был покрыт небольшой курчавой каштановой бородкой.

— Красивый парень! — сказал Пенкроф. — Если бы знать его язык, с ним можно было бы разговаривать.

— Так вы не шутите, хозяин? — спросил Наб. — Мы берем его в слуги?

— Да, Наб, — с улыбкой ответил инженер. — Но только ты не ревнуй.

— Надеюсь, что из него выйдет хороший слуга, — сказал Герберт, — По-видимому, он еще молод, его легко будет воспитать, и нам не придется пускать в ход силу или вырывать ему клыки, как делают в таких случаях. Он, наверное, привяжется к хозяевам, если они будут с ним ласковы.

— Это так и будет, — сказал Пенкроф, который уже забыл, как сердился на «шутников». — Ну что, друг, как поживаешь? — спросил он оранга.

Оранг ответил легким ворчанием, звучавшим довольно мирно.

— Мы, значит, зачислились в колонисты? — продолжал моряк. — Мы хотим поступить на

службу к мистеру Смиту?

Снова утвердительное ворчание.

— И будем довольствоваться одним столом, без жалованья?

Обезьяна заворчала в третий раз.

— Она разговаривает довольно однообразно, — заметил Гедеон Спилет.

— Ничего, — сказал моряк. — Молчаливые слуги самые лучшие. И к тому же без жалованья. Слышишь, приятель? Для начала мы не положим тебе никакого жалованья. Но потом мы его удвоим, если ты нам понравишься.

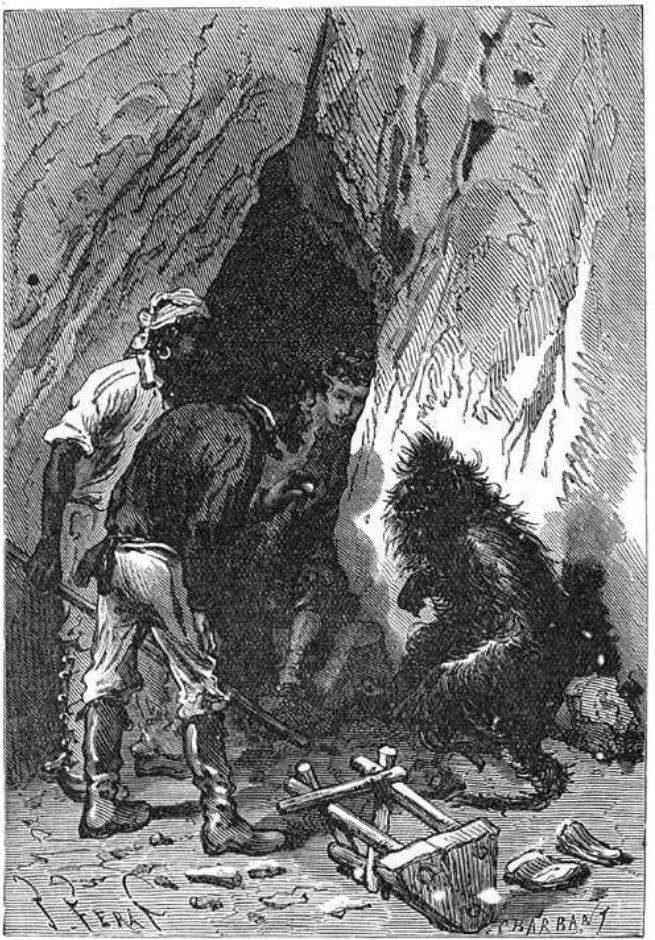
Таким образом, число колонистов увеличилось еще одним членом, который впоследствии оказался очень полезным. Когда возник вопрос, какое ему дать имя, Пенкроф попросил, чтобы, в память о другой знакомой ему обезьяне, его назвали Юпитером, сокращенно Юпом.

И вот дядюшка Юп без дальнейших церемоний сделался обитателем Гранитного Дворца.

ГЛАВА VII

Что необходимо сделать прежде всего. — Мост через реку. — Плато Дальнего Вида превратится в остров. — Подъемный мост. — Сбор хлеба. — Ручей. — Мостики. — Птичий двор. — Голубятня. — Повозка заложена. — Поездка в гавань Воздушного Шара.

Итак, обитатели острова Линкольна вновь вступили во владение своим жилищем, не воспользовавшись прежним водостоком; это избавило их от необходимости превратиться в каменщиков. Действительно, для них было большим счастьем, что в ту минуту, когда они уже направлялись к водостоку, стаю обезьян охватил испуг, столь же внезапный, сколь необъяснимый, и они решили покинуть дворец. Видимо, животные предчувствовали, что их ждет нападение с другой стороны. Только таким образом можно было объяснить отступление обезьян.


J. FERAT
C. BARBANT

В конце этого дня трупы обезьян были перенесены в лес и зарыты. Затем колонисты занялись ликвидацией беспорядка, но, к счастью, не разрушений. Обезьяны опрокинули мебель в комнатах, но ничего не разбили. Наб разжег плиту и состряпал из домашних запасов обильный обед, которому все оказали величайшую честь.

Юп тоже не был забыт и с аппетитом поел сосновых зерен и кореньев. Пенкроф развязал ему руки, но счел за лучшее не снимать пут с ног, пока животное не станет ручным.

Перед тем как лечь спать, Сайрес Смит и его товарищи, усевшись вокруг стола, обсудили некоторые неотложные мероприятия.

Самым важным и спешным делом была постройка моста через реку, который связал бы южную часть острова с Гранитным Дворцом. Затем следовало устроить загон для муфлонов и других животных, богатых шерстью.

Как видим, оба эти проекта должны были помочь разрешить вопрос об одежде, в настоящее время самый серьезный. Действительно, мост облегчит переноску оболочки аэростата, которая даст полотно. А загон обеспечит запас шерсти для зимнего платья. Сайрес Смит предполагал устроить этот загон у самых истоков Красного ру-

чья, где жвачные животные всегда могли найти обильный и свежий корм. Дорога от Гранитного Дворца к ручью была уже частью проложена, и при наличии более удобной тачки транспорт должен был значительно облегчиться, особенно если бы удалось поймать несколько упряжных животных. Но, если загон можно было без всякого неудобства построить вдали от Гранитного Дворца, иначе дело обстояло с птичником, о котором Наб напомнил своим товарищам. Его пернатые обитатели должны были всегда находиться под рукой у главного повара. Самым подходящим местом для устройства птичника была найдена часть берега озера, граничащая с прежним водостоком. Водяные птицы там должны были чувствовать себя так же хорошо, как и прочие. Самец и самка тинаму, пойманные в последнюю экспедицию, предназначались для первого опыта разведения домашней птицы.

На следующий день, 4 ноября, колонисты приступили к работе, начав с постройки моста. Для этого важного дела понадобилось участие всех. Обитатели острова Линкольна взвалили на плечи пилы, молотки, топоры и прочие инструменты и, превратившись на время в плотников, вышли на берег.

Тут Пенкроф высказал мысль:

— А вдруг дядюшке Юпу, пока нас не будет, придет фантазия поднять лестницу, которую он нам так любезно бросил вчера? — сказал он.

— Прикрепим ее за нижний конец, — ответил Сайрес Смит.

Так и сделали при помощи двух кольев, глубоко загнанных в песок. Затем колонисты поднялись по левому берегу и вскоре достигли первой излучины реки. Тут они остановились, чтобы посмотреть, нельзя ли построить мост в этом месте. Оно оказалось вполне подходящим. Действительно, отсюда до гавани Воздушного Шара, открытой накануне на южном берегу, было всего три с половиной мили. От моста до гавани было нетрудно проложить проезжую дорогу, которая должна была значительно облегчить сообщение между южной частью острова и Гранитным Дворцом. Сайрес Смит поделился с товарищами одним планом, очень простым и в то же время весьма полезным. Инженер уже давно обдумал этот план. Он заключался в том, чтобы совершенно изолировать плато Дальнего Вида и таким образом совершенно защитить его от нападения четвероногих или четвероруких. В этом случае Гранитный Дворец, Трубы, птичник и вся верх-

няя часть плато, предназначенная для посевов, были бы в полной безопасности от нашествия животных.

Исполнить этот план было очень легко, и вот как предполагал действовать инженер.

Плато было уже защищено с трех сторон естественными или искусственными водными бассейнами.

На северо-востоке — от угла, примыкающего к отверстию прежнего водостока, до пробоины для стока воды на восточном берегу — его защищало озеро Гранта; на севере от этой пробоины до моря оно было ограждено новым ручьем, продолжившим свое русло на плато и на побережье, выше и ниже водопада. Достаточно было углубить русло этого ручья, чтобы он стал не проходимым для животных.

Вдоль всего восточного берега защитой служило само море, от устья упомянутого ручья до устья реки Благодарности.

И, наконец, на юге, от устья реки до ее излучины, где предполагалось построить мост, преградой являлась сама река.

Оставалась еще западная часть плато, между излучиной реки и южной оконечностью озера, протяжением меньше мили, открытая для любо-

го нападения. Но было совсем нетрудно вырыть широкий и глубокий овраг, который наполнится водой озера, причем избыток ее должен излиться в реку. Конечно, уровень озера при этом несколько понизится, но Сайрес Смит установил, что количество воды в Красном ручье было вполне достаточно для его плана.

— Таким образом, — продолжал инженер, — плато Дальнего Вида, окруженное водой со всех сторон, превратится в настоящий остров, и сообщение с ним будет возможно только по мосту, который мы перебросим через реку, по мостикам, уже поставленным выше и ниже водопада, и двум другим мостикам, которые еще придется построить. Один мы перекинем через овраг, который нам предстоит вырыть, а другой — на левый берег реки. Если эти мосты и мостики можно будет поднимать, плато Дальнего Вида окажется защищенным от всяких неожиданностей.

Чтобы товарищи лучше его поняли, Сайрес Смит нарисовал карту плато. Колонисты немедленно уяснили себе проект инженера и единогласно одобрили его. Пенкроф взмахнул своим топором и крикнул:

— Начнем с моста!

Это было самое неотложное дело. Колони-

сты выбрали подходящие деревья, срубили их, очистили от веток разделали на доски, балки и брусья. В части, прилегающей к правому берегу реки, мост должен был быть неподвижным, тогда как левую его половину предполагалось в случае надобности поднимать с помощью противовесов, как пороги у шлюзов. Понятно, это была значительная работа, которая даже при умелом руководстве требовала немало времени, ибо ширина реки была около восьмидесяти футов. В дно пришлось вбить колья — они должны были поддерживать неподвижную часть моста, для чего понадобился копер[34]. Колья образовали два быка, так что мост мог выдерживать значительную нагрузку.

К счастью, у колонистов было достаточно инструментов для обработки дерева и железа, чтобы его скреплять. Инженер, прекрасный специалист по подобным сооружениям, проявил большую изобретательность; его помощники, научившиеся за эти семь месяцев очень ловко работать, трудились с великим рвением. Следует сказать, что Гедеон Спилет нисколько не отставал от дру-

[34] Примечания: 34

Копер — машина, орудие, большей частью передвижное, для забивки в грунт сваи. Копер приводится в действие силой людей или животных (ручной копер), паром (паровой копер) и сжатым воздухом.

гих и соперничал с самим Пенкрофом, который «никогда не ожидал такой прыти от обыкновенного журналиста».

Постройка моста через реку Благодарности продолжалась три недели. Все это время колонисты были очень заняты. Они обедали, где работали, и, пользуясь великолепной погодой, возвращались в Гранитный Дворец только к ужину.

За это время можно было заметить, что дядюшка Юп становится все более ручным и привыкает к своим хозяевам, на которых смотрит с величайшим любопытством. Тем не менее Пенкроф, осторожности ради, не освободил его окончательно от пут, справедливо предпочитая подождать, пока бегство с плато станет совершенно невозможным. Топ и Юп ужились как нельзя лучше и охотно играли вместе, но Юп даже в играх сохранял величайшую серьезность.

После 20 ноября мост был окончен. Его подвижная часть, уравновешенная противовесами, раздвигалась, и, чтобы привести ее в движение, требовалось лишь небольшое усилие. Между шарниром и последней балкой, на которую опиралась эта половина моста, когда ее опускали, был оставлен просвет в двадцать футов, через который не могли перейти никакие животные.

По окончании моста возник вопрос о поездке за оболочкой шара, которую колонистам хотелось как можно скорее спрятать в безопасное место. Но, чтобы ее перевезти, необходимо было доставить тачку в гавань Воздушного Шара, а для этого требовалось проложить дорогу сквозь густую чащу леса Дальнего Запада. Это требовало времени.

Поэтому Наб с Пенкрофом предварительно отправились на разведку в гавань. Они установили, что запас полотна нисколько не пострадал от пребывания в пещере, и колонисты решили не прерывать работ по изоляции плато Дальнего Вида.

— Это позволит нам создать лучшие условия для устройства птичьего двора, — сказал Пенкроф. Не придется опасаться посещения лисиц и нападения других вредных животных.

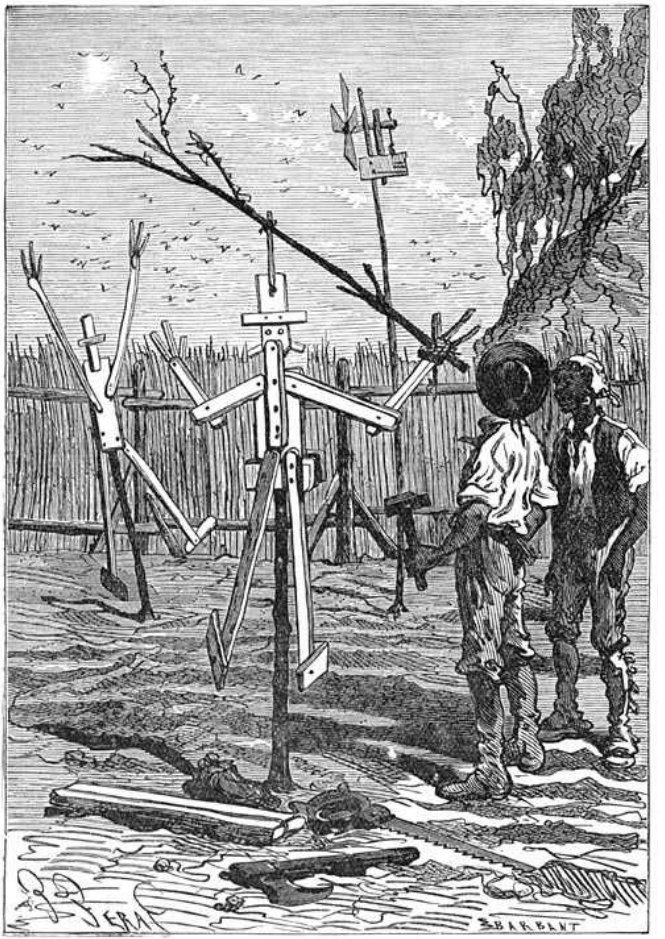
— И, кроме того, — прибавил Наб, — мы сможем распахать плато, пересадить туда дикие растения…

— …и подготовить второе хлебное поле! — с торжествующим видом вскричал моряк.

Дело в том, что первый посев хлеба, состоявший из одного-единственного зерна, благодаря заботам Пенкрофа дал отличный урожай. Как и

предполагал инженер, из одного зерна выросло десять колосьев, а в каждом колосе было по восьмидесяти зерен, так что колонисты оказались обладателями восьмисот зерен — и при этом в шесть месяцев, а это обещало два урожая в год.

Эти восемьсот зерен, за вычетом пятидесяти, которые были из осторожности припрятаны, решили посеять в новом поле, так же заботливо, как первое, единственное зерно.


BARBANT

Приготовив поле, его окружили высоким крепким острым забором, через который было бы нелегко перескочить. Что же касается птиц, то чтобы их отпугнуть, оказалось достаточно трещоток и страшных пугал, созданных с помощью богатой фантазии Пенкрофа. Семьсот пятьдесят зерен были посажены в маленькие правильные борозды; остальное должна была доделать природа. 21 ноября Сайрес Смит начертил план рва, который должен был оградить плато с запада, от южной оконечности озера Гранта до излучины реки Благодарности. В этом месте было два-три фута плодородной почвы, а ниже гранит. Поэтому пришлось снова заняться изготовлением нитроглицерина, и нитроглицерин произвел обычное действие. Меньше чем в две недели в твердом основании плато образовался овраг в двенадцать футов ширины и шесть глубины. Тем же способом была сделана новая пробоина в скалистом берегу озера; вода устремилась в это новое русло; маленький ручей, получивший название Глицеринового ручья, превратился в приток реки Благодарности. Как и предупреждал инженер, уровень озера понизился, но совершенно незначительно. Наконец, чтобы замкнуть преграду, русло прибрежного ручья было значительно

расширено; для задержания песка был построен двойной забор.

К середине декабря эти работы были совершенно закончены, и плато Дальнего Вида, то есть неправильный пятиугольник периметром примерно в четыре мили, окруженное поясом воды, оказалось в полной безопасности от нападения. В декабре стояла жестокая жара, однако колонисты не хотели прерывать осуществление своих планов: птичий двор становился все более необходимым, и было решено заняться его устройством.

Нечего и говорить, что, когда плато было окончательно загорожено, дядюшка Юп получил свободу. Он не покидал своих хозяев и не проявлял никакого желания убежать. Это было кроткое, но очень сильное и замечательно ловкое животное. Когда приходилось карабкаться на лестницу Гранитного Дворца, никто не отваживался состязаться с Юпом. Ему уже поручались некоторые работы: он таскал дрова и возил камни, поднятые со дна Глицеринового ручья. Это еще не каменщик, но уже хорошая «обезьяна», — шутливо говорил Герберт, намекая на прозвище, которое каменщики дают подмастерьям. Действительно, трудно было придумать более подходящее

прозвище.

Птичник раскинулся на юго-восточном берегу реки и занял площадь в двести квадратных ярдов. Его окружили забором и застроили помещениями для будущего населения. Это были хижины из ветвей, разделенные на клетушки, в которых не хватало теперь только жильцов.

Первыми обитателями птичьего двора были самец и самка тинаму, которые вскоре вывели множество птенцов. Вскоре к ним присоединились полдюжины уток, водившихся на берегу озера. Среди них было несколько китайских уток, у которых крылья раскрываются веером. По красоте и яркости оперения эти утки могут соперничать с золотистыми фазанами. Несколько дней спустя Герберт поймал пару птиц из отряда куриных, с круглыми длиннoперыми хвостами. Это были великолепные алекторы, которые очень быстро стали ручными. Что же касается пеликанов, зимородков, водяных курочек, то они сами пришли на птичий двор. Весь пернатый мир, наполнявший воздух кудахтаньем, писком и воркованьем, после первых неполадок удобно устроился в птичнике и начал интенсивно размножаться, так что пропитание колонистов можно было считать обеспеченным.

Чтобы завершить начатое дело, Сайрес Смит решил построить в углу птичника голубятню. Там поместили с десяток голубей, водящихся на высоких прибрежных скалах. Птицы быстро привыкли возвращаться по вечерам в свое новое жилище и проявили больше склонности к приручению, чем их родичи вяхири, которые к тому же плодятся только на воле.

Наконец пришло время использовать для пошивки белья оболочку аэростата. Сохранить ее в неприкосновенности, чтобы покинуть остров на воздушном шаре и совершить полет над безбрежным океаном, могли только люди, доведенные до последней крайности. Сайрес Смит, человек практический, даже и не подумал об этом. Итак, предстояло доставить оболочку в Гранитный Дворец, и колонисты принялись за работу, чтобы сделать свою тяжелую тачку более удобной и легкой. Но если повозка у них была, то двигатель предстояло еще придумать. Неужели на острове не было никакого жвачного животного, могущего заменить лошадь, осла, быка или корову? Это надо было выяснить.

— Какое-нибудь упряжное животное было бы нам очень полезно до того времени, пока мистер Сайрес не построит паровую тачку или локо-

мотив. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь у нас будет железная дорога от Гранитного Дворца до гавани Воздушного Шара с веткой на гору Франклина!

Славный моряк говорил все это с полным убеждением. Чего только не вообразишь, если есть вера!

Но, отбросив всякие преувеличения, нужно сказать, что простое упряжное животное вполне удовлетворило бы Пенкрофа. Как известно, провидение благоволило к нашему моряку и не заставило его долго ждать.

Однажды, 23 ноября, послышались крики Наба, которые Топ старался заглушить своим лаем. Колонисты, работавшие в Трубах, тотчас же прибежали, предполагая, что произошло какое-нибудь несчастье. Что же они увидели? Двух прекрасных животных, которые неосторожно забрели на плато, когда мостки были опущены. Эти животные, самец и самка, напоминали лошадей или больших ослов: красавцы, с изящным, тонким станом, буланой масти, с белыми ногами и хвостом, с черными полосами на шее, голове и туловище. Они спокойно шли, не проявляя ни малейшей тревоги, и живым взглядом смотрели на людей, которых не считали еще своими

хозяевами.

— Это онагги, — воскликнул Герберт, — четвероногие, занимающие среднее положение между зеброй и кваггой!

— А почему не назвать их ослами? — спросил Наб.

— Потому что они не такие длинноухие, и сложены они красивее.

— Ослы или лошади — безразлично! — воскликнул Пенкроф. — Они «двигатели», как сказал бы мистер Смит, и, следовательно, их нужно поймать.

Стараясь не испугать животных, моряк прополз по траве до мостика Глицеринового ручья и поднял его: онагги были в плену.

Следовало ли схватить их и насильно сделать домашними животными? Нет. Было решено несколько дней их не трогать и дать им бродить по плато, где было много травы. Инженер сейчас же распорядился построить возле птичника конюшню, где онагги могли найти мягкую подстилку и приют на ночь.

Итак, великолепные животные были оставлены на свободе, причем колонисты даже не подходили к ним, чтобы их не испугать. Несколько раз онагги как будто испытывали желание

покинуть плато, слишком тесное для этих животных, привыкших к обширным пространствам и дремучим лесам. Они ходили вдоль водной преграды, представлявшей для них непреодолимое препятствие, громко и резко ржали, прыгая в траве, потом, успокоившись, по целым часам стояли и смотрели на густой лес, теперь уже навсегда для них потерянный.

Между тем были приготовлены вожжи и сбруя из растительных волокон. Спустя несколько дней после поимки онагг повозку можно было уже запрягать; сквозь лес Дальнего Запада, от излучины реки до гавани Воздушного Шара, была даже проложена дорога, или, скорее, просека. По ней уже могла проехать повозка. К концу декабря онагги были в первый раз подвергнуты испытанию. Животные настолько привыкли к Пенкрофу, что ели у него из рук и позволяли к себе приблизиться, но, когда их запрягли, они встали на дыбы и их очень трудно было сдержать. Однако можно было ожидать, что они скоро привыкнут к новой работе: онагги гораздо послушнее, чем ослы, и их часто запрягают в горных областях Южной Африки; даже в Европе, в довольно холодных зонах, удавалось разводить этих животных.

В тот день все обитатели колонии, кроме Пенк-

рофа, который шел впереди животных, уселись в повозку и направились в гавань Воздушного Шара. Нечего и говорить, что едва намеченная дорога была довольно тряской, но все же повозка доехала благополучно, и оболочка вместе с прочими частями воздушного шара была погружена в тот же день.

В восемь часов вечера повозка снова переправилась через мост, спустилась по левому берегу реки, и остановилась перед Гранитным Дворцом. Онагг распрягли и отвели в конюшню. Ложась спать, Пенкроф так громко вздохнул от удовольствия, что во всех углах дворца откликнулось эхо.

ГЛАВА VIII

Белье. — Обувь из тюленьей кожи. — Изготовление пироксилина. — Различные семена. — Ловля рыбы. — Черепашьи яйца. — Дядюшка Юп делает успехи. — Король. — Охота на муфлонов. — Новые растительные и животные богатства. — Воспоминания о далекой родине.

Первая неделя января была посвящена пошивке белья, столь необходимого колонистам. Иголки, найденные в ящике, заработали в руках, если не ловких, то сильных, и то, что они шили, было выполнено на совесть.

В нитках тоже не было недостатка благодаря находчивости Сайреса Смита, который предложил использовать нитки, скрепляющие части оболочки аэростата. Гедеон Спилет и Герберт с изумительным терпением распороли длинные полосы материи. Пенкроф отказался от этой работы, чрезвычайно раздражавшей его, но зато, когда дело дошло до шитья, он оказался искуснее всех. Как известно, моряки отличаются большими способностями к портняжному ремеслу.

Полотно, из которого состояла оболочка, было затем обезжирено при помощи соды и поташа, добытых из растительной золы; благодаря этому полотно, с которого сняли лак, снова стало мягким и эластичным. Подвергнутое обесцвечивающему влиянию воздуха, оно совершенно побелело. Из полотна сшили несколько дюжин рубашек и носков — конечно, не вязаных, а матерчатых. С какой радостью колонисты оделись наконец в свежее белье — оно, правда, было очень грубо, но это их нисколько не беспокоило и улеглись на белые простыни! Теперь их кровати в Гранитном Дворце превратились в хорошие постели. Приблизительно в это же время была изготовлена обувь из тюленьей кожи, которая весьма удачно заменила сапоги и ботинки, привезенные из Америки. Можно с уверенностью сказать, что новая обувь была достаточно широка и длинна и не жала ноги при усиленной ходьбе. В первый месяц 1866 года было очень жарко, но охота в лесу все же не прекращалась. Агути и пеккари, дикие свиньи, кенгуру и другая дичь попадались в великом множестве, а Гедеон Спилет с Гербертом слишком хорошо стреляли, чтобы потратить даром хоть один выстрел.

Сайрес Смит постоянно советовал им беречь

патроны и принял меры, чтобы заменить порох и пули, найденные в ящике, которые он хотел сохранить на будущее время. Можно ли было наперед знать, куда забросит случай его самого и товарищей, если они покинут свои владения? Необходимо поэтому быть готовым ко всяким неожиданностям и беречь боевые припасы, заменяя их другими, легко добываемыми веществами.

Для замены олова, которого Сайрес Смит совершенно не обнаружил на острове, инженер воспользовался, без особого ущерба, дробленым железом. Изготовить его было легко. Зерна железа были легче дроби, поэтому каждое зерно должно было быть крупнее, а количество их на каждый заряд — меньше, но меткость выстрелов от этого не пострадала. Что же касается пороха, то Сайрес Смит мог бы изготовить его, так как имел в своем распоряжении селитру, серу и уголь. Но выделка пороха требует большого, тщательного труда, и, не имея специальных приборов, трудно получить продукт хорошего качества.

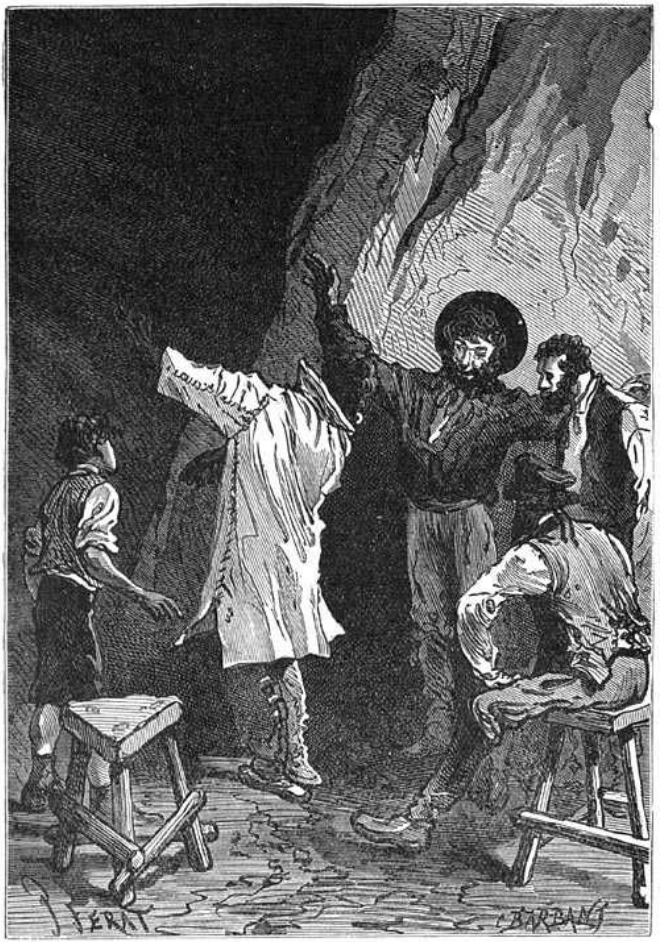
Поэтому Сайрес Смит предпочел изготовить пироксилин, то есть гремучую хлопчатую бумагу; хлопок не является для этого необходимым, так как входит в состав пироксилина только в виде

целлюлозы. Целлюлоза же представляет собой не что иное, как растительную клетчатку, и находится почти в чистом виде не только в хлопке, но и в льняном и конопляном волокне, в бумаге, в старых тряпках, в сердцевине бузины и т. п.

Итак, сердцевину бузины, то есть целлюлозу, оставалось только собрать. Единственное вещество, кроме целлюлозы, необходимое для изготовления пироксилина, — дымящаяся азотная кислота. Сайрес Смит имел в своем распоряжении серную кислоту и уже получал азотную кислоту, обрабатывая серной кислотой селитру, поставляемую ему самой природой.

Поэтому инженер решил приготовить пироксилин и пустить его в дело, хотя он и признавал за этим продуктом серьезные недостатки: неверность действия, легкую воспламеняемость, приводящие к порче оружия. С другой стороны, пироксилин имеет некоторые преимущества: он не портится от сырости, не пачкает дуло ружья и обладает вчетверо большей взрывчатой силой, чем порох. Чтобы изготовить пироксилин, достаточно на пятнадцать минут погрузить целлюлозу в дымящуюся азотную кислоту, хорошенько обмыть ее и высушить. Как видит читатель, это очень просто.

Сайрес Смит располагал лишь обыкновенной азотной кислотой, а не дымящейся, или моногидратной, — то есть такой, которая под действием влажного воздуха испускает беловатые пары. Но, заменив дымящуюся азотную кислоту обыкновенной азотной кислотой, смешанной в пропорции: три части на пять частей, с крепкой серной кислотой, он должен был получить тот же результат, и получил его. Обитатели острова, занимающиеся охотой, получили превосходно изготовленное взрывчатое вещество, которое при разумном употреблении давало блестящий эффект.


J. FÉRAT
BARBANT

Приблизительно в это же время колонисты расчистили три акра земли на плато Дальнего Вида; остальную территорию оставили под лугами в качестве пастбища для онагг. Было предпринято несколько походов в лес Якамара и лес Дальнего Запада, откуда принесли множество диких растений: шпинат, салат, хрен, репу. При умелом уходе эти растения должны были вскоре привиться на этой почве и внести некоторое разнообразие в вынужденный режим мясной пищи обитателей острова Линкольна. Наряду с этим из леса доставили на повозке значительное количество дров и угля. В результате каждой поездки улучшалась дорога, которая понемногу утрамбовалась колесами повозки.

Крольчатник по-прежнему поставлял на кухню Гранитного Дворца должное количество кроликов; так как он находился несколько дальше того места, где начинался Глицериновый ручей, то его обитатели не могли проникнуть на огражденное плато и нанести вред новым плантациям. Устричная отмель, расположенная у берега среди скал, ежедневно давала множество превосходных моллюсков. Улов рыбы как в озере, так и в реке сделался вскоре очень обильным. Пенкроф установил донные удочки с железными крюч-

ками, на которые часто попадались прекрасные форели, а также другая, очень вкусная рыба с серебристыми боками, в желтых пятнышках.

Наб, исполнявший обязанности повара, мог поэтому разнообразить меню обеда колонистов. Им недоставало только хлеба, и отсутствие его, как уже сказано, было для них очень чувствительно.

BARBANT

В то же время колонисты охотились на морских черепах, которые вылезали на побережье около мыса Челюстей. Берег был в этом месте весь покрыт бугорками, в которых находились совершенно круглые яйца с твердой белой скорлупой. Белок этих яиц отличается одной особенностью: в противоположность обыкновенному белку, он не свертывается. Лучи солнца заменяли для этих яиц наседку, число их было очень велико — ведь каждая черепаха может снести до двухсот пятидесяти яиц в год.

— Вот настоящее яичное поле, — заметил Гедеон Спилет. — Нам остается только их собирать.

Колонисты не удовлетворялись собиранием этого продукта и устраивали охоту за его производителями. В результате в Гранитный Дворец было доставлено около дюжины черепах, мясо которых очень ценно с кулинарной точки зрения. Черепаховый суп, приправленный благовонными травами, с добавлением раков, часто приносил заслуженные похвалы Набу, который прекрасно варил его. Следует также упомянуть здесь об одном счастливом обстоятельстве, позволившем пополнить запасы на зиму. В реку Благодарности стаями заплывала семга и поднималась вверх по течению на несколько миль. В

это время самки ищут удобных мест для нереста и плывут впереди самцов, поднимая страшный шум. В реку попало с тысячу штук рыб, каждая длиной до двух с половиной футов.

Стоило устроить одну-две запруды, и много семги оказалось в плену. Таким образом поймали несколько сот штук; их посолили и отложили в запас на зиму, когда река замерзнет и нельзя будет ловить рыбу.

Около этого времени сметливый Юп удостоился чести исполнять обязанности лакея. Его облачили в полотняную куртку, короткие штаны и передник с карманами, которые доставили Юпу массу удовольствия. Он засовывал туда руки и никому не позволял рыться у себя в карманах. Наб превосходно вышколил ловкого оранга, и, когда негр разговаривал с Юпом, можно было подумать, что они понимают друг друга. Юп питал к Набу искреннее расположение, а Наб отвечал ему взаимностью.

В те часы, когда Юп не был занят перевозкой дров или лазаньем по деревьям, он большей частью проводил время в кухне, старательно подражая Набу во всем, что тот ни делал.

Учитель проявлял большое терпение и усердно обучал своего воспитанника, а воспитанник был

очень понятлив и извлекал из уроков большую пользу.

Можно себе представить, какое удовольствие доставил дядюшка Юп колонистам, когда он неожиданно явился прислуживать к столу с салфеткой под мышкой! Ловкая, внимательная обезьяна прекрасно справилась со своими обязанностями: подносила блюда, разливала чай, сохраняя при этом полнейшую серьезность, когда все смеялись до упаду.

Пенкроф был прямо в восторге.

— Юп, еще супу!

— Юп, немного агути!

— Юп, тарелку!

— Браво, Юп! Молодец, Юп! — слышалось со всех сторон.

Юп, нисколько не смущаясь, все исполнял и за всем следил. Он даже покачал своей умной головой, когда Пенкроф повторил свою старую шутку:

— Видно, вам придется удвоить жалованье, Юп!

Незачем говорить, что оранг совершенно освоился в Гранитном Дворце. Он часто ходил в лес вместе с хозяевами, но ни разу не проявил желания убежать. Забавно было видеть, как он

расхаживал по лесу, положив на плечо вместо ружья тросточку, которую сделал для него Пенкроф; как быстро карабкался он на дерево, чтобы сорвать какой-нибудь плод. Если колеса повозки увязали в грязи, Юп одним мощным усилием умел их вытащить.

— Что за молодец! — восклицал Пенкроф. — Будь он так же зол, как добр, с ним трудно было бы справиться.

К концу января колонисты предприняли большие работы в центре острова. Было решено устроить у истоков Красного ручья, под самой горой Франклина, кораль[35] для жвачных животных, присутствие которых в Гранитном Дворце было бы стеснительно, и, в частности, для муфлонов — поставщиков шерсти, необходимой для изготовления зимней одежды.

Каждое утро население колонии, иногда все, а часто только Сайрес Смит, Герберт и Пенкроф, направлялось к истокам ручья. Благодаря помощи онагг это путешествие превращалось в легкую пятимильную прогулку по новопроложенной дороге, под зеленеющим сводом деревьев. Эта дорога получила название «Путь в кораль».

---

[35] Примечания: 35
Кораль — загон для скота.

На откосе южной вершины горы был выбран обширный участок. Это была луговина, поросшая деревьями; она расположилась у подножия горного склона, который замыкал ее с одной стороны. На луговине начинался маленький ручеек, который протекал по ней наискось и вливался в Красный ручей. Трава была свежая, возвышавшиеся кое-где деревья не мешали воздуху циркулировать. Достаточно было обнести луговину круглым забором, опирающимся концами на уступы горы и в меру высоким, чтобы через него не могли перепрыгнуть самые проворные животные. В таком загоне можно было бы держать с сотню голов рогатого скота муфлонов и диких коз, а также их будущее потомство.

Инженер очертил пределы кораля, и колонисты принялись рубить деревья, необходимые для постройки забора. При расчистке дороги уже пришлось вырубить известное количество стволов; их привезли на повозке и вытесали из них несколько сот кольев, которые были крепко вбиты в землю. В передней части забора оставили довольно обширный проход, замыкавшийся двустворчатыми воротами из толстых досок, укрепленных снаружи брусьями.

Постройка кораля потребовала не более од-

ного месяца. Кроме забора, Сайрес Смит возвел несколько больших дощатых сараев, в которых животные должны были найти убежище. Все эти сооружения пришлось строить очень основательно: муфлоны отличались большой силой; и на первых порах они могли оказаться довольно буйными. Заостренные сверху и прокаленные на огне колья были скреплены поперечными брусьями и болтами; дополнительные подпорки делали забор еще крепче.

По окончании кораля надо было произвести большую облаву у подножия горы Франклина, на лугу, где паслись жвачные животные. Облава состоялась 7 февраля, в прекрасный летний день, при участии всех колонистов. Онагги, уже довольно послушные (Гедеон Спилет и Герберт ездили на них, как на лошадях), оказались при этом очень полезными. Задача охотников состояла лишь в том, чтобы постепенно загнать коз и муфлонов, суживая вокруг них кольцо облавы. Сайрес Смит и Наб с Юпом встали в разных местах леса, а оба всадника и Топ скакали в районе полумили от кораля.

Муфлонов было в этой части острова очень много. Эти красивые животные величиной с лань, покрытые длинной сероватой шерстью,

походили на каменных баранов.

Ну и утомительный же это был день! Сколько беготни взад и вперед, сколько суетни, сколько криков! Из сотни муфлонов, окруженных облавой, более двух третей ускользнуло от загонщиков, но в конце концов штук тридцать муфлонов и десяток диких коз удалось подогнать к коралю, ворота которого, казалось, давали им возможность спасения, и запереть там.

В общем, охота оказалась удовлетворительной, и колонистам не приходилось жаловаться. Большинство муфлонов были самки, некоторые должны были скоро принести приплод. Можно было быть уверенным, что стадо разрастется и в колонии в недалеком будущем окажется достаточно шерсти и кожи.

В этот вечер охотники возвратились в Гранитный Дворец совершенно измученные. Тем не менее уже на следующий день они снова отправились в кораль. Пленники пытались опрокинуть забор, но неудачно, и вскоре несколько успокоились.

В течение февраля не случилось ни одного сколько-нибудь знаменательного события. Повседневная работа систематически продолжалась. Наряду с улучшением дороги в кораль и к гавани

Воздушного Шара колонисты начали прокладывать третью дорогу — от кораля к западному берегу. Все еще не исследованной оставалась та часть острова Линкольна, где росли большие леса, покрывающие Змеиный полуостров. В этих лесах водились дикие звери, и Гедеон Спилет твердо рассчитывал очистить владения от них.

До возвращения холодов колонисты усиленно ухаживали за дикими растениями, пересаженными из леса на плато Дальнего Вида. Возвращаясь с прогулки, Герберт неизменно приносил с собой какое-нибудь полезное растение; то образчики цикорных, из семян которых можно было выжать прекрасное масло, то обыкновенный щавель, ценный своими противоцынготными свойствами. Огород, хорошо содержавшийся, прекрасно политый и защищенный от птиц, был разделен на маленькие квадратики, на которых росли красный картофель, салат, щавель, хрен, репа. Земля на этом плоскогорье была необыкновенно плодородна, и можно было надеяться на хороший урожай.

В напитках разных сортов тоже не было недостатка, и если бы не отсутствие вина, самому привередливому человеку было бы не на что жаловаться. Вдобавок к чаю освего, добываемому из

двойчатых монард, и напитку из корней драцены Сайрес Смит сварил настоящее пиво. Он приготовил его из молодых побегов abies nigra: если их вскипятить и подвергнуть брожению, получается вкусный и чрезвычайно полезный напиток.

К концу лета на птичьем дворе появились пара красивых дроф вида «убара», украшенных своеобразной накидкой из перьев, дюжина широконосов с перепончатым придатком на обеих сторонах верхней челюсти и великолепные петухи. Словно гордясь своим черным оперением, гребешком и бородкой, они величаво расхаживали по берегу озера.

Вечером, по окончании работы, после жаркого дня, когда поднимался ветер с моря, колонисты любили отдыхать на краю плато, под навесом из ползучих растений, которые собственноручно посадил Наб. Они беседовали, делились друг с другом знаниями, строили планы. Грубоватый юмор Пенкрофа развлекал маленькое общество, и там постоянно царило полное согласие.

Часто вспоминали они свою родину. Как развивалась междоусобная война? Очевидно, она не могла особенно затянуться Ричмонд, наверное, быстро сдался генералу Гранту. Взятие столицы конфедератов было, очевидно, последним

эпизодом этой пагубной распри. Север, конечно, восторжествовал в борьбе за правое дело. О, как бы обрадовала обитателей острова Линкольна какая-нибудь газета! Уже одиннадцать месяцев они были отрезаны от остального мира. Еще немного, и наступит 24 марта — годовщина того дня, когда воздушный шар бросил их на этот неведомый берег. Тогда они были всего лишь страдальцами, потерпевшими крушение, и не знали даже, удастся ли им сохранить в борьбе со стихиями свою жизнь. Теперь же, благодаря знаниям их начальника и собственной сметке, они превратились в настоящих колонистов. Им посчастливилось обзавестись оружием, приборами и инструментами, использовать для своих нужд животных, растения и минералы то есть все три царства природы.

Да, они часто беседовали на эти темы и строили все новые и новые планы. Что касается Сайреса Смита, то он преимущественно молчал, слушая больше их, чем говорил сам. Иногда он улыбался на какое-нибудь замечание Герберта или забавную выходку Пенкрофа. Но всегда и всюду он размышлял о странных случайностях и загадочных событиях, тайну которых ему не удалось еще разгадать.

ГЛАВА IX

Ненастье. — Гидравлический, подъемник. — Изготовление оконного стекла и посуды. — Хлебное дерево — Частые поездки в кораль. — Стада увеличиваются. — Вопрос журналиста. — Точные координаты острова Линкольна. — Предложение Пенкрофа.

В первую неделю марта погода изменилась. В начале месяца было полнолуние и стояли сильные жары. Чувствовалось, что воздух пропитан электричеством, и можно было опасаться более или менее продолжительного периода гроз. И действительно, 2-го числа раздались яростные раскаты грома. Ветер дул с востока, и начавшийся град ударил прямо в фасад Гранитного Дворца; градины щелкали, как заряды картечи. Пришлось плотно запереть двери и ставни окон — иначе комнаты были бы залиты водой.

Наблюдая градины, которые иногда были величиной с голубиное яйцо, Пенкроф подумал, что его хлебному полю грозит серьезная опасность. Он немедленно побежал на поле, где уже поднимались зеленые головки колосьев. С помощью

куска парусины моряку удалось защитить свой урожай. Правда, его самого здорово побило, но он не жаловался. Ненастье продолжалось восемь дней. Все это время непрерывно грохотал гром. В перерыве между двумя грозами его раскаты слышались где-то далеко за пределами острова, потом он возвращался и гремел с новой яростью. Молнии прорезали небо. Они сожгли много деревьев, между прочим огромную сосну, росшую у озера на опушке леса. Два или три раза молния ударяла в берег, причем песок расплавился и превратился в стекловидную массу. Найдя эти фульгуриты[36], инженер решил, что будет нетрудно вставить в окна толстые и крепкие стекла, которым не страшен будет ни ветер, ни дождь, ни град.

[36] Примечания: 36

Фульгуриты «громовые стрелы» — песок, превращенный в стекло в виде небольших ветвистых трубочек толщиной в палец. Фульгуриты образуются в песках от сплавления песчинок вследствие удара молнии. Иногда фульгуриты появляются в мраморе, лаве и других горных породах на высоких скалах.

Не имея спешных работ вне дома, колонисты воспользовались дурной погодой, чтобы кое-чем заняться внутри Гранитного Дворца, обстановка

которого с каждым днем улучшалась и пополнялась. Инженер установил токарный станок и выточил несколько предметов, нужных для хозяйства и для одежды, — в частности пуговицы, отсутствие которых очень сильно ощущалось. Для ружей, содержащихся в исключительной чистоте, была устроена специальная стойка; этажерки и шкафы не оставляли желать лучшего. Колонисты неустанно пилили, строгали, подпиливали и точили. В течение всего периода дождей только и слышались скрип инструментов и жужжанье станка, которые отвечали раскатам грома. Дядюшка Юп не был забыт. Он занимал отдельную комнату возле главного склада — нечто вроде каюты с койкой, на которой была постлана мягкая постель, и чувствовал себя там превосходно.

— Этот молодец Юп никогда ничего не требует, никогда не дает глупых ответов, — часто повторял Пенкроф. — Какой это прекрасный слуга, Наб, какой слуга!

— Мой воспитанник! — говорил Наб. — Скоро он будет не хуже меня.

— Нет, лучше, — со смехом возражал моряк. Ведь ты, Наб, все-таки говоришь, а он — нет!

Излишне объяснять, что Юп теперь был вполне

в курсе своих обязанностей. Он выколачивал платье, поворачивал вертел, подавал к столу, складывал дрова и, к величайшему восхищению Пенкрофа, никогда не ложился спать, не укутав предварительно моряка одеялом.

Здоровье членов колонии, двуногих, двуруких, четвероногих и четвероруких, не оставляло желать лучшего. Благодаря жизни на воздухе, в здоровом климате умеренного пояса и усиленной работе головой и руками они могли не бояться никаких болезней.

И действительно, все чувствовали себя превосходно. Герберт за этот год вырос на два дюйма. Его внешность становилась все более мужественной, и он обещал сделаться мужчиной, одинаково совершенным в физическом и умственном отношении. Юноша пользовался всяким случаем, чтобы учиться. Он читал книги, найденные в ящике, и, помимо практических уроков, которые ему давала жизнь, находил в инженере и в журналисте прекрасных наставников в науках и языках; а те охотно делились с ним своими знаниями.

Инженеру очень хотелось передать Герберту все, что он знал, наставлять его и примером и словом. Герберт широко пользовался уроками

своего учителя.

«Если я умру, — думал Сайрес Смит, — именно он заменит меня».

Около 9 марта буря прекратилась, но небо было покрыто тучами в течение всего месяца. Атмосфера, возмущенная электрическими разрядами, не могла успокоиться, и почти все время шли дожди и стоял туман. Только три или четыре дня была ясная погода, благоприятная для всевозможных экскурсий.

В это время самка онагга родила детеныша, тоже женского пола, который пришелся очень кстати. Население кораля, в частности стадо муфлонов, тоже умножилось: в сараях уже блеяло несколько ягнят, что доставило Набу и Герберту большую радость. У каждого из них был свой любимец среди новорожденных. Была сделана попытка приручить пеккари, и она вполне удалась. Возле птичьего двора построили несколько сараев, в которых вскоре появились поросята, весьма склонные к накоплению жира, благодаря стараниям Наба. Дядюшка Юп, которому поручили носить им пищу, помои, кухонные объедки и т. п., добросовестно исполнял свое дело. Правда, иногда он шутил со своими маленькими пансионерами и таскал их за хвост, но делал это любя,

а не по злобе. Маленькие закрученные хвостики очень его забавляли, а ведь Юп по развитию напоминал ребенка.

В один из мартовских дней Пенкроф, разговаривая с Сайресом Смитом, напомнил ему об одном обещании, которое инженер еще не успел исполнить.

— Вы как-то говорили про аппарат, который избавит нас от нужды в длинных лестницах, мистер Сайрес, — сказал моряк. — Вы его когда-нибудь установите?

— Вы имеете в виду подъемник? — спросил инженер.

— Хотите, назовем его подъемником, — ответил моряк. — Дело не в названии, лишь бы он доставлял нас, не утомляя, в наше жилище.

— Ничего нет легче, Пенкроф. Но будет ли от этого польза?

— Конечно, мистер Сайрес. Теперь, когда у нас есть все необходимое, подумаем об удобствах. Для людей это будет, если хотите, и роскошь, но для вещей подъемник необходим. Не очень-то удобно карабкаться по длинной лестнице с тяжелым грузом на плечах.

— Ну что же, Пенкроф, мы попробуем удовлетворить вас.

— Но у вас же нет никакой машины?
— Мы ее построим.
— Паровую машину?
— Нет, водяную.

Действительно, инженер ведь имел в своем распоряжении естественную силу, чтобы управлять машиной; использовать эту силу не представляло большого труда. Для этого достаточно было увеличить выход воды через небольшой рукав озера, поставлявший воду в Гранитный Дворец. Отверстие в камнях и траве на верхнем конце водостока было расширено, и в коридоре образовался высокий водопад. Излишек воды уходил через внутренний колодец. Под водопадом инженер установил цилиндр с лопастями, который был соединен с колесом, обмотанным крепким канатом; к канату была привязана ивовая корзина. Посредством длинной веревки, доходившей до земли, позволявшей включать и выключать гидравлический мотор, можно было подняться в корзине до самых дверей Гранитного Дворца. 17 марта подъемник был первый раз пущен в ход, к всеобщему удовольствию. Отныне все тяжести: дрова, уголь, припасы, да и сами колонисты поднимались при помощи этой столь простой машины, заменявшей лестницу, о которой никто

не жалел. Нововведение особенно обрадовало Топа, который не обладал и не мог обладать проворством Юпа, чтобы карабкаться по ступенькам. Нередко он поднимался в Гранитный Дворец на спине Наба или самого орангутанга.

Около этого же времени Сайрес Смит попытался изготовить стекло. Для этого прежде всего требовалось приспособить к новым потребностям гончарную печь. Дело оказалось довольно трудным; но наконец, после нескольких неудачных попыток, удалось оборудовать маленький стеклянный цех. Гедеон Спилет и Герберт, настоящие помощники инженера, несколько дней не выходили оттуда.

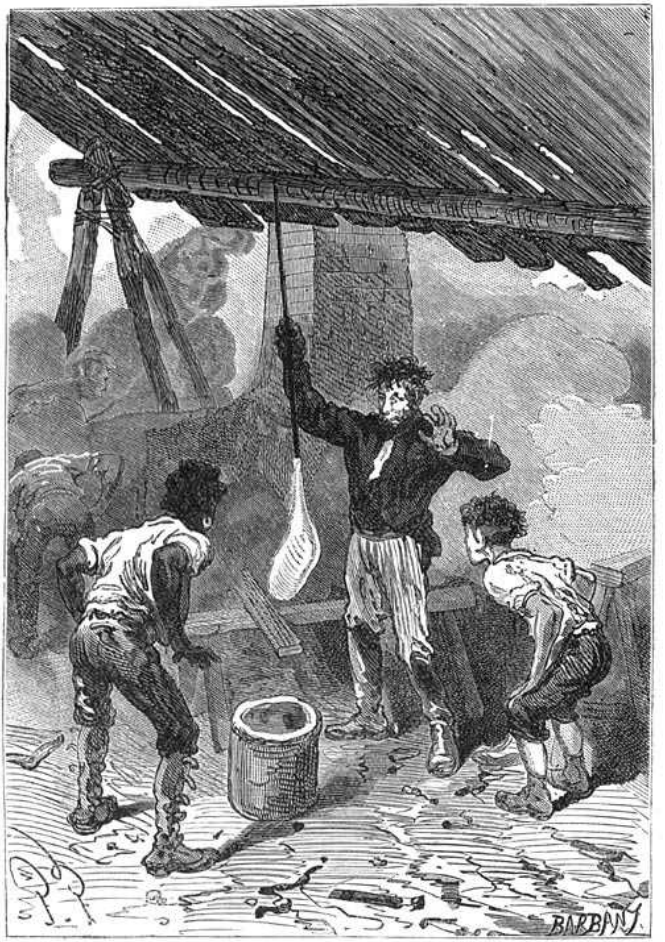
Что касается веществ, входящих в состав стекла, то это песок, мел и сода (углекислая или сернокислая). Песок можно было найти на берегу, мел добывался из известняка, сода — из водорослей, серная кислота — из железняка, а уголь для нагревания печи до нужной температуры — прямо из земли. Итак, Сайрес Смит имел в своем распоряжении все необходимое, чтобы действовать. Труднее всего оказалось изготовить «трость» стеклодува, то есть железную трубку в пять-шесть футов длиной, которой набирают расплавленную массу. Но Пенкроф сумел в конце

концов изготовить такую трость из длинной тонкой полосы железа, свернутой, как дуло ружья, и скоро она была готова к употреблению. 28 марта печь сильно раскалили. Массу, состоявшую из ста частей песка, тридцати пяти частей мела и сорока частей сернокислой соды, смешанной с двумя-тремя частями угольного порошка, наложили в тигли из огне упорной глины. Когда под влиянием жара она расплавилась до жидкого или, скорее, тестообразного состояния, Сайрес Смит «набрал» тростью некоторое количество этого теста и несколько раз повернул его на предварительно приготовленной железной пластинке, чтобы придать ему форму, удобную для дутья. Затем он передал трость Герберту и предложил ему подуть через другой конец.

— Так же, как выдувают мыльные пузыри? — спросил юноша.

— Совершенно так же, — ответил инженер. Герберт, надув щеки, начал с таким усердием дуть в трубку, не забывая все время ее поворачивать, что расширил дыханием стекловидную массу. К первой порции добавили еще массы, и вскоре образовался пузырь диаметром в один фут. Тогда Сайрес Смит взял у Герберта трубку и, заставляя ее качаться, как маятник, постепенно удлинил

расплавленный пузырь, придав ему форму конусообразного цилиндра.


BARBANT

В результате выдувания получился стеклянный цилиндр с двумя полукруглыми шишками на концах, которые легко было отделить с помощью острого куска железа, смоченного в холодной воде. Таким же способом цилиндр был разрезан вдоль, после чего его размягчили вторичным нагреванием, растянули на доске и выровняли скалкой. Первое стекло было готово. Достаточно было повторить эту операцию пятьдесят раз, чтобы получить пятьдесят стекол. Окна в Гранитном Дворце вскоре украсились прозрачными стеклами, быть может, не слишком белыми, но пропускавшими достаточно света.

Что же касается посуды — стаканов и бутылок, то приготовить их было уже пустяком. Их брали готовыми прямо со стеклодувной трости. Пенкроф тоже просил разрешения подуть; это доставляло ему большое удовольствие, но он дул с такой силой, что его изделия принимали самые забавные формы, вызывающие его восхищение.

Во время одной из экспедиций было открыто новое дерево, благодаря которому пищевые запасы колонистов пополнились еще больше.

Однажды Сайрес Смит и Герберт во время охоты углубились в лес Дальнего Запада, на левом берегу реки Благодарности. Юноша всегда зада-

вал инженеру множество вопросов, на которые тот с удовольствием отвечал. Но охота, как всякое земное дело, требует внимания, и охотника, который не проявляет достаточного усердия, ожидает неудача. Между тем Сайрес Смит не был охотником, а Герберт в этот день больше говорил о химии и физике. Поэтому множество кенгуру, диких свиней и агути, которых очень легко было уложить, избежали в этот день смерти от руки юноши. Становилось поздно, и наши охотники рисковали вернуться с пустыми руками, когда Герберт внезапно остановился и радостно вскричал:

— Мистер Сайрес, видите ли вы это дерево? Дерево, на которое он указывал, больше походило на куст, так как оно состояло из ствола, одетого губчатой корой, и листьев, усеянных маленькими прожилками.

— Что же это за дерево, похожее на маленькую пальму? — спросил Сайрес Смит.

— Это cucas revoluta; его изображение есть в нашем естественно-историческом словаре.

— Но я не вижу на этом дереве плодов.

— Их и нет, мистер Сайрес, — отвечал Герберт, — но зато в его стволе есть мука, которую природа поставляет нам в готовом виде.

— Так, значит, это хлебное дерево?

— Да, хлебное дерево.

— В таком случае, мой мальчик, это драгоценная находка, тем более что наш урожай еще не собран. За работу, и дай Бог, чтобы ты не ошибся!

Но Герберт не ошибся. Он разломил один из стеблей, который состоял из железистой ткани и мучнистой сердцевины, пронизанной волокнистыми связками, которые разделялись концентрическими кольцами из таких же волокон. Этот крахмал был пропитан слизистым соком. Он имел неприятный вкус, но его легко было удалить выжиманием.

Эта мучнистая масса представляла собой настоящую муку прекрасного качества и очень питательную.

Сайрес Смит и Герберт, тщательно изучив часть леса Дальнего Запада, где росли эти деревья, поставили опознавательные знаки и вернулись в Гранитный Дворец, где поделились своим открытием.

На следующий же день колонисты отправились на сбор Пенкроф, все более и более восторгавшийся островом, говорил инженеру:

— Мистер Сайрес, как вы думаете, существуют ли острова для потерпевших крушение?

— Что вы хотите этим сказать, Пенкроф?

— Я хочу сказать, — острова, которые созданы специально для того, чтобы около них было удобно терпеть крушение и чтобы бедняги вроде нас могли легко выйти из всякого затруднения.

— Возможно, что такие острова и существуют, — улыбаясь, сказал инженер.

— Это несомненно, сударь, — сказал Пенкроф — И еще более несомненно, что остров Линкольна один из таких островов.

Колонисты вернулись в Гранитный Дворец с большим запасом стеблей хлебного дерева. Инженер установил пресс для отжатия слизистого сока, пропитавшего крахмал, и получил порядочно муки, которая превратилась в руках Наба в пирожные и пудинги. Это был, правда, не настоящий пшеничный хлеб, но нечто очень похожее.

В этот период онагги, овцы и козы из кораля ежедневно давали молоко, необходимое колонии. Повозка, или, вернее сказать, легкая тележка, пришедшая ей на смену, совершала частые поездки в кораль. Когда наступала очередь Пенкрофа ехать, он брал с собой Юпа и заставлял его править. Юп умно справлялся со своими обязанностями, весело щелкая бичом.

Итак, все процветало в корале и в Гранитном

Дворце, и поистине колонистам не на что было жаловаться, кроме оторванности от родины. Они так привыкли к новой жизни и до такой степени освоились на острове, что не без сожаления покинули бы эту гостеприимную землю. И все-таки, если бы какое-нибудь судно неожиданно показалось в виду острова, колонисты стали бы ему сигнализировать, привлекая его внимание, и… уехали бы! Пока же они жили счастливой жизнью и скорее опасались, чем желали, чтобы какое-либо событие прервало ее.

Но кто может похвалиться тем, что он закрепил за собой счастье и может не бояться превратностей?

Как бы то ни было, остров Линкольна, на котором они жили уже больше года, часто служил темой их бесед, и однажды были произнесены слова, которые должны были иметь в будущем значительные последствия.

Было 1 апреля — пасхальное воскресенье. Сайрес Смит и его друзья решили ознаменовать праздник отдыхом. День был прекрасный, такой, какие бывают в октябре в Северном полушарии.

После обеда, к вечеру, все колонисты сидели под навесом на краю плато Дальнего Вида, наблюдая наступление сумерек. Разговор шел об

острове и его уединенном положении в Тихом океане. Гедеон Спилет сказал:

— Дорогой Сайрес, с тех пор как вы нашли в ящике секстант, приходилось ли вам заново определять местонахождение нашего острова?

— Нет, — ответил инженер.

— Быть может, следовало бы это сделать с помощью нового инструмента. Ведь он более совершенен, чем тот, которым вы пользовались.

— К чему это? — сказал Пенкроф. — Остров чувствует себя хорошо там, где он есть.

— Несомненно, — продолжал Гедеон Спилет, — но возможно, что несовершенство приборов повредило точности наблюдения, и если это легко проверить…

— Вы совершенно правы, дорогой Спилет, — ответил инженер.

— Я должен был произвести эту проверку раньше. Впрочем, если я даже и совершил ошибку, она не должна превысить пяти градусов широты или долготы.

— Кто знает… — продолжал журналист. — Быть может, мы находимся гораздо ближе, чем предполагаем, к обитаемой земле.

— Завтра мы это узнаем, — сказал Сайрес Смит. — Не будь я так занят и лишен досуга, это

было бы нам уже известно.

— Вот еще! — воскликнул Пенкроф. — Мистер Сайрес слишком хороший наблюдатель, чтобы ошибиться. Если только наш остров не сдвинулся с места, то он там, где его установил наш начальник.

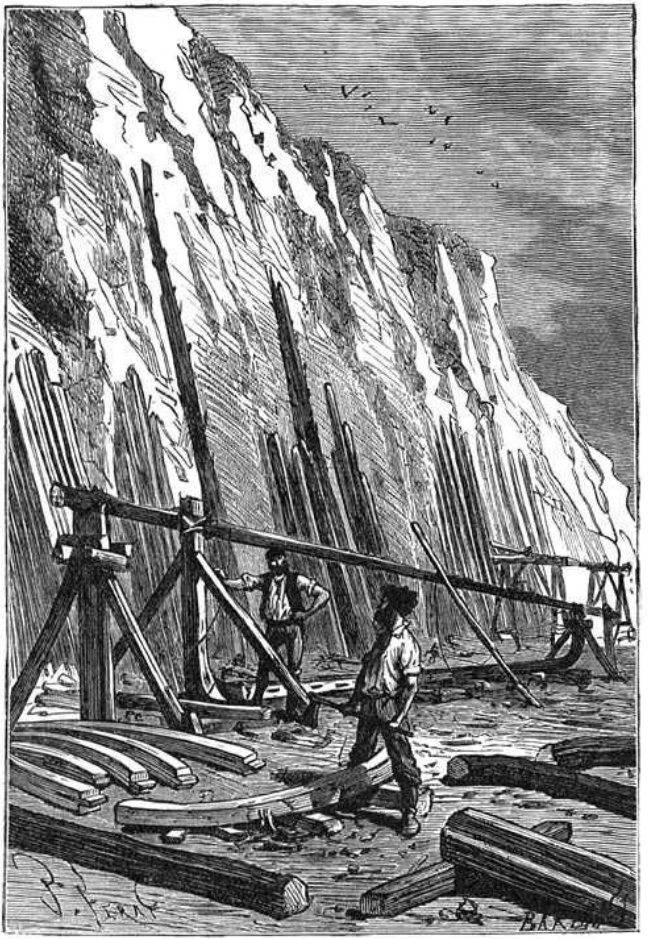
— Увидим…

На следующий день с помощью секстанта инженер произвел нужные наблюдения, чтобы проверить полученные прежде координаты. Вот каковы были результаты его вычислений. Согласно первым наблюдениям, остров Линкольна находился: между 150° и 155° западной долготы, между 30° и 35° южной широты. Второе наблюдение, совершенно точное, дало: 150°30' западной долготы, 34°57' южной широты.

Значит, несмотря на несовершенство своих приборов, Сайрес Смит так искусно произвел расчет, что погрешность не превышала 5°.

— Кроме секстанта, — сказал Гедеон Спилет, — у нас ведь есть еще и атлас. Посмотрим теперь, мой дорогой Сайрес, в каком месте Тихого океана находится остров Линкольна.

Герберт принес атлас, который, как мы уже знаем, был издан во Франции, а следовательно, имел надписи на французском языке.



Разложив карту Тихого океана, инженер с циркулем в руке собирался установить местонахождение острова. Вдруг он поднял циркуль и сказал:

— В этой части Тихого океана уже есть остров.

— Остров? — воскликнул Пенкроф.

— Это, наверно, наш остров, — сказал Гедеон Спилет.

— Нет, — продолжал Сайрес Смит, — его координаты 153° долготы и 37°11' широты. Иначе говоря, он находится на 2,5° западнее и на 2° южнее острова Линкольна.

— А что же это за остров? — спросил Герберт.

— Остров Табор.

— И большой остров?

— Нет, маленький островок, затерявшийся в Тихом океане. Быть может, никто никогда там не бывал.

— Ну, так мы побываем! — сказал Пенкроф.

— Мы?

— Да, мистер Сайрес Мы построим палубное судно, и я берусь управлять им. На каком мы расстоянии от этого острова Табор?

— Примерно в ста пятидесяти милях к северо-востоку, — ответил Сайрес Смит.

— Сто пятьдесят миль? Какие пустяки! — сказал

Пенкроф. При попутном ветре мы пройдем это расстояние в сорок восемь часов.

— Но к чему это? — спросил журналист.

— Почем знать! Там увидим!

Тут же решено было построить судно, с расчетом выйти в море в будущем октябре, когда вернется хорошая погода.

ГЛАВА X

Постройка судна. — Второй урожаи пшеницы. — Охота на куланов. — Новое растение, более приятное, чем полезное. — Кит в поле зрения. — Гарпун из Вайн-Ярда. — Потрошение кита. — Оригинальное употребление китового уса. — Конец чая. — Пенкрофу нечего больше желать.

Когда Пенкроф забивал себе голову какой-либо идеей, он не давал покою ни себе, ни другим, пока не осуществит своего желания. Итак, ему хотелось съездить на остров Табор, а так как для этого требовался довольно большой корабль, то такой корабль надо было построить. Вот какой план выработал инженер в полном согласии с Пенкрофом.

Судно в киле будет иметь тридцать пять футов длины и девять футов в поперечнике. Если подводная часть получится удачной, судно будет быстроходное. Оно должно сидеть в воде не глубже шести футов; такая осадка вполне достаточна, чтобы корабль не сносило течением. Палуба, по проекту, шла во всю длину судна и имела два

люка, которые вели в трюм, разделенный перегородкой на две каюты. По оснастке это был шлюп.

Какое дерево наиболее пригодно для постройки судна? Ясень или ель, которых так много на острове? Предпочтение было оказано ели. Правда, ель немного «щелиста», как говорят плотники, но зато она легко поддается обработке и так же, как ясень, не портится от воды.

Приняв этот план, колонисты решили, что так как хорошая погода установится не раньше, чем через полгода, то постройкой судна займутся только Сайрес Смит и Пенкроф. Гедеон Спилет с Гербертом будут по-прежнему охотиться, а Наб и его помощник дядюшка Юп останутся исполнять свои хозяйственные обязанности.

Тотчас же были выбраны подходящие деревья: их срубили, разделали, распилили на доски с искусством опытных пильщиков.

Спустя неделю в углублении между Трубами и стеной была устроена верфь, и на песке лежал киль в тридцать пять футов длиной с ахтерштевнем на корме и фор-штевнем на носу.

Сайрес Смит в этой новой работе действовал не вслепую. Он был столь же сведущ в кораблестроении, как почти во всем, и предварительно сделал чертеж судна на бумаге. Ему прекрасно помогал

Пенкроф, который несколько лет проработал на верфи в Бруклине и знал ремесло практически. Поэтому все было проделано после точных расчетов и долгих размышлений.

Пенкроф, как понятно всякому, весь горел желанием получше выполнить свое новое задание и не согласился бы бросить его ни на минуту.

Лишь для одного дела удалось вытащить моряка из верфи, да и то только на один день: для сбора нового урожая хлеба. Сбор был произведен 15 апреля и удался так же хорошо, как и в первый раз, дав ожидаемое количество зерна.

— Пять буасо[37], мистер Сайрес! — объявил Пенкроф, тщательно вымерив свое богатство.

— Пять буасо? — повторил инженер. — Если считать по сто тридцать тысяч зерен на буасо, это выходит шестьсот пятьдесят тысяч зерен.

— Ну, мы отложим немного про запас, а все остальное посеем, — сказал моряк.

— Хорошо, Пенкроф, и если следующий урожай будет столь же обилен, у нас останется четыре тысячи буасо.

— И мы поедим хлеба?

— Да, поедим.

---

[37] Примечания: 37

Буасо — старая мера сыпучих тел, около 13 литров.

— Но надо будет построить мельницу.

— Ну и построим.

Третье хлебное поле было гораздо обширнее двух первых, и тщательно подготовленная земля приняла драгоценный посев. Покончив с этим, Пенкроф вернулся к своей работе.

Между тем Гедеон Спилет с Гербертом охотились в окрестностях. Вооруженные карабинами, готовые ко всяким случайностям, они углубились далеко, в не исследованную еще часть леса Дальнего Запада. Это была непроходимая чаща великолепных деревьев, росших в такой тесноте, точно им не хватало места. Исследование этих зарослей представляло большие трудности, и журналист никогда не отправлялся в поход без карманного компаса: солнце едва пробивалось сквозь густую листву, и охотники могли заблудиться. Дичи в этих местах попадалось, разумеется, меньше, так как животным негде было развернуться. Но все же во второй половине апреля удалось убить двух крупных представителей травоядных. Это были куланы, которые уже встречались колонистам на берегу озера; они безрассудно дали себя убить среди ветвей деревьев, где пытались скрыться. Шкуры этих животных были принесены в Гранитный Дворец, и их выду-

били с помощью серной кислоты, после чего они стали годны к употреблению. Во время одной из этих экскурсий было сделано другое открытие, не менее ценное. Этим открытием колония была обязана Гедеону Спилету.

Было 30 апреля. Оба охотника углубились в юго-западную часть леса. Журналист, который шел шагах в пятидесяти впереди Герберта, вышел на просеку, где деревья росли не так часто, позволяя проникать солнечным лучам.

Гедеон Спилет вдруг почувствовал странный запах; он исходил от какого-то растения с прямым цилиндрическим ветвистым стеблем, украшенным цветами, расположенными в виде грозди, с очень маленькими семечками. Журналист сорвал несколько стеблей и вернулся к Герберту.

— Посмотри-ка, что это за растение? — сказал он юноше.

— А где вы его нашли, мистер Спилет?

— Вон на той полянке. Его там очень много.

— Знаете, мистер Спилет, эта находка даст вам все права на признательность Пенкрофа!

— Неужели это табак?

— Да, может быть, не первого сорта, но все-таки табак.

— Вот-то будет рад наш добрый Пенкроф! Но,

надеюсь, он не выкурит его весь и оставит нам хоть что-нибудь.

— Мне пришла в голову мысль, мистер Спилет, — сказал Герберт. — Давайте не будем ничего говорить Пенкрофу, пока не обработаем эти листья, и в один прекрасный день преподнесем ему набитую трубку.

— Хорошо, Герберт. В этот день нашему достойному другу не останется ничего желать на этом свете.

Журналист и юноша набрали порядочный запас драгоценного растения и вернулись в Гранитный Дворец. Они внесли свою «контрабанду» с такими предосторожностями, словно Пенкроф был самый строгий таможенный досмотрщик.

Сайрес Смит и Наб были посвящены в тайну, но моряк ни о чем не догадывался за все то довольно долгое время, которое потребовалось, чтобы высушить листья, размельчить их и немного прокалить на горячих камнях. Все это длилось месяца два, но Пенкроф не замечал манипуляций своих товарищей, так как был занят постройкой корабля и возвращался в Гранитный Дворец только для сна.

Но все же Пенкрофу волей-неволей пришлось еще раз оторваться от своей любимой работы. 1

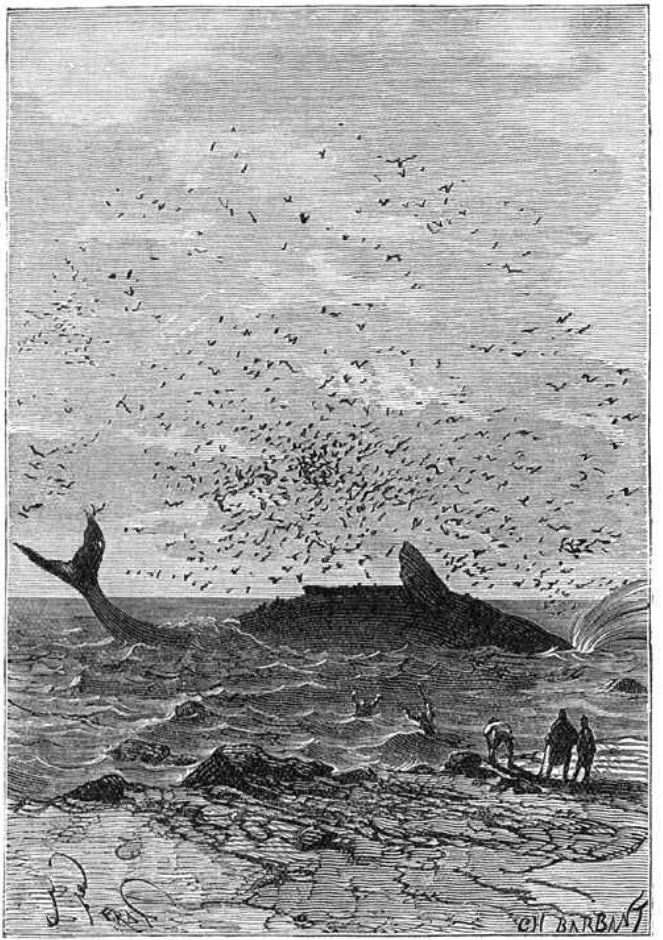
мая случилось событие, в котором участвовали все колонисты.

Уже несколько дней на море, в двух-трех милях от берега, можно было видеть какое-то громадное животное, плававшее в территориальных водах острова Линкольна. Это был огромных размеров кит, который, по-видимому, принадлежал к южному виду китов, называемых «кайскими».

— Вот хорошо бы было им завладеть! — говорил моряк. — Если бы у нас было подходящее судно и исправный гарпун, я бы сейчас же крикнул: «На кита!» Стоит потрудиться, чтобы его захватить.

— Я хотел бы посмотреть, как вы обращаетесь с гарпуном, Пенкроф, — сказал журналист. — Это, должно быть, интересно.

— Действительно, это очень интересное и не совсем безопасное занятие, — подтвердил инженер. Но раз у нас нет возможности захватить этого кита, не стоит о нем думать.


H. BARBANT

— Удивляюсь, как это кит мог заплыть в такие высокие широты, — сказал журналист.

— Отчего же нет, мистер Спилет? — ответил Герберт. — Мы находимся как раз в той части Тихого океана, которую английские и американские китоловы называют «Китовым полем». Именно здесь, между Южной Америкой и Новой Зеландией, чаще всего попадаются киты Южного полушария в большом количестве.

— Совершенно правильно, — поддержал Герберта Пенкроф. — Меня скорее удивляет то, что мы не видели китов раньше. Впрочем, если нам все равно не на чем к ним подойти, это не важно.

И Пенкроф вернулся к своей работе, правда, не без досады. В каждом моряке сидит рыболов, и если удовольствие от рыбной ловли стоит в прямом отношении к величине добычи, то можно себе представить, что чувствует китолов при виде кита.

И ведь дело не только в удовольствии. Нельзя было отрицать, что такая добыча была бы весьма полезной для колонистов: жир, китовый ус могли бы найти самое разнообразное применение.

По-видимому, киту не очень хотелось покидать воды острова. С плато Дальнего Вида либо из окон

Гранитного Дворца Герберт и Гедеон Спилет, когда они не были на охоте, а также Наб, находившийся в своей кухне, могли следить в подзорную трубу за каждым его движением. Кит далеко заплыл в обширную бухту Союза и бороздил ее, быстро двигаясь от мыса Челюстей до мыса Когтя, отталкиваясь своим могучим хвостовым плавником. Опираясь на него, он плавал с большой скоростью, достигавшей временами двенадцати миль в час. Иногда он так близко подплывал к острову, что был совершенно ясно виден. Это был действительно южный кит, черный и с головою более плоской, чем у северных китов.

Колонисты видели также, как он выбрасывает из ноздрей на большую высоту облака пара, а может быть, и воды, ибо, как это ни покажется странным, натуралисты-китоловы еще не сговорились на этот счет. Принято думать, что это пар, который внезапно сгущается под действием холодного воздуха и дождем падает вниз.

Присутствие морского млекопитающего занимало мысли колонистов. Оно особенно раздражало Пенкрофа и даже не давало ему работать. В конце концов, ему хотелось захватить этого кита, как ребенку хочется получить игрушку, которую ему не дают. По ночам он громко бредил

китом, и, будь у него возможность напасть на это животное, он, конечно, не раздумывая, бросился бы за ним в погоню. Но то, что не могли сделать колонисты, сделала для них судьба. 3 мая Наб, стоявший у окон кухни, громкими криками возвестил, что кита выбросило на берег острова.

Герберт и Гедеон Спилет, собиравшиеся идти на охоту, побросали ружья. Пенкроф выронил топор. Сайрес Смит с Набом присоединились к товарищам, и все быстро направились к тому месту, где лежал кит.

Кит оказался выброшенным во время прилива на сушу возле мыса Находки, в трех милях от Гранитного Дворца. Было очевидно, что ему нелегко будет вернуться в море. Во всяком случае, следовало поторопиться, чтобы, если понадобится, отрезать киту путь к отступлению. Все побежали, захватив с собой пики и рогатки, окованные железом, перешли реку по мосту, спустились по правому берегу и вышли на берег моря. Двадцать минут спустя колонисты стояли возле огромного животного, над которым уже летали стаи птиц.

— Какое чудовище! — вскричал Наб.

Это было верно сказано. На песке лежал южный кит длиной в восемьдесят футов, гигантский представитель своей породы, который должен

был весить не меньше ста пятидесяти тысяч фунтов. Чудовище, выброшенное на берег, не двигалось и не делало попыток вернуться в море, пока вода стояла еще высоко. Неподвижность его скоро объяснилась: когда с наступлением отлива колонисты обошли вокруг животного, они увидели, что оно мертво; в левом боку кита торчал гарпун.

— Значит, в наших краях бывают китоловы, — тотчас же сказал Гедеон Спилет.

— Почему вы так думаете? — спросил моряк.

— Но ведь гарпун все еще торчит в теле кита.

— Ну, это ничего не доказывает, мистер Спилет, — сказал Пенкроф. — Бывали случаи, что киты проплывали тысячи миль с гарпуном в теле, и, если этот кит был ранен в северной части Атлантического океана и приплыл умирать сюда, на юг Тихого океана, это ничуть не удивительно.

— Однако… — сказал Гедеон Спилет, не совсем удовлетворенный объяснением Пенкрофа.

— Все это вполне возможно, — сказал Сайрес Смит. — Но следует осмотреть гарпун. Быть может, китоловы вырезали на нем название своего судна. Это довольно распространенный обычай.

И действительно, Пенкроф, вырвав гарпун из тела кита, прочитал следующую надпись: Мария

Стелла Вайн-Ярд[38].

— Корабль из Вайн-Ярда! «Мария Стелла» — прекрасное китоловное судно, которое я хорошо знаю. Друзья мои, корабль из Вайн-Ярда, китоловное судно из Вайн-Ярда!

Моряк, потрясая гарпуном, с волнением повторял это название, столь близкое его сердцу, название гавани в его родной стране.

И так как трудно было предположить, что «Мария Стелла» когда-нибудь потребует кита, убитого ее гарпуном, колонисты решили его выпотрошить, пока он не начал разлагаться. Хищные птицы, которые уже несколько дней дожидались богатой добычи, хотели безотлагательно вступить во владение ею, так что их пришлось распугать ружейными выстрелами.

Кит оказался самкой: из ее сосков выдоили много молока, которое, по мнению некоторых натуралистов, может сойти за коровье. Действительно, китовое молоко не отличается от коровьего ни вкусом, ни цветом.

Пенкроф когда-то служил на китоловном судне и мог руководить потрошением. Эта не совсем приятная операция продолжалась три дня, и ни

---

[38] Примечания: 38
Вайн-Ярд — порт в штате Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки.

один из колонистов не пытался уклониться от участия в ней — даже Гедеон Спилет, который, по словам моряка, в конце концов прекрасно освоился с ролью потерпевшего крушение.

Китовый жир сначала нарезали ломтями в два с половиной фута толщины, затем разделили на куски по тысяче фунтов в каждом и вытопили в специально принесенной посуде тут же на месте. Колонистам не хотелось разводить зловоние вблизи плато Дальнего Вида.

После топки вес жира уменьшился примерно на одну треть. Но все же его было достаточно: из одного языка получилось около шести тысяч фунтов, а из верхней губы четыре тысячи. Кроме жира, который должен был дать неисчерпаемые запасы стеарина и глицерина, был еще китовый ус. Для него тоже, несомненно, предстояло найти употребление, хотя в Гранитном Дворце не носили ни зонтиков, ни корсетов. В верхней челюсти кита справа и слева торчало восемьсот очень гибких острых роговых лезвий; они были волокнистого строения и заострены на концах, словно большие гребни; шестифутовые зубцы их задерживают тысячи маленьких животных, рыбок и моллюсков, служащих пищей для кита.

Наконец потрошение, к великому удоволь-

ствию потрошителей, было закончено. Остатки туши предоставили птицам, которые должны были склевать ее без остатка. Колонисты вернулись к повседневной работе.

Однако, прежде чем возвратиться на верфь, Сайрес Смит решил изготовить приборы, которые возбудили живейшее любопытство его товарищей. Он взял дюжину пластин китового уса, разрезал их на шесть равных частей и заострил на конце.

— А это для чего нужно, мистер Сайрес? — спросил Герберт, когда инженер кончил свое дело.

— Для того, чтобы убивать волков, лисиц и даже ягуаров, — ответил Сайрес Смит.

— Теперь?

— Нет, зимой, когда у нас будет лед.

— Я не понимаю… — сказал Герберт.

— Ты сейчас поймешь, мой мальчик, — ответил инженер. Этот прибор придумал не я. Им часто пользуются охотники-алеуты на Аляске. Вот перед вами пластины китового уса, друзья мои. Когда наступят морозы, я их согну и буду поливать водой до тех пор, пока они не покроются слоем льда, который не позволит им разогнуться; потом я их разбросаю на снегу, но сначала обмажу жиром. Что же произойдет, если какой-нибудь

голодный зверь проглотит такую приманку? От теплоты лед растает у него в желудке, китовый ус распрямится и проткнет ему внутренности острыми концами.

— Вот здорово придумано! — сказал Пенкроф.

— Это сэкономит порох и пули, — добавил Сайрес Смит.

— Это еще лучше, чем ловушки, — заметил Наб.

— Так, значит, до зимы?

— До зимы.

Между тем постройка корабля подвигалась вперед. К концу месяца он уже был наполовину обшит досками. Судя по его форме, можно было предсказать, что он вполне будет годиться для путешествия по морю.

Пенкроф работал с замечательным усердием, и только его сильная натура могла устоять при таком напряжении. Друзья украдкой готовили ему награду за все его труды. 31 мая моряку пришлось испытать величайшую радость в своей жизни.

В этот день, после обеда, Пенкроф, собираясь подняться из-за стола, почувствовал чью-то руку на своем плече. Это была рука Гедеона Спилета.

— Одну минуту, мистер Пенкроф, — сказал журналист. — Это не годится. Вы забыли про десерт.

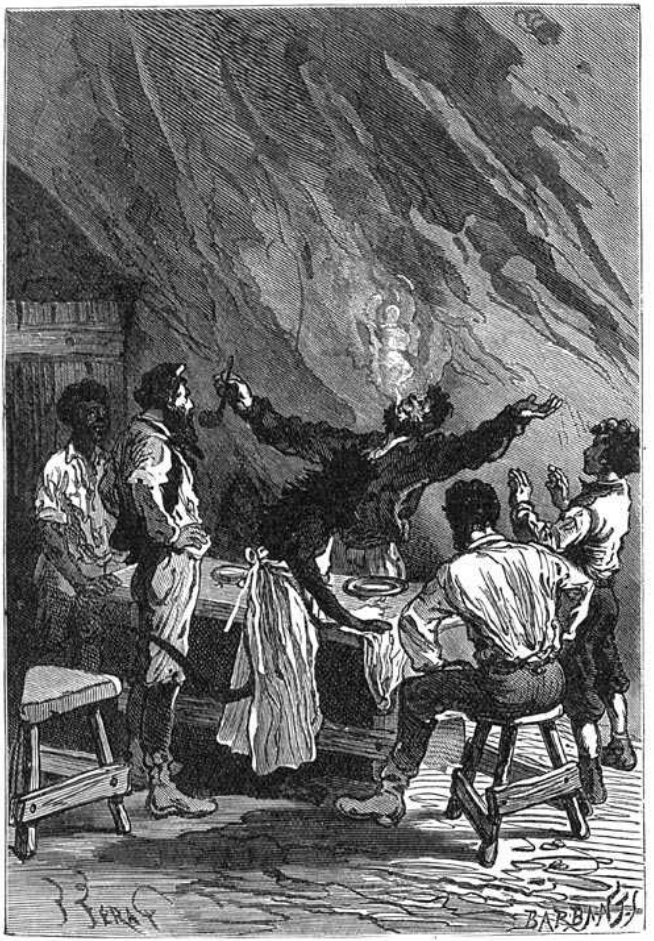
— Спасибо, мистер Спилет, — ответил моряк. — Я иду работать.

— Выпейте хоть чашечку кофе.

— Тоже не хочется.

— Ну, а трубочку?

Пенкроф поднялся с места и даже побледнел, когда журналист протянул ему набитую трубку, а Герберт — горячий уголек.



Моряк хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова; схватив трубку, он поднес ее к губам, зажег и подряд пять или шесть раз затянулся. Синеватое облако ароматного дыма окутало лицо моряка. Сквозь дым послышались полные восторга слова:

— Табак! Настоящий табак!

— Да, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — и притом превосходный.

— О! — вскричал моряк. — Теперь уж все есть на нашем острове!

И он продолжал выпускать один клуб дыма за другим:

— Но кто же сделал это открытие? — спросил он наконец. — Наверное, ты, Герберт?

— Нет, Пенкроф, это мистер Спилет.

— Мистер Спилет! — вскричал моряк, прижимая к своей груди журналиста, которому никогда не приходилось попадать в столь могучие объятия.

— Уф, Пенкроф! — сказал Гедеон Спилет, когда ему наконец удалось перевести дух. — Часть вашей признательности принадлежит Герберту, который определил это растение, Сайресу, который его приготовил, и Набу, которому стоило большого труда не разболтать наш секрет.

— Ну, друзья мои, когда-нибудь я вас отблагодарю! — воскликнул моряк. — Теперь я ваш до конца жизни.

ГЛАВА XI

Зима. — Валяние шерсти. — Мельница. — Навязчивая идея Пенкрофа. — Китовый ус. — Для чего может пригодиться альбатрос. — Топливо будущего. — Топ и Юга. — Ураганы. — Опустошения на птичьем дворе. — Экскурсия на болото. — Сайрес Смит остается один. — Исследование колодца.

Между тем наступила зима в июне месяце, соответствующем декабрю в северных широтах. Основной заботой стало изготовление крепкой теплой одежды.

Муфлонов из кораля остригли, и оставалось превратить шерсть, этот ценный текстильный материал, в материю. Нечего и говорить, что Сайрес Смит, не имевший в своем распоряжении машины для чесания, трепания и сучения шерсти, а также для прядения и тканья, должен был придумать более простой способ, позволяющий обойтись без тканья и прядения. И действительно, он предполагал попросту использовать особенность шерсти, которая путается, если ее жмут со всех сторон, и превращается в материал,

называемый войлоком. Войлок можно было получить обыкновенным валянием; эта операция, правда, делает материал менее легким, но зато и менее теплопроводным. Шерсть муфлонов как раз состояла из коротких шерстинок, что благоприятствовало валянию. Инженер, которому помогали его товарищи, и Пенкроф в том числе: ему снова пришлось бросить свой корабль, — приступил к предварительным действиям, имеющим целью освободить шерсть от пропитывающего ее маслянистого жирного вещества, называемого «жировым выпотом». Обезжиривание производилось в чанах, полных воды температурой в 70 градусов, в которых шерсть вымачивали круглые сутки. Затем ее основательно промыли в содовой ванне и высушили отжиманием. После этого шерсть можно было свалять, то есть сделать из нее сукно — правда, довольно грубоватое; едва ли оно имело бы цену в каком-нибудь промышленном центре Европы или Америки, но на острове Линкольна приходилось очень дорожить им.

Понятно, что такого рода материя должна была быть известна в самые отдаленные эпохи; и, на самом деле, первые шерстяные материи были изготовлены именно тем способом, который собирался применить Сайрес Смит.

Специальные знания инженера особенно помогли ему при постройке машины для валяния шерсти. Он сумел искусно применить не использованную до сих пор механическую силу прибрежного водопада, чтобы привести в движение валяльную мельницу.

Это было нечто совершенно первобытное: бревно, снабженное как бы пальцами, которые поочередно поднимали и опускали вертикальные трамбовки; чаны, в которых лежала шерсть и куда опускались эти трамбовки, и, наконец, крепкий деревянный остов, который охватывал и скреплял всю систему. Такова была эта машина, и такою была она в течение веков, до тех пор, пока человеку не пришла мысль заменить трамбовки компрессорными цилиндрами и, вместо того чтобы шерсть бить, подвергнуть ее прокатке.

Операция, умело руководимая Сайресом Смитом, удалась на славу. Шерсть, предварительно пропитанная мыльным раствором (он должен был, с одной стороны, содействовать скольжению, сближению, сжатию и размягчению шерстинок, а с другой стороны, препятствовать ее порче от трамбования), вышла из мельницы в виде толстого слоя войлока. Благодаря бороз-

дам и неровностям, которыми они от природы покрыты, шерстинки плотно сцепились и перепутались так, что образовался материал, одинаково подходящий для пошивки одежды и одеял. Это, конечно, был не меринос, не муслин, не шотландский кашемир, не штоф, не репс, не атлас, не сукно и не фланель. Это был «линкольнский войлок». И отныне остров Линкольна ввел у себя новую отрасль промышленности.

Итак, колонисты получили теплую одежду и толстые одеяла и могли без страха ожидать наступления зимы 1866/67 года.

Настоящие холода впервые начались около 20 июня, и Пенкрофу, к большому его огорчению, пришлось временно прервать постройку корабля, которая, впрочем, к весне должна была обязательно закончиться.

Моряком овладела навязчивая идея совершить разведывательную поездку на остров Табор. Сайрес Смит не одобрял этого путешествия, вызванного исключительно любопытством. Ведь на этой пустынной и почти бесплодной скале, очевидно, нельзя было найти никакой помощи. Пройти сто пятьдесят миль на относительно небольшом судне, в незнакомых водах мысль об этом не могла не вызвать у него некоторых опасе-

ний. А вдруг их корабль, выйдя в море, окажется не в состоянии достигнуть Табора и не сможет вернуться на остров Линкольна? Что тогда будет с ними среди Тихого океана, полного опасностей?

Сайрес Смит часто беседовал об этом плане с Пенкрофом, причем моряке непонятным упорством настаивал на этой поездке упорством, в причинах которого он, может быть, и сам недостаточно разбирался.

— Я должен вам заметить, мой друг, — сказал ему как-то инженер. — После того, что вы так много хорошего говорите об острове Линкольна и столько раз заявляли, что вам будет жаль его оставить, вы первый хотите покинуть его.

— Но ведь уедем всего на несколько дней, мистер Сайрес, — отвечал Пенкроф. — Мы только съездим туда и назад и посмотрим, что это за остров.

— Он ведь не может сравняться с островом Линкольна?

— Я заранее в этом уверен.

— Зачем же тогда рисковать?

— Чтобы узнать, что там происходит.

— Но там ничего не происходит, там ничего не может происходить!

— Как знать…

— А если вас застигнет буря?

— В летнее время этого не следует опасаться, — ответил Пенкроф. — Но так как надо все предвидеть, мистер Сайрес, я попрошу у вас позволения взять в путешествие только одного Герберта.

— Пенкроф, — сказал инженер, положив руку на плечо моряка, — знаете ли вы, что мы никогда не утешимся, если что-нибудь случится с вами и с этим юношей, который волей судьбы стал нашим сыном?

— Мистер Сайрес, — ответил Пенкроф тоном глубокого убеждения, — мы не причиним вам такого горя!

— Впрочем, мы еще поговорим об этом путешествии, когда придет время его осуществить. К тому же я представляю себе, что когда вы увидите наш корабль со всеми снастями и парусами, когда вы убедитесь, как хорошо он держится на воде, когда мы обойдем вокруг острова (а мы поплывем все вместе), — то я уверен, вы без колебаний отпустите меня. Не хочу скрывать от вас, что ваш корабль будет верхом совершенства!

— Говорите, по крайней мере, «наш» корабль, Пенкроф, — сказал инженер, на время обезоруженный словами моряка.

На этом их разговор прервался, чтобы возобновиться в будущем. Ни Пенкрофу, ни инженеру не удалось убедить друг друга.

Первый снег выпал в конце июня. Еще до этого времени кораль был снабжен всем необходимым и посещать его ежедневно не было надобности. Но колонисты решили бывать там не реже одного раза в неделю.

Снова поставлены были ловушки, и колонисты произвели испытание приборов, изготовленных инженером. Согнутые пластины китового уса, скованные ледяным обручем и покрытые толстым слоем жира, были разбросаны на опушке леса, где проходили стада животных, направляясь к озеру.

К большому удовлетворению инженера, изобретение алеутских рыбаков оказалось весьма удачным. На приманку попались штук двенадцать лисиц, несколько диких кабанов и даже один ягуар; этих животных нашли мертвыми, с желудками, проткнутыми концами китового уса.

К этому времени относится один опыт, о котором здесь следует упомянуть. Это была первая попытка колонистов установить связь со своими ближними.

Гедеон Спилет уже неоднократно думал о том, что следует бросить в море письмо, закупоренное в бутылку, которую, быть может, отнесет течением к населенному берегу, или доверить его голубю. Но можно ли серьезно надеяться, что голубь или бутылка перенесутся через тысячу двести миль, отделяющих остров от материка? Конечно, нет!

Но 30 июня охотники не без труда поймали альбатроса, которого Герберт слегка ранил в ногу выстрелом из ружья. Это была великолепная птица из семейства парусников, у которой ширина крыльев равна десяти футам и которые могут перелетать даже такие обширные водные пространства, как Тихий океан.

Герберту очень хотелось оставить этого великолепного альбатроса, рана которого быстро затянулась. Он намеревался его приручить, но Гедеон Спилет решил, что нельзя пренебрегать возможностью вступить в переписку с населенными землями, расположенными в Тихом океане, при помощи этого курьера. Герберту пришлось сдаться — ведь если альбатрос прилетел из какой-нибудь обитаемой страны, то, получив свободу, он не замедлит туда вернуться.

Быть может, Гедеон Спилет, в котором время

от времени пробуждался журналист, в глубине души мечтал о попытке послать на всякий случай увлекательную статью о приключениях колонистов острова Линкольна. Какой успех для постоянного корреспондента «Нью-Йорк Геральд» и для того номера, где появится статья, если только она когда-нибудь дойдет до издателя газеты, Джона Беннета!

Итак, Гедеон Спилет написал краткую заметку, которую положили в мешочек из толстой прорезиненной парусины, сопроводив ее настоятельной просьбой ко всякому, кто найдет мешочек, доставить заметку в редакцию «Нью-Йорк Геральд». Мешочек привязали не к ноге альбатроса, а на шею, так как эти птицы имеют обыкновение садиться на воду. Затем быстрому воздушному гонцу возвратили свободу, и колонисты не без волнения смотрели, как он постепенно исчезал в тумане.

— Куда-то он полетел! — сказал Пенкроф.

— К Новой Зеландии, — ответил Герберт.

— Счастливого пути! — вскричал моряк, который, со своей стороны, не ожидал больших результатов от этого способа переписки.

С наступлением зимы возобновились работы в Гранитном Дворце — починка одежды и различ-

ные поделки; между прочим, начали сшивать паруса корабля, выкроенные из неисчерпаемой оболочки аэростата.

В июле стояли сильные холода, но колонисты не жалели ни дров, ни угля. Сайрес Смит установил в большом зале второй камин, и около него обитатели дворца проводили долгие вечера. Они беседовали работая, часы отдыха заполняли чтением, и время проходило с пользой для всех.

Колонисты испытывали истинное наслаждение, когда, сидя в этом зале, ярко освещенном свечами и согретом каменным углем, подкрепленные вкусным обедом, попивая дымящийся бузинный кофе и пуская из трубок клубы благовонного дыма, они прислушивались к завыванию бури. Они могли бы быть вполне счастливы, если бы существовало полное счастье для людей, ото-

рванных от своих ближних и лишенных всякой связи с ними. Они постоянно говорили о Большой земле, о друзьях, оставленных там. Сайрес Смит, который был в Североамериканском союзе большим политическим деятелем, рассказывал своим друзьям много интересного и делился с ними своими мнениями и прогнозами.

Однажды Гедеон Спилет задал ему такой вопрос:

— Но, в конце концов, дорогой Сайрес, промышленность и торговля, которым вы предсказываете постоянный прогресс, разве не существует опасности для них, что их развитие рано или поздно остановится?

— Остановится? Но почему?

— Из-за недостатка угля, который по справедливости следует считать самым ценным ископаемым.

— Действительно, это самый ценный минерал, — сказал инженер. — Можно подумать, что природа решила подтвердить это, создав из угля алмаз, который представляет собой не что иное, как чистый кристаллизованный углерод.

— Не хотите ли вы этим сказать, мистер Сайрес, — вмешался Пенкроф, — что мы когда-нибудь будем жечь в топках алмазы вместо угля?

— Нет, мой друг, — ответил инженер.

— Но все-таки, — продолжал Гедеон Спилет, — вы ведь не отрицаете, что наступит день, когда весь уголь будет сожжен?

— О, залежи каменного угля еще очень значительны, и сто тысяч рабочих, которые добывают из недр земли сто миллионов квинталов[39] угля в год, далеко не исчерпали его запаса.

— При возрастающем потреблении каменного угля, — ответил Гедеон Спилет, — нетрудно предвидеть, что эти сто тысяч рабочих превратятся в двести и добыча угля удвоится.

— Это верно, но вслед за европейскими запасами, которые вскоре можно будет использовать на большей глубине при помощи новых машин, залежи каменного угля в Америке и Австралии будут еще долго снабжать промышленность.

— На сколько же времени их хватит? — спросил журналист.

— По крайней мере, на двести пятьдесят или триста лет.

— Это успокоительно для нас, — сказал Пенкроф. — Но зато для наших внуков беспокойнее.

— Найдут что-нибудь другое, — сказал Герберт.

---

[39] Примечания: 39
Квинтал равен центнеру.

— Будем надеяться на это, — сказал журналист. — Ведь без угля остановятся машины, а без машин не будет ни пароходов, ни железных дорог, ни заводов, и прогресс человечества остановится.

— Но что же можно найти? — спросил Пенкроф — Вы это себе представляете, мистер Сайрес?

— Приблизительно да, мой друг.

— Что же будут сжигать вместо угля?

— Воду, — ответил Сайрес Смит.

— Воду!? — вскричал Пенкроф. — Водой будут топить котлы пароходов и паровозов!? Водой станут кипятить воду!?

— Да, но водой, разложенной на свои составные элементы, и разложенной, несомненно, при помощи электричества, которое к тому времени превратится в мощную и легко используемую силу. Ведь все великие открытия, по какому-то непонятному закону, совпадают и дополняют друг друга. Да, друзья мои, я думаю, что воду когда-нибудь будут употреблять как топливо, что водород и кислород, которые входят в ее состав, будут использованы вместе или поодиночке и явятся неисчерпаемым источником света и тепла, значительно более интенсивным, чем уголь. Придет день, когда котлы паровозов, пароходов и

тендеры локомотивов будут вместо угля нагружены сжатыми газами, и они станут гореть в топках с огромной энергией. Итак, нам нечего опасаться. Пока на Земле живут люди, они будут обеспечены всем, и им не придется терпеть недостатка в свете, тепле и продуктах животного, растительного или минерального царства. Повторяю, я думаю, что, когда истощатся залежи каменного угля, человечество будет отапливаться и греться водой. Вода — уголь будущего.

— Хотел бы я посмотреть, как это будет, — сказал моряк.

— Ты для этого слишком рано встал с постели, Пенкроф, — сказал Наб; эти слова Наб произнес впервые за все время разговора.

Однако беседа закончилась не словами Наба, а лаем Топа, в котором снова послышались странные нотки, уже обратившие на себя внимание инженера. В это время Топ бегал вокруг отверстия колодца, находившегося в конце внутреннего коридора.

— Что это Топ так лает? — спросил Пенкроф.

— А Юп рычит, — добавил Герберт.

Действительно, обезьяна присоединилась к собаке, выказывая несомненные признаки волнения. И странно: животные казались скорее

встревоженными, чем раздраженными.

— Нет сомнения, — сказал Гедеон Спилет, — что этот колодец непосредственно сообщается с морем и что какое-то морское животное время от времени приплывает сюда, чтобы отдохнуть.

— Это действительно так, — сказал Пенкроф, — и другого объяснения тут нет. Замолчи, Топ! — добавил Пенкроф, обращаясь к собаке. А ты, Юп, ступай в свою комнату.

Собака и обезьяна умолкли. Юп вернулся на постель, но Топ остался и весь вечер глухо ворчал.

Никто больше не говорил об этом событии, но инженер был мрачен.

В остальные дни июля дожди сменились морозами. Температура падала не так, как в прошлую зиму, и термометр ни разу не показал ниже 13 градусов (по Цельсию). Но, хотя зима была теплее, чаще случались бури и ураганы. Море иногда набрасывалось на берег, и Трубы подвергались большой опасности. Можно было думать, что какие-то подводные приливы вздымают чудовищные волны и бросают их на стены Гранитного Дворца. Колонисты, стоя у окна, смотрели на огромные массы воды, разбивавшиеся перед ними, и могли лишь восхищаться этим замечательным зрелищем, наблюдая бессильную злобу

океана. Волны рассыпались ослепительной пеной. Беснующиеся воды заливали весь берег, и казалось, что гранитный массив возвышается со дна моря, высочайшие волны которого поднимались больше чем на сто футов.

Во время подобных бурь было трудно и даже опасно ходить по дорогам, так как ветер часто валил деревья. Однако колонисты не реже раза в неделю посещали кораль. К счастью, загон, прикрытый юго-восточными уступами горы Франклина, не слишком пострадал от ураганов. Деревья, сараи и забор остались целы. Но зато птичник, расположенный на плато Дальнего Вида и, следовательно, под самыми ударами восточного ветра, подвергся довольно значительному разрушению. С голубятни два раза снесло крышу, ограда свалилась. Все это надо было восстановить и сделать крепче, так как было совершенно очевидно, что остров Линкольна находится в самом неудобном месте Тихого океана. Казалось, что он стоит в центре циклонов, которые хлещут его, как хлыст подхлестывает волчок, но только здесь волчок был неподвижен, а хлыст вертелся.

В первую неделю августа бури понемногу стихли, и воздух снова обрел покой, казалось

навсегда потерянный. Когда стихло, температура понизилась; снова на ступил мороз, и столбик термометра упал до 22 градусов ниже ноля (по Цельсию).

3 августа состоялась давно задуманная экскурсия в юго-восточную часть острова, на болото Казарок. Охотников привлекала плавающая дичь, прилетавшая туда на зимовку. На болоте в изобилии водились дикие утки, кулики, шилохвосты, и колонисты решили посвятить экспедиции целый день.

Кроме Гедеона Спилета и Герберта, в этом походе приняли участие также Пенкроф и Наб. Только Сайрес Смит, сославшись на неотложную работу, не пошел с ними, а остался в Гранитном Дворце.

Охотники направились к болоту по дороге к гавани Воздушного Шара, обещав возвратиться к вечеру. Топ и Юп сопровождали их.

Едва они перешли мост, инженер поднял его и вернулся, думая осуществить одно дело, для которого он и хотел остаться один.

Его план состоял в том, чтобы тщательно исследовать внутренний колодец, сообщавшийся с морем и служивший когда-то проходом для вод озера.

Почему Топ так часто бегал вокруг отверстия

этого колодца? Почему он так странно лаял, какая непонятная тревога притягивала его к этому отверстию? Почему Юп присоединялся к Топу, словно разделяя его тревогу? Нет ли у колодца других разветвлений, кроме вертикального спуска к морю? Не сообщается ли он с другими частями острова? Вот что хотел узнать Сайрес Смит, и притом так, чтобы никто другой не знал этого. Поэтому он решил сделать разведку, когда его товарищи куда-нибудь уйдут, и теперь как раз представился подходящий к этому случай.

В колодец нетрудно было спуститься по веревочной лестнице, которую не употребляли с тех пор, как был установлен подъемник. Длина ее была вполне достаточна. Инженер так и сделал. Он подтянул лестницу к отверстию, имевшему около шести футов в диаметре, и, крепко привязав верхний конец, опустил ее в колодец. Затем он зажег фонарь, взял револьвер, заткнул за пояс нож и начал спускаться по лестнице. Стены колодца всюду были массивны, кое-где попадались выступы, с помощью которых какое-нибудь ловкое существо могло бы подняться до выходного отверстия колодца. Инженер мысленно отметил это, но как ни тщательно он освещал эти выступы своим фонарем, ему не удалось найти ни одного

отпечатка или излома, который бы указывал, что кто-нибудь карабкался по ним в давние или недавние времена. Сайрес Смит спустился глубже, ярко освещая стены фонарем.

Он не увидел ничего подозрительного.

Дойдя до последних ступенек лестницы, инженер коснулся поверхности воды, которая была в ту минуту совершенно спокойна. Ни на уровне воды, ни в какой-либо другой части колодца не было ни одного бокового прохода, который мог бы разветвляться в глубине массива.

Сайрес Смит ударил по стене рукояткой ножа и услышал глухой звук. Это был плотный гранит, сквозь который ни одно живое существо не могло проложить себе дорогу. Чтобы добраться до дна колодца и затем подняться до его выхода, необходимо было миновать пролив. И добраться туда было доступно только морским животным. Вопрос о том, где кончался этот пролив, на какой глубине и в какой части берега, оставался

неразрешенным. Окончив свои исследования, Сайрес Смит поднялся наверх, вытащил лестницу, закрыл отверстие колодца и в глубокой задумчивости вернулся в большой зал Гранитного Дворца, говоря про себя:

— Я ничего не видел, но все же что-то там есть.

ГЛАВА XII

Оснастка судна. — Нападение лисиц. — Юп ранен. — Юпа лечат. — Юп выздоровел. — Постройка судна закончена. — Триумф Пенкрофа. — «Бонавентур». — Первое испытание на юге острова. — Неожиданный документ.

Охотники возвратились в тот же вечер. Они прекрасно поохотились и буквально сгибались под тяжестью дичи, неся в руках столько птиц, сколько под силу было поднять четверым мужчинам.

Даже Топу надели на шею ожерелье из шилохвостов, а Юп подпоясался поясом из болотных куликов.

— Вот, хозяин, — вскричал Наб, — теперь для нас найдется занятие! Консервы, всякие пироги — это будет замечательный запас! Но кто-нибудь должен мне помочь. Я рассчитываю на тебя, Пенкроф.

— Нет, Наб, — ответил моряк. — Я нужен для оснастки судна, и тебе придется как-нибудь обойтись без меня.

— А вы, мистер Герберт?

— Мне нужно завтра съездить в кораль.

— Так, значит, это вы мне поможете, мистер Спилет?

— Я сделаю тебе это удовольствие, Наб, — ответил журналист. — Но предупреждаю: если ты меня посвятишь в свои рецепты, я их опубликую.

— Как вам угодно, мистер Спилет, как вам угодно, — ответил Наб.

Вот каким образом Гедеон Спилет сделался помощником Наба и на следующий же день обосновался в его кулинарной лаборатории. Предварительно инженер поделился с ним результатами своей вчерашней экспедиции, и журналист присоединился к мнению Сайреса Смита, что, хотя тот ничего не нашел, тайна все же остается неразгаданной.

Холода простояли еще неделю, и колонисты старались не выходить из Гранитного Дворца, покидая его лишь для того, чтобы побывать на птичнике. Все их жилище было пропитано прекрасным запахом — результатом сложных манипуляций Наба и журналиста; но далеко не вся добыча последней охоты была превращена в консервы, так как в сильные морозы дичь прекрасно сохранялась.

Колонисты ели диких уток и другую птицу в свежем виде, заявляя, что она вкуснее всякой другой дичи в мире.

В течение этой недели Пенкроф при помощи Герберта, который научился ловко обращаться с иголкой, работал с таким усердием, что паруса корабля были готовы. В пеньковых веревках не было недостатка, так как можно было использовать оснастку шара, найденную вместе с оболочкой. Канаты и веревки сетки были сделаны из прекрасного материала, и моряк их отлично использовал. Паруса обшили крепким лик-тросом, и оставалось еще достаточно веревок для изготовления фал, бакштагов и шкотов. Что же касается блоков, то, по совету Пенкрофа, Сайрес Смит обточил нужное количество их на токарном станке.

Таким образом, оснастка корабля оказалась готова значительно раньше корпуса. Пенкроф даже сшил флаг, выкрасив его росшими в большом числе на острове красящими растениями.

Пока что флаг повесили в центральном окне Гранитного Дворца.

Между тем холодное время подходило к концу. Можно было думать, что вторая зима пройдет без особо важных событий, но 11 августа плато

Дальнего Вида чуть было не подверглось полному опустошению.

Колонисты крепко спали после тяжелого рабочего дня, когда около четырех часов утра их внезапно разбудил лай Топа. На этот раз собака лаяла не у колодца, а у порога и бросалась на дверь, как бы желая ее взломать.

Юп тоже испускал пронзительные крики.

— Эй, Топ! — крикнул Наб, который проснулся первым.

Топ залаял еще яростнее.

— Что такое? — спросил Сайрес Смит. И все, кое-как одевшись и бросившись к окнам, распахнули их. Перед глазами колонистов расстилалась снежная пелена, едва белевшая в ночной темноте. Они ничего не увидели, но зато до них донесся из мрака какой-то странный лай. Очевидно, берег подвергся нападению неведомых животных, которых нельзя было увидеть в темноте.

— Что это такое? — вскричал Пенкроф.

— Волки, ягуары или обезьяны, — ответил Наб.

— Черт возьми, ведь они могут взобраться на верхушку плато! — сказал журналист.

— А наш птичник и наши плантации? — воскликнул Герберт.

— Но где же они прошли? — спросил Пенкроф.

— Они перешли береговой мостик, — произнес инженер. — Верно, кто-нибудь из нас забыл его поднять.

— Я вспоминаю, что действительно оставил его опущенным, — сказал Спилет.

— Хорошенькую услугу вы нам оказали, мистер Спилет! — вскричал моряк.

— Что сделано, то сделано, — сказал Сайрес Смит. — Подумаем о том, как быть дальше.

Сайрес Смит и его товарищи обменивались наскоро этими короткими вопросами и ответами. Было ясно, что животные перешли мостик и пробрались на берег. Кто бы они ни были, эти звери могли подняться по левому берегу реки и достигнуть плато Дальнего Вида. Их следовало опередить немедля и в случае нужны дать им бой.

«Но что это за животные?» — спрашивали себя колонисты, прислушиваясь к лаю, который все усиливался. Эти звуки заставили Герберта задрожать: он вспомнил, что уже слышал их раньше, при первом походе к истоку Красного ручья.

— Это хищники, это лисицы, — сказал он.

— Вперед! — вскричал моряк.

И все, вооружившись топорами, карабинами и револьверами, спустились в корзине подъем-

ника на берег.

Лисицы, когда их много и они голодны, становятся страшными. Тем не менее, колонисты, не колеблясь, бросились навстречу стае, и их первые выстрелы, быстро вспыхивавшие в темноте, заставили передних лисиц отступить.

Важнее всего было помешать грабителям взобраться на плато Дальнего Вида, ибо в этом случае посевы и птичник были в их власти и подверглись бы жестокому опустошению, которое трудно будет возместить, особенно хлебное поле. Но так как плато можно было достичь, только пройдя по левому берегу реки, то достаточно было поставить непреодолимую преграду лисицам на узкой части побережья, между рекой и гранитной стеной.

Все понимали это и, по приказанию Сайреса Смита, направились к тому месту, где стая лисиц металась в темноте.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб выстроились рядом, образовав неприступную линию. Топ, разинув свою пасть, шел впереди, за ним следовал Юп, вооруженный суковатой дубиной, которой он потрясал, точно палицей.

Ночь была исключительно темная: нападa-

ющих можно было заметить только при свете выстрелов. Лисиц было не меньше сотни; глаза их сверкали, как угли.

— Они не должны пройти! — закричал Пенкроф.

— Они не пройдут! — ответил инженер.

Но если лисицы не прошли, то не потому, что не стремились этого сделать. Задние напирали на передних, и колонистам приходилось все время отбиваться револьверными выстрелами и ударами топоров. Вероятно, немало убитых лисиц валялось уже на снегу, но стая на вид не уменьшалась; казалось, что по мосту прибывают все новые и новые подкрепления.

Вскоре колонистам пришлось драться врукопашную, и даже не обошлось без ранений, к счастью, неопасных. Герберт выстрелом из револьвера выручил Наба, которому лисица, как тигр, прыгнула на спину. Топ сражался с дикой яростью: он хватал лисиц за горло и сразу душил их. Юп нещадно лупил своей дубиной направо и налево, и колонисты напрасно пытались оттеснить его назад. Острое зрение позволяло обезьяне видеть во тьме; она всегда была в самой гуще схватки и изредка издавала резкий свист, служивший признаком ликования. Был момент, когда

Юп далеко отделился от остальных бойцов; при вспышке револьверного выстрела те увидели, что храбрую обезьяну окружили пять или шесть больших лисиц, с которыми она яростно сражалась, сохраняя удивительное хладнокровие.

В конце концов исход борьбы был в пользу колонистов, но для этого потребовался не один час! Первые лучи зари, очевидно, спугнули нападающих: они врассыпную побежали на север обратно через мостик, который Наб не замедлил поднять.

Когда лучи солнца осветили поле битвы, колонистам удалось насчитать трупов пятьдесят, разбросанных по берегу.

— А Юп? — взволновался Пенкроф, — Где же Юп?

Юп исчез. Наб окликнул его, и Юп в первый раз не ответил на зов своего друга. Все бросились на поиски Юпа, дрожа при мысли, что найдут его мертвым. Когда с берега убрали трупы, покрывавшие снег пятнами крови, Юп был обнаружен. Он лежал, буквально заваленный грудой убитых лисиц. Раздробленные челюсти хищников, их поломанные ребра свидетельствовали о том, что им пришлось-таки отведать страшной дубинки отважной обезьяны. Бедняга Юп сжимал еще в руках обломок своей палки, но, лишенный

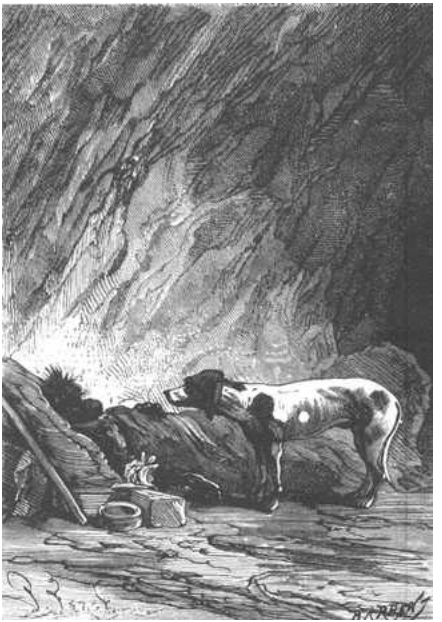
оружия, он уступил своим многочисленным противникам, и грудь его была покрыта глубокими ранами.

— Он жив! — вскричал Наб, склонившись над обезьяной.

— Мы его спасем! — воскликнул моряк. Мы будем ходить за ним, как ходили бы за кем-нибудь из нас.

Казалось, Юп понимал слова Пенкрофа, потому что он положил голову на плечо моряка, словно благодаря его. Пенкроф сам был ранен, но его раны, как и раны его товарищей, оказались, к счастью, легкими, ибо благодаря огнестрельному оружию колонисты имели возможность держать нападающих на расстоянии. Один только Юп был в тяжелом положении.

Пенкроф с Набом донесли Юпа до подъемника; обезьяна только раза два слабо застонала. Юпа осторожно подняли в Гранитный Дворец, уложили на матрац, снятый с одной из постелей, и тщательно промыли ему раны.



Ни один важный орган, видимо, не был задет, но Юп очень ослабел от потери крови, и у него появился довольно сильный жар.

После перевязки Юпа уложили и обрекли его на строжайшую диету. «Совсем как настоящего человека», — говорил Наб. Его заставили выпить несколько чашек освежающего настоя, приготовленного из средств, хранившихся в аптеке.

Юп уснул. Сначала он спал довольно беспокойно, но потом дыхание стало ровней, и его оставили спать в тишине. Топ иногда подходил к своему другу, стараясь ступать, так сказать, на цыпочках, и с видимым одобрением смотрел на то, как за ним ухаживают. Одна рука Юпа свешивалась с постели, и Топ с грустным видом лизал ее.

В то же утро колонисты похоронили убитых лисиц. Их стащили в лес Дальнего Запада и глубоко закопали в землю.

Нападение лисиц, которое могло бы иметь столь серьезные последствия, послужило уроком для колонистов. Отныне они уже не ложились спать, не удостоверившись, что все мосты подняты и никакое нападение невозможно.

Между тем Юп, состояние которого внушало серьезные опасения, энергично боролся с болезнью. Могучий организм обезьяны оказался сильнее, и вскоре Гедеон Спилет, который немного понимав в медицине, мог считать ее вне опасности. 16 августа Юп начал есть. Наб готовил для него вкусные блюда, которые Юп поглощал с большим удовольствием. У нашей обезьяны был маленький недостаток: она любила полакомиться, и Наб ничего не предпринимал, чтобы исправить

этот порок.

— Что поделаешь! — говорил он Гедеону Спилету, который иногда укорял его, что он слишком балует обезьяну. — У бедного Юпа только и есть удовольствие — вкусно покушать. И я рад, что могу таким образом отблагодарить его за услуги.

21 августа, десять дней спустя после своего заболевания, дядюшка Юп встал с постели. Его раны зажили, и было ясно, что он вскоре поправится и будет таким же ловким и сильным, как прежде. Подобно всем выздоравливающим, он чувствовав неутолимый голод, и журналист не мешал ему есть, сколько тот хотел, доверяя инстинкту, который должен был удержать орангутанга от излишеств, — инстинкту, которого слишком часто не хватает даже разумным существам. Видя, что аппетит возвращается к его ученику, Наб был в восторге.

— Кушай, Юп, — говорил он. — Не отказывай себе ни в чем. Ты проливал за нас свою кровь, и я, во всяком случае, должен помочь тебе поправиться.

25 августа услышали голос Наба, который громко звал своих товарищей:

— Мистер Сайрес, мистер Гедеон, мистер Герберт, Пенкроф, идите сюда!

Колонисты, собравшиеся в большом зале, поспешили на зов Наба, который находился в комнате Юпа.

— Что случилось? — спросил журналист.

— Посмотрите, — сказал Наб и громко захохотал. Что же они увидели? Дядюшку Юпа, который спокойно и важно курил, сидя по-турецки у дверей Гранитного Дворца.

— Моя трубка! — закричал Пенкроф. — Он взял мою трубку! Молодчина, Юп! Я ее тебе подарю. Кури, мой друг, кури!

Юп торжественно пускал густые клубы дыма, что, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие.

Сайрес Смит не проявил никакого удивления и рассказал о нескольких ручных обезьянах, которые научились курить табак. Начиная с этого дня у Юпа появилась своя собственная трубка, которую повесили в комнате, возле его мешочка с табаком. Юп сам набивал ее и зажигал горящим угольком и казался самым счастливым из четверуруких. Как понятно всякому, общность вкусов лишь укрепила дружбу, связывавшую обезьяну с бравым моряком.

— А может быть, это человек, — часто говорил Пенкроф Набу. — Разве ты бы удивился, если б

он заговорил?

— Нисколько бы не удивился, — отвечал Наб. — Меня больше удивляет, что он не говорит. Ведь ему не хватает только слов.

— Вот было бы забавно, — сказал Пенкроф, — если бы Юп в один прекрасный день предложил мне: «Не обменяться ли нам трубочками, Пенкроф?»

— Да, — ответил Наб. — Какое несчастье, что он немой от рождения!

В сентябре зима окончилась, и работы были возобновлены с тем же рвением.

Постройка корабля быстро двигалась вперед. Он был уже совершенно обшит, и его крепили изнутри деревянными креплениями, размягченными и изогнутыми при помощи пара так, чтобы они соответствовали всем выгибам корабля. Так как в дереве недостатка не было, то Пенкроф предложил инженеру сделать еще одну водонепроницаемую внутреннюю обшивку, которая придаст судну еще большую устойчивость. Сайрес Смит, не зная, что сулит им будущее, поддержал желание моряка сделать судно как можно более крепким.

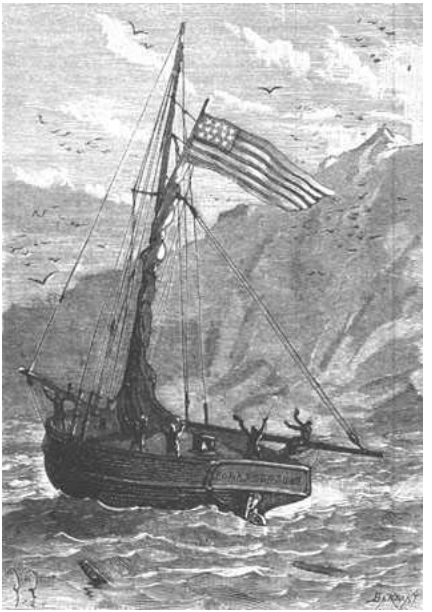
Внутренняя обшивка и палуба были готовы к 15 сентября. Чтобы законопатить швы, строители

изготовили паклю из сухой морской травы, которую забили молотком в расщелины наружной и внутренней обшивок остова и палубы; затем швы были залиты кипящей смолой, в изобилии полученной из сосен.

Корабль был оборудован как нельзя проще. Балластом служили тяжелые глыбы гранита, обработанные известью. Судно нагрузили двенадцатью тысячами фунтов. Поверх балласта была настлана нижняя палуба; внутренность судна разделили на две комнаты, во всю длину которых тянулись две скамьи, служившие и рундуками. Подножие мачты должно было служить опорой для междукомнатной перегородки. Комнаты соединялись с палубой люками с откидными крышками. Пенкрофу не стоило никакого труда найти подходящее дерево для мачты. Он выбрал молодую ель, прямую и без сучков, которую оставалось только обтесать у подножия и закруглить у вершины. Железные части мачты, руля и остова, грубые, но крепкие, были изготовлены в кузнице, в Трубах. Реи, флагшток, багры и весла — все было готово в первую неделю октября. Колонисты решили испытать корабль у самых берегов острова, чтобы посмотреть, как он держится на воде и в какой степени на него можно положиться.

За это время не были забыты и другие необходимые работы. Кораль был расширен, так как в стадах муфлонов и коз насчитывалось некоторое количество молодняка, который нужно было расселить и прокормить. Колонисты посещали также устричную отмель, крольчатник, залежи каменного угля и железа и даже некоторые части лесов Дальнего Запада, кишевшие дичью.

При этом были открыты новые туземные растения, быть может, не очень полезные, но пополнившие овощные запасы Гранитного Дворца. Это были полуденники разных видов; некоторые были снабжены мясистыми съедобными листьями, в других были семена, содержащие нечто вроде муки.



10 октября корабль спустили на воду. Пенкроф был в восторге. Спуск превосходно удался. Судно с полной оснасткой подкатили на катках к самому краю берега; его подхватило приливом, и оно поплыло под рукоплескания колонистов и особенно Пенкрофа, который не проявил при этом ни малейшей скромности. Впрочем, его тщеславие нашло себе пищу и в дальнейшем. Завершив постройку, он был назначен команди-

ром корабля. Колонисты единогласно присудили Пенкрофу звание капитана.

Чтобы удовлетворить капитана Пенкрофа, пришлось первым делом дать кораблю какое-нибудь название. После многих предложений, которые тщательно обсуждались, все сошлись на названии «Бонавентур», ибо таково было имя бравого моряка.

Как только «Бонавентур» поднялся на волнах прилива, все убедились, что судно прекрасно держится на воде и, очевидно, будет хорошо идти любым ходом.

Впрочем, его должны были испытать в тот же день, выйдя на нем в открытое море. Погода стояла прекрасная, дул свежий ветер, и море было спокойно, особенно у южного берега. Уже в течение часа ветер дул с северо-запада.

— На корабль, на корабль! — кричал капитан Пенкроф.

Но перед отъездом необходимо было позавтракать, и колонисты решили даже захватить кое-какие припасы с собой, на случай, если плавание продлится до вечера.

Сайресу Смиту тоже не терпелось испытать судно, которое было построено по его плану, хотя он и менял некоторые детали, следуя советам

моряка. Но он не так верил в него, как Пенкроф. Последний не говорил больше о путешествии на остров Табор, и Сайрес Смит надеялся, что Пенкроф отказался от этой мысли. Инженеру было бы неприятно, если бы двое или трое из его товарищей отправились в дальний путь на этом суденышке, таком маленьком, в общем, водоизмещением не более пятнадцати тонн.

В половине одиннадцатого вся компания была на борту, даже Юп и Топ. Наб с Гербертом подняли якорь, увязший в песке возле устья реки Благодарности; контрбизань была поднята, линкольнский флаг взвился на мачте, и «Бонавентур» под управлением Пенкрофа вышел в море. Чтобы покинуть бухту Союза, пришлось сначала идти под фордевиндом, и колонисты могли убедиться, что при таком ветре скорость судна вполне удовлетворительна. Обогнув мыс Находки и мыс Когтя, Пенкрофу пришлось держать круто к ветру, чтобы не отдаляться от южного берега. Несколько раз изменив галс, Пенкроф убедился, что «Бонавентур» мог идти примерно пятью румбами и прилично сопротивлялся дрейфу. Он прекрасно поворачивал на бейдевинд и даже выигрывал при повороте.

Пассажиры «Бонавентура» были в полном

восторге. В их распоряжении оказалось хорошее судно, которое в случае необходимости могло оказать им большие услуги. Прогулка в хорошую погоду, при свежем ветре оказалась очень приятной.

Пенкроф вышел в открытое море, удалившись на три-четыре мили от берега, на траверсе гавани Воздушного Шара. Колонисты увидели остров на всем его протяжении; он предстал перед ними по-новому, во всем разнообразии береговых очертаний, от мыса Когтя до мыса Пресмыкающегося, с рядами деревьев; среди них выделялись своей зеленью на фоне молодой листвы остальных хвойные, на которых лишь недавно показались побеги. Гора Франклина господствовала над пейзажем; вершина ее белела, покрытая снегом.

— Как красиво! — воскликнул Герберт.

— Да, наш остров — красивый, прекрасный остров, — сказал Пенкроф. — Я его люблю, как любил мою милую мать. Он принял нас, бедных и лишенных всего. А разве теперь чего-нибудь не хватает пяти сыновьям, упавшим на него с неба?

— Нет, капитан, нет, — ответил Наб.

И оба храбрых человека трижды прокричали громкое «ура» в честь острова.

Между тем Гедеон Спилет, прислонившись к

мачте, зарисовывал пейзаж. Сайрес Смит молча смотрел перед собой.

— Ну что же, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф.

— Кажется, он ведет себя недурно, — ответил инженер.

— Думаете ли вы теперь, что на нем можно предпринять далекое путешествие? — спросил Пенкроф.

— Какое путешествие, Пенкроф?

— Ну, хотя бы путешествие на остров Табор?

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, — мне кажется, что в случае нужды можно было бы, не колеблясь, положиться на «Бонавентур» даже и для более отдаленного путешествия. Но, как вы знаете, мне грустно будет видеть, что вы отправляетесь на остров Табор, поскольку ничто не заставляет вас плыть туда.

— Приятно знать, кто твои соседи, — ответил Пенкроф, который не отступал от своего плана. — Остров Табор — наш сосед, и притом единственный. Вежливость требует, чтобы мы, по крайней мере, сделали ему визит.

— Черт возьми, — сказал Гедеон Спилет, — приличия — конек нашего друга Пенкрофа!

— Никакого у меня нет конька, — возразил

моряк. Противодействие инженера было ему несколько неприятно, но он не хотел ничем огорчить Сайреса Смита.

— Подумайте, Пенкроф, — продолжал тот. — Вы ведь не можете отправиться на остров Табор в одиночку?

— Одного помощника мне будет достаточно.

— Хорошо, — сказал инженер. — Значит, вы рискуете лишить колонию острова Линкольна двух колонистов из пяти.

— Из шести, — возразил Пенкроф. — Вы забываете про Юпа.

— Из семи, — поправил Наб. — Топ стоит человека.

— Но ведь никакого риска нет, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф.

— Возможно, Пенкроф, но, повторяю, не стоит же подвергать себя опасности без нужды. Упрямый моряк ничего не ответил и прекратил этот разговор, твердо рассчитывая когда-нибудь возобновить его. Он был совершенно уверен, что какое-нибудь обстоятельство придет ему на помощь и превратит его каприз, против которого на самом деле можно было возражать, в человеколюбивый поступок.

Проплавав некоторое время в открытом море,

«Бонавентур» подошел к берегу и направился к гавани Воздушного Шара. Необходимо было установить ширину проходов между песчаными отмелями и рифами, чтобы в случае надобности расчистить их, так как в этой маленькой бухте предполагалось устроить пристань для корабля.

До берега было всего полмили, и приходилось лавировать, чтобы идти против ветра. «Бонавентур» шел с очень небольшой скоростью, так как бриз, отчасти ослабленный горами, едва раздувал паруса. Только редкие порывы ветра бороздили воду, гладкую, как зеркало.

Герберт стоял на носу и указывал дорогу между отмелями. Вдруг он закричал:

— Держи к ветру, Пенкроф! К ветру!

— Что там такое? — спросил моряк, поднимаясь. — Риф?

— Нет… еще к ветру!.. Я плохо вижу… Немного к берегу! Хорошо.

Говоря это, Герберт лег на палубу, быстро опустил руку в воду, потом поднялся и крикнул:

— Бутылка!

В руке у него была закупоренная бутылка, которую он только что вытащил в нескольких кабельтовых от берега.

Сайрес Смит взял у него бутылку. Не говоря ни слова, он откупорил ее и вытащил влажную бумагу, на которой можно было разобрать такие слова:

«Потерпел крушение… остров Табор… 153° во-

сточной долготы… 37°11' южной широты».

ГЛАВА XIII

Отъезд решен. — Разные гипотезы. — Приготовления к отъезду. — Состав экипажа. — Первая ночь. — Вторая ночь. — Остров Табор. — Поиски на берегу. — Поиски в лесу. — Никого. — Животные. — Овощи. — Хижина. — Она пуста.

— Потерпевший крушение! Покинутый в ста пятидесяти милях от нас, на острове Табор! — закричал Пенкроф. — Ну, мистер Сайрес, теперь вы уже не будете возражать против моей поездки?

— Нет, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит. — Вы отправитесь как можно скорее.

— Завтра же!

— Да, завтра.

Инженер задумчиво держал в руке бумажку, вынутую из бутылки. После нескольких минут размышления он заговорил:

— Судя по самой форме этого документа, друзья мои, мы можем сделать следующий вывод: во-первых, человек, потерпевший крушение у острова Табор, обладает довольно обширными сведениями в морском деле: его данные о широ-

те и долготе острова совпадают с точностью до одной минуты с теми, которые мы определили; во-вторых, он англичанин или американец: ведь этот документ написан по-английски.

— Все это совершенно логично, — ответил Гедеон Спилет, — и присутствие этого человека объясняет, как попал на остров наш ящик. Раз кто-то потерпел крушение, значит кораблекрушение действительно произошло. Что же касается потерпевшего, то кто бы он ни был, ему очень повезло, что Пенкрофу пришла мысль построить этот корабль и как раз сегодня испытать его. Опоздай мы на один день, и эта бутылка могла бы разбиться о прибрежные скалы.

— Действительно, это очень счастливое совпадение, что «Бонавентур» прошел здесь, когда эта бутылка еще плавала, — сказал Герберт.

— Это не кажется вам странным? — спросил Сайрес Пенкрофа.

— Это кажется мне удачей, вот и все, — ответил моряк. — Неужели вы видите в этом что-нибудь удивительное, мистер Сайрес? Ведь должна же была эта бутылка куда-нибудь приплыть! А если так, то почему же ей было не приплыть сюда?

— Может быть, вы и правы, Пенкроф, — ответил инженер. — Но все же…

— Однако, — заметил Герберт, — ничто не доказывает, что эта бутылка уже давно плавает по морским волнам.

— Это верно, — отозвался Гедеон Спилет. — И к тому же документ, кажется, написан недавно. Как вы думаете, Сайрес?

— Трудно проверить, но мы это узнаем, — ответил Сайрес Смит.

Во время этого разговора Пенкроф не сидел сложа руки. Он повернул к берегу, и «Бонавентур» на всех парусах помчался к мысу Когтя. Все думали о потерпевшем крушение с острова Табор. Есть ли еще время его спасти? Это было очень значительным событием в жизни колонистов! Они сами тоже были потерпевшими крушение; но можно было опасаться, что другому не так повезло, и им следовало предупредить беду. «Бонавентур» обогнул мыс Когтя и около четырех часов стал на якорь у устья реки Благодарности.

В тот же вечер был намечен приблизительный план предстоящей экспедиции. В ней должны были участвовать только Пенкроф и Герберт, который умел управлять кораблем. Выехав на следующий день, 11 октября, они могли прибыть на остров Табор 13-го днем, так как, если не переменится ветер, переход в сто пятьдесят

миль можно будет совершить не больше чем в сорок восемь часов. День на острове, три-четыре дня на обратный путь, и 17-го мореходов можно будет ожидать на острове Линкольна. Барометр непрерывно подымался, погода стояла хорошая и казалась устойчивой. Все благоприятствовало отважным людям, которых долг человеколюбия заставлял покинуть остров. Итак, было решено, что Сайрес Смит, Наб и Гедеон Спилет останутся в Гранитном Дворце. Но это решение было опротестовано. Гедеон Спилет, который не забывал, что он является сотрудником «Нью-Йорк Геральд», заявил, что он скорее пустится за кораблем вплавь, чем пропустит такой интересный случай. Поэтому ему разрешили участвовать в путешествии. Весь вечер колонисты переправляли на борт «Бонавентура» постельные принадлежности, утварь, ружья, снаряды, провизию на неделю и, наконец, компас. Быстро окончив погрузку корабля, они вернулись в Гранитный Дворец.

На следующий день, в пять часов утра, после прощания, немало взволновавшего и отъезжающих и остающихся, Пенкроф поднял паруса и направился к мысу Когтя, который он должен был обогнуть, чтобы плыть на юго-запад.

«Бонавентур» удалился уже на четверть мили от берега, когда его пассажиры заметили возле Гранитного Дворца двух человек, которые посылали им прощальные приветствия. Это были Сайрес Смит и Наб.

— Вот наши друзья, — сказал Гедеон Спилет. — Вот и наше первое расставание за пятнадцать месяцев!

Пенкроф, журналист и Герберт послали остающимся прощальный привет, и вскоре Гранитный Дворец скрылся за высокими скалами мыса.

В первые часы этого дня «Бонавентур» мог быть виден с южного берега острова Линкольна, казавшегося издали зеленой корзиной, из которой торчала гора Франклина. Пригорки и возвышенности, уменьшенные расстоянием, придавали острову вид пристанища, мало пригодного для проходящих кораблей.

Путешественники прошли мыс Пресмыкающегося, держась в десяти милях от берега. На этом расстоянии уже почти нельзя было видеть западного берега, простиравшегося до горы Франклина Три часа спустя остров Линкольна окончательно скрылся за горизонтом.

«Бонавентур» легко резал волну и шел с большой скоростью. Пенкроф поднял все паруса и вел корабль по прямому направлению, проверяя его по компасу. Время от времени Герберт сменял его у руля; юноша управлял так уверенно, что Пенкрофу не пришлось отметить ни одного рывка в сторону. Гедеон Спилет разговаривал то с одним, то с другим и в случае нужды помогал им в работе. Капитан Пенкроф был весьма доволен своим экипажем и обещал даже выдать по чарке

на человека. Вечером серп луны, который должен был достигнуть первой четверти только 16-го, обрисовался в лучах заходящего солнца и вскоре скрылся. Ночь была темная, но звездная, и все предвещало назавтра прекрасную погоду.

Пенкроф из осторожности спустил верхний парус, опасаясь, что неожиданный порыв ветра захватит корабль с поднятым парусом. В такую спокойную ночь это была, пожалуй, излишняя предосторожность, но Пенкроф был моряк предусмотрительный, и его нельзя было упрекнуть за это.

Журналист проспал часть ночи. Пенкроф и Герберт сменялись на вахте каждые два часа. Моряк доверял Герберту, как самому себе, и его доверие вполне оправдывалось хладнокровием и рассудительностью юноши. Пенкроф указывал ему направление, как капитан своему штурману, и Герберт не позволял «Бонавентуру» уклониться ни на один дюйм.

Ночь прошла спокойно, день 12 октября — тоже. В течение всего этого дня корабль неукоснительно держался юго-западного направления, и, если по дороге не встретится какое-нибудь незнакомое течение, «Бонавентур» должен был пристать прямо к острову Табор.

Море, по которому плыл корабль, было совершенно пустынно. Время от времени какая-нибудь большая птица, альбатрос или фрегат, пролетала на расстоянии ружейного выстрела от судна, и Гедеон Спилет спрашивал себя, не это ли мощное пернатое унесло с собой его последнюю корреспонденцию в «Нью-Йорк Геральд». За исключением этих птиц, никто, видимо, не посещал часть океана между островом Табор и островом Линкольна.

— А между тем, — заметил Герберт, — сейчас такое время, когда китоловные суда обычно направляются в южные области Тихого океана. Я думаю, это самое пустынное море на свете!

— Оно вовсе не так пустынно, — ответил Пенкроф.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил журналист.

— Но мы-то разве не люди? Или вы принимаете наш корабль за обломок и его команду за моржей? — И Пенкроф громко расхохотался над своей шуткой.

К вечеру, как можно было приблизительно подсчитать, «Бонавентур» прошел расстояние в сто двадцать миль с момента отплытия от острова Линкольна, то есть за тридцать шесть

часов. Таким образом, его скорость составляла 3 1/3 мили в час. Ветер был слабый и постепенно стихал. Все же можно было надеяться, что если расчет был правилен и направление выбрано верно, то на заре следующего дня корабль будет в виду острова Табор.

Поэтому ни Гедеон Спилет, ни Герберт, ни Пенкроф не сомкнули глаз в ночь на 13 октября. Ожидая наступления утра, они сильно волновались. В том, что они предприняли, было столько риска!

Далеко ли они еще от острова? Живет ли еще там потерпевший крушение, на помощь которому они идут? Что это за человек? Не внесет ли его присутствие смуту в жизнь колонии, столь безмятежную до сих пор? Да и захочет ли он обменять одну тюрьму на другую?

Все эти вопросы, которые, очевидно, должны были разрешиться на следующий день, не давали путникам спать.

С первыми проблесками зари они начали всматриваться в западный горизонт.

— Земля! — закричал Пенкроф около шести часов. Нельзя было допустить, что Пенкроф ошибся: значит, земля была в виду. Можно себе представить, как обрадовался экипаж «Бона-

вентура»! Еще несколько часов, и они будут на берегу острова.

Остров Табор — низкая полоска суши, едва выступавшая из воды — находился не больше чем в пятнадцати милях расстояния. Нос «Бонавентура», несколько повернутый на юг, был направлен прямо на остров. По мере того как светало, кое-где

вырисовывались небольшие возвышенности.

— Это всего-навсего маленький островок. Он гораздо меньше острова Линкольна, — заметил Герберт, — и, по-видимому, тоже вулканического происхождения.

В одиннадцать часов утра «Бонавентур» был всего в двух милях от острова. Пенкроф начал искать удобный проход, чтобы пристать к берегу, лавируя в этих незнакомых водах с большой осторожностью.

Остров был виден на всем протяжении. Его покрывали заросли зеленеющих камедных и других деревьев, которые росли и на острове Линкольна. Но, как это ни странно, не видно было ни одной струйки дыма, которая бы указывала, что остров обитаем. Нигде не виднелось никакого сигнала.

А между тем документ не оставлял места для сомнения: на острове находился потерпевший крушение, и этот человек должен был быть начеку.

«Бонавентур» медленно плыл извилистыми проходами между скал; Пенкроф внимательным взором наблюдал их малейшие изгибы. Он поставил Герберта у руля, а сам стал на носу и смотрел на воду, держа наготове фал, чтобы спустить паруса. Гедеон Спилет обозревал берег в подзорную

трубу, но не заметил ничего интересного.

Наконец около полудня «Бонавентур» ударился форштевнем о песчаный берег. Экипаж маленького судна бросил якорь, спустил паруса и высадился на сушу. Можно было не сомневаться, что это именно остров Табор, так как, согласно новейшим картам, в этой части Тихого океана, между Новой Зеландией и Америкой, не было никакого другого острова.

Судно основательно пришвартовали, чтобы его не унесло отливом. Затем Пенкроф и его товарищи хорошо вооружились и направились вверх по берегу, намереваясь дойти до конуса высотой от двухсот пятидесяти до трехсот футов, который виднелся в полумиле от них.

— С вершины этого холма мы сможем приблизительно осмотреть остров, и нам легче будет производить поиски, — сказал Гедеон Спилет.

— Значит, мы сделаем то же самое, что сделал мистер Сайрес на острове Линкольна, когда поднялся на гору Франклина, — сказал Герберт.

— Именно, — ответил журналист. — Это лучшее, что мы можем сделать.

Оживленно разговаривая, исследователи шли к берегу, краем луга, который заканчивался у самого подножия холма. Стаи скалистых голубей и

морских ласточек, похожих на тех, что водились на острове Линкольна, взлетали перед ними. По левому краю луга тянулся лес. Треск сучьев и движение травы указывали на присутствие каких-то очень пугливых животных, но ничто до сих пор не указывало на то, что здесь живут люди.

Достигнув подножия холма, Герберт, Пенкроф и Гедеон Спилет в несколько минут взошли на его вершину и оглядели окружающий горизонт. Они действительно были на острове, площадь которого не превышала шести миль в окружности. Периметр его, мало изрезанный мысами, выступал бухтами и заливами, представляя собой удлиненный овал. Всюду вокруг — море, совершенно пустынное до самого горизонта. Ни одной полоски земли, ни одного паруса в виду!

Островок порос лесом на всем своем протяжении. Природа его была не так разнообразна, как на острове Линкольна, где дикие и пустынные места сменялись плодородными. Здесь перед колонистами расстилалась сплошная масса зелени, из которой виднелось несколько невысоких пригорков. Овал был наискось пересечен ручьем, который протекал по обширному лугу и впадал в море с западной стороны, через неширокое устье.

— Этот островок невелик, — сказал Герберт.

— Да, — ответил Пенкроф, — нам здесь было бы тесновато.

— К тому же он, кажется, необитаем, — заметил журналист.

— Действительно, — заметил Герберт, — ничто не указывает на присутствие здесь человека.

— Спустимся вниз и будем искать, — решил Пенкроф.

Моряк и его друзья вернулись на берег к тому месту, где они оставили «Бонавентур». Они решили обойти вокруг острова и уже после этого углубиться в лес. Таким образом, ни один пункт острова не останется неисследованным.

Идти по берегу было легко, и лишь в нескольких местах путь преграждали огромные глыбы скал, которые было нетрудно обойти кругом. Исследователи спустились к югу, обращая в бегство множество водяных птиц и стада тюленей, которые бросались в море, едва завидев приближающихся людей.

— Эти животные, — заметил журналист, — встречают человека не в первый раз. Они его боятся, значит знают.

Через час после выхода исследователи подошли к южной части островка, заканчивающейся

острым выступом, и повернули к северу вдоль западного берега, покрытого песком и испещренного скалами; на заднем плане его тянулся густой лес.

Через четыре часа обход острова был закончен. Нигде никакого следа жилища, ни одного отпечатка человеческой ноги не нашли исследователи на всем своем пути. Это было по меньшей мере удивительно. Приходилось сделать вывод, что остров Табор, во всяком случае в настоящее время, необитаем. В конце концов, можно было допустить, что документ был написан несколько месяцев или даже лет назад. Если так, то потерпевший крушение мог вернуться на родину или умереть от лишений.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт строили всякие более или менее правдоподобные предположения. Они наскоро пообедали на «Бонавентуре», с тем, чтобы возобновить свою экспедицию и продолжать ее до самой ночи.

Так они и сделали. В пять часов дня маленький отряд углубился в лес.

Животные по-прежнему убегали при их приближении. Это были главным образом — можно сказать, почти исключительно — козы и свиньи. Легко было заметить, что они принадлежали к

европейским породам. Очевидно, какое-нибудь китоловное судно доставило их на этот остров, и они быстро расплодились. Герберт твердо решил захватить живьем одну или две пары самцов и самок и отвезти их на остров Линкольна.

Итак, нельзя было сомневаться, что на острове некогда побывали люди. Это стало еще более очевидным, когда исследователи увидели в лесу тропинки и стволы деревьев, срубленные топором. Все это указывало на деятельность человека. Но деревья уже начали гнить и были, очевидно, повалены много лет назад: зарубки топора покрылись мхом, а на тропинках выросла густая трава, так что их трудно было даже заметить.

— Все это означает, однако, — сказал Гедеон Спилет, — что люди не только высадились на острове, но и прожили здесь некоторое время. Но что же это были за люди? Сколько их было? Сколько их осталось на острове?

— В документе говорится только об одном человеке, — сказал Герберт.

— Не может быть, чтобы мы его не нашли, если он еще на острове.

Экспедиция продолжалась. Моряк и его товарищи шли по дороге, пересекавшей остров наискосок. Они вышли к ручью, который тек к

морю.

Если животные европейского происхождения и следы деятельности человеческих рук неоспоримо доказывали, что люди уже побывали на острове Табор, то некоторые представители растительного царства служили подтверждением этому. Кое-где на полянках, видимо, были когда-то давно посажены овощи. Велика была радость Герберта, когда он увидел картофель, цикорий, щавель, морковь, капусту, репу! Достаточно было собрать их семена, чтобы развести эти овощи на острове Линкольна.

— Прекрасно! — сказал Пенкроф. — Вот-то обрадуются Наб и вся наша компания! Если мы и не разыщем этого несчастного, все-таки мы ездили не напрасно и, судьба нас вознаградила.

— Конечно, — ответил Гедеон Спилет. — Но, судя по тому, в каком виде находятся эти огороды, можно думать, что на острове уже давно никого нет.

— Действительно, — подтвердил Герберт. — Человек, кто бы он ни был, не пренебрег бы такими ценными продуктами.

— Да, — сказал Пенкроф. — Потерпевший крушение удалился. Это весьма вероятно.

— Следует, значит, думать, что бумага была

написана уже давно.

— Очевидно.

— И что бутылка подплыла к острову Линкольна после долгого путешествия по морю.

— А почему бы и нет? — сказал Пенкроф. — Однако темнеет, и, мне кажется, будет лучше прервать наши поиски.

— Вернемся на корабль, а завтра будем их продолжать, — сказал журналист.

Это было самое разумное, и товарищи Спилета собрались последовать его совету, как вдруг Герберт закричал, указывая рукой на какую-то темную массу, видневшуюся среди деревьев:

— Хижина!

Все трое бросились в указанном направлении. В сумерках им удалось рассмотреть, что хижина построена из досок, покрытых толстой просмоленной парусиной. Пенкроф толкнул полузакрытую дверь и быстро вошел в хижину. Она была пуста.

ГЛАВА XIV

Что было в хижине. — Ночь. — Несколько букв. — Поиски продолжаются. — Животные и растения. — Герберту грозит большая опасность. — На борту корабля. — Отплытие. — Ненастная погода. — Проблеск инстинкта. — Заблудились в море. — Огонь, зажженный вовремя.

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет молча стояли в темноте.

Пенкроф позвал громким голосом.

Он не услышал никакого ответа. Моряк зажег тоненькую веточку. На минуту осветилась небольшая комнатка, казавшаяся покинутой. В глубине ее стоял грубо сложенный камин, на остывшей золе лежала вязанка хвороста. Пенкроф бросил туда горящую ветку; хворост затрещал и вспыхнул ярким огнем.

Моряк и его товарищи увидели тогда смятую постель, покрытую влажным, пожелтевшим одеялом, которым, видимо, уже давно не пользовались. У камина валялись два заржавленных котла и опрокинутая кастрюля. В комнате стоял

шкаф, и в нем висела покрытая плесенью матросская одежда. На столе находился оловянный прибор и Библия, изъеденная сыростью. В углу были брошены инструменты и оружие: лопата, кирка, заступ, два охотничьих ружья, из которых одно было сломано. На доске, заменявшей полку, стоял нетронутый бочонок пороху, запас дроби и несколько коробок патронов. Все это было покрыто густым слоем пыли, очевидно, скопившейся за много лет.

— Никого, — сказал журналист.

— Никого, — откликнулся Пенкроф.

— В этой комнате уже давно никто не живет, — заметил Герберт.

— Да, давненько, — сказал журналист.

— Мистер Спилет, — проговорил Пенкроф, — я думаю, что нам лучше переночевать здесь, чем возвращаться на борт корабля.

— Вы правы, Пенкроф, — ответил Гедеон Спилет. — А если хозяин этой хижины возвратится, ему, быть может, приятно будет увидеть, что место занято.

— Он не возвратится, — сказал моряк, качая головой.

— Вы думаете, он покинул остров? — спросил журналист.

— Если бы он покинул остров, то унес бы с собой оружие и инструменты, — ответил Пенкроф. — Вы знаете, как ценны для потерпевших крушение эти предметы — все, что остается от погибшего корабля. Нет, нет, — продолжал моряк убежденным тоном, — он не покинул остров. Если бы он построил лодку и уплыл на ней, то тем более не оставил бы здесь этих столь необходимых ему предметов. Нет, он на острове.

— И он жив? — спросил Герберт.

— Живой или мертвый, но он здесь. Однако если он умер, то ведь не мог же он сам себя похоронить, и мы, во всяком случае, найдем его кости.

Пенкроф и его товарищи решили переночевать в хижине. Запас хвороста, сложенный в углу, позволял хорошо ее натопить. Закрыв дверь, моряк, Герберт и Гедеон Спилет сели на скамью. Они мало говорили, но много размышляли. В их положении можно было ожидать всего и все казалось возможным, каждый шорох снаружи заставлял их настораживаться. Если бы внезапно распахнулась дверь, и вошел человек, наши мореходы нисколько бы не удивились, хотя хижина казалась совершенно заброшенной. Они были готовы пожать руку несчастному, потерпевшему крушение, — этому неизвестному другу, которого

ожидали друзья. Но они ничего не услышали, дверь не распахнулась. Так прошло много времени.

Какой длинной показалась эта ночь моряку и его товарищам! Только Герберт заснул часа на два — в его возрасте сон необходим. Всем не терпелось возобновить поход и обыскать самые дальние уголки острова. Выводы Пенкрофа казались совершенно правильными, и было почти несомненно, что если дом покинут и хозяин его не взял с собой оружия, посуды и инструментов, то, значит, он погиб. Надо было, по крайней мере, найти его останки и похоронить.

Наступил рассвет. Пенкроф и его товарищи немедленно принялись осматривать хижину. Место для нее было выбрано очень удачно: она стояла на откосе маленького пригорка, который осеняло несколько развесистых камедных деревьев. Перед ее фасадом была прорублена широкая просека, сквозь которую было видно море. Небольшой лужок, обнесенный развалившейся изгородью, тянулся до берега; на его левой стороне открывалось устье ручья.

Хижина была сколочена из досок, без сомнения взятых с палубы или с остова корабля. Можно было предположить, что какое-то разбитое судно

было выброшено на берег, что, по крайней мере, один матрос из его команды спасся и, имея при себе инструменты, построил домик из обломков корабля. Это сделалось еще более очевидным, когда Гедеон Спилет, который ходил вокруг хижины, увидел на одной из досок, вероятно взятой с борта корабля, полустертую надпись:

Бр…тан…я

— «Британия»! — вскричал Пенкроф, которого журналист тотчас же подозвал к себе. — Так называется много судов, и я не могу сказать, английский это корабль или американский.

— Это не важно, Пенкроф.

— Действительно, это не имеет значения, — согласился моряк, — и кто бы ни был его уцелевший пассажир, мы его спасем, если только он еще жив. Но прежде, чем продолжать нашу экспедицию, возвратимся на «Бонавентур».

Пенкроф беспокоился о своем корабле. А что, если остров обитаем и его жители захватили судно? Но он пожимал плечами: предположение казалось ему невероятным.

Пенкроф был не прочь позавтракать на борту «Бонавентура». Идти приходилось недалеко — всего с милю, и дорога была уже проложена.

Путники двинулись вперед, пристально всматриваясь в кусты и заросли, сквозь которые целыми сотнями убегали свиньи и козы.

Спустя двадцать минут после выхода из хижины Пенкроф и его товарищи увидели восточный берег острова. «Бонавентур» стоял на якоре, крепко вонзившемся в прибрежный песок.

Пенкроф удовлетворенно вздохнул. Этот корабль был его созданием, а родителям свойственно тревожиться о своих детях больше, чем следует.

Исследователи взошли на корабль и плотно позавтракали, чтобы обедать как можно позднее. Покончив с едой, они самым тщательным образом продолжали свои поиски. В общем, было более чем вероятно, что единственный обитатель острова погиб. Пенкроф и его товарищи искали следы мертвеца, а не живого человека. Но все поиски были тщетны, и они напрасно рыскали всю первую половину дня в лесу, покрывавшем остров. Не оставалось сомнения, что, если потерпевший крушение умер, его труп бесследно исчез. Очевидно, дикие звери сожрали его до последней косточки.

— Завтра на заре мы отплывем обратно, — сказал Пенкроф своим товарищам, когда около двух

часов дня они улеглись под тенью сосен, чтобы немного передохнуть.

— Я думаю, мы имеем право взять с собой вещи, принадлежавшие этому несчастному, — добавил Герберт.

— Я тоже так думаю, — ответил Гедеон Спилет. — Эти предметы пополнят оборудование Гранитного Дворца. Запасы дроби и пороха, кажется, довольно велики.

— Да, — ответил Пенкроф, — но надо обязательно захватить, также несколько пар свиней, которых нет на острове Линкольна.

— И семена, — прибавил Герберт. — Тут есть все овощи Старого и Нового Света.

— Может быть, было бы целесообразно провести на острове Табор еще день или два и собрать все, что может нам пригодиться, — сказал журналист.

— Нет, мистер Спилет, — возразил Пенкроф. Я попрошу вас ехать завтра же на рассвете. Ветер, кажется, переходит на запад, и, прибыв сюда с попутным ветром, мы, может быть, пойдем обратно тоже по ветру.

— В любом случае, не будем терять времени, — сказал Герберт, поднимаясь.

— Да и время терять нечего, — ответил Пенк-

роф. — Ты, Герберт, займись сбором семян, которые ты знаешь лучше, чем мы. Тем временем мы с мистером Спилетом пойдем охотиться на свиней. Надеюсь, что даже и без Топа нам удастся поймать несколько штук.

Герберт пошел по тропинке, которая вела в возделанную часть острова, а моряк с журналистом направились в лес.

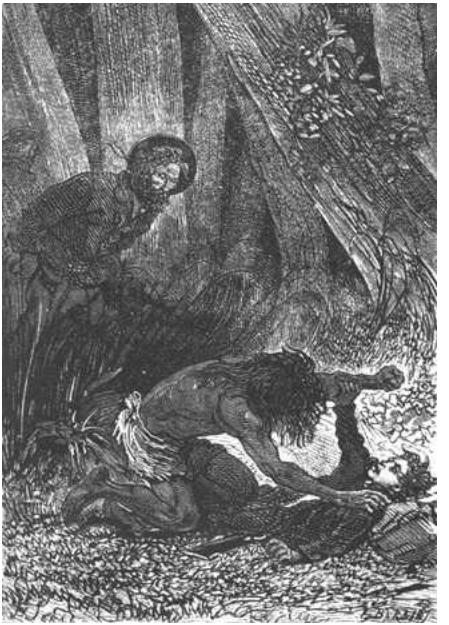
Перед ними бежало много представителей свиной породы. Эти проворные животные, по-видимому, не были склонны подпустить кого-нибудь близко к себе. Однако после получасовой погони охотникам удалось захватить самца и самку, которые завязли в густом кустарнике. И вдруг в нескольких сотнях шагов к северу послышались крики. К ним примешивалось страшное рычание, в котором не было ничего человеческого. Пенкроф и Гедеон Спилет выпрямились. Свиньи воспользовались этим и убежали — как раз в ту минуту, когда моряк готовил веревки, чтобы их связать.

— Это голос Герберта! — сказал журналист.

— Бежим! — вскричал Пенкроф. Моряк и Гедеон Спилет тотчас же со всех ног побежали к тому месту, откуда слышались крики.

Они поторопились недаром: на повороте до-

роги, возле полянки, они увидели Герберта, которого повалило какое-то большое дикое существо — по-видимому, гигантская обезьяна, которая собиралась с ним расправиться.



Броситься на это чудовище, опрокинуть его, вырвать Герберта из его лап и крепко прижать к земле — все это заняло не больше одной минуты. Пенкроф отличался геркулесовой силой.

Журналист тоже был очень силен, и, несмотря на сопротивление обезьяны, она была накрепко связана и не могла пошевелиться.

— У тебя ничего не болит, Герберт? — спросил Гедеон Спилет.

— Нет, нет.

— Если только она тебя ранила, эта обезьяна!.. — вскричал Пенкроф.

— Но это вовсе не обезьяна, — ответил Герберт. Пенкроф и Гедеон Спилет взглянули при этих словах на странное существо, лежавшее на земле.

Действительно, это была не обезьяна. Это было человеческое существо, это был человек. Но какой человек! Дикарь в самом ужасном смысле этого слова, тем более страшный на вид, что он, видимо, дошел до последней степени одичания.

Взъерошенные волосы; густая борода, спускающаяся на грудь; почти обнаженное тело, прикрытое лишь тряпкой, обмотанной вокруг пояса; огромные страшные глаза; длиннейшие ногти; лицо цвета красного дерева; ступни, жесткие, словно покрытые рогом, таков был облик этого жалкого создания, которое нужно было, однако, называть человеком. Но, право, можно было спросить себя: есть ли еще душа в этом теле? Или в нем живет только дикий инстинкт

животного?

— Уверены ли вы, что это человек или что он когда-либо был человеком? — спросил Пенкроф журналиста.

— Увы, это несомненно, — ответил тот.

— Значит, это и есть потерпевший крушение? — спросил Герберт.

— Да, но в этом несчастном не осталось уже больше ничего человеческого!

Журналист не ошибался. Казалось очевидным, что, если потерпевший крушение когда-нибудь был человеческим существом, одиночество превратило его в дикаря, или, скорее, в настоящего обитателя лесов, что еще хуже. Из горла его вырывались резкие звуки, зубы его были остры, как клыки хищников, созданные для того, чтобы пожирать сырое мясо. Память, вероятно, давно уже покинула его; столь же давно он разучился пользоваться оружием и инструментами и не умел добывать огонь. Видно было, что этот дикарь силен и ловок, но что физические качества развились у него в ущерб душевным способностям.

Гедеон Спилет заговорил с ним. Дикарь не понял его, он даже не слышал… И все же, пристально вглядываясь ему в глаза, журналист заметил, что в нем не совсем угас разум.

Между тем пленник лежал неподвижно и не старался порвать связывающие его веревки. Был ли он подавлен присутствием людей, к числу которых он когда-то принадлежал? Сохранилось ли в уголке его мозга какое-нибудь воспоминание, возвращавшее его к сознательной жизни? Попытался ли бы он убежать, будучи свободен, или нет? Это оставалось неизвестным, но колонисты не решились проделать опыт. Внимательно осмотрев несчастного, Гедеон Спилет сказал:

— Кто бы он ни был теперь или в прошлом и кем бы он ни стал в будущем, наш долг отвезти его на остров Линкольна.

— Да, да, — ответил Герберт. — Может быть, нам удастся при хорошем уходе вызвать в нем проблеск разума.

— Было бы очень приятно вывести это существо из одичалого состояния, — сказал журналист Пенкроф с сомнением покачал головой.

— Во всяком случае, надо попытаться, — продолжал журналист.

Действительно, таков был долг колонистов. Все трое поняли это и не сомневались, что Сайрес Смит одобрит их образ действий.

— Оставить его связанным? — спросил моряк. Может быть, он сам пойдет, если развязать ему

ноги, — сказал Герберт.

— Попробуем, — предложил Пенкроф.

Веревки, связывавшие ноги пленника, были сняты, но его руки были крепко связаны. Он поднялся без принуждения и, по-видимому, не испытывал желания бежать. Его холодные глаза пронзительно смотрели на троих людей, которые шли с ним рядом, и ничто не указывало, что он считает их своими ближними и сознает, что когда-то был человеком. Губы его издавали резкий свист; он казался страшен, но не пробовал сопротивляться.

По совету журналиста, несчастного привели в его хижину Быть может, вид вещей, которые когда-то принадлежали ему, произведет на него впечатление. Быть может, достаточно одной искры, чтобы разбудить его потухшую мысль, чтобы оживить его угасшую душу.

Дом был недалеко. Через несколько минут отряд подошел к нему, но пленник ничего не узнал и, казалось, потерял представление о чем бы то ни было.

Одичание этого несчастного позволяло сделать только тот вывод, что он уже давно находится на островке и что, прибыв сюда вполне разумным, он был доведен одиночеством до такого

состояния.

Журналист подумал, что, может быть, на него подействует вид огня. Через минуту яркий огонь, который привлекает даже диких животных, запылал на очаге.

Вид пламени, казалось, заинтересовал несчастного, но лишь на одну минуту. Вскоре он отступил назад, и его бессознательный взор снова потух.

Очевидно, ничего нельзя было сделать, по крайней мере, сейчас, и оставалось только отвести его на борт «Бонавентура», что и было исполнено.

Дикарь остался на корабле под охраной Пенкрофа. Гедеон Спилет с Гербертом вернулись на островок, чтобы закончить свои дела. Несколько часов спустя они снова были на берегу, нагруженные оружием и посудой. Кроме того, они принесли с собой огородные семена, несколько убитых птиц и две пары свиней. Все это погрузили на корабль, и «Бонавентур» был готов поднять якорь, как только начнется утренний прилив.

Пленника поместили в носовую каюту, и он лежал там, спокойный, молчаливый, словно глухонемой.

Пенкроф предложил ему поесть, но дикарь оттолкнул вареное мясо, которое он, по-видимому, не мог уже употреблять. Но как только моряк по-

казал ему одну из убитых Гербертом уток, дикарь с звериной жадностью набросился на птицу и сожрал ее.

— Вы думаете, он опомнится? — спросил Пенкроф, качая головой.

— Может быть, — ответил журналист. — Не исключена возможность, что наши заботы в конце концов окажут на него действие. Он стал таким вследствие одиночества, а теперь уж он не будет один.

— Наверное, этот бедняга уже давно в таком состоянии, — сказал Герберт.

— Может быть, — ответил журналист.

— Как вы думаете, сколько ему лет? — спросил юноша у журналиста.

— Трудно сказать, — ответил тот. — Лицо его заросло бородой, и черты его нелегко разглядеть. Но он уже немолод, и ему, по-моему, не меньше пятидесяти лет.

— Вы заметили, мистер Спилет, как глубоко его глаза сидят в орбитах? — сказал Герберт.

— Да, Герберт, но я скажу, что их взгляд человечнее, чем можно было думать.

— Ну, там увидим, — сказал Пенкроф. — Любопытно знать, какого мнения будет мистер Смит о нашем дикаре. Мы поехали на розыски человека,

а привезем с собой чудовище! Ну что же, делаешь, что можешь.

Ночь прошла спокойно. Неизвестно, спал пленник или нет, но, во всяком случае, он не двинулся с места, хотя и не был связан. Он походил на тех хищников, на которых первые часы пребывания в неволе действуют угнетающе и лишь позднее их охватывает ярость.

На заре следующего дня — 15 октября — наступила перемена погоды, которую предвидел Пенкроф. Задул норд-вест, благоприятный для возвращения «Бонавентура». Но в то же время ветер усиливался и должен был затруднить плавание.

Пенкроф зарифил большой парус, взял направление на ост-норд-ост, то есть прямо к острову Линкольна.

Первый день перехода прошел без всяких событий. Пленник спокойно лежал в носовой каюте, и так как прежде он был моряком, то морская качка, казалось, производила на него благоприятное действие. Не вспоминал ли он свое прежнее ремесло? Во всяком случае, он оставался вполне спокоен и был скорее удивлен, чем подавлен. На следующий день, 16 октября, ветер сильно засвежел и стал более северным, то есть менее

попутным для «Бонавентура». Корабль сильно подбрасывало на волнах. Пенкрофу вскоре пришлось опять идти круто к ветру: моряк ничего не говорил, но состояние моря, которое бурно билось о нос корабля, внушало ему тревогу. Если ветер не переменится, возвращение на остров Линкольна отнимет больше времени, чем путешествие на остров Табор.

Действительно, 17-го утром прошло сорок восемь часов с момента отплытия «Бонавентура», но ничто не указывало на близость острова. Впрочем, трудно было судить на глаз о пройденном расстоянии, так как скорость и направление ветра слишком часто менялись.

Еще через сутки на горизонте все еще не было видно земли. Ветер дул вовсю, и состояние моря было отвратительное. Пришлось быстро маневрировать парусами, которые заливало волнами, брать рифы и часто менять галс. 18-го днем «Бонавентур» даже совсем залило водой, и, если бы его пассажиры заранее не привязали себя к палубе, их бы снесло. В этих условиях Пенкроф и его товарищи, чрезвычайно занятые удалением воды с палубы, получили неожиданную помощь от пленника, в котором как будто проснулся инстинкт моряка. Он выскочил из люка и сильным

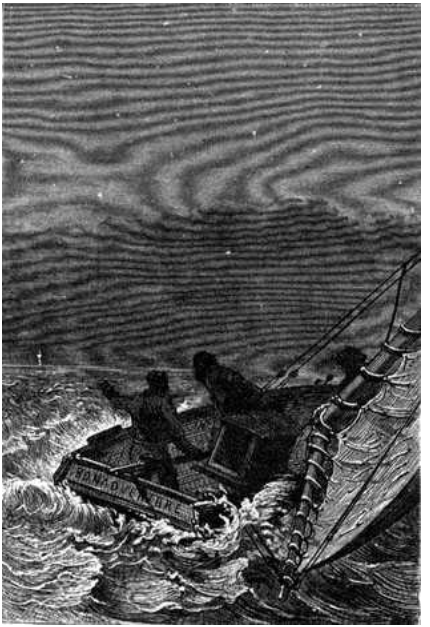
ударом багра проломил борт, чтобы вода, залившая палубу, могла скорее стечь в море. После этого он, не говоря ни слова, вновь спустился в свою каюту.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт, совершенно ошеломленные, не мешали ему.

Между тем положение становилось опасным. Пенкроф имел основание думать, что заблудился в этом безбрежном море, и не знал никакого способа найти дорогу.

Ночь на 19-е была темная и холодная. Но около одиннадцати часов вечера ветер стих, волнение успокоилось, и корабль, который уже не так качало, пошел скорее. В общем, он прекрасно выдержал бурю.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт и не подумали даже заснуть, хотя бы на часок; они пристально вглядывались в море: может быть, остров Линкольна недалеко и его удастся увидеть с рассветом. А может быть, «Бонавентур» снесло ветром, и в таком случае почти невозможно выправить его курс.



Пенкроф, до крайности встревоженный, все же не терял надежды, так как нервы у него были крепкие. Стоя у руля, он упорно старался разглядеть что-нибудь в густой темноте. Часа в два ночи он вдруг закричал:

— Огонь! Огонь!

И действительно, милях в двадцати к северо-востоку виднелся яркий свет. Остров Линкольна

был близко, и огонь, который, несомненно, зажег Сайрес Смит, указывал дорогу. Пенкроф, слишком уклонившийся к северу, изменил направление и взял курс на огонь, который светил на горизонте, словно звезда первой величины.

ГЛАВА XV

Возвращение. — Обсуждение. — Сайрес Смит и незнакомец. — Гавань Воздушного Шара. — Третий урожай. — Ветряная мельница. — Первая мука и первый хлеб. — Заботы инженера. — Волнующий опыт. — Первые слезы.

На следующий день, 20 октября, в семь часов утра, после четырехдневного путешествия, «Бонавентур» тихо причалил к берегу возле устья реки Благодарности.

Сайрес Смит и Наб, очень встревоженные ненастной погодой и долгим отсутствием своих друзей, с рассветом поднялись на плато Дальнего Вида и наконец заметили судно, которое так сильно запоздало.

— Наконец-то вот они! — вскричал Сайрес Смит. Что касается Наба, то он от радости заплясал, закружился и захлопал в ладоши, крича:

— О, хозяин! О, хозяин!

Эта пантомима была трогательнее самой лучшей речи.

Пересчитав людей, которых можно было уже

видеть на палубе «Бонавентура», инженер сначала подумал, что Пенкроф не нашел потерпевшего крушение на острове Табор или что этот несчастный отказался покинуть свой остров и сменить одну тюрьму на другую.

Действительно, Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт были одни на палубе.

Когда судно причалило к берегу, инженер с Набом уже поджидали его. Еще прежде, чем его пассажиры вышли на сушу, Сайрес Смит крикнул:

— Мы были очень встревожены вашим опозданием, друзья! С вами случилось несчастье?

— Нет, — ответил журналист. — Наоборот, все обошлось превосходно. Мы сейчас вам расскажем.

— Но все же, — продолжал инженер, — ваши поиски оказались бесплодны. Ведь вас по-прежнему трое, как и при отъезде.

— Нет, мистер Сайрес, нас четверо, — ответил моряк.

— Вы нашли потерпевшего крушение?

— Да.

— И привезли его сюда?

— Да.

— Живого?

— Да.

— Где он? Кто он такой?

— Это человек, или, вернее, он был человеком, — сказал Гедеон Спилет. — Вот все, что мы можем вам сказать, Сайрес.

Инженеру тотчас же рассказали о том, что произошло, в каких условиях производились поиски, как обнаружили давно покинутый дом — единственный дом на острове — и как, наконец, захватили существо, видимо, уже не принадлежавшее к человеческой породе.

— Он до такой степени не похож на человека, что я, право, не знаю, хорошо ли мы поступили, привезя его сюда, — прибавил Пенкроф.

— Конечно, Пенкроф, вы прекрасно поступили! — с живостью сказал инженер.

— Но ведь этот несчастный лишен рассудка.

— В настоящее время, может быть, и да, — отвечал Сайрес Смит, — но всего несколько месяцев назад это был такой же человек, как мы с вами. Кто знает, во что превратится тот из нас, кто переживет других, после долгого пребывания в одиночестве на этом острове! Горе тому, кто одинок, друзья! По-видимому, одиночество быстро погубило рассудок этого человека, раз вы нашли его в таком состоянии.

— Но что вас заставляет думать, мистер Сайрес, что этот бедняга одичал всего несколько месяцев назад? — спросил Герберт.

— Документ, который мы нашли, написан недавно, а написать его мог только он.

— Если только его не составил товарищ этого человека, который впоследствии умер, — заметил Гедеон Спилет.

— Это невозможно, дорогой Спилет.

— Почему?

— Потому что в бумаге упоминалось бы о двух пострадавших, а она говорит только об одном.

Герберт в нескольких словах рассказал об обстоятельствах обратного плавания, подчеркнул тот любопытный факт, что разум пленника как бы временно воскрес, когда он на мгновение снова сделался моряком в самый разгар бури.

— Хорошо, Герберт, — похвалил его инженер. — Ты прав, что придаешь такое значение этому. Этот несчастный, вероятно, излечим, и только отчаяние сделало его таким, каким он есть сейчас. Здесь он снова найдет себе подобных, и раз в нем есть еще душа, мы спасем его.

Потерпевший крушение на острове Табор был выведен из каюты. Инженер почувствовал великое сострадание, Наб безмерное удивление.

Очутившись на земле, пленник прежде всего выразил намерение бежать. Сайрес Смит подошел к нему и властным движением положил ему руку на плечо, смотря на него с бесконечной нежностью. Несчастный, словно поддаваясь какому-то внушению, понемногу успокоился; он опустил глаза, склонил голову и не оказывал больше сопротивления.

— Бедный страдалец! — тихо проговорил инженер.

Сайрес Смит внимательно наблюдал за пленником. Судя по внешности, в этом несчастном создании не было ничего человеческого, но Сайрес Смит, так же, как и журналист, уловил в его взгляде еле заметный проблеск рассудка.

Было решено, что незнакомец, как его теперь стали называть, поместится в одной из комнат Гранитного Дворца, откуда, впрочем, не было возможности убежать. Он спокойно позволил от-

вести себя туда, и можно было надеяться, что при хорошем уходе он когда-нибудь станет полезным членом колонии.

Во время завтрака, который Наб наскоро приготовил, так как Герберт, Пенкроф и журналист умирали с голоду, Сайрес Смит попросил подробно рассказать ему об обследовании островка. Подобно своим товарищам, инженер полагал, что незнакомец — англичанин или американец. Название «Британия» наводило на эту мысль, и, кроме того, Сайрес Смит, как ему казалось, различил под косматой бородой и спутанной шевелюрой несчастного характерные черты англосакса.

— Послушай-ка, — сказал журналист, обращаясь к Герберту, — ты еще не рассказал нам, как ты повстречался с этим дикарем, и мы знаем лишь, что он бы задушил тебя, если бы нам не удалось подоспеть к тебе на выручку.

— Признаюсь, — ответил Герберт, — мне довольно трудно рассказать, как это случилось. Кажется, я был занят сбором трав, когда мне послышалось, что с какого-то высокого дерева что-то падает, как лавина. Я едва успел обернуться. Этот несчастный, видимо, спрятавшийся в ветвях, бросился на меня, и это заняло меньше

времени, чем нужно для того, чтобы вам все рассказать. Без мистера Спилета и Пенкрофа…

— Дитя мое, сказал Сайрес Смит, — ты подвергся серьезной опасности, но, если бы этого не произошло, несчастный, быть может, не был бы найден и у нас не было бы нового товарища.

— Вы, значит, надеетесь снова сделать из него человека, Сайрес? — спросил журналист.

— Да, — ответил инженер.

После завтрака Сайрес Смит и его друзья вышли из Гранитного Дворца и вернулись на берег моря. Все принялись разгружать «Бонавентур». Инженер, осмотрев оружие и инструменты, не нашел никакого указания, которое позволило бы установить личность незнакомца.

Пойманные на островке свиньи должны были оказаться очень полезными для острова Линкольна. Животных отвели в хлев, где они легко могли привыкнуть к новым условиям жизни.

Два бочонка дроби и пороха и коробки с пистонами были приняты с большой радостью. Колонисты решили даже устроить маленький пороховой погреб в верхней пещере, где не приходилось опасаться взрыва. При этом решили по-прежнему пользоваться пироксилином, так как это вещество давало блестящие результаты,

и не было никаких причин заменять его обыкновенным порохом.

Когда разгрузка была окончена, Пенкроф сказал:

— Мистер Сайрес, я думаю, следует поставить «Бонавентур» в безопасное место.

— А разве ему нехорошо в устье реки? — спросил Сайрес Смит.

— Нет, мистер Сайрес, — ответил моряк, — большую часть времени он сидит на песке, а это ему вредно. Это ведь прекрасный корабль, и он отлично держался во время сильной бури, которая налетела на обратном пути.

— Нельзя ли оставить его прямо на реке?

— Конечно, можно, мистер Сайрес, но в устье он ничем не защищен, а я думаю, что при восточном ветре наше судно будет сильно страдать от волн.

— Куда же вы хотите его поставить, Пенкроф?

— В гавань Воздушного Шара. Эта бухточка, защищенная скалами, кажется мне самым подходящим портом для нашего корабля.

— Не слишком ли это далеко?

— Пустяки! От Гранитного Дворца до этой гавани не больше трех миль, и туда ведет превосходная дорога.

— Ну что же, Пенкроф, отведите туда ваш ко-

рабль. Но все же я предпочел бы иметь его под более непосредственным надзором. Когда у нас будет время, мы устроим для него маленькую гавань.

— Здорово! — вскричал Пенкроф. — Гавань с маяком, молом и сухим доком. Честное слово, мистер Сайрес, с вами все кажется легко.

— Да, мой милый Пенкроф, но при условии, что вы мне будете помогать. Вы ведь всегда делаете три четверти работы.

Герберт с Пенкрофом снова сели на корабль, подняли якорь, распустили парус, и морской ветер быстро погнал его к мысу Когтя. Два часа спустя корабль уже стоял в спокойных водах гавани Воздушного Шара.

В первые дни пребывания незнакомца в Гранитном Дворце его дикая натура, видимо, несколько изменилась. Заблестел ли более яркий свет в его заснувшем мозгу? Да, несомненно, и притом так быстро, что Сайрес Смит и журналист спрашивали себя, был ли когда-нибудь этот несчастный совершенно лишен рассудка.

Незнакомец, привыкший к вольному воздуху и безграничной свободе, которой он пользовался на острове Табор, сначала проявлял глухой гнев, и можно было опасаться, что он выбросится из

окна на берег. Но постепенно он успокоился, и ему предоставили свободу передвижения.

Итак, основания для надежды были большие. Забыв свои инстинкты хищного зверя, незнакомец принимал более культурно приготовленную пищу, чем та, которой он насыщался на острове. Вареное мясо не вызывало у него теперь отвращения, как тогда, на борту корабля.

Сайрес Смит, воспользовавшись минутой, когда незнакомец спал, обстриг волосы и длинную бороду, придававшие ему такой дикий вид. Он также заставил несчастного сбросить прикрывавшую его тряпку и одеться более прилично. После этого незнакомец снова принял человеческий образ, и даже взгляд его стал как будто мягче. Прежде, когда разум освещал его лицо, этот человек, несомненно, был красив. Сайрес Смит поставил себе за правило ежедневно проводить с незнакомцем несколько часов. Он подсаживался к нему с какой-нибудь работой и занимался всевозможными делами с целью привлечь внимание несчастного. Быть может, достаточно одной вспышки, чтобы снова пробудить в нем душу, одного воспоминания, чтобы в мозг вернулся рассудок. Ведь случилось же это на корабле во время бури!

Инженер не забывал также обращаться к незнакомцу с речью, чтобы проникнуть в заснувший разум через органы слуха и зрения. То один, то другой из его товарищей, а иногда и все вместе присоединялись к инженеру; чаще всего они говорили с ним о вещах, имеющих отношение к морскому делу, которые должны быть более близки моряку. Иногда незнакомец как будто прислушивался к их словам, и вскоре колонисты не сомневались, что он частично их понимает. Порою лицо несчастного принимало глубоко страдальческое выражение. Это доказывало, что он внутренне страдает, так как трудно было ожидать от него столь искусного притворства. Но он продолжал молчать, хотя несколько раз казалось, что его губы собираются что-то произнести. Так или иначе, несчастный был грустен и спокоен. Не было ли это спокойствие лишь кажущимся? Не происходила ли его печаль от пребывания в заключении? Пока нельзя было ничего сказать, наверное. Его организм, естественно, должен был мало-помалу измениться: он видел лишь немного предметов, жил в ограниченном кругу, в постоянном общении с колонистами, к которым в конце концов привык, не испытывал никаких желаний и имел лучшую пищу и одежду, чем

прежде. Но проникся ли он новой жизнью или, если применить вполне подходящее для этого слово, «привык», как привыкает животное к своему хозяину»? Это был важный вопрос, и Сайресу Смиту не терпелось разрешить его, но он не хотел принуждать своего больного. Незнакомец ведь был для инженера только больным. Станет ли он когда-нибудь выздоравливающим?

Как внимательно наблюдал за ним Сайрес Смит! Колонисты с искренним волнением следили за всеми фазами лечения, предпринятого Сайресом Смитом. Они тоже помогали ему в этом добром деле и все, кроме, может быть, скептика Пенкрофа, разделяли его веру и надежду.

Незнакомец, как уже сказано, сохранял полное спокойствие. К инженеру, который оказывал на него несомненное влияние, он испытывал нечто вроде привязанности. Сайрес Смит решил сделать опыт и перевести незнакомца в другую среду — к океану, на который он когда-то смотрел, на окраину леса, где, должно быть, прошло много лет его жизни.

— Но можем ли мы рассчитывать, что он не убежит, если дать ему свободу? — спросил Гедеон Спилет.

— Произведем эксперимент, — сказал инже-

нер.

— Ладно, — пробормотал Пенкроф. — Когда этот парень почувствует себя на просторе и дохнет вольного воздуху, он удерет со всех ног.

— Не думаю, — возразил Сайрес Смит.

— Попробуем, — поддержал его журналист.

— Да, попробуем, — сказал инженер.

Это было 30 октября. Следовательно, потерпевший крушение на острове Табор провел пленником в Гранитном Дворце десять дней. Было тепло, и яркое солнце заливало остров своими лучами.

Сайрес Смит и Пенкроф отправились в комнату, в которой находился незнакомец. Он лежал у окна и смотрел на небо.

— Пойдемте со мной, мой друг, — сказал ему инженер. Незнакомец тотчас же поднялся. Он пристально посмотрел на Сайреса Смита и последовал за ним, а Пенкроф, который не слишком верил в благоприятный исход эксперимента, шел сзади.

Дойдя до дверей, Сайрес Смит и Пенкроф усадили незнакомца в подъемник. Герберт, Наб и Гедеон Спилет ожидали их у подножия Гранитного Дворца. Корзина спустилась вниз, и через несколько мгновений все собрались на берегу.

Колонисты отошли от незнакомца, чтобы он мог чувствовать себя свободнее.

Незнакомец сделал несколько шагов по направлению к морю. Его глаза ярко заблестели, но он не сделал ни малейшей попытки к бегству. Он смотрел на волны, которые, разбиваясь о берег острова, замирали на песке.

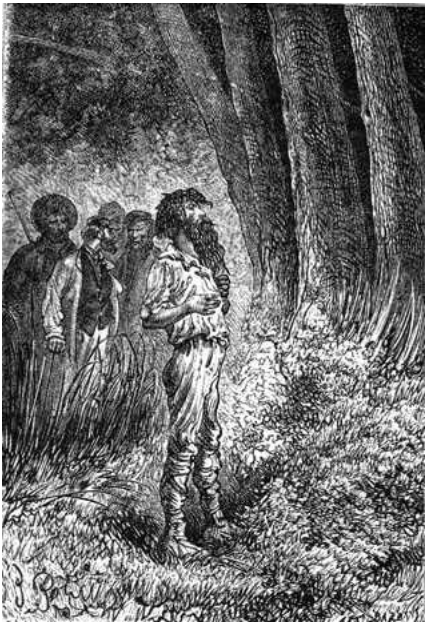
— Это пока что только море, и возможно, что оно не возбуждает в нем желания бежать, — заметил Гедеон Спилет.

— Да, — ответил Сайрес Смит. — Его надо отвести на плато, к опушке леса. Тогда опыт будет более убедителен.

— Да он и не сможет убежать: ведь мосты подняты, — сказал Наб.

— Не такой он человек, чтобы отступить перед ручейком вроде Глицеринового, — возразил Пенкроф. — Стоит ему захотеть, и он разом перемахнет на ту сторону.

— Увидим, — кратко ответил инженер, который все время пристально смотрел в глаза своему больному.



Незнакомца отвели к устью реки Благодарности, и колонисты, пройдя по левому берегу, вышли на плато Дальнего Вида.

Дойдя до того места, где росли первые мощные деревья леса, листья которых слегка колыхались от ветра, незнакомец с наслаждением вдохнул резкий запах, пронизывающий воздух, и глубокий вздох вырвался из его груди.

Колонисты стояли сзади, готовые схватить незнакомца при первой попытке к бегству.

И действительно, бедняга чуть было не бросился в ручей, отделявший его от леса; ноги его на мгновение напряглись, как пружины. Но сейчас же он отошел назад и опустился на землю. Слезы покатились из его глаз.

— О, ты плачешь, — воскликнул Сайрес Смит, — значит, ты снова стал человеком!

ГЛАВА XVI

Тайна, требующая разъяснения — Первые слова незнакомца. — Двенадцать лет на острове. — Вырвавшееся признание. — Исчезновение Айртона. — Предчувствие Сайреса Смита. — Постройка мельницы. — Первый хлеб — Самоотверженный поступок. — Честные руки.

Да, несчастный плакал! Какое то воспоминание, несомненно, промелькнуло у него в мозгу, и, говоря словами Сайреса Смита, слезы снова сделали его человеком. Колонисты позволили незнакомцу немного побыть на плато и даже несколько отошли, чтобы он чувствовал себя свободнее. Но незнакомец и не думал воспользоваться этой свободой, и Сайрес Смит тотчас решил отвести его обратно в Гранитный Дворец. Два дня спустя после этого события незнакомец, по-видимому, почувствовал желание принять участие в жизни колонистов. Он, очевидно, все слышал и понимал, но с каким-то странным упорством отказывался говорить. Однажды вечером Пенкроф, приложив ухо к двери его комнаты,

услышал слова:

— Я? Здесь… Нет! Никогда!

Моряк передал слышанное своим товарищам.

— В этом есть какая-то печальная тайна, — сказал Сайрес Смит.

Незнакомец начал пользоваться земледельческими инструментами и работал на огороде. Он часто прерывал свою работу и как бы уходил в себя, но колонисты, по совету инженера, старались не мешать незнакомцу, который, видимо, стремился к уединению. Когда кто-нибудь подходил к нему, он отступал назад, и рыдания волновали его грудь, словно переполненную скорбью.

Не раскаяние ли угнетало незнакомца? Это казалось вероятным, и Гедеон Спилет не удержался однажды от такого замечания:

— Если он не говорит, то потому, что мог бы рассказать что-то слишком важное.

Оставалось вооружиться терпением и ждать. Несколько дней спустя, 3 ноября, незнакомец работал на плато. Вдруг он остановился и выронил из рук лопату. Сайрес Смит, который издали наблюдал за ним, увидел, что из глаз незнакомца снова потекли слезы.

Неизъяснимая жалость охватила инженера. Он подошел к незнакомцу, дотронулся до его руки

и сказал:

— Друг мой…

Незнакомец пытался избежать его взгляда. Сайрес Смит хотел взять его за руку, но он быстро попятился.

— Друг мой, — сказал Сайрес Смит более повелительным голосом, — посмотрите на меня. Я так хочу.

Незнакомец посмотрел на инженера и, казалось, испытывал на себе его влияние, как усыпляемый испытывает влияние магнетизера. Он хотел бежать, но вдруг его лицо преобразилось, глаза засверкали. Какие-то слова вырывались из его уст. Он не мог больше себя сдерживать. Наконец он скрестил руки на груди и спросил глухим голосом:

— Кто вы такие?

— Потерпевшие кораблекрушение, как и вы, — ответил инженер с глубоким волнением. — Мы привезли вас сюда, к вашим ближним.

— Мои ближние!.. У меня их нет!

— Вы находитесь среди друзей.

— Друзья — у меня?.. Друзья?.. — вскричал незнакомец, закрывая лицо руками. — Нет, никогда… Оставьте меня! Оставьте!..

Он побежал к краю плато, которое возвышалось над морем, и долго стоял там неподвижно.

Сайрес Смит вернулся к товарищам и рассказал им о том, что случилось.

— Да, в жизни этого человека есть какая-то тайна, — сказал Гедеон Спилет. — По-видимому, он вернулся в мир людей лишь путем раскаяния.

— Уж не знаю, что это за человека мы привезли с собой, — сказал Пенкроф. — У него есть какие-то тайны…

— …которые мы должны уважать, — с живостью сказал Сайрес Смит. Если он и совершил преступление, то вполне искупил его, и в наших глазах он невиновен.

Незнакомец простоял часа два на берегу, видимо, переживая в мыслях все свое прошлое — вероятно, мрачное прошлое, — и колонисты, не теряя несчастного из виду, старались не нарушать его одиночества.

Однако через два часа он, по-видимому, принял решение и подошел к Сайресу Смиту. Глаза его были красны от пролитых слез, но он больше не плакал. Лицо его было проникнуто глубоким смирением. Казалось, он чего-то боится, стыдится, будто хочет сделаться как можно меньше. Глаза его были все время устремлены в землю.

— Вы и ваши товарищи — англичане, сударь? — спросил он Сайреса Смита.

— Нет, мы американцы, — ответил инженер.

— Вот как! — произнес незнакомец и тихо добавил: — Это уже лучше.

— А вы, мой друг? — спросил инженер.

— Англичанин, — поспешно ответил незнакомец. Ему, казалось, было нелегко выговорить эти несколько слов. Он удалился и в великом волнении пошел по берегу от водопада до устья реки Благодарности.

Проходя мимо Герберта, он спросил сдавленным голосом:

— Какой месяц?

— Ноябрь, — ответил Герберт.

— Какой год?

— 1866-й.

— Двенадцать лет! Двенадцать лет! — воскликнул незнакомец и быстро удалился.

Герберт рассказал колонистам о вопросах незнакомца и о своих ответах.

— Этот несчастный потерял счет годам и месяцам, — заметил Гедеон Спилет.

— Да, — сказал Герберт. — Прежде чем мы его нашли, он пробыл на острове целых двенадцать лет.

— Двенадцать лет! — повторил Сайрес Смит. — Да, двенадцать лет уединения, быть может, после преступной жизни, могут повредить человеку рассудок.

— Я склонен думать, — сказал Пенкроф, — что этот человек попал на остров Табор не в результате кораблекрушения, а что его оставили там в наказание за какой-то проступок.

— Вы, вероятно, правы, Пенкроф, — сказал журналист. — Если это так, то вполне возможно, что те, кто его там оставил, когда-нибудь вернутся за ним.

— И не найдут его, — сказал Герберт.

— Но, в таком случае, — сказал Пенкроф, — надо вернуться на остров и…

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — не будем обсуждать этот вопрос, пока не узнаем, как обстоит дело. Мне кажется, что несчастный сильно страдал, что он искупил свое преступление, в чем бы оно ни заключалось, и что его мучит потребность излить свою душу. Не следует вызывать его на откровенность. Он сам, наверное, все нам расскажет, и когда мы узнаем его историю, то увидим, что следует предпринять. К тому же только он и может нам сообщить, сохраняет ли он более чем надежду — уверенность когда-нибудь

вернуться на родину. Но я сомневаюсь в этом.

— Почему? — спросил журналист.

— Если бы он был уверен, что его освободят через определенный срок, то не бросил бы в море этот документ. Нет, более вероятно, что он был осужден умереть на этом острове и никогда больше не увидеть своих ближних.

— Тут есть одно обстоятельство, которого я не могу объяснить, — сказал Пенкроф.

— Какое?

— Если этого человека оставили на острове Табор двенадцать лет назад, то можно предполагать, что он уже давно одичал.

— Весьма вероятно, — ответил Сайрес Смит.

— Значит, с тех пор как он написал эту бумагу, прошло несколько лет.

— Конечно… А между тем документ, видимо, написан недавно.

— К тому же можно ли допустить, что бутылка странствовала от острова Табор до острова Линкольна многие годы?

— Это нельзя считать совершенно невозможным, — сказал журналист. — Может быть, она давно находилась неподалеку от острова.

— Нет, — сказал Пенкроф, — она ведь еще плыла. Нельзя даже предположить, что она про-

лежала известное время на берегу и снова была унесена водой. Близ южного берега сплошные утесы, и бутылка неминуемо разбилась бы.

— Это верно, — сказал Сайрес Смит с задумчивым видом.

— А потом, — продолжал моряк, — если бы документ был написан много лет назад, если бы он пробыл так долго в бутылке, то, наверное, пострадал бы от сырости. Ничего подобного не произошло, и бумага прекрасно сохранилась.

Замечание моряка было верно, и этот факт был необъясним. Все указывало на то, что записка написана незадолго до того времени, как ее нашли. Больше того, в ней были приведены точные указания широты и долготы острова Табор, что указывало на довольно основательные сведения ее автора в области гидрографии, которыми не мог обладать простой моряк.

— В этом снова есть что-то необъяснимое, — сказал инженер. — Но не будем вызывать нашего товарища на разговор. Когда он этого пожелает, друзья мои, мы с готовностью его выслушаем.

В течение последующих дней незнакомец не произнес ни одного слова и ни разу не покидал плато. Он обрабатывал землю, не зная отдыха, не отрываясь ни на минуту, но неизменно дер-

жался в стороне. В часы завтрака и обеда он не заходил в Гранитный Дворец, хотя его не раз приглашали, и довольствовался сырыми овощами. С наступлением ночи несчастный не возвращался в отведенную ему комнату, а укрывался под деревьями; в дурную погоду он прятался в углублениях скал. Таким образом, он продолжал жить так же, как жил в те времена, когда не имел над головой иного приюта, кроме лесов острова Табор. Все попытки заставить его изменить свой образ жизни оказались тщетны, и колонисты решили терпеливо ждать. Наконец пришло время, когда у него, властно побуждаемого совестью, как бы невольно вырвалось страшное признание.

10 ноября, часов в восемь вечера, в сумерки, незнакомец внезапно появился перед колонистами, которые собрались под навесом. Его глаза как-то странно сверкали; у него был такой же дикий вид, как прежде, в тяжелые дни.

Сайрес Смит и его товарищи были поражены: зубы незнакомца, охваченного страшным волнением, стучали, как в лихорадке. Что с ним случилось? Неужели общество ближних было для него столь невыносимо? Или ему надоело жить среди порядочных людей? Быть может, он тосковал по прежней дикой жизни? Видимо, да,

так как незнакомец вдруг отрывисто и бессвязно произнес:

— Почему я здесь?.. По какому праву вы увезли меня с моего острова? Разве может быть между нами какая-либо связь?.. Знаете ли вы, кто я такой, что я сделал, почему я был там… один? Кто вам сказал, что меня не оставили нарочно… не осудили на смерть? Знаете ли вы мое прошлое?.. Уверены ли вы, что я не украл… не убил кого-нибудь, что я не негодяй, покинутый всеми, обреченный жить, как дикий зверь, вдали от всех?.. Скажите, знаете ли вы это?

Колонисты молча слушали несчастного. Слова вырывались из его уст как бы помимо воли. Сайрес Смит хотел его успокоить и подошел к нему, но незнакомец быстро попятился.

— Нет! Нет! — вскричал он. — Одно только слово: я свободен?

— Вы свободны, — ответил инженер.

— Тогда — прощайте! — воскликнул незнакомец и, как безумный, бросился в лес.

Наб, Пенкроф и Герберт тотчас же побежали к опушке, но вернулись одни.

— Ему надо предоставить свободу, — сказал Сайрес Смит.

— Он никогда не вернется! — вскричал Пенк-

роф.

— Он вернется, — возразил инженер.

С тех пор прошло много дней, но Сайрес Смит — не было ли это предчувствием? — упорно и непоколебимо продолжал утверждать, что несчастный рано или поздно вернется.

— Это последний протест грубой натуры, которой коснулось раскаяние, — говорил он. — Теперь одиночество покажется ему страшным.

Тем временем колонисты продолжали всевозможные работы на плато Дальнего Вида и в корале, где Сайрес Смит намеревался построить ферму. Излишне говорить, что семена, собранные Гербертом на острове Табор, были заботливо посеяны.

Плато представляло собой в то время большой огород, тщательно распланированный и содержавшийся в полном порядке, и колонистам не приходилось сидеть без дела.

На огороде всегда находилась работа. По мере того как овощи размножались, приходилось расширять гряды, которые превращались в целые поля и понемногу распространялись на луг. Но в других частях острова было достаточно травы, и онаггам не приходилось опасаться, что их посадят на паек. Было целесообразнее занять под огород

плато Дальнего Вида, окруженное глубоким поясом ручьев, и вынести за его пределы луга, которые не нуждались в защите от опустошительных набегов четвероногих и четвероруких.

15 ноября была снята третья жатва. Сильно же разрослось это поле за восемнадцать месяцев, с тех пор, как посеяли первое зерно! Второй сбор, в шестьсот тысяч зерен, дал теперь четыре тысячи буасо, то есть больше пятисот миллионов зерен. Колонисты были теперь богаты хлебом, так как достаточно было посеять с десяток буасо, чтобы обеспечить ежегодный урожай и накормить людей и животных.

Итак, жатва была собрана, и последние две недели ноября обитатели колонии посвятили изготовлению хлеба.

У них было зерно, но не было муки, и оказалось необходимым построить мельницу. Сайрес Смит хотел использовать для устройства двигателя второй водопад, изливавшийся в реку Благодарности (первый уже работал — он приводил в движение песты сукновальной мельницы), но после зрелого обсуждения было решено поставить на плато Дальнего Вида простой ветряк. Построить его было не труднее, чем водяную мельницу, а в движущей силе не могло быть недостатка на

этой возвышенности, открытой морским ветрам.

— К тому же, — говорил Пенкроф, — ветряная мельница будет выглядеть веселей и оживит пейзаж.

Все принялись за работу, тщательно выбирая лес для клетки и механизмов мельницы. Большие глыбы песчаника, найденные на северном берегу озера, нетрудно было превратить в жернова, а что касается крыльев, то материалом для них послужила все та же бесконечная оболочка шара.

Сайрес Смит приготовил чертежи, и место для мельницы было выбрано немного правее птичьего двора, у берега озера. Клетка мельницы должна была покоиться на стержне, закрепленном на толстых досках, и вращаться по воле ветра вместе со всем механизмом.

Работа завершилась быстро. Наб и Пенкроф, как хорошие плотники, точно следовали чертежам инженера. Вскоре на выбранном месте выросла цилиндрическая будка — настоящая мельница, с остроконечной крышей. Четыре рамы, образующие крылья, были плотно вбиты под углом в закладной брус и укреплены железными шипами. Легко оказалось изготовить и различные части внутреннего механизма: коробку для двух жерновов — лежачего и подвижного; насып

— нечто вроде большого квадратного корыта, широкого сверху и узкого снизу, из которого зерно высыпается на жернова; качающийся ковшик, регулирующий выход зерна, который все время щелкает, точно маятник, и поэтому называется «болтуном», и, наконец, сито, которое путем просеивания отделяет муку от отрубей. Инструменты были хорошие, а работа нетрудная, ибо устройство частей мельницы, в сущности, очень несложно. Вопрос был только во времени. Вся колония принимала участие в постройке мельницы, и 1 декабря она была закончена Пенкроф, как всегда, был в восторге от своей работы и не сомневался, что мельница превосходна.

— Теперь только хороший ветер, и мы смелем наш первый урожай!

— Хороший, но не слишком сильный ветер, Пенкроф, — сказал инженер.

— Пустяки! Наша мельница только быстрее завертится.

— Она вовсе не должна вертеться очень быстро, — ответил Сайрес Смит. — По опыту известно,

что мельница работает всего лучше, когда количество оборотов крыльев в минуту в шесть раз больше скорости ветра, выраженной в фут-секундах. Средний ветер, движущийся со скоростью двадцати четырех футов в секунду, дает шестнадцать оборотов крыльев в минуту, а больше нам и не нужно.

— Верно! Сейчас задует славный северо-восточный ветер, и он прекрасно нам подойдет! — вскричал Герберт.

Задерживать пуск мельницы не было никаких оснований, так как колонистам не терпелось попробовать хлеба с острова Линкольна. Утром в этот день было перемолото от двух до трех буасо зерна, и на следующий день к завтраку на столе в Гранитном Дворце красовался великолепный каравай. Он вышел немного слишком плотным, хотя его замесили на пивных дрожжах, но легко себе представить, с каким удовольствием все его уплетали. Между тем незнакомец не появлялся. Гедеон Спилет и Герберт несколько раз обошли лес, окружающий Гранитный Дворец, но не встретили незнакомца, не нашли и следов его. Это длительное исчезновение их серьезно встревожило. Конечно, бывший дикарь с острова Табор легко мог просуществовать в лесах

Дальнего Запада, полных дичи, но разве не могло случиться, что он вернется к своим прежним привычкам и что независимость воскресит в нем инстинкты зверя? Тем не менее Сайрес Смит, словно предчувствуя это, продолжал утверждать, что беглец вернется.

— Да, он вернется, — говорил инженер с верой, которую не разделял ни один из его друзей. — Когда несчастный находился на острове Табор, он знал, что он одинок. Здесь он знает, что его ждут ближние. Раз этот кающийся заговорил о своей прошлой жизни, он вернется рассказать о ней до конца, и в этот день он будет наш!

Событиям суждено было подтвердить, что Сайрес Смит был прав.

3 декабря Герберт, спустившись с плато Дальнего Вида, отправился ловить рыбу на берег озера. Он был безоружен, и до сих пор, действительно, никогда не приходилось принимать предосторожностей, так как дикие звери не показывались в этой части острова.

Пенкроф и Наб работали на птичьем дворе, а Сайрес Смит с журналистом были заняты в Трубах приготовлением соды, необходимой для пополнения запасов мыла.

Внезапно послышались крики:

— На помощь! Ко мне!

Сайрес Смит и журналист были слишком далеко, и эти крики не донеслись до них. Пенкроф же и Наб, выбежав из птичника, со всех ног бросились к озеру.

Но еще раньше незнакомец, о присутствии которого в этом месте никто не подозревал, перескочил через Глицериновый ручей, отделявший плато от леса, и выпрыгнул на противоположный берег. Там перед Гербертом стоял страшный ягуар, похожий на того, которого убили на мысе Пресмыкающегося. Застигнутый врасплох, юноша прижался к дереву; зверь весь подобрался, готовясь к прыжку. Но незнакомец, вооруженный лишь ножом, бросился на животное, и ягуар обернулся к новому противнику.

Борьба была недолга. Незнакомец отличался поразительной силой и ловкостью. Одной рукой, словно клещами, он сдавил горло ягуара, другой — всадил ему в сердце нож, не обращая внимания на то, что когти зверя вонзились ему в тело.

Ягуар упал. Незнакомец оттолкнул его ногой и собирался бежать; в эту минуту колонисты достигли поля битвы. Герберт, удерживая незнакомца, закричал:

— Нет, нет, вы не уйдете!

В это время пришел Сайрес Смит. Он подошел к незнакомцу, который нахмурился при его приближении. Одежда на плече незнакомца была разорвана, и из раны лилась кровь, но он не об-

ращал на это внимания.

— Мой друг, — сказал Сайрес Смит, — мы обязаны вам благодарностью. Чтобы спасти нашего мальчика, вы рисковали жизнью.

— Моей жизнью… — тихо произнес незнакомец. — Что такое моя жизнь? Меньше, чем ничто.

— Вы ранены?

— Это не важно.

— Согласны ли вы подать мне руку?

И, когда Герберт попытался схватить руку, только что спасшую его, незнакомец скрестил руки на груди, которая бурно вздымалась, опустил глаза и как будто хотел бежать. Сделав над собой огромное усилие, он порывисто спросил:

— Кто вы такие? Кем вы хотите быть для меня?

В первый раз он выражал желание узнать историю колонистов. Может быть, услышав эту историю, он расскажет и о себе.

Сайрес Смит в нескольких словах сообщил ему обо всем, что случилось с ними со времени их отлета из Ричмонда, как они выходили из затруднений и какие средства были теперь в их распоряжении. Незнакомец слушал его с большим вниманием. Затем инженер рассказал ему о себе и прочих колонистах и прибавил, что

самым радостным днем со времени их прибытия на остров Линкольна был тот день, когда, возвратившись с острова Табор, они привезли с собой нового товарища. При этих словах незнакомец покраснел, голова его склонилась на грудь: он казался крайне расстроенным.

— Теперь, когда вы знаете, кто мы, — сказал Сайрес Смит, — дайте же мне руку.

— Нет, нет, глуховатым голосом ответил незнакомец. — Вы — честные люди. А я…

ГЛАВА XVII

Всегда в стороне. — Просьба незнакомца. — Ферма в корале. — Двенадцать лет назад! — Боцман с «Британии». — Один на острове Табор. — Рука Сайреса Смита. — Таинственный документ.

Последние слова незнакомца оправдывали предчувствие колонистов. В жизни этого несчастного было что-то мрачное, какое-то преступление. Он, может быть, искупил его в глазах людей, но не находил для него оправдания в своей совести. Во всяком случае, виновный чувствовал раскаяние, и его новые друзья от всего сердца пожали бы руку, которую они просили подать им; но он не считал себя достойным протянуть ее честным людям.

Все же после происшествия с ягуаром он не вернулся в лес и не покидал с того времени плато.

Какова была тайна этой жизни? Заговорит ли когда-нибудь незнакомец? Об этом скажет будущее. Как бы то ни было, колонисты решили никогда не спрашивать его об этой тайне и вести себя так, словно они ничего не подозревают.

Несколько дней жизнь текла по-прежнему. Сайрес Смит и Гедеон Спилет работали вместе, занимались то физикой, то химией. Журналист покидал инженера лишь для того, чтобы охотиться вместе с Гербертом, ибо пускать юношу в лес одного было бы неосторожно и приходилось быть начеку. Что же касается Наба и Пенкрофа, то они проводили время в конюшнях, на птичнике или в корале и работали в Гранитном Дворце; дел у них всегда было достаточно.

Незнакомец работал в стороне от других. Он вернулся к своему обычному образу жизни, но обедал и завтракал отдельно от других, ночевал под деревьями и никогда не присоединялся к товарищам. Можно было подумать, что общество тех, кто его спас, было для него невыносимо.

— Но если так, — говорил Пенкроф, почему же он попросил помощи у своих ближних? Зачем он бросил этот документ в море?

— Он нам это скажет, — неизменно отвечал Сайрес Смит.

— Когда?

— Может быть, раньше, чем вы думаете, Пенкроф.

И действительно, день признаний был близок. 10 декабря, через неделю после возвращения в

Гранитный Дворец, незнакомец подошел к Сайресу Смиту и спокойно и смиренно сказал ему:

— Сударь, у меня есть к вам просьба.

— Говорите, — ответил инженер, — но сначала позвольте мне сказать вам два слова.

При этих словах незнакомец покраснел и хотел уйти. Сайрес Смит понял, что происходит в его душе. Он, очевидно, боялся, что инженер будет спрашивать его о прошлом. Сайрес Смит взял его за руку и удержал.

— Друг мой, — сказал он ему, — мы не только ваши сожители, но и ваши друзья. Вот что я вам хотел сказать. А теперь я вас слушаю.

Незнакомец провел рукой по глазам. Его охватила дрожь, и несколько секунд он не мог вымолвить ни слова.

— Сударь, — сказал он наконец, — я пришел вас просить об одной милости.

— Какой же?

— Вы устроили в четырех или пяти милях отсюда, у подножия горы, кораль для ваших животных. Эти животные нуждаются в уходе. Не разрешите ли вы мне жить там с ними?

Сайрес Смит долго смотрел на несчастного с чувством глубокого сожаления. Потом сказал:

— Друг мой! В корале ничего нет, кроме стойл,

которые годятся только для животных.

— Они достаточно хороши для меня.

— Друг, — продолжал Сайрес Смит, — мы не собираемся ни в чем вам перечить. Вы всегда будете желанным гостем в Гранитном Дворце. Но если вам хочется жить в корале, мы примем необходимые меры, чтобы вы были там удобно устроены.

— Не важно, как. Мне всегда будет хорошо там.

— Милый друг, — ответил Сайрес Смит, который умышленно обращался к незнакомцу с этим сердечным словом, — предоставьте нам самим судить о том, что нам нужно для этого сделать.

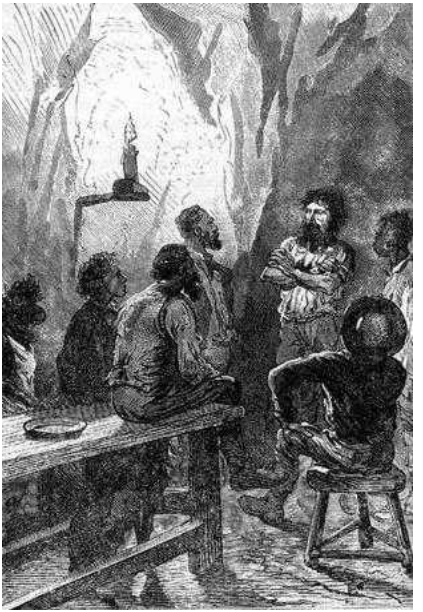
— Благодарю вас, сударь, — ответил незнакомец и удалился.

Инженер сейчас же сообщил своим друзьям о сделанном ему предложении, и колонисты решили построить в корале дом, сделав его как можно удобнее.

В этот же день члены колонии, захватив необходимые инструменты, отправились в кораль, и еще до конца недели дом был готов принять своего жильца. Новая постройка возвышалась футах в двадцати от стойл. С этого места нетрудно было наблюдать за стадом муфлонов, которых насчитывалось в то время больше восьмидеся-

ти голов. Колонисты изготовили кровать, стол, скамейку, шкаф и сундук и перевезли в кораль оружие, боевые припасы и инструменты.

Незнакомец ни разу не пришел посмотреть на свое новое жилище и предоставил колонистам самим строить его; в это время он работал на плато, желая, видимо, закончить свою работу. И действительно, благодаря его трудолюбию вся земля была обработана, и ее можно было засевать, когда придет время.



К 20 декабря устройство дома было закончено. Инженер объявил незнакомцу, что новое жилище готово его принять, и тот ответил, что сегодня же будет ночевать там.

В этот вечер колонисты собрались в большом зале Гранитного Дворца. Было восемь часов, когда их товарищ собирался покинуть их. Не желая стеснять его своим присутствием и думая, что ему, быть может, будет тяжело прощаться с ними,

колонисты оставили его одного и возвратились в Гранитный Дворец.

Они уже несколько минут беседовали в большом зале, когда раздался легкий стук в дверь. Незнакомец вошел и сказал без всяких предисловий:

— Господа, прежде чем я вас покину, вы должны узнать мою историю. Вот она.

Эти простые слова произвели глубокое впечатление на Сайреса Смита и его товарищей.

Инженер встал.

— Мы ни о чем вас не спрашиваем, друг мой, — сказал он. — Если вы хотите молчать — это ваше право.

— Это моя обязанность говорить.

— Тогда присядьте.

— Я буду стоять.

— Мы готовы вас слушать, сказал Сайрес Смит.

Незнакомец стоял в углу зала, где было полутемно. Голова его была обнажена, руки скрещены на груди, и, сохраняя эту позу, он начал глухим голосом, как человек, который принуждает себя говорить. Вот его рассказ, который слушатели не прерывали ни одним словом.

— 20 декабря 1854 года увеселительная паровая яхта «Дункан», принадлежавшая шотландцу

Гленарвану, бросила якорь у мыса Бернуили, на западном побережье Австралии, на тридцать седьмой параллели. На борту яхты находились: Гленарван, его жена, один майор английской армии, француз-географ, девушка и юноша. Эти последние были дочь и сын капитана Гранта, корабль которого, «Британия», погиб со всем своим грузом годом раньше. Яхтой «Дункан» командовал капитан Джон Мангле, и обслуживалась она экипажем в пятнадцать человек.

Вот почему эта яхта находилась в то время у австралийских берегов: шестью месяцами раньше в Ирландском море была найдена и подобрана экипажем «Дункана» бутылка, содержащая документ, написанный по-английски, по-немецки и по-французски. В этом документе говорилось, что после гибели «Британии» остались в живых три человека: капитан Грант и двое матросов, и что они нашли убежище на какой-то земле. В записке указывалась широта этого места, но цифры долготы были стерты водой, и их невозможно было разобрать. Широта равнялась 37°11' к югу от экватора. Долгота оставалась неизвестной, но если пройти вдоль тридцать седьмой параллели через моря и материки, можно было достигнуть той земли, где находились капитан Грант и два

его спутника.

Английское адмиралтейство отказалось предпринять эти поиски, и тогда Гленарван решил сделать все, чтобы найти капитана. Мери и Роберт Грант обратились к нему. Яхта «Дункан» была снаряжена для дальнего похода, в котором пожелали принять участие семейство Гленарвана и дети капитана Гранта. «Дункан» вышел из Глазго, направился к Атлантическому океану, прошел через Магелланов пролив и поднялся по Тихому океану до Патагонии, где, судя по первоначальному толкованию документа, находился капитан Грант, взятый в плен туземцами.

«Дункан» высадил своих пассажиров на западном берегу Патагонии, с тем чтобы принять их на восточном побережье, у мыса Коррьентес.

Гленарван прошел через Патагонию, следуя по тридцать седьмой параллели, но, не найдя никаких следов капитана, он 13 ноября снова сел на корабль с целью продолжать свои поиски на океанских островах.

Посетив без всякого результата остров Тристан-да-Кунья и остров Амстердам, лежавшие на его пути, «Дункан», как я уже говорил, достиг мыса

Бернуили на австралийском берегу 20 декабря 1854 года.

Гленарван намеревался пройти Австралию, так же, как и Америку, и высадился на сушу. В нескольких милях от океана находилась ферма, принадлежавшая одному ирландцу, который оказал путешественникам гостеприимство. Гленарван сообщил ирландцу об обстоятельствах, приведших его в эти места, и спросил: известно ли ему, что английское трехмачтовое судно «Британия» погибло меньше чем два года назад у западных берегов Австралии?

Ирландец никогда не слышал об этом корабле. Но, к крайнему изумлению присутствующих, один из его слуг вмешался и сказал:

— Если капитан Грант еще жив, он находится на земле Австралии.

— Кто вы такой? — спросил Гленарван.

— Я шотландец, как и вы, сэр, — ответил этот человек. — Я один из спутников капитана Гранта, спасшихся после гибели «Британии».

Этого человека звали Айртон; как свидетельствовали его документы, он был боцманом на «Британии». Потеряв из виду капитана Гранта, когда корабль разбился о прибрежные скалы, он думал, что его капитан и вся команда погибли и

только он, Айртон, остался в живых.

— «Британия» погибла не на западном, а на восточном берегу Австралии, — продолжал он. — И если капитан Грант действительно жив, как видно из его записки, то он попал в плен к туземцам, и его следует искать на противоположном берегу.

В голосе этого человека звучала искренность, глаза его смотрели прямо. Нельзя было сомневаться в его словах. Ирландец, у которого он прослужил больше года, ручался за него. Гленарван поверил честности этого человека и, следуя его советам, решил пройти Австралию вдоль тридцать седьмой параллели. В отряд под предводительством Айртона должны были войти: Гленарван, его жена, юноша и девушка, капитан Манглс, майор, француз и несколько матросов, в то время как «Дункан» под командой помощника капитана Тома Остина направлялся в Мельбурн и должен был ждать там дальнейших инструкций Гленарвана. 23 декабря 1854 года отряд отправился в путь.

Теперь время сказать, что этот Айртон был предателем. Он действительно служил боцманом на «Британии», но, поссорившись с капитаном, решил вызвать среди экипажа бунт и захватить

корабль. 8 апреля 1852 года капитан Грант высадил его на западном берегу Австралии, покинул его там и отплыл, что было только справедливо. Итак, этот негодяй ничего не знал о гибели «Британии». Он узнал об этом только из рассказа Гленарвана. С тех пор, как его покинули, он сделался атаманом шайки беглых преступников и принял имя Бен Джойса. Бесстыдно утверждая, что корабль потерпел крушение на восточном берегу, и направляя Гленарвана в эту сторону, он надеялся увести его подальше от яхты, завладеть «Дунканом» и превратить это судно в пиратский корабль…

Тут незнакомец на мгновение смолк. Дрожащим голосом он продолжал свой рассказ:

— Экспедиция выступила в путь и направилась по австралийской земле. Естественно, она оказалась неудачной, так как предводительствовал ею Айртон, или Бен Джойс, впереди или сзади которого следовала его банда, уже предупрежденная о готовящемся преступлении.

Между тем «Дункан» был отправлен в Мельбурн для ремонта. Дело заключалось, следовательно, в том, чтобы убедить Гленарвана отдать приказ капитану судна выйти из Мельбурна и направиться к восточному берегу Австралии, где легко будет

завладеть яхтой. Приведя отряд на довольно близкое расстояние от этого берега, оказавшись с ним в обширном лесу, где не было никаких средств к существованию, Айртон добился у Гленарвана письма, которое он взялся доставить помощнику капитана яхты. В этом письме содержался приказ яхте немедленно направиться к восточному берегу, в бухту Туфольд, которая находилась в нескольких днях пути от местопребывания отряда. Именно там Айртон назначил свидание своим сообщникам.

Уже собираясь взять это письмо, предатель был разоблачен, и ему оставалось только бежать. Но письмо, которое должно было отдать яхту ему в руки, необходимо было заполучить во что бы то ни стало. Айртону удалось завладеть им, и два дня спустя он уже был в Мельбурне.

До сих пор преступнику удавались его гнусные планы. Он рассчитывал отвести яхту в бухту Туфольд, где разбойникам было бы легко овладеть судном и перебить его экипаж. Тогда Бен Джойс надеялся стать хозяином этих вод.

Прибыв в Мельбурн, Айртон отдал письмо помощнику капитана Тому Остину, который ознакомился с ним и тотчас же тронулся в путь. Можно судить о ярости и разочаровании Айрто-

на, когда на следующий день после отплытия он узнал, что помощник капитана ведет корабль не к восточному берегу Австралии, в бухту Туфольд, а на восточный берег Новой Зеландии. Он пожелал воспрепятствовать этому, но Том Остин показал ему письмо.

И действительно, по счастливой ошибке француза-географа, который писал письмо, местом прибытия корабля был: назначен берег Новой Зеландии.

Все планы Айртона рушились. Он попробовал поднять бунт. Его заперли. Его привезли к берегам Новой Зеландии, и он не знал, что сталось с его сообщниками и с Гленарваном.

«Дункан» крейсировал возле этого берега до 3 марта. В этот день Айртон услышал выстрелы. Это стреляли пушки «Дункана», и вскоре Гленарван и его друзья были на борту.

Вот что произошло.

После великих лишений и опасностей Гленарван закончил свое путешествие и достиг восточного берега Австралии у бухты Туфольд. Яхты там не было. Гленарван телеграфировал в Мельбурн. Ему ответили: «Дункан» отплыл 18-го текущего месяца в неизвестном направлении.

Гленарвану оставалось предположить лишь

одно: что его яхта попала в руки Бен Джойса и стала пиратским судном. Тем не менее Гленарван не хотел сдаваться. Это был человек смелый и великодушный. Он сел на торговое судно достиг западного берега Новой Зеландии и прошел материк по тридцать седьмой параллели, не обнаружив никаких следов капитана Гранта. К своему большому» удивлению, он нашел на другом берегу «Дункан» под командой Тома Остина. Яхта ожидала его уже пять недель. Было 3 марта 1855 года.

Итак, Гленарван был на борту «Дункана». Но Айртон находился там же. Он предстал перед Гленарваном, который хотел вытянуть из него все, что бандит мог знать о капитане Гранте. Айртон отказался говорить. Тогда Гленарван сказал ему, что на первой же остановке он будет передан английским властям. Айртон хранил молчание.

«Дункан» поплыл дальше вдоль тридцать седьмой параллели. Между тем жена Гленарвана попыталась преодолеть упорство бандита. Наконец ее влияние одержало верх, и Айртон попросил Гленарвана в обмен на те сведения, которые он может дать, оставить его на каком-нибудь острове в Тихом океане и не предавать английским властям. Гленарван, готовый на

все, чтобы узнать что-нибудь о капитане Гранте, согласился.

Тогда Айртон рассказал всю свою жизнь, и выяснилось, что начиная с того дня, когда капитан Грант высадил его на берегу Австралии, он ничего не знает.

Тем не менее Гленарван сдержал данное слово. «Дункан» продолжал свой путь и достиг острова Табор. Здесь Айртона должны были высадить, и здесь же, как раз на тридцать седьмой параллели, каким-то чудом был обнаружен капитан Грант с двумя матросами. Преступник должен был заменить их на этом пустынном острове.

Вот что сказал Айртону Гленарван, когда он покидал яхту:

— Здесь вы будете далеко от всякой земли и не сможете поддерживать связь со своими ближними. Вам не удастся убежать с острова, на котором вас оставляет «Дункан». Вы будете один. Но вы не будете одиноки, как капитан Грант. Как нимало заслуживаете вы, чтобы люди вас помнили, они вас не забудут. Я знаю, где вы находитесь, Айртон. Я знаю, где вас найти. Я никогда не забуду об этом.

«Дункан» отчалил и вскоре скрылся из виду.

Это было 18 марта 1855 года[40].

Айртон остался один. Но у него не было недостатка ни в оружии, ни в боевых припасах, ни в зерне. Ему, этому преступнику, предоставили дом, выстроенный благородным капитаном Грантом. Айртону оставалось только жить там и искупить в одиночестве преступление, которое он совершил.

Господа, он раскаялся, он стыдился своих преступлений, он был очень несчастен! Он говорил себе, что, если люди когда-нибудь вернутся за ним на этот островок, он должен быть достоин вернуться в их общество. Как он страдал, несчастный! Как усиленно он работал, чтобы перевоспитать, себя трудом!

Так продолжалось два, три года. Айртон, подавленный одиночеством, не сводивший глаз с моря, чтобы не пропустить корабль на горизонте, спрашивал себя, скоро ли кончится время искупления, и страдал так, как никто до него не страдал. О, как ужасно одиночество для души, терзаемой угрызениями совести! Но судьба, ви-

---

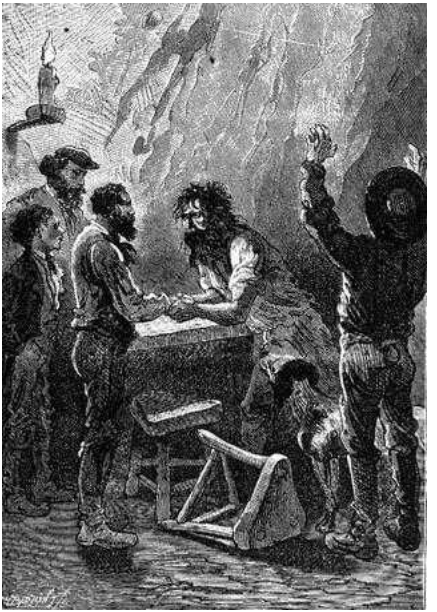
[40] Примечания: 40

События, которые только вкратце изложены, взяты из книги, без сомнения знакомой большинству наших читателей и носящей заглавие «Дети капитана Гранта». И здесь и в дальнейшем они, вероятно, заметят некоторые расхождения в датах, но впоследствии станет понятно, почему верные даты не могли быть сообщены.

димо, считала, что несчастный еще недостаточно наказан, ибо он понемногу начал сознавать, что становится дикарем. Он чувствовал, что мало-помалу превращается в животное. Он не может сказать вам, случилось это через два или через четыре года уединенной жизни, но в конце концов он превратился в то несчастное существо, которое вы нашли…

— Мне незачем говорить вам, господа, что Айртон или Бен Джойс — это я.

Сайрес Смит и его товарищи при последних словах Айртона поднялись на ноги. Трудно выразить, до чего они были взволнованы. Перед ними обнаружились такие страдания, столько горя и отчаяния!



— Айртон, — сказал Сайрес Смит, — вы были большим преступником... но вы искупили свои преступления. Айртон, вы прощены. Хотите ли вы быть нашим товарищем?

Айртон попятился.

— Вот моя рука, — сказал инженер.

Айртон бросился к протянутой руке, и крупные слезы потекли у него из глаз.

— Хотите жить с нами? — спросил Сайрес

Смит.

— Мистер Смит, оставьте меня еще ненадолго одного! — ответил Айртон. — Оставьте меня в этом доме в корале.

— Как вам будет угодно, Айртон, — ответил Сайрес Смит.

Айртон собирался уже уходить, когда инженер задал ему последний вопрос:

— Еще одно слово, друг мой. Если вы хотите жить в одиночестве, то почему же вы бросили в море тот документ, который навел нас на ваши следы?

— Документ? — повторил Айртон, видимо, не понимая, о чем с ним говорят.

— Да, документ, закупоренный в бутылку, которую мы нашли. В нем указывалось точное местоположение острова Табор.

Айртон провел рукой по лбу. Подумав немного, он сказал:

— Я никогда не бросал в море никаких документов.

— Никогда? — воскликнул Пенкроф.

— Никогда.

Сказав это, Айртон поклонился, направился к двери и вышел.

ГЛАВА XVIII

Беседа. — Сайрес Смит и Гедеон Спилет. — Идея инженера. — Электрический телеграф. — Проволока. — Батарея. — Алфавит. — Лето. — Колония процветает. — Занятия фотографией. — Мнимый снег. — Два года на острове.

— Бедняга! — сказал Герберт, который бросился было к двери, но возвратился, увидев, что Айртон соскользнул по веревке подъемника и исчез в темноте.

— Он вернется, — сказал Сайрес Смит.

— Черт возьми, мистер Сайрес, — воскликнул Пенкроф, — что же это все означает? Как! Не Айртон бросил в море бутылку? Но в таком случае — кто же?

Можно смело сказать, что моряк имел все основания задать этот вопрос.

— Это сделал он, — сказал Наб. — Но только несчастный был уже наполовину помешан.

— Это единственное объяснение, друзья мои, — с живостью подхватил Сайрес Смит. — Теперь я понимаю, почему Айртон мог точно указать

местоположение Табора: ведь после событий, которые предшествовали его высадке на остров, он не мог не знать его координат.

— Однако, заметил Пенкроф, — как могло случиться, что бумага не пострадала от сырости, если Айртон писал ее лет семь-восемь назад, когда он еще не превратился в животное?

— Это доказывает, — ответил инженер, что Айртон лишился рассудка гораздо позже, чем он полагает.

— Да, это, должно быть, так, иначе происхождение документа необъяснимо, — сказал Пенкроф.

— Действительно, совершенно необъяснимо, — ответил инженер, которому явно не хотелось продолжать этот разговор.

— Но сказал ли нам Айртон правду? — спросил моряк.

— Да, — ответил журналист. — История, которую он рассказал, правдива от начала до конца. Я хорошо помню, что в газетах писали о попытке Гленарвана и о результатах, которых он достиг.

— Айртон сказал правду, — прибавил Сайрес Смит. — Не сомневайтесь в этом, Пенкроф, так как он был слишком беспощаден к себе самому. Когда человек так себя обвиняет, он не лжет.

На другой день, 21 декабря, колонисты спусти-

лись на берег и не нашли там Айртона Айртон ночью отправился в свое жилище в кораль, и колонисты сочли за лучшее не докучать ему своим присутствием. Время должно было совершить то, чего не могли сделать никакие настояния.

Герберт, Пенкроф и Наб вернулись к своим обычным занятиям. В этот же день Сайрес Смит и журналист сошлись за общей работой в мастерской Труб.

— Знаете, милый Сайрес, сказал Гедеон Спилет, — ваше вчерашнее объяснение по поводу бутылки нимало меня не удовлетворило. Как можно допустить, что этот несчастный написал записку и бросил бутылку в море, но не сохранил об этом ни малейшего воспоминания?

— Бутылку бросил не он, дорогой Спилет.

— Значит, вы думаете…

— Я ничего не думаю, ничего не знаю! — прервал журналиста Сайрес Смит. — Я только присоединяю это событие к тем, для которых пока не имею объяснения.

— Поистине, все это невероятно, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет. Ваше спасение, ящик, выброшенный на песок, приключения Топа и, наконец, бутылка. Неужели же мы никогда не узнаем разгадку этой тайны?

— Узнаем, хотя бы мне пришлось для этого перерыть самые недра острова! — с живостью ответил инженер.

— Может быть, случай даст нам ключ к загадке, — заметил Спилет.

— Случай! Спилет, я не верю ни в случаи, ни в тайны на этом свете. Всем этим необъяснимым происшествиям есть причина, и я ее найду. А пока будем наблюдать и работать.

Наступил январь. Начинался 1867 год. Летние работы велись с большим усердием. В течение следующих дней Герберт и Гедеон Спилет, побывавшие в корале, могли установить, что Айртон вступил во владение приготовленным для него жилищем. Он наблюдал за многочисленными стадами, порученными его заботам, и колонисты были избавлены от труда раз в два-три дня посещать кораль. Однако они довольно часто бывали у Айртона, чтобы не оставлять его одного надолго.

Некоторые подозрения инженера и журналиста заставляли их наблюдать за этой частью острова. В случае каких-нибудь происшествий Айртон не преминул бы сообщить о них обитателям Гранитного Дворца.

Могло, однако, случиться, что произойдет

какое-либо неожиданное событие, о котором необходимо будет тут же известить инженера. Не говоря уже об обстоятельствах, связанных с тайной острова Линкольна, многие другие события — например, появление судна в виду западного берега, кораблекрушение в этом районе, набег пиратов и т. п. — могли потребовать немедленного вмешательства колонистов.

Поэтому Сайрес Смит решил обеспечить быструю связь кораля с Гранитным Дворцом.

10 января он поделился с товарищами своим планом.

— Как же вы за это приметесь, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф. — Уж не думаете ли вы устроить телеграф?

— Вы угадали, — ответил инженер.

— Электрический телеграф? — воскликнул Герберт.

— Да, электрический, — подтвердил Сайрес Смит. — У нас есть все необходимые вещества, чтобы устроить батарею. Труднее всего будет вытянуть железную проволоку. Но я надеюсь, что при помощи волочильни мы и с этим справимся.

— Ну, теперь я уже не сомневаюсь, что мы когда-нибудь будем кататься по железной доро-

ге! — вскричал Пенкроф.

Колонисты принялись за работу и начали с самого трудного, то есть с изготовления проволоки — ведь в случае неудачи было бы не к чему изготовлять батарею и остальное оборудование.

Железо на острове Линкольна было, как известно, превосходно по качеству и, следовательно, очень пригодно для волочения. Прежде всего, Сайрес Смит сделал волочильню, то есть стальную пластинку с коническими отверстиями различного диаметра; последовательно протягивая сквозь них проволоку, можно было довести ее до желаемой толщины. Этот кусок стали сначала накалили «на всю крепость», как говорят металлурги, потом устойчиво закрепили на раме, плотно врытой в землю всего в нескольких футах от большого водопада, который инженер снова хотел использовать как двигатель.

Да, там стояла валяльная мельница. Она в это время не работала, но ее вал, приводимый в движение мощной силой воды, мог волочить проволоку, наматывая ее на себя.

Это была очень тонкая операция, требовавшая большой тщательности. Железо предварительно было вытянуто в длинные тонкие прутья, концы которых обточили подпилком. Потом эти прутья

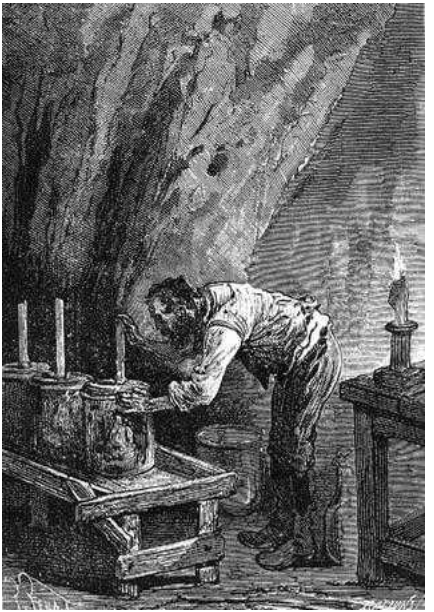
вставили в большое отверстие волочильни, и вал намотал их на себя, вытянув до двадцати пяти — тридцати футов. Затем проволоку последовательно протягивали через отверстия меньшего диаметра.

В конце концов, инженер получил куски проволоки длиной от сорока до пятидесяти футов, которые нетрудно было соединить и протянуть на пять миль, отделявшие кораль от Гранитного Дворца.

Чтобы закончить эту работу, понадобилось всего несколько дней. Как только машина была пущена в ход, Сайрес Смит предоставил товарищам волочить проволоку, а сам занялся изготовлением батареи.

В данном случае необходимо было получить батарею постоянного тока. Как известно, в современных батареях элементы состоят обычно из ретортового угля, цинка и меди. Меди у инженера совершенно не было, и, несмотря на все свои поиски, он не обнаружил на острове никаких следов этого металла, так что приходилось обойтись без нее. Ретортовый уголь, то есть тот твердый графит, который остается в ретортах газовых заводов после того, как из каменного угля выделится водород, можно было бы получить, но для

этого пришлось бы строить специальные аппараты и много трудиться. Что же касается цинка, то, как помнит читатель, ящик, найденный на мысе Находки, был покрыт чехлом из этого металла, и нельзя было найти для него лучшего употребления. После зрелого размышления Сайрес Смит решил изготовить самую простую батарею, похожую на ту, которую изобрел Беккерель в 1820 году. В состав ее элементов входил один лишь цинк. Что же касается других веществ — азотной кислоты и поташа, то они имели в изобилии. Вот каким образом была устроена батарея, эффект которой основывался на взаимодействии кислоты и поташа.



Инженер изготовил несколько стеклянных банок и наполнил их азотной кислотой. Потом он заткнул каждую банку пробкой, пропустив через нее стеклянную трубку, нижний конец которой был заткнут глиняной втулкой, обмотанной куском тряпки. Через верхний конец этой трубки он влил раствор поташа, добытый ранее путем сжигания различных растений, и, таким образом, кислота и поташ могли действовать друг на

друга через глину. Затем Сайрес Смит взял две цинковые пластинки и погрузил одну в азотную кислоту, а другую — в раствор поташа. Немедленно возник электрический ток, который пошел от пластинки, погруженной в банку, к пластинке, вставленной в трубку. Когда эти пластинки были соединены металлической проволокой, пластинка в трубке превратилась в положительный, а пластинка в банке — в отрицательный полюс прибора. Получилось столько источников тока, сколько было банок. Соединение их оказалось вполне достаточным, чтобы привести в действие электрический телеграф.

Таков был остроумный и чрезвычайно простой аппарат, который построил Сайрес Смит. При помощи этого аппарата он мог установить телеграфное сообщение между Гранитным Дворцом и коралем.

6 февраля началась установка столбов со стеклянными изоляторами, между которыми нужно было протянуть проволоку вдоль всей дороги в кораль. Несколько дней спустя проволока была протянута и готова передавать со скоростью ста тысяч километров в секунду электрический ток, который должен был возвращаться к исходному пункту через землю. Были изготовлены две ба-

тареи: одна для Гранитного Дворца, другая для кораля; ибо если кораль должен был сообщаться с Гранитным Дворцом, то в некоторых случаях могло понадобиться, чтобы и Гранитный Дворец сообщался с коралем.

Что же касается приемника и манипуляторов, то они были очень просты. На обеих станциях провод был прикреплен к электромагниту — то есть куску мягкого железа, обмотанного проволокой. Если между обоими полюсами устанавливалась связь, то ток, исходивший от положительного полюса, проходил по проволоке, переходил в электромагнит, на время намагниченный, и возвращался через землю к отрицательному полюсу. Как только связь прерывалась, электромагнит тотчас же размагничивался. Поэтому достаточно было поставить перед электромагнитом кусочек мягкого железа, который притягивался к магниту при прохождении тока и снова падал, когда тока не было. Получив таким образом подвижную пластинку, Сайрес Смит без труда мог прикрепить к ней иголку, укрепленную на диске, по ободку которого были расположены буквы алфавита, и так одна станция переписывалась с другой. Весь прибор был окончательно установлен 12 февраля.

В этот день Сайрес Смит, пустив ток по прово-

локе, спросил, все ли обстоит хорошо в корале, и через несколько мгновений получил от Айртона удовлетворительный ответ.

Пенкроф был вне себя от радости и каждый день, вечером и утром, посылал в кораль телеграммы, никогда не остававшиеся без ответа. Этот способ связи имел два вполне реальных преимущества: во-первых, он позволял установить присутствие в корале Айртона и, во-вторых, не оставлял последнего в одиночестве. Впрочем, Сайрес Смит не реже раза в неделю посещал его, и Айртон, со своей стороны, время от времени приходил в Гранитный Дворец, где всегда встречал радушный прием.

Лето прошло в обычных работах. Ресурсы колонии, особенно овощные и злаковые, увеличивались со дня на день. Посевы семян, привезенных с острова Табор, прекрасно взошли. Плато Дальнего Вида представляло собой очень успокоительное зрелище. Четвертый урожай хлеба оказался превосходным, и, как всякий понимает, никто не вздумал считать, дала ли жатва ожидаемые четыреста миллиардов зерен. Пенкроф, правда, попытался это сделать, но Сайрес Смит заметил ему, что если бы даже он мог считать по триста зерен в минуту, то есть восемнадцать тысяч зерен

в час, ему понадобилось бы для его вычислений около пяти тысяч пятисот лет; и бравый моряк отказался от своего намерения. Стояла прекрасная погода. Днем температура была очень высокая, по вечерам морской ветер смягчал жару, а ночи были даже прохладны. За лето пронеслось несколько гроз; они, правда, были непродолжительны, но обрушивались на остров Линкольна с необычайной силой. Несколько часов подряд на небе полыхали молнии и непрерывно грохотал гром. К этому времени маленькая колония достигла значительного процветания. Обитатели птичьего двора непрестанно размножались, и колонисты питались ими, так как необходимо было уменьшить население птичника до более скромных цифр. Свиньи принесли поросят, и понятно, что уход за этими животными отнимал у Наба и Пенкрофа много времени. Онагги, принесшие двух красивых жеребят, чаще всего возили на себе Гедеона Спилета и Герберта, который под руководством журналиста стал прекрасным наездником. Животных часто запрягали в повозку, чтобы доставлять в Гранитный Дворец дрова, уголь или различные полезные ископаемые, которые были нужны инженеру. За это время колонисты совершили несколько экспедиций в

дремучие леса Дальнего Запада. Исследователи, направляясь туда, могли не бояться чрезмерно высокой температуры, так как солнечные лучи едва проникали сквозь густую листву, раскинувшуюся над их головой. Они обошли левый берег реки Благодарности, по которому тянулась дорога, ведшая из кораля к устью ручья Водопада. Отправляясь в эти экспедиции, колонисты не забывали хорошо вооружаться, так как им часто попадались очень злые и дикие кабаны, с которыми приходилось вступать в бой.

Как раз в этот период началась жестокая война с ягуарами. Гедеон Спилет питал к ним особенную ненависть, и его ученик Герберт был ему хорошим помощником: прекрасно вооруженные, они нисколько не опасались встречи с одним из этих хищников. Герберт проявлял безудержную отвагу, журналист отличался поразительным хладнокровием, и около двадцати великолепных шкур украшало большой зал Гранитного Дворца. Продолжая так, охотники могли вскоре достигнуть своей цели — окончательно истребить на острове породу ягуаров.

Инженер иногда принимал участие в экспедициях в неисследованные области острова, которые он тщательно изучал. В самых глухих

частях леса он искал не следы животных, а иные следы, но ни разу глазам его не представилось ничего подозрительного. Ни Топ, ни Юп, сопровождавшие инженера, не предвещали своим поведением ничего особенного; но собака не раз еще принималась лаять у отверстия колодца, куда безрезультатно спускался инженер. Гедеон Спилет с помощью Герберта сфотографировал наиболее живописные части острова аппаратом, найденным в ящике и не бывшим до сих пор в употреблении. Кроме аппарата, снабженного мощным объективом, находился полный набор принадлежностей. Там были все вещества, необходимые фотографу, коллодий для обработки стеклянных пластинок; азотнокислое серебро, делающее их светочувствительными; гипосульфат для фиксирования полученного снимка; хлористый аммоний, в котором вылеживается бумага для позитивов; уксуснокислая сода и хлористое золото для пропитывания бумаги. Самая бумага, уже пропитанная хлором, тоже была приложена к аппарату, и, прежде чем наложить ее в рамке на негативы, оставалось только опустить ее на несколько минут в азотнокислое серебро, разведенное водой.

Журналист и его помощник скоро стали пре-

красными фотографами и сделали несколько отличных видовых снимков, как, например: снимок острова с плато Дальнего Вида, с горой Франклина на горизонте; устье реки Благодарности, живописно обрамленное высокими скалами; полянка и кораль, примыкающие к первым тропам горы; прихотливые очертания мыса Когтя, мыса Находки и т. д.

Фотографы не преминули снять портреты всех без исключения обитателей острова.

— Это увеличит население, — говорил Пенкроф. Моряк был в восторге при виде своих безукоризненно похожих портретов, украшавших стены Гранитного Дворца, и охотно рассматривал эту выставку, словно самую роскошную витрину на Бродвее.

Но лучше всего, несомненно, удался портрет дядюшки Юпа. Дядюшка Юп позировал с неописуемой серьезностью и вышел как живой.

— Он как будто собирается сделать гримасу! — кричал Пенкроф.

Если бы дядюшка Юп остался недоволен своим портретом, он был бы слишком привередлив. Но обезьяна была в восторге и рассматривала свой портрет с выражением сентиментальности, не лишенной некоторого тщеславия.

Сильная жара окончилась в марте. Несколько раз прошли дожди, но было еще тепло. В этом году март, соответствующий сентябрю в северных широтах, был не так хорош, как обычно. Быть может, это предвещало раннюю и суровую зиму. Однажды утром колонистам даже показалось, что выпал первый снег. Герберт, спозаранку подошедший к окну, закричал:

— Посмотрите-ка, островок покрыт снегом!

— Снег в такое время? — спросил журналист, подходя к Герберту.

Остальные колонисты присоединились к ним и могли установить лишь одно: что не только островок, но и весь берег под Гранитным Дворцом был покрыт ровной белой пеленой.

— Ба, действительно снег! — сказал Пенкроф.

— Или что-то очень похожее, — согласился Наб.

— Но ведь только двадцать первое марта, и

термометр показывает пятьдесят восемь градусов (14 градусов тепла по Цельсию), — заметил Гедеон Спилет.

Сайрес Смит молча смотрел на этот белый покров; он не знал, как объяснить это явление в такое время года и при подобной температуре.

— Тысяча чертей! — закричал Пенкроф. — Наши плантации померзнут!

Моряк собирался спуститься вниз, когда его перегнал проворный Юп, соскользнувший на землю по веревке.

Но не успел еще оранг коснуться земли, как безграничная снежная пелена поднялась и рассеялась в воздухе на бесчисленные хлопья, которые на несколько минут заслонили солнечный свет.

— Птицы! — закричал Герберт.

Это действительно была стая морских птиц с ярко-белыми перьями. Сотни, тысячи их опустились на остров и на берег.

Они взлетели и вскоре скрылись вдали, к величайшему изумлению колонистов, перед которыми, словно в феерии, зима мгновенно сменилась летом. К несчастью, эта перемена произошла так внезапно, что ни журналист, ни юноша не успели пристрелить хоть одну птицу, чтобы определить, какой она породы.

Через несколько дней, 25 марта, исполнилось два года с того времени, как потерпевшие крушение в воздухе были выброшены на остров Линкольна.

ГЛАВА XIX

Воспоминания о родине. — Шансы на спасение. — Проект обследования берегов острова. — Выступление 16 апреля. — Вид с моря на Змеиный полуостров. — Базальтовые скалы на западном берегу. — Ненастье. — Наступает ночь. — Новая загадка.

Два года! Целых два года колонисты не имели никакой связи со своими близкими! Они ничего не знали о том, что происходит в цивилизованном мире, и были так же одиноки на своем острове, как на мельчайшем астероиде солнечной системы.

Что-то происходит на родине? Быть может, еще и сейчас восстание южан обагряет кровью ее землю.

Эта мысль причиняла нашим колонистам большие страдания, и они часто говорили о гражданской войне, нисколько, впрочем, не сомневаясь, что дело Севера восторжествует, к чести Американского союза.

За эти два года ни один корабль не прошел в виду острова; во всяком случае, колонисты не

заметили ни одного паруса. Очевидно, остров Линкольна стоял в стороне от мореходных путей и, как это доказывали карты, был даже вообще неизвестен. Иначе его пресноводная бухта должна была бы привлекать суда, нуждающиеся в возобновлении запасов воды. Но океан, окружавший их остров, насколько его мог охватить глаз, оставался пустынным, и колонистам, чтобы вернуться на родину, приходилось рассчитывать только на себя.

Существовал лишь один шанс на спасение, и однажды, в первую неделю апреля, обитатели колонии обсуждали его, собравшись в большом зале Гранитного Дворца. Речь как раз зашла об Америке, которую колонисты уже почти не надеялись увидеть.

— У нас есть лишь один-единственный способ покинуть остров Линкольна: построить достаточно большой корабль, который мог бы пройти по морю несколько сот миль, — сказал Гедеон Спилет. — Мне кажется, что если мы сумели построить лодку, то сумеем построить и корабль.

— И если мы побывали на острове Табор, то могли бы дойти и до Паумоту, — прибавил Герберт.

— Я этого не отрицаю, — отвечал Пенкроф, которому всегда принадлежал решающий голос в

морских вопросах, — не отрицаю, хотя короткое путешествие и долгое путешествие — не совсем одно и то же. Если бы нашему суденышку во время перехода на остров Табор угрожала даже буря, мы могли бы не беспокоиться, так как знаем, что до гавани недалеко и в ту и в другую сторону. Но двенадцать тысяч миль — это немалый кусок пути, а до ближайшей земли придется пройти не меньше.

— А что, Пенкроф, в случае надобности вы бы рискнули на это? — спросил журналист.

— Я рискнул бы на все что угодно, мистер Спилет, — ответил моряк. Вы же знаете, я не такой человек, чтобы отступать.

— Не забывайте, что среди нас есть еще один моряк, — сказал Наб.

— Кто же это? — спросил Пенкроф.

— Айртон.

— Это верно, — заметил Герберт.

— Только бы он согласился ехать с нами! — сказал Пенкроф.

— Неужели вы думаете, что, если бы яхта Гленарвана подошла к острову Табор, когда Айртон еще находился там, Айртон отказался бы уехать? — удивился Гедеон Спилет.

— Вы забываете, друзья мои, — проговорил

инженер, — что в последние годы своего пребывания на острове Айртон уже не владел рассудком. Но вопрос не в этом. Необходимо выяснить, можем ли мы рассчитывать на прибытие этого шотландского судна, как на лишний шанс спасения. Гленарван обещал Айртону возвратиться за ним на остров Табор, когда он сочтет, что тот искупил свои преступления, и я думаю, что он вернется.

— Да, — согласился с ним журналист, — и к тому же вернется скоро, так как Айртон провел в одиночестве почти двенадцать лет.

— Ну да, — сказал Пенкроф, — я вполне с вами согласен, что Гленарван вернется, но только где он пристанет? Конечно, у острова Табор, а не у острова Линкольна.

— Это тем более вероятно, что остров Линкольна даже не нанесен на карту, — добавил Герберт.

— Поэтому, друзья мои, — продолжал инженер, — мы должны принять меры к тому, чтобы о нашем присутствии и присутствии Айртона на острове Линкольна можно было узнать на острове Табор.

— Конечно, — согласился журналист. — Ничего нет легче, как положить в хижину, где жили капитан Грант и Айртон, записку с указанием местоположения нашего острова. Гленарван или его матросы непременно найдут эту записку.

— Досадно, что я не принял этой предосторожности во время первого путешествия на остров Табор, — заметил моряк.

— А почему бы мы стали это делать? — возразил Герберт. — Тогда мы еще не знали истории Айртона и не имели понятия, что за ним должны вернуться. А когда мы услышали его рассказ,

была уже зима, и мы не могли вернуться на остров Табор.

— Да, — сказал Сайрес Смит, — было уже поздно. Необходимо отложить это путешествие до будущей весны.

— А что, если шотландская яхта придет в скором времени? — сказал Пенкроф.

— Это маловероятно, — ответил инженер. — Гленарван не захочет в зимнее время пускаться в далекое плавание. Либо он уже заходил на остров Табор, в то время, когда Айртон жил у нас, то есть в течение последних пяти месяцев, и отправился обратно, либо он приедет позднее, и мы успеем в первые же хорошие дни, в октябре, отправиться на остров Табор и оставить там записку.

— По правде сказать, было бы очень обидно, если бы оказалось, что «Дункан» недавно побывал в этих водах, — сказал Наб.

— Надеюсь, этого не случилось, — сказал Сайрес Смит, — и судьба не лишила нас самого верного шанса на спасение.

— Я думаю, что мы, во всяком случае, будем знать, как обстоит дело, когда посетим еще раз остров Табор, — заметил журналист. — Ведь если шотландцы возвращались туда, они, несомненно, оставили какие-нибудь следы своего

пребывания.

— Да, это так, — ответил инженер — Итак, друзья мои, раз у нас появился этот шанс — вернуться на родину, будем терпеливо ждать. А если мы будем лишены этой возможности, то решим, что нам нужно делать.

— Во всяком случае, — сказал Пенкроф, — если мы тем или иным путем покинем остров Линкольна, это будет не потому, что мы находим его плохим.

— Нет, Пенкроф, — сказал инженер, — мы сделаем это потому, что находимся вдали от того, что для человека дороже всего на свете — от людей, семьи и друзей.

Колонисты порешили на этом и не поднимали больше вопроса о постройке большого судна, на котором можно было бы проплыть в северном направлении — до архипелага, или в западном — до Новой Зеландии. Все занялись обычной работой, имея в виду, что придется провести третью зиму в Гранитном Дворце. Но тут же было решено еще до наступления ненастного времени обойти на шлюпе вокруг острова. Полное обследование побережья не было еще закончено, и колонисты имели лишь смутное представление о западном и северном берегах, начиная от устья ручья Водо-

пада до мыса Челюстей, а также о разделявшей их узкой бухте, похожей на пасть акулы. План этой экскурсии был выдвинут Пенкрофом. Сайрес Смит выразил полное одобрение, так как ему хотелось собственными глазами увидеть эту часть своих владений.

Погода стояла переменчивая, но барометр не давал резких скачков, и можно было надеяться совершить по ездку в сносных условиях. В первую неделю апреля барометр после сильного понижения вновь начал подниматься, при жестоком западном ветре, бушевавшем пять-шесть дней; затем стрелка прибора снова остановилась на высоте 29,9 дюйма (759,45 миллиметра), и наступило благоприятное время для экспедиции. Отъезд был назначен на 16 апреля, и «Бонавентур», который стоял в гавани Воздушного Шара, нагрузили припасами для довольно долгого путешествия.

Сайрес Смит сообщил Айртону о предполагавшейся поездке и предложил ему принять участие; но Айртон предпочел остаться, и было решено, что на время отсутствия товарищей он перейдет в Гранитный Дворец. Дядюшка Юп должен был составить ему компанию, и Айртон не возражал против этого.

16 апреля утром колонисты сели на корабль.

Дул свежий зюйд-вест, и «Бонавентуру» при выходе из гавани пришлось лавировать, чтобы достигнуть мыса Пресмыкающегося. Южный берег острова, от гавани до мыса, простирался на двадцать миль, тогда как общий периметр острова равнялся девяноста милям. Эти двадцать миль надо было пройти круто к ветру, который дул вовсю. Чтобы достигнуть мыса, понадобился почти целый день, так как отлив после отплытия корабля продолжался еще два часа, а затем начался шестичасовой прилив, который сильно затруднял плавание. Когда судно обогнуло мыс, уже наступила ночь. Пенкроф предложил инженеру продолжать путь на малом ходу, с двумя рифами; но Сайрес Смит предпочел стать на якорь в нескольких кабельтовых от земли, чтобы осмотреть эту часть берега с наступлением утра. Для более тщательного исследования побережья острова было решено вообще не двигаться по ночам и с вечера бросать якорь невдалеке от суши, пока позволяла погода.

Итак, колонисты провели ночь близ мыса, стоя на якоре. С наступлением сумерек ветер стих, и тишина не нарушалась ни единым звуком. Пассажиры, за исключением моряка, быть может, провели ночь на борту «Бонавентура» с меньши-

ми удобствами, чем в Гранитном Дворце, но все же им удалось поспать. На следующий день, 17 апреля, Пенкроф на заре снялся с якоря и, идя левым галсом, при полном бакштаге, мог держаться очень близко к западному берегу. Колонистам был уже знаком этот великолепный лесистый берег, так как они прошли пешком по опушке леса; но все же вид его вызвал общий восторг. Корабль шел близко к земле, уменьшив ход, так что можно было тщательно обозревать берег, стараясь не наскочить на плававшие кое-где деревья. Несколько раз бросали якорь, и Гедеон Спилет фотографировал это красивое побережье.

Около полудня «Бонавентур» достиг устья ручья Водопада. Дальше на правом берегу снова виднелись деревья, но они росли реже, а через три мили деревья попадались уже отдельными группами, возвышавшимися среди заметных отрогов гор, пустынный хребет которых тянулся до самого берега. Как отличались друг от друга южная и северная части этого берега! Южная была покрыта зеленым лесом, северная казалась высохшей и пустынной. Она походила на «железные берега», как называют такие места в некоторых странах, и ее изрытая поверхность как бы указывала, что кипящий базальт подвергся в ранние

геологические эпохи внезапной кристаллизации. Глыбы его громоздились одна на другую, и вид их, наверно, устрашил бы колонистов, если бы судьба забросила их вначале в ту часть острова. Находясь на вершине горы Франклина, они не заметили, как мрачно выглядит этот берег, так как видели его со слишком большой высоты; но с моря он казался очень страшным, и, вероятно, нигде в мире нельзя было увидеть ничего подобного.

«Бонавентур» прошел вдоль этого берега примерно около полумили. На берегу громоздились камни всевозможных размеров — глыбы от двадцати до трехсот футов высотой, самых разнообразных форм цилиндры, похожие на башни, призмы, напоминающие колокольни, пирамиды, словно обелиски, конусы, подобные заводским трубам. Страшные торосы в Ледовитом океане, и те не имеют таких причудливых очертаний! Естественные мосты соединяли между собой скалы; арки, расположенные, как своды храма, терялись в высоте, недоступной взорам. Кое-где виднелись ущелья с монументальными стенами, в других местах — настоящий хаос стрелок, пирамидок, шпилей, каких не найдешь ни в одном готическом соборе. Природа, более капризная, чем фантазия, прихотливо украсила величественное

побережье, тянувшееся на восемь-девять миль.

Сайрес Смит и его товарищи застыли от изумления при виде этого зрелища. Они хранили молчание, но зато не стеснялся Топ и оглашал воздух лаем, отражавшимся многократным эхом от базальтовой стены. Как заметил инженер, этот лай звучал не совсем обычно, как тогда, когда Топ лаял у отверстия колодца в Гранитном Дворце.

— Пристанем к берегу, — сказал он.

«Бонавентур» подошел как можно ближе к прибрежным скалам. Быть может, поблизости находилась какая-нибудь пещера, которую следовало осмотреть? Но Сайрес Смит не увидел ничего — ни одной пещеры, ни одной впадины, которая могла бы служить кому-нибудь приютом, так как подножие скал покрывалось морским прибоем. Топ скоро перестал лаять, и корабль отошел на прежнее расстояние, то есть на несколько кабельтовых от берега.

В северо-западной части острова берег снова был песчаный и гладкий. Редкие деревья возвышались над болотистой низменностью, которую колонистам уже пришлось мельком видеть. Берег кишел мириадами птиц и, в противоположность другому, пустынному побережью, казался очень оживленным. На следующий день «Бонавентур»

бросил якорь возле заливчика на севере острова и встал у самого берега, где было очень глубоко. Ночь прошла спокойно, так как ветер, если можно так выразиться, угас с последними лучами солнца и возобновился лишь при первых проблесках утренней зари. В этом месте легко было выйти на сушу, и признанные охотники колонии, Герберт и Гедеон Спилет, совершили утром двухчасовую прогулку по берегу и возвратились, неся с собой несколько связок уток и куликов. Топ превзошел самого себя и благодаря своей живости и усердию не упустил ни одной птицы.

В восемь часов утра судно снялось с якоря и быстро направилось вперед, поднимаясь к мысу Северной Челюсти. Ветер дул с кормы и все время свежел.

— Я нисколько не буду удивлен, если с запада налетит буря, — сказал Пенкроф. — Вчера во время заката солнца горизонт был ярко-красный, а сейчас я вижу на небе «кошачьи хвосты», которые не предвещают ничего хорошего.

Кошачьими хвостами он называл пушистые облака, разбросанные в зените и никогда не спускающиеся ниже пяти тысяч футов над морем. Они походили на легкие кусочки ваты их появление обычно предвещает ухудшение погоды.

— Ну что же, — сказал Сайрес Смит, — распустим, насколько возможно, наш парус и направимся в залив Акулы. Я думаю, что «Бонавентур» будет там в безопасности.

— Очень хорошо, — сказал Пенкроф. — К тому же северный берег представляет собой песчаные дюны, на которые смотреть неинтересно.

— Я бы охотно провел не только ночь, но и весь завтрашний день в этой бухте; ее стоит внимательно исследовать, — прибавил инженер.

— Я думаю, что нам волей-неволей придется это сделать, — ответил Пенкроф. — Горизонт на западе становится угрожающим — смотрите, как там черно.

— Во всяком случае, ветер помогает нам дойти до мыса Челюстей, — заметил журналист.

— Очень помогает, — сказал Пенкроф, — но для того, чтобы войти в залив, придется лавировать, и я очень хотел бы быть засветло в этих местах, которых совершенно не знаю.

— Если судить по тому, что мы видели на южном берегу залива Акулы, в тех местах, должно быть, много подводных скал, — добавил Герберт.

— Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — делайте, как найдете лучшим, мы полагаемся на вас.

— Будьте спокойны, мистер Сайрес, я не стану

рисковать без надобности, — ответил моряк. Лучше удар ножом в мою собственную утробу, чем удар скалой в утробу «Бонавентура».

Под «утробой» Пенкроф подразумевал подводную часть своего судна, которой он дорожил больше, чем своей шкурой.

— Который час? — спросил Пенкроф.

— Десять часов, — ответил Гедеон Спилет.

— А какое расстояние нам остается пройти до мыса, мистер Сайрес?

— Около пятнадцати миль.

— Это два с половиной часа ходу, — сказал моряк. — И мы будем на траверсе мыса между двенадцатью и часом. К несчастью, в это время начнется отлив и вода отхлынет из бухты. Боюсь, что туда трудно будет войти, борясь одновременно с морем и ветром.

— Тем более что теперь полнолуние, а приливы и отливы в апреле очень сильны, — добавил Герберт.

— В таком случае, Пенкроф, не можете ли вы стать на якорь у оконечности мыса?

— Стать на якорь у самой суши, ожидая бурю! — вскричал моряк. Об этом вы подумали, мистер Сайрес? Это значило бы по доброй воле выброситься на берег.

— Так что же вы будете делать?

— Я постараюсь продержаться в море до начала прилива, то есть до семи часов вечера, и, если еще будет светло, попробую войти в залив. В противном случае мы останемся в море всю ночь и войдем в залив завтра на рассвете.

— Повторяю, Пенкроф, мы полагаемся на вас, — сказал инженер.

— Эх, будь на этом берегу хоть один маяк, — сказал Пенкроф, мореплавателям было бы куда легче!

— Да, но на этот раз здесь не будет любезного инженера, который зажжет огонь, чтобы указать нам путь в гавань, — ответил Герберт.

— Да, кстати, милый Сайрес, сказал Гедеон Спилет, — мы не поблагодарили вас, но, говоря откровенно, без вашего огня мы бы никогда не добрались домой.

— Без огня? — повторил инженер, крайне удивленный словами журналиста.

— Мы хотим сказать, мистер Сайрес, — вмешался Пенкроф, — что в последние часы перед возвращением мы были в большом затруднении, и если бы вы не позаботились развести костер на плато Гранитного Дворца в ночь на двадцатое октября, «Бонавентур» прошел бы мимо острова.

— Да-да… Это была счастливая мысль, — ответил инженер.

— А теперь, если только Айртон не подумает об этом, некому будет оказать нам такую услугу.

— Да, некому! — сказал Сайрес Смит. Но несколько минут спустя, оказавшись наедине с журналистом в носовой части корабля, инженер

наклонился к его уху и сказал:

— Спилет, если на свете есть что-нибудь несомненное, так это то, что я не зажигал костра в ночь на двадцатое октября ни на плато Гранитного Дворца, ни в какой-либо другой части острова…

ГЛАВА XX

Ночь в океане. — Залив Акулы. — Задушевная беседа. — Приготовления к зиме. — Раннее наступление дурной погоды. — Сильные морозы. — Работы внутри дома. — Через шесть месяцев. — Фотографический снимок. — Неожиданное событие.

Все произошло так, как предвидел Пенкроф, предчувствие которого было безошибочно. Ветер постепенно крепчал и из свежего превратился в бурный, то есть приобрел скорость от сорока до сорока пяти миль в час, так что на корабле в открытом море пришлось бы убрать рифы и спустить брамсели.

Оказавшись на траверсе залива, «Бонавентур» не смог войти в него: было около часа, а в это время начинается отлив. Поэтому пришлось держаться в открытом море, ибо если бы Пенкроф этого и хотел, он не мог бы добраться даже до устья реки Благодарности. Итак, он поставил на мачту штормовой стаксель и стал ждать, повернув нос к земле.

К счастью, хотя ветер был очень силен, море,

защищенное берегом, не слишком волновалось. Поэтому мореходам не приходилось бояться валов, столь опасных для небольших кораблей. «Бонавентур», конечно, не перевернулся бы от удара волны, так как был хорошо нагружен балластом, но падение огромных водяных масс на палубу могло бы повредить судну: доски могли не выдержать. Пенкроф, искусный моряк, принял меры против всевозможных случайностей. Он, конечно, очень доверял своему судну, но все же не без тревоги ожидал рассвета.

В течение ночи Сайрес Смит и Гедеон Спилет не имели случая побеседовать, а между тем после тех слов, которые инженер шепнул журналисту, следовало еще раз поговорить о происхождении таинственной силы, видимо властвующей над островом Линкольна. Гедеон Спилет все время думал об этой необъяснимой загадке — о появлении огня на берегу острова. Ведь он, несомненно, видел этот огонь. Герберт и Пенкроф, спутники журналиста, тоже его видели. Огонь помог им установить местоположение острова в ту темную ночь, и никто из них не сомневался, что он зажжен рукой инженера, а теперь Сайрес Смит решительно заявляет, что он ничего подобного не делал.

Гедеон Спилет решил вернуться к этому обстоятельству, как только «Бонавентур» доставит их обратно, и убедить инженера сообщить остальным товарищам о всех этих странных фактах. Может быть, тогда колонисты решатся предпринять сообща полное обследование острова Линкольна.

Как бы то ни было, в этот вечер на этих неведомых еще берегах, образующих вход в бухту, не вспыхнул огонь, и маленькому судну пришлось провести всю ночь в открытом море.

Когда на горизонте появились первые лучи зари, ветер стих, и это позволило Пенкрофу легче проникнуть в узкий вход в канал. Часов в семь утра «Бонавентур», взяв предварительно направление на мыс Северной Челюсти, осторожно вошел в пролив и оказался в бухте, со всех сторон окруженной самыми причудливыми образцами вулканических пород.

— Вот участок моря, где можно устроить превосходный рейд и где мог бы свободно маневрировать целый флот, сказал Пенкроф.

— Самое любопытное то, что этот залив образован двумя потоками лавы, извергнутой вулканом и постепенно накопившейся здесь, — заметил Сайрес Смит. В результате залив оказался совер-

шенно защищенным со всех сторон, и, вероятно, даже в самую бурную погоду вода в нем спокойна, как в озере.

— Несомненно, — сказал Пенкроф. — Ведь ветер может проникнуть сюда только через узкий проход между мысами, и вдобавок южный мыс прикрывает северный, так что шквалам очень трудно до него добраться. Честное слово, наш «Бонавентур» мог бы простоять здесь целый год и ни разу даже не натянул бы якорной цепи!

— Здесь для него даже слишком просторно, — сказал журналист.

— Да, мистер Спилет, я согласен, что для «Бонавентура» места здесь слишком много; но, если американскому флоту понадобится спокойное убежище в Тихом океане, он, мне кажется, не найдет ничего лучше этого рейда.

— Мы находимся у пасти Акулы, — сказал Наб, намекая на форму залива.

— В самой пасти, мой милый Наб! Но ты ведь не боишься, что она сомкнется над нами, правда? — засмеялся Герберт.

— Нет, мистер Герберт, не боюсь, — ответил Наб. — Но все же этот залив мне не нравится. У него неприветливый вид.

— Вот тебе и на! — воскликнул Пенкроф. — Наб

ругает мой залив.

— Но достаточно ли здесь глубоко? — спросил инженер. Ведь если киль «Бонавентура» и не касается дна, то для наших броненосцев этого еще мало.

— Сейчас проверим, — сказал Пенкроф. И моряк бросил в воду длинную веревку с привязанным к ней куском железа, которая заменяла ему лот. Эта веревка была длиной примерно в пятьдесят сажен; она размоталась целиком, но не достигла дна.

— Ладно, — сказал Пенкроф. — Пусть наши броненосцы идут сюда. Они не сядут на мель.

— Этот залив — настоящая бездна, — сказал Сайрес Смит. — Но раз наш остров вулканического происхождения, нет ничего удивительного, что в морском дне встречаются такие впадины.

— Можно подумать, — прибавил Герберт, — что эти крутые стены чем-то обтесаны, и я уверен, что даже если бы лот Пенкрофа был в пять-шесть раз длиннее, он не нащупал бы дна у их подножия.

— Все это прекрасно, — сказал журналист, — но я позволю себе указать Пенкрофу, что его рейду кое-чего не хватает.

— Чего же именно, мистер Спилет?

— Какого-нибудь прохода или ущелья, позво-

ляющего выйти на остров. Я не вижу ни одного места, куда можно было бы ступить ногой.

И действительно, высокие, очень крутые глыбы лавы на всем побережье залива не представляли ни одного удобного места для высадки. Это был непроходимый вал, напоминавший норвежские фиорды, но еще более бесплодный. «Бонавентур» на ходу почти касался высоких стен, но его пассажиры не увидели ни одного выступа, который позволил бы им ступить на сушу. Пенкроф, чтобы утешиться, сказал, что эти стены, когда понадобится, легко будет взорвать с помощью пороха. Так как в заливе решительно нечего было делать, то моряк направил свой корабль к выходу и около двух часов ночи был снова в море.

— Уф! — удовлетворенно вздохнул Наб.

Можно было действительно подумать, что славному Набу было не по себе в этой огромной пасти.

От мыса Челюстей до устья реки Благодарности было не больше восьми миль. «Бонавентур», взяв направление на Гранитный Дворец, прошел с милю вдоль берега при попутном ветре. На смену огромным глыбам лавы вскоре появились прихотливо разбросанные дюны, среди которых так неожиданно был найден инженер. Сотни птиц

прилетали на эти дюны.

Около четырех часов Пенкроф, оставив слева оконечность островка, вошел в канал, отделяющий островок от побережья острова, а в пять часов якорь «Бонавентура» вонзился в песчаное дно в устье реки Благодарности.

Прошло три дня с тех пор, как колонисты покинули свое жилище. Айртон ожидал их на берегу, а дядюшка Юп весело побежал навстречу своим хозяевам, удовлетворенно ворча. Итак, остров был обследован целиком, но при этом не было замечено ничего подозрительного. Если какое-либо таинственное существо и обитало в его пределах, то оно могло скрываться лишь на Змеином полуострове, в гуще непроходимых лесов, где колонисты еще не побывали.

Гедеон Спилет поговорил обо всем этом с инженером, и было решено привлечь внимание остальных колонистов к некоторым странным происшествиям, случившимся на острове. Последнее из них казалось самым загадочным.

Сайрес Смит, вспоминая о костре, зажженном на берегу рукой неизвестного, в двадцатый раз переспрашивал журналиста:

— Уверены ли вы, что хорошо рассмотрели? Может быть, это было частичное извержение

вулкана или какой-нибудь метеор?

— Нет, Сайрес, это, наверное, был огонь, зажженный рукой человека, — уверял журналист. — Спросите Пенкрофа и Герберта. Они видели то же, что и я, и подтвердят мои слова.

Несколько дней спустя, 25 апреля вечером, когда все обитатели колонии собрались на плато Дальнего Вида, Сайрес Смит обратился к ним с такими словами:

— Друзья мои, я считаю себя обязанным обратить ваше внимание на некоторые факты, которые произошли на острове, и мне хотелось бы знать ваше мнение о них. Это факты, так сказать, сверхъестественного порядка.

— Сверхъестественного? — воскликнул Пенкроф, выпуская густой клуб дыма. — Возможно ли, что наш остров — сверхъестественный?

— Нет, Пенкроф, но что он таинственный, это несомненно. Быть может, вы сумеете объяснить то, что непонятно ни мне, ни Спилету.

— Говорите, мистер Сайрес, — попросил моряк.

— Ну так вот… Понятно ли вам, каким образом меня нашли в четверти мили от берега, после того как я упал в море? Я переместился совершенно бессознательно.

— Может быть, вы потеряли сознание и… —

сказал Пенкроф.

— Это совершенно невероятно. Но пойдем дальше. Понятно ли вам, каким образом Топ нашел ваше жилище в пяти милях от пещеры, в которой я лежал?

— Инстинкт собаки… — сказал Герберт.

— Удивительный инстинкт! — заметил журналист. — Несмотря на то, что в ту ночь был ливень и бушевала буря, Топ явился в Трубы сухой, без единого пятнышка грязи.

— Дальше, сказал инженер. — Понятно ли вам, почему Топ был таким необычайным образом выброшен из озера после схватки с дюгонем?

— Признаюсь, не совсем, — сказал Пенкроф, — тем более что рана в боку дюгоня была, по-видимому, нанесена каким-то острым орудием. Это тоже непонятно.

— Еще дальше, — продолжал Сайрес Смит — Понятно ли вам, друзья мои, каким образом попала дробинка в тело поросенка пеккари? Как оказался на берегу ящик, хотя нигде вблизи не было следов кораблекрушения? Каким образом бутылка с запиской так кстати нашла нас во время нашей первой поездки по морю? Каким образом наша лодка, сорвавшись с причала, приплыла к нам по течению реки как раз тогда, когда

она нам была нужна? Каким образом лестница была выброшена из окна Гранитного Дворца во время нашествия обезьян? И, наконец, каким образом оказался у нас в руках документ, которого Айртон, по его словам, никогда не писал?

Сайрес Смит перечислил от первого до последнего загадочные события, случившиеся на острове Герберт, Пенкроф и Наб переглянулись, не зная, что сказать. Все эти события, впервые сопоставленные, показались в высшей степени необычными.

— Клянусь честью, мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, — вы правы! Мне это нелегко объяснить.

— Теперь же, друзья мои, — продолжал инженер, — прибавился еще один факт, столь же не понятный, как и все остальные.

— Какой же, мистер Сайрес? — с живостью спросил Герберт.

— Вы говорите, Пенкроф, что когда вы возвращались с острова Табор, то видели огонь на острове Линкольна?

— Конечно, — ответил моряк.

— Вы уверены, что видели этот огонь?

— Так же, как я сейчас вижу вас.

— И ты тоже, Герберт?

— Мистер Сайрес, — вскричал юноша, этот огонь светил, как звезда первой величины!

— Но это не была звезда? — допытывался инженер.

— Нет, — ответил Пенкроф. — Небо было покрыто тучами, и, во всяком случае, звезда не стояла бы так низко над горизонтом. Мистер Спилет тоже видел этот огонь и может подтвердить наши слова.

— Добавлю, — сказал журналист, — что этот огонь сверкал очень ярко и напоминал сноп электрического света.

— Да, да, верно! — подхватил Герберт. — И он, несомненно, горел на высотах Гранитного Дворца.

— Ну так вот, друзья мои, — продолжал инженер, — знайте, что в ночь на двадцатое октября ни Наб, ни я не зажигали на берегу огня.

— Вы не за… — произнес Пенкроф, который до того изумился, что даже не мог закончить фразу.

— Мы не выходили из Гранитного Дворца, — ответил Сайрес Смит, — и если на берегу горел огонь, значит его зажег кто-то другой.

Пенкроф и Герберт были поражены. Ошибки тут быть не могло: огонь действительно привлек их внимание в ночь на 20 октября.

Да, приходилось признать, что во всем этом есть какая-то тайна. Какая-то загадочная сила, покровительствовавшая колонистам, но мучительно раздражавшая их любопытство, действовала, и притом всегда вовремя, на острове Линкольна. Неужели в чаще скрывалось какое-то существо? Это надо было обязательно выяснить.

Сайрес Смит напомнил своим друзьям о том, как странно вели себя иногда Топ с Юпом, как они бродили вокруг отверстия колодца, соединявшего Гранитный Дворец с морем, и добавил, что он осмотрел этот колодец, но не обнаружил ничего подозрительного. После этого разговора все члены колонии твердо решили тщательно обыскать весь остров, как только снова наступит хорошая погода.

С этого дня Пенкроф стал задумчив и озабочен. Моряк чувствовал, что остров Линкольна, который он считал своей личной собственностью, уже не принадлежит ему целиком, что у острова есть еще другой хозяин, которому волей-неволей приходится подчиняться. Пенкроф с Набом часто беседовали обо всех этих необъяснимых вещах. Оба они были по своей натуре склонны верить в чудесное и почти не сомневались, что остров Линкольна подчинен какой-то сверхъестествен-

ной силе.

Между тем пришел май — ноябрь северных широт, — и с ним возвратилась дурная погода. Зима ожидалась ранняя и суровая. Поэтому колонисты, не теряя времени, начали готовиться к зимовке.

Впрочем, они были как будто достаточно подготовлены к самой лютой зиме. В войлочной одежде не было недостатка, и муфлоны, которые к тому времени сильно расплодились, в изобилии поставляли шерсть, нужную для изготовления этой теплой материи.

Излишне говорить, что Айртон был тоже снабжен удобным зимним платьем. Сайрес Смит предложил ему вернуться на время ненастья в Гранитный Дворец, где ему будет удобнее жить, чем в корале. Айртон обещал сделать это, как только закончит в корале последние работы, и к половине мая переселился на зимнюю квартиру. С этого времени Айртон начал принимать участие в общей жизни и не упускал случая быть полезным. Но он по-прежнему был скромен и печален, никогда не участвуя в развлечениях своих товарищей.

Большую часть третьей зимы, проводимой колонистами на острове, им пришлось просидеть в Гранитном Дворце. За это время случались

сильные бури и страшные ураганы, которые, казалось, потрясали скалы до самого основания. Огромные приливы грозили залить водой весь остров, и любое судно, которое стало бы на якорь возле берега, несомненно, должно было погибнуть. Во время этих бурь река Благодарности два раза так разливалась, что можно было опасаться за мосты, и пришлось укрепить прибрежные мостики, которые при сильном прибое исчезали под водой.

Можно себе представить, какие разрушения произвели на плато Гранитного Дворца эти вихри, напоминающие смерчи из дождя и снега! Особенно пострадали мельница и птичий двор. Колонистам приходилось часто делать неотложный ремонт, чтобы не подвергать опасности жизнь своих птиц.

Во время ненастья к окраине плато часто подходили ягуары и стаи четвероруких; всегда приходилось опасаться, как бы самые сильные и отважные из них под влиянием голода не переправились через ручей, тем более что зимой, когда ручей замерзал, это было нетрудно сделать. В этом случае только постоянные наблюдения могли спасти от гибели посевы и домашних животных, и нередко приходилось стрелять из

ружей, чтобы держать опасных гостей на почтительном расстоянии. Короче говоря, у колонистов не было недостатка в работе, так как, кроме занятий вне дома, всегда находилось какое-нибудь дело в самом Гранитном Дворце.

Во время сильных морозов колонисты совершили несколько прекрасных охотничьих экспедиций на обширное болото Казарок. Гедеон Спилет и Герберт, которым помогали Топ и Юп, не потратили зря ни одного выстрела в гущу многих тысяч уток, куликов, шилохвостов, чирков и чибисов. В эти места, обильные дичью, было нетрудно пройти либо по дороге к гавани Воздушного Шара, перейдя по мосту через реку Благодарности, либо обогнув скалы мыса Находки, и охотники никогда не удалялись от Гранитного Дворца больше чем на две-три мили.

Так прошли четыре самых холодных месяца зимы: июнь, июль, август и сентябрь. Но, в общем, сам Гранитный Дворец не очень страдал от жестокой непогоды, так же, как и кораль, который был лучше защищен, чем плато, и отчасти прикрыт горой Франклина. До него долетали лишь остатки бурь, уже разбившихся о леса и высокие утесы. Поэтому он подвергся лишь незначительным разрушениям, и ловкие, трудолюбивые руки

Айртона легко исправили их, когда во второй половине октября он вернулся на несколько дней в кораль. В течение зимы не случилось никаких загадочных происшествий, не произошло ничего необычного, хотя Пенкроф с Набом отмечали любой пустяк, который можно было считать проявлением сверхъестественной силы. Даже Топ с Юпом не бродили больше вокруг колодца и не проявляли никаких признаков беспокойства. Казалось, что полоса сверхъестественных событий прошла, но о них все же часто говорили по вечерам в Гранитном Дворце, и было твердо решено обыскать остров вплоть до самых недоступных частей его.

Но вскоре случилось событие чрезвычайной важности, которое могло иметь самые мрачные последствия; оно заставило Сайреса Смита и его друзей на время забыть о своих планах.

Был октябрь. Погода с каждым днем улучшалась. Природа просыпалась под лучами солнца, и среди неумирающей зелени хвойных деревьев, окружавших опушку леса, возникла молодая листва.

Читатель помнит, что Гедеон Спилет и Герберт несколько раз фотографировали виды острова Линкольна.

И вот 17 октября, около трех часов, Герберт, пользуясь тем, что небо было ясно, решил снять всю бухту Союза, расположенную напротив плато Дальнего Вида, от мыса Челюстей до мыса Когтя.

Горизонт был виден очень отчетливо. Море, волнуемое легким ветерком, казалось вдали гладким, как озеро; на нем кое-где вспыхивали яркие блики. Аппарат был поставлен у одного из окон большого зала Гранитного Дворца, возвышавшегося над берегом и бухтой. Герберт действовал так же, как всегда, и, сделав снимок, пошел его зафиксировать с помощью химических веществ, которые хранились в темном помещении.

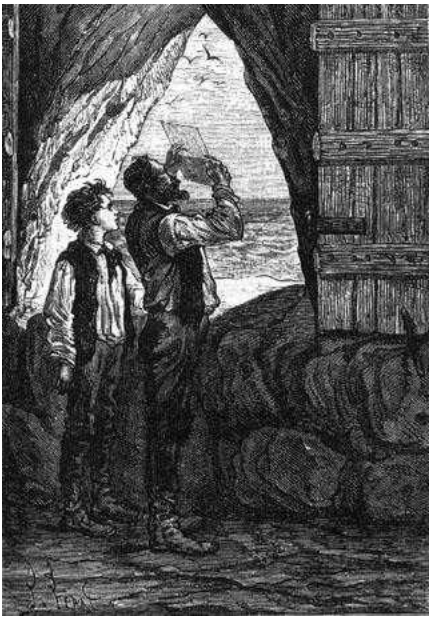
Потом он снова вышел на свет и начал тщательно рассматривать снимок. И вдруг он увидел на пластинке маленькое пятнышко, еле выступавшее на горизонте.

«Наверное, это изъян на стекле», — подумал Герберт.

Из любопытства юноша решил рассмотреть это пятно в сильное увеличительное стекло, которое он вывинтил из подзорной трубы. Но едва Герберт приставил глаз к стеклу, как из его груди вырвался крик, и он чуть не выронил пластинку.

Юноша бросился в комнату Сайреса Смита и протянул инженеру снимок и лупу, указывая ему

на пятнышко. Сайрес Смит всмотрелся в эту маленькую точку, затем схватил подзорную трубу и бросился к окнам.



Инженер водил трубой в разные стороны и наконец нашел подозрительную точку. Тогда он опустил свою трубу и произнес:

— Корабль!

И действительно, в виду острова Линкольна

показался корабль.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ТАЙНА ОСТРОВА

ГЛАВА I

Гибель или спасение? — Вызов Айртона. — Важный разговор. — Это не «Дункан». — Подозрительное судно. — Необходимые предосторожности. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь в виду острова. — Наступает ночь.

Уже два с половиной года прошло с тех пор, как пассажиры воздушного корабля были выброшены на остров Линкольна, но до сих пор они не могли установить связи со своими близкими. Однажды журналист попытался вступить в сношения с обитаемым миром, доверив птице записку, заключавшую тайну их исчезновения, но на этот шанс нельзя было серьезно рассчитывать. Только Айртон, при известных уже читателям обстоятельствах, присоединился к членам маленькой колонии.

И вот в этот день, 17 октября, другие люди показались в виду острова на таком всегда пустынном море.

Сомнений больше не оставалось — это был корабль. Но пройдет ли он мимо или пристанет к

берегу? Через несколько часов колонисты должны были узнать, что думать на этот счет.

Сайрес Смит и Герберт тотчас же позвали в большой зал Граничного Дворца Гедеона Спилета, Пенкрофа и Наба и рассказали им о том, что произошло.

Пенкроф схватил подзорную трубу и быстро оглядел горизонт. Он нашел нужную точку, которая отразилась едва заметным пятном на фотографическом снимке, и сказал не стишком довольным тоном:

— Тысяча чертей! Это действительно корабль.

— Он идет к нам? — спросил Гедеон Спилет.

— Пока еще нельзя ничего сказать, — ответил моряк. — Над горизонтом возвышаются только его мачты, а корпуса совершенно не видно.

— Что же нам делать? — спросил юноша.

— Ждать, — ответил Сайрес Смит.

В течение долгого времени колонисты молчали, переполненные мыслями, волнениями, опасениями и надеждами, которые были вызваны у них этим происшествием. Ничего более значительного не случилось с ними со времени их прибытия на остров Линкольна. Правда, колонисты не были в положении несчастных, потерпевших крушение, которые живут на

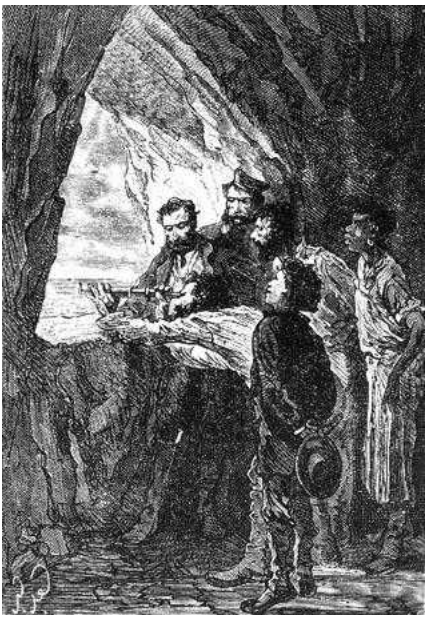
бесплодном острове, борясь за свое жалкое существование с мачехой-природой и постоянно терзаясь желанием увидеть населенные страны. Пенкроф и в особенности Наб чувствовали себя все более счастливыми и богатыми и не без сожаления покинули бы свой остров. Они вполне приспособились к новой жизни среди своих владений, которые их разум сделал культурными. Но этот корабль, во всяком случае, вез новости с континента. Он вез людей, таких же, как они сами, и, как поймет всякий, сердца колонистов затрепетали при виде корабля.

Время от времени Пенкроф брал трубу и становился у окна. Он самым внимательным образом всматривался в судно, которое находилось в двадцати милях к востоку.

Колонисты пока не имели возможности сигнализировать о своем присутствии. Флага с корабля не заметили бы, выстрел не был бы услышан, огня бы не увидали.

Между тем было очевидно, что остров, над которым возвышалась гора Франклина, не мог остаться скрытым от взоров часовых, сидевших на мачте корабля. Но зачем бы это судно пристало к берегу? Не простая ли случайность занесла его в эту часть Тихого океана, где карты не указы-

вают никакой земли, кроме маленького острова Табор, который стоит вдали от обычных путей судов дальнего плавания, идущих к Полинезийским островам, к Новой Зеландии, к берегам Америки?



На этот вопрос, который задавали себе все колонисты, дал неожиданный ответ Герберт.

— Не «Дункан» ли это? — воскликнул он.

Читатель, конечно, не забыл, что «Дункан» была яхта Гленарвана, который оставил Айртона на острове Табор и должен был когда-нибудь вернуться туда за ним. А остров Табор был не слишком отдален от острова Линкольна, и корабль, направлявшийся к Табору, мог проплыть в виду острова Линкольна. Их разделяло всего сто пятьдесят миль по параллели и семьдесят пять миль по меридиану.

— Надо известить Айртона и немедленно вызвать его сюда, — сказал Гедеон Спилет. — Он один может нам сказать, «Дункан» ли это.

Все согласились с этим, и журналист, подойдя к телеграфному аппарату, который связывал Гранитный Дворец с коралем, послал такую телеграмму: «Приходите как можно скорей».

Несколько мгновений спустя зазвенел звонок.

Айртон отвечал: «Иду».

Колонисты продолжали наблюдать за кораблем.

— Если эго «Дункан», — сказал Герберт, — то Айртон без труда его узнает, так как он некоторое время плавал на этом судне.

— А если узнает, то здорово взволнуется, — прибавил Пенкроф.

— Да, — сказал Сайрес Смит. — Но теперь Айр-

тон достоин снова ступить на борт «Дункана». Хорошо бы это была яхта Гленарвана, ибо всякое другое судно показалось бы мне подозрительным. Эта часть Тихого океана пользуется дурной славой, и я всегда опасаюсь, что наш остров вздумают посетить пираты.

— Мы бы тогда его защищали! — воскликнул Герберт.

— Конечно, мой мальчик, — улыбаясь, ответил инженер. — Но лучше будет, если его не придется защищать.

— У меня явилась мысль, — сказал Гедеон Спилет. — Остров Линкольна не известен мореплавателям, так как его нет на картах. Не думаете ли вы, Сайрес, что если с корабля неожиданно увидят эту незнакомую землю, ее скорее захотят посетить, чем от нее удалиться?

— Разумеется, — сказал Пенкроф.

— Я тоже так полагаю, — согласился инженер. — Можно даже утверждать, что капитан корабля обязан отметить, а значит, и обследовать всякий материк или остров, не нанесенный еще на карту, а остров Линкольна относится к таким островам.

— Предположим, что этот корабль пристанет к берегу или бросит якорь в нескольких кабель-

товых от нашего острова. Что мы тогда будем делать?

На этот прямой вопрос сначала не последовало ответа. Но после некоторого размышления Сайрес Смит проговорил по-обычному спокойно:

— Вот что мы тогда сделаем, друзья мои: мы вступим в сношения с этим кораблем и покинем на нем наш остров. Потом мы вернемся сюда с теми, кто захочет за нами последовать, и окончательно колонизируем остров Линкольна.

— Ура! — закричал Пенкроф. — Колонизация уже почти окончена, все части острова имеют названия, на нем есть естественная гавань, пресноводная бухта, дороги, телеграфная линия, верфь и завод. Тогда останется только занести остров Линкольна на карту.

— А вдруг его у нас отнимут в наше отсутствие? — сказал Гедеон Спилет.

— Тысяча чертей! — вскричал моряк. — Я готов остаться здесь один, чтобы сторожить остров, и, клянусь честью Пенкрофа, украсть его у меня будет потруднее, чем выхватить часы из кармана какого-нибудь зеваки!

В течение следующего часа невозможно было сказать, направляется корабль к острову Линкольна или нет. Он приближался к острову, но

с какой быстротой? Этого Пенкроф не мог определить. Так как дул норд-ост, то можно было предположить, что корабль идет правым галсом. Ветер толкал его к берегам острова, и при спокойном море капитан корабля мог без страха приблизиться к нему, хотя глубины в этих местах и не были отмечены на карте.

Часа в четыре, через час после вызова, Айртон подходил к Гранитному Дворцу. Он вошел в большой зал и произнес:

— Я к вашим услугам.

Сайрес Смит, как обычно, протянул ему руку и сказал, подводя его к окну:

— Айртон, мы попросили вас прийти сюда по важным причинам. В виду острова появился корабль.

Айртон побледнел, и его глаза на мгновение затуманились. Он высунулся из окна и осмотрел горизонт, но ничего не увидел.

— Возьмите эту подзорную трубу, Айртон, и посмотрите как следует, — сказал Гедеон Спилет. — Возможно, что это «Дункан» и что яхта пришла сюда, чтобы отвезти вас на родину.

— «Дункан»… — прошептал Айртон. — Так скоро? Последние слова как будто невольно слетели с губ Айртона, и он опустил голову на руки.

Неужели двенадцать лет одиночества на пустынном острове казались ему недостаточным наказанием? Неужели кающийся преступник еще не простил себя и не ждал прощения от других?

— Нет, нет, — сказал он, — это не может быть «Дункан»!

— Посмотрите, Айртон, — сказал инженер. — Нам важно заранее знать, как обстоит дело.

Айртон взял трубу и навел ее на указанное место. Несколько минут он наблюдал горизонт, не двигаясь, не произнося ни слова.

Наконец он сказал:

— Действительно, это корабль, но я не думаю, чтобы это был «Дункан».

— А почему нет? — спросил Гедеон Спилет.

— Потому что «Дункан» — паровая яхта, а я не вижу никаких следов дыма над судном или вблизи его.

— Может быть, «Дункан» плывет под парусами? — заметил Пенкроф. — Ветер для него, кажется, попутный, а на таком расстоянии от суши выгодно экономить уголь.

— Возможно, что вы и правы, мистер Пенкроф, — сказал Айртон, — и на яхте погасили топки. Пусть судно подойдет к берегу. Мы скоро

узнаем, «Дункан» ли это.

Айртон, сказав это, отошел и сел в углу зала. Колонисты еще долго разговаривали о незнакомом судне, но Айртон не вмешивался в беседу.

Все были в таком настроении, что не могли продолжать обычную работу. Гедеон Спилет и Пенкроф особенно нервничали и беспокойно расхаживали взад и вперед. Герберта разбирало любопытство. Только Наб сохранял свое обычное спокойствие. Что касается инженера, то он был погружен в думы и скорее опасался, чем желал прибытия этого корабля.

Между тем судно несколько приблизилось к острову. При помощи подзорной трубы удалось разглядеть, что это был корабль дальнего плавания, а не малайский «прао», на которых ходят тихоокеанские пираты. Поэтому можно было думать, что дурные предчувствия инженера не оправдаются и что присутствие этого судна близ острова не грозит опасностью его обитателям. Внимательно всмотревшись, Пенкроф заявил, что, судя по оснастке, это судно действительно бриг и что оно идет наискось к берегу, правым галсом.

Это подтвердил и Айртон.

Но, продолжая идти в таком направлении,

корабль должен был скоро скрыться за оконечностью мыса Когтя, так как он шел на юго-запад, и, чтобы наблюдать за ним, пришлось бы подняться на возвышенность бухты Вашингтона, близ гавани Воздушного Шара. Это было досадно, так как около пяти часов, с наступлением сумерек, всякое наблюдение делалось затруднительным.

— Что мы будем делать, когда наступит ночь? — спросил Гедеон Спилет. — Следует ли нам зажигать огонь, чтобы указать, что мы находимся на этом берегу?

Это был важный вопрос, и, несмотря на то, что у инженера оставались некоторые опасения, он был разрешен положительно. Ночью корабль мог скрыться, исчезнуть навсегда, а появится ли после его исчезновения другое судно в водах острова Линкольна — неизвестно. Кто мог предвидеть, что готовит колонистам будущее!

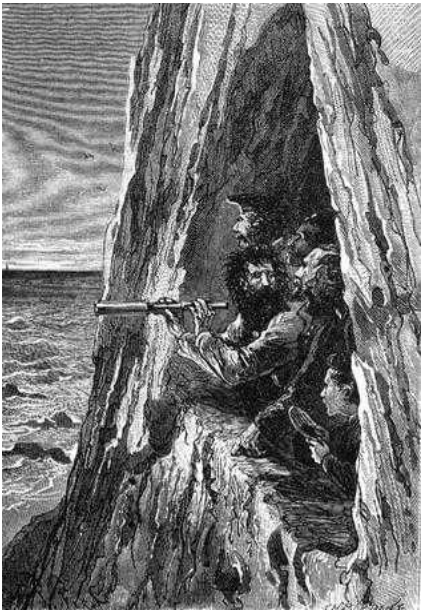
— Каково бы ни было это судно, — сказал журналист, — мы должны дать знать, что остров обитаем. Если мы упустим такой случай, то будем всю жизнь жалеть об этом.

Итак, было решено, что Наб с Пенкрофом отправятся в гавань Воздушного Шара и, когда настанет ночь, разведут там большой костер, который, несомненно, привлечет внимание эки-

пажа брига.

Но в ту минуту, когда Наб и моряк собирались покинуть Гранитный Дворец, корабль изменил направление и пошел прямо к острову, держа курс на бухту Союза. Это был, по-видимому, хороший ходок: он приближался очень быстро.

Наб и Пенкроф решили отложить свой уход. Айртону снова подали подзорную трубу, чтобы он мог окончательно установить, «Дункан» это или нет. Шотландская яхта тоже имела оснастку брига. Вопрос, следовательно, заключался в том, видна ли труба между мачтами замеченного корабля.



Судно находилось на расстоянии десяти миль, и на горизонте было еще очень светло. Разрешить вопрос казалось легко, и Айртон вскоре опустил трубу и сказал:

— Это не «Дункан». Это и не мог быть «Дункан».

Пенкроф снова поймал бриг в поле зрения трубы и определил его водоизмещение в тристачетыреста тонн. Корабль имел остроконечную

форму и высокие мачты и, будучи прекрасно оснащен, приспособлен, вероятно, для быстрого хода. Но к какой национальности принадлежит он, было трудно определить.

— На его флагштоке развевается вымпел, но я не могу различить цвета, — сказал моряк.

— Меньше чем через полчаса мы это узнаем, — проговорил журналист. — Впрочем, совершенно очевидно, что капитан этого судна намеревается пристать к берегу, и, значит, сегодня или, во всяком случае, завтра мы с ним познакомимся.

— Все равно, — сказал Пенкроф. — Лучше знать заранее, с кем будешь иметь дело. Мне бы очень хотелось различить цвета этого корабля.

Говоря это, моряк не выпускал из рук подзорной трубы.

Начинало темнеть, и вместе с лучами солнца затихал морской ветер. Вымпел корабля обвис и запутался в фалах, так что его стало еще труднее разглядеть.

— Это не американский флаг… — время от времени говорил Пенкроф, — не английский — тот с красным, и его легко было бы различить… не французский, не немецкий, а также не белый, русский, и не желтый, испанский… Мне кажется, что он одноцветный… Подождите-ка! Какой

флаг можно чаще всего встретить в этих морях? Чилийский? Нет, он трехцветный. Бразильский? Нет, он зеленый. Японский — черный с желтым. А этот…

В это время ветер слегка развернул таинственный флаг. Айртон схватил подзорную трубу, которую Пенкроф отложил в сторону, приставил ее к глазу и глухим голосом прошептал:

— Флаг черный!

И действительно, на флагштоке брига развевался черный флаг. Теперь можно было с полным основанием считать этот корабль подозрительным.

Неужели опасения инженера были основательны и это был пиратский корабль? Занимался ли он грабежом в южной части Тихого океана? Что ему понадобилось у берегов острова Линкольна? Считал ли он этот остров неизвестной, неведомой землей, подходящей для устройства на ней склада награбленного груза? Искал ли он у берегов острова удобную гавань на зимние месяцы? Неужели владения колонистов должны были превратиться в какой-то гнусный притон — столицу пиратов Тихого океана?

Все эти мысли невольно проносились в мозгу каждого. Черный цвет флага имел недвусмыслен-

ное значение. Это был, несомненно, флаг морских разбойников. Такой флаг должен был развеваться и на «Дункане», если бы преступникам удался их злодейский план.

Колонисты не стали терять время на споры.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — может быть, этот корабль намерен только обследовать побережье острова. Может быть, его команда не высадится на сушу. Это будет удачей. Как бы то ни было, мы должны сделать все, чтобы скрыть, что мы здесь находимся. Мельница на плато Дальнего Вида слишком бросается в глаза — Айртон с Набом пойдут и снимут с нее крылья. Прикроем густыми ветками окна Гранитного Дворца. Погасите все огни. Ничто не должно выдавать присутствие человека на этом острове.

— А наш корабль? — сказал Герберт.

— Он укрыт в гавани Воздушного Шара, и я бы хотел видеть, как эти негодяи его найдут! — ответил Пенкроф.

Приказания инженера были немедленно исполнены. Наб и Айртон поднялись на плато и приняли все меры к тому, чтобы скрыть признаки жилья. Пока они были заняты этой работой, товарищи их отправились в лес Якамара и принесли оттуда множество веток и лиан, которые издали

можно было принять за естественную листву. Она должна была недурно прикрыть отверстия в гранитной стене.

Оружие и боевые припасы были сложены под рукой, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться в случае неожиданного нападения.

Когда все эти предосторожности были приняты, Сайрес Смит сказал с волнением в голосе:

— Друзья мои, если эти негодяи пожелают захватить остров Линкольна, мы будем его защищать, не правда ли?

— Да, Сайрес, — ответил журналист, — и если понадобится, мы все умрем, защищая его.

Инженер протянул товарищам руку, и они с жаром пожали ее. Только Айртон, сидевший в углу, не присоединился к колонистам. Может быть, этот бывший преступник все еще считал себя недостойным. Сайрес Смит понял, что происходит в душе Айртона, и подошел к нему со словами:

— А вы, Айртон, как вы поступите?

— Я исполню свой долг, — ответил Айртон. И он встал у окна, устремив взгляд на море. Было половина восьмого. Солнце скрылось минут двадцать назад за Гранитным Дворцом, и западный горизонт понемногу темнел. Между тем бриг

продолжал идти по направлению к бухте Союза. Он уже был от нее не дальше чем в восьми милях и проходил на траверсе плато Дальнего Вида, ибо, сделав поворот против мыса Когтя, значительно уклонился к северу, куда его тянуло приливом. Можно сказать, что на этом расстоянии он уже вошел в бухту, так как прямая линия, проведенная от мыса Когтя до мыса Челюстей, прошла бы к западу от корабля, по его левому борту. Собирается ли бриг войти в бухту? — был первый вопрос. Станет ли он на якорь, войдя туда? — вот второй вопрос. Может быть, он только обследует берег и снова уйдет в море, не высаживая команды? Меньше, чем через час все это будет известно. Колонистам оставалось только ждать.

Сайрес Смит сильно встревожился, узнав, что подозрительное судно идет под черным флагом. Не являлось ли это прямой угрозой для того дела, которое он и его товарищи так хорошо вели до сих пор? Пираты — а в том, что матросы этого судна именно пираты, сомневаться было нельзя, — быть может, уже раньше посещали этот остров и, приближаясь к нему, подняли свой флаг. Не высаживались ли они прежде на острове? Это пролило бы свет на некоторые обстоятельства, казавшиеся до сих пор загадочными. Не было

ли у них сообщников, которые скрывались в неисследованной части острова и собирались установить с ними связь?

Сайрес Смит задавал себе мысленно все эти вопросы, но не знал, что на них ответить. Но он ясно сознавал, что с приходом брига положение колонистов становилось очень опасным. Тем не менее инженер и его товарищи были твердо намерены сражаться до последней крайности. Многочисленны ли эти пираты и лучше ли вооружены, нежели колонисты, — вот что было очень важно знать. Но каким способом до них добраться?

Наступила ночь. Молодой месяц, угасший с последними лучами солнца, скрылся. На острове и на море царил глубокий мрак. Тяжелые облака, скопившиеся на горизонте, не пропускали света звезд. С наступлением сумерек ветер совершенно стих. Ни единый листок не шелохнулся на деревьях, волны не шептались на берегу. Корабль был совершенно невидим; все огни на нем были затемнены, и если он еще находился в виду острова, то нельзя было даже сказать, в каком именно месте.

— Э, кто знает! — сказал Пенкроф. — Может быть, этот проклятый корабль уйдет ночью, и

завтра на заре мы его уже не увидим.

Словно в ответ на слова моряка, над морем блеснула яркая вспышка, и раздался пушечный выстрел.

Корабль был все еще тут и имел на борту артиллерию. Между вспышкой и выстрелом прошло шесть секунд. Следовательно, бриг находился в миле с четвертью от берега.

Одновременно послышался шум цепей, со скрипом спускавшихся через клюзы.

Корабль бросил якорь неподалеку от Гранитного Дворца.

ГЛАВА II

Обсуждение. — Предчувствия. — Предложение Айртона. — Предложение принимается. — Айртон и Пенкроф на островке Гранта. — Норфолкские ссыльные. — Их планы. — Героическая попытка Айртона. — Возвращение. — Шесть против пятидесяти.

Нельзя было больше сомневаться в намерениях пиратов. Они бросили якорь на небольшом расстоянии от острова и, очевидно, рассчитывали на следующий день подплыть к берегу на лодках.

Сайрес Смит и его друзья были готовы действовать, но при всей своей решимости защищаться они не должны были забывать об осторожности. Может быть, еще удастся сохранить в тайне их присутствие, если пираты ограничатся высадкой на побережье и не пойдут в глубь острова. Возможно, что морские разбойники хотят только набрать воды в бухте реки Благодарности и не заметят моста, находящегося в полутора милях от устья, и хозяйственных приспособлений в Трубах.

Но почему они подняли на мачте черный

флаг? Почему они стреляют? Вероятно, из одного бахвальства, если только они не хотели этим выстрелом объявить остров своим владением. Сайрес Смит теперь знал, что корабль хорошо вооружен. Чем могли колонисты острова Линкольна ответить пушке пиратов? Только ружейными выстрелами.

— Но все же, — заметил Сайрес Смит, — наша позиция неприступна. Теперь, когда отверстие водостока прикрыто травой и камышом, враги не сумеют его обнаружить, и, следовательно, им не удастся проникнуть в Гранитный Дворец.

— Но наши посевы, птичий двор, кораль и все остальное! — вскричал Пенкроф, топнув ногой. — В несколько часов они могут все испортить и погубить.

— Да, все, Пенкроф, и мы не имеем возможности помешать им, — ответил Сайрес Смит.

— Много ли их? Вот в чем основной вопрос, — сказал журналист. — Если их не больше десятка, мы сумеем остановить их, но сорок, может быть, пятьдесят…

— Мистер Смит, — сказал Айртон, подходя к инженеру, — вы хотите исполнить мою просьбу?

— Какую, мой друг?

— Разрешите мне отправиться на корабль и

узнать, сколько на нем человек команды.

— Вы подвергнете свою жизнь опасности, Айртон… — нерешительно сказал инженер.

— Но почему бы нет, сударь?

— Это больше того, что требует от вас долг.

— Мне и нужно сделать больше.

— Вы собираетесь добраться до корабля на пироге? — спросил Гедеон Спилет.

— Нет, сударь, я отправлюсь вплавь. Пирога не пройдет там, где может проскользнуть человек.

— Помните, что бриг в одной миле с четвертью от берега, — сказал Герберт.

— Я хороший пловец, мистер Герберт.

— Повторяю, вы рискуете жизнью, — продолжал инженер.

— Все равно, — ответил Айртон. — Мистер Смит, я прошу вас об этом, как о милости. Может быть, это возвысит меня в моих собственных глазах.

— Отправляйтесь, Айртон, — сказал инженер. Сайрес Смит чувствовал, что своим отказом он глубоко огорчил бы бывшего преступника, сделавшегося вновь честным человеком.

— Я пойду вместе с вами, — сказал Пенкроф.

— Вы мне не доверяете? — с живостью воскликнул Айртон. — Что же делать! — добавил он

смиренно.

— Нет, нет, — быстро перебил его Сайрес Смит, — нет, Айртон, Пенкроф не сомневается в вас! Вы не так поняли его слова.

— Правильно, — сказал Пенкроф. — Я предлагаю Айртону только проводить его до островка. Возможно, хотя и маловероятно, что кто-нибудь из этих прохвостов высадился на сушу, и я смогу помешать ему поднять тревогу. Я подожду Айртона на островке, но пусть он плывет к кораблю один, раз он уж вызвался это сделать.

Порешив на этом, Айртон начал готовиться к своему предприятию. Его план был рискованный, но мог увенчаться успехом. Пользуясь темнотой, Айртон собирался, подплыв к кораблю, уцепиться за ватерштаги или ванты и установить, сколько матросов находится на корабле, а может быть, даже и подслушать планы разбойников.

Айртон и Пенкроф в сопровождении остальных колонистов спустились на берег. Айртон разделся и натерся жиром, чтобы меньше страдать от холодной воды. Ему, быть может, предстояло провести в воде несколько часов.

В это время Пенкроф и Наб отправились за лодкой, которая была привязана в нескольких сотнях шагов у берега реки. Когда они вернулись,

Айртон был уже готов.

На плечи Айртона набросили одеяло, и колонисты по очереди пожали ему руку.

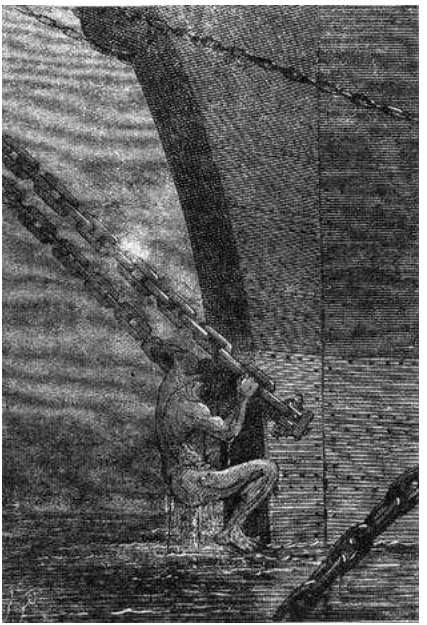
Айртон и Пенкроф сели в лодку. Вскоре они скрылись во тьме. Было половина одиннадцатого. Остальные колонисты решили ждать их в Трубах.

Смельчаки без труда переправились через пролив и вскоре подошли к противоположному берегу островка, действуя очень осторожно, боясь, что в этих местах могут оказаться пираты. Но, прождав некоторое время, они убедились, что на островке никого нет. Айртон в сопровождении Пенкрофа быстрыми шагами пересек островок, вспугивая птиц, гнездившихся в углублениях скал. Затем он, не колеблясь, бросился в море и бесшумно поплыл к кораблю; найти его было нетрудно, так как на нем теперь горели огни.

Что же касается Пенкрофа, то он укрылся в углублении одной из береговых скал и ждал возвращения своего товарища.

Айртон быстро двигался вперед и скользил в волнах, не производя ни малейшего шума. Голова его едва виднелась над водой, глаза не покидали темных очертаний брига, огни которого отражались в море. Он помнил только о долге, который

обещал выполнить, и не думал об опасностях, ожидавших его не только на корабле, но и в море, куда часто заплывали акулы. Течение несло Айртона, и он быстро удалялся от берега.



Полчаса спустя Айртон, никем не замеченный, подплыл к кораблю и уцепился рукой за ватерштаги. Он перевел дух и, подтянувшись на цепях, взобрался на водорез. Там сушилось несколько

пар матросских штанов. Айртон надел одну пару и, приняв удобное положение, начал слушать. На бриге еще не спали. Напротив, до Айртона доносились разговоры, пение, смех. Больше всего его заинтересовали следующие слова, сопровождавшиеся грубыми ругательствами:

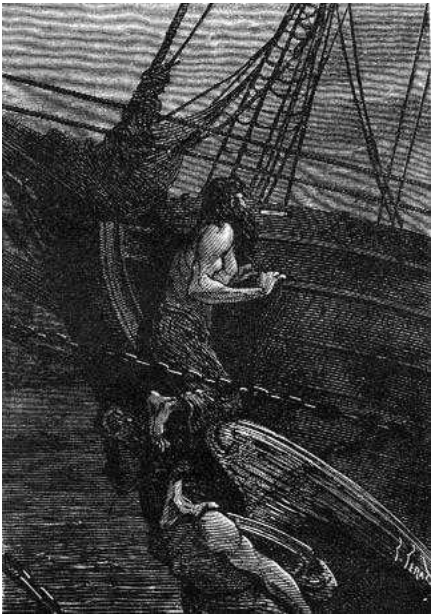
— Хорошая добыча наш бриг!

— Здорово идет этот «Быстрый»! Он заслуживает такого названия.

— Пусть его преследует весь норфолкский флот! Догони-ка его!

— Да здравствует его капитан!

— Да здравствует Боб Гарвей!



Всякий поймет, что почувствовал Айртон, услышав эти отрывистые фразы, когда узнает, что Боб Гарвей был прежде в Австралии его товарищем. Этот отчаянный головорез решил осуществить преступные планы Айртона. Он захватил возле острова Норфолк бриг «Быстрый» с грузом оружия, инструментов и всякой утвари, направлявшийся на Сандвичевы острова. Вся его шайка перешла на бриг и превратилась из ссыльных в

пиратов, которые разбойничали в Тихом океане. Они грабили корабли и убивали их пассажиров с еще большей жестокостью, чем малайцы.

Преступники громко хвастались своими подвигами и сопровождали рассказы обильными возлияниями. Вот что узнал из их речей Айртон.

В настоящее время команда брига состояла исключительно из ссыльных англичан, бежавших с острова Норфолк.

Что же такое представляет собою Норфолк?

На 29°2' южной широты и 165°42' восточной долготы, у восточной части Австралии, находится небольшой остров окружностью в шесть миль, на котором стоит гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, на котором расположены учреждения, содержащие наиболее закоренелых из обитателей английских тюрем. Их там пятьсот человек. Трудно даже представить себе, какое это сборище негодяев! Иногда — хоть и очень редко — некоторым преступникам удается обмануть бдительность охраны и бежать. Они захватывают первый встретившийся им корабль и разбойничают в Полинезийском архипелаге.

Так поступил и Боб Гарвей со своей шайкой, так собирался когда-то поступить и Айртон. Боб

Гарвей захватил бриг «Быстрый», стоявший на якоре невдалеке от Норфолка, и перебил его экипаж. Вот уже год, как этот бриг превратился в пиратское судно и плавал в Тихом океане под командой Боба Гарвея, когда-то капитана дальнего плавания — теперь морского разбойника, приятеля Айртона.

Большинство преступников находились на юте, в кормовой части судна, а некоторые лежали на палубе и громко разговаривали.

Беседа продолжалась среди криков и пения. Айртон узнал, что «Быстрого» привела к берегам острова Линкольна простая случайность. Боб Гарвей никогда еще не ступал ногой на этот остров, но, встретив на своем пути незнакомую землю, не обозначенную ни на одной карте, пират, как верно угадал Сайрес Смит, решил посетить ее и, если место окажется подходящим, устроить там для брига постоянную гавань.

Что же касается поднятия черного флага на мачте брига и пушечного выстрела, который пираты дали по примеру военных кораблей, стреляющих из орудий при подъеме флага, то это было чистым бахвальством. Выстрел не служил сигналом, и между беглыми ссыльными из Норфолка и островом Линкольна не существовало

никакой связи.

Итак, владениям колонистов грозила страшная опасность. Остров с его доступной бухтой, небольшой гаванью, хорошо укрытым Гранитным Дворцом и всевозможными благами, которыми так прекрасно воспользовались колонисты, не мог не понравиться разбойникам. Они легко превратили бы остров Линкольна в превосходное убежище. Именно потому, что остров был никому не известен, он обеспечивал пиратам безопасный приют и безнаказанность. Столь же очевидным было и то, что колонисты не нашли бы пощады и Боб Гарвей со своими сообщниками безжалостно истребил бы их.

Итак, Сайресу Смиту и его друзьям нельзя было даже искать спасения в бегстве или укрыться где-нибудь на острове, ибо пираты собирались обосноваться там. Даже в случае, если бриг отправится в какую-нибудь экспедицию, несколько человек команды, наверное, останутся на острове. Значит, надо было сражаться и уничтожить до последнего этих не достойных жалости негодяев, против которых все средства хороши.

Вот что думал Айртон, и он хорошо знал, что Сайрес Смит разделил бы его точку зрения.

Но можно ли сопротивляться и в конечном

счете победить? Это зависит от того, как бриг вооружен и сколько на нем человек команды.

Айртон решил любой ценой узнать это. Примерно через час после того, как он подплыл к бригу, разговоры и крики стали тише, и многие пираты заснули пьяным сном. Айртон отважился подняться на палубу, где царил глубокий мрак, так как все огни были потушены.

Он взобрался на водорез и через бушприт прошел на бак. Пробираясь среди спящих пиратов, Айртон обошел весь бриг и убедился, что он вооружен четырьмя пушками, стреляющими восьми- или десятифунтовыми ядрами. Айртон даже ощупал пушки и удостоверился, что они заряжаются с казенной части. Это были новейшие орудия, обладавшие страшной разрушительной силой.

Что же касается команды, то на палубе лежали человек десять; остальные, которых, вероятно, было больше, по-видимому, спали в каютах. Из подслушанных разговоров Айртон заключил, что на борту брига находятся не меньше пятидесяти человек. Для шести обитателей острова Линкольна это было многовато! Но, во всяком случае, Сайрес Смит благодаря преданности Айртона не окажется застигнутым врасплох: он будет знать,

каковы силы противника, и сумеет принять соответствующие меры.

Итак, Айртону оставалось лишь возвратиться к своим друзьям и сообщить им о результатах рекогносцировки. Он собирался выйти на нос брига и соскользнуть в море.

Но вдруг этому человеку, который, как он сам сказал, хотел сделать больше, чем требовал его долг, пришла в голову самоотверженная мысль. Он решил пожертвовать своей жизнью, но спасти остров и его обитателей. Сайрес Смит, очевидно, не сможет устоять против пятидесяти хорошо вооруженных пиратов, которые либо справятся с колонистами в открытом бою, либо подвергнут Гранитный Дворец осаде и возьмут их измором. Айртону представилось, что эти люди, вновь сделавшие его человеком, и притом честным человеком, которым он был обязан всем, подвергнутся беспощадному избиению, и результаты их трудов будут уничтожены, а их остров превратится в разбойничий вертеп. Айртон решил, что именно он явится причиной стольких несчастий, так как его прежний приятель Боб Гарвей лишь осуществил задуманные им, Айртоном, планы. Ужас охватил его. Он почувствовал непреодолимое желание взорвать бриг со всеми, кто был

на нем. Он тоже погибнет при взрыве, но зато исполнит свой долг.

Айртон не колебался. Проникнуть в пороховую камеру, которая обычно находится в кормовой части судна, было нетрудно. На подобном корабле, должно быть вдоволь пороха, и достаточно искры, чтобы в одно мгновение уничтожить судно.

Айртон осторожно спустился в межпалубное помещение, усеянное многочисленными телами спящих, которых свалила не усталость, а опьянение.

У подножия гротмачты горел фонарь, и к мачте была подвешена планка с разным огнестрельным оружием.

Айртон вынул из планки револьвер и убедился, что он заряжен и капсюль на месте. Для того чтобы выполнить его разрушительную работу, это было все, что требовалось. Он осторожно направился к корме, намереваясь пробраться на ют, где, вероятно, находилась крюйт-камера[41]. В темном межпалубном пространстве царила тьма, и было трудно не задеть на ходу кого-нибудь из преступников. Айртон поминутно слышал

---

[41] Примечания: 41
Крюйт-камера — пороховая камера.

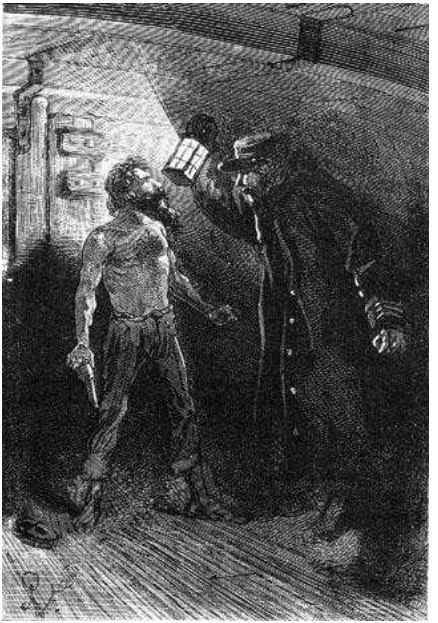
ругательства или получал удары; несколько раз ему приходилось останавливаться. Наконец он достиг перегородки, отделяющей кормовую часть от носовой, и нащупал дверь, которая, вероятно, вела прямо в крюйт-камеру. Ее надо было взломать, и Айртон принялся за работу. Это трудно было сделать без шума, так как надо было снять замок. Но Айртон сильной рукой сорвал его, и дверь распахнулась.

Вдруг тяжелая рука легла на плечо Айртона.

— Ты что здесь делаешь? — спросил его грубым голосом какой-то человек высокого роста, появившийся в темноте, и внезапно поднес к лицу Айртона ярко горевший фонарь.

Айртон отшатнулся. При свете фонаря он узнал своего бывшего сообщника Боба Гарвея. Но тот не мог узнать его, так как думал, что Айртон давно умер.

— Что ты здесь делаешь? — повторил Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс штанов.



Не отвечая ни слова, Айртон с силой оттолкнул атамана пиратов и бросился к крюйт-камере. Один револьверный выстрел в бочку с порохом — и все будет кончено.

— Ко мне, ребята! — закричал Боб Гарвей.

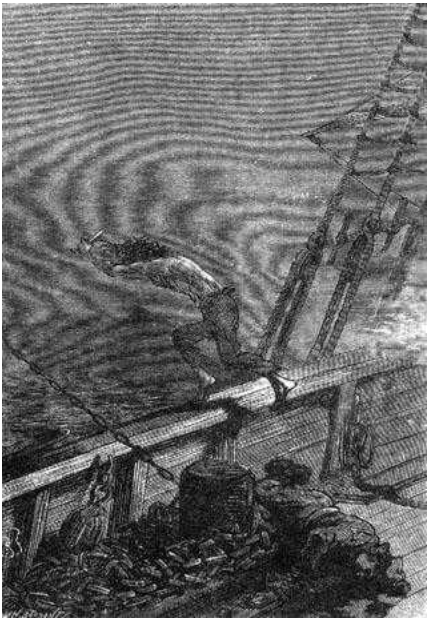
Несколько пиратов проснулись от его крика и, бросившись на Айртона, пытались его повалить.

Айртон вырвался у них из рук. Он дважды

выстрелил из револьвера и уложил двух преступников. Но удар ножом, которого Айртон не смог отразить, поранил ему плечо.

Айртон понял, что ему не удастся осуществить свой план: Боб Гарвей закрыл дверь в крюйт-камеру. В межпалубном помещении слышался шум — пираты, очевидно, проснулись. Айртон должен был поберечь себя, чтобы сражаться рядом с Сайресом Смитом. Ему оставалось только бежать. Но можно ли было еще спастись бегством? Едва ли. Однако Айртон был готов сделать все, чтобы вернуться обратно к товарищам.

В его револьвере оставалось четыре пули. Айртон сделал два выстрела, один — в Боба Гарвея, но, по-видимому, не ранил его. Воспользовавшись замешательством противника, он бросился к лесенке, ведшей на палубу брига. Пробегая мимо фонаря, он разбил его револьвером, и наступил полный мрак, благоприятный для его бегства.



Несколько пиратов, которых разбудил шум, сбегали вниз по лесенке. Выстрелом Айртон отбросил одного из них, остальные шарахнулись в сторону, не понимая, что происходит. Айртон в два прыжка выскочил на палубу. Несколько секунд спустя, послав последнюю пулю в лицо пирату, который схватил Айртона за горло, он перегнулся через перила и бросился в море.

Не успел Айртон проплыть и шести сажен, как вокруг него градом посыпались пули.

Что должны были пережить Пенкроф, укрывшийся на берегу под скалой, Сайрес Смит, журналист, Герберт и Наб, сидевшие в Трубах, услыхав грохот выстрелов? Они бросились на берег и, приложив ружья к плечу, ждали нападения, готовые отразить его. Положение казалось опасным. Вероятно, пираты захватили Айртона и убили его. Возможно, что эти негодяи, пользуясь полной темнотой, высадятся на острове.

Прошло полчаса. Колонисты мучительно волновались. Между тем выстрелы стихли, но ни Айртон, ни Пенкроф не появлялись. Неужели пираты захватили островок? Надо спешить на помощь Айртону и Пенкрофу! Но как помочь им? Начался прилив, и через ручей нельзя было переправиться. Пироги не было. Можно себе представить, как тревожились Сайрес Смит и его товарищи!

Наконец около половины первого к берегу подошла пирога, в которой сидели два человека. Это были Айртон, легко раненный в плечо, и Пенкроф, здравый и невредимый. Товарищи встретили их с распростертыми объятиями.

Колонисты немедленно укрылись в Трубах.

Айртон рассказал, как было дело, но не упомянул о том, что пытался взорвать бриг.

Все горячо пожимали Айртону руку. Он не скрывал, что положение очень серьезно. Пираты будут насторожены. Им известно, что остров Линкольна обитаем. Они высадятся в достаточном числе, хорошо вооруженные, и не пощадят никого. Если колонисты попадут в руки разбойникам, им нечего ждать милости.

— Ну что ж, мы сумеем достойно умереть, — сказал журналист.

— Возвратимся в Трубы и будем бдительны, — предложил Сайрес Смит.

— Есть надежда, что мы как-нибудь выпутаемся, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф.

— Да, Пенкроф.

— Гм… шесть против пятидесяти.

ГЛАВА III

Туман рассеивается. — Диспозиция инженера. — Три сторожевых поста. — Айртон и Пенкроф. — Первая шлюпка. — Еще две лодки. — На островке. — Шесть пиратов на острове. — Бриг снимается с якоря. — Снаряды с «Быстрого». — Положение безнадежно. — Неожиданная развязка.

Ночь прошла без всяких событий. Колонисты были настороже и не покидали своего поста в Трубах. Пираты, по-видимому, не делали попыток высадиться. С тех пор как стихли последние выстрелы вдогонку Айртону, ни единый звук не указывал на присутствие брига у берегов острова. Можно было даже предположить, что пираты снялись с якоря и удалились, думая, что имеют перед собой сильного противника.

Но на самом деле было не так, и, когда занялась заря, колонисты увидели в утреннем тумане смутные очертания судна. Это был «Быстрый».

— Друзья мои, вот что, по моему, следует сделать, пока туман не совсем рассеялся, — сказал инженер. — Он скрывает нас от взоров пиратов, и

мы можем действовать, не привлекая их внимания. Важнее всего внушить этим преступникам убеждение, что обитатели острова многочисленны и сумеют им противостоять. Я предлагаю разделиться на три группы. Первая останется здесь же, в Трубах, вторая направится к устью реки Благодарности. Что же касается третьей, то, по-моему, ей лучше всего отправиться на островок, чтобы пресечь или, по крайней мере, задержать всякую попытку десанта. Мы имеем в нашем распоряжении два карабина и четыре кремневых ружья. Следовательно, у каждого из нас будет оружие, а так как мы хорошо снабжены порохом, то нам незачем экономить заряды. Нам не страшны ружья пиратов и даже их пушки. Что могут они сделать против этих скал? Мы не будем стрелять из окон Гранитного Дворца, и пиратам не придет в голову посылать туда снаряды, которые могли бы нанести нам непоправимый ущерб. Для нас страшен лишь рукопашный бой, так как преступники превосходят нас численностью. Поэтому надо всячески препятствовать высадке, не показываясь, однако, на глаза пиратам. Не будем же экономить порох и пули. Стреляйте часто и метко. Каждому из нас придется убить восемь-десять противников; и они должны быть убиты.

Сайрес Смит четко обрисовал положение. Он говорил совершенно спокойно, как будто речь шла не о битве, а о мирной работе. Товарищи инженера безмолвно приняли его предложение. Каждому оставалось занять свой пост, пока туман еще не совсем рассеялся.

Наб с Пенкрофом тотчас же поднялись в Гранитный Дворец и принесли оттуда достаточное количество боевых припасов. Гедеон Спилет и Айртон, оба отличные стрелки, вооружились карабинами, бившими на целую милю. Остальные ружья взяли себе Сайрес Смит, Наб, Пенкроф и Герберт.

Вот каким образом были распределены посты. Сайрес Смит и Герберт засели в Трубах и могли держать под обстрелом значительную часть берега у подножия Гранитного Дворца.

Гедеон Спилет и Наб притаились среди скал возле устья реки Благодарности, на которой были подняты все мосты и мостики. Они должны были воспрепятствовать переправе на лодке или высадке, на противоположном берегу.

Что касается Айртона с Пенкрофом, то они спустили пирогу на воду и намеревались переплыть ручей, чтобы занять места в разных частях островка. Таким образом, стрельба могла разом

начаться с четырех сторон, а это внушило бы преступникам мысль, что остров густо населен и хорошо защищен.

В случае же, если высадка все равно осуществится и ей нельзя будет воспрепятствовать, а также в случае угрозы быть обойденными с тыла. Пенкроф и Айртон должны были вернуться на берег и отправиться в наиболее угрожаемый пункт острова.

Перед тем как разойтись по своим постам, колонисты в последний раз пожали друг другу руки. Пенкрофу с трудом удалось подавить волнение при прощании с Гербертом, своим названным сыном. Они расстались.

Спустя несколько мгновений Сайрес Смит, Герберт, журналист и Наб скрылись за скалами, а через пять минут Айртон и Пенкроф благополучно переправились через пролив, высадились на островке и скрылись во впадинах скал на восточном берегу.

Никто из них не был замечен, да и сами они едва могли различить в тумане очертания брига.

Было половина седьмого.

Вскоре пелена тумана начала постепенно разрываться, и стали видны верхушки мачт брига. Еще несколько минут клочья тумана носились

над поверхностью моря, потом поднялся ветер и быстро рассеял влажную дымку.

Теперь «Быстрый» был виден целиком: он стоял на двух якорях, носом к северу, обращенный к острову левым бортом. Как определил Сайрес Смит, бриг находился не дальше одной мили с четвертью от острова. Страшный черный флаг развевался на флагштоке.

Инженер увидел в подзорную трубу, что четыре пушки — вся артиллерия брига — наведены на остров. По первому сигналу они были готовы открыть огонь.

Однако «Быстрый» молчал. Человек тридцать пиратов расхаживали по палубе. Некоторые взошли на ют, двое других, стоя на салингах, внимательно смотрели на остров в подзорные трубы.

Несомненно, Боб Гарвей и его команда лишь смутно представляли себе, что произошло ночью на бриге. Остался ли цел полуголый человек, который сражался с ними, выпустив в них шесть пуль и взломав дверь в крюйт-камеру? Удалось ли ему доплыть до берега? Откуда он взялся? Для чего он пришел на корабль? Действительно ли он хотел взорвать бриг, как предполагал Боб Гарвей? Преступники не слишком хорошо пони-

мали, в чем тут дело. Несомненно было для них лишь одно: неизвестный остров, возле которого «Быстрый» стал на якорь, обитаем и, возможно, что на нем находится многочисленная колония, готовая защищать свои владения. А между тем ни на берегу, ни на вершинах холмов не было видно ни одного человека. Побережье казалось совершенно пустынным. Во всяком случае, на нем не было признаков жилья. Быть может, население убежало в глубь острова? Такие предположения должны были возникнуть у атамана пиратов, и, видимо, он как человек осторожный хотел ознакомиться с местностью, прежде чем посылать туда своих людей. В течение полутора часов на борту брига нельзя было заметить никаких признаков подготовки к нападению или к десанту. Боб Гарвей, очевидно, колебался. Даже в лучшие подзорные трубы ему не удалось увидеть никого из колонистов, притаившихся между скалами. Завеса из зеленых веток и лиан перед окнами Гранитного Дворца, выделявшаяся на голой стене, вероятно, не привлекла его внимания. Действительно, как мог Боб Гарвей предположить, что на такой высоте, в гранитном массиве, устроено жилище?

От мыса Когтя до мыса Челюстей, по всему

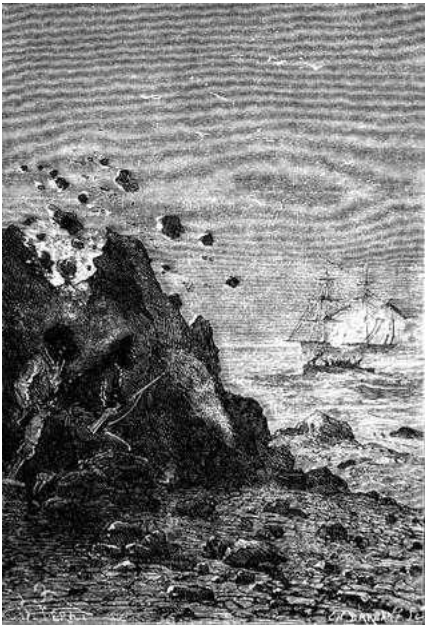
побережью бухты Союза ничто не указывало, что остров кем-нибудь занят.

Однако в восемь часов утра колонисты заметили, что на борту «Быстрого» началось какое-то движение.

Матросы натянули тали и спустили на воду шлюпку. В шлюпку сели семь человек, вооруженных ружьями. Один из них поместился у руля, четверо взялись за весла, а остальные двое на носу, изучая остров, приготовились стрелять. Они, по-видимому, намеревались произвести первоначальную разведку, не предполагая высаживаться, так как в противном случае отряд был бы многочисленнее. Пираты, взобравшиеся на салинги, очевидно замет или, что вблизи острова находится небольшой островок, отделенный от острова проливом примерно в полмили шириной. Однако Сайрес Смит вскоре убедился, наблюдая за шлюпкой, что она направляется не прямо в этот пролив, а собирается пристать к берегу островка. Это была вполне понятная мера предосторожности.

Пенкроф и Айртон, спрятавшиеся отдельно в узких расщелинах скал, увидели, что шлюпка идет прямо на них, и ждали, пока она будет на расстоянии выстрела.

Лодка подвигалась вперед очень осторожно. Весла лишь изредка погружались в воду. Было видно, что один из пиратов с логом в руке ищет фарватер, проложенный течением реки Благодарности. Это указывало, что Боб Гарвей намерен подвести свой бриг как можно ближе к берегу. Человек тридцать пиратов, рассыпавшись по вантам, следили за каждым движением лодки и указывали своим товарищам удобные места, где можно было безопасно пристать.



До берега оставалось не больше двух кабельтовых, когда шлюпка остановилась. Рулевой поднялся, выискивая наиболее подходящее место для причала.

Сейчас же раздались два выстрела. Легкий дымок закружился над скалами. Рулевой и лоцман навзничь упали в лодку. Пули Айртона Пенкрофа одновременно поразили их.

Немедленно послышался страшный грохот, над бригом взвилось облако дыма, и пушечное ядро снесло и вдребезги разбило верхушку скалы, под которой спрятались Айртон и Пенкроф. Но наши стрелки остались невредимы.

Страшные проклятья послышались из шлюпки, и она снова двинулась вперед. Один из товарищей убитого рулевого заменил его, и весла быстро ударили по воде.

Но вместо того чтобы повернуть к бригу, как этого можно было ожидать, шлюпка двинулась вдоль берега островка, видимо, намереваясь обогнуть его южную оконечность. Пираты гребли вовсю, желая подальше уйти от выстрелов.

Они подошли на пять кабельтовых к вогнутой части берега, заканчивающейся мысом Находки, и, обогнув его, двинулись к устью реки Благодарности, не выходя из-под защиты своих пушек.

Очевидно, они намеревались проникнуть таким образом в пролив и обойти с тыла колонистов, находящихся на островке, чтобы защитники острова, как бы они ни были многочисленны, оказались между орудиями брига и ружьями со шлюпки. Это поставило бы тех в очень невыгодное положение.

Так прошло четверть часа. Шлюпка подвига-

лась в прежнем направлении. В воздухе и на воде царили абсолютная тишина, полное спокойствие.

Пенкроф и Айртон понимали, что их могут обойти, но все же не покидали своего поста. Возможно, что они не хотели показываться нападающим и подставлять себя под дула пушек, а может быть, рассчитывали на Наба и Гедеона Спилета, наблюдавших за устьем реки, и на Сайреса Смита с Гербертом, укрывшихся в Трубах. Двадцать минут спустя после первого выстрела лодка находилась в двух кабельтовых от устья реки. Начинался прилив, очень сильный вследствие узости прохода между берегами, и пираты почувствовали, что их тянет к реке. Чтобы держаться посредине пролива, им приходилось грести изо всех сил. Когда они проходили на расстоянии выстрела от устья, две пули встретили их на ходу, и два пирата упали на дно лодки. Наб и Спилет не промахнулись.

С брига тотчас же полетело второе ядро и ударило туда, где вился дымок от выстрелов. Но оно не причинило никакого вреда и только обломало несколько утесов. К этому времени на шлюпке оставались только три здоровых пирата. Подхваченная течением, она прошла в пролив и стрелой

промчалась мимо Сайреса Смита и Герберта, которые не стали стрелять, боясь промахнуться. Затем пираты обогнули северную оконечность островка и на четырех оставшихся веслах направились обратно к бригу.

Пока что колонистам было не на что жаловаться. Игра началась неудачно для их врагов. Последние насчитывали уже четырех убитых или, может быть, тяжело раненных; у колонистов, напротив, ни одной раны, и все их пули попали в цель. Если пираты будут и дальше вести нападение таким образом, если они повторят попытку высадиться с лодки, их удастся перебить одного за другим.

Теперь понятно, насколько выгодной оказалась диспозиция, предложенная инженером. Пираты могли предположить, что имеют перед собой многочисленных, хорошо вооруженных противников, с которыми не так-то легко справиться.

Лишь через полчаса шлюпка, которой приходилось бороться с течением, дошла до «Быстрого». Страшные крики послышались с корабля, когда лодка подошла к бригу, имея на борту раненых. По острову три или четыре раза выпалили из пушек, но безрезультатно.

Затем еще дюжина пиратов, ослепленных

яростью, пьяных после вчерашней выпивки, бросилась в шлюпку. Одновременно в море спустили вторую лодку, в которую сели восемь человек. В то время как первая лодка направилась прямо к островку, чтобы выгнать оттуда колонистов, вторая начала маневрировать, пытаясь проникнуть в реку Благодарности.

Положение Пенкрофа и Айртона становилось очень опасным, и они поняли, что им следует вернуться на остров.

Однако они сначала выждали минуту, когда первая лодка приблизилась на расстояние выстрела, и две меткие пули внесли беспорядок в ряды ее команды. Затем Айртон с Пенкрофом покинули свой пост и со всех ног побежали по островку. Под градом ружейных выстрелов они бросились в пирогу, переплыли пролив как раз в ту минуту, когда вторая шлюпка достигла его южного конца, и спрятались в Трубах.

Едва успели они присоединиться к Сайресу Смиту и Герберту, как пираты с первой лодки высадились на островке и разбежались по всем направлениям.

Почти в ту же минуту в устье реки, куда быстро направилась вторая лодка, снова послышались выстрелы. Двое из восьми человек команды

были убиты журналистом и Набом, а шлюпка, увлекаемая течением, разбилась о скалы у самого устья реки Благодарности. Но уцелевшие пираты, высоко подняв ружья над головой, чтобы не замочить их, сумели высадиться на правом берегу реки. Видя, что они находятся в сфере огня врагов, пираты бросились бежать к мысу Находки, где их не могли достать пули колонистов.

К этому времени положение было следующее: на островке находились двенадцать пиратов, среди которых было, правда, несколько раненых, но зато в их распоряжении имелась лодка; на самом острове высадились шесть человек, но они не могли достигнуть Гранитного Дворца, так как были лишены возможности переправиться через реку, на которой были подняты все мосты.

— Мы еще держимся, мистер Сайрес! — закричал Пенкроф, вбегая в Трубы. — Мы еще держимся! Что вы думаете о положении?

— Я думаю, — отвечал инженер, — что сражение вскоре примет другие формы. Не такие же тупицы эти пираты, чтобы продолжать его в столь не выгодных для себя условиях.

— Им не перебраться через пролив, — сказал моряк, — этому помешают карабины Айртона и мистера Спилета. Вы ведь знаете, что эти караби-

ны бьют дальше чем на милю.

— Это верно, — сказал Герберт, — но что могут сделать два карабина против корабельных пушек?

— Ну, бриг ведь пока еще не в проливе, — ответил Пенкроф.

— А что, если он туда войдет? — сказал Сайрес Смит.

— Это невероятно. Корабль рискует сесть там на мель и погибнуть.

— Нет, это возможно, — вмешался в разговор Айртон. — Пираты могут воспользоваться приливом и войти в пролив, с тем чтобы сесть на мель во время отлива. Под огнем их пушек мы не сможем удержаться на своих постах.

— Ад и тысяча дьяволов! — вскричал Пенкроф. — Эти негодяи, кажется, и вправду собираются сняться с якоря.

— Может быть, нам лучше укрыться в Гранитном Дворце? — заметил Герберт.

— Подождем, — ответил Сайрес Смит.

— Но Наб и мистер Спилет… — сказал Пенкроф.

— Они сумеют к нам присоединиться, когда настанет время… Будьте наготове, Айртон. Теперь очередь вашего карабина и карабина Спилета.

Это было очень правильно. «Быстрый» поворачивался на якоре и проявлял намерение приблизиться к островку. Вода должна была подниматься еще полтора часа, и так как течение уже замедлилось, кораблю было нетрудно маневрировать. Но все же Пенкроф, в отличие от Айртона, не допускал, что бриг отважится войти в пролив.

Между тем пираты, занявшие островок, понемногу перешли на противоположную его сторону, и их отделял от острова только пролив. Вооруженные одними ружьями, они не могли причинить вреда колонистам, укрывшимся в Трубах или близ устья реки Благодарности. Не зная, что у их врагов имеются дальнобойные карабины, пираты считали, что и им самим тоже не грозит никакой опасности. Они, не скрываясь, ходили по островку и приближались к самому берегу.

Иллюзия длилась недолго. Карабины Айртона и журналиста заговорили и, очевидно, сказали двоим из пиратов нечто не совсем приятное, так как те попадали навзничь.

Тотчас же началось общее бегство. Остальные пираты, не успев даже подобрать своих раненых или убитых товарищей, поспешно кинулись на

другой берег, сели в лодку и, усиленно гребя, вернулись на корабль.

— На восемь меньше! — закричал Пенкроф. — Право, можно подумать, что мистер Спилет и Айртон сговорились стрелять разом.

— Господа, — сказал Айртон, снова заряжая свой карабин, — положение становится серьезнее: бриг снимается с якоря.

— Да, он выходит из грунта.

Действительно, колонисты ясно слышали лязг фала, бившего о брашпиль, когда команда брига поднимала якорь. «Быстрый» сначала потянулся было за якорем, но, когда якорь вытащили из грунта, бриг понесло к берегу. На корабле подняли стаксель и фок-марсель, и «Быстрый» стал понемногу приближаться.

Стоя на своих постах в Трубах и в устье реки, колонисты не без волнения наблюдали за маневрами корабля, но не подавали признаков жизни. Положение их стало бы ужасным, если бы пушки брига оказались близко: они бы не могли противостоять артиллерийскому огню. Каким образом можно было бы тогда помешать пиратам высадиться?

Сайрес Смит прекрасно все это понимал и спрашивал себя, что тут можно еще сделать. Скоро

ему придется принять какое-нибудь решение, но какое? Замкнуться в Гранитном Дворце, подвергнуться осаде, выдержать несколько недель, даже месяцев, так как припасов хватит надолго? Хорошо. Ну, а потом? Пираты все-таки станут хозяевами острова, опустошат его и в конце концов захватят узников Гранитного Дворца.

Однако оставался еще один шанс: может быть, Боб Гарвей не отважится ввести свой корабль в пролив и приблизиться к острову. Пока что он находился в полумиле от берега, а на этом расстоянии его выстрелы могли оказаться не очень вредоносными.

— Никогда, никогда этот Боб Гарвей, если он хороший моряк, не войдет в пролив! Он отлично знает, что это значит рисковать потерей брига при первом волнении на море. А что будет делать Боб Гарвей без своего корабля? — говорил Пенкроф.

Между тем бриг приближался к островку, и видно было, что он хочет подойти к его южной оконечности. Дул легкий ветерок, и течение значительно ослабело; поэтому Боб Гарвей мог маневрировать, как ему угодно.

Разведка первых двух лодок позволила атаману пиратов найти фарватер, и он смело вошел

туда. Его план был вполне ясен: он хотел бросить якорь напротив Труб и отвечать ядрами на пули, которые до сих пор истребляли его экипаж.

Вскоре «Быстрый» достиг оконечности островка и легко обогнул его; после этого подняли косой грот, и бриг, держась к ветру, оказался на траверсе реки Благодарности.

— Ах, негодяи! Они все-таки идут! — вскричал Пенкроф.

В это время Наб и Гедеон Спилет присоединились к остальным колонистам. Журналист и его товарищ сочли целесообразным покинуть свой пост у реки Благодарности, где они не могли противостоять артиллерии брига, и поступили вполне разумно. Перед решительной битвой колонистам лучше было держаться вместе. Наб и Гедеон Спилет, пробираясь в Трубы, крались позади скал под градом пуль, ни одна из которых не попала в цель.

— Спилет! Наб! — вскричал инженер. — Вы не ранены?

— Нет, только слегка контужены, — ответил журналист. — Но этот проклятый бриг входит в пролив.

— Да, — сказал Пенкроф, — меньше чем через десять минут он бросит якорь перед Гранитным

Дворцом. — Есть у вас какой-нибудь план действий, Сайрес? — спросил Гедеон Спилет.

— Нам нужно укрыться в Гранитном Дворце, пока есть еще время и пираты не могут нас увидеть, — сказал инженер.

— Я тоже так думаю, — ответил Гедеон Спилет.

— Но когда мы будем там…

— …то станем действовать сообразно обстоятельствам, — сказал Сайрес Смит.

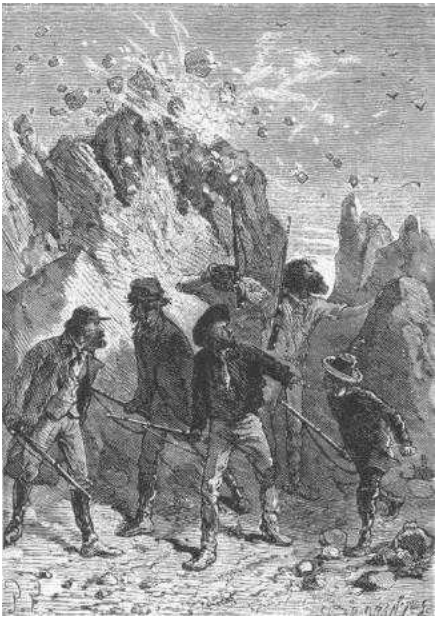
— В таком случае, идем туда немедленно.

— Не желаете ли вы, мистер Сайрес, чтобы мы с Айртоном остались здесь? — спросил моряк.

— Зачем, Пенкроф? — сказал Сайрес Смит. — Не будем разлучаться.

Нельзя было терять ни минуты. Колонисты вышли из Труб. Небольшой выступ вала не позволил увидеть их с брига, но несколько ружейных выстрелов и удары ядер о скалы свидетельствовали, что «Быстрый» находится недалеко от берега.

Колонисты бросились к подъемнику, поднялись до дверей Гранитного Дворца, где со вчерашнего дня сидели взаперти Топ и Юп, и вбежали в большой зал. На все это потребовалась какая-нибудь минута.



Еще мгновение, и они бы опоздали, так как сквозь ветви было видно, что «Быстрый», окруженный густыми облаками дыма, шел по проливу. Колонистам пришлось даже отойти в сторону, так как пальба не прекращалась, и все четыре пушки били вслепую и по берегу реки, хотя сторожевой пост в этом месте был снят, и по Трубам. Скалы разлетались вдребезги. После каждого выстрела слышались крики «ура». Все же можно

было надеяться, что Гранитный Дворец уцелеет, так как Сайрес Смит позаботился замаскировать окна. Но вдруг пушечное ядро ударилось об стену, прилегающую к двери, и влетело в коридор.

— Проклятье, неужели нас увидели? — вскричал Пенкроф.

Быть может, колонисты и не были замечены, но, очевидно, Боб Гарвей счел нужным послать заряд в подозрительные ветви, прикрывавшие эту часть стены. Вскоре пальба усилилась, и второе ядро, прорвав листву, пробило в граните зияющее отверстие.

Положение колонистов стало отчаянным. Они не могли ничем отвечать этим ядрам, не могли укрыться от гранита, осколки которого летали вокруг, словно картечь. Им оставалось только спрятаться в верхнем коридоре Гранитного Дворца и оставить свое жилище на опустошение и разграбление, как вдруг послышались глухой шум и страшные крики.

Сайрес Смит и его товарищи бросились к окну. Бриг, подброшенный каким-то непреодолимым водяным столбом, разломался надвое и меньше чем в десять секунд затонул со всей своей преступной командой.

ГЛАВА IV

Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают все ценное. — Разговор за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательное обследование острова брига. — Пороховая камера не пострадала. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок железа.

— Они взлетели на воздух! — вскричал Герберт.

— Да, взлетели, как будто Айртон взорвал крюйт-камеру, — сказал Пенкроф, бросаясь в подъемник вместе с Набом и юношей.

— Но что же такое произошло? — спросил Гедеон Спилет, который все еще не мог опомниться после этой неожиданной развязки.

— Ну, теперь-то мы узнаем! — с живостью ответил инженер.

— Что же мы узнаем?

— Потом, потом! Идемте, Спилет. Важнее всего то, что эти пираты уничтожены.

И Сайрес Смит, увлекая за собой журналиста и Айртона, выбежал на берег, где уже находились Пенкроф, Наб и Герберт.

Корабль целиком исчез под водой, даже мачт не было видно. После того как его подбросило водяным столбом, бриг лег набок и затонул в этом положении, очевидно, вследствие огромной течи. Но глубина пролива в этом месте не превышала двадцати футов, и при отливе потонувший корабль, несомненно, должен был появиться.

На поверхности воды плавали обломки — целый плот из запасных мачт и рей, клетки с еще живыми курами, ящики, бочки, которые постепенно всплывали, с выбитыми филенками. Но течение не уносило ни одной доски с палубы, ни одного куска обшивки, так что внезапное затопление «Быстрого» казалось довольно загадочным.

Однако обе мачты брига, которые сломались в нескольких футах над палубой и упали, порвав ванты и штаги, вскоре всплыли вместе с парусами. Чтобы не дать отливу унести все эти богатства, Айртон с Пенкрофом кинулись к пироге, намереваясь пригнать эти обломки к берегу острова или островка. Когда они уже садились в лодку, Гедеон Спилет остановил их и сказал:

— А что сталось с шестью пиратами, которые высадились на правом берегу реки?

И действительно, нельзя было забывать, что

шесть человек высадились на мысе Находки, после того как их лодка разбилась о рифы. Все посмотрели в ту сторону. Никого из пиратов не было видно. Убедившись, что бриг затонул, они, вероятно, убежали в глубь острова.

— Впоследствии мы займемся этими людьми, — сказал Сайрес Смит. — Они еще могут быть опасны, так как у них есть оружие, но, в конце концов, шансы теперь равные — шесть против шести. Перейдем к более спешным делам.

Айртон и Пенкроф сели в пирогу и, энергично гребя, направились к обломкам.

Море было спокойно, и вода стояла очень высоко, так как два дня назад началось новолуние. Корпус брига мог обнажиться не раньше чем через час.

Пенкроф и Айртон успели обвязать мачты и багры канатами, концы которых они выкинули на берег острова. После этого колонисты соединенными усилиями вытянули обломки на сушу. Потом пирога подобрала все плавающие предметы: клетки с курами, бочки, ящики, и тотчас же их перенесли в Трубы.

На воде плавали несколько трупов. Среди них Айртон узнал Боба Гарвея и указал на него своему товарищу.

— Вот таким и я был, Пенкроф, — сказал он с волнением в голосе.

— Но теперь вы уже не такой, славный Айртон, — ответил моряк.

Казалось непонятным, почему всплыли так мало трупов. Их было всего пять-шесть, и отлив уже уносил мертвые тела в море. Вероятно, катастрофа наступила совершенно неожиданно

для пиратов, и они не успели бежать, а когда судно легло набок, большинство разбойников погибло, запутавшись в абордажных сетях. Благодаря отливу, уносившему трупы этих негодяев в открытое море, колонисты были избавлены от печальной обязанности хоронить их где-нибудь на острове.

Два часа подряд Сайрес Смит и его товарищи вытаскивали обломки на песок, отвязывали и сушили паруса, которые, оказались совершенно целыми. Занятые работой, они говорили мало, но зато сколько мыслей проносилось у лих в мозгу! Остатки брига, или, вернее, то, что на нем находилось, представляли собой целое богатство. Всякий корабль — это целый маленький мирок, и инвентарь колонистов мог теперь пополниться множеством полезных вещей. Тут было все, что нашлось в ящике, подобранном на мысе Находки, но в большем количестве.

«А потом, — думал про себя Пенкроф, — разве нельзя поднять этот бриг со дна? Если в нем течь, то течь ведь можно заделать, а корабль в четыреста тонн — это настоящий гигант в сравнении с нашим „Бонавентуром“. На таком корабле можно далеко пойти и притом пойти куда угодно! Нам с мистером Сайресом и Айртоном надо выяс-

нить это дело. Для этого стоит потрудиться!» И действительно, если бы оказалось, что на бриге можно еще плавать, то шансы колонистов на спасение сильно бы повысились. Но, чтобы решить этот важный вопрос, надо было подождать, пока спадет вода, и обследовать корпус судна во всех его частях.

Когда обломки были собраны на берегу в подходящем месте, Сайрес Смит с товарищами сделали небольшой перерыв, чтобы позавтракать. Они буквально умирали с голоду. К счастью, кладовая была недалеко, а Наб по праву считался расторопным поваром. Колонисты позавтракали возле Труб. За завтраком они, разумеется, беседовали только о неожиданном событии, которое таким чудесным образом спасло обитателей колонии.

— Это и правда чудо, — повторял Пенкроф. — Нужно признать, что пираты взлетели в самую подходящую минуту. В Гранитном Дворце становилось не очень-то уютно.

— А как вы себе представляете, Пенкроф, почему это случилось и что произвело взрыв на бриге? — спросил журналист.

— Э, мистер Спилет, ничего не может быть проще. Пиратский корабль — не то что военное судно. Ссыльные преступники — не матросы.

Очевидно, крюйт-камера была открыта, так как в нас все время палили, и достаточно было одного дурня или ротозея, чтобы взорвать всю эту махину.

— Меня удивляет, мистер Сайрес, — сказал Герберт, — что действие взрыва оказалось так незначительно. Раскат был не очень силен, и от корабля почти не осталось обломков и досок. Похоже, что бриг затопило, а не взорвало.

— Это тебя удивляет, Герберт? — спросил Сайрес Смит.

— Да, мистер Сайрес.

— И меня это тоже удивляет, — ответил инженер. — Но, когда мы осмотрим корпус судна, этот факт, несомненно, получит объяснение.

— Не станете же вы утверждать, мистер Сайрес, что «Быстрый» просто-напросто затонул, как корабль, который наткнулся на скалу? — сказал Пенкроф.

— А почему бы и нет, если на дне канала есть скалы? — спросил Наб.

— Что ты, Наб! — сказал Пенкроф. — Ты все проглядел. Я отлично видел, что бриг за секунду до того, как он затонул, подбросило огромной волной, и он упал на левый борт. А если бы он натолкнулся на скалу, то спокойно затонул бы, как

всякий порядочный корабль с пробоиной в киле.

— В том-то и дело, что это непорядочный корабль, — ответил Наб.

— Скоро мы все узнаем, Пенкроф, — сказал инженер.

— Да, узнаем, — сказал моряк, — но я готов головой ручаться, что на дне пролива нет скал. Послушайте, мистер Смит: от чистого сердца — неужели вы думаете, что и в этом происшествии есть что-то чудесное?

Сайрес Смит промолчал.

— Во всяком случае, Пенкроф, согласитесь, что этот удар или взрыв случился как раз вовремя, — сказал Гедеон Спилет.

— Да… да… — ответил Пенкроф. — Но вопрос не в этом. Я спрашиваю мистера Смита, видит ли он во всем этом что-нибудь чудесное.

— Я не высказываюсь на этот счет, Пенкроф, — сказал инженер. — Вот все, что я могу вам ответить.

Такой ответ отнюдь не удовлетворил Пенкрофа. Моряк стоял за «взрыв» и не хотел уступать. Он ни за что не соглашался допустить, что в этом проливе, дно которого покрыто мелким песком, проливе, через который Пенкроф часто переправлялся при отливе, может оказаться не известная

ему скала. К тому же в момент потопления брига был прилив, и вода стояла так высоко, что судно не задело бы скал, которых не видно при отливе. Значит, удара быть не могло. Значит, судно не налетело на скалу. Значит, оно взорвалось.

Нельзя не признать, что рассуждения моряка казались довольно справедливыми.

Около половины второго колонисты сели в лодку и отправились к месту крушения. К сожалению, обе судовые шлюпки не удалось сохранить: одна из них, как известно, разбилась в устье реки и была совершенно не годна к употреблению, другая исчезла при потоплении брига и, очевидно, была им раздавлена, так как больше не всплыла.

В это время корпус «Быстрого» начал появляться из-под воды. Бриг лежал даже не на боку: после того как его мачты сломались при падении и балласт сдвинулся с места, судно перевернулось килем кверху. Страшная, необъяснимая подводная сила буквально разворотила корабль, подняв при этом огромный столб воды.

Колонисты обошли корпус брига кругом. Отлив понемногу усиливался, и вскоре они могли уже установить если не причину страшной катастрофы, то хотя бы ее последствия. На носу, футах в семи или восьми от начала форштевня, судно

было ужасающим образом разворочено на протяжении, по крайней мере, двадцати футов; там в двух местах открылась широкая течь, которую невозможно было заделать. Исчезли без следа не только обшивки, медная и деревянная, которые, очевидно, превратились в порошок, но самый остов, гвозди и клинья. По всему корпусу, вплоть до кормы, скрепы расшатались и не держали. Киль был со страшной силой сорван, а в нескольких местах треснул по всей длине.

— Тысяча чертей! — вскричал Пенкроф. — Этот корабль трудно будет поднять.

— Даже невозможно, — сказал Айртон.

— Во всяком случае, — сказал Гедеон Спилет, — взрыв, если это вообще был взрыв, произвел странное действие. Палуба и надводная часть судна не разрушены, но его остов пробит. Эти широкие пробоины — скорее результат удара о скалу, нежели взрыва.

— На дне пролива нет скал! — возразил Пенкроф. — Я готов допустить все что угодно, кроме удара о скалу.

— Постараемся проникнуть внутрь брига, — сказал инженер. — Быть может, мы узнаем причину его гибели.

Это было правильнее всего. Следовало соста-

вить еще опись богатств, находившихся на бриге, и принять меры к их спасению.

В это время было уже нетрудно попасть внутрь брига. Вода все убывала, и оказалось легко взобраться на нижнюю палубу, которая, после того как судно перевернулось, стала верхней. Во многих местах она была проломлена балластом, состоявшим из тяжелых чугунных болванок. Отчетливо слышался шум воды, вытекавшей сквозь щели в корпусе.

Сайрес Смит и его товарищи с топорами в руках двинулись вперед по полуразрушенной палубе. Ее загромождали всевозможные ящики; они пробыли в воде короткое время, и поэтому можно было рассчитывать, что их содержимое не слишком попорчено.

Колонисты решили переправить весь этот груз в надежное место. Прилив должен был начаться лишь через несколько часов, и оставшееся время было использовано наилучшим образом. Пенкроф с Айртоном привязали к пробоине тали, по которым вытаскивали бочки и ящики; потом их складывали в пирогу и тотчас же перевозили на берег. Колонисты брали все что попало, намереваясь впоследствии разобраться в найденном.

К большому их удовлетворению, оказалось,

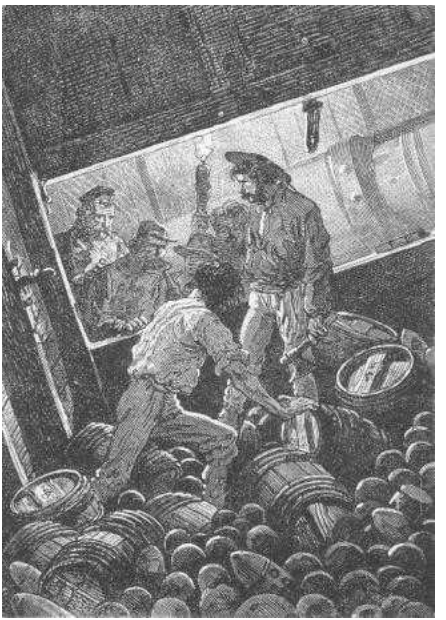
что груз корабля очень разнообразен. Там были всевозможные вещи: посуда, мануфактура, инструменты — все, что обычно грузится на суда, ведущие торговлю с Полинезией. Можно было рассчитывать найти всего понемногу. Это как нельзя более устраивало обитателей острова Линкольна.

Сайрес Смит с молчаливым удивлением констатировал, что не только остов судна, как уже сказано, страшно пострадал от какого-то удара, приведшего к катастрофе, но даже внутренние помещения были разрушены, особенно в носовой части. Перегородки и пилерсы рухнули, словно снесенные взрывом огромного снаряда. Колонистам легко удалось пройти от носа до кормы, предварительно отставив тюки, которые постепенно извлекались наружу. Это были не какие-нибудь тяжелые грузы, с трудом сдвигаемые с места, а обыкновенные тюки с товаром, которые в беспорядке лежали друг на друге.

Колонисты достигли кормы и оказались в той части, под которой прежде был ют. Именно здесь, по указанию Айртона, следовало искать крюйт-камеру. Сайрес Смит надеялся, что она не взорвалась и что удастся спасти несколько бочек с порохом, который, вероятно, не подмок, так

как пороховые бочки обычно обивают внутри металлом.

Так действительно и случилось. Среди большого количества снарядов оказалось штук двадцать бочек, обитых медью, которые были осторожно вытащены наружу. Пенкроф воочию убедился, что гибель «Быстрого» произошла не от внутреннего взрыва. Та часть корабля, где находилась крюйт-камера, как раз пострадала меньше всего.



— Все это возможно, — повторил упрямый моряк, — а все-таки в проливе нет скал — Но как же это случилось? — спросил Герберт.

— Я не знаю, — отвечал Пенкроф. — Сайрес Смит тоже не знает. Никто не знает и никогда не узнает этого.

Осмотр корабля занял несколько часов, и снова начался прилив. Спасательные работы пришлось приостановить. Впрочем, не следовало опасаться, что прилив унесет остов брига в море: он уже завяз в песке и держался так крепко, словно стоял на якоре.

Итак, дальнейшие операции можно было без всякого ущерба отложить до следующего отлива. Что же касается самого корабля, то он осужден был на гибель. Надо было торопиться спасти остатки корпуса, чтобы их не затянуло зыбучим песком на дне пролива.

Было пять часов вечера. Наши работники хорошо потрудились за день. Они с аппетитом поели и после обеда, хоть и сильно устали, не могли сдержать любопытства и вскрыли ящики, составлявшие груз «Быстрого». В большинстве из них находилось готовое платье которое, разумеется, было встречено с радостью. Тут были костюмы для целой колонии, всевозможное белье, обувь

всех размеров.

— Теперь мы даже слишком богаты! — воскликнул Пенкроф. — Что мы будем делать с такой массой одежды?

Моряк то и дело радостно вскрикивал, находя бочки с водой, кипы табаку, огнестрельное и холодное оружие, мешки с хлопком, земледельческие орудия, столярный, плотничный и кузнечный инструмент, ящики со всевозможным зерном, которому не повредило кратковременное пребывание в воде. Как кстати пришлось бы все это два года назад! Но, конечно, даже теперь, когда трудолюбивые колонисты сами обзавелись инвентарем, найденные богатства получат свое применение.

Места на складах Гранитного Дворца было достаточно, но в тот день оставалось слишком мало времени, чтобы все сложить. Приходилось не упускать из виду, что на острове находится шестеро уцелевших пиратов — отчаянные негодяи, которых следовало остерегаться. Хотя мосты и мостики через реку Благодарности были подняты, этих преступников, конечно, не остановила бы река или ручеек; доведенные до крайности, пираты могли стать опасными.

Что именно следовало предпринять против

них, должно было выясниться впоследствии. Пока же надлежало присматривать за тюками и ящиками, сложенными у Труб. Колонисты сторожили их до утра, сменяя друг друга.

Ночь прошла, однако, спокойно. Преступники не делали попыток к нападению. Дядюшка Юп и Топ, стоявшие на страже у подножия Гранитного Дворца, не замедлили бы поднять тревогу.

В ближайшие три дня — 19,20 и 21 октября — колонисты сняли с корабля весь груз и части оснастки, которые представляли какую-либо ценность. Во время отлива они разгружали трюм, с наступлением прилива складывали спасенные вещи. От корпуса, который все глубже и глубже погружался в песок, удалось отодрать значительную часть медной обшивки. Но прежде чем песок успел поглотить тяжелые предметы, которые пошли ко дну, Пенкроф и Айртон сумели разыскать цепи, якоря брига и чугунные болванки, служившие балластом. Даже пушки удалось поднять на поверхность воды, подвязав к ним пустые бочки, а затем пригнать к берегу.

Как видим, арсенал колонистов обогатился не меньше, чем кладовые и склады Гранитного Дворца. Пенкроф, любивший строить широкие планы, уже мечтал о постройке батареи, которая

бы господствовала над проливом и над устьем реки. С четырьмя пушками он брался помешать любому флоту, как бы силен он ни был, войти в территориальные воды острова Линкольна!

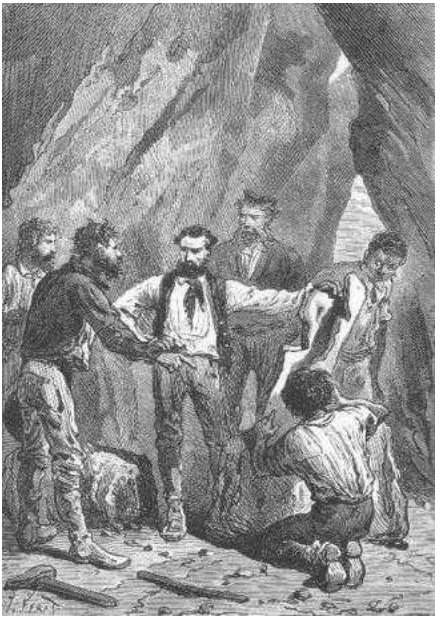
К тому времени, когда от брига оставался только ни на что не нужный каркас, наступила ненастная погода, которая окончательно уничтожила корабль. Сайрес Смит намеревался взорвать его и потом подобрать обломки на берегу, но сильный норд-ост и бурное море избавили инженера от необходимости тратить порох.

Действительно, в ночь на 24 октября остов брига окончательно распался, и часть обломков выбросило на берег.

Что же касается судовых бумаг, то незачем говорить, что Сайрес Смит тщательно обыскал все шкафы на юте, но не нашел даже следа каких-либо документов. Пираты, очевидно, уничтожили все, что имело отношение к личности капитана «Быстрого» и его владельца; название порта, к которому был приписан корабль, не обозначалось на кормовой доске, так что не было возможности судить о его национальности. Однако очертания носовой поверхности судна свидетельствовали, по мнению Айртона и Пенкрофа, что бриг построен в Англии.

Неделю спустя после катастрофы, или, вернее, после счастливой, но необъяснимой развязки, принесшей спасение колонистам, даже при отливе не было видно никаких следов корабля. Обломки брига были снесены в море, а его содержимое перешло в Гранитный Дворец.

Тайна его загадочной, гибели, вероятно, никогда не раскрылась бы, если бы Наб 30 ноября, бродя по берегу, не нашел куска толстого железного цилиндра, носящего на себе следы взрыва. Этот цилиндр был изогнут и разломан вдоль ребра, словно подвергся действию сильно взрывчатого вещества.



Наб принес этот кусок металла своему хозяину, который работал вместе с товарищами в мастерской Труб.

Сайрес Смит внимательно осмотрел железный цилиндр и, обернувшись к Пенкрофу, спросил:

— Продолжаете ли вы утверждать, мой друг, что «Быстрый» погиб не от удара о скалу?

— Да, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Вы не хуже меня знаете, что в проливе нет скал.

— Ну, а если он наскочил на этот кусок железа? — сказал инженер, показывая Пенкрофу разбитый цилиндр.

— На эту трубочку? — воскликнул Пенкроф тоном полнейшего недоверия.

— Друзья мои, — продолжал инженер, — вы помните, что перед тем как пойти ко дну, бриг поднялся вверх, подброшенный огромным столбом воды?

— Да, мистер Сайрес, — ответил Герберт.

— Знаете ли вы, что подняло этот столб? Вот что, — сказал инженер, указывая на разбитую трубку.

— Эта трубка? — воскликнул Пенкроф.

— Да. Этот цилиндр — все, что осталось от торпеды.

— От торпеды! — вскричали товарищи инженера.

— А кто же пустил эту торпеду? — спросил Пенкроф, который все еще не желал сдаваться.

— Могу сказать вам одно — что это не я, — ответил Сайрес Смит. — Но кто-то пустил торпеду, и вы сами видели, какова ее сила.

ГЛАВА V

Выводы инженера. — Грандиозные планы Пенкрофа. — Батарея в воздухе. — Четыре выстрела. — Как поступить с уцелевшими пиратами? — Айртон колеблется. — Великодушие Сайреса Смита. — Пенкроф сдается, но неохотно.

Итак, все объяснилось взрывом этой подводной мины. Сайрес Смит, которому приходилось во время междоусобной войны иметь дело с этими страшными орудиями разрушения, не мог ошибаться. От действия этого цилиндра, заряженного каким-то взрывчатым веществом, вода в проливе поднялась столбом, киль корабля был разрушен, и он немедленно пошел ко дну. Именно потому и оказалось невозможным снова поднять его на воду, так как остов был слишком сильно поврежден. «Быстрый» не выдержал удара торпеды, которая потопила бы любой броненосец, словно простую рыбачью лодку.

Да, все объяснилось, все… кроме появления этой мины в водах пролива.

— Друзья мои, — продолжал Сайрес Смит, —

теперь уже нельзя сомневаться, что на острове находится какая-то таинственная личность — быть может, как и мы, жертва кораблекрушения. Я говорю об этом для того, чтобы Айртон узнал обо всех загадочных событиях последних двух лет. Кто этот неведомый благодетель, чье счастливое вмешательство так часто нам помогало, — не представляю себе. С какой целью он так себя ведет и скрывается, оказав нам столько услуг, — это мне не понятно. Но услуги его очень существенны, и оказать их мог только человек, располагающий огромной силой. Айртон, как и мы, обязан ему многим, ибо если этот незнакомец спас меня из воды после падения воздушного шара, то, очевидно, он же написал записку, бросил бутылку в пролив и дал нам знать о положении нашего товарища. Добавлю, что только он мог пригнать и выбросить на мыс Находки ящик, наполненный вещами, которых нам недоставало; он же зажег костер на возвышенности, который помог вам пристать к берегу; он же пустил в пеккари дробинку; он же пустил в пролив торпеду, которая разрушила бриг. Одним словом, все загадочные факты, которых мы не могли себе объяснить, обязаны своим происхождением этому таинственному человеку. Кто бы он ни

был — потерпевший крушение или ссыльный, только неблагодарность могла бы заставить нас забыть, сколько он для нас сделал. На нас лежит немалый долг, и я надеюсь, что когда-нибудь мы его заплатим.

— Вы правильно говорите, милый Сайрес, — сказал Гедеон Спилет. — Действительно, на острове скрывается какой-то человек, почти всемогущий, влияние которого необычайно благотворно для нашей колонии. Если бы сверхъестественные силы могли действовать в обыденной жизни, я сказал бы, что этот человек располагает сверхъестественными возможностями. Быть может, он тайно сообщается с нами через колодец Гранитного Дворца и узнает наши планы? Не он ли прислал нам бутылку, когда наша лодка в первый раз вышла в море? Не он ли выбросил Топа из озера и был причиной смерти дюгоня? Не он ли — все указывает на это — спас вас из воды, Сайрес, при таких обстоятельствах, когда обыкновенный человек был бы лишен возможности вам помочь? Если да, то он властвует над силами, которые делают его повелителем стихий.

Рассуждения журналиста были совершенно правильны, и его товарищи понимали это.

— Да, — ответил Сайрес Смит, — нельзя со-

мневаться, что какое-то человеческое существо действует в нашу пользу и средства, которыми он располагает, недоступны обычным людям. Это тоже загадка, но если мы обнаружим человека, загадка разъяснится. Вопрос, следовательно, заключается вот в чем: должны ли мы уважать инкогнито этого великодушного существа или обязаны сделать все возможное, чтобы найти его? Каково ваше мнение?

— Мое мнение, — сказал Пенкроф, — что кто бы этот человек ни был, он хороший малый, и я его уважаю.

— Пусть так, Пенкроф, но это ведь не ответ, — сказал Сайрес Смит.

— Хозяин, — проговорил Наб, — мне кажется, что мы можем искать этого господина сколько угодно, но найдем его только тогда, когда он сам этого захочет.

— То, что ты говоришь, неглупо, — сказал Пенкроф.

— Я согласен с мнением Наба, — заметил Гедеон Спилет. — Но это не значит, что мы не должны сделать попытку. Удастся ли нам найти этого таинственного человека или нет, мы, во всяком случае, выполним свой долг.

— А ты, мой мальчик, что скажешь? — спросил

инженер, обращаясь к Герберту.

— О, я хотел бы поблагодарить человека, который сначала спас вас, а потом нас всех! — воскликнул Герберт, глаза которого сверкали.

— Неплохое желание, — сказал Пенкроф. — Мне тоже хотелось бы это сделать. Я человек нелюбопытный, но охотно отдал бы один глаз, чтобы посмотреть другим глазом в лицо этому господину. Мне кажется, он должен быть могуч и красив.

— А вы что думаете, Айртон? — спросил инженер.

— Мистер Смит, — ответил Айртон, — я почти не могу высказать никакого мнения. Как вы сделаете, так и будет хорошо. Если вам будет угодно, чтобы я принял участие в ваших поисках, я последую за вами.

— Благодарю вас, Айртон, — продолжал Сайрес Смит, — но мне хотелось бы получить более прямой ответ на вопрос. Вы — наш товарищ, вы уже не раз жертвовали собой, чтобы защитить нас, и мы должны посоветоваться с вами, собираясь принять важное решение. Итак, говорите.

— Мистер Смит, — сказал Айртон, — мне кажется, мы должны сделать все, чтобы найти этого неизвестного благодетеля. Может быть, он

одинок? Может быть, ему плохо? Может быть, мы ему поможем начать новую жизнь? Я тоже, как вы сказали, очень ему обязан. Это он, только он мог посетить остров Табор, увидеть дикаря, которого вы нашли, и сообщить вам, что надо спасти несчастного! Значит, я снова стал человеком благодаря ему. Я никогда этого не забуду!

— Итак, решено, — сказал Сайрес Смит. — Мы начнем поиски как можно скорее. Ни один уголок острова не останется необысканным. Мы исследуем самые недоступные места, и пусть наш неведомый друг простит нам это, приняв во внимание нашу благую цель.

В течение последующих дней колонисты деятельно косили сено и жали хлеб. Они хотели закончить все необходимые работы, прежде чем приступить к обследованию не известных еще частей острова. В это же время надлежало собрать различные овощи, привезенные с острова Табор; все это приходилось переносить в кладовые, и, к счастью, в Гранитном Дворце вполне хватало места: туда можно было сложить все богатства острова. Запасы колонистов хранились в большом порядке и были недоступны животным или двуногим врагам. Сырости тоже не приходилось опасаться в этом толстом гранитном массиве.

Некоторые естественные пещеры в верхнем коридоре были расширены и углублены при помощи кирки или пороха, и Гранитный Дворец превратился в главный склад провизии, боевых припасов, посуды и инструментов — словом, всего имущества колонии.

Что касается пушек, снятых с брига, то это были превосходные орудия из литой стали. По настоянию Пенкрофа, их втащили при помощи крана и талей в самые сени Гранитного Дворца; между окнами пробили бойницы, и вскоре длинные стальные дула уже торчали в отверстиях стены. С такой высоты огненные жерла господствовали над всей бухтой Союза. Всякий корабль, показавшийся в виду острова, неминуемо попал бы под огонь воздушной батареи.

— Мистер Сайрес, — сказал однажды Пенкроф (дело было 8 ноября), — теперь, когда вооружение закончено, не мешало бы испытать, насколько далеко бьют наши орудия.

— Вы думаете, это будет полезно? — спросил инженер.

— Это не только полезно, это необходимо. Иначе, как мы узнаем, на какое расстояние можно послать одно из этих кругленьких ядер, имеющихся у нас в таком большом запасе?

— Ну так что ж, испытаем их, Пенкроф, — сказал инженер. — Но я думаю, что для пробной стрельбы следует употребить не порох, запас которого мне хотелось бы сохранить неприкосновенным, а пироксилин. В пироксилине у нас никогда не будет недостатка.

— Выдержат ли эти пушки взрывчатую силу пироксилина? — спросил журналист, которому не меньше Пенкрофа хотелось испытать артиллерию Гранитного Дворца.

— Думаю, что да. Впрочем, мы будем действовать осторожно, — ответил инженер.

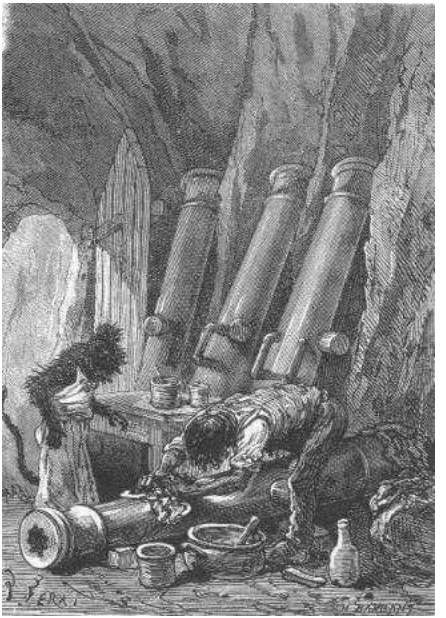
Сайрес Смит — знаток артиллерийского дела — имел основания думать, что эти пушки превосходны. Орудия были изготовлены из кованой стали и заряжались с казенной части. Они могли вмещать огромный заряд и, следовательно, били на значительное расстояние. Действительно, конечный результат попадания снаряда тем больше, чем более вытянута и траектория, описываемая снарядом, а протяженность траектории достигается лишь при очень большой начальной скорости.

— Начальная же скорость, — сказал Сайрес Смит своим товарищам, — стоит в прямом отношении к количеству использованного пороха.

При изготовлении артиллерийских орудий весь вопрос сводится к тому, чтобы применить металл, обладающий максимальным сопротивлением, а сталь, несомненно, самый твердый из металлов. Я поэтому думаю, что наши пушки выдержат расширение газа пироксилина и будут прекрасно действовать.

— Мы убедимся в этом, когда испытаем их, — ответил Пенкроф.

Нечего и говорить, что все четыре пушки были в прекрасном состоянии. После того как орудия вытащили из воды, Пенкроф добросовестно их начистил. Сколько времени употребил он на то, чтобы натереть пушки, смазать их жиром, придать им блеск, вычистить механизмы затвора, нажимной винт, замок! Теперь все части орудия блестели так, точно находились на борту какого-нибудь американского фрегата.



Итак, в этот день, в присутствии всего состава колонии, не исключая Топа и Юпа, пушки одна за другой были подвергнуты испытанию.

Их зарядили пироксилином, учитывая, что взрывчатая сила его вчетверо больше, чем у пороха. Снаряды пушек имели форму цилиндрического конуса.

Пенкроф держал веревку запального фитиля и был готов стрелять.

По сигналу Сайреса Смита раздался выстрел. Ядро, направленное на море, пролетело над островком и скрылось в океане на расстоянии, которое невозможно было определить с точностью.

Вторую пушку навели на крепкие скалы мыса Находки. Ядро ударилось об острый камень приблизительно в трех милях от Гранитного Дворца и разнесло его вдребезги.

Наводил душку и стрелял Герберт, который был очень горд своим первым выстрелом. Но еще больше гордился Пенкроф — ведь это его милый мальчик сделал такой замечательный выстрел!

Третье ядро, пущенное в сторону дюн на верхнем берегу бухты Союза, упало на песок более чем в четырех милях от Гранитного Дворца, подскочило и скрылось в воде, подняв облако пены.

Для четвертого выстрела Сайрес Смит немного увеличил заряд, чтобы установить предел дальнобойности. Потом все отошли в сторону, так как пушку могло разорвать, и фитиль был подожжен с помощью длинной веревки.

Раздался громкий выстрел, но пушка выдержала. Колонисты бросились к окнам и увидели, что ядро задело верхушки скал на мысе Челюстей, примерно в пяти милях от Гранитного Дворца, и

скрылось в волнах залива Акулы.

— Ну что же, мистер Сайрес, — спросил Пенкроф, восторженные крики которого едва не заглушили грохот выстрела, — что вы скажете о нашей батарее? Пусть все пираты Тихого океана явятся к Гранитному Дворцу! Ни один из них не высадится без нашего разрешения.

— Поверьте мне, Пенкроф: лучше не делать этого опыта, — ответил инженер.

— Кстати, — сказал моряк, — как мы поступим с шестью негодяями, которые блуждают по острову? Неужели мы им позволим расхаживать по нашим лесам, полям и лугам? Эти пираты — настоящие ягуары, и мы, мне кажется, должны поступить с ними, как с ягуарами… Как вы думаете, Айртон? — спросил моряк, обращаясь к своему товарищу.

Айртон медлил с ответом, и Сайрес Смит пожалел, что Пенкроф, не подумав, задал этот вопрос. С глубоким волнением услышал инженер ответ смущенного Айртона:

— Я тоже был таким ягуаром, мистер Пенкроф, и не имею права говорить.

И он медленно удалился. Пенкроф понял.

— Ну и дурачина же я! — воскликнул он. — Бедный Айртон! Он имеет такое же право говорить,

как и любой из нас.

— Да, но скромность делает ему честь, и надо уважать это чувство, оставшееся от его печального прошлого, — сказал Гедеон Спилет.

— Согласен, мистер Спилет, — сказал моряк. — Больше я уже не попадусь. Лучше бы мне проглотить язык, чем огорчить Айртона! Но вернемся к моему вопросу. Мне кажется, что бандиты не имеют права на милосердие, и мы должны как можно скорее очистить от них остров.

— Вы действительно так думаете, Пенкроф? — спросил инженер.

— Да, я в этом уверен.

— И вы начнете беспощадную охоту за ними, не дожидаясь, чтобы они совершили какое-нибудь враждебное действие?

— А разве мало того, что они сделали раньше? — спросил Пенкроф, который не понимал колебаний инженера.

— В душе их могут возникнуть другие чувства. Быть может, они раскаются.

— Раскаются? Они? — воскликнул моряк, пожимая плечами.

— Пенкроф, вспомни об Айртоне, — сказал Герберт, взяв моряка за руку. — Он снова стал честным человеком.

Пенкроф недоуменно посмотрел на своих товарищей. Он никогда бы не поверил, что его предложение может встретить какой-либо отпор. По крутости своего характера он не мог допустить никаких компромиссов по отношению к негодяям, которые высадились на острове, — сообщникам Боба Гарвея, убийцам из команды «Быстрого». Моряк считал их дикими зверями, которых надо уничтожить без колебаний и без раскаяния.

— Вот так штука! — сказал он. — Все против меня. Вы хотите великодушничать с этими мерзавцами? Пусть так. Только бы потом не раскаяться.

— Какая нам может угрожать опасность, если мы будем настороже? — спросил Герберт.

— Гм… — произнес журналист, который больше молчал, чем говорил. — Их шесть человек, и они хорошо вооружены. Если каждый подстережет и застрелит одного из нас, они скоро станут хозяевами колонии.

— Почему же они этого не сделали до сих пор? — возразил Герберт. — Очевидно, потому, что это не в их интересах. К тому же нас тоже шестеро.

— Ладно, ладно, — сказал Пенкроф, которого не могли убедить никакие доводы. — Предоставим

этим милым парням заниматься своими делишками и не будем больше о них думать.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал Наб, — не корчи из себя такого злодея. Окажись один из этих несчастных под дулом твоего ружья, ты бы в него не выстрелил.

— Я застрелил бы его, как бешеную собаку, — холодно ответил Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал инженер, — вы часто с большим вниманием прислушивались к моему мнению. Согласны вы в данном случае принять мой совет?

— Я поступлю так, как вам будет угодно, мистер Смит, — ответил Пенкроф, который отнюдь не казался убежденным.

— Тогда будем ждать и перейдем к нападению, только если на нас нападут.

Так и было решено держаться по отношению к пиратам, хотя Пенкроф не предвидел от этого ничего хорошего.

Нападать на них колонисты не собирались, но намеревались быть начеку. В конце концов, остров был велик и плодороден. Если в душе этих отверженных осталось хоть немного порядочности, они, может быть, еще исправятся. При создавшихся условиях они сами должны стре-

миться начать новую жизнь. Во всяком случае, следовало выждать, хотя бы из человеколюбия.

Теперь колонисты, может быть, не смогут спокойно ходить по острову. До сих пор им приходилось опасаться только диких зверей, а сейчас по острову бродили шестеро ссыльных — возможно, отчаянных преступников. Конечно, это было страшно, и если б и колонисты были менее храбрые люди, они навсегда утратили бы покой. Но все равно. Пока что в споре с Пенкрофом правда была на стороне колонистов. Не ошиблись ли они, покажет будущее.

ГЛАВА VI

Проект экспедиции, — Айртон в корале. — Посещение гавани Воздушного Шара. — Замечания Пенкрофа на борту «Бонавентура». — В кораль посылают телеграмму. — От Айртона нет ответа. — Выступление на следующий день. — Почему телеграф не действует. — Выстрел.

Колонисты считали своей важнейшей задачей произвести полное обследование острова, которое теперь имело две цели: во-первых, найти таинственного человека, в существовании которого нельзя было уже сомневаться, и в то же время выяснить, что сталось с пиратами, где они укрылись, какую вели жизнь и чего можно опасаться с их стороны.

Сайрес Смит желал бы выступить немедленно, но так как экспедиция должна была продолжаться несколько дней, то было решено нагрузить на повозку различные предметы лагерного оборудования и посуду — все необходимое для ночевок. Между тем одна из онагг поранила себе ногу, и ее нельзя было запрягать. Животное нуждалось в

отдыхе, и колонисты решили отложить отъезд до 20 ноября. Ноябрь в этих широтах соответствует маю Северного полушария. Приближалось лето. Солнце подходило к тропику Козерога, наступали самые длинные дни в году. Время для экспедиции было выбрано наиболее подходящее. Даже если главная цель не будет достигнута, поход колонистов мог привести ко многим открытиям, особенно в отношении естественных богатств: ведь Сайрес Смит намеревался обследовать густой лес Дальнего Запада, тянувшийся до конца Змеиного полуострова.

В течение девяти дней, оставшихся до начала экспедиции, колонисты решили закончить последние работы на плато Дальнего Вида.

Между тем Айртону было необходимо возвратиться в кораль, так как домашние животные нуждались в уходе. Было решено, что Айртон проведет там два дня и вернется в Гранитный Дворец, оставив в стойлах обильный запас корма.

Перед его отправлением Сайрес Смит спросил, не хочет ли он, чтобы кто-нибудь его проводил. Ведь теперь на острове не так безопасно, как прежде.

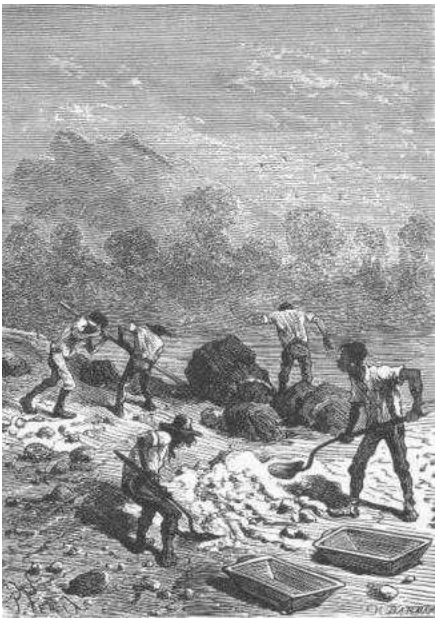
Айртон ответил, что это не нужно, что он отлично справится один и ничего не боится. Если в

корале или окрестностях произойдет что-нибудь неожиданное, он немедленно сообщит об этом по телеграфу в Гранитный Дворец.

На заре Айртон уехал на повозке, которую везла одна онагга. Два часа спустя телеграф сообщил, что в корале все благополучно.

В ближайшие два дня Сайрес Смит осуществил одно мероприятие; оно должно было окончательно обезопасить Гранитный Дворец от всяких неожиданностей; Смит хотел сделать совершенно не видимым отверстие бывшего водостока на южной оконечности озера Гранта, ранее, уже заделанное и полуприкрытое растениями и травой. Это было легко осуществить, так как требовалось только повысить на два-три фута уровень воды в озере, которая должна была окончательно затопить отверстие. Для этого достаточно было установить плотины у обоих проливов, питавших Глицериновый ручей и ручей Водопада. Остальные колонисты приняли участие в этой работе и быстро возвели две плотины из хорошо сцементированных камней. Ширина их не превосходила семи-восьми футов при трех футах высоты. После этого никто не мог бы предположить, что у оконечности озера существовал подземный проход, в который когда-то изливался

избыток воды.



Незачем говорить, что небольшой рукав, через который поступала вода, наполнявшая резервуары Гранитного Дворца и приводившая в движение подъемник, не был затронут, и колонистам не угрожал недостаток воды. Стоило втянуть подъемник наверх, и надежное, удобное убежище колонистов было в полной безопасно-

сти от неожиданного нападения.

С этой работой справились быстро, и Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт нашли время посетить гавань Воздушного Шара. Моряку очень хотелось знать, побывали ли пираты в маленькой бухте, где находился «Бонавентур».

— Эти джентльмены, — говорил он, — высадились именно на южном берегу. Я боюсь, что они обнаружили нашу маленькую гавань, и тогда я не дам и полдоллара за наш «Бонавентур».

Опасения Пенкрофа были довольно основательны, и посещение гавани Воздушного Шара казалось вполне уместным.

10 ноября после полудня моряк и его товарищи выступили в путь. Они были хорошо вооружены. Пенкроф демонстративно вложил по две пули в каждый ствол своего ружья и молча покачал головой. Это не предвещало ничего хорошего для того, кто вздумал бы подойти к нему слишком близко, будь это человек или зверь. Гедеон Спилет и Герберт также захватили ружья, и около трех часов маленький отряд покинул Гранитный Дворец.

Наб проводил товарищей до излучины реки и, когда они перешли на другой берег, поднял мост. Колонисты условились, что сообщат о своем

возвращении выстрелом из ружья. Услышав этот сигнал, Наб должен был восстановить сообщение между обоими берегами реки.

Путники направились прямо по дороге в гавань, к южному берегу острова. Им предстояло пройти всего три с половиной мили, но Гедеон Спилет и его товарищи потратили на это два часа. По пути они обыскали всю опушку леса как в более густой его части, так и со стороны болота Казарок, но не обнаружили никакого следа беглецов. Вероятно, последние, не зная в точности численности колонистов и их средств обороны, укрылись в наименее доступной части острова.

Придя в гавань Воздушного Шара, Пенкроф с величайшим удовлетворением увидел, что «Бонавентур» спокойно стоит на якоре в узкой бухте; впрочем, гавань Воздушного Шара была так хорошо укрыта среди высоких скал, что ее нельзя было обнаружить ни с моря, ни с суши, и только человек, находящийся в самой бухте или над нею, мог догадаться о ее существовании.

— Прекрасно! — сказал Пенкроф. — Эти негодяи еще не побывали здесь. Гады предпочитают прятаться в траве, и мы, очевидно, найдем их в лесу Дальнего Запада.

— Это большое счастье, — добавил Герберт. —

Если бы они увидели «Бонавентур», то захватили бы корабль и убежали, а мы не могли бы еще раз побывать на острове Табор.

— Действительно, — ответил журналист, — было бы приятно доставить туда записку с указанием координат острова Линкольна и местонахождения Айртона, на случай, если «Дункан» вернется за ним.

— «Бонавентур» все еще здесь, мистер Спилет, — ответил Пенкроф. — Судно и его команда могут тронуться в путь по первому сигналу.

— Я думаю, Пенкроф, что это придется сделать сейчас же по окончании обследования острова. Возможно, что незнакомец, если нам только удастся его найти, сообщит нам много интересного об острове Линкольна и острове Табор. Вспомните, что он, и никто другой, написал ту записку, и ему, может быть, известно, вернется ли яхта.

— Тысяча чертей! — вскричал Пенкроф. — Кто же это может быть? Этот человек знаком с нами, а мы с ним незнакомы. Если это простой моряк, потерпевший кораблекрушение, то почему же он прячется? Мне кажется, мы порядочные люди, а общество порядочных людей никому не может быть неприятно. По доброй ли воле он сюда по-

пал? Может ли он покинуть остров, если захочет? Здесь ли он еще? Или его уже нет?

Беседуя таким образом, Пенкроф и его товарищи поднялись на корабль и прошли по палубе «Бонавентура». Моряк случайно взглянул на битенг, вокруг которого был обмотан якорный канат, и вскрикнул:

— Черт возьми! Вот это здорово!

— Что такое, Пенкроф? — спросил журналист.

— А то, что этот узел завязан не моей рукой! И Пенкроф указал на веревку, которая привязывала канат к битенгу, чтобы он не размотался.

— Как не вашей рукой? — спросил Гедеон Спилет.

— Готов поклясться, что не моей. Это плоский узел, а я обычно завязываю две удавки[42].

— Может быть, вы ошиблись, Пенкроф?

— Я не ошибся, — настаивал моряк. — Рука делает это незаметно, сама собой, и рука не ошибается.

— Значит, пираты побывали на корабле? — спросил Герберт.

— Не знаю, — ответил Пенкроф. — Несомненно одно, что якорь «Бонавентура» поднимали и

---

[42] Примечания: 42

Удавка — узел, употребляемый моряками, который всегда крепко держится.

потом снова бросили его. Вот еще одно доказательство: канат якоря травили, и гарнитур[43] снят с того места, где канат трется об клюз. Говорю вам, кто-то пользовался нашим судном!

— Но если им пользовались пираты, они разграбили бы его или убежали.

— Убежали бы? Куда это? На остров Табор? — возразил Пенкроф. — Неужели вы думаете, что они отважились бы выйти в океан на судне с таким небольшим водоизмещением?

— К тому же пришлось бы допустить, что остров Табор им известен, — сказал Гедеон Спилет.

— Как бы то ни было, — продолжал моряк, — не будь я Бонавентур Пенкроф из Вайн-Ярда, если наш «Бонавентур» не поплавал без нас.

Моряк говорил так уверенно, что ни Гедеон Спилет, ни Герберт не решались его оспаривать. Судно, очевидно, не все время стояло на месте с тех пор, как Пенкроф привел его в гавань Воздушного Шара. Моряк нисколько не сомневался, что кто-то поднял якорь и потом снова опустил его на дно. Зачем было бы проделывать это, если корабль не сходил с места?

— Но как же мы могли не заметить «Бонавен-

---

[43] Примечания: 43

Гарнитур — кусок старой парусины, которым обвертывают якорный канат в той части, где он касается клюза, чтобы канат не стирался.

тур», когда он проходил мимо острова? — спросил журналист, которому хотелось выдвинуть все возможные возражения.

— Очень легко, мистер Спилет, — ответил моряк. — Достаточно выйти ночью, при хорошем ветре, и через два часа остров скроется из виду.

— В таком случае, — продолжал журналист, — объясните мне, с какой целью пираты могли воспользоваться «Бонавентуром» и почему, воспользовавшись им, они снова привели корабль в гавань?

— Эх, мистер Спилет, — ответил моряк, — отнесем это к прочим необъяснимым вещам и бросим об этом думать! Важно то, что «Бонавентур» с нами. К несчастью, если пираты возьмут его еще раз, он может не оказаться на месте.

— Может быть, было бы осторожнее отвести «Бонавентур» к Гранитному Дворцу? — сказал Герберт.

— И да и нет, но скорее — нет, — ответил Пенкроф. — Устье реки Благодарности — неподходящее место для корабля, и море там бурное.

— А что, если дотащить его по песку до самых Труб?

— Может быть, это будет правильнее, — сказал Пенкроф, — но раз мы должны покинуть

Гранитный Дворец и отправиться в довольно продолжительную экспедицию, то, мне кажется, «Бонавентуру» будет безопаснее здесь. Лучше его оставить в бухте, пока остров не будет очищен от этих негодяев.

— Я тоже так думаю, — сказал журналист. — Здесь он, по крайней мере, не будет так страдать от дурной погоды, как в устье реки Благодарности.

— Ну, а что, если пираты вздумают еще раз посетить его? — сказал Герберт.

— Не найдя «Бонавентура» здесь, они быстро разыскали бы корабль в окрестностях Гранитного Дворца и захватили бы его в наше отсутствие, — ответил Пенкроф. — Я согласен с мистером Спилетом, что корабль следует оставить в гавани Воздушного Шара. Но когда мы вернемся, если нам не удастся освободить остров от негодяев, лучше будет отвести «Бонавентур» к Гранитному Дворцу и оставить его там на случай, если придется опасаться каких-либо неприятных посещений.

— Решено! Идем дальше! — сказал журналист.

Вернувшись в Гранитный Дворец, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет сообщили инженеру о том, что произошло, и Сайрес Смит одобрил их

решение. Он даже обещал Пенкрофу изучить участок пролива между островком и побережьем и выяснить, нельзя ли устроить там при помощи запруд искусственную гавань. Если это осуществимо, то «Бонавентур» будет всегда близко, на виду у колонистов, а в случае нужды его можно будет даже запереть.

В тот же вечер Айртону послали телеграмму с просьбой привести из кораля пару коз, которых Наб собирался выпустить на луга, покрывавшие плато. Как это ни странно, Айртон, вопреки своему обычаю, не подтвердил получения депеши. Инженер был очень удивлен. Могло случиться, что Айртона в это время не было в корале, а может быть, он даже возвращался в Гранитный Дворец. Действительно, после его ухода прошло два дня, а 10-го вечером или, самое позднее, 11-го утром он должен был вернуться.

Колонисты ждали, что Айртон покажется на плато Дальнего Вида. Наб с Гербертом даже отправились к мосту, чтобы опустить его, как только появится их друг. Но к десяти часам вечера стало ясно, что Айртон не придет. Колонисты решили послать вторую телеграмму с просьбой немедленно ответить.

Звонок в Гранитном Дворце молчал.

Колонисты сильно встревожились. Что случилось? Значит, Айртона не было в корале, а если он и находился там, то был лишен свободы передвижения? Следовало ли им идти в кораль в эту темную ночь?

Поднялся спор. Одни хотели идти, другие нет.

— Но, может быть, что-нибудь случилось с телеграфом и он не действует? — спросил Герберт.

— Это возможно, — сказал журналист.

— Подождем до завтра, — предложил Сайрес Смит. — Может быть, Айртон действительно не получал нашей телеграммы или его ответ не дошел до нас.

Колонисты ждали с понятным беспокойством.

С первыми лучами зари 11 ноября Сайрес Смит снова пустил электрический ток по проводу, но не получил ответа.

Они повторили свою попытку. Результат был тот же.

— Идем в кораль, — сказал инженер.

— И притом во всеоружии, — добавил Пенкроф.

Колонисты тут же решили, что Гранитный Дворец не будет покинут всеми и что там останется Наб. Проводив своих товарищей до Глицеринового ручья, он должен был поднять мост и,

укрывшись за деревом, ждать их возвращения или возвращения Айртона.

В случае, если появятся пираты и попытаются перейти через пролив, Наб должен был остановить их ружейными выстрелами. В конце концов, он мог спрятаться в Гранитном Дворце и, втащив подъемник, оказаться в полной безопасности.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф предполагали направиться прямо в кораль, а если Айртона там не окажется, обыскать ближайший лес.

В шесть часов утра инженер со своими тремя спутниками перешел через Глицериновый ручей, а Наб остался на левом берегу и укрылся за небольшим пригорком, на котором росло несколько высоких драцен.

Колонисты, спустившись с плато Дальнего Вида, направились по дороге, ведшей в кораль. Они держали ружья наперевес и были готовы стрелять при первом появлении врагов. Два карабина и столько же ружей были заряжены пулями.

По обеим сторонам дороги тянулся густой кустарник, где легко могли притаиться злодеи. Они были вооружены и поэтому опасны.

Колонисты шли быстро и молчали. Топ бежал впереди то по дороге, то меж кустов, но тоже мол-

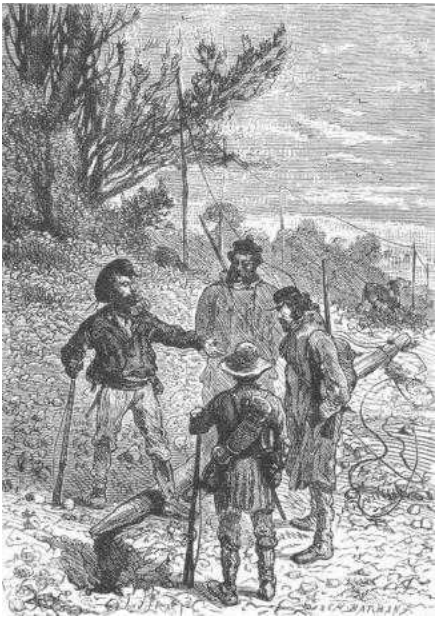
чал, видимо, не чуя ничего необычного. Можно было быть уверенным, что верный пес не позволит захватить себя врасплох и начнет лаять при первых признаках опасности.

Вдоль дороги, по которой шел маленький отряд, тянулся телеграфный провод, соединявший кораль с Гранитным Дворцом. Отойдя около двух миль, колонисты не заметили ни одного обрыва. Столбы стояли крепко, изоляторы были целы, провод натянут правильно. Но дальше, как указал инженер, натяжение проволоки несколько ослабевало, а дойдя до столба № 74, Герберт, который шел впереди, крикнул:

— Провод оборван!

Спутники Герберта ускорили шаги и подошли к тому месту, где стоял юноша.

Столб был опрокинут и лежал поперек дороги. Обрыв провода можно было считать установленным, и телеграммы из Гранитного Дворца в кораль и из кораля в Гранитный Дворец, очевидно, не доходили до места назначения.



— Этот столб опрокинуло не ветром, — заметил Пенкроф.

— Нет, — подтвердил Гедеон Спилет. — Под ним подрыли землю и вырвали его руками.

— Кроме того, провод порван, — сказал Герберт, указывая на два конца проволоки, которая была кем-то разорвана.

— Что, излом свежий? — спросил Сайрес Смит.

— Да, проволока, несомненно, оборвана недав-

но, — ответил Герберт.

— В кораль! В кораль! — вскричал Пенкроф.

Колонисты находились на полпути между Гранитным Дворцом и коралем. Им оставалось пройти две с половиной мили. Они быстрым шагом двинулись вперед.

Очевидно, в корале произошло какое-то важное событие. Айртон, конечно, мог послать телеграмму, и она не дошла, но не это беспокоило его товарищей, а вот что казалось им не понятным: Айртон обещал вернуться в Гранитный Дворец накануне вечером и не пришел. Наконец, связь между коралем и Гранитным Дворцом была прервана не без причины, а кто, кроме пиратов, был заинтересован в том, чтобы эта связь нарушилась?

Колонисты бежали, задыхаясь от волнения. Они были искренне привязаны к своему новому товарищу. Неужели они найдут его убитым рукой тех самых людей, во главе которых он когда-то стоял?

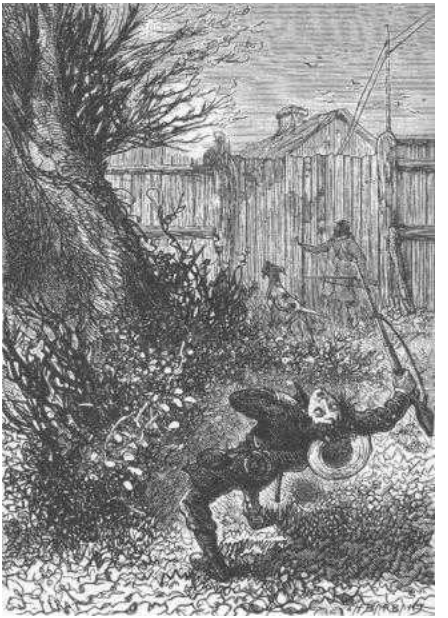
Вскоре маленький отряд достиг того места, где начинался ручеек, приток Красного ручья, орошавший луга в корале. Они умерили шаги, чтобы не чувствовать себя утомленными в ту минуту, когда, может быть, придется вступить в борьбу.

Все взвели курки ружей. Каждый наблюдал за определенным участком леса. Топ издавал глухое рычание, не предвещавшее ничего хорошего.

Наконец между деревьями стал виден дощатый забор. С первого взгляда не было заметно никаких разрушений. Калитка была закрыта, как всегда. В корале царила глубокая тишина. Не слышалось ни блеяния муфлонов, ни голоса Айртона.

— Войдем туда, — сказал Сайрес Смит.

Инженер сделал несколько шагов вперед. Его товарищи стояли настороже в двадцати шагах, готовые стрелять. Сайрес Смит поднял внутреннюю щеколду калитки и хотел ее открыть, когда Топ громко залаял. Над забором прозвучал выстрел, и крик боли раздался ему в ответ.



Герберт, пораженный пулей, упал на землю.

ГЛАВА VII

Журналист и Пенкроф в корале. — Герберта переносят в дом. — Отчаяние моряка. — Инженер и журналист советуются. — Способ лечения. — Снова надежда. — Как известить Наба? — Верный и надежный посланник. — Ответ Наба.

Услышав крик Герберта, Пенкроф выронил ружье и бросился к нему.

— Они убили его! — закричал он. — Моего мальчика! Они убили его!

Сайрес Смит и Гедеон Спилет тоже подбежали к Герберту. Журналист послушал, бьется ли еще сердце бедного юноши.

— Он жив, — сказал Гедеон Спилет. — Его нужно перенести…

— В Гранитный Дворец?

— Это невозможно, — ответил инженер.

— Тогда в кораль! — воскликнул Пенкроф.

— Одну минуту, — сказал инженер.

Он бросился влево, стараясь обойти забор. Вдруг он увидел перед собой пирата. Тот прицелился, и его пуля пробила инженеру шляпу. Но второго

выстрела он не успел сделать, так как упал на землю, пораженный кинжалом Сайреса Смита, более метким, чем ружье пирата.

Между тем Гедеон Спилет и моряк подтянулись на руках к верхним доскам забора, перелезли через него, спрыгнули в загон, вырвали болты, которые запирали дверь, и бросились в дом, оказавшийся пустым. Вскоре несчастный Герберт лежал на кровати Айртона. Несколько мгновений спустя Сайрес Смит был подле него.

Горе Пенкрофа при виде Герберта, лежавшего без сознания, было ужасно. Он плакал, рыдал, бился головой об стену. Ни инженер, ни Гедеон Спилет не могли его успокоить. Они сами задыхались от волнения и не в состоянии были говорить.

Тем не менее они сделали все, что могли, чтобы вырвать из когтей смерти бедного юношу, умирающего у них на глазах. Гедеон Спилет, проживший столь бурную жизнь, имел кое-какой опыт в области медицины. Он знал всего понемногу, и ему часто приходилось лечить раны, нанесенные огнестрельным оружием. С помощью Сайреса Смита он принялся ухаживать за Гербертом.

Журналиста поразила полная неподвижность

юноши, которая объяснялась, вероятно, кровотечением, а может быть, шоком, если пуля с силой ударилась о кость и вызвала сотрясение организма.

Герберт был очень бледен. Пульс его еле прощупывался, так что Гедеон Спилет, улавливал его биение лишь с большими промежутками, словно сердце готово было вот-вот остановиться. Сознание совершенно отсутствовало. Это были очень опасные симптомы.

Журналист обнажил грудь Герберта, смыл кровь мокрым платком и холодной водой.

Рана стала ясно видна. На груди, между третьим и четвертым ребрами, в том месте, где поразила Герберта пуля, краснело овальное отверстие.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет перевернули бедного юношу, который еле слышно стонал. Этот стон был больше похож на последний вздох умирающего.

На спине Герберта зияла вторая рана, из которой сейчас же выпала пуля.

— Слава Богу! — сказал журналист. Пуля не осталась в теле, и нам не придется ее извлекать.

— Но сердце? — спросил Сайрес Смит.

— Сердце не затронуто — иначе Герберт был бы мертв.

— Мертв? — закричал Пенкроф, испустив нечто похожее на рычание.

Моряк расслышал только последнее слово, произнесенное журналистом.

— Нет, Пенкроф, нет, он не умер, — ответил Сайрес Смит. — Его пульс продолжает биться. Он даже застонал. Но, ради блага вашего питомца, успокойтесь. Нам нужно все наше хладнокровие. Не волнуйте нас еще больше, друг мой.

Пенкроф умолк; в нем произошла реакция, и крупные слезы покатились из его глаз.

Между тем Гедеон Спилет старался вспомнить то, что знал, и действовать методически. Сомнений не было: пуля вошла спереди и вышла сзади. Но какие разрушения произвела она на своем пути? Какие важные органы были задеты? Этого не мог бы сказать в данный момент даже профессиональный хирург, а тем более Гедеон Спилет.

Однако журналист знал одно: что ему придется бороться с воспалением поврежденных частей и затем с местным воспалением, лихорадкой, вызванной ранением, которое, быть может, смертельно. Какие средства мог он употребить? Какие противовоспалительные лекарства? Каким способом предупредить воспаление?

Во всяком случае, важнее всего было немед-

ленно перевязать раны. Гедеон Спилет не счел нужным вызывать новое кровотечение, обмывая раны теплой водой и сдавливая их края. Кровотечение было и так очень обильно, а Герберт чрезвычайно ослаб от потери крови.

Поэтому журналист ограничился промыванием ран холодной водой.

Герберта повернули на левый бок и удерживали его в этом положении.

— Не нужно, чтобы он двигался, — сказал Гедеон Спилет. — Такое положение удобнее всего для того, чтобы из ран на груди и на спине мог свободно выделяться гной. Герберту необходим абсолютный покой.

— Что? Его нельзя перенести в Гранитный Дворец? — спросил Пенкроф.

— Нет, Пенкроф, — ответил журналист.

— Проклятие! — крикнул моряк, грозя небу кулаком.

— Пенкроф! — сказал Сайрес Смит.

Гедеон Спилет снова принялся тщательно осматривать раненого юношу. Герберт был по-прежнему страшно бледен, и журналист почувствовал тревогу.

— Сайрес, — сказал он, — я не врач… Я очень волнуюсь… Я страшно растерян… Вы должны

помочь мне вашим опытом, вашим советом…

— Успокойтесь, мой друг, — ответил инженер, пожимая руку журналисту. — Действуйте хладнокровно… Помните одно: надо спасти Герберта.

Эти слова возвратили Гедеону Спилету самообладание, которое он было потерял, поддавшись на минуту отчаянию и тяжелому чувству ответственности. Он сел на край кровати. Сайрес Смит стоял рядом с ним. Пенкроф разорвал свою рубашку и машинально щипал корпию.

Гедеон Спилет объяснил Сайресу Смиту, что он находит нужным прежде всего остановить кровь, не закрывая ран и не стремясь, чтобы они зажили, ибо внутренние органы были повреждены и нельзя было допустить скопления гноя в груди.

Сайрес Смит вполне одобрил это мнение, и было решено перевязать раны, не пытаясь немедленно закрыть их, соединяя края. К счастью, раны не приходилось расширять, но самый важный вопрос заключался в том, имеется ли у колонистов действительное средство против неизбежного воспаления.

Да, у них было такое средство. Природа не пожалела его: у них была холодная вода, то есть самое сильное успокаивающее средство при воспалении ран, самое действительное в тяже-

лых случаях: теперь им пользуются все врачи. У холодной воды есть и то преимущество, что она позволяет держать рану в полном покое и избавляет ее от частых преждевременных перевязок. Это преимущество очень велико, так как опыт доказывает, что в первые дни воздух производит на рану вредное действие.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет рассуждали так, руководствуясь простым здравым смыслом, и действовали не хуже хорошего хирурга. На раны Герберта положили полотняные компрессы и все время смачивали их холодной водой.

Пенкроф прежде всего зажег огонь в очаге. В доме не было недостатка в предметах первой необходимости. Из тростникового сахара и лекарственных растений, тех самых, которые юноша собрал на берегах озера Гранта, приготовили освежающее питье и влили несколько капель его в рот больному, который все еще не приходил в сознание. У Герберта был сильный жар; весь день и всю ночь он пролежал без сознания. Жизнь его висела на волоске, и волосок этот каждую минуту мог оборваться.

На следующий день, 12 ноября, у Сайреса Смита появилась надежда. Герберт наконец очнулся от глубокого обморока. Он открыл глаза, узнал

Сайреса Смита, журналиста, Пенкрофа, произнес несколько слов. Он не помнил, что с ним случилось. Юноше рассказали, и Гедеон Спилет умолял его лежать совершенно спокойно, говоря, что его жизнь вне опасности, а раны заживут через несколько дней. Впрочем, Герберт почти не страдал, а холодная вода, которой все время смачивали раны, не давала им воспалиться. Гной отходил правильно, жар не усиливался; можно было надеяться, что страшные раны не вызовут никакой катастрофы. У Пенкрофа немного отлегло от сердца. Точно сестра милосердия или мать, он не отходил от постели своего питомца.

Герберт снова заснул, и на этот раз как будто спокойнее.

— Скажите мне еще раз, что вы надеетесь, мистер Спилет, — говорил Пенкроф. — Скажите мне, что вы спасете Герберта!

— Да, мы спасем его, — ответил журналист, — Рана опасна, и пуля, быть может, даже пробила легкое, но ранение этого органа не смертельно.

Само собой разумеется, что за те сутки, кото-

рые они провели в корале, колонисты думали только о спасении Герберта. Они не вспоминали ни об опасности, которая могла им грозить, если бы возвратились пираты, ни о мерах предосторожности, которые следовало принять. Но на следующий день, когда Пенкроф дежурил у постели больного, Сайрес Смит и журналист заговорили о том, что им нужно предпринять. Прежде всего они обошли кораль. Нигде не было и следа Айртона. Неужели несчастного увели его бывшие сообщники? Захватили ли они его в корале? Быть может, он сопротивлялся и погиб в борьбе? Последнее предположение было более чем вероятно. Гедеон Спилет, перелезая через забор, отчетливо видел пирата, бежавшего по южному отрогу горы Франклина. За пиратом бросился Топ. То был один из преступников, находившихся в лодке, которая разбилась о скалы в устье реки Благодарности. Разбойник, которого убил Сайрес Смит (тело его было найдено за забором), несомненно, принадлежал к банде Боба Гарвея. Что же касается кораля, то его еще не успели разрушить. Ворота оставались закрытыми, и домашние животные не смогли убежать в лес. Не видно было ни малейших следов борьбы, никаких повреждений в доме и в изгороди. Толь-

ко боевые припасы, которые имелись у Айртона, исчезли вместе с ним.

— На этого несчастного напали, — сказал Сайрес Смит, — и так как он был человеком борьбы, то не хотел сдаться и погиб.

— Да, этого можно опасаться, — ответил журналист. — Затем пираты, очевидно, расположились в корале, где нашли большие запасы, и убежали, только завидя нас. Столь же очевидно, что в это время Айртона, живого или мертвого, здесь уже не было.

— Необходимо обыскать лес и очистить остров от этих негодяев, — сказал инженер. — Предчувствия Пенкрофа не обманывали его, когда он требовал, чтобы на них устроили охоту, как на диких зверей. Это избавило бы нас от многих бед.

— Да, — ответил журналист, — да, теперь мы имеем право быть безжалостными.

— Во всяком случае, нам придется выждать некоторое время и пробыть в корале до тех пор, пока можно будет перенести Герберта в Гранитный Дворец.

— А как же Наб? — спросил журналист.

— Наб в безопасности.

— А что, если наше отсутствие встревожит его, и он решит прийти сюда?

— Ему не следует приходить, — с живостью ответил Сайрес Смит. — Его убьют по дороге.

— Все же очень вероятно, что он попытается присоединиться к нам.

— О, если бы только телеграф еще действовал! Наба можно было бы предупредить. Но теперь этого уже нельзя сделать. Оставить здесь Пенкрофа и Герберта мы тоже не можем. Я один пойду в Гранитный Дворец.

— Нет, нет, Сайрес, вам не надо рисковать собой! Вся ваша храбрость не помогла бы нам. Эти негодяи, очевидно, следят за коралем. Они засели в густом лесу, и, если вы уйдете, нам придется страдать за двоих.

— Но как же быть с Набом? — спросил инженер. — Вот уже сутки, как он не имеет от нас вестей. Он захочет прийти сюда.

— Он будет еще меньше остерегаться, чем мы, и его, наверное, убьют, — сказал Гедеон Спилет.

— Неужели нет способа его предупредить? Инженер погрузился в размышления. Вдруг его взгляд упал на Топа, который бегал взад и вперед, словно говоря: «А я-то на что?»

— Топ! — закричал Сайрес Смит. Собака прибежала на зов своего хозяина.

— Да, Топ пойдет, — сказал журналист, который

сразу понял мысль инженера. — Топ пройдет там, где мы не прошли бы. Он принесет в Гранитный Дворец известия о корале и доставит нам известия из Гранитного Дворца.

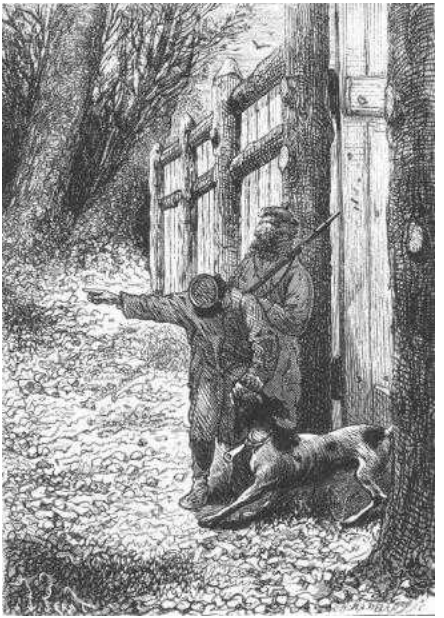
— Скорей, скорей! — сказал Сайрес Смит.

Гедеон Спилет быстро вырвал листок из блокнота и написал:

«Герберт ранен. Мы в корале. Будь настороже. Не покидай Гранитного Дворца. Появились ли пираты в окрестностях? Ответь через Топа».

Эта лаконическая записка заключала все, что должен был знать Наб, и вместе с тем спрашивала его о том, что интересовало колонистов. Листок сложили и привязали к ошейнику Топа на самом видном месте.

— Топ! Собачка! — сказал инженер, гладя собаку. — Наб, Наб! Иди, иди!



При этих словах Топ подскочил. Он угадал, понял, что от него требовалось. Дорога в Гранитный Дворец ему была знакома. Он мог добежать туда меньше чем в полчаса и пройти незамеченным там, где ни журналист, ни Сайрес Смит не рискнули бы показаться.

Инженер подошел к калитке кораля и распахнул ее.

— Наб, Топ, Наб! — повторил он еще раз, протя-

гивая руку в сторону дворца.

Топ выскочил из калитки и сразу скрылся из виду.

— Он дойдет, — сказал журналист.

— Да, и вернется, верный пес.

— Который час? — спросил Гедеон Спилет.

— Десять часов.

— Через час он может быть здесь.

— Мы выйдем к нему навстречу.

Калитку снова заперли. Инженер и журналист вернулись в дом. Герберт все еще крепко спал. Пенкроф все время смачивал компрессы. Гедеон Спилет, видя, что ему пока нечего делать, занялся приготовлением пищи, в то же время тщательно наблюдая за частью забора, прилегающего к отрогу горы, откуда можно было ожидать нападения.

Колонисты с нетерпением ожидали возвращения Топа. За несколько минут до одиннадцати Сайрес Смит и журналист с карабинами в руках стояли у калитки, готовые открыть ее, как только услышат лай собаки. Они нисколько не сомневались, что, если Топу удалось добраться до Гранитного Дворца, Наб сейчас же отослал его обратно.

Они простояли минут десять, как вдруг услышали выстрел, вслед за которым раздался громкий

лай. Инженер открыл калитку и, увидев в ста шагах от себя клуб дыма, выстрелил. Почти сейчас же Топ вбежал в кораль, и инженер быстро захлопнул калитку.

— Топ, Топ! — закричал Сайрес Смит, обнимая большую умную голову собаки.

К ошейнику Топа была привязана записка, написанная крупным почерком Наба:

«Пиратов в окрестности дворца нет. Я не двинусь с места. Бедный мистер Герберт!»

ГЛАВА VIII

Пираты вокруг кораля. — Временное жилище. — Герберта продолжают лечить. — Первые восторги Пенкрофа. — Взгляд в прошлое. — Что таит в себе будущее. — Мысли Сайреса Смита, по этому поводу.

Итак, пираты все еще на острове. Они следили за колонистами и, очевидно, решили перестрелять одного за другим. Колонистам следовало обойтись с ними, как с дикими животными. Но нужна была большая осторожность, так как обстановка складывалась в пользу этих негодяев, видевших, но невидимых. Они могли напасть на колонистов, но сами не опасались внезапного нападения.

Сайрес Смит решил поэтому остаться в корале, где были сложены запасы провизии, достаточные на долгое время. Дом Айртона был снабжен всем необходимым для жизни, а пираты, испуганные появлением колонистов, не успели его разграбить. По мнению Гедеона Спилета, события протекали следующим образом: шестеро пиратов, которые высадились на острове, прошли по

южному побережью. Обойдя оба берега Змеиного полуострова, они не пожелали углубиться в лес Дальнего Запада и достигли устья ручья Водопада. От этого места они двинулись вверх по правому берегу реки и оказались у отрогов горы Франклина. Там они стали искать для себя убежище и вскоре увидели кораль, где в то время никого не было. Они поселились там, чтобы осуществить свои отвратительные замыслы. Приход Айртона застиг их врасплох, но им удалось захватить несчастного, а дальнейшее… нетрудно себе представить!

Теперь пираты — их осталось только пять человек, но они были хорошо вооружены — бродили по лесу, и пробраться туда — значило подставить себя под выстрел, не имея возможности избежать его или спрятаться.

— Будем ждать! Ничего другого не остается, — повторял Сайрес Смит. — Когда Герберт поправится, мы устроим генеральную облаву и справимся с пиратами. Это будет второй задачей экспедиции, наряду…

— …наряду с поисками нашего таинственного защитника, — закончил Гедеон Спилет. — Нельзя не признать, Сайрес, что его помощь прекратилась именно тогда, когда мы больше всего в ней

нуждаемся.

— Кто знает… — произнес инженер.

— Что вы хотите сказать? — спросил журналист.

— Что наши испытания еще не кончены, дорогой Спилет, и что эта могучая сила успеет еще, может быть, проявиться. Но дело не в этом. Прежде всего надо спасти Герберта.

Это была самая мучительная забота колонистов. Прошло несколько дней, и положение несчастного юноши, к счастью, не ухудшилось. А каждый день, отвоеванный у болезни, означал многое. Вода, температура которой постоянно поддерживалась на нужном уровне, не позволяла ранам воспаляться. Журналисту показалось, что эта вода с небольшой примесью серы — поблизости ведь находился вулкан — оказывала и более непосредственное действие на заживление раны. Отделение гноя было уже менее обильным, и Герберт благодаря хорошему уходу возвращался к жизни. Температура у него падала; соблюдая строгую диету, он ужасно ослаб, но в целебном питье не было недостатка, а полный покой принес ему пользу.

Сайрес Смит, Спилет и Пенкроф научились очень хорошо делать перевязки. Все белье, нахо-

дившееся в доме, пошло на бинты. Раны Герберта, прикрытые корпией и бинтом, были перевязаны не туго, но и не слишком свободно, чтобы они могли зарубцеваться, не воспаляясь.

Журналист делал перевязку крайне тщательно. Он понимал, какое важное значение она имеет, и часто повторял своим товарищам истину, которую признают большинство врачей: что сделать хорошую перевязку, быть может, труднее, чем произвести удачную операцию.

Через десять дней, 22 ноября, Герберт чувствовал себя уже значительно лучше. Он начал принимать легкую пищу. Румянец возвращался на щеки юноши, его добрые глаза улыбались товарищам. Он даже иногда разговаривал, несмотря на все усилия Пенкрофа, болтавшего все время, чтобы помешать ему говорить; а рассказывал он ему самые невероятные истории. Юноша удивлялся, что не видит подле себя Айртона, и, думая, что тот в корале, спросил Пенкрофа, где Айртон. Пенкроф, чтобы не волновать Герберта, кратко ответил, что Айртон отправился к Набу, чтобы охранять Гранитный Дворец.

— Каковы эти пираты! — говорил моряк. — Вот джентльмены, которые не имеют права на снисхождение. А мистер Смит хотел взять их чув-

ствительностью. Я угощу их чувствительностью, но только свинцовой, и крупного калибра.

— Их больше не видели? — спросил Герберт.

— Нет, мой мальчик, — ответил Пенкроф. — Но мы их найдем, и когда ты поправишься, мы посмотрим, осмелятся ли эти трусы, которые стреляют в спину, встретиться с нами лицом к лицу!

— Я еще очень слаб, мой бедный Пенкроф.

— Э, силы понемногу вернутся! Что значит рана навылет в груди? Это сущие пустяки! Я получал и не такие раны и чувствую себя превосходно.

В общем, дело шло на поправку, и если не произойдет осложнений, Герберта можно было считать вне опасности. Но в каком положении оказались бы колонисты, если бы состояние юноши ухудшилось, если бы пуля застряла у него в теле, если бы ему пришлось отнять руку!

— Я не могу подумать об этом без содрогания! — часто говорил Гедеон Спилет.

— И все же, если бы пришлось, вы бы это сдела-

ли? — спросил его как-то Сайрес Смит.

— Конечно, Сайрес, — ответил журналист, — но хорошо, что мы избавлены от такого осложнения.

Как и во многих других случаях, колонисты призвали на помощь простой здравый смысл и благодаря своим знаниям вышли из затруднения. Но не наступит ли такая минута, когда все их знания окажутся недостаточными? Они были одни на острове. А человек совершенствуется только в обществе других, люди необходимы один другому. Сайрес Смит хорошо знал это и нередко задавал себе вопрос: не может ли возникнуть в их жизни такая трудность, которую они не в силах будут преодолеть?

Вообще ему казалось, что для него и для его друзей, до сих пор живших так счастливо, началась полоса несчастий. За те два с половиной года, что они находились на острове, все, можно сказать, складывалось в их пользу. Остров щедро одарил их минеральными, растительными и животными продуктами; природа постоянно благодетельствовала колонистам, а знания помогли им использовать ее дары. Материальное благосостояние островитян было, можно сказать, полным. К тому же во многих случаях им помо-

гала какая-то таинственная сила. Но все это не могло продолжаться вечно.

Словом, Сайрес Смит как будто предчувствовал, что счастье начало изменять колонистам.

В окрестностях острова появился пиратский корабль, и если эти преступники были, можно сказать, чудом уничтожены, то все же, по крайней мере, шестеро из них избежали гибели. Они высадились на острове, и пять человек пиратов, оставшихся в живых, были почти неуловимы. Айртон, наверное, погиб от руки этих негодяев, которые обладали огнестрельным оружием; первый же их выстрел едва не умертвил Герберта. Были ли это лишь первые удары злого рока, направленного против колонистов? Вот о чем постоянно думал Сайрес Смит, вот о чем он часто беседовал с Гедеоном Спилетом. Обоим казалось, что покровительство незнакомца, необъяснимое, но столь действенное и так часто выручавшее их, теперь прекратилось. Может быть, этот таинственный человек, в существовании которого, кто бы он ни был, нельзя было сомневаться, покинул остров? Может быть, он тоже погиб? На эти вопросы невозможно было дать ответа.

Но не следует думать, что Сайрес Смит и его товарищи, хотя они и беседовали о таких вещах,

приходили в отчаяние. Ничего подобного. Они смотрели событиям прямо в лицо, анализировали свои шансы, были готовы ко всему, твердо и уверенно шли навстречу будущему, и если несчастье намеревалось их поразить, они готовы были бороться.

ГЛАВА IX

От Наба нет известий. — Предложение Пенкрофа и Спилета. — Оно… отклонено. — Вылазка Гедеона Спилета. — Кусок материи. — Записка. — Поспешный отъезд. — Прибытие на плато Дальнего Вида.

Выздоровление юного больного приближалось. Теперь оставалось желать лишь одного: чтобы состояние юноши позволило перенести его в Гранитный Дворец. Как бы хорошо ни был обставлен и снабжен дом в корале, он все же не был так удобен, как здоровое гранитное жилище колонистов. Кроме того, в корале было не так безопасно, и его обитатели, несмотря на всю свою осторожность, каждую минуту могли опасаться выстрела пиратов. Там же, в толще неприступного массива, им ничего не угрожало, и любое покушение на их жизнь должно было окончиться неудачей. Поэтому они с нетерпением ждали минуты, когда Герберта можно будет перенести во дворец, не повредив его ране, и твердо намеревались это сделать, хотя сообщение через лес Якамара было очень трудным.

От Наба не было известий, но это не тревожило колонистов. Смелый негр, хорошо укрывшийся в Гранитном Дворце, не даст себя захватить врасплох. Топа к нему больше не посылали, так как незачем было подвергать верного, лучшего помощника колонистов опасности быть убитым.

Итак, оставалось ждать, но колонистам не терпелось снова собраться в Гранитном Дворце. Инженеру было неприятно, что силы колонии распылены, так как это было только на руку пиратам. После исчезновения Айртона колонистов осталось четыре человека против пяти, потому что на Герберта еще нельзя было рассчитывать. Это очень тревожило благородного юношу, который прекрасно понимал, сколько беспокойства он причиняет своим товарищам.

Вопрос о том, как следует при создавшемся положении вести себя по отношению к пиратам, был обсужден 23 ноября. Гедеон Спилет, Сайрес Смит и Пенкроф основательно продумали его, воспользовавшись тем, что уснувший Герберт не слышал их разговора.

— Друзья мои, — сказал журналист, когда зашла речь о Набе и о невозможности сообщаться с ним, — я думаю, так же, как и вы, что выйти на дорогу, ведущую во дворец, значит подставить

себя под выстрел, не имея возможности на него ответить. Но не считаете ли вы, что сейчас лучше всего было бы начать настоящую охоту за этими негодяями?

— Я только об этом и думаю, — ответил Пенкроф. — Мы не такие люди, чтобы бояться пуль, а что касается меня лично, то, если мистер Сайрес мне разрешит, я готов сейчас же идти в лес. Черт возьми, один человек стоит другого!

— Но стоит ли он пяти человек? — сказал инженер.

— Я присоединяюсь к Пенкрофу, — произнес журналист, — и мы вдвоем, хорошо вооруженные, да еще с Топом…

— Давайте рассуждать хладнокровно, дорогие, — сказал Сайрес Смит. — Если бы пираты находились в определенном месте на острове, если бы это место было нам известно и дело заключалось только в том, чтобы выбить их оттуда, я не возражал бы против прямой атаки. Но не следует ли, наоборот, опасаться, что преступникам обеспечена возможность выстрелить раньше нас?

— Э, мистер Сайрес, пуля не всегда попадает по адресу! — возразил Пенкроф.

— Пуля, которая поразила Герберта, не заблу-

дилась, Пенкроф, — сказал инженер. — К тому же, заметьте, что если вы оба уйдете из кораля, мне придется защищать его в одиночку. Можете ли вы поручиться, что пираты не увидят, что вы ушли, и, предоставив вам удалиться в лес, не нападут на кораль в ваше отсутствие, зная, что там остался только один мужчина и раненый мальчик?

— Вы правы, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф, в груди которого бушевала глухая ярость. — Они все сделают, чтобы завладеть коралем, так как знают, что в нем много всяких припасов. А в одиночку вы с ними не справитесь. О, если бы мы были в Гранитном Дворце!

— Будь мы в Гранитном Дворце, положение было бы совсем иным, — сказал инженер. — Там бы я не побоялся оставить Герберта с одним из нас, а трое остальных пошли бы в лес. Но мы находимся в корале и должны здесь оставаться, пока не сможем выйти отсюда все вместе.

Доводы Сайреса Смита были неопровержимы, и его товарищи понимали это.

— Ах, если бы Айртон был с нами! — сказал Гедеон Спилет. — Бедняга! Его вторая жизнь среди людей оказалась недолгой.

— Если только он умер… — прибавил Пенкроф

загадочным тоном.

— Неужели вы надеетесь, что эти мерзавцы его пощадили? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, если это им было выгодно.

— Как! Вы полагаете, что Айртон, найдя своих бывших товарищей, забыл все, чем он нам обязан?

— Кто знает! — ответил моряк, который не без колебаний решился высказать это мрачное предположение.

— Пенкроф, — сказал инженер, беря его за руку, — это дурная мысль, и вы меня очень огорчите, если будете продолжать так говорить. Я ручаюсь за верность Айртона.

— Я тоже, — с живостью прибавил журналист.

— Да… да… мистер Сайрес, я неправ, — ответил Пенкроф. — Это и на самом деле дурная мысль, и ничто ее не оправдывает. Но что поделаешь, я как-то свихнулся. Это сидение в корале ужасно меня гнетет. Я никогда еще не был так возбужден.

— Будьте терпеливы, Пенкроф, — сказал инженер. — Так вы думаете, Спилет, через сколько времени можно будет перенести Герберта в Гранитный Дворец?

— Трудно сказать, — ответил журналист. —

Малейшая неосторожность может повлечь за собой печальные последствия. Но выздоровление идет нормально, и если через неделю его силы несколько восстановятся, то посмотрим…

Через неделю! Значит, возвратиться в Гранитный Дворец можно будет не раньше начала декабря. Весна была в полном разгаре. Погода держалась хорошая, становилось жарко. Леса покрылись густой листвой, и приближалось время сбора урожая. Сейчас же по возвращении на плато Дальнего Вида должны были, следовательно, начаться земледельческие работы. Их предполагалось прервать только ради экспедиции по обследованию острова.

Понятно поэтому, насколько должно было повредить колонистам вынужденное пребывание в корале. Им приходилось покориться необходимости, но это было очень неприятно.

Раз или два журналист рискнул выйти на дорогу и обошел вокруг изгороди. Топ сопровождал его, и Гедеон Спилет, держа карабин в руках, был готов к любой неожиданности. С ним не случилось ничего дурного, он не заметил ни одного подозрительного следа. Собака предупредила бы его об опасности, но Топ ни разу не залаял, и из этого можно было заключить, что, по крайней

мере, в настоящее время, опасаться нечего и что пираты находятся в другой части острова.

Однако во время второй вылазки, 27 ноября, Гедеон Спилет, пройдя приблизительно четверть мили по лесу на южном склоне горы, заметил, что Топ чем-то встревожен. Собака шла не так спокойно, как прежде: она бегала взад и вперед, рыскала в траве и в кустах, словно чуя что-то

подозрительное.

Журналист пошел за Топом, ободряя его голосом. Он приложил карабин к плечу, готовый стрелять, и настороженно смотрел перед собой, пользуясь каждым деревом, как прикрытием. Топ едва ли почуял присутствие человека, иначе он бы возвестил об этом сдержанным злобным лаем. Но он не ворчал, значит опасность была не близко.

Так прошло минут пять. Топ рыскал в кустах, журналист осторожно шел за ним следом. Внезапно Топ бросился в густой кустарник и вынес оттуда кусок материи. Это был обрывок одежды, грязный, растерзанный. Гедеон Спилет немедленно принес его в кораль.

Колонисты осмотрели находку и убедились, что это был лоскут одежды Айртона, кусок войлока — единственной материи, которая изготовлялась в мастерской Гранитного Дворца.

— Видите, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит: — бедняга Айртон оказал сопротивление. Пираты утащили его против его воли. Сомневаетесь ли вы теперь в его честности?

— Нет, мистер Сайрес, — ответил Пенкроф, — я уже давно оставил свое минутное сомнение. Но из этого обстоятельства можно, мне кажется,

сделать один вывод.

— Какой же? — спросил журналист.

— Тот, что Айртона не убили в корале. Раз он сопротивлялся, значит его утащили живым. Может быть, он и сейчас еще жив.

— Да, может быть, — ответил инженер и задумался. Это давало некоторую надежду, и товарищи Айртона жадно ухватились за нее. Действительно, они раньше думали, что Айртон подвергся нападению в корале и пал, как Герберт, сраженный чьей-то пулей. Но если пираты не сразу его убили, если они увели Айртона куда-нибудь живым, то нельзя ли предположить, что он и до сих пор томится в плену? Может быть, даже кто-нибудь из пиратов узнал в Айртоне Бен Джойса, своего прежнего товарища, атамана беглых каторжников. Кто знает, не питали ли они ложной надежды вернуть Айртона в свою среду? Он мог бы быть им очень полезен, если бы они сумели склонить его на предательство.

Находка куска материи была сочтена в корале благоприятным предзнаменованием, и колонисты снова поверили в возможность увидеть Айртона. Если Айртон жив, но в плену, то он, с своей стороны, наверное, сделает все возможное, чтобы вырваться из рук бандитов, и будет хоро-

шим помощником для колонистов.

— Во всяком случае, если Айртону, на счастье, удастся убежать, он направится прямо в Гранитный Дворец. Ему ведь ничего не известно о покушении на Герберта, и он не может предполагать, что мы заперты в корале, — сказал Гедеон Спилет.

— Хотел бы я, чтобы он был в Гранитном Дворце и чтобы мы тоже там были! — вскричал Пенкроф. — Ведь если эти негодяи ничего не могут предпринять против нашего дома, то они вполне могут опустошить плато, все наши посевы, птичник…

Пенкроф превратился в настоящего хуторянина и всей душой привязался к своему полю. Но больше всех хотелось вернуться в Гранитный Дворец Герберту, который хорошо понимал, насколько нужны там колонисты. А ведь это он задерживал их в корале. И тогда одна мысль овладела юношей — покинуть кораль во что бы то ни стало. Ему казалось, что он выдержит путешествие до Гранитного Дворца; он уверял, что силы его скорее восстановятся в его комнате от свежего воздуха и вида на море.

Несколько раз Герберт принимался упрашивать Гедеона Спилета, но последний, опасаясь,

что не совсем зажившие раны юноши могут по дороге открыться, не давал разрешения выступать.

Однако случилось одно обстоятельство, которое заставило Сайреса Смита и его друзей уступить настояниям юноши. Кто знал, сколько горя и раскаяния могло принести им это решение!

Это было 29 ноября. Часов в семь утра колонисты разговаривали в комнате Герберта. Вдруг они услышали громкий лай Топа.

Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет схватили свои ружья, всегда готовые стрелять, и вышли из дому.

Топ подбежал к изгороди и прыгал, заливаясь лаем. Но он явно выражал этим не злобу, а удовольствие.

— Кто-то подходит.

— Да.

— Это не враг.

— Может быть, это Наб?

— Или Айртон?

Едва колонисты успели обменяться этими словами, как кто-то перепрыгнул через изгородь, попав на двор кораля. Это был дядюшка Юп, собственной персоной. Топ оказал ему самый дружеский прием.

— Юп! — крикнул Пенкроф.

— Это Наб послал его к нам, — сказал журналист.

— В таком случае, — произнес инженер, у него должна быть какая-нибудь записка.

Пенкроф бросился к обезьяне. Если Наб хотел сообщить своему хозяину что-нибудь важное, он не мог найти более проворного посланца, чем Юп, который сумел пройти там, где не могли пробраться ни колонисты, ни сам Топ.

Сайрес Смит не ошибся. У Юпа на шее висел мешочек, в котором лежала записка, написанная рукой Наба.

Можно было себе представить, каково было отчаяние Сайреса Смита и его друзей, когда они прочитали следующие слова:

«Пятница, 6 часов утра. Пираты захватили плато! Наб».

Не говоря ни слова, они переглянулись и воротились в дом. Что было делать? Пираты на плато Дальнего Вида — это значило: разрушение, опустошение, гибель.

Увидя, что инженер, журналист и Пенкроф вернулись, Герберт понял, что произошло что-то важное. А заметив Юпа, он не мог уже сомневаться, что Гранитному Дворцу грозит беда.

— Мистер Сайрес, я хочу уйти отсюда, — сказал

он. — Я могу вынести дорогу, поедемте!

Гедеон Спилет подошел к Герберту. Он посмотрел на него и сказал:

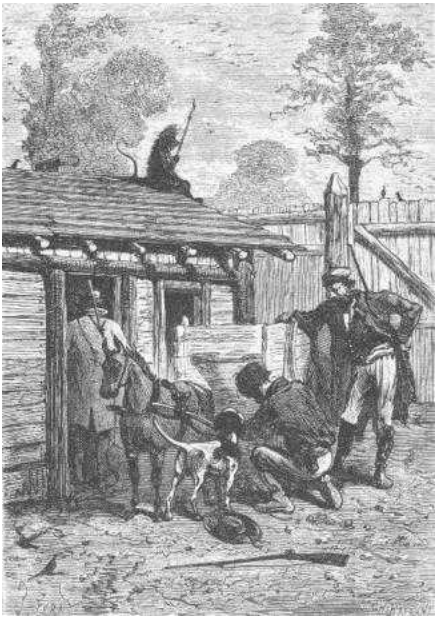
— Ну что ж, поедем.

Колонисты быстро обсудили вопрос, нести ли Герберта на носилках или везти в повозке, которая привезла Айртона в кораль. На носилках раненый чувствовал бы себя спокойнее, но, чтобы нести их, требовалось два человека: иначе говоря, в случае нападения в маленьком отряде стало бы двумя стрелками меньше.

Не лучше ли было воспользоваться повозкой, чтобы все руки оставались свободными? Разве нельзя положить в нее матрац, на котором лежал Герберт, и осторожно двинуться вперед, избегая малейшего толчка? Это было вполне возможно.

Повозку подвезли к дому, Пенкроф запряг онагу. Сайрес Смит с журналистом подняли матрац вместе с лежащим на нем Гербертом и положили в повозку. Погода была прекрасная. Яркие лучи солнца пробивались сквозь листву.

— Оружие в порядке? — спросил Сайрес Смит. Все было в порядке. Инженер и Пенкроф были вооружены двустволками. Гедеон Спилет держал в руках карабин. Можно было трогаться в путь.



— Тебе удобно, Герберт? — спросил инженер.

— О, мистер Сайрес, не беспокойтесь. Я не умру в дороге, — ответил юноша.

Видно было, что несчастный мальчик, говоря это, призывает на помощь всю свою энергию, страшным напряжением воли удерживает в себе силы, готовые покинуть его.

Сердце инженера болезненно сжалось. Он все еще не решался дать знак к выступлению. Но

остаться — значило огорчить Герберта, может быть, убить его.

— В дорогу! — сказал Сайрес Смит.

Калитка кораля распахнулась. Юп и Топ, умевшие молчать, когда следует, бросились вперед. Повозка двинулась, ворота снова закрыли, и онагга, которой правил Пенкроф, медленно двинулась вперед.

Быть может, было бы лучше ехать не той дорогой, которая вела из кораля прямо в Гранитный Дворец, но повозка с большим трудом проехала бы в лесу. Поэтому пришлось избрать прямую дорогу, хотя она была известна пиратам.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет шли во обеим сторонам повозки, готовые отразить любое нападение. Впрочем, было не очень вероятно, что пираты уже покинули плато Дальнего Вида. Наб, несомненно, написал и отослал свою записку, как только увидел пиратов. Записка была помечена шестью часами утра, и проворная обезьяна, часто бывавшая в корале, прошла пять миль, отделявшие кораль от Гранитного Дворца, самое большее в сорок пять минут. Значит, на дороге было безопасно, и если бы пришлось пустить в ход оружие, то только на подступах к Гранитному Дворцу.

Тем не менее колонисты были настороже. Топ и Юп (последний был вооружен дубиной) то бежали впереди, то рыскали по лесу. Они, видимо, не чуяли никакой опасности.

Повозка, управляемая Пенкрофом, медленно подвигалась вперед. Она выехала из кораля в половине восьмого. Час спустя четыре из пяти миль были пройдены. За это время не случилось ничего особенного.

Дорога была пустынна, как и вся эта часть леса Якамара, которая тянулась между рекой Благодарности и озером. Чаща казалась столь же безжизненной, как в тот день, когда колонисты высадились на остров.

Маленький отряд подходил к плато. Еще миля — и будет виден мостик через Глицериновый ручей. Сайрес Смит не сомневался, что мостик опущен. Пираты либо прошли по нему, либо, если переправились через один из ручьев, окружавших возвышенность, опустили его, чтобы обеспечить себе отступление.

Наконец сквозь редкие деревья показалось море. Повозка продолжала двигаться вперед, потому что ни один из ее защитников не мог ее оставить.

Внезапно Пенкроф остановил онагру и закри-

чал страшным голосом:

— Ах, негодяи!

Вытянув руку, он указывал на густой дым, клубившийся над мельницей, сараями и птичником, В дыму копошился какой-то человек. Это был Наб.

Его друзья разом вскрикнули. Он услышал крик и подбежал к ним.

Пираты ушли с плато полчаса назад, совершенно опустошив его!

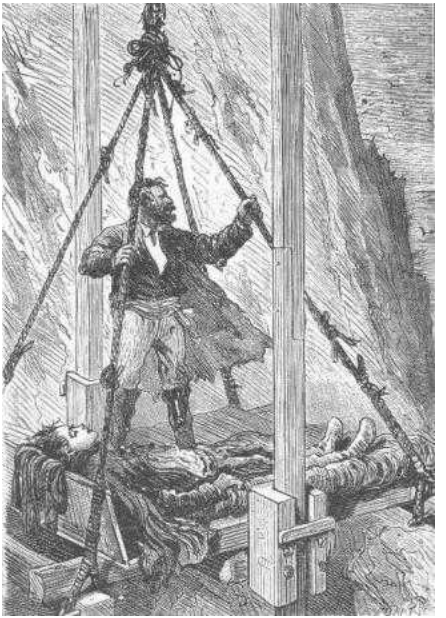
— А мистер Герберт? — спросил Наб. Гедеон Спилет вернулся к повозке. Герберт потерял сознание.

ГЛАВА X

Герберт перевезен в Гранитный Дворец. — Наб рассказывает, что произошло. — Сайрес Смит осматривает плато. — Гибель и опустошение. — Колонисты бессильны бороться с болезнью. — Ивовая кора. — Смертельная лихорадка. — Топ снова лает.

Пираты, опасность, которой подвергался Гранитный Дворец, развалины, покрывавшие плато, — все было забыто. Состояние Герберта заслонило все. Не оказалась ли перевозка для него роковой? Журналист не мог это установить, но он и его товарищи были в отчаянии.

Повозку подвезли к излучине реки. Из нескольких веток сделали носилки и положили на них Герберта, не снимая его с матраца. Юноша по-прежнему был в обмороке. Спустя десять минут Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет стояли у подножия стены. Набу было поручено отвезти повозку обратно на плато Дальнего Вида. Подъемник пошел вверх, и вскоре Герберт уже лежал на своей постели в Гранитном Дворце.



Юношу удалось быстро привести в чувство. Увидя себя в своей комнате, он слегка улыбнулся, но едва мог сказать несколько слов — до того ослаб. Гедеон Спилет осмотрел его раны. Журналист опасался, что они снова открылись, так как не успели как следует затянуться. Этого не случилось. Откуда же такое изнеможение? Почему состояние Герберта ухудшилось?

Юноша задремал лихорадочным сном. Журна-

лист и Пенкроф остались возле его постели.

Тем временем Сайрес Смит рассказал Набу о том, что произошло в корале, а Наб сообщил своему хозяину, какие события разыгрались на плато.

Пираты показались на опушке леса, возле Глицеринового ручья, только прошлой ночью. Наб, который стоял на страже птичьего двора, не колеблясь, выстрелил в одного из разбойников, который собирался переправиться через ручей, но из-за темноты он не видел, попал ли в этого негодяя. Во всяком случае, это не испугало шайку, а Наб едва успел вернуться в Гранитный Дворец, где он, по крайней мере, был в безопасности.

Но что было делать дальше? Как помешать пиратам опустошить плато? Имел ли Наб возможность предупредить хозяина? Да и они, обитатели кораля, — в каком они были положении?

Сайрес Смит и его товарищи ушли 11 ноября, а в этот день было 29-е число. Итак, Наб уже восемнадцать дней не имел других известий, кроме тех, которые ему принес Топ. А это были печальные известия: Айртон исчез, Герберт тяжело ранен, инженер, журналист и моряк, по существу, арестованы в корале.

«Что делать?» — спрашивал себя бедный Наб. За

себя лично он мог не опасаться, так как пираты не в состоянии были проникнуть в Гранитный Дворец. Но постройки, плантации, все оборудование — во власти разбойников. Не нужно ли спросить Сайреса Смита, что делать, и, по крайней мере, предупредить его об опасности?

Набу пришло в голову прибегнуть к помощи Юпа и переслать с ним записку. Он знал, как умна эта обезьяна, которая не раз доказывала свою сообразительность. Юп понимал слово «кораль», которое при нем часто повторяли, и, как мы знаем, он неоднократно ездил туда на повозке вместе с Пенкрофом. Рассвет еще не наступил. Проворный оранг, несомненно, сумеет пройти через лес, и если даже пираты увидят Юпа, то сочтут его одним из обитателей лесной чащи.

Наб не стал медлить. Он написал записку и привязал ее к шее обезьяны. Потом он подвел Юпа к дверям дворца, спустил на землю длинную веревку и несколько раз повторил:

— Юп! Юп! Кораль! Кораль!

И обезьяна поняла. Юп уцепился за веревку, быстро соскользнул вниз и исчез во тьме, не обратив на себя внимания пиратов.

— Ты хорошо сделал, Наб, — сказал Сайрес Смит. — Но, если бы ты не извещал нас, было бы

еще лучше…

Говоря это, Сайрес Смит думал о Герберте, который так сильно пострадал от перевозки.

Наб продолжал свой рассказ. Пираты не показывались на побережье. Не зная, какова численность колонии, они могли предполагать, что Гранитный Дворец находится под защитой большого отряда. Вероятно, они не забыли, что при нападении их брига на остров они были встречены многочисленными выстрелами как с нижних, так и с верхних скал, и решили не подвергать себя опасности. Но плато Дальнего Вида было им доступно и не находилось в сфере огня Гранитного Дворца. Пираты, предавшись грабежу, принялись все жечь и опустошать, творя зло ради зла. Разбойники ушли всего за полчаса до появления колонистов, вероятно, думая, что последние все еще сидят в корале.

Таковы были эти важные события. Присутствие пиратов являлось постоянной угрозой для обитателей острова Линкольна, которые до сих пор были так счастливы. Они могли ожидать еще худших бед.

Гедеон Спилет остался во дворце с Гербертом и Пенкрофом, а Сайрес Смит вышел в сопровождении Наба, чтобы выяснить размеры бедствия.

К счастью, пираты не дошли до подножия Гранитного Дворца. Мастерские в Трубах не избежали бы разрушения. Но их было бы, пожалуй, легче восстановить, чем развалины, громоздившиеся на плато Дальнего Вида.

Сайрес Смит с Набом направились к реке Благодарности и поднялись по левому берегу, не встречая никаких следов пиратов. На другой стороне реки, в густом лесу, они также не увидели ничего подозрительного.

Впрочем, судя по всем признакам, можно было предположить следующее: либо пираты знали о возвращении колонистов в Гранитный Дворец, так как видели их на дороге из кораля, либо они, разграбив плато, ушли в лес Якамара и не знали, что колонисты возвратились.

В первом случае они должны были вернуться в кораль, оставленный без защиты, где хранились ценные припасы.

Во втором случае они, вероятно, направились в свой лагерь и ждали удобной минуты, чтобы повторить нападение.

Их следовало бы предупредить, но начало мероприятий по очистке острова от пиратов зависело от состояния Герберта. Сайресу Смиту были нужны все его люди, а в настоящее время никто не

мог покинуть Гранитный Дворец.

Инженер с Набом вышли на плато. На плантацию было жалко смотреть: поля были вытоптаны, несжатые колосья валялись на земле. Другие посевы пострадали не меньше. Огород был весь изрыт. К счастью, в Гранитном Дворце имелся запас семян, и ущерб можно было возместить.

Что же касается мельницы, птичника, конюшен, то все это было уничтожено огнем. Перепуганные животные бродили по плато. Птицы, которые во время пожара улетели на озеро, возвращались на привычные места и бродили по берегу. Тут все приходилось строить заново.

Сайрес Смит был бледен. На лице его отражался трудно сдерживаемый гнев, но он не произнес ни слова. В последний раз взглянули они на опустошенные поля, на дым, клубившийся над развалинами, и вернулись в Гранитный Дворец.

Наступили самые печальные в жизни колонистов дни. Герберт слабел все больше и больше. Казалось, в нем развивается какая-то новая тяжелая болезнь — результат сильного потрясения всего организма. Гедеон Спилет предчувствовал ухудшение здоровья юноши, против которого он мог оказаться бессильным.

Герберт все время находился в каком-то полуза-

бытье; иногда он начинал бредить. Освежающее питье — вот единственное лекарство, которым располагали колонисты. Лихорадка была еще очень сильна, но вскоре она приняла перемежающийся характер.

6 декабря Гедеон Спилет заметил, что нос, уши и пальцы юноши резко побелели. У него начинался озноб, иногда он сильно дрожал. Пульс был слабый, с перебоями, кожа сухая. Появилась сильная жажда. Затем это состояние сменилось жаром. Лицо больного воспалилось, кожа покраснела, пульс стал учащенным. После приступа лихорадки Герберт сильно вспотел, и жар спал. Припадок продолжался около пяти часов.

Гедеон Спилет не отходил от Герберта. Было ясно, что юноша заболел перемежающейся лихорадкой. Ее надо было во что бы то ни стало оборвать, пока она не усилилась.

— А чтобы оборвать лихорадку, необходимо жаропонижающее, — сказал Гедеон Спилет инженеру.

— Жаропонижающее! — ответил Сайрес Смит. — У нас нет ни простого, ни сернокислого хинина!

— Это верно, — ответил журналист, — но на берегу озера растут ивы, а ивовая кора в некоторых

случаях может заменить хинин.

— Испытаем ее, не теряя ни минуты! — воскликнул Сайрес Смит.

Действительно, ивовая кора, как индийский каштан, может заменить листья хинного дерева. Следовало испытать это средство, хотя оно и уступало хинину, и использовать его в естественном виде, так как у колонистов не было способа извлечь из коры ее алкалоид, то есть салицил.

Сайрес Смит собственноручно срезал со ствола черной ивы несколько кусков коры. Он принес их в Гранитный Дворец и растер в порошок. В тот же день этот порошок дали принять Герберту.

Ночью не произошло ничего важного. Герберт несколько раз начинал бредить, но температура не поднималась; на следующий день лихорадки тоже не было.

Пенкроф снова начал надеяться. Гедеон Спилет молчал. Могло случиться, что припадки будут повторяться не ежедневно, что лихорадка окажется трехдневной и что она вернется на следующий день. Колонисты с нетерпением ожидали утра.

Можно было заметить, что в промежутках между приступами Герберт чувствовал себя совершенно разбитым; голова у него была тяжелая и часто кружилась. Другой симптом крайне

испугал журналиста: печень больного стала увеличиваться, а вскоре начался и сильный бред.

Новое осложнение совсем сразило Гедеона Спилета. Он отвел инженера в сторону и сказал:

— Это злокачественная лихорадка.

— Злокачественная лихорадка! — воскликнул Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилет! Злокачественная лихорадка не начинается самопроизвольно. Ею надо заразиться.

— Я не ошибаюсь, — ответил журналист. — Герберт, очевидно, схватил лихорадку на болоте. У него уже был один приступ. Если наступит второй припадок и если нам не удастся предупредить третий, то он погиб.

— Но ивовая кора?

— Она не поможет. Третий приступ, если его не оборвать хинином, всегда смертелен.

К счастью, Пенкроф ни слова не слышал из этого разговора. Иначе он сошел бы с ума.

Понятно, в какой тревоге провели инженер и журналист этот день, 7 декабря, и следующую ночь.

В середине дня начался второй приступ. Припадок был ужасен. Герберт чувствовал, что погибает. Он простирал руки к Сайресу Смиту, Пенкрофу, Гедеону Спилету. Он не хотел уми-

рать… Произошла такая тяжелая сцена, что Пенкрофа пришлось увести.

Пять часов длился припадок. Было ясно, что третий приступ Герберт не выдержит.

Ночь была ужасная. В бреду Герберт произносил слова, от которых разрывалось сердце его товарищей. Он что-то рассказывал, боролся с пиратами, звал Айртона. Он призывал таинственного незнакомца, теперь исчезнувшего, постоянно вспоминал его… Потом он впадал в глубокое забытье, совершенно обессиленный. Несколько раз Гедеону Спилету казалось, что бедный мальчик умер…

На следующий день, 8 декабря, припадки слабости следовали один за другим. Похолодевшими пальцами Герберт хватался за простыни. Ему несколько раз давали тертую ивовую кору, но журналист не ожидал от этого никаких результатов.

— Если до завтрашнего утра мы не дадим ему сильного жаропонижающего средства, Герберт умрет, — сказал Гедеон Спилет.

Наступила ночь — вероятно, последняя ночь в жизни этого смелого юноши, такого доброго, умного, развитого, которого колонисты любили, как сына. Единственное лекарство против злокаче-

ственной лихорадки, единственное радикальное средство, чтобы ее победить, отсутствовало на острове Линкольна.

В ночь на 9 декабря у Герберта начался еще более глубокий бред. Печень юноши страшно увеличилась, кровь приливала к мозгу.

Больной уже никого не узнавал.

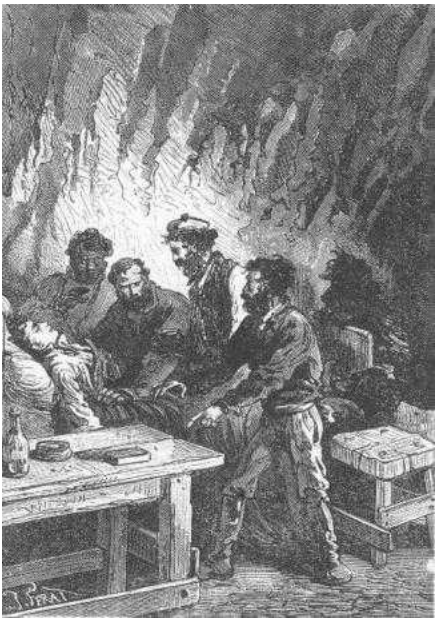
Суждено ли ему дожить до завтра, до третьего приступа, который должен был неминуемо его унести? Едва ли. Силы его падали, и в промежутках между приступами он лежал, как мертвец.

Около трех часов утра Герберт испустил страшный крик. Казалось, предсмертные судороги потрясают его тело. Наб, который сидел у изголовья больного, в ужасе бросился в соседнюю комнату, где находились остальные колонисты.

В это время Топ как-то странно залаял. Все вошли в комнату Герберта и с трудом удержали умирающего юношу, который хотел соскочить с кровати. Гедеон Спилет, взяв его руку, убедился, что пульс стал несколько ровнее.

Было пять часов утра. Свет восходящего солнца проникал в комнаты Гранитного Дворца. Все предвещало хороший день, и этот день должен был быть последним для несчастного Герберта! Луч солнца осветил стол, стоявший у постели

больного.



Внезапно Пенкроф вскрикнул и указал рукой на какой-то предмет, находившийся на столе. Это была небольшая продолговатая коробочка, на крышке которой было написано: «Сернокислый хинин».

ГЛАВА XI

Таинственная загадка. — Герберт поправляется. — Какие части острова необходимо исследовать. — Приготовления к выходу. — Первый день. — Ночь. — Второй день. — Каури. — Чета казуаров. — Следы пяти в лесу. — На мысе Пресмыкающегося.

Гедеон Спилет взял коробочку и открыл ее. В коробочке лежало приблизительно двести гран белого порошка. Сайрес Смит взял в рот несколько крупинок и почувствовал на языке сильную горечь. Сомнений быть не могло. Это действительно был драгоценный хинин, лучшее средство против лихорадки.

Надо было немедленно дать Герберту этот порошок. Как он попал в Гранитный Дворец, об этом будет время подумать.

— Кофе! — потребовал Гедеон Спилет.

Несколько мгновений спустя Наб принес чашку теплого напитка. Гедеон Спилет бросил в нее около восемнадцати гран (десять граммов) хинина и заставил Герберта выпить лекарство.

Было еще не поздно, так как третий приступ

не наступил.

Забегая вперед, скажем, что ему и не суждено было наступить!

Все снова воспрянули духом, появилась надежда. Таинственная сила еще раз проявилась, и притом в самую тяжелую минуту, когда никто уже на нее не рассчитывал.

Через несколько часов Герберт стал более спокоен. Колонисты получили возможность поговорить о загадочном событии. Вмешательство неизвестного было более чем очевидно. Но как сумел он пробраться ночью в Гранитный Дворец? Это казалось совершенно непонятным, и, по правде говоря, образ действий «доброго гения острова» представлялся столь же загадочным, как и сам «добрый гений».

В этот день Герберт через каждые три часа принимал сернокислый хинин.

Назавтра же больному стало немного лучше. Он, конечно, еще не выздоровел — перемежающаяся лихорадка часто дает опасные рецидивы, — но за юношей хорошо ухаживали. А самое главное — лекарство было под рукой; недалеко, очевидно, находился и тот, кто его прислал. Словом, горячая надежда вернулась в сердца колонистов.

Надежда эта не была напрасной. Через десять

дней, 20 декабря, Герберт начал поправляться. Он был еще слаб и должен был соблюдать строгую диету, но приступы лихорадки больше не повторялись. Послушный мальчик так охотно исполнял все, что ему предписывали! Ему так хотелось выздороветь!

Пенкроф был похож на человека, которого извлекли из бездны. На него нападали припадки радости, похожей на приступы горячки. Когда миновала опасность третьего припадка, он так стиснул журналиста в объятиях, что тот чуть не задохся. С этой минуты Пенкроф называл его не иначе, как «доктор Спилет».

Оставалось обнаружить подлинного доктора.

— Мы его найдем, — уверял Пенкроф. Этому человеку, кто бы он ни был, не миновать было могучих объятий Пенкрофа.

Прошел декабрь, а с ним окончился и 1867 год, в течение которого колонисты пережили такие жестокие испытания. Наступил 1868 год. Стояла прекрасная погода, была сильная, чисто тропическая жара, которую, к счастью, смягчал морской ветер. Герберт явно оживал и, лежа на кровати, которую поставили у одного из окон, полной грудью вдыхал целебный воздух, пропитанный солеными испарениями. Он начинал понемногу

есть, и как старался Наб, готовя ему всякие вкусные, легкие блюда!

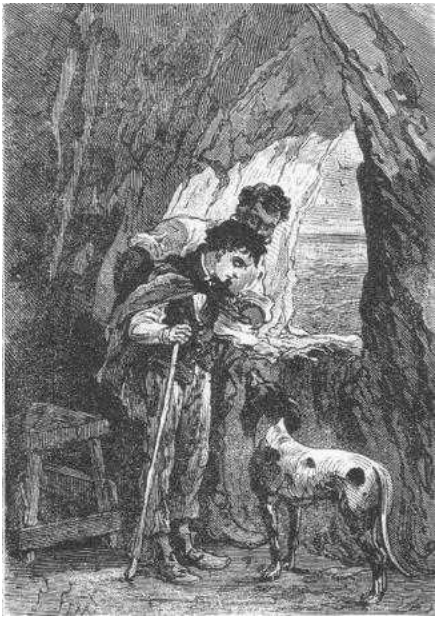
— Такому больному прямо позавидовать можно, — говорил Пенкроф.

В течение всего этого времени пираты ни разу не показались в окрестностях Гранитного Дворца. От Айртона не было никаких вестей, и только инженер с Гербертом сохраняли надежду его увидеть. Товарищи их нисколько не сомневались, что несчастный погиб. Подобная неуверенность не могла больше продолжаться, и колонисты решили, что, как только юноша поправится, будет предпринята экспедиция, значение которой столь важно. Но ее следовало отложить, по крайней мере, на месяц, так как нужны были все силы колонии, чтобы справиться с пиратами.

Впрочем, Герберту становилось все лучше и лучше. Печень его приняла нормальные размеры, и раны окончательно зарубцевались. В течение января на плато Дальнего Вида были предприняты значительные работы с единственной целью спасти уцелевший урожай хлеба и овощей. Семена и злаки были собраны, и их предполагалось посеять в следующем земледельческом сезоне. Что касается построек на птичнике, конюшен и мельницы, то Сайрес Смит предпочел подождать

с их восстановлением: пока колонисты будут заняты преследованием пиратов, последние могут нанести новый визит на плато, и не следует давать им повода, к дальнейшим грабежам и поджогам. Сначала надо очистить остров от этих злодеев, а уже потом отстраиваться.

Выздоравливающий больной начал вставать с постели во второй половине января. Сначала он поднимался всего на час в день, потом на два, на три. Силы возвращались к нему с каждой минутой — до того был крепок организм юноши. В это время Герберту исполнилось восемнадцать лет. Он был высок ростом и обещал стать представительным, красивым мужчиной. Выздоровление его шло быстрым темпом, но юноша требовал еще ухода, а «доктор Спилет» был очень строг.



К концу месяца Герберт уже расхаживал по берегу и по плато Дальнего Вида. Вместе с Пенкрофом он принял несколько морских ванн, которые принесли ему большую пользу. Сайрес Смит счел возможным уже тогда назначить день выступления: оно должно было состояться 15 февраля. Ночи в это время стояли очень светлые, и это облегчало предполагавшиеся поиски на острове.

Колонисты начали готовиться к экспедиции.

Подготовка должна была быть весьма основательной, так как обитатели острова Линкольна поклялись не возвращаться в Гранитный Дворец, не достигнув двух целей: во-первых, уничтожить пиратов и найти Айртона, если он еще жив, и, во-вторых, отыскать человека, который принимал такое деятельное участие в делах колонии.

Колонисты основательно изучили весь восточный берег острова от мыса Когтя до мыса Челюстей и до болота Казарок, окрестности озера Гранта, часть леса Якамара между дорогой в кораль и течением реки Благодарности, берега реки и Красного ручья на всем их протяжении и, наконец, отроги горы Франклина, между которыми был устроен кораль. Они исследовали, но только поверхностно, обширное побережье бухты Вашингтона от мыса Когтя до мыса Пресмыкающегося, западный берег, покрытый лесами и болотами, и широкие дюны, которые заканчивались у раскрытой пасти залива Акулы.

Но они совершенно не заглядывали в густые леса, покрывавшие Змеиный полуостров, весь правый берег реки Благодарности, левый берег ручья Водопада и сеть островов и долин, на которые опиралась гора Франклина с трех сторон — с запада, с севера и востока. Там, несомненно,

могло быть немало глубоких пещер. Итак, многие тысячи акров площади острова оставались еще не исследованными.

Поэтому колонисты решили двинуться через лес Дальнего Запада, чтобы охватить всю ту его часть, которая расположена на правом берегу реки Благодарности.

Быть может, было бы лучше направиться сначала в кораль, где пираты могли вторично укрыться, чтобы его разграбить или обосноваться там. Но если кораль уже опустошен, то теперь ничего не поделаешь; если же пираты сочли выгодным укрепиться в корале, то колонисты всегда успеют выгнать их.

Итак, после зрелого обсуждения первоначальный план был оставлен в силе, и колонисты решили пройти через лес до мыса Пресмыкающегося. Они должны были идти с топорами в руках и намеревались проложить первую наметку дороги, которая свяжет Гранитный Дворец с оконечностью полуострова на протяжении шестнадцати-семнадцати миль.

Повозка была в прекрасном состоянии. Онагги хорошо отдохнули и могли совершить большой переход. На повозку погрузили провизию, лагерное оборудование, переносную кухню и всякую

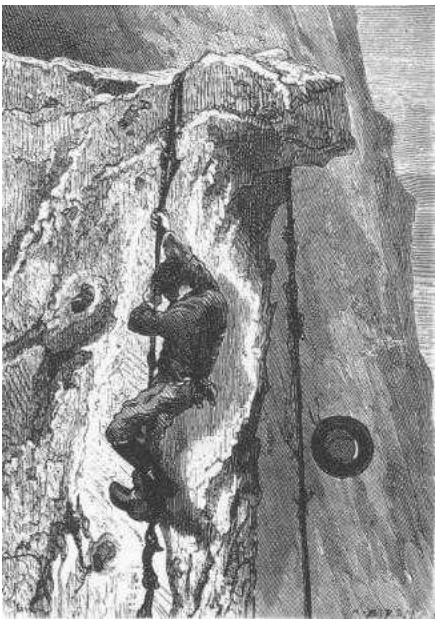
посуду, а также ружья и боевые припасы, тщательно отобранные в богатом арсенале Гранитного Дворца. Но следовало помнить, что пираты, быть может, бродят по лесу и что в такой густой чаще нетрудно подстрелить человека. Поэтому маленький отряд должен был идти сомкнутым строем, ни в коем случае не разлучаясь.

Колонисты решили также, что никто не останется в Гранитном Дворце. Даже Топ с Юпом должны были принять участие в экспедиции. Неприступная крепость не нуждалась в защитниках.

14 февраля, в канун похода, было воскресенье. Этот день был посвящен отдыху. Герберт совсем поправился, но был еще слаб, и ему решили предоставить место в повозке.

На следующий день Сайрес Смит принял все необходимые меры, чтобы защитить Гранитный Дворец от нападения. Лестницы, когда-то служившие, для подъема, были принесены в Трубы, и их глубоко закопали в песок. Они должны были еще пригодиться после возвращения колонистов, так как механизм подъемника был разобран, и аппарат не мог больше действовать. Пенкроф остался последним в Гранитном Дворце, чтобы выполнить эту работу. Он спустился оттуда по

канату, нижний конец которого был укреплен на земле. После этого канат сдернули, и между берегом и верхней площадкой прервалось всякое сообщение. Погода стояла великолепная.



— Тепленький будет денек! — весело сказал журналист.

— Ничего, доктор Спилет, — ответил Пенкроф, — мы пойдем под деревьями и даже не

заметим солнца.

— В дорогу! — сказал инженер.

Повозка ждала на берегу, перед Трубами. Журналист потребовал, чтобы Герберт ехал в ней, по крайней мере, первые часы пути, и юноша принужден был подчиниться предписаниям своего врача.

Наб повел онагг, Сайрес Смит, Пенкроф и журналист пошли впереди. Топ весело прыгал возле них. Герберт предложил Юпу место в своем экипаже, и Юп, не церемонясь, уселся рядом с ним. Минута отъезда наступила, и маленький отряд тронулся в путь.

Повозка сначала обогнула устье реки, проехала с милю вверх по левому берегу и переправилась через мост, от которого начиналась дорога в гавань Воздушного Шара. Исследователи свернули вправо от этой дороги и углубились в лес, покрывающий область Дальнего Запада.

Первые две мили деревья были редки, и повозка свободно двигалась вперед. Время от времени приходилось разрубать лианы и продираться сквозь густой кустарник, но ни одно серьезное препятствие не мешало движению колонистов.

Под тенью густых деревьев царил прохладный полумрак. Гималайские кедры, ели, казуарины,

банксии, драцены, камедные деревья и другие, уже известные колонистам растительные породы тянулись на необозримом пространстве. Птичье население острова было представлено во всей своей полноте: тут встречались тетерева, якамары, фазаны и все представители болтливого семейства какаду, попугаев и попугайчиков. Агути, кенгуру, дикие свиньи носились по траве. Все напоминало колонистам их первые экскурсии после прибытия на остров.

— Однако я замечаю, — сказал Сайрес Смит, — что четвероногие и птицы сейчас более пугливы, чем прежде. В этих лесах недавно побывали пираты, и мы, несомненно, обнаружим их следы.

И действительно, то тут, то там встречались признаки прохождения людей: кое-где на деревьях были обломаны ветки, может быть, с целью поставить вехи по дороге; изредка виднелись следы на глинистой почве и остатки потухшего костра. Но ничего не указывало на постоянное жилье.

Инженер посоветовал своим товарищам не охотиться. Ружейные выстрелы могли привлечь внимание пиратов, которые, может быть, бродят в лесу. К тому же охотникам неминуемо пришлось бы удалиться на некоторое расстояние от

повозки, а участникам отряда было строго запрещено идти врозь.

Во второй половине дня, приблизительно в шести милях от Гранитного Дворца, продвигаться вперед стало довольно трудно. В некоторых местах, чтобы пройти сквозь чащу, приходилось рубить деревья и прокладывать дорогу. Прежде чем идти вперед, Сайрес Смит не забывал посылать в заросли Топа и Юпа, которые добросовестно выполняли поручение. Если собака и обезьяна возвращались, не проявляя тревоги, значит ничто не угрожало исследователям со стороны пиратов или хищников — этих двух представителей животного царства, дикие инстинкты которых позволяли поставить их на один уровень.

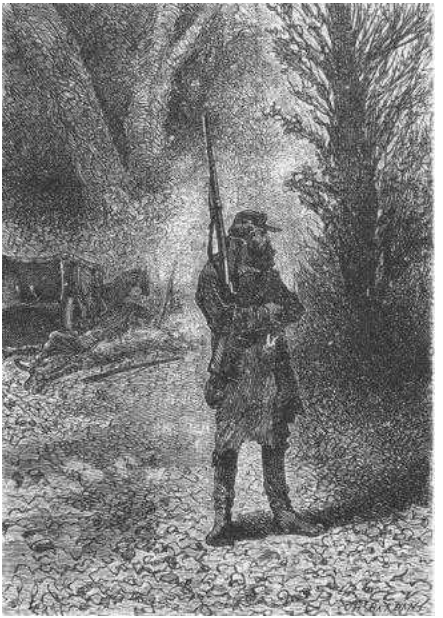
Вечером, в первый день похода, колонисты расположились на привал примерно в девяти милях от Гранитного Дворца, на берегу маленького притока реки Благодарности, о существовании которого они не знали. Этот приток, очевидно, являлся частью той оросительной системы, которой остров был обязан своим удивительным плодородием.

Исследователи плотно поужинали, так как аппетит у них сильно разыгрался, и приняли ме-

ры к тому, чтобы спокойно провести ночь. Если бы инженер предполагал иметь дело с обыкновенными хищниками вроде ягуаров, он просто развел бы вокруг лагеря костры, и это явилось бы достаточной защитой. Но пиратов огонь мог скорее привлечь, нежели устрашить, и поэтому глубокий мрак был в данном случае предпочтительнее.

Охрана лагеря была организована очень тщательно. Сторожить должны были одновременно двое участников экспедиции; часовые, сменялись каждые два часа. Герберт, несмотря на его протесты, не был допущен к несению сторожевой службы. Пенкроф и Гедеон Спилет, а на смену им инженер и Наб по очереди стояли на страже возле лагеря.

Впрочем, ночь продолжалась всего несколько часов. Темно было не столько потому, что скрылось солнце, сколько вследствие густоты ветвей. Ничто не нарушало тишины, кроме рева ягуаров и хохота обезьян, который особенно действовал на нервы дядюшки Юпа.



Ночь прошла без особых событий. Утром 16 февраля движение вперед возобновилось. Оно было не слишком затруднительно, но медленно.

В этот день удалось пройти всего шесть миль, так как каждую минуту приходилось браться за топор, чтобы прокладывать дорогу. Как хорошие хозяева, колонисты щадили высокие, могучие деревья, которые к тому же было очень трудно рубить, и жертвовали маленькими. Из-за этого

дорога получалась не очень прямой и изобиловала поворотами.

В этот день Герберт открыл новые породы деревьев, которых он раньше не видел на острове: например, древовидный папоротник с поникшими ветвями, которые, казалось, изливались, как воды бассейна; рожковое дерево, длинные стручки которого содержат вкусную сладкую мякоть и являются лакомой пищей для онагг.

Колонисты увидели там также великолепные каури, которые росли группами. Их цилиндрический ствол возвышался на двести футов. Это действительно были царственные деревья, которыми Новая Зеландия славится не меньше, чем Ливан кедрами.

Что же касается фауны, то ее представители были уже известны нашим охотникам. Они увидели на расстоянии двух больших птиц, обитательниц Австралии, похожих на казуаров и называемых эму; эти коричневые птицы, достигающие пяти футов высоты, принадлежат к отряду голенастых. Топ со всех ног бросился за ними, но эму так быстро убежали, что легко оставили собаку позади.

Колонисты нашли также новые следы, оставленные в лесу пиратами. Возле недавно потухшего костра они заметили отпечатки ног и

тщательно осмотрели их. Измерив длину и ширину каждого из этих отпечатков, им легко удалось обнаружить следы пяти пар ног. Очевидно, пять пиратов расположились лагерем в этом месте. Но, несмотря на самое тщательное исследование, не удалось обнаружить следы шестого человека, которым должен был быть Айртон.

— Айртона с ними не было, — сказал Герберт.

— Ты прав, — ответил Пенкроф. — А раз Айртона с ними не было, значит эти негодяи успели его убить раньше. Но ведь есть же у этих негодяев какая-нибудь берлога, где их можно затравить, как тигров?

— Нет, — сказал журналист. — Более вероятно, что они бродят куда глаза глядят, и им выгоднее так блуждать, пока они не станут хозяевами острова.

— Хозяевами острова! — вскричал моряк. — Хозяевами острова! — повторял он сдавленным голосом, словно его душила чья-то железная рука. Затем, несколько успокоившись, он продолжал: — Знаете, мистер Сайрес, какую пулю я забил в мое ружье?

— Нет, Пенкроф.

— Пулю, которая пронзила грудь Герберта. Обещаю вам, что она попадет в цель.

Но даже справедливое возмездие не могло вернуть Айртона к жизни. Из осмотра следов, оставшихся на земле, приходилось сделать вывод, что нет надежды когда-нибудь снова увидеть его.

В этот вечер лагерь разбили в четырнадцати милях от Гранитного Дворца. Сайрес Смит считал, что до мыса Пресмыкающегося остается не более пяти миль.

Действительно, на следующий день исследователи достигли оконечности полуострова и прошли лес на всем его протяжении. Но никаких следов убежища, в котором скрылись пираты, или таинственного жилья загадочного незнакомца они не заметили.

ГЛАВА XII

Исследование Змеиного полуострова. — Лагерь у устья ручья Водопада. — В шестистах шагах от кораля. — Гедеон Спилет и Пенкроф производят рекогносцировку. — Их возвращение. — Все вперед! — Калитка открыта. — Окно освещено. — При свете луны.

Следующий день, 18 февраля, был посвящен исследованию той части леса, которая тянулась вдоль моря от мыса Пресмыкающегося до ручья Водопада. Колонисты могли обыскать этот лес шириной от трех до четырех миль самым тщательным образом, так как его замыкали оба берега полуострова. Высота деревьев и густота ветвей свидетельствовали об огромной силе почвы, которая поражала здесь больше, чем в любой другой части острова. Можно было подумать, что находишься в уголке девственного леса, перенесенного из Америки или Центральной Африки в умеренную зону. Это заставляло думать, что великолепные растения находили в почве, влажной снизу, но согретой внутри вулканическим огнем, тепло, которое отсутствовало в умеренном

климате. Среди деревьев преобладали каури и эвкалипты, достигавшие огромных размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы наслаждаться великолепной флорой. Они уже знали, что с этой стороны остров Линкольна заслуживает включения в группу Канарских островов, которые первоначально назывались Счастливыми. Теперь их остров, увы, не принадлежал им безраздельно, им завладели другие люди! Негодяи попирали его землю, и их надо было истребить до последнего.

На западном берегу не удалось обнаружить никаких следов пиратов, хотя их искали очень тщательно. Нигде не встречалось отпечатков ног, обломанных веток, потухших костров, брошенных стоянок.

— Это меня не удивляет, — сказал Сайрес Смит своим товарищам. — Пираты высадились на острове возле мыса Находки, немедленно переправились через болото Казарок и углубились в лес Дальнего Запада. Они шли примерно по той же дороге, по которой направились мы сами, выйдя из Гранитного Дворца. Вот почему мы увидели в лесу их следы. Однако, достигнув берега моря, пираты поняли, что не найдут там удобного убежища, и направились на север. Тогда-то они и

обнаружили кораль.

— Куда они, быть может, и вернулись… — сказал Пенкроф.

— Не думаю, — ответил инженер. — Они не могут не понимать, что мы будем искать их в той стороне. Кораль является для них только источником снабжения, но не постоянным местом жительства.

— Я согласен с Сайресом, — поддержал инженера Гедеон Спилет. — По моему мнению, пираты искали себе приют в отрогах горы Франклина.

— Если так, мистер Сайрес, то идем прямо в кораль! — воскликнул Пенкроф. — С пиратами необходимо покончить, а до сих пор мы только теряли время.

— Нет, мой друг, — возразил инженер. — Вы забываете, что нам важно узнать, не находится ли в лесу Дальнего Запада человеческое жилье. Наша экспедиция имеет двойную цель, Пенкроф: с одной стороны, мы должны наказать преступников, с другой — выполнить долг признательности.

— Правильно сказано, мистер Сайрес, — согласился Пенкроф. — Мне только кажется, что мы найдем этого джентльмена не раньше, чем он того сам пожелает.

Этими словами Пенкроф выражал общее мне-

ние колонистов. Можно было быть уверенным, что убежище незнакомца не менее таинственно, чем он сам.

В этот вечер повозка остановилась у устья ручья Водопада. Ночевка была организована, как всегда, тщательно; были приняты обычные меры предосторожности. Герберт, который стал таким же здоровым и сильным, как до болезни, очень поправился от жизни на открытом воздухе, от морского ветра и живительных испарений леса. Он больше не сидел в повозке, а шел во главе отряда.

19 февраля колонисты свернули с берега, на котором за устьем реки так живописно громоздились базальтовые скалы самой разнообразной формы, и направились вверх по левому берегу реки. Дорога была отчасти проложена во время предыдущих походов из кораля на западный берег. Колонисты находились в шести милях от горы Франклина.

План инженера заключался в следующем: он хотел тщательно осмотреть всю долину, в которой протекала река, и осторожно пройти до кораля. Если кораль был захвачен силой, надо было отбить его, а если нет — устроиться в нем и сделать его центром операции, целью которой

являлось исследование горы Франклина.

Этот план получил единогласное одобрение колонистов, которым не терпелось снова завладеть всем островом.

Отряд двинулся вперед по узкой долине, разделявшей два наиболее мощных отрога горы Франклина. Деревья, которые росли на берегах реки очень густо, в верхней части вулкана становились реже. Почва изобиловала неровностями, очень подходящими для засады, и колонисты продвигались вперед с величайшей осторожностью. Топ и Юп шли во главе отряда в качестве разведчиков и рыскали по зарослям, соперничая в проворстве и ловкости. Но ничто не указывало на недавнее пребывание людей на берегах реки; ничто не выдавало близости пиратов.

Часов в пять вечера повозка остановилась примерно в шестистах шагах от изгороди. Она не была еще видна за завесой высоких деревьев.

Теперь надлежало выяснить, занят ли кем-нибудь кораль. Если пираты находились в корале, то идти туда открыто, при свете дня, значило получить пулю, как случилось с Гербертом. Лучше было подождать наступления ночи.

Однако Гедеон Спилет хотел, не отклады-

вая, обследовать подступы к коралю. Пенкроф, окончательно потерявший терпение, вызвался сопровождать его.

— Не стоит, друзья мои, — удерживал их инженер. — Подождите до ночи. Я не позволю никому из вас рисковать собой.

— Но послушайте, мистер Сайрес… — возразил моряк, не очень склонный повиноваться.

— Пенкроф, я прошу вас, — сказал инженер.

— Хорошо, — ответил Пенкроф, который дал выход своему гневу, наградив пиратов отборными эпитетами из морского лексикона.

Итак, колонисты уселись вокруг повозки и внимательно всматривались в близлежащие части леса.

Так прошло три часа. Ветер стих, и среди высоких деревьев царила полная тишина. Можно было бы услышать треск самой мелкой ветки, шорох сухих листьев под ногой, движение человека в траве. Все было спокойно. Топ вытянулся на земле, положив голову на передние лапы, и не проявлял никаких признаков тревоги.

В восемь часов стало достаточно темно, чтобы безопасно произвести разведку. Гедеон Спилет заявил, что готов идти в компании с Пенкрофом. Сайрес Смит согласился. Топ и Юп остались с ин-

женером, Гербертом и Набом, так как случайный взрыв лая или крик могли привлечь внимание пиратов.

— Будьте осторожны, — посоветовал Сайрес Смит моряку и журналисту. — Вы не должны захватывать кораль, а только выяснить, занят он или нет.

— Поняли, — ответил Пенкроф.

Оба разведчика удалились.

Под деревьями из-за густоты листвы было уже довольно темно, и сфера видимости не превышала тридцати или сорока шагов. Гедеон Спилет и Пенкроф подвигались вперед с величайшей осторожностью, останавливаясь при каждом подозрительном шуме.

Они шли поодаль друг от друга, чтобы в них труднее было попасть, и, говоря по правде, каждую секунду ожидали выстрела.

Пять минут спустя, после того, как Гедеон Спилет и Пенкроф отошли от повозки, они достигли опушки леса и были возле просеки, перед которой возвышалась изгородь.

Они остановились. Последние лучи зари еще освещали лужайку. В тридцати шагах виднелась калитка кораля, которая, по-видимому, была заперта. Эти тридцать шагов, оставшиеся до

изгороди, представляли собою, как говорится в баллистике[44], «опасную зону». Действительно, пуля или несколько пуль, пущенные с изгороди, уложили бы на месте всякого, кто отважился бы вступить в эту зону.

Гедеон Спилет с Пенкрофом были не такие люди, чтобы отступать. Но они знали, что, допустив неосторожность, не только сами станут ее первыми жертвами, но из-за них пострадают и их товарищи. Если их убьют, что станется с Сайресом Смитом, Набом и Гербертом?

Однако Пенкроф был до того возбужден, находясь так близко от кораля, где, по его мнению, укрылись пираты, что все время хотел броситься вперед. Но сильная рука журналиста удерживала его.

— Через несколько минут совсем стемнеет, — прошептал Гедеон Спилет, наклоняясь к уху моряка. — Тогда наступит время действовать.

Пенкроф судорожно стиснул в руке приклад ружья, но сдержался и ждал, ворча что-то про себя.

Вскоре последние проблески зари погасли. На

---

[44] Примечания: 44

Баллистика — наука о движении тяжелых тел в пространстве. Баллистика изучает законы движения артиллерийского снаряда внутри канала ствола орудия (внутренняя баллистика) и после его вылета из орудия (внешняя баллистика).

опушке воцарился мрак, как будто распространившийся из леса. Гора Франклина возвышалась на западном горизонте, словно гигантский экран. Темнота наступила быстро, как это всегда бывает в низких широтах. Пришло время действовать.

Журналист и Пенкроф, стоя на опушке леса, не спускали глаз с изгороди. Кораль казался совершенно безлюдным. Верхушка изгороди слегка выделялась ровной, нигде не прерывавшейся линией. Если пираты находились в корале, они, несомненно, должны были выставить часового на случай какой-нибудь неожиданности.

Гедеон Спилет сжал руку своего спутника, и оба ползком двинулись к коралю, держа ружья наготове. Они достигли калитки. Ни один луч света не прорезал окружающей тьмы.

Пенкроф тихонько толкнул калитку, но, как и предвидели моряк, и журналист, она оказалась запертой. Однако Пенкроф установил, что наружные засовы не были задвинуты.

Итак, можно было прийти к заключению, что пираты находились в корале. По-видимому, они укрепили дверь, чтобы ее нельзя было взломать.

Гедеон Спилет и Пенкроф прислушались.

За изгородью — ни звука. Муфлоны и козы, очевидно, спали в стойлах и не нарушали ноч-

ной тишины. Журналист и моряк, стараясь не шуметь, уже собирались было перелезть через изгородь, но это противоречило указаниям Сайреса Смита. Правда, предприятие могло окончиться успешно, но неудача тоже была возможна. Если пираты ни о чем не подозревали, если они не знали об экспедиции, предпринятой против них, если, наконец, был шанс застать их врасплох, то стоило ли рисковать этим шансом, необдуманно пытаясь перелезть через изгородь?

Журналист полагал, что не стоит. Он счел более благоразумным подождать, пока колонисты будут в сборе, и только тогда попытаться проникнуть в кораль. Было ясно, что можно добраться до изгороди незамеченными и что, по-видимому, изгородь не охраняли. Установив это, осталось только возвратиться к повозке и обсудить дальнейший план действий.

Пенкроф, по-видимому, разделял эту точку зрения, так как без возражений последовал за журналистом, когда тот повернул обратно в лес.

Несколько минут спустя инженер был осведомлен о положении вещей.

— Я думаю, — сказал он после краткого размышления, — что пиратов нет в корале.

— Мы это узнаем, когда перелезем через изго-

родь, — ответил Пенкроф.

— В кораль, друзья! — сказал Сайрес Смит.

— Повозку мы оставим в лесу? — спросил Наб.

— Нет, — ответил инженер, — это наш зарядный ящик и провиантский фургон. В случае опасности нам она послужит укрытием.

— Вперед! — воскликнул Гедеон Спилет.

Повозка выехала из лесу и бесшумно покатилась к изгороди. Стоял глубокий мрак. Было так же тихо, как в ту минуту, когда Пенкроф и журналист ползком отправились на разведку. В густой траве совершенно не было слышно шума шагов.

Колонисты были готовы стрелять. Юп, по приказанию Пенкрофа, шел позади. Наб держал Топа на привязи, чтобы собака не убежала вперед.

Вскоре отряд дошел до опушки леса. Там никого не было. Немедля колонисты направились к изгороди. Опасная зона была быстро пройдена. Не последовало ни одного выстрела. Подъехав к изгороди, повозка остановилась. Наб остался с онаггами, чтобы они не убежали. Инженер, журналист, Герберт и Пенкроф направились к калитке, чтобы посмотреть, заперта ли она изнутри. Калитка была открыта.

— Но ведь вы говорили… — сказал инженер, оборачиваясь к Пенкрофу и журналисту. Все

были поражены.

— Клянусь вечным спасением, — воскликнул Пенкроф, — что калитка только что была заперта!

Колонисты стояли в нерешительности. Так, значит, пираты были в корале, когда Пенкроф и журналист ходили на разведку? В этом нельзя было сомневаться, так как только пираты могли открыть калитку, которую они заперли. Находятся ли они еще в корале или кто-нибудь из них вышел?

Все эти вопросы возникали в уме каждого из колонистов. Но как ответить на них?

В это время Герберт, который отошел на несколько шагов вперед, поспешно возвратился и схватил Сайреса Смита за руку.

— Что такое? — спросил инженер.

— Свет!

— В доме?

— Да.

Все пятеро подошли к дверям дома и действительно увидели через окно, что в доме горит слабый, мерцающий свет.

Сайрес Смит быстро принял решение.

— Вот исключительно удобный случай, чтобы напасть на пиратов, когда они сидят здесь и ни-

чего не подозревают, — сказал он. — Они в наших руках. Вперед!

Колонисты, крадучись, вошли в кораль, держа ружья наготове. Повозку оставили за изгородью под охраной Топа и Юпа, которых из осторожности привязали.

Сайрес Смит, Пенкроф, Гедеон Спилет с одной стороны и Герберт с Набом — с другой прошли вдоль изгороди, вглядываясь в эту часть кораля. Там было совершенно темно и безлюдно. Через несколько мгновений все собрались перед дверью дома, которая была заперта.

Сайрес Смит движением руки приказал своим товарищам не двигаться с места и подошел к окну, слабо освещенному изнутри.

Он окинул взглядом единственную комнату, составлявшую весь первый этаж дома. На столе горел фонарь. У стола стояла кровать, когда-то служившая ложем Айртону.

Внезапно Сайрес Смит отшатнулся и сказал приглушенным голосом:

— Айртон!

Дверь скорее сорвали, чем открыли, и колонисты ворвались в комнату.

Айртон казался спящим. По лицу его было видно, что он долго и жестоко страдал. На кистях рук

и щиколотках несчастного виднелись большие красные полосы.

Сайрес Смит наклонился над Айртоном.

— Айртон! — крикнул он, хватая за руку своего товарища, которого он нашел при столь неожиданных обстоятельствах.

Услышав этот возглас, Айртон открыл глаза и воскликнул, смотря на Сайреса Смита и его товарищей:

— Вы? Это вы?

— Айртон! Айртон! — повторял Сайрес Смит.

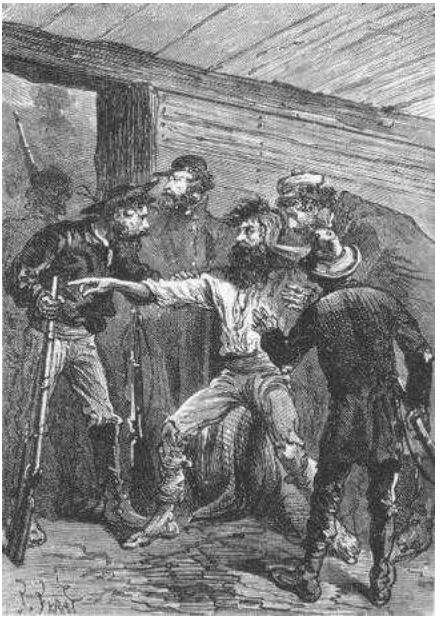
— Где я?

— В корале.

— Один?

— Да.

— Они сейчас вернутся! — закричал Айртон. — Защищайтесь! Защищайтесь!



И он снова впал в беспамятство.

— Спилет, мы можем с минуты на минуту подвергнуться нападению, — сказал инженер. — Ввезите повозку в кораль, заприте калитку и возвращайтесь все сюда.

Пенкроф, Наб и журналист поспешили исполнить приказание инженера. Нельзя было терять ни минуты. Может быть, повозка уже была в руках пиратов.

В одно мгновение Спилет и двое его товарищей прошли через кораль и вернулись к калитке, возле которой слышалось глухое ворчание Топа.

Инженер на минуту оставил Айртона и вышел из дома, готовый пустить в ход оружие. Герберт шел с ним рядом. Оба вглядывались в вершину отрога, возвышавшуюся над коралем. Если пираты устроили там засаду, то они могли перебить колонистов одного за другим.

За это время на востоке над темной полосой леса взошла луна, и ее бледные лучи озарили изгородь. Кораль, группа деревьев, ручеек, обширные луга — все осветилось. Со стороны горы ярко выделился дом и часть изгороди. Противоположная ее часть, ближе к калитке, оставалась темной.

Вскоре стала видна какая-то темная масса: это была повозка. Сайрес Смит услышал, как его товарищи закрыли калитку и основательно укрепили запоры изнутри.

В это время Топ оборвал веревку, на которой он был привязан, и с яростным лаем бросился в глубь кораля вправо от двери.

— Внимание, друзья! Цельсь! — крикнул Сайрес Смит.

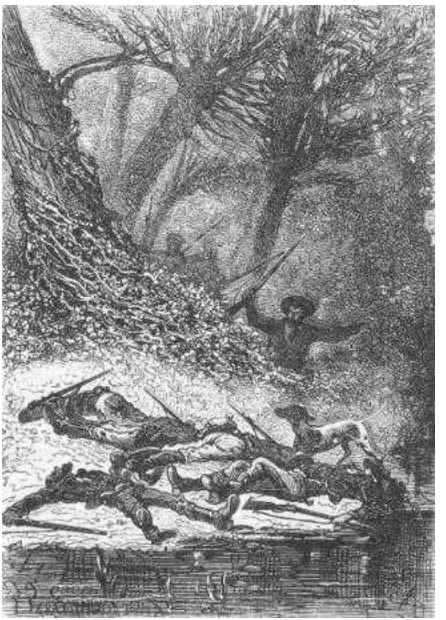
Колонисты приложили ружья к плечу и ждали.

Топ продолжал лаять, а Юп подбежал к собаке и пронзительно засвистел.

Колонисты последовали за обезьяной и подошли к берегу ручейка, осененного развесистыми деревьями.

И при ярком свете луны, что же они увидели?

На берегу лежали пять трупов.



Это были трупы пиратов — тех самых, что

четыре месяца назад высадились на остров Линкольна.

ГЛАВА XIII

Рассказ Айртона. — Планы его прежних сообщников. — Они захватывают кораль. — Верховный судья острова Линкольна. — «Бонавентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — В глубине кратера. — Возвращение.

Что же произошло? Кто поразил преступников? Айртон? Нет, потому что минуту назад он сам боялся их возвращения.

Айртон был в это время погружен в глубокий сон, и его оказалось невозможно разбудить. После того, как он произнес несколько слов, его охватило оцепенение, и он снова упал на постель.

Тысячи всевозможных смутных предположений роились в умах колонистов. Чрезвычайно возбужденные, они провели всю ночь в доме Айртона и не подходили к тому месту, где лежали трупы пиратов. Айртон едва ли мог что-нибудь сообщить им об обстоятельствах, при которых эти разбойники нашли смерть, — ведь он даже не знал, что находится в корале! Но он, по крайней

мере, имел возможность рассказать о предшествующих событиях.

На следующий день Айртон вышел из состояния оцепенения, и товарищи после ста четырех дней разлуки от всего сердца выразили свою радость по поводу того, что он остался почти невредим.

Айртон в кратких словах рассказал о том, что произошло, или, вернее, о том, что ему самому было известно.

На следующий день после его прибытия в кораль, 10 ноября, на него в сумерках напали пираты, которые перелезли через изгородь. Они связали Айртона и заткнули ему рот; потом его увели в темную пещеру у подножия горы Франклина, где укрылись пираты.

Его решили казнить, и на следующий день он должен был умереть. Но вдруг один из пиратов узнал его и назвал тем именем, которое он носил в Австралии. Негодяи хотели убить Айртона — они пощадили Бен Джойса. Но с этой минуты пираты начали осаждать Айртона требованиями: они хотели вернуть его в свою среду и рассчитывали на его помощь, чтобы овладеть Гранитным Дворцом, чтобы проникнуть в эту неприступную крепость и стать хозяевами острова, перебив

сначала колонистов.

Айртон сопротивлялся. Бывший ссыльный, который раскаялся и получил прощение, решил лучше умереть, чем выдать своих товарищей.

Связанный, с тряпкой во рту, Айртон провел в пещере почти четыре месяца.

Пираты узнали о существовании кораля вскоре после высадки на остров. С этих пор они питались находившимися в корале запасами, но не поселились там. 11 ноября двое из этих бандитов, застигнутые врасплох появлением колонистов, стреляли в Герберта, и один из них, вернувшись, похвалялся, что убил колониста. Но он возвратился один. Его товарищ, как известно, пал сраженный Сайресом Смитом.

Можно судить, в каком отчаянии и волнении был Айртон, когда он услышал о смерти Герберта. Колонистов осталось всего четверо, и они были во власти пиратов.

После этого события, в течение всего времени, пока болезнь Герберта удерживала колонистов в корале, пираты не уходили из своей пещеры. Даже после опустошения плато Дальнего Вида они сочли более осторожным не покидать ее.

Но разбойники обращались с Айртоном все хуже и хуже. На его руках и ногах и теперь еще

виднелись кровавые следы веревок, которыми он был связан днем и ночью. Каждую минуту он ждал смерти, не видя возможности ее избежать.

Так продолжалось до третьей недели февраля. Пираты все еще выжидали благоприятного случая и редко выходили из своего убежища. Они совершили лишь несколько охотничьих экспедиций в глубь острова и на южный его берег. Айртон не имел известий от своих друзей и не надеялся больше их увидеть.

Наконец несчастный так ослаб от жестокого обращения, что впал в глубокое забытье и ничего больше не видел и не слышал. С этой минуты, то есть за прошедшие два дня, он даже не сознавал, что происходило вокруг.

— Мистер Смит, — спросил он, — каким же образом я оказался в корале? Ведь я же находился в плену, в пещере?

— Каким образом случилось, что пираты лежат здесь, в корале, мертвые? — в свою очередь, спросил инженер.

— Мертвые? — вскричал Айртон и, несмотря на слабость, приподнялся.

Товарищи поддержали его. Он захотел встать; ему не препятствовали, и все направились к ручейку.

Стало совершенно светло.

На берегу, в той же позе, как их застала смерть, которая, очевидно, наступила внезапно, лежали пять убитых пиратов.

Айртон был потрясен. Сайрес Смит и его товарищи смотрели на него, не говоря ни слова.

По знаку инженера, Наб и Пенкроф осмотрели уже окоченевшие трупы.

На них не было никаких явных следов ранения.

Только после тщательного исследования Пенкроф заметил — у одного на лбу, у других на груди, у третьего на спине, еще у одного на плече — маленькое, едва заметное красное пятнышко, происхождение которого невозможно было установить.

— Эти пятнышки — причина их смерти, — сказал Сайрес Смит.

— Но каким же оружием их убили? — воскликнул журналист.

— Страшным оружием, но каким, мы не знаем.

— Кто же их убил? — спросил Пенкроф.

— Человек, который творит суд на острове, — ответил Сайрес Смит. — Тот, кто перенес вас сюда, Айртон. Тот, чья справедливость только что проявилась еще раз. Тот, кто делает для нас

все, чего мы сами не можем сделать, и, исполнив свое дело, исчезает.

— Отыщем его! — закричал Пенкроф.

— Конечно, мы будем его искать, но мы найдем его только тогда, когда он пожелает призвать нас к себе, — ответил Сайрес Смит.

Эта невидимая защита, снижавшая значение деятельности колонистов, одновременно радовала и раздражала инженера. Подчеркивание их слабости могло оскорбить и ранить гордую душу. Великодушие, которое уклонялось от всяких выражений признательности, как бы подтверждало презрение к тем, кому оно благодетельствовало; по мнению Сайреса Смита, это отчасти обесценивало благодеяние.

— Будем искать, — продолжал он. — Хотел бы я, чтобы мы могли когда-нибудь доказать нашему высокомерному покровителю, что он не имеет дела с неблагодарными. Я отдал бы многое, чтобы расквитаться с ним и оказать ему, хотя бы ценою жизни, какую-нибудь важную услугу.

Начиная с этого дня единственной заботой обитателей острова Линкольна было отыскать таинственного благодетеля. Все побуждало их найти ключ к этой тайне, узнать имя человека, одаренного непонятной, сверхчеловеческой

властью.

Через несколько минут колонисты вернулись в дом, и хороший уход быстро вернул Айртону нравственные и физические силы.

Наб с Пенкрофом унесли трупы пиратов в лес и глубоко закопали их в землю на некотором расстоянии от кораля.

Затем Айртону сообщили о событиях, которые произошли, пока он был в заключении. Он услышал о страданиях Герберта и о многих испытаниях, через которые прошли колонисты.

— А теперь, — сказал Сайрес Смит, заканчивая рассказ, — нам остается выполнить наш долг. Половина нашей задачи осуществлена, и если нечего больше опасаться пиратов, то мы обязаны этим не самим себе.

— Ну что же, — сказал Гедеон Спилет, — мы обыщем весь лабиринт отрогов горы Франклина, не пропустим ни одного углубления, ни одного отверстия. Честное слово, если какой-нибудь журналист стоял перед волнующей тайной, то это, конечно, я!

— Мы вернемся в Гранитный Дворец лишь после того, как найдем нашего благодетеля, — сказал Герберт.

— Да, — проговорил инженер. — Мы сделаем

все, что в человеческих силах. Но, повторяю, мы найдем его не раньше, чем он нам это позволит.

— Мы останемся в корале? — спросил Пенкроф.

— Да, — ответил Сайрес Смит. — Запасы здесь достаточны, и мы находимся в самом центре круга наших поисков. К тому же, если будет необходимо, повозка быстро доставит нас в Гранитный Дворец.

— Хорошо, — сказал моряк. — У меня есть только одно замечание.

— Какое?

— Лето проходит, а не следует забывать, что мы должны совершить морской поход.

— Поход? — удивился Гедеон Спилет.

— Да, поход на остров Табор, — ответил Пенкроф. — Туда необходимо доставить записку, в которой будет сказано о местоположении нашего острова и о том, где сейчас находится Айртон, на случай, если «Дункан» приедет за ним. Кто знает, быть может, сейчас уже поздно.

— Но на чем ты думаешь совершить этот поход, Пенкроф? — спросил Айртон.

— На «Бонавентуре».

— На «Бонавентуре»? — вскричал Айртон. — Его больше нет.

— Моего «Бонавентура» больше нет?! — взревел Пенкроф, вскакивая на ноги.

— Нет, — ответил Айртон. — Пираты нашли его в маленькой гавани неделю назад, вышли в море и…

— И что? — спросил Пенкроф с бьющимся сердцем.

— И, не имея на борту такого рулевого, как Боб Гарвей, они наскочили на скалу, и корабль разбился в щепки.

— Негодяи! Бандиты! Гнусные мерзавцы! — кричал Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал Герберт и взял моряка за руку, — мы соорудим другой корабль, еще лучше. Ведь у нас есть теперь все железные части, вся оснастка брига.

— Но знаешь ли ты, что для того, чтобы построить судно в тридцать-сорок тонн, нужно не меньше пяти-шести месяцев? — ответил Пенкроф.

— Мы не будем спешить и откажемся на этот год от поездки, — сказал журналист.

— Что поделаешь, Пенкроф, приходится покориться! Надеюсь, что отсрочка не принесет нам ущерба, — проговорил Сайрес Смит.

— Мой «Бонавентур», мои бедный «Бонавен-

тур»! — повторял Пенкроф, глубоко потрясенный гибелью корабля, которым он так гордился.

Действительно, колонисты могли пожалеть об уничтожении «Бонавентура», и они решили возместить эту утрату как можно скорее. А пока что их единственной целью было благополучно закончить исследование, наименее доступных областей острова.

Поиски возобновились в тот же день, 20 февраля, и продолжались целую неделю. Нижняя часть горы между отрогами и их многочисленные разветвления представляли собой настоящий лабиринт прихотливо разбросанных долин и ущелий. Именно здесь, в глубине этих теснин, может быть, даже в самом массиве горы Франклина, следовало производить поиски. Только в этой части острова можно было замаскировать жилище, хозяин которого пожелал бы остаться неизвестным. Но отроги так тесно сплетались, что Сайресу Смиту приходилось исследовать их очень тщательно.

Прежде всего колонисты прошли по долине, начинавшейся к югу от горы, в которую изливались воды ручья Водопада. Там Айртон показал им пещеру, где он томился в заключении, пока его не перенесли в кораль. Все в этой пещере осталось

в том виде, как было при Айртоне. В ней нашли немного еды и кучку патронов, которые пираты сложили там в качестве запаса. Колонисты обследовали всю долину, осененную развесистыми деревьями, среди которых преобладали хвойные. Обогнув юго-западный отрог, исследователи углубились в еще более узкое ущелье, начинавшееся от живописного нагромождения береговых скал.

Здесь растительность была менее густой, камни заменяли траву. Дикие козы и муфлоны прыгали среди утесов. Тут начиналась бесплодная часть острова. Из многочисленных долин, которые отходили, разветвляясь, от горы Франклина, только три были покрыты лесом и богаты пастбищами, например, долина кораля, прилегавшая с запада к долине ручья Водопада и с востока к долине Красного ручья. Эти два ручья, которые ниже превращались в реки, принимая в себя несколько притоков, служили вместилищем всех вод, стекавших с горы, и делали плодородной ее южную часть. Что же касается реки Благодарности, то ее непосредственно питали многочисленные источники, скрытые под сенью леса Якамара. Такие же источники орошали почву Змеиного полуострова, разветвляясь на тысячи маленьких ручейков.

Любая из этих трех долин, где было достаточно воды, могла служить убежищем какому-нибудь отшельнику, который нашел бы там все, что нужно для жизни. Но колонисты уже обследовали их и нигде не могли заметить присутствия человека.

Неужели это убежище и его обитатель находились в бесплодных ущельях, среди обвалившихся скал, в изрытых оврагах на севере, между потоками застывшей лавы?

В северной части горы Франклина, у подножия ее, были только две широкие, но не глубокие долины без всяких признаков зелени, усеянные глыбами камня, оставшимися от ледникового периода, исполосованные длинными моренами, покрытые потоками лавы, взрыхленные большими буграми, усыпанные обсидианом[45] и лабрадоридом[46]. Исследование этой части острова оказалось долгим и трудным. Там попадалось множество впадин, конечно, не слишком удобных, но хорошо скрытых и малодоступных.

---

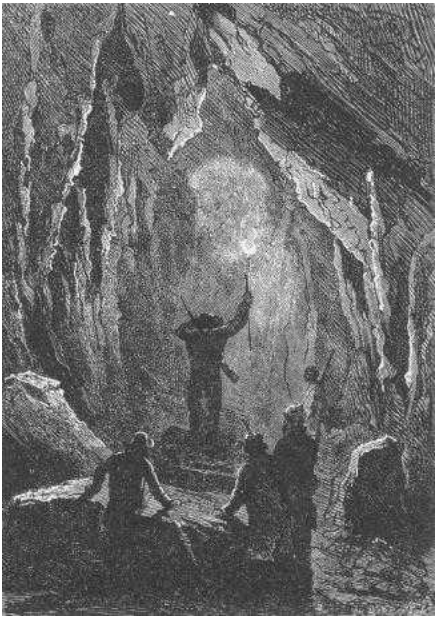
[45] Примечания: 45

Обсидиан — «естественное стекло», очень твердый минерал вулканического происхождения, по своему химическому составу приближается к полевым шпатам.

[46] Примечания: 46

Лабрадорид — кристаллически-зернистая горная порода, близкая к минералу из группы полевых шпатов — Лабрадору.

Колонисты заходили даже в темные тоннели, образовавшиеся в весьма отдаленную эпоху и почерневшие от давно угасшего огня. Исследователи ходили по этим мрачным галереям, освещая их смоляными факелами, обыскивали малейшие впадины, проникали во все углубления. Но всюду царили тишина и мрак. Едва ли человеческое существо когда-нибудь ступало ногой по этим древним проходам, едва ли чья-либо рука когда-нибудь касалась этих камней. Они были такие же, как тогда, когда вулкан выбросил их на поверхность воды в период возникновения острова.



Но как ни пустынны и темны казались эти надстройки, Сайресу Смиту пришлось убедиться, что в них не всегда царила тишина.

Достигнув дна одной из мрачных впадин, которые тянулись на несколько сот метров внутрь горы, он с удивлением услышал глухой гул, отражаемый скалами, он звучал еще громче.

Гедеон Спилет, сопровождавший инженера, тоже услышал этот отдаленный гул, который ука-

зывал на оживление деятельности подземного огня. Оба несколько раз прислушались и пришли к убеждению, что в недрах Земли происходит какая-то химическая реакция.

— Так, значит, вулкан не совсем потух, — сказал журналист.

— Возможно, что, с тех пор, как мы исследовали кратер, в нижних пластах началась какая-то деятельность. Всякий вулкан, даже тот, который считается потухшим, в любую минуту может начать действовать.

— Но если предстоит извержение горы Франклина, то разве это не грозит опасностью острову Линкольна? — спросил Гедеон Спилет.

— Не думаю, — сказал инженер. — Кратер, то есть предохранительный клапан, всегда существует, и избыток пара и лавы вырвется, как и раньше, через обычный выход.

— Если только лава не проложит себе новую дорогу к плодородным частям острова.

— Но почему, мой милый Спилет, ей не пойти тем путем, который проложила природа? — ответил Сайрес Смит.

— Вулканы капризны, — сказал журналист.

— Заметьте, — продолжал инженер, — что наклон всего массива горы Франклина способствует излиянию потока лавы в долины, которые мы сейчас исследуем. Чтобы его направление стало иным, должно произойти землетрясение, которое изменит центр тяжести горы.

— Но при этих условиях всегда можно опасаться землетрясения, — сказал журналист.

— Да, всегда, в особенности, если подземные силы начинают пробуждаться и недра земного шара после долгого отдыха приходят в движение. Конечно, извержение вулкана будет для нас неприятным фактом, и было бы лучше, если бы этой горе не вздумалось пробудиться. Но ведь мы не можем ей помешать, не так ли? Во всяком случае, что бы ни случилось, я не думаю, что нашим владениям на плато Дальнего Вида грозит серьезная опасность. Между плато и вулканом уровень земли заметно понижается, и, если лава когда-нибудь направится к озеру, она зальет дюны и окрестности залива Акулы.

— Мы еще не видели над вулканом дыма,

который бы указывал, что готовится извержение, — сказал Гедеон Спилет.

— Нет, — ответил Сайрес Смит. — Я только вчера смотрел на верхушку кратера и не заметил ни малейших признаков дыма. Но возможно, что в нижней части трубы образовалось нагромождение скал, пепла и окаменевшей лавы и что клапан, о котором я говорил, в данное время слишком перегружен. Но при первом серьезном напоре всякое препятствие будет устранено, и вы можете не сомневаться, что ни остров, который представляет собой котел, ни вулкан, играющий роль трубы, не разорвутся под давлением газов. Но все же, повторяю, было бы лучше, если бы извержения не произошло.

— И тем не менее мы не ошибаемся: в недрах вулкана ясно слышится глухой грохот, — сказал журналист.

— В самом деле, — ответил инженер и внимательно прислушался, — ошибки тут быть не может. Происходит реакция, и мы не в состоянии определить ее значительности и конечных результатов.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет вышли из впадины и рассказали своим товарищам о положении дел.

— Вот здорово! — закричал Пенкроф. — Вулкан начинает выкидывать свои штуки! Но пусть попробует — на него найдется хозяин.

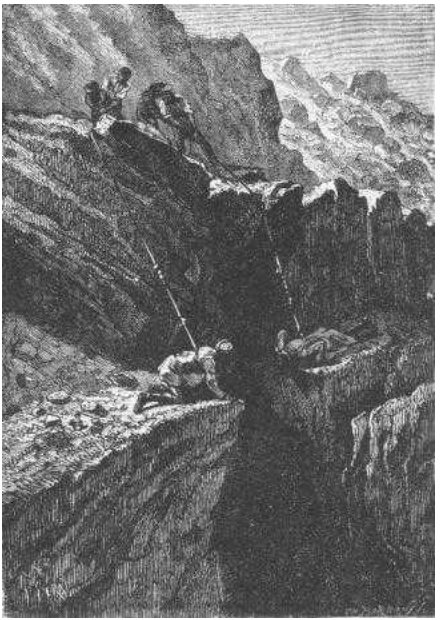
— Кто же такой? — спросил Наб.

— Наш добрый дух, Наб, наш добрый дух. Он заткнет кратер, если вулкан только попробует разинуть его!

Как видим, вера моряка в божество острова не знала пределов. И действительно, тайная сила, которая успела проявиться при стольких необъяснимых обстоятельствах, казалась безграничной. Несмотря на самые тщательные поиски, несмотря на все усилия, на все усердие, всю настойчивость колонистов, загадочное убежище не было найдено, и загадочная сила осталась столь же таинственной.

С 20 по 25 февраля поиски производились по всей южной части острова Линкольна. Исследователи обшарили наименее доступные, ее места. Они простукивали каждую скалистую стену, как делают полицейские, обыскивая подозрительный дом. Инженер снял точный план горы и распространил свои поиски до самых нижних пластов камней. Не избежал обследования и усеченный конус, венчавший первую площадку скал, а также верхний выступ огромной «шляпы»,

в глубине которой открывался кратер.



Мало того, колонисты спустились в самую пропасть, еще не ожившую совсем, но в глубине которой явственно слышался гул. Ничто не указывало на близкое извержение: не было видно дыма или пара, стенки кратера нисколько не нагрелись.

Ни здесь, ни в какой-либо другой части горы

Франклина колонисты не увидели следов того, кого они искали.

После этого исследователи направились в район дюн. Они тщательно осмотрели от верха до подножия высокие стены, окружавшие залив Акулы, хотя было чрезвычайно трудно спускаться к воде.

Ничего! Никого!

В этих двух словах заключался весь итог бесплодного труда и безрезультатной настойчивости; в них звучал гнев Сайреса Смита и его товарищей, раздосадованных неудачей.

Наконец пришлось подумать о возвращении, так как нельзя же было вечно продолжать эти поиски. Колонисты пришли к убеждению, что таинственное существо не обитало на поверхности острова, и самые странные предположения возникали в их возбужденном мозгу. Пенкроф и Наб не ограничивались областью загадочного и уносились в сверхъестественный мир.

25 февраля колонисты возвратились в Гранитный Дворец и, спустив на площадку при помощи стрелы двойной канат, восстановили сообщение со своим домом.

Через месяц, 24 марта, они праздновали третью годовщину своего пребывания на острове

Линкольна.

ГЛАВА XIV

Три года прошло. — Вопрос о новом корабле. — Как его разрешили. — Колония процветает. — Кораблестроительная верфь. — Холода в южном поясе. — Пенкроф покоряется. — Стирка белья. — Гора Франклина.

Три года прошло с тех пор, как ричмондские узники убежали из плена. Сколько раз за эти три года говорили они о родине, постоянно живущей в их мыслях!

Они не сомневались, что междоусобная война закончилась, и были убеждены, что справедливое дело Севера восторжествовало. Но каковы были обстоятельства этой ужасной войны? Сколько крови она стоила? Кто из их друзей пал в борьбе? Вот о чем они часто беседовали, не зная еще, суждено ли им будет снова увидеть свое отечество. Вернуться туда, хотя бы на несколько дней, возобновить связь с обитаемым миром, установить сообщение между родиной и их островом, затем провести остальные годы жизни, может быть, лучшие, в этой колонии, которую они основали.

Но для того чтобы осуществить эту мечту, им

представлялись только две возможности: либо в водах острова Линкольна появится когда-нибудь корабль, либо колонистам придется самим построить достаточно большое судно, чтобы совершить переход по морю до ближайшей обитаемой земли.

— А может быть, наш добрый гений предоставит нам возможность возвратиться на родину? — говорил Пенкроф.

И поистине, если бы Пенкрофу и Набу объявили, что их ждет в заливе Акулы или в гавани Воздушного Шара корабль в триста тонн водоизмещением, они бы даже глазом не моргнули. Там, где дело касалось чудесного, их ничто не могло удивить.

Но Сайрес Смит, менее наивный, посоветовал им вернуться к реальности и подумать о постройке судна. Это было неотложное дело, так как им предстояло как можно скорее доставить на остров Табор записку со сведениями о новом местопребывании Айртона.

«Бонавентура» уже не было, и для постройки нового корабля требовалось, по крайней мере, шесть месяцев. Приближалась зима, так что поездка не могла состояться раньше следующей весны.

— Мы имеем время подготовиться к лету, — говорил инженер, беседуя обо всех этих делах с Пенкрофом. — Я думаю, мой друг, что раз уж нам приходится заново строить корабль, его следует сделать больше. Вернется ли яхта на остров Табор, неизвестно. Вполне возможно, что она побывала на острове несколько месяцев назад и после тщетных поисков Айртона отправилась обратно. Не лучше ли было бы построить корабль, который в случае необходимости мог бы доставить нас либо на Полинезийские острова, либо на Новую Зеландию? Как вы думаете?

— Я думаю, мистер Сайрес, что вам так же легко построить большой корабль, как и маленький. Ни в дереве, ни в инструментах нет недостатка. Это только вопрос времени.

— А сколько месяцев займет постройка корабля от двухсот пятидесяти до трехсот тонн водоизмещением? — спросил Сайрес Смит.

— Не меньше семи-восьми месяцев, — ответил Пенкроф. — Но не надо забывать, что подходит зима и что в сильные морозы дерево с трудом поддается обработке. Необходимо учесть, что работа на несколько недель прервется, и если наш корабль будет готов к будущему ноябрю, мы сможем считать себя очень счастливыми.

— Ну что ж, — ответил Сайрес Смит, — ноябрь как раз самый благоприятный месяц для того, чтобы совершить большой переход на остров Табор или куда-нибудь дальше.

— Это верно, мистер Сайрес, — сказал моряк. — Готовьте чертежи. Рабочие к вашим услугам, и я думаю, что Айртон будет нам хорошим помощником в этом деле.

Колонисты на общем совете одобрили проект инженера; действительно, ничего лучше нельзя было придумать. Правда, постройка корабля в двести-триста тонн водоизмещением — большое дело. Но колонисты верили в себя и имели на это право.

Сайрес Смит начал готовить чертежи судна и устанавливать его габариты. Товарищи его в это время рубили и доставляли на место постройки деревья, нужные для изготовления различных частей и оснастки судна. Лучшие сорта вяза и дуба дал лес Дальнего Запада; колонисты воспользовались просекой, сделанной во время последней экспедиции, и проложили удобную дорогу, которая получила название дороги Дальнего Запада. Деревья переносились в Трубы, где была устроена верфь. Что касается названной дороги, то она была довольно извилиста, и остановились на ней

главным образом из-за большого выбора нужных сортов деревьев; она же сделала доступной значительную часть Змеиного полуострова. Деревья необходимо было как можно скорее срубить и распилить: дерево нельзя употреблять свежим, а нужно дать ему время высохнуть. Плотники усердно работали весь апрель; хорошая погода только несколько раз нарушалась довольно сильными бурями. Дядюшка Юп ловко помогал: забирался на верхушки деревьев, чтобы укрепить там веревки, либо таскал на своих сильных плечах отдельные стволы.

Весь этот лес сложили в просторном дощатом сарае, построенном возле Труб, в ожидании, пока его можно будет применить к делу.

Апрель был довольно хорош — таким часто бывает октябрь в северных широтах. Земледельческие работы энергично продолжались, и вскоре на плато не осталось никаких следов разорения. Мельницу отстроили заново. Рядом с птичьим двором появились новые конюшни и сараи. Их размеры сочли нужным несколько увеличить, так как население их быстро размножалось. В стойлах было уже пять штук онагг — четверо из них, крепкие и хорошо обученные, ходили в упряжи и под седлом; пятая только что

родилась. Оборудование колонии пополнилось плугом, и онагги пахали, словно йоркширские или кентуккийские быки. Колонисты распределили между собой работу, и никто не сидел без дела. Зато каким завидным здоровьем обладали эти труженики, как весело проводили они вечера в Гранитном Дворце, строя тысячи планов на будущее!

Нечего и говорить, что Айртон жил общей жизнью с колонистами, не выражая больше, желания уйти в кораль. Все же он постоянно был грустен и необщителен и охотнее принимал участие в работе, чем в развлечениях своих товарищей. Это был неутомимый работник, сильный, ловкий, умный и сметливый. Все его любили, и он чувствовал это.

Кораль, конечно, тоже не был оставлен. Каждые два дня кто-нибудь из колонистов отправлялся туда на повозке, чтобы ходить за стадом муфлонов и коз, и привозил из кораля молоко, которое сдавалось на кухню к Набу. Эти экспедиции давали возможность поохотиться. Герберт и Гедеон Спилет в сопровождении Топа чаще, чем другие, ходили по дороге в кораль. Благодаря их прекрасным ружьям дикие свиньи, агути, кенгуру, кабаны и более мелкая дичь: утки, тетерева,

глухари, якамары и кулики, всегда в изобилии подавались к столу. Произведения крольчатника и устричной отмели, черепахи, пойманные во время ловли лососей, снова заплывшие в реку Благодарности, овощи с плато Дальнего Вида и дикие лесные плоды добывались в таком количестве, что Наб, главный повар, едва успевал складывать их в кладовую.

Само собой разумеется, что телеграфная линия, связывающая кораль с Гранитным Дворцом, была исправлена, и ею пользовались, когда кто-нибудь из колонистов находился в корале и считал нужным там переночевать. На острове было теперь вполне безопасно, и не приходилось ожидать нападения, по крайней мере, нападения людей.

Тем не менее то, что уже раз случилось, могло повториться. Всегда можно было опасаться высадки пиратов или беглых каторжников. Возможно, что какие-нибудь друзья или сообщники Боба Гарвея были посвящены в его планы и собирались последовать его примеру. Поэтому колонисты, не переставая, наблюдали за подступами к острову, и их подзорная груба каждый день прогуливалась по широкому горизонту между бухтой Союза и бухтой Вашингтона. Находясь в корале, они столь же тщательно осматривали

западную часть моря, а с отрогов горы был виден значительный участок восточного горизонта.

Ничего подозрительного не было видно, но приходилось держаться настороже.

Однажды вечером инженер поделился со своими товарищами возникшим у него планом укрепления кораля. Он считал необходимым сделать изгородь выше и пристроить сбоку нечто вроде блокгауза[47], в котором колонисты могли бы в случае нужды выдержать осаду неприятеля. Гранитный Дворец по самому своему положению должен был казаться неприступным; поэтому кораль, его постройки, запасы и животные, находившиеся там, явились бы приманкой для пиратов какого угодно происхождения, которые могли бы высадиться на острове. Если бы колонистам пришлось укрыться в корале, они должны были иметь возможность защищаться.

Этот план надлежало обдумать. Выполнение, его так или иначе приходилось отложить до будущей весны.

К 15 мая киль нового корабля уже лежал на

---

[47] Примечания: 47

Блокгауз — отдельная оборонительная постройка с насыпями и бойницами. Блокгаузы используются в позиционной и маневренной войне для защиты небольших отрядов от обстрела артиллерии и как позиция, с которой ведется обстрел неприятеля. Блокгауз может также служить и жильем.

верфи, и вскоре на концах его почти перпендикулярно возвышались форштевень и ахтерштевень. Киль из доброго дуба имел в длину сто десять футов, что позволяло сделать средний бимс шириной в двадцать пять футов. Но это было все, что успели сделать плотники до наступления холодов и ненастья. В течение следующей недели на корму поставили первые шпангоуты, а затем работу пришлось приостановить.

Погода в последние дни месяца стояла очень дурная. Ветер дул с востока и иногда переходил в ураган. Инженер тревожился за судьбу своей верфи; ведь он не мог ее построить ни в каком другом месте вблизи Гранитного Дворца, так как островок плохо защищал побережье от непогоды, а при сильных бурях волны доходили до самой гранитной стены.

Но, к счастью, опасения инженера не оправдались. Ветер дул чаще с юго-востока, и берег у Гранитного Дворца оказался прикрыт выступом мыса Находки.

Пенкроф и Айртон, наиболее усердные кораблестроители, не прерывали своей работы до последней возможности. Не такие это были люди, чтобы обращать внимание на ветер, который трепал их волосы, или на дождь, из-за которого

они промокали до костей; удар их молотка был одинаково хорош и в дождь и в хорошую погоду. Но когда период сырости сменился сильным морозом, дерево, волокна которого стали тверды, как железо, лишь с величайшим трудом поддавалось обработке, и около 10 июня пришлось окончательно прекратить постройку корабля.

Сайрес Смит и его товарищи не могли не заметить, что на острове Линкольна стоят зимой жестокие холода. Такие морозы бывают в штатах Новой Англии, находящихся примерно на том же расстоянии от экватора, как остров Линкольна. Если в Северном полушарии или, по крайней мере, в той его части, где находятся Новая Британия и северные районы Америки, это явление можно объяснить тем, что местности, прилегающие к полюсу, чрезвычайно плоски и на них нет возвышений, преграждающих путь северным ветрам, то по отношению к острову Линкольна это объяснение не годилось.

— Ученые установили, — говорил как-то Сайрес Смит своим товарищам, — что на равных широтах острова и прибрежные местности меньше страдают от холода, чем центр материка. Я часто слышал утверждение, что, например, в Ломбардии зима более суровая, чем в Шотландии, и это

будто бы объясняется тем, что море зимой отдает тепло, которое оно накопило летом. Естественно, что острова получают больше этого тепла.

— Но, мистер Сайрес, почему же остров Линкольна как будто составляет исключение из общего закона? — спросил Герберт.

— Это трудно объяснить, — ответил инженер. — Я склонен приписать эту особенность тому, что наш остров находится в Южном полушарии, где, как тебе известно, холоднее, чем в Северном.

— Это верно, — сказал Герберт. — Ведь плавучие льды встречаются в южной части Тихого океана под более низкими широтами, чем в северной.

— Правильно, — подтвердил Пенкроф. — Когда я был китоловом, мне случалось видеть ледяные горы, айсберги у самого мыса Горн.

— В таком случае, возможно, что холода на острове Линкольна объясняются близостью льдов, — сказал Гедеон Спилет.

— Ваше предположение вполне допустимо, дорогой Спилет, и, очевидно, суровость наших зим вызвана близостью ледяных полей, — ответил Сайрес Смит. — Заметьте, что Южное полушарие холоднее Северного также и по чисто физическим причинам. В самом деле, если солнце летом ближе к Южному полушарию, то зимой оно, есте-

ственно, дальше от него. Это объясняет, почему наблюдаются такие колебания температуры в обоих направлениях. Нам кажется, что зимой на острове Линкольна очень холодно; но не будем забывать, что летом здесь, наоборот, очень жарко.

— Но почему же, скажите, пожалуйста, у нашего полушария, как вы его называете, такая несчастная судьба? — спросил Пенкроф с недовольным видом. — Это несправедливо.

— Справедливо это или нет, — смеясь, сказал инженер, — приходится подчиняться неизбежности, дружище Пенкроф. Вот чем объясняется эта особенность: Земля, подчиняясь законам механики, описывает вокруг Солнца не круг, а эллипс. Солнце находится в одном из фокусов эллипса, и, следовательно, Земля в известный момент бывает в афелии, то есть в наиболее удаленной от Солнца точке, а в известный момент — в перигелии, то есть в точке, ближайшей к Солнцу. Когда Земля находится дальше всего от Солнца, тогда в Южном полушарии наступает зима и становится очень холодно. Тут уж ничего не поделаешь, и люди, как бы учены они ни были, не смогут изменить систему мироздания.

— А ведь люди очень учены! — сказал Пенкроф, которому не хотелось сдаваться. — Вот бы тол-

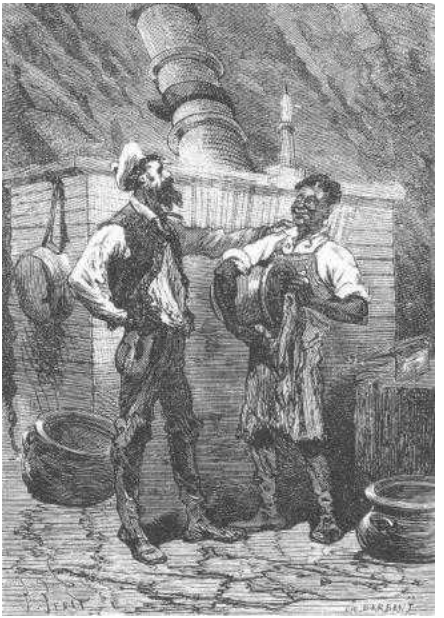
стая книга получилась, мистер Сайрес, если бы записать в нее все, что мы знаем!

— Но если записать все, чего мы не знаем, то книга вышла бы еще толще, — ответил Сайрес Смит.

Как бы то ни было, по той или другой причине, в июне вернулись холода, столь же суровые, как обычно, и колонистам пришлось часто сидеть, запершись в Гранитном Дворце.

Все с трудом выносили это вынужденное заключение, особенно Гедеон Спилет.

— Знаешь, — сказал он однажды Набу, — я охотно подарил бы тебе все, что когда-нибудь получу в наследство, и даже засвидетельствовал бы дарственную у нотариуса, если бы ты пошел куда-нибудь и подписал бы меня на какую угодно газету! Для полного счастья мне не хватает только одного: это каждое утро узнавать, что произошло накануне во всем мире, кроме нашего острова.



Наб засмеялся.

— А меня, — ответил он, — больше всего занимает наша ежедневная работа.

В самом деле, как внутри, так и вне дома работы было вдоволь.

Колония острова Линкольна переживала в то время период наивысшего процветания, которого она достигла после трех лет упорной работы. Разбитый бриг явился для ее обитателей новым

источником богатства. Кроме оснастки, годной для строящегося корабля, кладовые Гранитного Дворца были завалены всевозможными орудиями, инструментами, боевыми припасами и оружием. Теперь уже больше не приходилось изготовлять грубую одежду из войлока: если в первую зимовку колонисты страдали от холода, то теперь они безбоязненно встречали ненастье. Белья тоже было достаточно; с ним обращались очень аккуратно. Из хлористого натра, то есть, попросту говоря, из морской соли, Сайрес Смит без труда извлек натрий и хлор; натрий, из которого легко получить углекислую кислоту, и хлор, давший хлористую известь и другие соединения, были использованы для всевозможных домашних надобностей, в частности для стирки белья. Впрочем, стирку устраивали всего четыре раза в год, как это делалось когда-то в почтенных семействах. Добавим, что Пенкроф и Гедеон Спилет, который все еще ждал, когда почтальон принесет ему газету, оказались прекрасными прачками.

Так прошли зимние месяцы: июнь, июль, август. Они были очень суровы, и средняя температура не превышала 8 градусов по Фаренгейту (13 градусов ниже нуля по Цельсию). Таким образом, она оказалась ниже средней температуры

прошедшей зимы. В каминах Гранитного Дворца всегда пылал яркий огонь, дым оставлял длинные черные полосы на гранитной стене. Топливо не приходилось экономить: оно росло тут же, в нескольких шагах от дворца. К тому же остатки леса, предназначенного для постройки корабля, позволяли сберечь каменный уголь, который труднее было доставлять.

И люди и животные были совершенно здоровы. Лишь дядюшка Юп, надо признаться, иногда мерз. Это был, кажется, его единственный недостаток, и ему пришлось сделать хороший, теплый халат. Но какой это был слуга — ловкий, усердный, неутомимый, деликатный и не болтун! Юпа можно было поставить в пример всем его двуногим собратьям в Старом и Новом Свете.

— В сущности, — говорил Пенкроф, — если кто имеет четыре руки, от него можно требовать хорошей работы!

И действительно, умная обезьяна работала превосходно.

За семь месяцев, которые прошли со времени последних поисков в окрестностях горы, и в течение сентября, когда снова настала хорошая погода, колонистам ни разу не пришлось вспомнить о добром гении острова. Его влияние не

проявилось ни в чем. В сущности, в нем и не было нужды, так как не случилось ничего такого, что могло бы затруднить колонистов.

Сайрес Смит заметил, что если даже между незнакомцем и обитателями Гранитного Дворца установилось общение через толщу гранита и Топ чувствовал его чутьем, то за этот период времени оно ни в чем не проявлялось. Пес совсем перестал ворчать, беспокойство обезьяны прошло. Оба друга — а они были искренними друзьями — не бродили больше вокруг отверстия внутреннего колодца, не издавали тех странных звуков, которые с самого начала привлекли внимание инженера. Но мог ли Сайрес Смит с уверенностью сказать, что загадка останется загадкой и что он никогда не получит к ней ключа? Имел ли он право утверждать, что не возникнет такое положение, при котором таинственный незнакомец вновь выступит на сцену? Кто знает, что таится в будущем?

Наконец зима миновала. И как раз в первые дни весны произошло событие, которое могло иметь серьезные последствия.

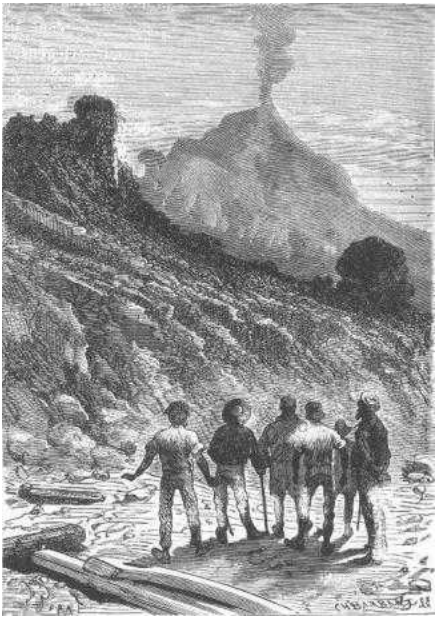
7 сентября Сайрес Смит, наблюдая вершину горы Франклина, заметил, что над кратером появился дым, первые клубы которого таяли в

воздухе.

ГЛАВА XV

Вулкан пробуждается. — Лето. — Возобновление работы. — Вечер 15 октября. — Телеграмма. — Вопрос. — Ответ. — Поход в кораль. — Записка. — Добавочный провод. — Берег из базальтовых скал. — Прилив. — Отлив. — Пещера. — Ослепительный свет.

Инженер сообщил об этом колонистам, которые бросили работу и молча смотрели на вершину горы. Итак, вулкан пробудился, и пары пробили слой минералов, скопившихся в глубине кратера. Но вызовет ли подземный огонь сильное извержение? Это означало бы катастрофу, которую колонисты бессильны были предотвратить.



Однако даже в случае извержения остров Линкольна в целом, вероятно, не пострадал бы. Изливающиеся вулканические вещества не всегда несут с собой разрушение. Некогда остров уже подвергся такому испытанию — об этом свидетельствовали потоки лавы, покрывавшие южные склоны горы. Кроме того, форма самого кратера, расширяющегося кверху, должна была способствовать направлению лавы в сторону,

противоположную от плодородных частей острова.

Однако прошлое не всегда служит ручательством за будущее. Нередко старые кратеры на вершинах вулканов закрываются и открываются новые. Это случалось и в Старом и в Новом Свете: на Этне, на Попокатепетле, на Оризабе. А перед угрозой извержения можно опасаться всего. Достаточно случиться землетрясению — а им часто сопровождается деятельность вулканов, — чтобы внутреннее строение горы изменилось, открыв новые пути для раскаленной лавы.

Сайрес Смит объяснил это своим товарищам. Не преувеличивая опасности положения, он изложил все «за» и «против» создавшейся ситуации.

В конце концов, колонисты были бессильны. Гранитному Дворцу могла грозить беда только от землетрясения, которое поколебало бы почву. Кораль — другое дело. Если бы на южном склоне горы открылся новый кратер, это создало бы серьезную угрозу для кораля.

Начиная с этого дня вершина горы была постоянно окутана густым дымом, который поднимался все выше и выше, но в его плотных клубах не было видно пламени. Дым пока сосредотачивался над нижней частью центрального массива.

С наступлением ясных дней работы возобновились. Колонисты спешили с постройкой корабля. Пользуясь силой прибрежного водопада, Сайрес Смит устроил гидравлическую пилу, которая быстро превращала стволы деревьев в доски и балки. Этот механизм был так же несложен, как деревенские лесопилки, работающие в Норвегии. Все, что требовалось, — это придать куску дерева горизонтальное движение, а пиле — вертикальное.

Инженеру удалось достигнуть цели при помощи колеса, двух цилиндров и соответствующей комбинации блоков.

К концу сентября на верфи уже возвышался каркас корабля (это должна была быть шхуна). Остов был почти вполне закончен, шпангоуты удерживались на временных креплениях; это давало представление о внешней форме судна. Шхуна, узкая спереди и очень широкая в кормовой части, могла в случае нужды совершить довольно большой переход, но для внешней и внутренней обшивки и настилки палубы требовалось еще продолжительное время. К счастью, после взрыва судна удалось спасти железную оковку брига. Из изуродованных ребер и досок Пенкроф с Айртоном вырвали много болтов и

медных гвоздей. Это сберегало труд кузнецов, но плотникам оставалось много работы. Постройку пришлось на неделю прервать по случаю жатвы, сенокоса и уборки всевозможных овощей и злаков, посеянных на плато Дальнего Вида. Покончив с этим, колонисты посвятили все свое время окончанию шхуны.

К ночи труженики буквально изнемогали. Чтобы не терять времени, они изменили часы еды — обедали в полдень, а ужинали не раньше наступления сумерек. Возвратившись в Гранитный Дворец, все немедленно ложились спать. Иногда, если завязывался интересный разговор, колонисты несколько засиживались за беседой. Они говорили о будущем и любили мечтать о том, как изменится их положение, когда они дойдут на своей шхуне до ближайшей обитаемой земли. Но среди этих планов у колонистов всегда преобладала мысль об их позднейшем возвращении на остров Линкольна. Они решили не покидать своей колонии, основанной с таким трудом и достигшей таких успехов. Ведь связь с Большой землей будет лишь способствовать ее процветанию.

Пенкрофа и Наба больше других привлекала мысль окончить свои дни на острове Линкольна.

— Герберт, — спрашивал моряк, — ты ведь никогда не оставишь наш остров? Никогда?

— Никогда, Пенкроф, — в особенности, если ты решишь здесь остаться.

— Я уже так и решил, мой мальчик, я буду тебя ждать, — отвечал Пенкроф. — Ты привезешь сюда жену и детей, и я сделаю из твоих мальчиков замечательных молодцов.

— Договорились! — сказал Герберт, смеясь и краснея.

— А вы, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, увлекаясь, — вы будете постоянным губернатором острова. Кстати, сколько жителей он сможет прокормить? Наверное, не меньше десяти тысяч.

Товарищи не мешали Пенкрофу фантазировать. В конце концов и журналист оказывался издателем газеты «Нью-Линкольн Геральд».

Такова уж душа человека. Потребность сделать нечто постоянное, жить вечно в творениях своих рук — доказательство его превосходства над всем, что есть на Земле. На этом основано его господство, этим оправдывается его владычество над всем миром.

Айртон, как всегда молчаливый, говорил себе, что ему хотелось бы увидеть Гленарвана и вернуть себе всеобщее уважение.

Однажды, 15 октября, беседа затянулась дольше обычного. Было девять часов вечера. С трудом подавляемые зевки указывали, что настал час отдыха. Пенкроф направился было к своей кровати, как вдруг зазвенел электрический звонок, проведенный в зал.

Все колонисты — Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Айртон, Пенкроф, Наб — были налицо. Ни один из них не находился в корале.

Сайрес Смит встал.

Его товарищи переглянулись, думая, что им послышалось.

— Что это значит? — вскричал Наб. — Уж не черт ли это звонит?

Все промолчали.

— На дворе собирается гроза, — заметил Герберт. — Не могло ли действие электричества…

Юноша не закончил фразы. Инженер, на которого смотрели все колонисты, отрицательно покачал головой.

— Подождем, — сказал Гедеон Спилет. — Если это сигнал, то он, во всяком случае, повторится.

— Но кто же это может быть? — спросил Наб.

— Как кто? — ответил Пенкроф. — Тот, кто…

Новый звонок прервал слова моряка.

Сайрес Смит подошел к аппарату. Пустив ток

по проводу, он послал в кораль вопрос:

«Что вам нужно?»

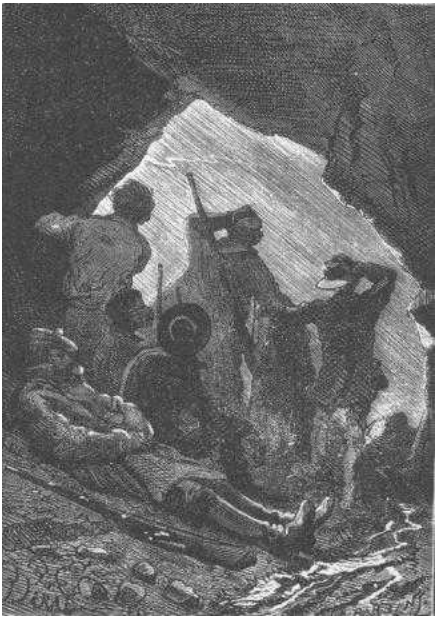
Через несколько мгновений иголка задвигалась по диску и передала обитателям Гранитного Дворца ответ:

«Приходите в кораль как можно скорее».

— Наконец-то! — воскликнул Сайрес Смит. Да! Наконец тайна должна была раскрыться. Властное чувство, которое влекло их в кораль, заставило забыть усталость, и всякая потребность в отдыхе пропала. Не говоря ни слова, они вышли из Гранитного Дворца и через несколько мгновений были на берегу. Только Юп с Топом остались дома. Без них можно было обойтись.

Была черная ночь. Молодой месяц исчез сразу после захода солнца. Как и говорил Герберт, густые грозовые тучи тяжелыми сводами нависли над землей; не было видно ни одной звездочки. Только редкие зарницы, отблески отдаленной грозы, освещали горизонт.

Через несколько часов гроза могла разразиться и над островом. Ночь была страшная.



Но самый глубокий мрак не служил препятствием для людей, которые так хорошо знали дорогу в кораль. Они поднялись вверх по левому берегу реки Благодарности, вышли на плато, перешли по мосту через Глицериновый ручей и двинулись дальше лесом.

Колонисты шли быстрым шагом. Все были очень взволнованы. Сомнений быть не могло: они наконец узнают разгадку этой тайны, узнают

имя незнакомца, который так глубоко вошел в их жизнь, узнают этого могущественного и великодушного человека. В самом деле, для того чтобы действовать всегда вовремя, незнакомец должен был пристально следить за жизнью колонистов, знать о любом ничтожнейшем событии, слышать все, что говорится в Гранитном Дворце.

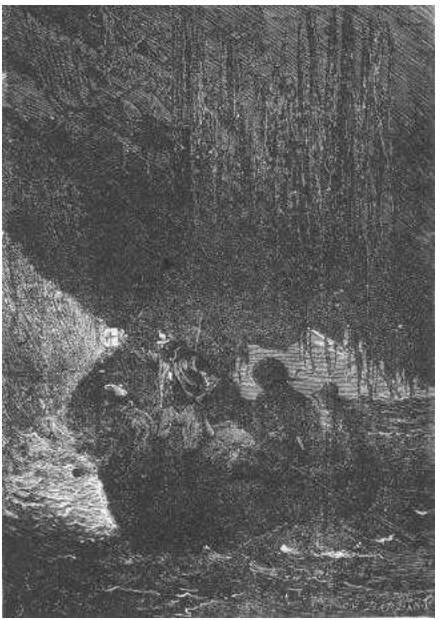
Каждый из колонистов был погружен в думы и невольно ускорял шаг. Под сводом деревьев стояла такая тьма, что не было видно даже края дороги. В лесу — полная тишина; животные и птицы, чувствуя приближение грозы, были неподвижны и безмолвствовали. Дуновение не коснулось ни одного листочка. Лишь шаги колонистов, ступавших по жесткой земле, гулко раздавались во мраке.

В первые четверть часа пути молчание было нарушено только следующим замечанием Пенкрофа:

— Нам следовало бы захватить с собой фонарь.

— Мы найдем фонарь в корале, — ответил инженер. Сайрес Смит и его товарищи покинули Гранитный Дворец в двенадцать минут десятого. В сорок семь минут десятого они находились в трех милях от устья реки Благодарности, а всего до кораля было пять миль.

В это время над островом засверкали яркие молнии, при свете которых отчетливо вырисовывались черные узоры листвы. Свет молний был ослепителен. Очевидно, гроза должна была вот-вот начаться. Вспышки сверкали все чаще и ярче, в глубине неба слышались отдаленные раскаты грома. Воздух был нестерпимо душен.



Колонисты продолжали идти, словно их толка-

ла невидимая сила.

В четверть одиннадцатого при яркой вспышке молнии они увидели изгородь кораля. Не успел маленький отряд войти в калитку, как послышался страшный удар грома.

В одно мгновение колонисты пробежали через кораль и оказались перед домом.

Возможно, что в доме находился незнакомец, так как именно оттуда была послана телеграмма. Тем не менее в окне не было света.

Инженер постучался.

Никакого ответа.

Сайрес Смит распахнул дверь, и колонисты вошли в комнату, где было совершенно темно.

Наб высек огонь и зажег фонарь, пламя которого осветило все уголки комнаты.

В комнате никого не было.

Вещи стояли на своих обычных местах.

— Неужели мы ошиблись? — тихо проговорил Сайрес Смит.

Нет, ошибки не было. В телеграмме, несомненно, было написано:

«Приходите в кораль как можно скорее».

Колонисты подошли к столу, на котором стоял телеграфный аппарат. Все было на месте: и батареи, и футляр, и приемник, и передатчик.

— Кто здесь был последний? — спросил инженер.

— Я, мистер Смит, — ответил Айртон.

— Когда это было?

— Четыре дня назад.

— Вот записка! — закричал Герберт и указал на бумажку, лежавшую на столе.

На бумажке было написано по-английски:

«Идите вдоль нового провода».

— Вперед! — вскричал Сайрес Смит.

Он понял, что телеграмма была послана не из кораля, а из таинственного убежища незнакомца, который соединил свое жилище с Гранитным Дворцом при помощи добавочного провода.

Наб взял зажженный фонарь, и все вместе вышли из кораля.

Гроза бушевала со страшной силой. Промежутки между вспышками молнии и ударами грома становились все короче. Грозная стихия завладела всем островом. В прерывистом свете молнии можно было видеть вершину горы Франклина, окутанную дымом.

Во всем корале, между изгородью и домом, не было никаких признаков телеграфного провода. Но, выйдя за калитку, инженер подбежал к первому столбу и увидел при вспышке молнии, что

к изолятору прикреплен провод, спускающийся к земле.

— Вот он! — воскликнул Сайрес Смит. Провод тянулся по земле, но был по всей длине обернут изоляционным материалом, словно подводный кабель. Это обеспечивало беспрепятственную передачу тока. Проволока, видимо, шла через лес и южные отроги горы и, следовательно, вела на запад.

— Пойдем вдоль провода, — сказал Сайрес Смит.

При свете фонаря и блеске молнии колонисты шли вдоль дороги, которую указывал провод. Гром грохотал непрерывно и притом с такой силой, что нельзя было расслышать ни одного слова. Впрочем, теперь следовало не разговаривать, а идти вперед.

Сайрес Смит и его товарищи взобрались на отрог, возвышавшийся между долиной кораля и долиной ручья Водопада, и перевалили через него в самой узкой части. Провод, укрепленный на нижних ветвях деревьев или стлавшийся по земле, неизменно указывал им путь.

Инженер думал, что этот провод, может быть, кончится в глубине долины и что именно там находится неведомое убежище.

Но нет, колонистам пришлось выйти на юго-западный отрог и спуститься на пустынное плато, которым заканчивалась базальтовая стена из прихотливо нагроможденных скал. Время от времени кто-нибудь из них наклонялся, ощупью находил провод и в случае нужды давал верное направление. Теперь уже нельзя было сомневаться, что проволока ведет прямо к морю. Очевидно, там в какой-нибудь расщелине скалы находится жилище, которое до сих пор так долго и тщательно искали колонисты.

Небо было в огне. Молнии вспыхивали одна за другой. Многие из них ударяли в вулкан и низвергались в кратер, окутанный дымом. Временами казалось, что гора извергает пламя.

В одиннадцать часов без нескольких минут они достигли высокого, западного берега океана. Поднялся ветер. Внизу, на расстоянии пятисот футов, ревел прибой.

Сайрес Смит высчитал, что маленький отряд прошел полторы мили от кораля.

В этом месте провод тянулся между скалами, следуя по крутому склону узкого, извилистого ущелья.

Колонисты углубились в него, рискуя столкнуть какую-нибудь неустойчивую глыбу камня

и упасть в море. Спускаться было очень опасно, но колонисты не знали страха; они словно перестали распоряжаться собой: какая-то неодолимая сила тянула их к таинственному месту, как магнит притягивает железо.

Почти бессознательно спустились они в ущелье, которое даже при дневном свете можно было считать непроходимым. Камни скатывались вниз, сверкая при вспышках молнии. Сайрес Смит шел во главе, Айртон замыкал шествие. Колонисты, шли то медленно, шаг за шагом, то скатывались по гладкой скале, то снова поднимались и продолжали путь.

Наконец провод резко повернул и потянулся вдоль скал, густо покрывавших берег, которых, вероятно, касался прилив. Колонисты достигли нижней границы базальтовой стены.

Тут начинался узкий вал, тянувшийся горизонтально, параллельно поверхности моря. Провод стлался вдоль вала. Колонисты не уклонялись от своего пути. Не успели они пройти ста шагов, как начался отлогий спуск, который вел к самой воде.

Инженер схватил проволоку и увидел, что она погружается в море.

Его спутники остановились. Они были пора-

жены.

Из груди их вырвался крик, похожий на крик отчаяния. Неужели придется бросаться в воду и искать какую-нибудь подземную пещеру? Все были возбуждены предельно, но, не колеблясь, сделали бы это.

Сайрес Смит остановил их.

Он подвел своих товарищей к углублению в скале и сказал:

— Подождем. Теперь прилив. При отливе дорога будет открыта.

— Но почему вы думаете… — спросил Пенкроф.

— Он бы нас не позвал, если бы не было возможности до него дойти.

Сайрес Смит говорил с таким убеждением, что никто не стал возражать. Приходилось допустить, что у подножия стены есть отверстие, проходимое при отливе и теперь скрытое волнами.

Ждать предстояло несколько часов. Колонисты сидели молча, укрывшись в глубоком портике, выдолбленном в скале.

Начался дождь, и вскоре облака, освещенные молниями, разразились ливнем. В раскатах грома, которые повторяло эхо, было что-то грандиозное.

Колонисты были чрезвычайно взволнованы.

Множество странных, необычайных мыслей теснилось у них в мозгу. Им представлялось какое-то великое, сверхчеловеческое существо, которое соответствовало их представлению о добром гении острова.

В полночь Сайрес Смит взял фонарь и спустился на берег, чтобы заметить расположение скал. Отлив начался уже два часа назад.

Инженер не ошибся. Над водой обрисовывались очертания обширной пещеры. Провод сворачивал к правому ее углу и исчезал в зияющей пасти.

Сайрес Смит вернулся к товарищам и коротко сказал:

— Через час в отверстие можно будет пройти.

— Значит, оно существует? — спросил Пенкроф.

— Неужели вы в этом сомневаетесь? — ответил Сайрес Смит.

— Но ведь пещера будет до известной высоты залита водой, — заметил Герберт.

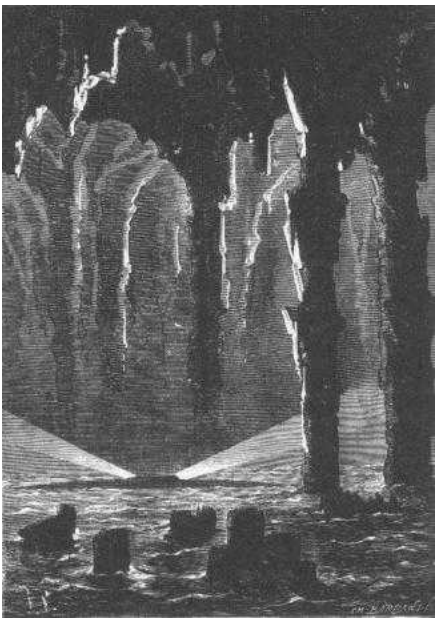
— Если она просыхает, мы пройдем через нее пешком, если она не просыхает, то нам будет предоставлен какой-нибудь способ сообщения.

Прошел час. Под дождем все спустились к морю. За три часа уровень воды понизился на

пятнадцать футов. Вершина свода пещеры возвышалась над ее полом не меньше чем на восемь футов. Свод напоминал арку моста, под которым бежали пенящиеся воды.

Инженер наклонился и увидел какой-то черный предмет, плававший на поверхности моря. Он подтянул его к себе.

Это была лодка, привязанная веревкой к выступу внутренней стены.



Лодка была сделана из полос толя, скрепленных болтами. На дне ее под скамьями лежали два весла.

— В лодку! — сказал Сайрес Смит.

Через мгновение колонисты сидели в лодке. Наб и Айртон взялись за весла, Пенкроф правил рулем. Сайрес Смит стоял на носу и освещал море фонарем.

Лодка прошла под низко спускавшимися сводами, которые внезапно стали выше. Было очень темно, и фонарь светил слишком слабо, чтобы можно было судить о размерах этой пещеры: ее ширине, высоте и глубине. В этой базальтовой галерее царила торжественная тишина. Ни единый звук не доносился снаружи. Даже раскаты грома не проникали сквозь массивные стены пещеры.

В некоторых местах земного шара существуют такие огромные пустоты, нечто вроде естественных катакомб, возникших в отдаленные геологические эпохи. Некоторые из них залиты морем, в других образуются целые озера. Такова Фингалова пещера на одном из Гебридских островов, таковы Моргатские гроты в бухте Дуарнене, в Бретани, пещера Бонифаччо на Корсике, пещеры около Лизе-фьорда в Норвегии и, наконец, огромная Мамонтова пещера в штате Кентукки,

имеющая пятьсот футов высоты и больше двадцати миль длины. В нескольких местах Земли природа выдолбила эти впадины и сохранила их, на удивление человеку.

А пещера, которую сейчас исследовали колонисты, неужели она тянулась до центра острова? Уже четверть часа лодка продвигалась вперед. Инженер кратко указывал Пенкрофу, куда поворачивать. Внезапно он воскликнул:

— Правее!

Лодка изменила направление и пошла вдоль правой стены. Инженер хотел проверить, тянется ли провод по-прежнему вдоль этой стены.

Проволока была прикреплена к выступам скалы.

— Вперед! — сказал Сайрес Смит.

Весла погрузились в черную воду, и лодка двинулась дальше. Еще с четверть часа плыла она вперед и прошла, считая от входа в пещеру, около полумили. Вдруг снова послышался голос Сайреса Смита:

— Стоп!

Лодка остановилась, и колонисты увидели яркий свет, озарявший огромную пещеру, спрятанную глубоко в недрах острова.

Теперь колонисты могли осмотреть эту пещеру,

о существовании которой они и не подозревали.

На высоте ста футов виднелся свод, опирающийся на базальтовые колонны, которые, казалось, были отлиты по одному образцу. Неправильной формы заплечья, прихотливо вырезанные ребра покоились на этих колоннах, которые тысячами создавала природа в первые времена образования Земли. Куски базальта, нагроможденные один на другой, возвышались на сорок-пятьдесят футов. Спокойные воды, которых не волновала буря, бушевавшая снаружи, плескались у их подножия. Яркий свет, замеченный инженером, отражался в призматических гребнях, усеивая их тысячами огней; он как бы пронизывал стены, словно они были прозрачны; каждый выступ их сверкал, как яркий алмаз.

Отражаясь в воде, эти огни играли на ее поверхности, и казалось, что лодка плывет между двух полос света.

Природа лучей, исходивших из очага света в виде прямых ярких снопов, разбивавшихся о выступы и гребни пещеры, не вызывала никаких сомнений. Источником этого света было электричество, что доказывалось, между прочим, его белизной. В этой пещере электричество заменяло солнце, целиком наполняя ее.

По знаку Сайреса Смита, весла снова упали в воду, поднимая целый фонтан искр, и лодка направилась к источнику света, от которого ее отделяло всего полкабельтова.

В этом месте ширина озера составляла примерно триста пятьдесят футов; позади светящегося центра можно было видеть огромную базальтовую стену, которая замыкала выход с другой стороны. Пещера значительно расширялась, и море образовало в ней небольшое озеро. Своды, боковые стены, все эти призмы, цилиндры и конусы так ярко сияли в электрическом свете, что казалось, будто они сами источают его; камни, граненные, как дорогие бриллианты, были словно пропитаны светом.

В центре озера находился какой-то длинный веретенообразный предмет. Он был неподвижен и окутан безмолвием. Свет, источаемый им, струился с боков, словно из жерл двух печей, накаленных добела. Этот аппарат, напоминавший огромного кита, был длиной приблизительно в двести пятьдесят футов и возвышался на десять-двенадцать футов над уровнем воды.

Лодка медленно подплывала к нему. Сайрес Смит, сидевший на носу, поднялся. Он смотрел вперед, охваченный волнением. Вдруг он схватил

журналиста за руку и вскричал:

— Это он! Это может быть только он!

Инженер шепотом произнес имя, которое услышал один только Гедеон Спилет.

Без сомнения, это имя было известно журналисту, так как произвело на Спилета огромное впечатление, и он глухо произнес:

— Он! Человек вне закона…

— Да, он, — подтвердил Сайрес Смит.

По приказанию инженера, лодка приблизилась к этому странному плавучему снаряду. Она подошла к его левому боку, из которого исходил пучок света, проникая сквозь толстое стекло.

Сайрес Смит и его друзья поднялись на площадку. На ней виднелся открытый люк. Все вошли в отверстие люка.

Внизу лесенки был внутренний коридор, освещенный электричеством. В конце коридора находилась дверь. Сайрес Смит толкнул ее.

Богато убранная комната, через которую быстро прошли колонисты, примыкала к библиотеке, залитой потоками света, струившимися с потолка. В глубине библиотеки виднелась широкая дверь. Инженер открыл ее.

Глазам колонистов представился большой зал, нечто вроде музея, где были собраны, наряду со

всевозможными сокровищами минерального происхождения, произведения искусства, чудеса техники. Товарищам Сайреса Смита показалось, что какая-то волшебная сила перенесла их в мир чудес.

На роскошном диване лежал человек, который как будто не замечал их присутствия.

Сайрес Смит заговорил и, к крайнему изум-

лению своих товарищей, произнес следующие слова:

— Капитан Немо, вы звали нас. Мы здесь.

ГЛАВА XVI

Капитан Немо. — Его первые слова. — История борца за независимость. — Ненависть захватчиков. — Спутники капитана Немо. — Жизнь под водой. — Один. — Последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный добрый гений острова.

При этих словах человек, который лежал, поднялся, и лицо его стало ясно видно: прекрасная голова, высокий лоб, гордый взгляд, белоснежная борода, густые волосы, отброшенные назад.

Человек оперся рукой о спинку дивана. Взгляд его был спокоен. Видно было, что болезнь медленно и постепенно подтачивала его силы. Но голос незнакомца, когда он заговорил, звучал твердо. С величайшим удивлением он произнес по-английски:

— У меня нет имени, сударь.

— Я знаю, кто вы, — ответил Сайрес Смит.

Капитан Немо устремил на инженера сверкающий взгляд, словно желая испепелить его. Но тотчас же откинулся на подушки дивана и тихо проговорил:

— Не все ли равно… Я скоро умру.

Сайрес Смит подошел к капитану Немо.

Гедеон Спилет взял старца за руку; рука его пылала. Айртон, Пенкроф, Герберт и Наб почтительно стояли в отдаленном углу зала.

Капитан Немо тотчас же отдернул руку и знаком предложил инженеру и журналисту сесть.

Все смотрели на него с нескрываемым волнением. Так вот он — тот, кого они называли добрым гением острова, этот могущественный человек, чье вмешательство так часто приносило им пользу, тот благодетель, которому они были обязаны великой признательностью. Пенкроф и Наб готовились найти божество, но видели перед собой человека, и этот человек был накануне смерти.

Но как мог Сайрес Смит знать капитана Немо? Почему последний с такой живостью поднялся, услышав имя, которое он считал никому не известным?

Капитан Немо снова сел. Опершись на локоть, он смотрел на инженера, который поместился с ним рядом.

— Вы знаете имя, которое я носил, сударь? — спросил он.

— Да, я знаю его и знаю название этого великолепного подводного корабля.

— «Наутилуса»? — сказал, слегка улыбаясь, капитан Немо.

— Да, «Наутилуса».

— Но знаете ли вы… знаете ли вы, кто я?

— Я знаю и это.

— А между тем я уже много лет как порвал связь с обитаемым миром, уже много лет я живу в глубине морской. Только на дне моря нашел я независимость. Кто же мог выдать мою тайну?

— Человек, который не брал на себя никакого обязательства перед вами, капитан Немо, и которого нельзя обвинять в вероломстве.

— Француз, которого случай забросил на мой корабль несколько лет назад?

— Да, он.

— Значит, этот человек и два его спутника не погибли в водовороте, в который попал «Наутилус»?

— Они не погибли, и на французском языке появилось сочинение «Восемьдесят тысяч километров под водой», в котором рассказывается ваша история…

— История лишь нескольких месяцев моей жизни, сударь, — с живостью перебил инженера капитан Немо.

— Вы правы, но нескольких месяцев этой

необычайной жизни достаточно, чтобы вы стали известны…

— …как великий преступник, конечно, — сказал капитан Немо, на губах которого промелькнула высокомерная улыбка. — Да, как бунтовщик, быть может, изгнанный из среды человечества.

Инженер промолчал.

— Что же вы не отвечаете, сударь?

— Не мне судить капитана Немо, по крайней мере, за его прошлую жизнь, — сказал Сайрес Смит. — Я не знаю, как и никто не знает, каковы были мотивы этого необычайного образа жизни, и не могу осуждать последствий, не ведая причин. Но зато я знаю, что с самого нашего прибытия на остров Линкольна над нами простерлась благодетельная рука, что все мы обязаны жизнью могущественному, доброму и великодушному человеку и что этот могущественный, добрый и великодушный человек — вы, капитан Немо.

— Да, это я, — кратко ответил капитан. Инженер и журналист встали. Их товарищи приблизились и хотели выразить словами и жестами признательность, переполнявшую их сердца.

Капитан Немо знаком остановил их и, более взволнованно, чем сам хотел бы, проговорил:

— Сначала выслушайте меня.

В немногих словах, кратких и точных, капитан Немо рассказал историю всей своей жизни.

Его рассказ был недолог, но, чтобы закончить его, капитану Немо пришлось собрать все свои силы.

Было ясно, что он с трудом преодолевает слабость. Несколько раз Сайрес Смит просил его отдохнуть, но старец отрицательно качал головой, как человек, который не уверен, что доживет до завтра. Журналист предложил ему свои услуги как врач, но капитан Немо ответил:

— Это не нужно. Мои дни сочтены.

Капитан Немо был индус, принц Даккар, сын раджи, правителя Бандельканда — в то время независимой от англичан территории — и племянник индийского героя Типпо-Саиба. Когда мальчику исполнилось десять лет, отец послал его в Европу, желая дать ему законченное образование. При этом раджа втайне надеялся, что его сын получит возможность бороться равным оружием с теми, кто угнетает его родину.

С десяти до тридцати лет принц Даккар, одаренный блестящими способностями, выдающимся умом и благородной душой, поглощал всевозможные знания. Он много успел в науках, литературе и искусствах.

Принц Даккар объехал всю Европу. Его богатство и происхождение делали юношу желанным гостем для всех, но мирские соблазны никогда не привлекали его. Молодой и красивый, он был серьезен и мрачен. Он горел жаждой знания, жажда мести владела его сердцем.

Принц Даккар ненавидел. Он ненавидел ту единственную страну, куда он не пожелал ступить ногой, единственный народ, чьи заискивания он неизменно отвергал. Он ненавидел Англию, и эта ненависть была тем сильнее, что многое в Англии восхищало его.

Этот индус сосредоточил в себе всю ненависть побежденного к победителю. Угнетатель не находил прощения у угнетенного. Сын одного из трех князей, которых Соединенное королевство сумело подчинить себе только юридически, вельможа из рода Типпо-Саиба, с детства обуреваемый жаждой мести, протеста и любовью к своей поэтической родине, скованной цепями англичан, не пожелал ступить ногой на проклятую им землю, хозяева которой обрекли Индию на рабство.

Принц Даккар стал художником: сокровища искусства преисполняли его благородным восторгом; он сделался ученым, для которого не было тайн в высших науках; государственным

деятелем, изучившим все тонкости дипломатии при европейских дворах. Поверхностный наблюдатель мог принять его за одного из тех «граждан мира», которые хотят все знать, но не желают действовать, за богатого путешественника с высокомерным и отвлеченным умом, бродящего по свету и не имеющего родины.

Это было неверно. Художник, ученый, государственный деятель остался индусом в душе, индусом, жаждущим мщения, индусом, который надеялся когда-нибудь вернуть родине утраченные права, изгнать оттуда чужеземцев, снова сделать Индию независимой.

В 1849 году принц Даккар возвратился в Бандельканд. Он женился на благородной индуске, сердце которой, как и его, обливалось кровью в эти несчастные для родины дни. У него было двое детей, он очень любил их. Но, наслаждаясь семейным счастьем, Даккар не забывал о порабощении Индии. Он ждал удобной минуты. И эта минута наступила.

Иго англичан стало невыносимым для народов, населяющих Индию. Принц Даккар сделался глашатаем недовольных. Он заразил их ненавистью, которую питал к чужеземцам. Он объехал не только не зависимые еще области полуострова

Индостан, но и провинции, непосредственно подчиненные британским властям. Он напоминал о героических днях Типпо-Саиба, который пал смертью храбрых в Сирингапатаме, защищая свою родину.

В 1857 году разразилось великое восстание сипаев[48]. Душой его был принц Даккар. Он организовал этот гигантский протест. Он отдал этому делу все свои таланты, все свое состояние. Он не жалел самого себя: сражаясь в первых рядах бойцов, он рисковал жизнью, как любой из незаметных героев, которые поднялись, чтобы освободить родину. В двадцати сражениях он получил десяток ран, но не умер даже тогда, когда последние борцы за независимость пали, сраженные пулями англичан.

Никогда господство Британии в Индии не подвергалось такой опасности. Если бы оправдалась надежда сипаев и они получили поддержку извне, может быть, наступил бы конец владычеству Соединенного королевства в Азии.

---

[48] Примечания: 48

Восстание сипаев (1857–1859) — крупнейшее национально-освободительное выступление индусской демократии против английского колониального господства в Индии. Восставшими была захвачена почти вся северная Индия. Но отсутствие единого командования, феодальная раздробленность Индии и предательство феодалов помогли англичанам подавить восстание. Индия была подвергнута террору, во многих местах была устроена резня.

Имя принца Даккара покрылось славой. Его храбрый носитель не таился и выступал открыто. За его голову назначили цену, и если не нашлось предателя, который его выдал, то отец и мать героя, его жена и дети заплатили за него своей жизнью раньше, чем он узнал, какой опасности подвергаются его близкие.

Право и на сей раз уступило силе. Но цивилизация никогда не отступает. Сипаи были побеждены, и страна древних раджей снова подпала под владычество Англии, еще более жестокое.

Принц Даккар, которому не пришлось умереть, возвратился в горы Бандельканда. Он остался навеки один. Принц Даккар собрал все, что осталось от его богатства, призвал к себе десятка два самых верных своих товарищей, и в один прекрасный день все они исчезли.

Где же думал принц Даккар найти независимость, в которой ему отказал наш обитаемый мир? Под водой, в пучине морей, куда никто не мог за ним последовать.

Воин превратился в ученого. На одном пустынном острове в Тихом океане он построил свои мастерские. Там по его чертежам был создан подводный корабль. Средствами, которые когда-нибудь станут всем известны, принц Даккар

сумел использовать огромную механическую силу электричества. Добывая его из неисчерпаемых источников, ученый применил электричество для всех нужд своего плавучего снаряда — оно двигало, согревало и освещало подводный корабль. Море с его огромными сокровищами, мириадами рыб, бесконечными полями водорослей, огромными морскими млекопитающими — не только все то, что похоронила в море природа, но и то, что потеряли в его пучинах люди, пошло на удовлетворение потребностей принца и его экипажа.

Таким образом, исполнилось заветнейшее желание принца Даккара — ведь он не хотел иметь никакой связи с землей.

Он назвал свой корабль «Наутилус», себя самого — капитан Немо и скрылся в морской глубине.

В течение многих лет капитан Немо посетил все океаны от полюса до полюса. Изгнанный из обитаемого мира, он собрал в этих неведомых мирах дивные сокровища. Миллионы, погибшие в бухте Виго вместе с испанскими кораблями в 1702 году, явились для капитана Немо неисчерпаемым источником богатства, которое он неизменно употреблял, оставаясь неизвестным, на пользу народов, боровшихся за свою свободу.

Итак, капитан Немо давно уже потерял связь со своими ближними. Но в ночь на 6 ноября 18… года на борту его корабля оказались три человека. Это был француз-профессор, его слуга и канадец-рыбак. Они упали в море при столкновении «Наутилуса» с американским фрегатом «Авраам Линкольн», который его преследовал.

Капитан Немо узнал от этого профессора, что «Наутилус» принимали то за гигантское млекопитающее из семейства китообразных, то за подводную лодку, попавшую в руки пиратов, и что за ним охотились во всех морях.

Капитан Немо мог бы вернуть океану этих трех человек, с которыми свел его случай на пути его таинственной жизни, но не сделал этого. Они остались у него в качестве пленников и семь месяцев могли наслаждаться всеми чудесами путешествия, пройдя за это время восемьдесят тысяч километров под водой.

Однажды, 22 июня 1867 года, эти три человека, которые ничего не знали о прошлом капитана Немо, сумели убежать, завладев одной из шлюпок «Наутилуса». «Наутилус» в это время несся к берегам Норвегии, увлекаемый течением. Капитан Немо решил, что беглецы попали в этот страшный водоворот и погибли в пучине. Он не знал,

что француз и его два спутника были каким-то чудом выброшены на берег, что их подобрали рыбаки с Лофотенских островов и что профессор, вернувшись во Францию, опубликовал книгу, в которой рассказал и раскрыл для публики историю своего необычайного, полного приключений семимесячного путешествия на «Наутилусе».

Некоторое время капитан Немо продолжал вести такую жизнь и плавать по морям. Но постепенно его спутники умерли и нашли отдых в коралловом кладбище на дне Тихого океана. «Наутилус» опустел, и, наконец, остался жив один лишь капитан Немо из числа тех, кто вместе с ним укрылся в глубинах океана.

Капитану Немо было тогда шестьдесят лет. Оставшись один, он отвел «Наутилус» в одну из гаваней, которые иногда служили ему местом стоянки. Эта гавань находилась под островом Линкольна. Именно там и стоял сейчас «Наутилус».

Капитан Немо провел в этой гавани шесть лет. Он больше не плавал и ждал смерти, ждал той минуты, когда он присоединится к своим товарищам. Случайно он видел, как упал шар, на котором неслись пленники южан. Облачившись

в скафандр[49], он гулял под водой в нескольких кабельтовых от побережья острова, когда инженер погрузился в море. В душе капитана Немо проснулось доброе чувство, и он спас Сайреса Смита.

Сначала он хотел бежать от этих пяти несчастных, потерпевших крушение. Но его гавань оказалась запертой. Под действием вулканических сил базальтовая скала поднялась, и корабль не мог выйти из подводной пещеры. Там, где было достаточно воды, чтобы легкая лодка могла переплыть через преграду, не мог пройти «Наутилус», водоизмещение которого было довольно значительно.

Капитан Немо остался. Он начал наблюдать за этими людьми, выброшенными без всяких средств к жизни на пустынный остров, но ему не хотелось, чтобы они его видели. Мало-помалу он заинтересовался их жизнью, увидев, что это честные, энергичные люди, которых связывала братская дружба. Невольно проник он во все тайны маленькой колонии. При помощи скафандра ему было нетрудно пробираться на дно внутреннего колодца Гранитного Дворца,

---

[49] Примечания: 49
Скафандр — специальный костюм водолазов.

а поднявшись по выступам стенок доверху, он мог слышать, как колонисты беседуют о своем прошлом, размышляют о настоящем и будущем. Таким образом он узнал о войне одной части Америки с другой за уничтожение рабства. Да, такие люди были способны примирить капитана Немо с человечеством. Они были его благородными представителями на острове.

Капитан Немо спас Сайреса Смита; он же привел Топа в Трубы, выбросил собаку из озера, выкинул у мыса Находки ящик, где было так много предметов, полезных для колонистов, пустил лодку по течению реки Благодарности, сбросил лестницу с высоты Гранитного Дворца во время нападения обезьян, сообщил о пребывании Айртона на острове Табор с помощью бутылки с запиской, взорвал бриг торпедой, лежавшей на дне канала, спас Герберта от неминуемой смерти, прислав сернокислый хинин, и перебил пиратов электрическими пулями, которые он умел делать и которыми пользовался во время охоты под водой. Так объяснилось множество событий, которые могли казаться сверхъестественными. Все они свидетельствовали о могуществе и великодушии капитана Немо.

Этот человеконенавистник все еще жаждал

творить людям добро. Желая преподать тем, кому он покровительствовал, несколько полезных советов и чувствуя приближение смерти, он вызвал, как мы уже знаем, колонистов из Гранитного Дворца при помощи провода, соединявшего кораль с «Наутилусом», где тоже стоял телеграфный аппарат. Быть может, он не сделал бы этого, если бы ему было известно, что Сайрес Смит достаточно знает его историю, чтобы назвать его «капитаном Немо».

Капитан закончил рассказ о своей жизни. Тогда взял слово Сайрес Смит. Он напомнил о всех событиях, последствия которых были столь благотворны для колонии, и от имени своего и своих товарищей поблагодарил великодушного человека, которому они были столь многим обязаны.

Но капитан Немо не думал о расплате за оказанные им услуги. Одна только мысль волновала его; прежде чем пожать руку, которую протягивал ему инженер, он сказал:

— Теперь, когда вы знаете мою жизнь, будьте мне судьей.

Говоря так, капитан, видимо, намекал на одно важное событие, свидетелями которого были три пришельца, оказавшиеся на борту его корабля. Французский профессор не мог не рассказать об

этом событии в своей книге, и его рассказ вызвал страшный шум.

За несколько дней до бегства профессора и его спутников «Наутилус», преследуемый каким-то фрегатом в северной части Атлантического океана, бросился на этот фрегат и, ударив его словно таран, без милосердия потопил судно.

Сайрес Смит понял намек и промолчал.

— Это был английский фрегат, сударь! — вскричал капитан Немо, в котором на минуту ожил принц Даккар. — Слышите, английский фрегат! Он напал на меня. Я был зажат в узкой мелкой бухте. Мне нужно было пройти, и я прошел.

Успокоившись немного, он продолжал:

— Право и справедливость были на моей стороне. Всюду, где я мог, я творил добро, но не отступал перед злом, когда был к этому вынужден. Правосудие не всегда заключается в прощении.

На несколько минут воцарилось молчание, а затем капитан Немо произнес снова:

— Что вы думаете обо мне, господа? Сайрес Смит протянул руку капитану Немо и серьезным тоном ответил:

— Капитан, вы были неправы, думая, что можно вернуть прошлое, и боролись против необходимого прогресса. Но ваша ошибка не мешает

восхищаться вами, и ваше имя может не бояться суда истории. История любит отважных безумцев, хотя осуждает результаты их деятельности.

Капитан Немо глубоко вздохнул и прошептал:

— Был ли я прав или ошибался?

Сайрес Смит продолжал:

— Вам нечего бояться суда истории, капитан Немо, правы вы или виноваты. Честные люди,

которые находятся здесь, вечно будут вас оплакивать!

Герберт приблизился к капитану Немо. Он встал на колени, взял руку старца и поцеловал ее.

Слезы покатились по щеке умирающего.

ГЛАВА XVII

Последние часы капитана Немо. — Пожелания умирающего. — Подарок на память друзьям. — Гроб капитана Немо. — Несколько советов колонистам. — Последняя минута. — На дне океана.

Настал день. Ни один луч солнца не проникал в глубокую пещеру. Был прилив, и море залило вход в нее. Искусственный свет, длинные снопы которого вырывались из стен «Наутилуса», не померк, и вода по-прежнему сверкала вокруг подводного корабля.

Изнемогая от усталости, капитан Немо упал на подушки. Не приходилось и думать о том, чтобы перенести его в Гранитный Дворец, так как он выразил желание остаться среди сокровищ «Наутилуса», которых нельзя было бы купить за миллионы, и там ожидать неизбежной смерти.

Довольно долгое время он лежал совершенно неподвижно, почти без сознания. Сайрес Смит и Гедеон Спилет внимательно наблюдали за больным. Было видно, что жизнь капитана постепенно угасает. Силы скоро должны были по-

кинуть его тело, когда-то такое могучее, а теперь представляющее лишь хрупкую оболочку души, готовой умереть. Вся жизнь его сосредотачивалась в голове и в сердце.

Инженер и журналист разговаривали вполголоса. Нуждался ли умирающий в уходе? Можно ли было если не спасти его жизнь, то хотя бы продлить ее на несколько дней? Сам он сказал, что против его недуга нет никакого лекарства, и спокойно ожидал смерти, не боясь ее.

— Мы бессильны, — сказал Гедеон Спилет.

— Но отчего же он умирает? — спросил Пенкроф.

— Он угасает, — ответил журналист.

— А что, если его перенести на вольный воздух, на солнце? Может быть, он тогда оживет? — предложил моряк.

— Нет, Пенкроф, не стоит и пробовать, — ответил инженер. — К тому же капитан Немо не согласится покинуть свой корабль. Тридцать лет он прожил на «Наутилусе» и на «Наутилусе» хочет умереть.

Капитан Немо, по-видимому, расслышал слова Сайреса Смита. Он слегка приподнялся и сказал голосом еще более слабым, но все же ясным:

— Вы правы, сударь. Я должен и хочу умереть

здесь. У меня есть к вам одна просьба.

Сайрес Смит и его товарищи подошли ближе к дивану и поправили подушки, чтобы умирающему было удобнее лежать.

Капитан Немо обвел взглядом все сокровища этого зала, озаренного электрическим светом, который рассеивался, проходя сквозь узоры потолка; он смотрел на картины на стенах, покрытых роскошными обоями; на шедевры французских, фламандских, итальянских, испанских мастеров; на мраморные, и бронзовые скульптуры, стоявшие на пьедесталах; на великолепный орган, придвинутый к задней стене; на витрины, окружавшие бассейн в центре комнаты, в котором находились прекраснейшие дары моря: морские растения, зоофиты, бесценный жемчуг. Наконец его глаза остановились на девизе, украшавшем фронтон этого музея, — девизе «Наутилуса»: — «Mobilis in mobili»[50].

Казалось, он хочет в последний раз порадовать глаза видом этих шедевров искусства и природы, которыми любовался столько лет в глубине морей.

Сайрес Смит не нарушил молчания капитана

---

[50] Примечания: 50
Mobilis in mobili — движущееся в движущемся.

Немо. Он ждал, пока умирающий заговорит.

Прошло несколько минут. За это время перед старцем, вероятно, прошла вся его жизнь. Наконец капитан Немо повернул голову к колонистам и сказал:

— Вы считаете, господа, что обязаны мне признательностью?

— Капитан, мы бы охотно пожертвовали собою, чтобы спасти вашу жизнь.

— Хорошо, — продолжал капитан Немо, — хорошо. Обещайте мне, что исполните мою последнюю волю, и я буду вознагражден за то, что сделал для вас.

— Мы обещаем вам это, — ответил Сайрес Смит. Это обещание обязывало не только его, но и его товарищей.

— Господа, — продолжал капитан Немо, — завтра я умру.

Движением руки он остановил Герберта, который начал было возражать.

— Завтра я умру, и мне хочется, чтобы «Наутилус» был мне могилой. Это будет мой гроб. Все мои друзья покоятся на дне моря, и я тоже хочу лежать там.

Глубокое молчание было ответом на эти слова капитана Немо.

— Выслушайте меня внимательно, господа, — продолжал он. — «Наутилус» в плену в этой пещере, выход из которой заперт. Но если он не может покинуть тюрьму, то он может погрузиться в пучину и хранить в себе мои останки.

Колонисты благоговейно слушали слова умирающего.

— Завтра, когда я умру, — продолжал капитан, — вы, мистер Смит, и ваши товарищи покинете «Наутилус». Все богатства, которые здесь хранятся, должны исчезнуть вместе со мной. Один лишь подарок оставит вам на память о себе принц Даккар, историю которого вы теперь знаете. В этом ларце лежит на несколько миллионов бриллиантов — большинство их сохранилось от того времени, когда я был мужем и отцом и почти верил в возможность счастья, — и коллекция жемчуга, которую я собрал вместе с моими друзьями на дне морей. Это сокровище поможет вам в нужную минуту сделать доброе дело. В руках таких людей, как вы и ваши товарищи, мистер Смит, деньги не могут быть орудием зла.

Слабость заставила капитана Немо немного передохнуть. Через несколько минут он продолжал:

— Завтра вы возьмете этот ларец, выйдете из зала и закроете дверь. Затем вы поднимитесь на верхнюю площадку «Наутилуса», закроете люк и завинтите крышку.

— Мы так и сделаем, капитан, — ответил Сайрес Смит.

— Хорошо. Потом вы сядете в лодку, которая вас доставила сюда. Но прежде чем покинуть «Наутилус», откройте два больших крана, которые находятся на ватерлинии. Вода проникнет в резервуары, и «Наутилус» понемногу начнет опускаться и ляжет на дно.

Сайрес Смит сделал движение рукой, но капитан Немо успокоил его:

— Не бойтесь, вы похороните мертвеца. Ни Сайрес Смит, ни его товарищи не считали возможным возражать капитану Немо. Это были его последние распоряжения, и оставалось только исполнить их.

— Обещаете ли вы мне это, господа? — спросил капитан Немо.

— Обещаем, капитан, — ответил инженер. Капитан Немо знаком поблагодарил колонистов и попросил их на несколько часов оставить его одного. Гедеон Спилет предложил побыть возле больного, на случай, если наступит кризис, но капитан Немо отказался.

— До завтра я, во всяком случае, проживу, сударь, — сказал он.

Все вышли из зала, прошли через библиотеку и столовую и оказались на носу, в машинном отделении, где стояли электрические машины.

Согревая и освещая «Наутилус», они в то же время были источником его двигательной силы.

«Наутилус» был чудом техники, в котором заключалось много других чудес. Они восхищали инженера.

Колонисты вышли на площадку, которая возвышалась над водой на семь-восемь футов, и остановились возле большого стекла в форме чечевицы, из-за которого сверкал пучок света. За стеклом видна была каютка со штурвалом, в которой сидел рулевой, когда ему приходилось вести «Наутилус» сквозь пласты воды, освещаемые электричеством на значительное расстояние.

Сайрес Смит и его друзья сначала ничего не говорили: все, что они только что видели и слышали, произвело на них сильное впечатление, и сердца их сжимались в груди при мысли, что покровитель, столько раз их спасавший, с которым они познакомились всего несколько часов назад, должен умереть так скоро.

— Вот это человек! — сказал Пенкроф. — Подумать только, что он так жил, на дне океана! А ведь, может быть, там было так же беспокойно, как и на земле.

— Быть может, «Наутилус» помог бы нам покинуть остров Линкольна и добраться до обитаемой

земли, — сказал Айртон.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Что до меня, то я никогда бы не отважился вести такой корабль! На поверхности воды я согласен, но под водой — нет!

— Я думаю, Пенкроф, что управлять таким подводным кораблем, как «Наутилус», совсем не трудно и что мы бы скоро привыкли к этому, — сказал журналист. — Под водой не страшны ни бури, ни нападения пиратов. В нескольких футах от поверхности океан так же спокоен, как озеро.

— Возможно, — возразил моряк, — но я предпочитаю славную бурю на хорошо оснащенном судне. Корабли делаются для того, чтобы плавать на воде, а не под водой.

— Не стоит спорить о подводных кораблях, по крайней мере, поскольку это касается «Наутилуса», — вмешался инженер. — «Наутилус» не принадлежит нам, и мы не имеем права им распоряжаться. Впрочем, он не мог бы нам служить ни при каких обстоятельствах: возвышение базальтовых скал мешает ему выйти из этой пещеры. Кроме того, капитан Немо желает, чтобы после его смерти корабль погрузился вместе с ним на дно. Воля его выражена совершенно определенно, и мы ее исполним.

Побеседовав еще некоторое время, Сайрес Смит и его товарищи спустились внутрь «Наутилуса». Слегка подкрепившись пищей, они вернулись в зал. Капитан Немо вышел из оцепенения; глаза его блестели по-прежнему. На губах старца играла слабая улыбка.

Колонисты подошли к нему.

— Господа, — сказал им капитан, — вы храбрые, благородные, добрые люди. Вы все посвятили

себя общему делу. Я часто наблюдал за вами, я вас любил и люблю. Вашу руку, мистер Смит.

Сайрес Смит протянул капитану руку, и тот дружески пожал ее.

— Хорошо… — прошептал он. — Довольно говорить обо мне, — продолжал капитан Немо, — поговорим о вас самих и об острове Линкольна, на котором вы нашли убежище. Рассчитываете ли вы покинуть его?

— Только с тем, чтобы вернуться, капитан, — с живостью ответил Пенкроф.

— Вернуться?.. Да, Пенкроф, я знаю, как вы любите этот остров, — с улыбкой ответил капитан. — Благодаря вам он изменился и по праву принадлежит вам.

— Не захотите ли вы что-нибудь поручить нам? — с живостью спросил инженер. — Передать что-нибудь на память друзьям, оставшимся в горах Индии.

— Нет, мистер Смит. У меня нет больше друзей. Я последний представитель моего рода, и я давно умер для тех, кто меня знал… Но вернемся к вам. Уединение, одиночество — вещь тяжелая, превышающая человеческие силы. Я умираю потому, что думал, что можно жить в одиночестве. Поэтому вы должны сделать все возможное, чтобы

покинуть остров Линкольна и вновь увидеть те места, где вы родились. Я знаю, что эти негодяи разрушили судно, которое вы построили.

— Мы строим новый корабль, — сказал Гедеон Спилет, — корабль, который достаточно велик, чтобы перенести нас к ближайшей обитаемой земле. Но, если даже нам удастся когда-нибудь покинуть остров Линкольна, мы вернемся сюда. Слишком много воспоминаний привязывает нас к этому острову, чтобы мы могли его забыть.

— Ведь здесь мы узнали капитана Немо, — сказал Сайрес Смит.

— Только здесь мы найдем память о вас, — прибавил Герберт.

— И здесь я буду покоиться вечным сном, если… — произнес капитан Немо.

Он умолк и, не закончив фразы, обратился к инженеру:

— Мистер Смит, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Уважая желание больного, спутники инженера удалились.

Сайрес Смит провел наедине с капитаном всего несколько минут. Вскоре он снова призвал своих друзей, но не поделился с ними тем, что пожелал передать ему умирающий.

Гедеон Спилет осмотрел больного. Было несомненно, что капитана поддерживали только духовные силы, и что скоро он не сможет бороться с телесной слабостью.

День прошел, и в состоянии больного не наступило никаких перемен. Колонисты ни на секунду не покидали «Наутилус».

Вскоре наступила ночь, но в подземной пещере нельзя было заметить, что стемнело.

Капитан Немо не страдал, но силы его иссякли.

Благородное лицо старца, покрытое предсмертной бледностью, было спокойно. С губ его порой слетали едва слышные слова; он говорил о разных событиях своей необычайной жизни. Чувствовалось, что жизнь постепенно оставляет его тело; ноги и руки капитана Немо начинали холодеть.

Раза два он заговорил с колонистами, которые стояли возле него, и улыбнулся им той последней улыбкой, которая не сходит с лица до самой смерти.

Наконец, вскоре после полуночи, капитан Немо сделал судорожное движение; ему удалось скрестить руки на груди, словно он хотел умереть в этой позе.

К часу ночи вся его жизнь сосредоточилась в

глазах. Зрачки в последний раз вспыхнули огнем, который когда-то сверкал так ярко. Потом он тихо испустил дух.

Сайрес Смит наклонился и закрыл глаза того, кто когда-то был принцем Даккаром, а теперь не был уже и капитаном Немо.

Герберт и Пенкроф плакали. Айртон украдкой вытирал набежавшую слезу. Наб стоял на коленях рядом с журналистом, который был неподвижен, словно изваяние.

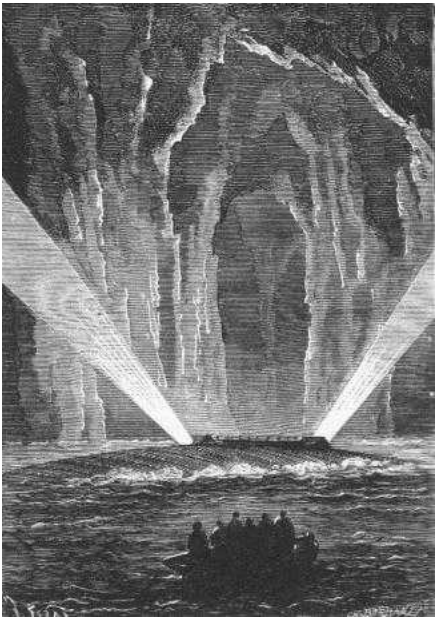
Несколько часов спустя колонисты, исполняя обещание, данное капитану, осуществили его последнюю волю.

Сайрес Смит и его товарищи покинули «Наутилус», унося с собой подарок, который оставил им на память их благодетель: ларец, заключавший в себе несметные богатства.

Великолепный зал, по-прежнему залитый светом, был тщательно заперт. После этого колонисты завинтили толевую крышку люка так, что внутрь «Наутилуса» не могло проникнуть ни одной капли воды.

Затем они сошли в лодку, которая была привязана к подводному кораблю. Лодку отвели к корме. Там на уровне ватерлинии виднелись два больших крана, сообщавшихся с резервуарами,

которые обеспечивали погружение «Наутилуса» в воду. Колонисты открыли краны, резервуары наполнились, и «Наутилус», постепенно погружаясь, скрылся под водой.



Некоторое время колонисты могли еще следить за ним глазами. Яркий свет озарял прозрачные воды, но в пещере становилось все темнее. Наконец мощный блеск электричества угас, и вскоре

«Наутилус», ставший гробом капитана Немо, уже покоился в глубине океана.

ГЛАВА XVIII

Размышления колонистов. — Возобновление строительных работ. — 1 января 1869 года. — Дым над вершиной вулкана. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит в коралле. — Исследование Пещеры Даккара. — Что же сказал капитан Немо инженеру?

На заре колонисты в глубоком молчании подошли к входу в пещеру, которую они назвали в память капитана Немо Пещерой Даккара. В это время был отлив, и им без труда удалось пройти под сводом, о базальтовые стены которого разбивались морские волны.

Толевую лодку оставили тут же, в месте, защищенном от волн. Для вящей предосторожности Пенкроф, Наб и Айртон вытащили ее на маленькую отмель, примыкавшую с одной стороны к пещере, и таким образом лодке ничего не угрожало.

С наступлением утра гроза утихла. Последние раскаты грома замирали на западе. Дождь прекратился, но небо было еще покрыто облаками. В общем, октябрь, начало весны Южного полу-

шария, обещал быть не очень хорошим, и ветер имел тенденцию перебрасываться с одного румба на другой, что не позволяло рассчитывать на устойчивую погоду.

Сайрес Смит и его товарищи, покинув Пещеру Даккара, снова вышли на дорогу в кораль. По пути Наб и Герберт не забыли отвязать провод, которым капитан соединил пещеру с коралем. Он мог пригодиться впоследствии.

Возвращаясь, колонисты говорили мало. События этой ночи произвели на них глубочайшее впечатление. Незнакомец, который так часто их защищал, человек, которого они мысленно считали своим добрым гением, умер. Капитан Немо и его «Наутилус» были погребены на дне моря. Колонисты чувствовали себя еще более одинокими, чем прежде. Они, если можно так выразиться, привыкли надеяться на властное вмешательство силы, которой теперь уже не было, и даже Гедеон Спилет и Сайрес Смит не были свободны от этого чувства. Поэтому все они, направляясь в кораль, хранили глубокое молчание.

Около девяти часов утра колонисты возвратились в Гранитный Дворец.

Постройку корабля было решено продолжать самым спешным образом; Сайрес Смит посвящал

все свое время и мысли этому делу. Никто не мог знать, что принесет будущее. Для колонистов был бы спасением крепкий корабль, могущий выдержать даже сильную бурю и в случае нужды совершить дальний переход. Если бы, закончив корабль, они не решились покинуть остров Линкольна и отправиться на один из Полинейзийских островов или к берегам Новой Зеландии, то могли, по крайней мере, совершить поездку на остров Табор, чтобы оставить там записку, касающуюся Айртона. Это совершенно необходимо было сделать на тот случай, если шотландская яхта вновь появится в этих водах, и для достижения этой цели нельзя было ничем пренебрегать.

Постройка корабля была немедленно возобновлена.

Сайрес Смит, Пенкроф и Айртон с помощью Наба, Гедеона Спилета и Герберта занялись этой работой, прерывая ее лишь тогда, когда их призывало другое срочное дело. Новый корабль нужно было закончить через пять месяцев, то есть к началу марта, чтобы иметь возможность съездить на остров Табор раньше, чем начнутся грозные бури. Поэтому плотники не теряли ни одной минуты. Впрочем, им не надо было заботиться об оснастке, так как оснастка «Быстрого» была

полностью спасена. Прежде всего предстояло закончить остов корабля.

Последние месяцы 1868 года были посвящены этим важным работам, которые почти заслонили все остальные дела. Через месяца два с половиной были поставлены шпангоуты и пришиты первые доски. Теперь можно было уже видеть, что чертежи Сайреса Смита оказались превосходными, и что корабль будет отлично держаться на море.

Пенкроф отдавался работе с поглощающим жаром и, не стесняясь, ворчал, когда кто-нибудь из его товарищей менял плотничий топор на ружье охотника. Однако было необходимо пополнять припасы для Гранитного Дворца, имея в виду будущую зиму. Но все равно, моряк был недоволен, когда в верфи недоставало рабочих. В этих случаях он, продолжая ворчать, словно со злобы работал за шестерых.

Все лето в этом году было ненастное. Несколько дней стояла сильная жара, и облака, насыщенные электричеством, разражались страшными грозами. Отдаленные раскаты грома почти не затихали. В воздухе стоял глухой непрерывный гул, как это часто бывает в экваториальных зонах земного шара.

1 января 1869 года ознаменовалось особенно

сильной грозой, и молния не раз как бы разрезала остров. Электрический ток ударял в деревья и расколол многие из них, между прочим огромные каркасы, которые росли на птичнике, с южной стороны озера. Стояло ли это атмосферическое явление в связи с теми процессами, которые происходили в глубине земли? Было ли нечто общее между состоянием воздуха и земных недр? Сайрес Смит думал, что было, так как усиление гроз совпало с усилением вулканической деятельности. Третьего января Герберт, который с рассветом поднялся на плато Дальнего Вида, чтобы оседлать одну из онагг, заметил, что из кратера поднимается огромная струя дыма. Юноша сейчас же сообщил об этом колонистам, которые немедленно присоединились к нему и устремили глаза на вершину горы Франклина.

— Теперь это не пары! — закричал Пенкроф. — Кажется, наш великан не только дышит, но и курит.

Образ, употребленный моряком, правильно отражал изменение деятельности вулкана. Уже три месяца из кратера вылетали более или менее густые пары, но это был лишь результат кипения минеральных веществ. Теперь же вместо паров показался плотный дым, который тянулся в виде

сероватого столба у подножия горы шириной более чем в триста футов и расходился на высоте от семи до восьми тысяч футов над вершиной вулкана, напоминая огромный гриб.

— В кратере вспыхнул огонь, — сказал Гедеон Спилет.

— И мы не сможем его погасить! — воскликнул Герберт.

— В вулкан следовало бы послать трубочистов, — заметил Наб с самым серьезным видом.

— Прекрасно, Наб! — ответил Пенкроф. — Не возьмешься ли ты за это дело?

И моряк громко расхохотался.

Сайрес Смит, отойдя в сторону, внимательно наблюдал густой: дым, возвышавшийся над горой Франклина, и иногда прислушивался, словно пытаясь уловить какой-то отдаленный гул. Затем он вернулся к своим товарищам и сказал:

— Друзья мои, произошла серьезная перемена. Не следует этого скрывать от себя. Вулканические вещества теперь уже не только кипят. Они вспыхнули, и нам, несомненно, угрожает в недалеком будущем извержение.

— Ну что же, мистер Смит, мы поглядим на это извержение и поаплодируем, если оно хорошо удастся, — сказал Пенкроф. — Мне кажется, это

не должно нас особенно беспокоить.

— Нет, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — старая дорога всегда открыта для лавы, и до сих пор она неизменно текла на север. И все-таки…

— И все-таки, раз от извержения нет никакой пользы, то было бы лучше, если бы оно не случилось, — сказал журналист.

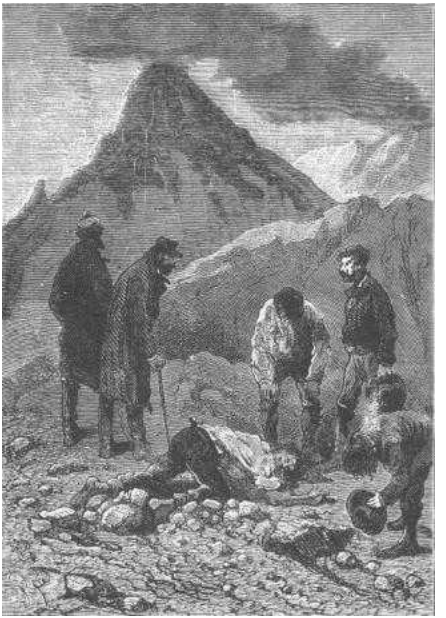
— Кто знает, — ответил моряк, — может быть, в этом вулкане есть какие-нибудь полезные и драгоценные вещества, которые он любезно извергнет, а мы сумеем их хорошо использовать.

Сайрес Смит покачал головой, не ожидая ничего хорошего от этого внезапно открывшегося явления. Он смотрел не так легко, как Пенкроф, на последствия извержения. Если благодаря расположению кратера потоки лавы и не угрожали непосредственно частям острова, покрытым лесами и полями, то могли быть другие осложнения. В самом деле, извержения нередко сопровождаются землетрясениями, и такой остров, как остров Линкольна, образовавшийся из самых разнообразных элементов: базальта, гранита, лав на севере и рыхлых почв на юге — элементов, которые не были достаточно плотно связаны между собой, всегда мог пострадать от извержения. Поэтому, если извержение вулканических веществ

и не представляло такой серьезной опасности, то всякое движение земной коры, которое поколебало бы остров, могло иметь очень важные последствия.

— Мне кажется, — сказал Айртон, который лег на землю и приник к ней ухом, — что я слышу глухой гул, словно едет телега, груженная железом.

Колонисты внимательно прислушались и убедились, что Айртон не ошибался. К подземным раскатам иногда примешивался рев, который то усиливался, то стихал, словно в недрах земного шара проносились порывы ветра. Но взрывов, в собственном смысле, еще не было слышно. Следовательно, пары и дым находили себе свободный выход через центральный кратер. Клапан, по-видимому, был достаточно широк, и можно было не опасаться взрыва.



— Черт возьми, — сказал Пенкроф, — не вернуться ли нам к работе? Пусть гора Франклина дымит, орет, стонет, извергает огонь и пламя, сколько ей угодно — это не резон, чтобы не работать! Айртон, Наб, Герберт, мистер Сайрес, мистер Спилет — все должны сегодня приложить руки к делу! Мы будем ставить переборки, и дюжины лишних рук было бы немного. Я хочу, чтобы не позже чем через два месяца наш новый

«Бонавентур» — не правда ли, мы сохраним за кораблем это название? — уже качался на волнах гавани Воздушного Шара. Итак, не будем терять ни одного часа.

Все колонисты, от которых Пенкроф требовал работы, отправились на верфь и приступили к укреплению переборок, то есть толстых досок, которые составляют пояс корабля и связывают между собой отдельные части остова. Это была долгая и тяжелая работа, в которой пришлось участвовать всем.

3 января колонисты прилежно трудились весь день. Они не думали о вулкане, который к тому же не был виден с побережья Гранитного Дворца, но густая тень затмевала несколько раз солнце, совершавшее свой дневной путь по совершенно ясному небу, и плотное облако дыма загораживало его от острова. Ветер, дувший с моря, уносил все эти испарения на запад. Сайрес Смит и Гедеон Спилет видели зги тени и часто говорили друг другу, что извержение, видимо, развивается, но не прерывали работы. Со всех точек зрения было чрезвычайно важно закончить постройку корабля в самый короткий срок. В связи с возможными осложнениями безопасность колонистов при наличии корабля была бы значительно более

обеспечена. Кто знает, не окажется ли когда-нибудь этот корабль единственным их убежищем!

Вечером, после ужина, Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Герберт снова поднялись на плато Дальнего Вида. Уже наступила ночь, и в темноте было легче определить, примешиваются ли к парам и дыму, которые скопились над кратером, пламя или пылающие вещества, изверженные вулканом.

— Кратер в огне! — воскликнул Герберт; более проворный, чем его спутники, он первый забрался на плато.

Гора Франклина, находившаяся примерно на расстоянии шести миль, казалась гигантским факелом с извивающимся пламенем; к пламени, однако, было подмешано столько дыма и золы, что его свет не очень резко вырисовывался во мраке ночи. Но все же бледный свет озарял остров, смутно выделяя лесные массивы. Громадные клубы дыма поднимались к небу. Сквозь дым поблескивали редкие звезды.

— Извержение развивается быстро, — сказал инженер.

— Это неудивительно, — ответил журналист. — Вулкан пробудился очень давно. Не забудьте, Сайрес, что дым впервые появился в то время,

когда мы обыскивали отроги горы, чтобы обнаружить убежище капитана Немо. Это было, если не ошибаюсь, около пятнадцатого октября?

— Да, — ответил Герберт, — с тех пор прошло уже два с половиной месяца.

— Значит, огонь вынашивался под землей десять недель, — продолжал Гедеон Спилет. — Неудивительно, что он бушует теперь с такой яростью.

— Не чувствуете ли вы подземных колебаний? — спросил Сайрес Смит.

— Да, чувствую, — ответил Гедеон Спилет. — Но от этого до землетрясения…

— Я не говорю, что нам угрожает землетрясение, — сказал Сайрес Смит. — Сохрани нас Боже, от этого! Нет, эти содрогания вызваны подземным огнем. Земная кора представляет собой не что иное, как стенки котла, а вы знаете, что стенки котла под давлением газа вибрируют, словно звучащая пластинка. Именно это и происходит в настоящее время.

— Какие красивые снопы огня! — воскликнул Герберт.

В это время из кратера вылетело нечто вроде фейерверка, и даже густой дым не мог ослабить его блеска. Тысячи светящихся осколков и яр-

ких точек устремились в разных направлениях. Некоторые из них залетали выше дыма, быстро пронзая его и оставляя за собой сверкающую пыль. Вслед за этими брызгами света раздавались выстрелы, похожие на залпы картечи.

Проведя час на плато Дальнего Вида, Сайрес Смит, журналист и юноша спустились на берег и вернулись в Гранитный Дворец. Инженер был задумчив и казался настолько озабоченным, что Гедеон Спилет счел нужным спросить его, не предвидит ли он в близком будущем какой-нибудь опасности, прямо или косвенно связанной с извержением.

— И да и нет, — ответил Сайрес Смит.

— Однако же, — продолжал журналист, — наибольшая беда, нам угрожающая, — это землетрясение, которое разрушило бы остров. Я не думаю, чтобы этого следовало опасаться, так как пары и лава нашли себе свободный выход.

— Поэтому я и не опасаюсь землетрясения в обычном смысле этого слова, то есть смещения земной коры, вызванного расширением подземных газов, — ответил Сайрес Смит. — Но и другие причины могут повлечь за собой большое бедствие.

— Какие же, милый Сайрес?

— Я и сам хорошо не знаю. Надо посмотреть… обследовать гору… Через несколько дней я буду знать, наверное.

Гедеон Спилет не стал настаивать, и вскоре, несмотря на взрывы, которые становились все сильнее и гулко разносились по острову, обитатели Гранитного Дворца спали крепким сном.

Прошло три дня — 4,5 и 6 января. Колонисты продолжали трудиться над постройкой корабля. Инженер, не пускаясь в дальнейшие объяснения, всячески старался ускорить работу.

Гора Франклина была окутана темным, мрачным облаком и вместе с пламенем извергала пылающие камни, которые иногда падали обратно в кратер. Пенкроф, который старался видеть в этом явлении только смешную сторону, говорил:

— Смотрите-ка, великан играет в бильбоке! Великан жонглирует!

В самом деле, изверженные вещества снова падали в бездну, и казалось, что лава, вздувшаяся от внутреннего давления, не доходила еще до отверстия кратера. По крайней мере, из северо-восточного жерла, которое было отчасти видно, ничто не изливалось на южный склон горы.

Однако как ни спешили колонисты с постройкой, им все же приходилось отрываться и посе-

щать различные пункты острова ради других дел. Прежде всего надо было съездить в кораль, где были заперты стада муфлонов и коз, и возобновить запас корма для этих животных. Айртон решил отправиться туда на следующий день, 7 января. Обыкновенно он один справлялся с этой работой, к которой успел привыкнуть. Поэтому Пенкроф и другие колонисты не без удивления услышали, что инженер сказал Айртону:

— Раз вы завтра едете в кораль, я поеду с вами.

— Что вы, мистер Сайрес! — вскричал моряк. — У нас остались считанные дни на работу и, если вы тоже уедете, не хватит сразу четырех рук.

— Послезавтра мы вернемся, — ответил Сайрес Смит. — Мне необходимо съездить в кораль. Я должен посмотреть, насколько развилось извержение.

— Извержение, извержение! — с неудовольствием проворчал Пенкроф. — Экая важность это извержение! Вот уж оно нисколько меня не беспокоит!

Несмотря на возражения моряка, исследование, намеченное инженером, было все же назначено на завтра. Герберту очень хотелось сопровождать Сайреса Смита, но он боялся огорчить Пенкрофа своим отъездом.

На следующий день, с самой зари, Сайрес Смит и Айртон сели в повозку, запряженную двумя онаггами, и крупной рысью поехали по дороге в кораль.

Над лесом неслись густые облака, в которые кратер горы Франклина непрестанно подбавлял дыму. Облака эти, тяжело плывшие в небе, состояли из самых разнообразных элементов. Не только дым из вулкана делал их такими густыми и тяжелыми. Распыленные минеральные вещества, пуццолана и сероватый мелкий, словно отборная мука, пепел висели в воздухе. Этот пепел так легок, что иногда он держится в воздухе несколько месяцев подряд. После извержения в Испании в 1783 году атмосфера была насыщена вулканической пылью более года, и даже лучи солнца едва проникали через нее.

Но чаще всего эти распыленные вещества падают на землю. Так случилось и теперь. Не успели Сайрес Смит и Айртон приехать в кораль, как посыпалась черноватая пыль, похожая на охотничий порох, резко изменившая окружающий вид: деревья, луга — все исчезло под темным слоем толщиной в несколько дюймов. Но, к счастью, ветер дул с северо-востока, и облако вскоре почти рассеялось.

— Вот странное явление, мистер Смит! — сказал Айртон.

— Это очень важное обстоятельство, — ответил инженер. — Мелкая пуццолана, пемза, вся эта минеральная пыль указывают, насколько глубоко возмущение в нижних пластах вулкана.

— Но неужели мы не можем ничего сделать?

— Нет, мы можем только следить за развитием извержения. Займитесь коралем, Айртон, а я пока поднимусь к истокам Красного ручья и посмотрю, в каком положении южные склоны горы. А потом…

— А потом, мистер Смит?

— Потом мы пойдем в Пещеру Даккара. Я хочу посмотреть… словом, я вернусь за вами через два часа.

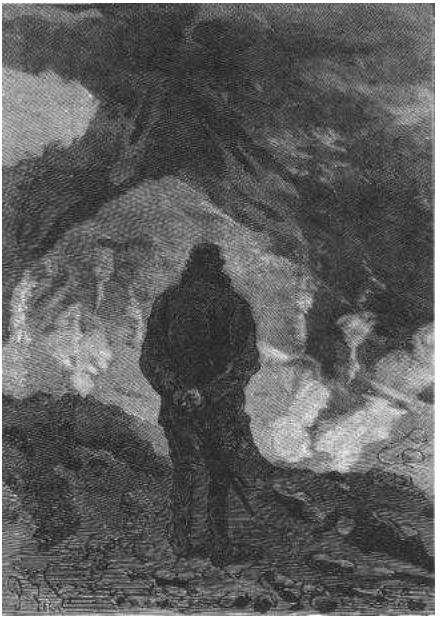
Айртон вошел во двор кораля и в ожидании возвращения инженера занялся муфлонами и козами, которые были как будто встревожены первыми признаками извержения.

Между тем Сайрес Смит забрался на вершину восточных отрогов, обогнул Красный ручей и вышел к тому месту, где колонисты обнаружили во время своей первой экспедиции серный источник. Как все вокруг изменилось! Вместо одного столба дыма инженер насчитал тринадцать. Они

били из земли, словно вытолкнутые каким-то поршнем. Очевидно, земная кора подвергалась в этом месте сильнейшему давлению. Воздух был наполнен сернистым газом, водородом и углекислотой, смешанной с водянистыми парами. Сайрес Смит чувствовал, как содрогаются вулканические туфы, устилавшие землю. Это был, в сущности, порошкообразный пепел, который от времени превратился в твердый камень. Но инженер не увидел никаких следов свежей лавы.

То же самое Сайрес Смит констатировал, осмотрев южный склон горы Франклина. Из кратера вырывались клубы дыма и языки пламени; мелкие камни градом падали на землю, но из жерла кратера не лилась лава, а это доказывало, что вулканические вещества не поднялись еще до верхнего отверстия.

«Я бы предпочел, чтобы это уже случилось, — сказал про себя Сайрес Смит. — По крайней мере, я был бы уверен, что лава потекла обычным путем. Кто знает, не выльется ли она через какой-нибудь новый выход? Но не в этом опасность, капитан Немо это предчувствовал. Нет, опасность не в этом!»



Сайрес Смит дошел до широкой дороги, тянувшейся вдоль узкого залива Акулы. Здесь он мог достаточно ясно видеть следы прежних потоков лавы. Для него казалось несомненным, что предыдущее извержение вулкана произошло когда-то очень давно.

После этого он двинулся обратно, прислушиваясь к подземному гулу, который походил на непрерывный гром. Изредка раздавались от-

дельные громкие выстрелы. В девять часов утра инженер вернулся в кораль.

Айртон ожидал его.

— Животные обеспечены кормом, мистер Смит, — сказал он.

— Хорошо, Айртон.

— Они, кажется, в тревоге, мистер Смит.

— Да, инстинкт у них заговорил, а инстинкт не обманывает. Возьмите фонарь и огниво, Айртон, и пойдем, — сказал инженер.

Айртон исполнил приказание. Онагги были выпряжены и бродили по коралю. Исследователи заперли калитку снаружи, и Сайрес Смит пошел впереди Айртона на запад по узкой тропинке, ведшей к берегу.

Земля была покрыта, словно ватой, порошкообразным веществом, упавшим с неба. Среди деревьев не было видно ни одного животного. Иногда набегающий ветер вздымал слои пепла, и колонисты, окруженные густым вихрем, не видели друг друга. Они закрывали платком глаза и рот, чтобы не задохнуться и не ослепнуть.

В таких условиях Сайрес Смит и Айртон, естественно, не могли двигаться быстро. К тому же воздух был тяжелый, словно кислород частью сгорел, и дышать было трудно. Через каждые,

сто шагов приходилось останавливаться и переводить дух. Было больше десяти часов, когда инженер и его спутник достигли вершины гигантского нагромождения базальтовых и порфиритовых скал, образующих северо-западный берег острова.

Айртон и Сайрес Смит начали спускаться с этого крутого берега, двигаясь приблизительно по той же скверной дороге, по которой они шли в ту грозовую ночь, направляясь в Пещеру Даккара. Днем спуск казался менее опасным; к тому же слой пепла, покрывавший гладкие скалы, не давал ноге скользить по покатой поверхности.

Вскоре колонисты достигли вала, служившего продолжением берега, на высоте примерно сорока футов. Сайрес Смит помнил, что этот вал отлого спускался до самого моря.

Несмотря на то, что был отлив, берега не было видно, и волны, покрытые вулканической пылью, бились о базальтовые скалы.

Сайрес Смит и Айртон без труда нашли вход в Пещеру Даккара и остановились под последней скалой, которая представляла собой нижнюю площадку вала.

— Толевая лодка должна быть здесь, — сказал инженер.

— Да, она здесь, мистер Смит, — подтвердил Айртон, притянув к селе легкую шлюпку, укрытую под сводами пещеры.

— Сядем в нее, Айртон!

Колонисты сели в лодку. Она проскользнула по волнам под низкие своды пещеры. Айртон высек огонь и зажег фонарь. Затем он взялся за весла и поставил фонарь на форштевень. Сайрес Смит сел у руля, и лодка поплыла во мраке.

«Наутилус» уже больше не освещал мрачную пещеру своими огнями. Может быть, электрические лучи, все еще исходившие из мощного очага энергии, продолжали сиять в глубине моря, но никакой свет не проникал из бездны, где покоился капитан Немо.

Блеск фонаря, хотя и слабый, позволял двигаться вперед вдоль правой стены пещеры. Гробовое молчание царило под ее сводами, по крайней мере, в передней части. Однако Сайрес Смит вскоре услышал гул, доносившийся из внутренности горы.

— Это вулкан, — сказал он.

Спустя несколько мгновений Сайрес Смит почувствовал резкий неприятный запах, и сернистые пары стали душить инженера и его спутника.

— Этого-то и боялся капитан Немо, — прошептал Сайрес Смит, слегка побледнев. — Однако необходимо дойти до конца.

— Вперед! — ответил Айртон; он налег на весла и погнал лодку к концу пещеры.

Через двадцать пять минут хода шлюпка приблизилась к задней стене пещеры и остановилась.

Сайрес Смит встал на скамью и осветил фонарем различные части стены, отделявшие пещеру от центрального очага вулкана. Какова была толщина этой стены: сто футов или десять? Этого нельзя было сказать. Но стена могла быть не особенно толстой, так как подземный гул слышался очень отчетливо.

Осмотрев стену по горизонтали, инженер прикрепил фонарь к концу весла и вновь осветил им базальтовую скалу на большей высоте.

Там сквозь еле видимые щели между неплотно соединенными камнями проходил едкий дым, наполнявший своим запахом пещеру. Стена пестрела изломами; некоторые из них, более глубокие, спускались почти до самой воды.

Сайрес Смит некоторое время размышлял; потом он произнес:

— Да, капитан был прав. Опасность таится здесь, и опасность страшная.

Айртон ничего не говорил, но по знаку Сайреса Смита снова взял в руки весла, и полчаса спустя оба выходили из Пещеры Даккара.

ГЛАВА XIX

Сайрес Смит рассказывает о своей экспедиции. — Работа по постройке ускоряется. — Последний визит в кораль. — Бой между водой и огнем. — Что осталось на поверхности острова. — Колонисты решают спустить корабль на воду. — Ночь на 9 марта.

На следующий день, 8 января, проведя сутки в корале и устроив там все дела, Сайрес Смит и Айртон вернулись в Гранитный Дворец.

Инженер немедленно собрал своих товарищей и сообщил им, что острову Линкольна грозит величайшая опасность, которую не в состоянии предотвратить никакая человеческая сила.

— Друзья мои, — сказал он глубоко взволнованным голосом, — остров Линкольна не принадлежит к числу тех островов, которые будут существовать до тех пор, пока существует Земля. Он обречен на более или менее близкую гибель, причина которой заключается в нем самом, и ничто не может его спасти.

Колонисты переглянулись и устремили глаза на инженера. Они не понимали, что хочет ска-

зать Сайрес Смит.

— Объяснитесь, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет.

— Я сейчас объяснюсь, или, вернее, сообщу вам то, что передал мне капитан Немо во время нашей краткой беседы наедине, — ответил инженер.

— Капитан Немо! — хором вскричали колонисты.

— Да, он, и это была его последняя услуга перед смертью.

— Последняя услуга! — воскликнул Пенкроф. — Последняя услуга! Вот увидите: даже мертвый, он окажет нам еще много услуг.

— Что же вам сказал капитан Немо? — спросил журналист.

— Знайте же, друзья, — ответил инженер, — что остров Линкольна находится в иных условиях, чем прочие острова Тихого океана. Особенность строения нашего острова, о которой говорил мне капитан Немо, должна рано или поздно привести к разрушению его подводной части.

— Разрушится! Остров Линкольна разрушится! Что вы! — воскликнул Пенкроф.

Несмотря на все свое уважение к Сайресу Смиту, он не удержался и недоверчиво пожал плечами.

— Выслушайте меня, Пенкроф, — продолжал

инженер. — Вот что установил капитан Немо и что мне удалось установить самому вчера при исследовании Пещеры Даккара. Эта пещера тянется под островом до самого вулкана, и ее отделяет от центрального очага только задняя стена. Эта стена испещрена изломами и щелями, через которые уже сейчас проходит сернистый газ, образующийся внутри вулкана.

— Ну так что же? — спросил Пенкроф, наморщив лоб.

— Ну так вот, я убедился, что эти щели постепенно увеличиваются под влиянием внутреннего давления, что базальтовая стена понемногу раскалывается и что через более или менее короткое время она даст выход воде океана, которая наполняет пещеру.

— Здорово! — сказал Пенкроф, который еще раз попробовал пошутить. — Вода погасит вулкан, и все будет кончено.

— Да, все будет кончено, — ответил Сайрес Смит. — В тот день, когда море пробьет стену и проникнет через средний ход во внутренность вулкана, где кипят вулканические вещества, — в тот день, Пенкроф, остров Линкольна взорвется, как взорвалась бы Сицилия, если бы Средиземное море влилось в Этну.

Колонисты ничего не могли ответить на это решительное утверждение инженера. Они понимали, как велика грозящая им опасность.

Надо сказать, что Сайрес Смит отнюдь не преувеличивал. Многим уже приходило в голову, что, может быть, можно потушить вулканы, которые почти все возвышаются на берегах морей или озер, открыв воде доступ в эти вулканы. Но

те, кто так думают, не понимают, что при этом часть земного шара взорвалась бы, как паровой котел, в который выстрелили из ружья. Вода, устремившись в замкнутое пространство, где температура достигает нескольких тысяч градусов, превратилась бы в пар, и образовалось бы такое количество энергии, которого бы не выдержала самая твердая оболочка.

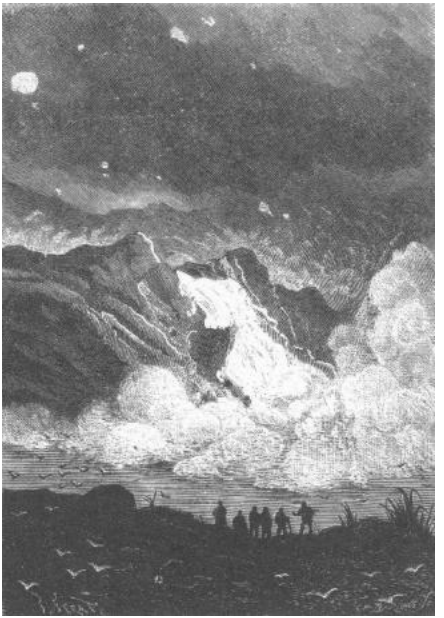
Итак, не приходилось сомневаться, что острову в близком будущем грозит разрушение и что он просуществует лишь до тех пор, пока выдержит стена Пещеры Даккара. Это был вопрос не месяцев или недель, или дней, а, быть может, часов!

Первым чувством колонистов была глубокая печаль. Они не думали об опасности, угрожающей им самим: их больше огорчало разрушение острова, на котором они нашли приют, острова, который они полюбили и хотели сделать цветущим, плодородным. Столько трудов пропадает напрасно, столько сил потрачено даром! Пенкроф не мог удержать слез и не пытался скрыть, что плачет.

Беседа продолжалась еще некоторое время. Колонисты обсуждали, каковы их шансы на спасение, и в конце концов пришли к выводу, что им нельзя терять ни одного часа.

Постройку и оснастку корабля нужно было закончить как можно скорее. Это была единственная возможность для обитателей острова Линкольна спастись. Все дружно принялись за работу. К чему было теперь жать хлеб, собирать урожай, охотиться и умножать запасы Гранитного Дворца? Того, что находилось на складе и на кухне, было более чем достаточно, чтобы снабдить корабль для путешествия, как бы продолжительно оно ни было. Важнее всего было колонистам иметь в своем распоряжении корабль раньше, чем наступит неизбежная катастрофа.

Работа продолжалась с лихорадочной поспешностью. Около 23 января корабль был наполовину обшит. К этому времени состояние вулкана не изменилось: из кратера по-прежнему вылетали пары и дым, смешанные с огнем и пылающими камнями. Но в ночь на 24-е лава, достигшая уровня верхней части вулкана, снесла его коническую верхушку. Раздался страшный грохот. Колонисты решили, что остров разваливается на части, и выбежали из Гранитного Дворца. Было около двух часов ночи.



Небо пылало огнем. Верхний конус — массив вышиной в тысячу футов и весом в несколько миллиардов фунтов — низвергся на остров. Земля задрожала от удара. К счастью, этот конус был направлен к северу и упал на равнину, покрытую песком и туфом, которая тянулась между вулканом и морем. Из расширившегося жерла кратера блистал настолько яркий свет, что весь воздух вокруг казался пылающим. Поток лавы вздулся и

изливался длинными каскадами, словно вода из переполненного сосуда. Тысячи огненных струй змеились по откосам вулкана.

— В кораль! В кораль! — закричал Айртон.

Действительно, лава устремлялась к коралю, следуя направлению нового кратера. Бедствие грозило плодородным частям острова, Красному ручью, лесу Якамара.

Услышав крик Айртона, колонисты бросились к конюшням. Онагги сейчас же были запряжены в повозку. У всех колонистов было на уме одно: бежать в кораль и освободить запертых там животных.

Еще не было трех часов утра, когда колонисты достигли кораля. Громкий рев свидетельствовал, что муфлоны и козы охвачены страхом. Поток пылающей лавы и расплавленных минералов стремился с отрогов на луга, достигая самой изгороди. Айртон отпер калитку, и охваченные ужасом животные разбежались во все стороны.

Час спустя кипящая лава наполнила кораль, превращая в пар воду ручейка, и подожгла дом, который вспыхнул, как сноп соломы. Изгородь сгорела до последнего столба; от кораля ничего не осталось.

Колонисты решили было бороться против

этого нашествия, но все их безумные попытки оказались бесплодны: перед грандиозными катастрофами человеческие усилия тщетны.

Наступило утро 24 января. Прежде чем возвратиться в Гранитный Дворец, Сайрес Смит и его друзья хотели установить, в какую сторону устремится этот поток лавы. Общий наклон поверхности вел от горы Франклина к восточному берегу, и можно было опасаться, что, несмотря на преграду, которую представлял собой густой лес Якамара, кипящая лава достигнет плато Дальнего Вида.

— Нас защитит озеро, — сказал Гедеон Спилет.

— Надеюсь, — кратко ответил Сайрес Смит.

Колонисты хотели дойти до равнины, на которую упала верхушка горы Франклина, но лава преграждала им путь. С одной стороны она текла по долине Красного ручья, с другой — по долине ручья Водопада, превращая на своем пути в пар оба эти потока. Не было никакой возможности пройти сквозь лаву; наоборот, приходилось отступать перед ней. Вулкан, лишенный своей вершины, нельзя было узнать. На месте прежнего кратера было нечто вроде ровной поверхности. Из двух жерл, образовавшихся на южной и восточной сторонах горы, непрерывно изливались

струи лавы, образуя два отдельных потока. Над новым кратером висели облака дыма и золы, сливавшиеся с небесными тучами. Слышались гулкие раскаты грома, которым вторил грохот подземных сил. Жерло вулкана выбрасывало пылающие камни; взлетая на тысячу футов, они разрывались в облаках и падали, словно осколки картечи. Небо отвечало вспышками молнии извержению вулкана.

Около семи часов утра положение колонистов, пытавшихся найти убежище на опушке леса Якамара, стало невыносимым. Им угрожали не только камни, падавшие вокруг дождем, но и потоки лавы, которые переполнили русло Красного ручья и грозили перерезать дорогу в кораль. Первые ряды деревьев запылали, и сок их, внезапно превратившись в пар, разорвал стволы, словно детские хлопушки. Другие деревья, более сухие, не пострадали.

Колонисты продолжали свой путь. Они шли медленно, очень часто оборачиваясь назад. Но лава, следуя наклону поверхности, быстро продвигалась к востоку.

Едва нижние слои ее успевали затвердеть, как их снова покрывали кипящие волны.

К тому же главный поток, стремившийся по

направлению Красного ручья, становился все более угрожающим. Лес в этой части весь пылал; огромные клубы дыма плавали над деревьями, подножие которых было залито лавой.

Колонисты остановились близ озера, в полумиле расстояния от устья Красного ручья. Вскоре должен был решиться вопрос, жить им или умереть.

Сайрес Смит привык разбираться в сложных положениях. Зная, что он имеет дело с людьми, готовыми услышать правду, какова бы она ни была, инженер сказал:

— Либо озеро остановит поток и часть острова будет спасена от полного разрушения, либо лава зальет лес Дальнего Запада, и ни одного дерева, ни одного растения не останется на поверхности земли. Тогда мы умрем на этих голых скалах; смерть не замедлит прийти, когда наш остров взорвется.

— В таком случае, — сказал Пенкроф, топнув ногой и скрестив на груди руки, — нам незачем больше строить корабль, не так ли?

— Мы должны исполнить свой долг до конца, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит.

Между тем поток лавы, прокладывая себе дорогу среди великолепных деревьев, которые он

пожирал на своем пути, докатился до озера. В этом месте почва была несколько приподнята. Будь преграда немного выше, она могла бы сдержать кипящий поток.

— За работу! — вскричал Сайрес Смит. Все тотчас же поняли мысль инженера. Поток лавы надо было, так сказать, запрудить и заставить его излиться в озеро.

Колонисты побежали на верфь и принесли оттуда лопаты, заступы, топоры. Из земли и поваленных деревьев через несколько часов образовалась плотина высотой в три фута, длиной в несколько сот шагов. Плотина была закончена, и колонистам казалось, что они проработали всего какой-нибудь час.

Еще несколько минут, и было бы поздно. Жидкая лава достигла подножия вала. Поток вздулся, словно река в паводок, стремящаяся выйти из берегов, и грозил снести единственное препятствие, которое мешало ему распространиться по всему району Дальнего Запада. Но плотина все же его сдержала. Прошло несколько томительных секунд, и лава низверглась с высоты двадцати футов в озеро Гранта. Колонисты стояли на месте и молча, затаив дыхание, наблюдали за борьбой двух стихий.

Какое ужасное зрелище — бой между водой и огнем! Чье перо опишет это сражение, столь страшное и вместе с тем прекрасное? Чья кисть сможет нарисовать его? Вода, шипя, испарялась при приближении лавы. Пар взлетал на воздух и клубился на неизмеримой высоте, как будто внезапно открылись клапаны огромного котла. Но сколько бы ни было воды в озере, она должна была в конце концов испариться, так как убыль воды не пополнялась, тогда как лава, источник которой был неисчерпаем, все время катила новые и новые пламенеющие волны.

Первые струи лавы, влившись в озеро, сейчас же застыли, и вскоре над водой образовалась гора. На поверхности ее громоздилась новая лава, которая тоже превратилась в поток камней, стремящихся к центру горы. Постепенно возникла отмель, угрожавшая заполнить все озеро. Вода не могла выйти из берегов, так как избыток ее тотчас же превращался в пар. В воздухе слышались оглушительное шипение и свист; пар, уносимый ветром, превращался в дождь и падал в море. Отмель становилась все длиннее, глыбы лавы громоздились друг на друга. Там, где еще недавно колыхались спокойные воды озера, появилась громадная куча дымящихся камней, словно зем-

ля приподнялась и вытолкнула из озера тысячи подводных утесов. Вообразите, что ураган возмутил воды реки, а затем они внезапно застыли на двадцатиградусном морозе, и вы сможете себе представить, каков был вид озера спустя три часа после того, как в него полились потоки лавы.

На этот раз огонь победил воду.

То обстоятельство, что лава устремилась в озеро Гранта, было благоприятно для колонистов. У них оказалось несколько дней передышки. Плато Дальнего Вида, Гранитный Дворец и кораблестроительная верфь были на время спасены. За эти дни нужно было обшить корабль и тщательно законопатить его. Затем он будет спущен на море, и колонисты перейдут на корабль, с тем, чтобы оснастить его на воде. Ввиду угрозы взрыва, несущего гибель острову, оставаться на земле было очень опасно. Стены Гранитного Дворца, этого когда-то столь надежного убежища, каждую минуту могли обрушиться.

В течение шести последующих дней — с 25 по 30 января — колонисты работали, не покладая рук. Они почти не отдыхали, так как свет пламени, извергаемого кратером, позволял им трудиться и днем и ночью. Лава продолжала литься, но, пожалуй, не столь обильно. Это было очень хорошо,

так как озеро Гранта почти совсем наполнилось, и если бы к прежней лаве прибавились новые вулканические вещества, они бы, несомненно, разлились по плато Дальнего Вида и по берегу близ Гранитного Дворца.

Но если эта часть острова была вне опасности, то южная оконечность его оставалась беззащитной.

В самом деле, второй поток лавы, устремившийся по долине ручья Водопада — это была широкая долина, понижающаяся с обеих сторон реки, — не встречал на своем пути никаких препятствий. Жидкое пламя разлилось по лесу Дальнего Запада. Деревья, совершенно засохшие от страшной жары, стоявшей все это время, моментально загорелись, и пожар вспыхнул одновременно наверху, в ветвях, и внизу, у корней. Сучья густо переплелись между собой, и огонь быстро распространялся. Казалось даже, что поток пламени бежит по верхушкам деревьев скорее, чем река лавы у их подножия.

Охваченные ужасом мирные и хищные обитатели леса — ягуары, кабаны, дикие свиньи, куланы и всякая пернатая дичь — искали спасения на берегах реки Благодарности и в болоте Казарок, по ту сторону гавани Воздушного Ша-

ра. Но колонисты были слишком заняты своим делом, чтобы обращать внимание на самых страшных зверей. Они даже покинули Гранитный Дворец и, не желая укрыться в Трубах, жили в палатке возле устья реки Благодарности.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет каждый день выходили на плато Дальнего Вида. Иногда их сопровождал Герберт. Что касается Пенкрофа, то он не хотел и смотреть на остров, подвергшийся почти полному разрушению.

Действительно, остров Линкольна представлял собой печальное зрелище. Вся лесистая часть его теперь обнажилась. Только несколько зеленых деревьев уцелело на краю Змеиного полуострова. Кое-где торчали почерневшие стволы с обломанными ветвями. Место, где прежде находился лес, было более пустынно, чем болото Казарок. Лава полностью уничтожила растительность. На месте великолепных лесов теперь в беспорядке громоздились вулканические туфы. По долине ручья Водопада и реки Благодарности не текло больше в море ни капли воды, и, если бы озеро Гранта полностью высохло, колонистам было бы нечем утолить жажду. Но, к счастью, его южная сторона не пострадала. Она превратилась в нечто вроде пруда, где находился весь запас питьевой

воды, имеющейся на острове. На северо-западе отчетливо и резко рисовались отроги вулкана, похожие на гигантскую когтистую лапу. Какое печальное зрелище! Какой страшный вид! Какое горе для колонистов, которые с плодородного острова, покрытого лесом, орошаемого водой и засеянного злаками, в одно мгновение как бы перенеслись на пустынную скалу! Не будь у них старых запасов пищи, им нечем было бы питаться.

— У меня сердце разрывается, — сказал как-то раз Гедеон Спилет.

— Да, Спилет, это печальное зрелище, — ответил инженер. — Только бы мы успели достроить корабль! Теперь это наша единственная надежда.

— Не кажется ли вам, Сайрес, что вулкан начинает успокаиваться? Он еще извергает лаву, но, если я не ошибаюсь, не так обильно.

— Это не имеет значения, — ответил Сайрес Смит. — В недрах горы продолжает бушевать огонь, и море может ворваться в вулкан с минуты на минуту. Мы находимся в положении пассажиров горящего корабля, которые не могут потушить пожар и знают, что огонь рано или поздно доберется до порохового погреба. Идем,

Спилет, идем, не будем терять ни часа!

Еще целую неделю, то есть до 7 февраля, лава продолжала изливаться, но не выходила из прежних пределов. Сайрес Смит больше всего боялся, что лава подойдет к берегу у Гранитного Дворца, и колонистам не удастся отстоять верфь. Вскоре они почувствовали в недрах острова содрогания, которые их крайне обеспокоили.

Было 20 февраля. До спуска корабля на воду предстояло работать еще месяц. Выдержит ли остров до тех пор? Пенкроф и Сайрес Смит намеревались спустить корабль, как только его остов станет непроницаемым. Настилку палубы и оснастку можно будет произвести потом. Для колонистов было важнее всего обеспечить себе надежное убежище вне острова. Быть может, придется даже отвести корабль в гавань Воздушного Шара, то есть возможно дальше от центра извержения. В устье реки Благодарности, между островом Спасения и гранитной стеной, судно могло быть раздавлено в случае разрушения острова. Поэтому колонисты всячески старались как можно скорее закончить остов корабля.

Наступило 3 марта. Можно было рассчитывать, что спуск корабля на воду произойдет дней через десять.

Надежда вернулась в сердца колонистов, которым пришлось выдержать столько испытаний в четвертый год пребывания на острове Линкольна. Даже Пенкрофа как будто покинула мрачность, охватившая его после гибели и разрушения его владений. Правда, он ни о чем не мог думать, кроме корабля, на котором сосредоточились все его надежды.

— Мы его достроим, мистер Сайрес, мы обязательно достроим его! — говорил моряк. — Пора, пора, время идет, и скоро наступит равноденствие. Если понадобится, мы пристанем к острову Табор и проведем там зиму. Но что такое остров Табор после острова Линкольна? Горе мне! Мог ли я думать, что когда-нибудь увижу нечто подобное!

— Надо спешить! — неизменно отвечал инженер. Колонисты работали, не теряя ни минуты.

— Хозяин, — спросил Наб несколько дней спустя, — как вы думаете, случилось бы все это, если бы капитан Немо был жив?

— Да, Наб, — ответил Сайрес Смит.

— Ну, а я думаю, что нет, — шепнул Пенкроф на ухо негру.

— И я тоже, — серьезно отвечал Наб.

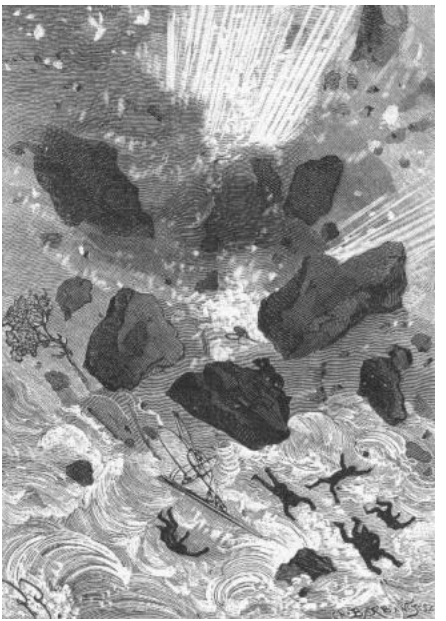
В первую неделю марта гора Франклина снова

приняла грозный вид. Тысячи стеклянных нитей, образовавшихся из жидкой лавы, дождем падали на землю. Кратер вновь наполнился вулканическими веществами, которые изливались по всем склонам вулкана. Потоки их устремились по затвердевшим туфам и окончательно сожгли тощие скелеты деревьев, уцелевших после первого извержения. На этот раз река лавы потекла вдоль юго-западного берега озера Гранта, миновала Глицериновый ручей и залила плато Дальнего Вида. Это последнее бедствие окончательно погубило все труды колонистов. Мельница, постройки на птичнике, конюшни исчезли без следа. Испуганные птицы разлетелись во все стороны. Топ и Юп по-своему выражали охвативший их великий ужас: инстинкт предупреждал их, что близится катастрофа. Большинство животных, населявших остров, погибли при первом извержении. Уцелевшие звери могли найти спасение только на болоте Казарок; лишь немногие из них укрылись на плато Дальнего Вида, но теперь и это последнее убежище было у них отнято.

Потоки лавы перелились через стену, и огненная река устремилась на берег у Гранитного Дворца. Это было неописуемо страшное зрелище. Ночью казалось, что низвергается настоящая

Ниагара из расплавленного чугуна: сверху — огненные пары, снизу — кипящая лава.

Колонистам некуда было больше отступать. Хотя верхние швы корабля еще не были законопачены, наши герои решили спустить его на воду.



Пенкроф и Айртон начали готовиться к спуску, который должен был состояться на следующий день, 9 марта.

Но в ночь на 9-е из кратера под грохот оглушительных взрывов поднялся огромный столб дыма, больше трех тысяч футов высоты. Стена Пещеры Даккара, очевидно, не выдержала давления газов, и море, проникнув через центральный очаг в огнедышащую пропасть, превратилось в пар. Кратер не давал этой массе пара достаточно просторного выхода. Взрыв, который мог быть услышан на расстоянии ста миль, потряс воздух. Гора Франклина разлетелась на куски и обрушилась в море. Через несколько минут волны Тихого океана покрывали то место, где был остров Линкольна.

ГЛАВА XX

Одинокая скала в Тихом океане. — Последнее убежище обитателей острова Линкольна. — Впереди смерть. — Неожиданное спасение. — Как и почему оно пришло. — Последнее благодеяние. — Остров среди материка. — Могила капитана Немо.

Одинокая скала длиной в тридцать и шириной в пятнадцать футов, выступающая из воды не больше чем на десять футов, — таково было единственное место на острове, которое пощадили волны океана.

Вот все, что осталось от массива Гранитного Дворца! Стена сначала была опрокинута, потом развалилась. Несколько скал, нагроможденных друг на друга, образовали этот утес, торчавший из воды. Все вокруг него скрылось в бездне: нижний конус горы Франклина, разлетевшейся от взрыва, челюсти залива Акулы, плато Дальнего Вида, остров Спасения, гранитные скалы гавани Воздушного Шара, базальтовые стены Пещеры Даккара и даже длинный Змеиный полуостров, столь удаленный от центра извержения. От ост-

рова Линкольна уцелел только этот узкий утес, служивший теперь убежищем для шести уцелевших колонистов и их собаки Топа.

Животные тоже погибли во время катастрофы. Птицы, как и другие представители фауны острова, были раздавлены или утонули. Даже бедняга Юп, и тот, увы, встретил смерть, провалившись в какую-то пропасть.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, Наб и Айртон спаслись только потому, что, находясь в палатке, были сброшены в море, когда остров раскололся на части.

Выбравшись на поверхность воды, они увидели невдалеке от себя нагромоздившиеся скалы, подплыли к ним и вскарабкались на утес.

На этом утесе и жили они теперь вот уже девять дней. Скудные припасы, захваченные из Гранитного Дворца, немного дождевой воды в углублениях скал — вот все, что осталось у этих несчастных. Корабль, их последняя надежда, был разбит. У них не было никакой возможности покинуть утес. Не имея огня, они не могли ниоткуда и добыть его. Неминуемая гибель ожидала их.

18 марта у колонистов осталось провизии всего на двое суток, хотя они расходовали ее более чем экономно. Вся их наука, вся их изобретательность

были теперь ни к чему. Они всецело зависели от судьбы.

Сайрес Смит был спокоен. Гедеон Спилет, более нервный, и Пенкроф, охваченный глухой яростью, расхаживали взад и вперед. Герберт ни на минуту не покидал инженера и смотрел на него, словно прося помощи, которой Сайрес Смит не мог оказать. Наб и Айртон покорно ждали конца.

— Господи, господи, — часто повторял Пенкроф, — если бы мы могли хоть в ореховой скорлупе добраться до острова Табор! Но у нас ничего нет, ничего!

— Капитан Немо вовремя умер, — сказал однажды Наб.

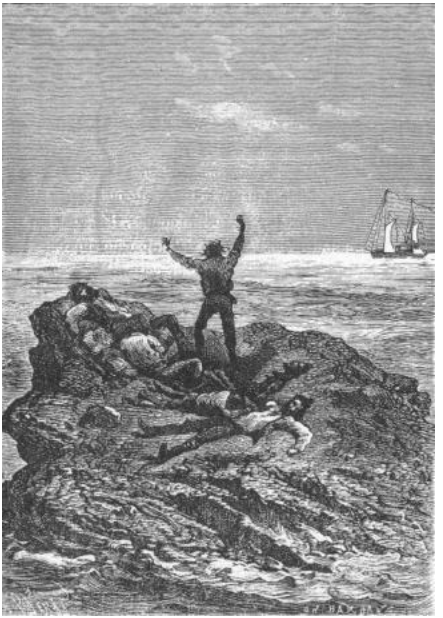
Прошло еще пять дней. Сайрес Смит и его товарищи соблюдали строжайшую экономию и ели ровно столько, сколько нужно было, чтобы не умереть с голоду. Все очень ослабели. Герберт и Наб иногда начинали бредить.

Оставалась ли у колонистов хоть тень надежды? Нет! На что они могли рассчитывать? Что в виду скалы покажется корабль? Но им по опыту было прекрасно известно, что корабли никогда не заходят в эту часть Тихого океана. Можно ли было ожидать, что, по велению судьбы, яхта Гленарвана именно теперь вернется на остров Табор

за Айртоном? Это было маловероятно. К тому же если бы «Дункан» даже и вернулся на остров Табор, то командир яхты после безрезультатных поисков снова ушел бы в море и направился бы к более низким широтам. Ведь колонисты не успели доставить на остров Табор записку с указанием нового местопребывания Айртона.

Нет, у них не могло быть больше никаких надежд на спасение. Их ожидала страшная смерть на скале — смерть от голода и жажды.

Они лежали на этой скале бессильные, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг. Только Айртон, напрягая все силы, время от времени поднимал голову и взором, полным отчаяния, смотрел на пустынное море.



Вдруг днем 24 марта Айртон протянул руки к морю. Он встал на колени, потом поднялся на ноги, пытаясь подать рукой сигнал.

В виду острова был корабль. Этот корабль проходил здесь не случайно. Утес служил для него определенной целью, и корабль на всех парах направлялся в его сторону. Колонисты, будь они в силах наблюдать за горизонтом, могли бы заметить этот корабль уже несколько часов назад.

— «Дункан»! — успел прошептать Айртон и упал на землю без движения.

Когда Сайрес Смит и его товарищи пришли в себя, они увидели, что находятся в каюте парохода. Никто из них не понимал, как им удалось избежать смерти. Но одного слова Айртона было достаточно, чтобы разъяснить это.

— «Дункан»! — прошептал он.

— «Дункан»! — повторил Сайрес Смит.

Действительно, они находились на яхте Гленарвана, которой командовал в то время Роберт Грант. «Дункан» направился к острову Табор, чтобы взять на борт Айртона и отвезти его на родину после двенадцатилетнего изгнания.

Колонисты были спасены. Они все возвращались домой.

— Капитан Роберт, — спросил Сайрес Смит, — почему вы решили, не найдя Айртона на острове Табор, пройти еще сто миль к северо-востоку?

— Мистер Смит, мы шли не только за Айртоном, но и за всеми вами, — ответил Роберт Грант.

— За всеми нами?

— Да, конечно, на остров Линкольна.

— На остров Линкольна? — хором вскричали Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, удивленные до последней степени.

— Откуда вы знаете о существовании острова Линкольна? Ведь этот остров не обозначен даже на картах, — спросил Сайрес Смит.

— Из записки, которую вы оставили на острове Табор, — ответил Роберт Грант.

— Из записки? — вскричал Гедеон Спилет.

— Ну да, вот она, — сказал Роберт Грант и протянул журналисту листок бумаги, на котором были обозначены широта и долгота острова Линкольна, — «где находятся в настоящее время Айртон и еще пятеро потерпевших крушение».

— Капитан Немо! — произнес Сайрес Смит, прочитав записку и убедившись, что она написана той же рукой, что и документ, найденный в корале.

— Так, значит, это он взял наш «Бонавентур» и отважился пойти на остров Табор один? — вскричал Пенкроф.

— И оставил там эту записку, — подхватил Герберт.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит глубоко взволнованным голосом. — Будем всегда помнить капитана Немо, спасшего нас.

При последних словах инженера его товарищи обнажили головы, повторяя шепотом имя капитана Немо.

В эту минуту Айртон подошел к инженеру и спросил его очень просто:

— Куда поставить эту шкатулку?

В руках у Айртона была шкатулка, которую он спас, рискуя жизнью, когда остров обрушился в море. Теперь он честно возвращал ее инженеру.

— Айртон, Айртон! — воскликнул глубоко растроганный Сайрес Смит. — Сударь, — обратился он к Роберту Гранту, — тот, кто был когда-то преступником, искупил свою вину и снова стал честным человеком. Я горжусь тем, что могу пожать ему руку.

После этого Роберту Гранту рассказали необычайную историю капитана Немо и обитателей острова Линкольна. Затем, отметив координаты утеса, который отныне должен был быть нанесен на карту Тихого океана, Роберт Грант приказал отправляться в обратный путь.

Две недели спустя колонисты высадились в Америке.

Большая часть состояния, заключавшегося в шкатулке, которую капитан Немо завещал обитателям острова Линкольна, была истрачена на покупку обширного участка земли в штате Айова. Самую крупную жемчужину из этого сокровища преподнесли жене Гленарвана в подарок от

бывших колонистов, возвращенных на родину «Дунканом».

В своем хозяйстве Сайрес Смит и его товарищи предложили работу, то есть довольство и счастье, всем тем, кого они думали поселить на острове Линкольна. На этом участке земли возникла колония, названная именем острова, погибшего в волнах Тихого океана. Там была река Благодарности, гора, которую назвали горой Франклина, маленькое озеро — озеро Гранта — и леса, названные лесами Дальнего Запада. Получился как бы остров посреди материка.

Под умелым руководством инженера и его товарищей колония процветала. Все обитатели острова Линкольна, без исключения, находились в этой колонии: они поклялись никогда не расставаться. Наб не покинул своего хозяина, Айртон был всегда готов пожертвовать собой, Пенкроф стал больше земледельцем, чем моряком, Герберт закончил курс наук под руководством инженера, а Гедеон Спилет даже основал газету «Нью-Линкольн Геральд» — самый осведомленный печатный орган на земном шаре.

Сайреса Смита и его друзей несколько раз посещали Гленарван и его жена, капитан Джон Мангле со своей женой — сестрой Роберта Гранта,

сам Роберт Грант, майор Мак-Наббс и все те, кто имел отношение к истории капитана Гранта и капитана Немо.

Все были счастливы в новой колонии и жили так дружно, как прежде. Но никогда не забывали они остров, который принял их, одиноких и бедных, и четыре года удовлетворял все их нужды, остров, от которого осталась только гранитная скала, омываемая волнами Тихого океана, — могила того, кто был капитаном Немо.